

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

6N1

25

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакціей Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанскаго

Выпускъ III—IV

ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ *v. 11*

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія князя В. П. Мещерскаго. Спасская ул., № 27

1901

GNI
25
v. 11
no. 3-4

Печатано по распоряженію Совѣта Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Оглавление 44 выпусковъ «Живой Старины» за одиннадцать лѣтъ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

Выпускъ I.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
1. Предложеніе нѣсколькихъ членовъ въ Отдѣленіи этнографіи И. Р. Г. О. объ изданіи журнала «Живая Старина»	III
2. Списокъ членовъ И. Р. Г. О. и нѣкоторыхъ постороннихъ лицъ, изъявившихъ желаніе подписаться на журналъ «Живая Старина»	V
3. Объявленіе о подпискѣ на журналъ «Живая Старина»	IX
4. Отъ Редактора	XI
5. Программа И. Р. Г. О. для собранія свѣдѣній по этнографіи	XLVII
6. Памяти Проф. И. П. Минаева (1840—1890). Лекція въ И. Спб. Университетѣ Док. С. Ѳ. Олденбурга	LIII

О т д ѣ л ь I.

Исслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Пѣсни о князѣ Михаилѣ II. Н. Жоанова	1
2. Полушѣрцы Псково-Печерскаго края. Ю. Трусмана	31
3. Три года въ Якутской области (этнограф. очерки). В. Л. Приклонскаго	63
4. Путевыя письма и замѣтки П. П. Срезневскаго о Сербо-Лужичанахъ	84
5. Старое и новое. П. Савицкова	103

	Стр.
6. Повѣрья крестьянъ Тамбовской губ. (очеркъ). Б. Бондаренка	151
7. Замѣтки о литовской свадьбѣ. Я. Рисова	122
8. Къ видѣнію Амфилога. А. Н. Вессловскаго	124
9. Груша и Дуня. А. И. Соболевскаго	126
10. Декамеронъ Х. З. А. Н. Вессловскаго	128
11. Къ исторіи народныхъ праздниковъ въ Великой Руси	130

О т д ѣ л ь II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Три былины изъ стариннаго рукописнаго сборника. Л. Н. Майкова	1
2. Пѣсни крестьянъ села Молодова, Гродненской губ., Кобринскаго уѣзда. Г-жи Саковичъ	5
3. Катрушинскій лемезень (услонный языкъ шерстобитовъ М. Дрибина). Е. Романова	9
4. Лопарскія сказки, легенды и сказанія, записанныя въ Пазрѣшскомъ погостѣ, пограничномъ съ Норвегіей. Священ. Щеколдина	17
5. Якутскія загадки. (Прилож. къ этнограф. очерку «Три года въ Якутской области»).	26
6. Якутская пѣсня о водкѣ	30
7. О народныхъ забавахъ въ Москвѣ, въ другихъ городахъ и мѣстахъ въ Духовъ день	34

О т д ѣ л ь III.

Критика и библиография.

1. Пешель, О. Народовѣдѣніе.—
2. Пыпинъ, А. Исторія русской этнографіи.—3. O Schraeder. Sprachvergleichnung und Urgeschichte.—4. P. v. Braadke Ueber Methode und Ergebnisse der arischen Alterthumwissenschaft.—5. Beske, M. П. Славяно-финскія культурныя отношенія по даннымъ языка.—6. Труды 7-го Археологическаго съѣзда въ Ярославѣ 1887 г.—7. Этнографическое обозрѣніе.—8. Смирновъ, Вотяки. Историко-этнографическій очеркъ.—9. Историческая записка о дѣятельности П. М. Арх. Общ. за первый 25 л.—10. Латкинъ. Красноярскаго округа. Енис. губ., очеркъ.—11. Майковъ. Матеріалы и изслѣдованія по старинной русской литературѣ.—12. Чтеніе въ историческомъ Общ. Нестора Лѣтописца.—13. Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія сѣверо-западнаго края.—14. А. Сануновъ. Двинскіе или Борисовы камни.—15. В. Науменко. Обзоръ фонетическихъ особенностей малорусской рѣчи.—16. Ждановъ. Пѣсни о князѣ Романѣ.—17. Луньякъ, И. И. О происхожденіи имени Чехъ, Лехъ, Русь и Славяне.—18. Gorsecic. Makedonien und Alt-Serbien.—19. Vjestnik Hrvatsko-Arkeologičkoga Društva.—20. Свадебные обычаи у Бѣлыхъ Краинцевъ.—21. Словаки въ Бачекѣ и Срѣмской столицахъ.—22. Wiśta T. IV.—23. Обзоръ трудовъ по Литовской этнографіи (1879—1890). Чл. С. Б. А. *Вольтра* 1—42

О т д ѣ л ь VI.

Смѣсь.

1. Дѣтскія игры. К. М. Петрова и Г. Е. Рѣпникова.—
2. Tausen. — Корча, или Вихорь. *И. Кузнецова*. — 3. Ловля снѣжка тагасомъ въ Бѣломъ озерѣ. *Я. Лейцингера*. —
4. Описаніе игры Литов-

скихъ пастуховъ подъ назван. «Калуге». Арминайтиса. — Литовскія повѣрья: *М. Гилиса*.—6. Некрологи *М. П. Веске*. — 7. О. Кольбергъ. — 8. Д-ръ Пфуль. — 9. С. П. *Милукиій*. 1—24

Выпускъ II.

1. Списокъ членовъ И. Р. Г. О. и нѣкоторыхъ постороннихъ лицъ изъявившихъ желаніе подписаться на журналъ «Живая Старина». I—IV

О т д ѣ л ь I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Пѣсня о князѣ Михаилѣ. *И. Н. Жданова* 1
2. Три года въ Якутской области (этнографич. очерки) *В. Л. Приклонскаго* 24
3. Сербо-Лужицкіи народный календарь. (Изъ бумагъ И. И. Срезневскаго) 55
4. Сербо-Лужицкіи народныя повѣрья. (Изъ бумагъ И. П. Срезневскаго) 57
5. Умиреніе крови въ Грѣбѣ, въ южно-Адриатическомъ Приморьѣ 27-го августа 1890 г. (Наблюденія и разсужденія очевидца) *И. А. Ровинскаго* 63
6. Мариупольскіе Греки. *Ө. А. Брауна* 78
7. Замѣтки о собственнхъ именахъ въ Велико-русскихъ былинахъ. *А. И. Соболевскаго* 93
8. Письма И. И. Прейса къ М. С. Куторѣ, И. П. Срезневскому, П. О. Шафарыку, Куршату и др. (1836—1846). Съ предисловіемъ *В. Н. Ламинскаго*. 108
9. Отчего канунъ Иванова дня (23 июня) назыв. купальницею и считается днемъ урочнымъ? *М. И. Соколова*. 137
10. Огонь на свадьбѣ. 138

О т д ѣ л ь II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Велико-русскія народныя легенды. Сообщ. *Ив. Мамакинымъ*. 139

2. Пѣсни крестьянъ села Молодова, Гродненск. губ., Кобринскаго уѣзда. Сообщ. Г-жею <i>М. А. Саковичъ</i>	141
3. Болгарскія народныя пѣсни. (Изъ Прилѣпа)	147
4. Болгарскія народныя сказки. (Изъ Прилѣпа)	154
5. Лопарскія сказки, легенды и сказанія, записанныя въ Пазрѣцкомъ погостѣ, пограничномъ съ Норвегійей. Св. <i>Щеколдина</i>	158
6. Якутскія народныя повѣрья и сказки. Сообщ. В. Л. <i>Приклонскимъ</i>	169

О т д ѣ л ь III.

Критика и библиографія.

1. Обзоръ трудовъ по Литовской этнографіи (1879—1889). Чл. соотр. Э. А. Вольтера.—2. Этнографическое обозрѣніе. Н. В.—3. А. Павловъ. Незданный памятникъ русскаго церковнаго права XII вѣка. Н. Волкова.—4. Максимовъ, С. В. Крылатыя слова. Не спроста, не спуста слово молвится и до вѣку не сломится. А. С.—скаго.—5. Miklosich, Franz. Die Darstellung in slavischen Volksepos. А. С.—скаго.—6. «Мелюзина» (Melusine), периодическій сборникъ миеологии, народной литературы, преданій и обычаевъ Э. Б.—7. Bibliografia litowska od roku 1547 do 1701 г. przedstawil Mauryku Stankiewicz (Литовская библиографія съ 1547 по 1701 г., представилъ Маврикій Станкевичъ). Б—са. 8. Darmstetter. James. Chants populaires des Afghans, recueillis par С. О.—9. Geiger. W. Das Jatkari Zariran und sein Verhältniss zum Schach name. С. О.—10. Das Ausland Wochenschrift für Erd-und Völkerkunde. Д. К.—скаго. 11. Fr. Krauss, dr. Volksglaube und religiöser Brauch der Südslaven. А. Л.—12. Легенда о св. Алексѣ въ сирійской и славяно-русской редакціяхъ его житія. А. Пономарева.—13. Narodne pesni koroških Slovencev. Zbral in na sveto dal I. Scheinig. С. К. Gynn. prof. v. Celovci. Ю. Поливки.—14. В. Томашекъ. Разборъ древнѣйшихъ извѣстій о скинскомъ сѣверѣ. А. К. Васильева.—15. Извѣстія Восточно-Сибирскаго Отдѣла И. Р. Г. О. подъ редак-	
---	--

цією правителя дѣль Ир. П—на.—16. Записки Восточно-Сибирскаго Отдѣла И. Р. Г. О. Томъ второй, вып. 2 и 3 (подъ редакціей правителя дѣль) Ир. П—на. 17. Пыпинъ, А. И. Исторія Русской этнографіи. Т. II. Общей обзоръ изученій народности и этнографія великорусской. В. <i>Ламанскаго</i>	233
---	-----

О т д ѣ л ь IV.

1. Вопросы и отвѣты.	234
------------------------------	-----

О т д ѣ л ь V.

Смѣсь.

1. Журналъ Засѣданія Отдѣленія Этнографіи 12-го октября 1890 г. Объявленія	1
--	---

Выпускъ III.

Списокъ членовъ И. Р. Г. О. и нѣкоторыхъ постороннихъ лицъ, изъявившихъ желаніе подписаться на журналъ «Живая Старина».	1
---	---

О т д ѣ л ь I.

Исслѣдованія, наблюденія и разсужденія.

1. Письма П. И. Прейса къ М. С. Куторгѣ, И. И. Срезневскому, П. О. Шафарыку, Куршату и др. (1836—1846)	3
2. Три года въ Якутской области. (Этнографическіе очерки) <i>В. Л. Приклонскаго</i>	48
3. Стародавняя жизнь Остяковъ и ихъ богатыри по былинамъ и сказаніямъ. <i>С. К. Натканова</i>	85
4. Этимологическія замѣтки. <i>А. А. Потебни</i>	117
5. Отрывокъ былинъ изъ Сибирской лѣтописи. <i>Л. Н. Майкова</i>	129

О т д ѣ л ь II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Ермакъ взялъ Сибирь (пѣсня).	133
2. Заговоры Донскихъ казаковъ. Сообщ. <i>Л. Н. Майковымъ</i>	135
3. Свадебный обрядъ въ Угорской Руси	137

Стр.

О т д ѣ л њ III.

Критика и библиографія.

1. Пешель, О. Народовѣдѣніе.—
2. Пыпинъ, А. Исторія русской этнографіи.—3. O Schragder. Sprachvergleichnug und Urgeschichte.—4. P. v. Braadke Ueber Methode und Ergebnisse der arischen Alterthumwissenschaft.—5. Веcke, М. П. Славяно-финскія культурныя отношенія по даннымъ языка.—6. Труды 7-го Археологическаго съѣзда въ Ярославлѣ 1887 г.—7. Этнографическое обозрѣніе.—8. Смирновъ. Вотяки. Историко-этнографическій очеркъ.—9. Историческая записка о дѣятельности И. М. Арх. Общ. за первые 25 л.—10. Латкинъ. Красноярскій округъ Енис. губ., очеркъ.—11. Майковъ. Матеріалы и изслѣдованія по старинной русской литературѣ.—12. Чтеніе въ историческомъ Общ. Нестора Летописца.—13. Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія сѣверо-западнаго края.—14 А. Сапуновъ. Двинскіе или Борисовы камни.—15. В. Науменко. Обзоръ фонетическихъ особенностей малорусской рѣчи.—16. Ждановъ. Пѣсни о князѣ Романѣ.—17. Луньякъ, И. И. О происхожденіи именъ Чехъ, Лехъ, Русь и Славяне.—18. Gorsecvic. Makedonien und Alt-Serbien.—19. Viestnik Hrvatsko-Arkeologičkoga Društva.—20. Свадебные обычаи у Бѣлыхъ Краинцевъ.—21. Словаки въ Бачекѣ и Срѣмскѣй столицахъ.—22. Wiśła T. IV.—23. Обзоръ трудовъ по Литовской этнографіи (1879—1890). Чл. С. Э. А. *Вольтера* 1—42

О т д ѣ л њ VI.

Смѣсь.

1. Дѣтскія игры. К. М. Петрова и Т. Е. Рѣпникова.—
2. Таулен. — Корча, или Вихорь. *Н. Кузнецова*. — 3. Довля снятка тагасомъ въ Бѣломъ озерѣ. *Я. Лейцигера*. —
4. Описаніе игры Литов-

Стр.

- скихъ пастуховъ подъ назван. «Калуте». Арминайтиса. — Литовскія повѣрья: *М. Гилиса*. — 6. Некрологи *М. П. Веcke*. — 7. О. Кольбергъ. — 8. Д-ръ Пфуль. — 9. *С. П. Мичукинъ*. 1—24

Выпускъ II.

1. Списокъ членовъ И. Р. Г. О. и нѣкоторыхъ постороннихъ лицъ изъявившихъ желаніе подписаться на журналъ «Живая Старина». I—IV

О т д ѣ л њ I.

Исслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Пѣсня о князѣ Михаилѣ II. *Н. Жаанова* 1
2. Три года въ Якутской области (этнографич. очерки) *В. Л. Приклонскаго* 24
3. Сербо-Лужицкій народный календарь. (Изъ бумагъ И. И. Срезневскаго) 55
4. Сербо-Лужицкія народныя повѣрья. (Изъ бумагъ И. И. Срезневскаго) 57
5. Умиренье крови въ Грбѣ, въ южно-Адриатическомъ Приморьѣ 27-го августа 1890 г. (Наблюденія и разсужденія очевидца) *П. А. Ровинскаго*. 63
6. Мариупольскіе Греки. *Θ. А. Брауна* 78
7. Замѣтки о собственныхъ именахъ въ Велико-русскихъ былинахъ. *А. И. Соболевскаго* 93
8. Письма И. И. Прейса къ М. С. Куторгѣ, И. И. Срезневскому, П. О. Шафарыку, Куршату и др. (1836—1846). Съ предисловіемъ *В. П. Ламанскаго*. 108
9. Отчего канути Иванова дня (23 іюня) назыв. купальницею и считается днемъ урочнымъ? *М. И. Соколова*. 137
10. Опонь на свадьбѣ. 138

О т д ѣ л њ II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Великоорусскія народныя легенды. Сообщ. *Ив. Мамакинъ*. 139

2. Пѣсни крестьянъ села Молодова, Гродненск. губ., Кобринскаго уѣзда. Сообщ. Г-жею <i>М. А. Саковичъ</i> .	141
3. Болгарскія народныя пѣсни. (Изъ Прилѣпа)	147
4. Болгарскія народныя сказки. (Изъ Прилѣпа)	154
5. Лопарскія сказки, легенды и сказанія, записанныя въ Пазрѣпкомъ погостѣ, пограничномъ съ Норвегійей. Св. <i>Шекольдина</i>	158
6. Якутскія народныя повѣрья и сказки. Сообщ. В. Л. <i>Приклонскимъ</i>	169

О т д ѣ л ь III.

Критика и библиографія.

1. Обзоръ трудовъ по Литовской этнографіи (1879—1889). Чл. соотр. Э. А. Вольтера.—2. Этнографическое обозрѣніе. Н. В.—3. А. Павловъ. Незданный памятникъ русскаго церковнаго права XII вѣка. Н. Волкова.—4. Максимовъ, С. В. Крылатыя слова. Не проста, не пусто слово молвится и до вѣку не сломится. А. С.—скаго.—5. Miklosich. Franz. Die Darstellung in slavischen Volksepos. А. С.—скаго.—6. Мелюзина: (Melusine), периодическій сборникъ мѣологии, народной литературы, преданій и обычаевъ. Э. Б.—7. Bibliografia litowska od roku 1547 do 1701 r. przedstawił Mauryku Stankiewicz (Литовская библиографія съ 1547 по 1701 г., представилъ Маврикій Станкевичъ). Б.—са. S. Darmstadter. James. Chants populaires des Afghans, recueillis par C. O.—9. Geiger. W. Das Jatkari Zariran und sein Verhältniss zum Schach name. С. O.—10. Das Ausland Wochenschrift für Erd-und Völkerkunde. Д. К.—скаго. 11. Fr. Klaus. dr. Volksglaube und religiöser Brauch der Südslaven. А. Л.—12. Легенда о св. Алексѣѣ въ сирійской и славяно-русской редакціяхъ его житія. А. Пономарева.—13. Narodne pesni koroških Slovencev. Zbral in na svetlo dal I. Scheinig. С. К. Gynn. prof. v. Celovci. Ю. Полявки.—14. В. Томашекъ. Разборъ древѣйшихъ извѣстій о скинскомъ сѣверѣ. А. К. Васильева.—15. Извѣстія Восточно-Сибирскаго Отдѣла Н. Р. Г. О. подъ редак-	
---	--

цією правителя дѣлъ Нр. II—на.—16. Записки Восточно-Сибирскаго Отдѣла Н. Р. Г. О. Томъ второй, вып. 2 и 3 (подъ редакціей правителя дѣлъ) Нр. II—на. 17. Шыпиль, А. И. Исторія Русской этнографіи. Т. II. Общій обзоръ изученій народности и этнографія великорусской. В. Ламанскаго.	233
---	-----

О т д ѣ л ь IV.

1. Вопросы и отвѣты.	234
----------------------	-----

О т д ѣ л ь V.

Смѣсь.

1. Журналъ Засѣданія Отдѣленія Этнографіи 12-го октября 1890 г. Объявленія	1
--	---

Выпускъ III.

Списокъ членовъ Н. Р. Г. О. и нѣкоторыхъ постороннихъ лицъ, изъявившихъ желаніе подписаться на журналъ Живая Старина	1
--	---

О т д ѣ л ь I.

Исслѣдованія, наблюденія и разсужденія.

1. Письма Н. Н. Преяса къ М. С. Курортъ, Н. И. Среншескому, П. О. Шафарыку, Куршату и др. (1836—1846)	8
2. Три года въ Якутской области. (Этнографическія очерки) В. Л. Приклонскаго	45
3. Стародавняя жизнь Остяковъ и ихъ бѣлуги по былинкамъ и сказаніямъ. С. К. Пономарева	75
4. Этнико-географическія замѣтки А. Пономарева	107
5. Странная бѣда изъ Сибири въ 1890 г. Ж. П. Мамонтова	125

О т д ѣ л ь II.

Памятники науки и культуры
Самонинскія

1. Извѣстія о Сибирскихъ этнографическихъ экспедиціяхъ	133
2. Записка о Сибирскихъ этнографическихъ экспедиціяхъ	135
3. Сказанія о Сибирскихъ этнографическихъ экспедиціяхъ	137

4. Болгарскія народныя пѣсни. (Изъ Прилѣпа)	157
5. Пересказы нѣкоторыхъ неизданныхъ Джатакъ Палийскаго канона. (Изъ бумагъ покойнаго И. П. Минаева).	161
6. Якутскія народныя сказки. Сообщ. В. Л. Приклонскимъ.	165

О т д ѣ л ь III.

Критика и библиографія.

1. Н. М. Лопатинъ и В. П. Прокувнинъ. Сборникъ русскихъ народныхъ лирическихъ пѣсень. С. Булича.—2. Шемякинъ судъ. С. Ольденбурга. 3. Библиографическій указатель изслѣдованій и наблюдений по польской диалектологии. И. Лося.—4. Narodne pripoviesti u Varazdinu i okolici. Ю. Поливки.—5. Сумповъ, Н. Ф. Культурныя переживанія. А. С.—скаго.—6. Этнографическое обозрѣніе. И. В.—7. А. С. Лаппо-Данилевскій. Поверстная и указная книга Ямскаго приказа.—8. Матеріалы для исторіи Воронежской и сосѣднихъ губерній.—9. Воронежскія писцовыя книги.—10. Гласникъ земальскаго музея у Боснии и Херцеговины и проч.	180
--	-----

О т д ѣ л ь IV.

Вопросы и отвѣты.

1. Письмо изъ Кадникова (Вологодск. губ.) А. Иванецкаго.—2. О музеѣ въ Тобольскѣ. Газетвника.—3. Изъ Подольской губ.—4. Изъ Тульской губ. священ. П. Сахарова.—5. О псковскомъ говорѣ. И. Евсеѣва.—6. Говоръ крестьянъ Моринчельскаго прихода, Великолудскаго уѣзда, Псковской губерніи. М. Успенскаго.	193
---	-----

О т д ѣ л ь V.

Смѣсь.

1. Урочные посты. М. И. Соколова. 2. Русская гигиена XVI вѣка. М. И. Соколова.—3. Примѣты по днямъ луны (Луныякъ). М. И. Соколова.—4. Народныя дѣтскія игры. И. Мамакина.—5. Слѣды древнихъ вѣрованій въ народномъ иконопочитаніи. А. Балова.—6. Праздникъ «Рипей».—7. Спо-

собъ глѣченія отъ глаза. С. Брайловскаго.—8. Похоронный обрядъ у Латышей въ 40-хъ годахъ. И. Спрогиса.—9. Замѣтки о Русскихъ и Калмыкахъ. Соснина.—10. Извѣстія о Болгаріи 1835 г. (Изъ бумагъ П. И. Прейса.—11. Монгольскія легенды о монастырѣ Эрдени—Цзу. Г. Н. Потанина.—12. Прусскіе Нѣмцы и Суданскіе Габери «на дубахъ». В. И. Ламанскаго.—13. «Бѣлая Русь». В. И. Ламанскаго.—14. Францъ Миклошичъ. В. И. Ламанскаго.—15. Слово проф. И. В. Ягича о Миклошичѣ съ замѣчаніемъ проф. В. И. Ламанскаго.—16. Въ Нео-филологическомъ обществѣ.—17. Журналъ Засѣданія Отдѣленія Этнографіи 28 ноября 1890 г.—18. Журналъ Засѣданія Отдѣленія Этнографіи 21 декабря 1890 г.—19. Записки по Отдѣленію Этнографіи Имп. Русск. Геогр. Общества.—20. Содержаніе первыхъ трехъ выпусковъ «Живой Старины» 213—268	Стр.
--	------

Выпускъ IV.

Списокъ членовъ И. Р. Г. О. и нѣкоторыхъ постороннихъ лицъ, изъявившихъ желаніе подписаться на журналъ «Живая Старина».

О т д ѣ л ь I.

Ислѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Письма П. И. Прейса къ М. С. Куторгѣ, И. И. Срезневскому, П. О. Шафарыку, Куршату и др. (1846—1856)	3—42
2. Три года въ Якутской области. (Этнографическіе очерки) В. Л. Приклонскаго.	43—66
3. Стародавняя жизнь Остяковъ и ихъ богатыри по былинамъ и сказаніямъ. С. К. Патканова.	67—108
4. Мусульманство Рустема Достановича. В. А. Жуковскаго.	109—117

О т д ѣ л ь II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Пересказы нѣкоторыхъ неизданныхъ Джатакъ Палийскаго канона. (Изъ бумагъ покойнаго И. П. Минаева)	118—121
---	---------

	Стр.
2. Угро-русские заговоры и заклинания начала XVIII в. Сообщ. А. Л. Петрова съ замѣчаніемъ О. А. Петрушевича.	122—130
3. Свадебный обрядъ въ Угорской Руси. (Окончаніе)	131—138
4. Якутскія народныя сказки. Сообщ. В. Л. Приклонскимъ	139—148
5. Лиса и волкъ въ западѣ (изъ армянской книжной сказочной литературы). Н. Н. Марра.	149—155
6. Оотрывки изъ Киргизскаго сказанія о Идыге, изъ записокъ Ч. Валиханова, сообщ. Г. Н. Потанина	156—163

ОТДѢЛЪ III.

Критика и библиографія.

1. Отъ редактора (съ нѣсколькими письмами П. О. Шафарика И. И. Срезневскому.	164—174
2. Рецензія И. И. Срезневскаго на книгу Шафарика Slovanšký Národopis	174—187
3. Шапкаревъ. Сборникъ отъ болгарски народни умотворенія. Часть прва К. Я. Г.	187—191
4. Zibrť, C. Dr. Listy z českých dějin kulturních. Прага 1891. Іос. Караска	191—195
5. Комаровъ. Новая збирка малорусскихъ приказокъ. Одесса. 1890 г. Арк. Л-нка.	195—196
6. Замѣтки В. И. Григоровича о нарѣчіяхъ и говорахъ болгарскихъ	196—197
7. Vgrėević Narodne pripovjesti iz života po Boki Kotorskoj. Hercegovini i Crnoj Gori. А. Л.	198

ОТДѢЛЪ V.

Смѣсь.

1. Праздники Рязанск. губ., Данковск. уѣзда. О. П. Семеновъ	199—202
2. Ладвинскій или Масовскій языкъ	202—203
3. Крестьянскія игры въ Минской губ. М. Довнара-Запольскаго	203—208
4. Сонъ и сновидѣнія въ народныхъ вѣрованіяхъ. А. Балова	208—213
5. Народная дѣтская игра въ «сѣво». Ив. Мамакина	214
6. Игры и пѣсенки деревенскихъ ребятъ Лашевскаго уѣзда, Казанской губ. И. Нечаевъ.	214—226
7. Минусинскій Публичный Мѣстный Музей. Н. В.	226—227
8. Филологическая замѣтка. Я. Грота	228—229
9. Изъ вновь открытаго древне-	

	Стр.
русскаго поученія до-монгольской эпохи. Сооб. А. И. Соболевскаго	229
10. И. Коперницкій. Некрологъ.	229—230

ГОДЪ ВТОРОЙ.

Выпускъ I.

ОТДѢЛЪ I.

Исслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Очеркъ Русской диалектологіи. Г. А. Южно-велико-русскіе говоры, проф. А. И. Соболевскаго.	1—24
2. Балтійскіе Готы и Гута-Сага. Ст. перв. С. Н. Сыромятникова.	25—40
3. Сага-Гутовъ. Переводъ С. П. Сыромятникова	41—48
4. Путевыя письма И. И. Срезневскаго къ матери его Еленѣ Ивановнѣ Срезневской (1839—1842 г.). Съ предисловіемъ редактора и примѣчаніями В. С. И. Срезневскаго.	49—77

ОТДѢЛЪ II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Малорусскіе разказы и повѣрья (Екатеринославской губ.). Зап. Ив. Манжурыю.	78—80
2. Болгарскія народныя сказки (изъ Прилѣпа).	81—88
3. Болгарскія народныя пѣсни (изъ Прилѣпа).	83—84

ОТДѢЛЪ III.

Критика и библиографія.

1. Zbiór wiadomosci do antropologii Krajowej. Ир. Половна.	89—98
2. Обзоръ трудовъ по чешской этнографіи за послѣднее десятилѣтіе (1880—90). Ю. И. Полижи	99—104
3. Dr. W. Junker. Reisen in Afrika. Проф. Э. Н. Петри.	105—107
4. Ядринцевъ, Н. М. Сибирскіе инородцы, ихъ бытъ и современное положеніе. Н. В-го.	109—110
5. А. Н. Лисовскій. Опытъ изученія малорусскихъ думъ. Арк. Л-нко.	109
6. Český lid. I. А. Липовскаго.	110

О т д е л ь IV.

Смѣсь.

1. Отчеты канд. С. - Петербургскаго унив. *г. Катанова*, отправленнаго для этнографическаго изслѣдованія тюркскихъ племенъ въ Восточную Сибирь, Монголію и Сѣв. Китай. 111—122
2. Бурятская легенда объ озерѣ Балъди. *Г. Н. Потанина*. 122—126
3. Некрологъ А. А. Поттебни. *В. И. Ламанскаго*. 126—136
4. Памяти А. А. Поттебни. *В. М. Ляпунова*. 136—149
5. Памяти А. А. Поттебни. *М. Халамскаго*. 150
6. Замятка (изъ Ярославскихъ губ. Вѣд. № 6.). *Е. И. Якушкина*. 151
7. Записки И. Р. Г. О. по отдѣленію этнографіи. 151—152

Выпускъ II.

О т д е л ь I.

Исслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Очеркъ русской діалектологіи. *Г. Б. Сѣверо-велико-русское, или окающее поднарѣчье*. Проф. *А. И. Соболевскаго*. 1—26
2. Путевыя письма *И. И. Срезневскаго* къ матери его *Еленѣ Ивановнѣ Срезневской* (1839—42 г.), съ примѣчаніями *Вс. И. Срезневскаго*. 27—70
3. Троищина (бытовой очеркъ). *С. Шустикова*. 71—91

О т д е л ь II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Остяцкая былина про богатырей города Эмдера. *С. К. Патканова*. 92—97
2. Мордовская свадьба. *Е. М. Егисева*. 98—117

О т д е л ь III.

Критика и библиографія.

1. О типѣ Ильи Муромца. *А. Соболевскаго*. 118—122
2. Словарь русскаго языка. *А. С—каю*. 122—125
3. Памятная книжка. *А. С—каю*. 125

Стр.

Стр.

4. Харьковскій сборникъ. *А. С—каю*. 126
5. Календарь Вяткой губ. на 1892 г. *А. С—каю*. —
6. Zbiór wiadomości do antropologii Krajowej m. XIII. *Пр. П.* 127—137
7. Listy z českých dějin kulturních. *Е. Пятухова*. 137—139
8. Изъ старыхъ книгъ. *В. Калаша*. 139—142
9. Библиографическіе этюды по литературѣ сказочныхъ схемъ и мотивовъ. *Г. Ленора* (женыхъ или братъ мертвецъ). *П. Шемякинъ* судъ. *В. Калаша*. 142—145
10. Обзоръ трудовъ по чешской этнографіи за послѣднее десятилѣтіе (1880—90 г.). *Ю. Полиевки*. 146—152

О т д е л ь IV.

Вопросы и отвѣты. *А. Соболевскаго*. 153

О т д е л ь V.

Смѣсь.

1. Расколъ въ Каргопольскомъ краѣ. *А. А. Дукачева-Баскакова*. 154—162
2. Игра со вьюномъ. 162—167
3. О. О. (Некрологъ). *Ө. И. Первоульскъ*. 168

Выпускъ III.

О т д е л ь I.

Исслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Очерки русской діалектологіи. *П. Бѣлорусское нарѣчье*. *А. И. Соболевскаго*. 3—30
2. О побратимствѣ и посестримствѣ. Очеркъ изъобычнаго нрава Болгарь. *С. Бобчева*. 31—43
3. Путевыя письма *И. И. Срезневскаго* къ матери его *Еленѣ Ивановнѣ Срезневской* (1839—1842). 43—105
4. Троищина Кадниковскаго уѣзда (бытовой очеркъ.) Окончаніе. *А. Шустикова*. 106—138

О т д е л ь II.

Памятники языка и народной словесности.

1. О причитаніяхъ и плачахъ записанныхъ въ Олонеккой и Архангельской губ. *Ө. Истомина*. 139—145

- Стр.
2. Заговоръ отъ ружья (Тоб. губ.).
Сообщ. *С. К. Паткановымъ*. 146—147
 3. Купля, продажа скота; заговоръ отъ лихорадки, какъ окуриваютъ новотельныхъ коровъ. Побасенка (Нижегор. губ.).
Сообщ. *Ив. Мамакинымъ*. 148—149
 4. Заговоръ отъ присухи (Пермск. губ.). Сообщ. *И. А. Шилковымъ*. 149—151
 5. Проводки и проводочныя пѣсни въ Ростовскомъ уѣздѣ. *Н. Б.* 151—156
 6. О говорѣ жителей Каргопольскаго края. *Як. Святлова*. . . 156—164

О т д ѣ л ь III.

Смѣсь.

1. Игра въ тура. *В. Моискова*. 164—171

Выпускъ IV.

О т д ѣ л ь I.

Исслѣдованія, наблюденія,
разсужденія.

1. Очерки Русской діалектологіи. III. Малорусское нарѣчіе. Д. Чл. *А. И. Соболевскаго*. 1—61
2. Путевыя письма И. И. Срезневскаго къ матери его Еленѣ Ивановнѣ Срезневской (1839—1842) 62—96

О т д ѣ л ь II.

Памятники языка и народной словесности.

О вліяніи корельскаго языка на русскій въ предѣлахъ Олонечкой губерніи. *Н. Лыкова*. 97—103

О т д ѣ л ь III.

Критика и библиографія.

1. Кавказскій обычай, какъ источникъ изученія первобытнаго права: замѣтки по поводу сочиненія Проф. М. М. Ковалевскаго «Законъ и обычай на Кавказѣ». Москва 1890, т. I и II 104—120
2. Семья по возрѣвнѣямъ русскаго народа, выраженнымъ въ пословицахъ и другихъ произведеніяхъ народно-поэтическаго творчества. Историко-литературный очеркъ А. Желобовскаго 16° 63 стр. Воронежъ. 1892. (Отд. отт. изъ Фил. Зап.)

- Стр.
3. Kobieta w piésni ludowej. Napisała Kazimira Skrzyńska 12°, 100 стр. Warszawa. («Biblioteka Wisty, t. VIII).
 4. Современный великорусскъ въ его свадебныхъ обычаяхъ и семейной жизни. Л. Весина («Русская Мысль». 1891. Сент. и Окт.). *Вл. Перетца*. 120—124

О т д ѣ л ь IV.

Вопросы и отвѣты.

О т д ѣ л ь V.

Смѣсь.

1. Бытовыя черты Русинки Холмскаго края. *К. Ярошкова*. 125—134
 2. Отчетъ кандидата И. Спб. Университета г. Катанова, отправленнаго въ экспедицію для этнографическаго изслѣдованія тюркскихъ племенъ въ Восточную Сибирь, Монголію и Сѣв. Китай 134—137
- Объявленія объ изданіи «Живой Старины» и др. журналовъ въ 1893 году.
Оглавленіе 8 выпусковъ «Живой Старины» за первые два года.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

Выпускъ I.

О т д ѣ л ь I.

Исслѣдованія, наблюденія,
разсужденія.

1. Замѣтки о Бѣлорусскихъ говорахъ; I. Говоръ Ново-Сверженской волости Минскаго уѣзда. *М. Довнара-Запольскаго*. 3—19
2. Путевыя письма. И. И. Срезневскаго 20—63
3. О происхожденіи Корси (Куронъ) *Юрія Трусмана*. 64—91
4. Объ источникахъ сказки «О рыбацѣ и рыбкѣ» Пушкина. Св. П. Р—ва 91—96

О т д ѣ л ь II.

Памятники языка и народной словесности и живой старины.

Ритуаль сибирской свадьбы.
И. О. Осипова 96—114

Стр.

О т д ѣ л ь III.

Критика и библиографія.

1. Къ вопросу о финскомъ влияніи на великорусское племя. *А. И. Соболевскаго*. 115—122
2. *Piesni ludu, zebrał Zygmunt Gloger (w latach 1861—1891), muz. opracował Zygmunt Noskowski. Kraków. H. B. Peretti*. 122—124
3. Календарь Вятской губернии на 1893 г. *А. И-скаю*. 124—125
4. Brandstetter. R. Charakterisierung der Epik der Malaien. Luzern. *C. O.* 125
5. Zemmrich. Johannes. Totenisen und verwandte geographische Mythen. *C. O.* 125—126
6. Nöldeke Th. Das arabische Märchen von Doctor und Makroch. *C. O.* 126—127

О т д ѣ л ь IV

Вопросы и отвѣты.

- Отвѣтъ на вопросъ, предложенный г. Соболевскимъ. *Ивана Мамкина*. 128

О т д ѣ л ь V.

Смѣсь.

1. Особенности языка олонецкихъ былинъ, сказанныхъ И. Т. Рябиннымъ. *Н. Волкова*. 128—133
2. Поклоненіе дереву. *В. Ламанскаго*. 133—135
3. Двина рѣка. *Ю. Трусмана*. 135
4. Ворожея XVII в. *Н. Тутикова*. —
5. Отзывъ медальной комиссіи о трудахъ Д. Члена Проф. А. И. Соболевскаго по исторіи и географіи Русскаго языка. 136—7
6. Объявленія.

Выпускъ II.

О т д ѣ л ь I.

Исслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

- Путевыя письма *Н. И. Срезневскаго*. 139—177
2. Нидерландскія народныя пѣсни. Проф. Амстердамскаго Университета *К. Уленбека*. 178—210

Стр.

О т д ѣ л ь II

Памяти языка, народной словесности и живой старины.

- Мордовская свадьба (продолженіе). 211—219
- Народная свадьба въ Толвуйскомъ приходѣ, Петрозаводскаго уѣзда, Олонецкой губ. *П. Пивина*. 219—248

О т д ѣ л ь III.

Критика и библиографія.

- Нѣсколько словъ о малорусскихъ думахъ. 248—253
- Богатырь-козакъ Илья Муромецъ, какъ историческое лицо. 253—254
- Къ вопросу о древне-русскихъ скоморохахъ. 254—255
- Къ діалектологіи великорусскихъ нарѣчій. *А. Соболевскаго* 255—256
- Памятная книжка Воронежской губ. на 1893 г. *Н. Т-ова*. 256—257
- Остроумовъ. Сарты. *А. Липовскаго*. 257—263
- Записки товариства імени Шевченка. 263—264
- Самарово село Тобольской губ. и округа. *Арк. Д-ико* 264—265
- Волынскія Губернскія вѣдомости въ 1838—1888 гг. Состав. *Аркадій Лященко*. 265—278

О т д ѣ л ь IV.

опросы и отвѣты.

1. Бѣлоруссы. II. Латыши. III. Поляки 279—280

О т д ѣ л ь V.

Смѣсь.

- Бесѣдныя игры: тетера, въ гуси, въ кони. *Влад. Перстца*. 281—282
- Замѣтки по бѣлорусской этнографіи. *М. Довнара-Запольскаго*. 283—296

Выпускъ III.

О т д ѣ л ь I.

Исслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

- Этнографическія наблюденія въ Абхазіи *Н. М. Альбова*. 297—329

Стр.

Путевыя письма И. И. Срезневскаго 330—373

О т д ѣ л ь II.

Памятники языка, народной словесности и живой старины.

Говоръ южной части Череповецкаго уѣзда, Новгородской губ. *М. Герасимова*. 374—388
Говоръ сѣверо-восточной части Вытегорскаго уѣзда, Олонецкой губ. *Александра Мельническаго* 388—392
Говоръ Велико-Устюжскаго уѣзда, Вологодской губ. *А. Дмитриева*. 392—395

О т д ѣ л ь III.

Критика и библиографія.

Яблоновскій. Населеніе Украинны въ XVI вѣкѣ. *А. И. Соболевскаго*. 396—399
Mikkola. Berührungen zwischen den westfinnischen und slavischen Sprachen. А. И. С—скаго. 399—400
Р. Р. бар. Штакельбергъ. Ирано финскія лексикальн. отношенія. *А. И. С—скаго*. 400
Sergu Ad. Mythiske bytosce lužiskich Serbow. Вл. Перетца. 401—402
Лопаревъ, X. M. Слово о святомъ «патріархѣ Фестириктѣ». *Н. Т.* 402—403
Н. Θ. Сумцовъ. Легенда о грѣшной матери. *Н. Т.* 403
Н. Θ. Сумцовъ. Быллы о Добрынь и Маринѣ и родственныя имъ сказки о женѣ волшебницѣ. *Н. Т.* —
Е. О. Карскій. Къ вопросу о разработкѣ стараго западно-русскаго нарѣчія. *Н. Т.* —
Н. Θ. Сумцовъ. Современная малорусская этнографія. *Н. Т.* —
Les Cris de Londres au XVII siécle. Г. А. Виссендорфа. . 404—405
И. Созоновичъ. Ленора Бюргера и родственные ей сюжеты въ народной поэзіи европейской и русскои. Пр. *Д.* . 405—408
Списокъ печатныхъ трудовъ Довконта. *С. Балтрамайтиса* 408—412
П. Н. Бупинскій. Мангазея и Мангазейскій уѣздъ 1601—1645 гг. *Н. Тушикова* . . . 412—414

Стр.

О т д ѣ л ь V.

Смѣсь. •

Представленія кореляковъ о нечистой силѣ. *Н. Лыкова* . 415—419
Замѣтки по этнографіи бѣлоруссовъ. *П. М. Довжари-Запольскаго* 419—425
Молитвы, заговоры и заклинанія, записанные въ Пошехонскомъ уѣздѣ, Ярославской губерніи 425—428
Какому святому и въ какомъ случаѣ должно молиться . . . 428
Легенды о чудесахъ отъ св. иконъ 429—429
Сказаніе Арсенія инока Селуны града о Іерусалимѣ . . 429—430
Сказаніе о преподобной Феодорѣ, ея же память 11 сентября. *А. Балова* 430—431
Докладъ о поѣздкѣ въ Олонецкую губернію лѣтомъ 1892 года. *Н. Лыкова* 432—436
Latwju dainas 436
Отъ редакціи 436
Объявленія 1—4

Выпускъ IV.

О т д ѣ л ь I.

Исслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Названія населенныхъ мѣстъ и ихъ значеніе для русской исторической этнографіи. *А. А. Соболевскаго* 437—439
2. Древнѣйшія русскія двусложныя личныя имена и ихъ уменьшительныя. *Г. Г. Гинкена* 440—461
3. Путевыя письма И. И. Срезневскаго къ матери его Еленѣ Ивановнѣ Срезневской (1839—1842). Окончаніе 462—506

О т д ѣ л ь II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Народный говоръ въ Пошехонскомъ уѣздѣ, Ярославской губ. *А. Балова* 507—513
2. Говоръ Павловичской волости Могилевскаго уѣзда. *Андр. Романова* 513—518
3. Жмудскія пѣсни, записанныя *Мечиславомъ Довжина - Сил-*

	Стр.
<i>востровичемъ</i> , съ переводомъ и примѣчаніями <i>А. Л. Погодина</i>	519—531
4. Загадки Корель Олонецкой губ., записанныя <i>Н. О. Лысковымъ</i>	532—540
5. Пословицы Корельскія, записанныя <i>Н. О. Лысковымъ</i>	540
6. Корельская пѣсня, записанная и переведенная <i>Н. О. Лысковымъ</i>	541—553

О т д ѣ л ъ Ш.

Критика и библиографія.

1. В. Мочульскій. Слѣды народной библии въ славянской и древне-русской письменности. Одесса. 1-93. <i>Вл. П—а</i>	554
2. Мотивы свадебныхъ пѣсень Пинчуковъ. Этнографическій этюдъ <i>М. Довнара - Запольскаго</i> . Гродна. 1893. 160. 69 стр. <i>Вл. П—а</i>	556
3. Сборникъ Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества. Т. 5. Харьковъ. 1893. <i>Арх. Л—ика</i>	556—557
4. Памятная книжка Гродненской губерніи на 1893 г. <i>Т.</i>	557
5. Памятная книжка Ковенской губерніи на 1893 г. <i>Т.</i>	—

О т д ѣ л ъ ІV.

Вопросы и отвѣты.	558
-------------------	-----

О т д ѣ л ъ V.

Смѣсь.

1. Сагайскіе татары Минусинскаго округа, Енисейской губерніи, по статистическимъ даннымъ, собраннымъ въ 1889 г. <i>Н. О. Катанова</i>	559—570
2. Вариантъ пѣсни о сестрѣ отравительницѣ. Сообщ. <i>Арх. Ляшенка</i>	570—571
3. Нѣсколько словъ о Куронахъ. <i>А. Л. Погодина</i>	571—572

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Выпускъ I.

О т д ѣ л ъ I.

Ислѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Деревня Будагоща и ея преданія. <i>В. Н. Перетца</i>	2—18
---	------

	Стр.
2. Отчетъ о поѣздкѣ къ Олонецкимъ Корелямъ лѣтомъ 1893 года. <i>Н. О. Лыкова</i> , съ замѣчаніемъ автора	19—36
3. Изъ года въ годъ. Описаніе круговорота крестьянской жизни въ селѣ Усть-Ницинскомъ, Тюменскаго округа. <i>Филиппа Зобнина</i>	37—64
4. Русь и Асы въ Китаѣ, на Балканскомъ полуостровѣ, въ Румыніи и Угорщинѣ. (Въ XIII—XIV в.). Замѣтки преосв. Палладія, д - ра Бретшнейдера, архимандр. Руварца	65—77

О т д ѣ л ъ II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Новая «повѣсть» объ Ильѣ Муромцѣ. Сообщилъ <i>Михаилъ Протополовъ</i>	78—82
2. Веснянки, Петровки и Купальничья пѣсни. Сообщилъ <i>В. О. Боцяновскій</i>	83—89
3. Очеркъ литовскихъ свадебныхъ орашій. <i>А. Погодина</i>	90—97
4. О свадебныхъ обычаяхъ въ селѣ Корбанѣ, Кадниковскаго уѣзда, Вологодской губерніи. <i>А. Билова</i>	98—99

О т д ѣ л ъ III.

Критика и библиографія.

1. Свѣдѣнія о литовскихъ рукописяхъ. <i>С. Балтрамайтіса</i>	98—104
2. Русскія былины старой и новой записи. Москва. 1864 г. <i>А. Погодина</i>	104—107
3. Систематическій указатель статей историческаго журнала «Деревня и Новая Россія». Спб. 1893 г. <i>В. Б.</i>	107

О т д ѣ л ъ IV.

Смѣсь.

1. Замѣтки по бѣлорусской этнографіи. <i>М. Довнара - Запольскаго</i>	108—114
2. Отчетъ о поѣздкѣ въ Ковенскую губ. лѣтомъ 1893 г. <i>А. Погодина</i>	114—119
3. О происхожденіи названія г. Пскова. <i>Ю. Трусмана</i>	120—122
4. Къ исторіи суевѣрій. Сообщ. <i>Е. Коз—скій</i>	122—123
5. Изъ области народныхъ вѣро-	

	Стр.
ваній. <i>А. Балова</i>	123
6. Аллитерація въ народномъ языкѣ. <i>А. Балова</i>	123—124
7. Къ народному словарю въ области пѣсеннаго искусства. <i>Ө. Истомина</i>	124—125
8. По поводу холеры. Сообщилъ <i>А. Балова</i>	125—126
9. О русскомъ языкѣ въ Обдорскомъ краѣ. <i>В. Бартецева</i>	126—129
10. Замѣтки о нѣкоторыхъ словахъ, употребляемыхъ въ селѣ Самаровѣ, Тобольской губ. и округа. <i>Хр. Лопарева</i>	130

Выпускъ II.

О т д ѣ л ь I.

Исслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Отчетъ о поѣздкѣ въ Сувалкскую губ. *Г. Г. Гинкема* 131—142
2. Нѣсколько словъ о говорахъ Лукояновскаго уѣзда, Нижегородской губерніи. *Бор. Ляпунова* (съ картою) 143—177
3. Письма *А. О. Гильфердинга*—*Кукулевичу* — *Сакцинскому*. Сообщено проф. *П. А. Кулаковскимъ* 178—190
4. Олекминскіе скопцы. (Историко-бытов. очеркъ). Ст. перв. 191—203

О т д ѣ л ь II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Народныя сказанія о самоубійцахъ. Сообщилъ *В. Н. Добровольскій* 204—214
2. Рекрутчина. *А. Мельничаго* 215—221
3. Святки въ Корелѣ. *Н. Ө. Лискова* 222
4. Мудрый Маччи. *Н. Ө. Лискова* 224
5. Шуть Григорій. *Н. Ө. Лискова* 226—229
6. Пастухи и дьяволъ. *Н. Ө. Лискова* 230—232
7. Приложение къ отчету *А. Л. Поюдина* о поѣздкѣ въ Ковенскую губернію лѣтомъ 1893 года. *А. Л. Поюдина* 233—258

О т д ѣ л ь III.

Критика и библиографія.

1. Замѣтки по изученію современной народной пѣсни. *В. Н. Перетцъ*. Современная народ-

	Стр.
ная пѣсня. Сравнительные этюды. <i>Аркадія Лященка</i>	259—275
2. О трудахъ <i>А. Н. Веселовскаго</i> . <i>И. П. Жданова</i>	282
3. О трудахъ <i>Е. Ө. Карскаго</i> . <i>А. И. Соболевскаго</i>	283
4. О переводѣ <i>П. С. Попова</i> сочиненія Мэнъ гу-ю-му-пси. <i>Н. И. Веселовскаго</i>	284
5. Календарь и памятная книжка Вятской губерніи на 1893 годъ.	285

О т д ѣ л ь IV.

Слѣсь.

1. Пѣсни Рязанской губерніи. Сообщ. *О. П. Семенова* 286—293
2. Наброски изъ міра народной педагогики. *Ив. Мамакина* 294—298
3. Любопытная находка. Письмо къ Редактору о рукописномъ сборникѣ *Кириши Данилова*, принадлежавшемъ *Малиновскому*. *Н. Чехова* 299—300

Выпуски III и IV.

О т д ѣ л ь I.

Исслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Олекминскіе скопцы. (Историко-бытовой очеркъ). Ст. втор. и посл. *I—ма* 301—324
2. О народныхъ пѣсняхъ Татаръ, Башкиръ и Тентярей. *С. Рыбакова* 325—364
3. Якутская свадьба. *В. Струшевскаго* 365—374
4. Объ обычаяхъ и обрядахъ при родахъ инородческихъ женщинъ Сибири и Средней Азии. Сообщилъ Докторъ *А. К. Бѣлиловскій* 375—390
5. Опытъ выясненія этническаго состава киргизъ-казаковъ большой орды и кара-киргизовъ на основаніи родословныхъ сказаній и свѣдѣній о существующихъ родовыхъ дѣленіяхъ и о родовыхъ тамгахъ, а также историческихъ данныхъ и начинающихся антропологическихъ изслѣдованій. *А. Арстова* 391—436

О т д ѣ л ь II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Матеріалы по литовской этнографіи. *Г. Г. Гинкема* 487—498

	Стр.
2. Корельская свадьба. <i>Н. Θ. Лыскова.</i>	499—511
3. Погребальные обряды Кореляковъ. <i>Н. Θ. Лыскова.</i>	511—517
4. Книжки-Кокурдь. <i>В. Биртольда.</i>	517—523

О т д ѣ л ь III.

Критика и библиографія.

1. Какъ давно Русскіе живутъ въ Карпатахъ и за Карпатами? <i>А. Соболевскаю.</i>	524—526
2. О такъ называемой народной этимологіи. <i>А. Соболевскаю.</i>	526—528
3. О сравнительной мифологіи Макса Мюллера. <i>А. Соболевскаю.</i>	529
4. Новыя книги. <i>А. Поюдина.</i>	530—540
5. Мелочи по киргизской и сартской этнографіи за 1894 г. <i>А. Липовскаю.</i>	540—542
6. Zur Geschichte russischer Hochzeitbräuche, von Gregor Krek. <i>А. Л.</i>	543
7. Пѣсни Сѣверо-Восточной Россіи. <i>Арк. Лика.</i>	543—544
8. Лѣтопись историко-филологическаго общества. <i>Арк. Лика.</i>	544
9. Свѣдѣнія о литовскихъ рукописяхъ. (Продолженіе). <i>С. Балтрамаййтиса.</i>	545—548

О т д ѣ л ь V.

Смѣсь.

1. О происхожденіи названія г. Изборска и древняго населенія его окрестностей. <i>Ю. Труссмана.</i>	549—554
---	---------

ГОДЪ ПЯТЫИ.

Выпускъ I.

О т д ѣ л ь I.

Исслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Отчетъ о поѣздкѣ въ Чудской край (Олонекской губ., Лодѣнопольскаго уѣзда) въ 1894 г. <i>Н. Θ. Лыскова.</i>	1—13
2. Кайганы или чухари. <i>Д. П. Никольскаю.</i>	14—16
3. О Бесермянахъ. <i>Д. П. Никольскаю.</i>	17—27
4. Восточная Волянь. <i>Н. И. Коробки.</i>	28—45
5. Письма О. М. Бодисскаго къ Станку Вразу въ Загребѣ. Сообщ. <i>П. А. Кулаковскій.</i>	46—56

О т д ѣ л ь II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Еврейско-Нѣмецкія слова въ русскихъ нарѣчіяхъ. <i>Л. Вилнера.</i>	57—70
2. Пѣсни Каменецкаго уѣзда, Подольской губерніи. <i>Н. Коробки.</i>	71—83
3. Латышскія преданія. <i>Г. Виссendorфа.</i>	84—86
4. Народныя игры въ Кадниковскомъ уѣздѣ. <i>А. Шустикова.</i>	86—100

О т д ѣ л ь III.

Критика и библиографія.

1. А. Шахматовъ. Исслѣдованія въ области русской фонетики. <i>Б. М. Ляпунова.</i>	101—116
2. G. Krek. Zur geschichte russischen hochzeitsbräuche. Graz. 1893. <i>Н. Тушикова.</i>	116—118

О т д ѣ л ь IV.

1. Вопросы и отвѣты. <i>Э. Волтера.</i>	119—120
---	---------

О т д ѣ л ь V.

Смѣсь.

1. Легенда о предсказаніи прендобнаго Геннадія. <i>Н. А. Тихомірова.</i>	121
2. Особая форма нищенства. <i>Н. А. Тихомірова.</i>	122
3. Письмо къ Редактору Жив. Стар. <i>И. В. Шейна.</i>	122—123
4. Кривулэ у Латышей. <i>Г. Виссendorфа.</i>	124
5. Протоколъ 1-го засѣданія Латышско-Литовской комиссіи (25 ноября 1894 года).	124—125
6. Протоколъ 2-го засѣданія Литовско-Латышской комиссіи (12 декабря 1894 года).	125—126

Выпускъ I.

О т д ѣ л ь I.

Исслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Замѣтки о населеніи Якутской области въ историко-этнографическомъ отношеніи. <i>Вл. Юхельсона.</i>	127—161
---	---------

- Стр.
2. Особенности языка латышскаго писателя Г. Манцеля. *П. Шмидта*. 162—170
 3. Тавренъга, Вельскаго уѣзда. (Этнографическій очеркъ). *А. Шустикова*. 171—198
 4. Письма: а) аббата Иос. Добровскаго 29 Дек. 1821 г. и б) В. С. Караджича 9 Ноября 1824 г. къ Министру Народнаго Просвѣщенія Шишкову. 199—202

О т д ѣ л ь II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Сказанія и сказки Вельскаго у. Сообщ. *А. Шустикова*. 203—211
2. Царь солома. Сообщ. *Е. Вальневъ*. 212—213
3. Причитанія на рукобитѣ. Сообщ. *Свяи. Владиміръ Ивановъ*. 214—217
4. Пѣсни с. Писокъ, Житомирскаго уѣзда. Сообщ. *Вл. Боцановскій*. 217—221
5. «Иванъ Купайло» въ с. Корытной Гайсинскаго уѣзда. Подольской губ. *Ө. Рыскова*. 221—222
6. Свадебные обряды и пѣсни въ м. Маковъ. Каменецкаго уѣзда, Подольской губерніи. Сообщ. *О. Рыбскій*. 222—234

О т д ѣ л ь III.

Критика и библиографія.

1. О границѣ Русскихъ и Словаковъ въ Угорщинѣ. *А. Соболевскаго*. 235—236
2. Ежегодникъ Тобольскаго Губернскаго Музея. *Н. Т.* 237
3. Историко-статистическое описаніе перхвей и приходовъ Волынской епархіи. *Арх. Лика*. 237—238
4. Marillier. La survivance de l'âme et l'idée de justice chez les peuples non civilisés. Paris. 1894. III—ва. 238

О т д ѣ л ь IV.

Вопросы и отвѣты.

1. Отвѣтъ на вопросъ, предложенный г. III. въ IV отд. «Живой Старины» IV вып. 1893 г. *Ив. Маламкина*. 239

О т д ѣ л ь V.

Смѣсь.

1. Заговоры Архангельской губерніи, Шенкурскаго уѣзда, села Кургомень. 240—241

- Стр.
2. Новгородская легенда объ апостолѣ Андрѣ. *В. Боцановскаго*. 241—242
 - Объявленія 1—4

Выпуски III и IV.

О т д ѣ л ь I.

Исслѣдованія, наблюденія и разсужденія.

1. Отчетъ о поѣздкѣ къ лифляндскимъ Латышамъ лѣтомъ 1894 г. *А. Л. Походина*. 243—250
2. Литовцы и русскій алфавитъ *М. Лозарайтиса*. 251—259
3. Къ вопросу объ алфавитѣ для Литовцевъ. *Георгій Гимена*. 260—262
4. Объ инородческихъ языкахъ вообще и о латинскомъ алфавитѣ у Литовцевъ въ особенності. *В. И. Ламанскаго*. 263—271
5. Изъ статьи А. Ө. Гиллфердинга о Литовской народности. 272—276
6. Докладъ С. Балтрамайтиса. 277
7. Докладъ А. О. Смильго. 278
8. Поѣздка въ Корелу. *Н. Ө. Ляскова*. 279—297
9. Этнографическія замѣтки о Тюркахъ Минусинскаго края. (Отчетъ о поѣздкѣ 1894 г.). *П. Островскихъ*. 297—348
10. О красивномъ искусствѣ у Русскихъ Енисейской губ. *А. Макаренка*. 349—356
11. О красивномъ искусствѣ у Латышей. *Г. А. Виссендорфа*. 257—258
12. Тавренъга Вельскаго уѣзда. Этнографическій очеркъ. (Окончаніе). *А. Шустикова*. 359—375

О т д ѣ л ь II.

Памятники языка и народной словесности.

1. О говорѣ жителей Левочской волости, Боровичскаго уѣзда. *Михаила А. Синозерскаго*. 376—381
2. Простонародныя слова, употребляемыя въ уѣздахъ Новгородской губерніи: Крестецкомъ, Старорусскомъ, Кирилловскомъ и Боровичскомъ. *К. Лаврови*. 382—384
3. Особенности говора Кадниковскаго уѣзда, Вологодской губ. *Шайтанова*. 384—398
4. Замѣтки объ одномъ изъ говоровъ Костромской губерніи. Студ. Пет. Унив. *Николая Каринскаго*. 399—402
5. Особенности въ говорѣ населенія, расположеннаго по рѣкѣ Письмѣ, Костромской губер-

	Стр.
ни, Буйскаго уѣзда. Студ. Птрб. Дух. Ак. <i>Θ. Покровско</i>	403—415
6. Говоръ южной части Томскаго округа, Томской губернии. Студ. Пет. Ун. <i>В. Ламауска</i>	416—418
7. Сказанія и сказки. Сообщ. <i>А. Шустикова</i>	419—427
8. Космическія легенды Балтійскихъ народовъ. <i>А. Л. Погодина</i>	428
9. Духовные стихи. Сообщ. <i>М. А. Синозерскій</i>	449—452
10. Малорусскія сказки и байки изъ Галичины	453—466

О т д ѣ л ь III.

Критика и библиографія.

1. Замѣтка по поводу изданія «Жмудскихъ пѣсенъ изъ Полагнена». *Ив. Ос. Яблонскаго*
2. Труды Тибетской экспедиціи. *В. Л.*
3. Богдановичъ, А. Е. Пережитки древняго міросозерцанія у Бѣлоруссовъ. *В. Л.*
4. «Иллюстрированная бібліотека Крестнаго Календаря». Сказки русскаго народа. *В. П. Семенова*.
5. Н. Я. Никифоровскій. Очерки простонароднаго житія-бытѣя въ Витебской Бѣлоруссіи и описаніе предметовъ обиходности. (Этнографическія данныя). *Н. Т.—ва.*
6. Weigand, G. Die Aromunen ethnographisch - philologisch-historische Untersuchungen über d. Volk d. sogenannten Makedo-Romanen oder Zinzaren. *В. Л.*

О т д ѣ л ь IV.

Смѣсь.

1. Погребальные обычаи Обдорскихъ Остяковъ. *В. В. Бартенева*
2. Народонаселеніе Австро-Венгрии. *В. Л.*
3. Летучій огненный змѣй. Сообщилъ *М. И. Соколовъ*
4. Летучій змѣй въ 1745 г. въ Бѣлгородѣ. Сообщ. г. *Никольскій*
5. Какому святому и когда должно молиться. Сообщ. *А. Балого*
6. Куретница. Сообщ. г. *Никольскій*
7. Радунскій приходъ Лидскаго уѣзда. Виленской губ. *В.—са.*
8. Еще по поводу Литовской печати. *А. Л. Погодина.*

	Стр.
9. Заговоры противъ болѣзней, разныхъ повѣрья и примѣты. (Житом. у.). <i>В. Θ. Боцановскаго</i>	499—504
10. Изъ письма къ Редактору. <i>Д. Михайловскаго. Оренбургъ</i>	504
11. Списокъ литовскихъ журналовъ, издаваемыхъ внѣ Россіи въ 1883—1896 г. <i>Балтрамай-тиса</i>	505—506
12. Опечатки	507

ГОДЪ ШЕСТОЙ.

Выпускъ I.

О т д ѣ л ь I.

Исслѣдованія, наблюденія и разсужденія.

1. Изъ поѣздки по Малой Азіи. *Я. И. Смирнова.*
2. Древнія двусловныя личныя имена у Литовцевъ, ихъ составъ и происхожденіе. *Ю. П. Куртцова.*

О т д ѣ л ь II.

Памятники языка и народнои словесности.

1. Свадьба въ подгородныхъ волостяхъ Сольвычегодскаго уѣзда. *Н. Г. Ордина*

О т д ѣ л ь III.

Критика и библиографія.

1. По поводу приложенія къ отчету *А. Л. Погодина* о его поѣздкѣ въ Ковенскую губернію. *Ив. Яблонскаго.*
2. Бѣлорусское полѣсье. Сборникъ этнографическихъ матеріаловъ, собранныхъ *М. Довнар-омъ-Запольскимъ*. Выпускъ I. Пѣсни *Пинчуковъ*. Кіевъ. 1894 г. *Н. Т.—ва.*
3. Ежегодникъ Тобольскаго губернскаго Музея. *Н. Т.*

О т д ѣ л ь IV.

Смѣсь.

1. Къ вопросу о характерѣ и значеніи древнихъ «кунальскихъ» обрядовъ и игрищъ. *А. Балого.*

	Стр.
2. Летучій огненный змій. <i>М. А. Симазерскаго.</i>	143
3. Изъ письма къ Редактору. <i>А. Шустикова.</i>	43—144
4. Опечатки.	144

Выпуск II.

О т д ѣ л ь I.

Исслѣдованія, наблюденія и разсужденія.

1. Грихья-сутры какъ источникъ для исторіи индоевропейской бытовой культуры. <i>Д. Н. Будрянскаго.</i>	145—156
2. Великорусскія фамиліи и ихъ происхождение. Историко-этнографическій очеркъ. <i>А. Балова.</i>	157—168
3. Знахарство въ Скопинскомъ и Данковскомъ уѣздахъ Рязанской губерніи. <i>Н. Рубинскаго.</i>	169—201
4. Замѣтки по сравнительному изученію народно-эпического стилия. <i>К. Трандера.</i>	202—225

О т д ѣ л ь II

Памятники языка и народной словесности.

1. Свадебныя причеты, записанныя въ Щетинской волости, Пошехонскаго уѣзда. <i>Я. Ильинскаго.</i>	226—248
2. Рекрутскія причитанія. <i>Д. Успенскаго.</i>	242—248

О т д ѣ л ь III.

Критика и библиографія.

1. Литовско-латышско-польско-русскій словарь, составленный кс. Мих. Межинисомъ. Тильзитъ, 1894 г., стр. 292. <i>Ив. Яблонскаго.</i>	248—254
2. Монголія и Монголы.—Результаты поѣздки въ Монголію, исполненной въ 1892—1893 гг. А. Позднѣвымъ. Томъ I. Дневникъ и маршрутъ.	254—255
3. Якуты. Опытъ этнографическаго изслѣдованія В. Л. Сѣрошевскаго. Подъ редакціей проф. Н. И. Веселовскаго. Т. I. Съ 168 рисунками, портретомъ и картою.	255—257
4. Якушкинъ, Е. И. Обычное право. Выпускъ второй. Ярославль. 1896	257—258
5. Бартеневъ, Викторъ. На крайнемъ сѣверо-западѣ Сибири. Очерки Обдорскаго края. Петербургъ. 1896.	258

	Стр.
6. Харузинъ, Н. Исторія развитія жилищъ у кочевыхъ и полукочевыхъ Тюркскихъ и Монгольскихъ народностей Россіи. Москва. 1896	258
7. Пантюховъ, И. И. О пещерахъ и позднѣйшихъ жилищъ на Кавказѣ. Тифлисъ. 1896	258—259

О т д ѣ л ь IV.

Смѣсь.

1. О Пасхѣ. <i>А. Балова.</i>	260—261
2. Крапивное заговѣнье. <i>А. Балова.</i>	261—262
3. Свѣчи и ладонь въ народныхъ повѣрьяхъ. <i>А. Балова.</i>	262—264
4. Живая Старина. <i>А. Балова.</i>	264—265

Выпуски III и IV.

О т д ѣ л ь I.

Исслѣдованія, наблюденія и разсужденія.

1. Угасаніе инородческихъ племень Тобольскаго сѣвера. Д-ра <i>Ар. Ив. Якобія.</i>	267—272
Замѣтка редактора	272
2. Инструкція изслѣдованія инородческихъ племень Тобольскаго сѣвера. Проф. <i>Ар. Ив. Якобія.</i>	273—276
3. Замѣтки объ этническомъ составѣ тюркскихъ племень и народностей и свѣдѣнія объ ихъ численности. <i>Н. А. Аристова.</i>	277—456
4. О семейномъ положеніи крестьянской женщины въ одной изъ мѣстностей Костромской губ. по даннымъ волостного суда. <i>Ө. Покровскаго.</i>	457—476
5. Поѣздка къ теленгетамъ на Алтай. <i>А. Калачева.</i>	477—488

О т д ѣ л ь II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Нѣсколько словъ о поэзии теленгетовъ. <i>А. Калачева.</i>	489—500
2. Свадебные обряды въ Ольгопольскомъ уѣздѣ, Подольской губ. <i>Н. Душинскаго.</i>	501—522

О т д ѣ л ь III.

Критика и библиографія.

1. Отчетъ о шведскомъ этнографическомъ журналѣ: <i>Nyare</i>	
--	--

	Стр.
bidrag till Kännendom om de svenska landsmälen ock svenskt folklif 1885—1896 g. <i>E. Tiandera</i>	523—529
2. Якушкинъ, Е. И. Обычное право. Выпускъ второй. Ярославль. 1896. <i>В. Ламанскаго</i>	529—534

О Т Д Ъ Л Ъ IV.

Смѣсь.

1. О выборѣ невѣсть въ Новгородской губерніи. <i>М. Синозерскаго</i>	535—536
2. Чортовъ домъ. <i>М. Синозерскаго</i>	536—537
3. Цвѣтъ «напретника». <i>М. Синозерскаго</i>	537
4. Отчего пораженные грозой святые. <i>М. Синозерскаго</i>	537—538
5. Ильинская пятница. <i>М. Синозерскаго</i>	538
6. Игры (въ слободѣ Усть-Ницынской, Тюменскаго округа). <i>Ф. Зобнина</i>	538—542
7. Вѣщана или труболетка. <i>Ф. Зобнина</i>	542

ГОДЪ СЕДЬМОИ.

Выпускъ I.

О Т Д Ъ Л Ъ I.

Исслѣдованія, наблюденія и разсужденія.

1. Киселевскіе Цыганы. <i>В. Н. Добровольскаго</i>	3—36
2. О происхожденіи Псково-Печерскихъ полувѣрцевъ. <i>Ю. Трусмана</i>	37—47
3. Замѣтка по поводу предлагаемаго изданія народныхъ сказокъ <i>С. В. Максимова</i>	48—56

О Т Д Ъ Л Ъ II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Матеріалы по народной медицинѣ, Ужурской волости, Ачинскаго округа, Енисейской губ. Съ приложеніемъ сборника народно-медицинскихъ средствъ той же волости. <i>А. Макаренка</i>	57—100
2. Былина и пѣсни Енисейскаго округа. <i>А. Александрова</i>	101—105
3. Домовикъ въ галицко-русскихъ вѣрованіяхъ. <i>Ю. А. Леорскаго</i>	105—106

4. Галицко-русскія повѣрья объ опыряхъ. <i>Ю. А. Леорскаго</i>	107—110
5. Изъ галицко-русскихъ народныхъ сказаній и суевѣрій. <i>Ю. А. Леорскаго</i>	110—111
6. Сказки. Приложение къ замѣткѣ <i>С. В. Максимова</i>	112—123

О Т Д Ъ Л Ъ IV

Вопросы и отвѣты.

1. Отвѣтъ. <i>А. Макаренка</i>	124—126
--	---------

О Т Д Ъ Л Ъ V.

Смѣсь.

1. Дурачки и убогіе. <i>А. Макаренка</i>	126—128
2. Уроchливая. Его-же	128—130

Выпускъ II.

О Т Д Ъ Л Ъ I.

Исслѣдованія, наблюденія и разсужденія.

1. Объ эскимосскихъ нарѣчіяхъ Анадырскаго округа. (На основаніи матеріаловъ, собранныхъ <i>Н. Л. Гондатти</i>). <i>Всея. Фед. Миллера</i>	133—159
2. Отчетъ о поѣздкѣ къ киргизамъ лѣтомъ 1896 по порученію Императорскаго Географическаго Общества. Часть I-я: Общія наблюденія надъ современнымъ бытомъ киргизъ. Чл.-сотр. <i>С. Г. Рыбакова</i>	160—217

О Т Д Ъ Л Ъ II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Матеріалы по нарѣчіямъ инородцевъ Анадырскаго округа, собранные <i>Н. Л. Гондатти</i>	218—229
2. Дѣтскія и женскія болѣзни. (Продолженіе). <i>А. Макаренка</i>	230—246
3. Почитаніе огня у крестьянъ-сибиряковъ Енисейской губ. <i>А. Макаренка</i>	247—253
4. Миеологическіе отрывки. (Читано въ засѣданіи Отдѣленія Этнографіи 24 октября). <i>П. К. Краучуциса</i>	254—261

О Т Д Ъ Л Ъ III.

Критика и библиографія.

1. Narodopisný Sbornik československý. Svázek první. Vydává narodopisná Společnost česko-	
---	--

slovanská a národopisné Mu-
seum československé. Redactor
prof. Fr. Pasternek. Ve Praze.
1897. *Н. В. Ястребова* . . . 262—265

О т д ѣ л ь IV.

Смѣсь.

1. Этнографическія изысканія въ
Восточной Сибири 265—266

Выпуск III и IV.

О т д ѣ л ь I.

Исслѣдованія, наблюденія и
разсужденія.

1. Поѣздка на Алтай. *Ф. Зоб-
нина* 267—293
2. Тюркская сказка о Идыге.
Г. Потанина 294—350
3. Сказанія о поѣздкахъ остяц-
кихъ князей къ русскимъ ца-
рямъ. *С. Пяткинова* 315—356
4. Данныя для народнаго кален-
даря Смоленской губерніи въ
связи съ народными вѣрова-
ніями. *В. Н. Добровольскаго*. 357—380

О т д ѣ л ь II.

Памятники языка и народной
словесности.

1. Матеріалы по народной ме-
дицинѣ. Ужурской волости.
Ачинскаго округа Енисейской
губ. Со сборникомъ народно-
медицинскихъ средствъ той же
волости (Окоянчаніе). *А. Ма-
каремка* 381—438
2. Галицко-русскія повѣрія о
дикой бабѣ. *Ю. Яворскаго* . . . 439—441
3. Изъ сборника галицко-рус-
скихъ сказокъ, собранныхъ
для предполагаемаго сборнаго
изданія И. Р. Географиче-
скаго Общества. *Ю. Яворскаго* 441—445
4. О народныхъ говорахъ сѣверо-
западной части Костромской
губерніи. *Ө. Покровскаго* . . . 446—469

О т д ѣ л ь III.

Критика и библиографія.

1. Рыбаковъ, С. Музыка и пѣсни
уральскихъ мусульманъ . . . 470—473
2. Die Sprachgebiete in der Län-
dern der ungarischen Krone auf
Grund der von Königl. ung. sta-
tist. Landes-Bureau veröffent-
lichten Ergebnisse der Volks-
zählung vom Jahre. 1890 be-

rechnet von Eduard Leipen.
Wien. 1896 473—479

О т д ѣ л ь IV.

Вопросы и отвѣты. 480—481

О т д ѣ л ь V.

Смѣсь.

1. О значеніи Моравскаго или
Ресавскаго нарѣчія для со-
временной и исторической
этнографіи Балканскаго полу-
острова 482—485
- Объявленія.

ГОДЪ ВОСЬМОЙ.

Выпуск I.

О т д ѣ л ь I.

Исслѣдованія, наблюденія,
разсужденія.

1. Сольвычегодскій крестьянинъ,
его обстановка, жизнь и дѣя-
тельность. *Н. Иванничаго* . . . 3—74
2. О Сибирскихъ великорусскихъ
народныхъ пѣняхъ. *С. В.
Максимова* 75—79

О т д ѣ л ь II.

Памятники языка и народной
словесности.

1. Марицчельская крестьянская
свадьба. (Бытовой очеркъ). *М.
Успенскаго* 80—104
2. Нѣсколько параллелей Фин-
скихъ сказокъ съ Русскими и
прочими Славянскими. *А.
Дарне* 105—110
3. Галицко - русскій авгурій
XVIII-го вѣка. *Ю. Яворскаго* . . . 111

О т д ѣ л ь III.

Критика и библиографія.

1. Теогонія Гезіода и Прометей.
(Разборъ сказаній). Георгія
Власова. *Д. Кудрявскаго* . . . 112—116

О т д ѣ л ь IV.

Вопросы и отвѣты.

1. Отъ Отдѣленія Этнографіи Им-
ператорскаго Русскаго Гео-
графическаго Общества . . . 117—121
2. Отъ редактора 121

Стр.

О т д ѣ л ь V.

Смѣсь.

1. Изъ Череповецкаго уѣзда, Новгород. губ. Пословицы и поговорки, примѣты и обычай . 122—123
Объявленія.

Выпускъ II.

О т д ѣ л ь I.

**Исслѣдованія, наблюденія и
разсужденія.**

1. Усть-Нидынская слобода, Тюменскаго уѣзда, Тобольской губ. (Продолженіе слѣдуетъ). *Ф. Зобнина* 125—157
2. Матеріалы по народной медицинѣ и акушерству въ Череповецкомъ уѣздѣ Новгородской губерніи. *М. К. Герасимова* 158—183

О т д ѣ л ь II.

**Памятники языка и народной
словесности.**

1. Село Коснище, Владиміръ-Волынскаго уѣзда, Волынской губ. (Въ 5-ти верстахъ отъ мѣст. Любимля). (Окончаніе будетъ). *Дм. И. Абрамовича* 184—202
2. Сборникъ рязанскихъ областныхъ словъ. Чл. Сотр. *Диттеля* 203—227
3. Смерть и душа въ повѣрьяхъ и въ разсказахъ крестьянъ и мѣщанъ Рязанскаго, Раненбургскаго и Данковскаго уѣздовъ Рязанской губерніи. Чл. Сотр. *О. П. Семеновою* 228—234
4. Сомринскій говоръ. Сообщ. *В. Кузнецовъ* 235—236
5. Перегудки. Сообщ. Чл. Сотр. *Н. А. Иваницкаго* и Чл. Сотр. *А. А. Шустикова* 237—243
6. Сказка про ерша. Сообщ. *М. А. Синозерскій* 244
7. О трехъ заговорахъ и о народномъ воззрѣніи на змѣй въ Могилевской и Херсонской губерніяхъ. *В. Врядіи* 245—246
Объявленія.

Выпускъ III и IV.

О т д ѣ л ь I.

**Исслѣдованія, наблюденія и
разсужденія.**

1. Объ Авганістанѣ и его населеніи. *Н. А. Аристовъ* 247—319

Стр.

2. Усть-Нидынская слобода, Тюменскаго уѣзда, Тобольской губ. (Продолженіе). *Ф. Зобнина* 320—328
3. Два письма П. И. Прейса къ Нейю въ Гѣзно и къ Н. И. Надеждину 329—330
4. Остатки работъ П. И. Прейса 331—367
5. Первая лекція П. И. Прейса, читанная весной 1843 г. въ Императорскомъ Петербургскомъ Университетѣ 368—384

О т д ѣ л ь II.

**Памятники языка и народ-
ной словесности.**

1. Село Коснище, Владиміръ-Волынскаго уѣзда, Волынской губ. (Окончаніе). *Дм. И. Абрамовича* 385—386
2. Образцы говора Жиздринскаго уѣзда, Калужск. губ. *В. Н. Добровольскій* 387—392
3. Матеріалы лексикографическіе по Новгородскимъ говорамъ. 1. Слова Череповецкія. Сообщ. *М. К. Герасимовъ*. 2. Слова Ладожскія. Сообщ. *Николай Кедровъ* 392—408
4. Нѣкоторыя лѣкарственные растенія, употребляемыя простымъ народомъ Курской губ. *Т. Г. Вержебицкій* 409—420
5. Прозвища крестьянъ селца Березовки Дмитровскаго уѣзда, Орловской губерніи *В. Добровольскій* 421—424
6. Сборникъ загадокъ для дѣтей. Сообщ. учит. народн. учил. *К. Славинъ* 425—436
7. Игры крестьянскихъ дѣтей Казанской губерніи, Свияжскаго уѣзда, села Вежбатманъ. *А. Можаровскій* 437—442
8. Два старинныхъ областныхъ словаря XVIII столѣтія. Сообщение *П. К. Симоны* 443—450
9. Объ особенностяхъ языка въ г. Устюгѣ и въ Устюжскомъ уѣздѣ, Волог. губ. *Николай Чернавскій* 451—462
10. Бѣлорусскія дѣтскія игры. *И. Демидовичъ* 453—462

О т д ѣ л ь III.

Критика и библиографія.

1. Рустика (Т. А. Мартемьянова). Городъ Волховъ, Орловской губерніи (историко-бытовые очерки). *Вл. Шарутиный* 463—467
2. Великорусь въ своихъ пѣсняхъ, обрядахъ, обычаяхъ, вѣрованіяхъ, сказкахъ. ле-

	Стр.
гецахъ и т. п. Матеріалы, собранныя въ порядокъ П. В. Шейномъ. <i>В. л. Шарутинъ</i>	467—470
3. Slovenská príslovi, pöřekadla a uslovi. Sepsal Adolf Peter Zaturecký	471—472
4. Deutsche Volkskunde. Von Eduard Meyer. Mit siebzehn Abbildungen und einer Karte.	472—475
5. Два отзыва по присужденію большой и малой золотыхъ медалей Этнографическаго Отдѣленія. <i>В Лиманскаго</i>	475—476
6. Библиографическій обзоръ Литовскихъ повременныхъ изданій за 1898 годъ. <i>Б.</i>	477—479

О т д ѣ л ь IV.

Смѣсь.

1. Вечеринки и шрица въ Устьмысльскѣ. Сообщ. Членъ Сотр. Импер. Рус. Геогр. Общ. <i>С. Мельниковъ</i>	480—481
2. Коляда въ Устьмысльскѣ. Мѣщанинъ <i>Стефанъ Мельниковъ</i> . (Чл.-сотр. И. Р. Г. Общ. 1842 г.)	481—482
3. Коледа во Влад. губ. (Изъ Арх. Р. Г. Общ.). <i>Н. Добротворскій</i>	482—485
4. Духовные стихи. Сообщилъ <i>Яковъ Ильинскій</i>	485—487
5. Сказка (записанная въ Эскинскихъ юртахъ Верх. Демьянск. вол. Тоб. окр.). <i>С. Паткановъ</i>	487—489
6. Тагасъ на Бѣломъ озерѣ. Учитель народн. школы <i>М. Камельковъ</i> (уроженецъ села Куности)	489—493
7. Дополненія къ статьѣ г. Комелькова. Учитель Киснемскаго училища Кирилловскаго уѣзда <i>П. Майоровъ</i>	493
8. Пословица и загадка. <i>В. Добровольскій</i>	494—497

Объявленія.

ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ.

Выпускъ I.

О т д ѣ л ь I.

Исслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Разсказы изъ жизни Палѣхъ Жыздринскаго Полѣсья. <i>В. Н. Добровольскій</i>	4—22
---	------

2. Этнографическія замѣтки на пути отъ г. Никольска до г. Тотмы. <i>Гр. Н. Потанина</i>	23—60
3. Распределение жителей Битольскаго Виляета по народностямъ и вѣроисповѣданіямъ, въ 1897 году. <i>А. Ростковскій</i>	61—112

О т д ѣ л ь II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Сборникъ Панаіота Дыновскаго изъ села Галичника (въ Добрахъ). Сооб. <i>П. А. Ровинскій</i>	113—129
2. На мірскомъ передѣлѣ земли. (Очеркъ изъ сѣверно-русской жизни). <i>А. А. Шустикова</i>	130—138

О т д ѣ л ь IV.

Смѣсь.

1. Мѣстные слова города Тотмы. (Волог. губ.). Записалъ <i>В. Шевляковъ</i>	139
2. Четыре сказки Минусинскихъ инородцевъ. Записаны <i>А. Кузнецовой</i>	140—149

Выпускъ II.

О т д ѣ л ь I.

Исслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Разсказы изъ жизни Палѣхъ Жыздринскаго Полѣсья. (Окончаніе). <i>В. Н. Добровольскаго</i>	151—166
2. Этнографическія замѣтки на пути отъ г. Никольска до г. Тотмы. (Окончаніе). <i>Гр. Н. Потанина</i>	167—235

О т д ѣ л ь II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Сборникъ Панаіота Дыновскаго изъ села Галичника (въ Добрахъ). (Продолж.). Сообщ. <i>П. А. Ровинскій</i>	236—250
2. Матерьялы для словаря тунгусскихъ нарѣчій. Сообщ. студ. <i>Ив. Скурлатовъ</i>	251—262
3. Сказка о Чесоточномъ Шаманѣ. Сообщ. <i>В. Воиаръ</i>	263—270

Стр.

ОТДѢЛЪ III.

Критика и библиографія.

1. Slovanský Přehled, sbornik statí, dopisův a zpráv ze života slovanského. Redaktor A. Černý 271—272
2. Věstník slovanských starožitností. Indicateur des travaux relatifs à l'antiquité slave. Vydává L. Niederle 272
3. Die Bulgaren. Ethnographische Studien. Von A. Strausz 273
4. Српске народне пјесме. Скупно их Вук Караџић. Књ. VI (Државно издање) 274
5. Piesne ludu slovenského. Vydáva Museálna slovenská spoločnosť 274
6. Научное изучение ѳлорусскаго нарѣчія за послѣднія десять лѣтъ (1886—1899 гг.): II. Владимірова —
7. Пятидесятилѣтіе «Мыслей объ исторіи русскаго языка». (Очеркъ трудовъ за 50 лѣтъ и новые матеріалы). Его же . 274—275
8. Кижское нарѣчіе, великогубской области, Петрозаводской волости, Олонецкой губ. Св. А. Понамарева 275
9. В. Н. Перетць: Изъ исторіи пословицы. Историко-литературныя замѣтки и матеріалы. —
10. Описаніе русскихъ монетъ музея Ярославской ученой архивной комиссіи, пожертвованныхъ И. А. Вахрамѣевымъ. Сост. Э. Берендтсъ —
11. Bei den Huzulen im Pruththal. Ein Beitrag zur Hausforschung in Oesterreich. Von prof. Kaindl 275—276
12. Наукове товариство ім. Шевченка у Львові. Матерьяли до українсько-руської етнологіі, виданнє етнографичної комисіи за редакцію Хв. Вовка 276
13. Записки наукового товариства імени Шевченка під редакцію М. Грушевського. Г. И. —

ОТДѢЛЪ IV.

Смѣсь.

1. Матерьялы по народному языку, собранныя въ Пошехонскомъ уѣздѣ, Ярославской губ. Сообщ. А. Баловъ. 277

Стр.

Выпуск III.

ОТДѢЛЪ I:

Исслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Латышскія заимствованія изъ славянскихъ языковъ. I. Эндлманъ. 285—312
2. Очеркъ современнаго экономическаго положенія Башкирской Уфимской губерніи. А. Калачева 313—329

ОТДѢЛЪ II.

Памятники языка и народной словесности.

1. О народномъ говорѣ Чухломскаго уѣзда Костромской губерніи. Ф. И. Покровскаго . . 330—349
2. Сказаніе объ Элэнди и его синонимахъ (переводъ съ чукотскаго). Сообщ. В. Г. Богораза 350—370
3. Три сказки, записанныя въ Колымскомъ краѣ. Сообщ. В. Г. Богораза 371—380

ОТДѢЛЪ III.

Критика и библиографія.

1. Slovenske narodne pesmi. Uredil D-ra K. Strekelj. Izdala in založila Slovenska Matica. Г. А. Ильинскаго. 381
2. Moravské Kravařsko (Politický okres Novojický). Г. А. Ильинскаго. —
3. Statystyka ludności Kaszubskiej. Zebrał i opracował Stef. Ramult. Г. А. Ильинскаго 382
4. Kleinere Schriften von Weinhhold Köhler. I Band. Kleinere Schriften zur Märchenforschung. Ю. А. Яворскаго 383
5. Die Zeugung in Sitte, Brauch und Glauben der Südslaven. Ю. А. Яворскаго 384
6. Српске народне приповетке. Скупно Атанасије Николић. На свет издали његови унуци. Ю. А. Яворскаго 385

ОТДѢЛЪ IV.

Смѣсь.

1. Свадебный обычай крестьянъ Кургомнскаго Правленія Арх. губ. Пенк. у. Свящ. К. И. Боготлова 386—388

2. Религиозно-народныя повѣрья и легенды. (Записаны въ Калазинскомъ уѣздѣ Тверской губ.) *В. И. Суворова* 389—397
3. Къ статистикѣ литовскихъ народныхъ книгъ *Э. Валтера*. 398—399
Объявленія 400—402

Стр.

Выпуск IV.

О т д ѣ л ь I.

Исслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Домашній бытъ крестьянъ Левочской волости, Боровичскаго уѣзда Новгородской губ. Студента Имп. Спб. Унив. *М. Синозерскаго*. 403—435
2. Англо-индiйскiй «Кавказъ». Столкновенiя Англiи съ авганскими пограничными племенами. (Этноико-историческiй и политическiй этюдъ). Статья первая. *Н. А. Аристовъ*. . 436—486

О т д ѣ л ь II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Списокъ Тобольскихъ словъ и выраженiй, записанныхъ въ Тобольскомъ, Тюменскомъ, Курганскомъ и Сургутскомъ округахъ, въ двухъ первыхъ д. чл. *Паткановымъ*, въ трехъ послѣднихъ чл. сопр. *Зобнинымъ* и приведенныхъ въ алфавитный порядокъ студ. И. Спб. Унив. *Николаевымъ*. 487—518
2. Пѣсни и Прибаутки, (записанныя Г. Н. Потанинымъ въ дер. Аксеньевой, въ 3-хъ вер. отъ гор Николаевска). Сооб. *Гр. Н. Потанинъ*. 519—525
3. Прозвища крестьянъ дер. Хмѣлевской, Кадниковскаго уѣзда. Сообщ. *А. А. Шустиковъ* 526—528
4. Народныя слова и прозвища, записанныя въ Сысертскомъ заводѣ Пермской губ. Екатеринбург. у. Чл. Сопр. Общества *Ивч. П. Яковымъ*. . . 529—530
5. приходъ Велужскаго уѣзда, Костромской губ. Сообщ. *Я. Кутецовъ* 531—535

О т д ѣ л ь III.

Смѣсь.

1. Св. Андрей Первозванный и Св. Екатерина въ народныхъ

русскихъ вѣрованiяхъ. Историко-этнографическiй очеркъ. *А. Балова* 536—538

Стр.

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ.

Выпуск I и II.

О т д ѣ л ь I.

Исслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Англо-индiйскiй «Кавказъ». Столкновенiя Англiи съ авганскими пограничными племенами. (Этноико-историческiй и политическiй этюдъ). Обзоръ столкновенiй Англо-Индiи съ восточными авганскими племенами. Ст. вторая и послѣдн. *М. А. Аристовъ* 3—150
2. Бродячіе роды тундры между рѣками Индигирской и Колымой, ихъ этническiй составъ, нарѣчіе, бытъ, брачныя и иные обычаи и взаимодействіе различныхъ племенныхъ элементовъ. *Вл. Лохельсона*. Съ рис. 151—193

О т д ѣ л ь II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Міросозерпаніе нашихъ восточныхъ инородцевъ: вотяковъ, черемисовъ и мордвы. *В. А. Мошкова* 194—212
2. Опытъ сравнительнаго словаря русскихъ говоровъ. (Галицко-бойковскiй говоръ). *Иларіона Свѣтлицкаго* 213—229
3. Сборникъ Панаіота Дьяновскаго изъ села Галичника (въ Дебрахъ). (Продолженіе). Сообщ. *П. А. Ровинскій* 230—248
4. По говору Любимскаго уѣзда. Сообщ. *А. Балова* 249—250

О т д ѣ л ь III.

Критика и библиографія.

1. Жреческая организація индогерманцевъ. (Обзоръ новѣйшихъ трудовъ о культурѣ индогерманцевъ). *А. Погодина* . . . 251—264
2. Румынскія сказанія о рахманахъ. *А. И. Ячмирскаго* . . . 264—272
3. Psihologia penala a teranului de Dem. I. Dobresku. *А. Ячмирскаго* 273—277
4. П. Луповъ: «Христіанство у вотяковъ со времени первыхъ историческихъ извѣстій о нихъ до XIX вѣка». *И. Сырнева* . 277—283

	Стр.
5. Nová mapa Království českého
Sestavil V. Kotýška. Kreslil N.
Hanf. Měřítko 1:200.000. <i>Г.
Ильинскаго</i>	283
6. Smíchovsko a Zbraslavsko. Společnou práci učitelstva Redaktor prof. Fr. Hansl, c. k. okresní školní inspektor. <i>Г. Ильинскаго</i>	284—286
7. Starožitnosti země české. Sestavil L. Pěš. Díl. I. Čechy předhistorické. Na základě prvohistorické sbírky Musea Král. Českého. <i>Г. Ильинскаго</i>	284—286
8. Rodinný nedíl čili zádruha v pravu slovanském. Sepsal K. Kadlec. Nákl. vlastním. <i>Г. Ильинскаго</i>	286—287
9. Führer durch Dalmatien. Herausgegeben vom Vereine zur Förderung der volkswirtschaftlichen Interessen des Königreiches Dalmatien. <i>Г. Ильинскаго</i>	287—288
10. Гуцульщина. Написав проф. Володимиръ Шухевич. <i>Г. Ильинскаго</i>	288—289
11. Етнографічний збірник. Видає етнографічна комісія Науков. Тов. ім. Шевченка. <i>Г. Ильинскаго</i>	289
12. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XIX ст. <i>Г. Ильинскаго</i>	289—291

О т д ѣ л ь V.

Смѣсь.

1. Смерть, похороны и причитания. (Этнографический материалъ Калужской губ.). *В. Н. Добровольскаго* 292—294
2. О Сибирскомъ Полярномъ Отдѣлѣ Северо-тихоокеанской экспедиции. (Изъ письма къ Предсѣдателю Этнографическаго Отдѣла Императ. Русскаго Географич. Общества). *В. Буорала и В. Логельсона*. 295—296

Выпускъ III.

О т д ѣ л ь I.

Наслѣдованія, наблюденія и разсужденія.

1. Труба въ народныхъ вѣрованіяхъ. Ст. перв. *В. А. Мошкова* 297—352
2. Хунь-ну и гунны. (Библиографическій обзоръ теорій о происхожденіи народа Хунь-ну китайскихъ лѣтописей, о происхожденіи европейскихъ Гунновъ и о взаимныхъ отноше-

	Стр.
ніяхъ этихъ двухъ народовъ). Ст. перв. <i>К. А. Иосотрапидзе</i> . 353—356	
3. Объ одномъ старославянскомъ оборотѣ съ точки зрѣнія временныхъ славянскихъ нарѣчій. <i>Г. А. Ильинскаго</i>	397—392

О т д ѣ л ь II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Распределение жителей Содоунскаго Вилаета по народностямъ и вѣроисповѣданіямъ въ 1899 году. *А. Ростковскаго* . 393—425
2. Нѣсколько духовныхъ стиховъ. *В. Чернышева* 426—435

О т д ѣ л ь III.

Критика и библиографія.

1. Die Slowinzen und Lebakaschuben. Mit einer Sprachkarte und 3 Tafeln Abbildungen. *Г. А. Ильинскаго* 436—437
2. Ор. Шкапскій. Аму-Дарынскіе очерки. *А. А. Липовскаго* 438—439
3. П. Н. Милоковъ: 5 этнографическихъ картъ Македоніи—съ текстомъ —
И. П. Рогановичъ: Македонскій вопросъ на почвѣ своей исторіи, этнографіи и политики —
Сп. Гоцевичъ: Старая Сербія и Македонія. Историко-этнографическое изслѣдованіе. *В. Короблева*. 439—441
4. Е. Т. Смирновъ. Приамурскій край на Амурско-Приморской выставкѣ 1899 г. въ гор. Хабаровскѣ. *С. Брайловскаго* 441—442
5. Кубанскій сборникъ. «Труды Кубанскаго Областнаго Статистическаго Комитета», издаваемые подъ редакціей С. В. Руденка. *А. Лащенко* 442

О т д ѣ л ь IV.

Вопросы и отвѣты. 443

О т д ѣ л ь V.

Смѣсь.

1. Отрывки изъ свадебныхъ причетовъ Ляментскаго прихода, Никольскаго уѣзда, Вологодской губерніи. *Михаила Пшемицына* 444—446
 2. Изъ старыхъ журналовъ. *А. Лащенко* 447—449
- Объявленіе.

Стр.

Выпуск IV.

О т д ѣ л ъ I.

Исслѣдованія, наблюденія и
разсужденія.

1. Труба въ пародныхъ вѣрованіяхъ. Статья вторая послѣдняя *В. А. Мошкова*. Карта и рисунки 451—524
2. Хунь-ну и Гунны (Библиографическій обзоръ теорій о происхожденіи народа Хунь-ну китайскихъ лѣтописей, о происхожденіи европейскихъ Гунновъ и о взаимныхъ отношеніяхъ этихъ двухъ народовъ). Статья вторая и послѣдняя *К. А. Пнотрицки* 525—564

О т д ѣ л ъ II.

Памятники языка и народной
словесности.

1. Распределеніе жителей Солунскаго Вилаета по народностямъ и вѣроисповѣданіямъ въ 1899 году. (Окончаніе). *А. Ростковскаго* 565—583

О т д ѣ л ъ III.

Критика и библиографія.

1. Путешествіе антиохійскаго патр. Макарія въ Россію въ половинѣ XVII вѣка. *А. И. Яцимирскаго* 583—589
2. Д-ръ Г. Полявка. Магьосникъ и неговинъ ученикъ. Сравнительна фолклорна студія. *Ю. Яворскаго* 589—591
3. Allgemeine Methodik der Volkskunde. Berichte über Erscheinungen in den Jahren 1890—1897. *Ю. Яворскаго* 591—592
4. Караиѣ. Листъ за срѣпки народна живот. обичаје и предаше *Ю. Яворскаго* 592—593

О т д ѣ л ъ IV.

Вопросы и отвѣты. 594—595

О т д ѣ л ъ V.

Смѣсь.

1. Изъ галицко-русскихъ народныхъ повѣрій. *Ю. Яворскаго* 598—599
2. Примѣты и рассказы. Сообщ. *В. Чернышева* 599—602
3. Л. Н. Майковъ † апр. 1900. *В. Ламанскаго* 602—603

Объявленія.

Стр.

ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

Выпуск I.

О т д ѣ л ъ I.

Исслѣдованія, наблюденія,
разсужденія.

1. Этнологическій очеркъ Зырянъ. *Жакова* 3—36
2. По Чердынскому уѣзду. *Н. Онукова* 37—74

О т д ѣ л ъ II.

Памятники языка и народной
словесности.

1. Финскія сказки. Сообщ. *Антони Аарне, ректора* 75—80
2. Особенности въ говорѣ русскихъ крестьянъ юго-восточной части Вятской губерніи. *Д. Зеленина* 81—96

О т д ѣ л ъ III.

Критика и библиографія.

1. Населеніе Македоніи. (Отвѣтъ на статью г. Драганова, напечатанную въ «Спб. Вѣдомостяхъ», № 200). *Василія Канцова* 97—102
2. «Юбилейный Сборникъ» въ честь В. Ф. Миллера, изданный его учениками и почитателями. М. 1900. *В. Перетца*. 102—106

О т д ѣ л ъ IV.

Вопросы и отвѣты 107—113

О т д ѣ л ъ V.

Смѣсь.

1. Народныя загадки, записанныя въ Пошехонскомъ уѣздѣ, Ярославской губерніи 114—116
2. Колыбельныя, дѣтскія пѣсни и дѣтскія прибаутки, записанныя въ Пошехонскомъ уѣздѣ, Ярославской губ. *А. Балова* . 116—120
3. «Понедѣльничанье». Историко-этнографическій очеркъ. *А. Балова* 120—124
4. Суевѣрія и примѣты, крестьянскія записи. Сообщ. *В. И. Чернышевымъ* 125—126
5. Здунай-то, Здунай сынъ Ивановичъ. *Г. Потанини* 126—128

Стр.

Выпуск II.

О т д е л ь I.

Исследования, наблюдения,
разсуждения.

1. Тазы или Удичэ. (Опыт этнографического исследования). *С. Н. Браиловскаго* 129—216

О т д е л ь II.

Памятники языка и народной
словесности.

1. Финскія сказки. Сообщ. *Антони Аарта, ректора* 217—220
2. Литвино-Бѣлорусы Черниговской губ., ихъ бытъ и пѣсни. *М. Н. Косицъ* 221—260
3. Колядки и щедровки, записанныя въ Волынскомъ Полясьѣ. Записалъ *Н. Н. Коробка* 261—296

О т д е л ь III.

Критика и библиографія.

1. F. Hirth, Sinologische Beiträge zur Geschichte der Türk-Völker, I. Die Ahnentafel Attila's nach Johannes von Thurocz (Извѣстія Императорской Академіи Наукъ, т. XIII, № 2, 1900, сентябрь). *К. А. Пюстраницина* 297—299
2. Македонія. Етнографія и статистика отъ Васіла Къичовъ. *Г. А. Ильинскаго* 299—301
3. Болгарія и болгары Н. Овсянаго, дѣйст. чл. Имп. Русс. Геогр. Общ. *Г. А. Ильинскаго*. 301—303
4. Beiträge zur Ethnographie der hannoverschen Elbslaven Mitgetheilt von A. Vieh mit Einleitung und Zusätzen von H. Zimmer, V. Jagić und A. Leskien. *Г. А. Ильинскаго* 303—304
5. Общій имущественный законникъ для княжества Черногорскаго (по второму изданію 1898 г.). *Г. А. Ильинскаго* . 304—305
6. Historia porównawcza praw słowian-kich. Główne kierunki rozwoju nauki, jej istotne zadanie. napisal Oswald Balzer. 1900. *Г. А. Ильинскаго* 305—306
7. Starověké zprávy o zeměpisu východní Evropy se zřetelem na země slovanské. Příspěvkem k poznání nejstarších dějin slovanských podává Dr. L. Niederle. *Г. А. Ильинскаго* 306—308

Стр.

О т д е л ь IV.

Смѣсь.

1. Народный говоръ на моей родинѣ. (Въ селѣ Воскресенскомъ, Московской губ., Коломенскаго уѣзда). *Д.* 309
2. Примѣты. Сообщ. *В. И. Чернышевъ* 309—311
3. Примѣты, предсказанія погоды Литовцами Поневѣжскаго уѣз. Сообщ. *Г. И. Неткевичъ* 311—313
4. Замѣтки о Македоніи. По поводу статьи г. Драганова. (Изв. Спб. Слав. благотвор. Общ. 1888). *Фрейкова* 314—320
5. Объявленіе II-го Отд. П. А. Н. о конкурсѣ на премию М. И. Михельсона 321

Выпуск III и IV.

О т д е л ь I.

Исследования, наблюдения и
разсуждения.

1. Тазы или Удичэ. (Опыт этнографического исследования) (Окончаніе), (съ рисунками). *С. Н. Браиловскаго* 323—433
2. О расколѣ на низовой Печорѣ. *Н. Ощуркова* 434—452

О т д е л ь II.

Памятники языка и народной
словесности.

1. Литвино-Бѣлорусы Черниговской губерніи, ихъ бытъ и пѣсни. (Окончаніе). *М. Н. Косицъ* 1—88

О т д е л ь III.

Критика и библиографія

1. Katalog dzieł treści przysłowiowej składających bibliotekę Jgnacego Bernsteina. *С. Н. Браиловскаго* 89—91
2. Joan Bogdan. Luptele rominilor cu turcii pana la Mihai-Viteazul. *А. И. Яцимирскаго* 91—92
3. Octav George Luca. Familie boeresti române. *А. И. Яцимирскаго* 92—93
4. Basarabia in secolul XIX de Zamfi C. Arbure. Editiunea Academiei Române. *А. И. Яцимирскаго* 93—95
5. Sărbătorile la Români. Studiu etnografic de Sim. Fl. Marian. *А. И. Яцимирскаго* 95—99

6. Istoria Bucurestilor de Ionescu-Gion. *А. Н. Яцимирская* Стр. 99

О т д ѣ л ъ IV.

Вопросы и отвѣты.

1. Отвѣтъ на вопросы Н. В. Томаса изъ Лондона *Илр. Ал. Гизомирова* 100—104

О т д ѣ л ъ V.

Смѣсь.

- А. О древне-русскихъ «некалендарныхъ» именахъ въ XVI—XVII вѣкахъ. *А. Балова* 105—115

- Стр.
2. Населеніе Македоніи, ст. г. Драганова, въ «Слб. Вѣдомостяхъ» № 200. *Васила Къичова*. (1900 г.) 115—121
3. Новогодняя ворожба по деревнямъ Енисейской губерніи. *Алексъя Макаренко* 122—126
4. Шишкинская волость, Костромского уѣзда. *Николая Виноградова* 127—130
5. Народныя примѣты, касающіяся погоды и сельскаго хозяйства. *В. А. Антипова* 131—132
6. Примѣты и повѣрья. *Пв. Костоловскаго* и *В. Чернышева* 133—136

О Т Д Ъ Л Ъ І.

Тазы, или Удиһэ ¹⁾.

(Опытъ этнографическаго изслѣдованія).

(О к о н ч а н і е).

Если территорію удиһэ нельзя считать страной съ богатою природою, щедро надѣляющею своихъ обитателей земными благами, то во всякомъ случаѣ не слѣдуетъ сомнѣваться въ томъ, что она, за исключеніемъ сѣверной части, въ состояніи прокормить населеніе, вдвое-втрое многочислѣннѣйшее нынѣшняго. Присоединивъ сюда незначительность потребностей удиһэ и простоту ихъ полудикой жизни, легко прійти къ заключенію, что аборигены страны должны жить въ довольствѣ и даже богатствѣ. Къ тому же, на первыхъ порахъ, наблюдателя жизни удиһэ поражаетъ пренебреженіе или (вѣрнѣе) бросаніе денегъ, проявляемое ими. „Что дорожить деньгами? Деньги у тазаохотника всегда есть! Будетъ соболь, будетъ выдра—деньги у таза будутъ“—такъ говорилъ, подвыпивъ, мой переводчикъ, котораго я уговаривалъ не платить за бутылку отвратительной японской водки (саки) рубль. Но такъ можетъ показаться лишь съ перваго взгляда. Ближайшее ознакомленіе съ бытомъ удиһэ приводитъ къ заключенію, что ни о какомъ богатствѣ и благосостояніи въ настоящее время не можетъ быть и рѣчи. Во всей бытовой обстановкѣ удиһэ нѣтъ ни малѣйшаго намека на богатство или зажиточность. Если васъ, при входѣ въ жилище удиһэ, поразитъ относительное довольство обитателей, нарядность одежды женщинъ, сравнительно богатая домашняя обстановка, то не спѣшите заключать о состоятельности и исправности хозяйства. Вотъ вамъ примѣръ. Въ деревнѣ на р. Такхомъ я встрѣтилъ един-

¹⁾ Латинское h употреблено мною для выраженія звука, которому въ русскомъ алфавитѣ нѣтъ соотвѣтствующей буквы.

ственную богато обставленную фанзу у удиһе. По вѣшнему виду ее никакъ нельзя было отличить отъ богатой усадьбы китайца. Близъ двора, на прекрасной равнинѣ, пасся рогатый скоть, въ количествѣ 15 головъ, много куръ бродило по двору, до десятка свиней лежало въ хлѣвахъ, двѣ или три лошади стояли подъ навѣсомъ; жена и дѣти нарядно одѣты и причесаны. Признаюсь, что послѣ примелькавшихся картинъ бѣдности и нищеты удиһе мнѣ весьма пріятно было встрѣтить среди нихъ такое довольство. Но—увы!—разпросы показали, что богатство и довольство настоящей семьи—чистѣйшій миражъ; все видѣнное мною имущество всецѣло принадлежало находившемуся здѣсь манзѣ. На мои вопросы, кого записать хозяиномъ, манза называлъ себя, а удиһе себя. Оказалось, что лѣтъ десять назадъ на этомъ дворѣ жилъ удиһе съ семьей. У него была фанза, быки и лошадь. Жилъ онъ хорошо (слово—которымъ удиһе выражаютъ довольство своею матеріальною обстановкою). Къ этому удиһе присталъ, въ качествѣ работника, видѣнный мною манза. Послѣдній работалъ сперва за харчи и вдобавокъ получалъ плату чулицою. Замѣтивъ расположеніе хозяина къ лѣни и безпечность его, услужливый манза предложилъ хозяину такія условія: пусть хозяинъ передастъ все свое хозяйство ему, работнику, который будетъ давать хозяину половину урожая. Скоть принадлежитъ хозяину, а приплодъ—работнику. Когда прежняя фанза пришла въ ветхость, работникъ предложилъ хозяину, что выстроить новую, болѣе обширную. „Все равно, что твое будетъ!“ утѣшилъ хитрый манза добродушнаго и простоватаго хозяина-лѣтятя. Между тѣмъ проходили годы; семья у хозяина увеличивалась, дѣти подрастали, потребности увеличивались. Хозяинъ, пользуясь услугами китайца, совершенно забросилъ хозяйство и окончательно облѣнился. За десять лѣтъ скоть хозяина сталъ негоднымъ къ работѣ, а приплодъ работника былъ въ силѣ. Старая фанзушка хозяина исчезла, замѣнившись большою новою фанзою, которую соорудилъ и считалъ своею собственностью манза. Когда отъ хозяйства удиһе остались однѣ жалкія руины, китаецъ нашелъ невыгоднымъ соблюдать нѣкоторые изъ прежнихъ условій, на примѣръ, онъ призвалъ невозможнымъ давать хозяину половину своего дохода и орочь-удиһе помирился на трети дохода. Недостающее для содержанія семьи бралъ у манзы-работника въ долгъ, въ счетъ выкупа усадьбы. Когда я посѣтилъ эту фанзу, то поведеніе манзы ясно показывало, что онъ считаетъ усадьбу выкупленною, почему и назвалъ себя хозяиномъ. Нетрудно предсказать—или вѣриѣе—доказать печальныйъ конецъ этой вѣчно одной и той же исторіи хозяйства орочна-удиһе; хозяинъ проѣстъ жену и дѣтей, затѣмъ навсегда забалитъ себя манзѣ-работнику, который очень скоро приметъ видъ богатаго хозяина и заставитъ удиһе работать на себя, не разгибая спины. Впрочемъ, можетъ

легко стать и то, что ороchonъ не дотянетъ до такого печальнаго конца: онъ можетъ прежде времени умереть отъ усиленнаго куревія опиума, къ которому обыкновенно приучаютъ манзы такихъ неудачниковъ.

Въ другихъ посѣщенныхъ мною мѣстахъ я нигдѣ не видѣлъ вполнѣ зажиточныхъ ороchonъ-удиhе. Особенно меня поразила нищета аборигеновъ страны въ бассейнѣ р. Та-Судухе, о чемъ я говорилъ уже въ печати ¹⁾.

На основаніи близкаго личнаго знакомства съ бытомъ удиhе и разныхъ печатныхъ источниковъ осмѣливаюсь утверждать, что основною нормою хозяйства ороча-удиhе слѣдуетъ считать незадолженность манзѣ или какому-нибудь другому кредитору. Такихъ чистыхъ отъ долговъ хозяйствъ среди орочей-удиhе въ настоящее время насчитаемъ очень мало.

Точно такъ же рисуютъ картину экономического уклада жизни орочей-удиhе и мои предшественники. Такъ, г. Надаровъ (Сѣвер.-Уссур. край, 114 стр.) пишетъ: „При изученіи на мѣстѣ экономического состоянія инородческаго населенія Сѣверно-Уссурійскаго края, прежде всего бросается въ глаза рѣзкое раздѣленіе всѣхъ инородцевъ на два элемента—эксплоатирующихъ и эксплуатируемыхъ... Экономическое состояніе второго элемента (т. е. ороchonъ) крайне печальное... Орочоны... мало того, что состоятъ въ неоплатномъ долгу у китайцевъ, они еще находятся почти что въ крѣпостномъ состояніи у послѣднихъ... Я готовъ даже сказать, что орочоны состоятъ въ рабствѣ у китайцевъ. Китаецъ считаетъ себя въ правѣ во всякое время безъ суда учинить расправу надъ орочономъ и отобрать у него все имущество, не исключая оружія и огнестрѣльныхъ припасовъ. Еще не такъ давно то время, когда тѣ же китайцы позволяли себѣ отбирать женъ и дѣтей и продавать ихъ другимъ орочонамъ или китайцамъ“...

Чтобы читатели не подумали, что экономическое господство китайцевъ надъ орочонами прекратилось въ послѣдующее время, благодаря воздѣйствію русскихъ, приведу слова г. Альфана (Труды Приамур. Отд. И. Р. Г. Общ. за 1895 г.), позднѣйшаго изслѣдователя быта интересующихъ насъ инородцевъ. „Экономическое состояніе ороchonъ“,—пишетъ онъ,—„въ большинствѣ случаевъ крайне печально. Всѣ орочоны раздѣлены между нѣсколькими китайцами-хозяевами. Они ихъ кормятъ, одѣваютъ, но за то берутъ все, что орочоны добываютъ на промыслахъ, пользуются ими, какъ своими рабочими и безстыдно эксплуатируютъ ихъ. Вотъ почему нельзя не видѣть слишкомъ благодушную идеализацію въ слѣдующихъ словахъ г-жи Васильевой, которая

¹⁾ См. газету «Сибирь», 1897 г., № 35, фельетонъ, подъ заглавіемъ «Угасающее племя.» Статья эта представляетъ собою заключительную часть моего доклада въ Общ. изученія Амур. край 20 ноября 1896 г. (См. Отчетъ Об—ва за тотъ же годъ).

такъ говорить объ экономическихъ отношеніяхъ манзъ и ороchonъ-удиhъ: „Сближеніе между манзами и тазами самое тѣсное; они нуждаются другъ въ другѣ: манзъ снабжаетъ таза различными товарами и жизненными припасами таза же хорошій охотникъ и снабжаетъ манза плодами своей охоты; самая же главная причина сближенія—холодная жизнь манзъ, которые женятся на тазачкахъ“ (Извѣстія Русск. Геогр. Общ. 1872 г., т. VIII, № 2-й, стр. 70). Тутъ сказано все, но слишкомъ обще: авторъ не потрудился изслѣдовать, кто остается въ барышахъ отъ мѣны продуктами, и при какихъ условіяхъ совершаются браки китайцевъ съ ороchonками. Если бы основательно изслѣдовать указанные вопросы, то экономическая неурядица въ жизни тазовъ стала бы очевидна.

Все благосостояніе удиhъ находится въ зависимости отъ случая, поэтому-то и нельзя ожидать особенно веселой картины экономической жизни ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, главными основами экономического быта удиhъ являются, какъ было сказано выше, рыболовство и охота, занятія всегда подверженныя большой случайности. Недаромъ сами удиhъ различаютъ удачныя и неудачныя годы. Правда, рыболовство, по крайней мѣрѣ, на побережьи Великаго океана, рѣдко не удается жителямъ; но и оно иногда подвергается неудачѣ, въ конецъ подрывающей и безъ того слабый бюджетъ удиhъ. Такъ, въ 1896 г., вслѣдствіе большой воды, пригнанной къ берегу ужаснымъ тайфуномъ, въ рѣки плохо шла рыба, главное питаніе ороchonъ на сѣверѣ, отчасти и югѣ Зауссурійскаго края.

О случайностяхъ охоты, особенно съ уменьшеніемъ, вслѣдствіе лѣсныхъ паловъ, звѣря, говорить не приходится, потому что объ этомъ ежегодно свѣдѣтельствуется мѣстной прессою и отчетами администраціи. Перекочевка соболя, главной драгоценности края, рѣдкость пантовъ и женшеня—все это важные факторы, доводящіе хозяйство ороchonъ-удиhъ до трагической подчасъ крайности. Отсюда вытекаетъ необходимость для ороchonъ-удиhъ кредита, притомъ возможно дешеваго кредита, въ видѣ ли казенныхъ складовъ или чего-либо другого.

Но отбросимъ случайности, подрывающія благосостояніе удиhъ. Путь воды всегда обильны рыбою, дѣбри—звѣремъ. Даетъ ли ороchonъ-удиhъ удачная охота и удачный ловъ рыбы все то, что необходимо ему и семьѣ на годъ. Нѣтъ сомнѣнія, что любая семья удиhъ, при несложности своихъ потребностей и при отсутствіи платежей ¹⁾, легко могла бы даже не совсѣмъ удачною охотою добыть потребное для нея количество денегъ. Но, при отсутствіи въ настоящее время правильной торговли въ странѣ ороchonъ-удиhъ, послѣдніе по-

¹⁾ Живущіе въ предѣлахъ Китая ороchonы-удиhъ платятъ ясакъ по соболю или по два равно обизаны являются разъ или два раза въ годъ на ученье.

купаютъ очень дорого необходимые товары, а добычу свою, пушнину, продаютъ очень дешево, слѣдствіемъ чего является то, что охота не даетъ всего необходимаго имъ. Недостающее дается услужливыми купцами въ долгъ. Такимъ образомъ и здѣсь приходится сдѣлать тотъ же выводъ, что сдѣланъ раньше: удіиѣ необходимо кредитъ.

Тутъ слѣдуетъ сказать рѣсколько подробнѣе о торговлѣ въ странѣ удіиѣ.

Торговля эта мѣновая и состоитъ въ развозѣ товаровъ купцами. Вся она находится въ рукахъ китайцевъ, немногихъ голландовъ, а изъ русскихъ весьма рѣдко заглядываетъ довѣренный купца Берсенева, главные торговныя операціи котораго сосредоточены въ землѣ родичей удіиѣ, орочьей Императорской гавани, р. р. Тумни и Коппи ²⁾). Предметами торговли являются: жизненные продукты, даба, ситцы яркихъ цвѣтовъ, преимущественно синяго, желтаго и краснаго, баязъ, древлъ, бумажные и шерстяные платки, порохъ, свинецъ, подпилки, топоры, котлы, разные желѣзные и мѣдныя издѣлія, кольца, серьги, браслеты, раковины, бусы, нитки, иголки, шелкъ для вышиванья, одѣяла, улы, цвѣтная тесьма, ленты, спички, оружіе, патроны, чашки, китайскія трубки съ длинными чубуками и каменными мундштуками, мѣдныя тазы, трубки для куренія опиума и другія принадлежности, въ опиѣ куренію относящіяся, моткузы, толстыя сувна и т. п.

Въ обмѣнъ дается исключительно пушнина, которая и является главною цѣлью торговцевъ, особенно китайцевъ и русскихъ; кромѣ того, принимаются панты и женьшень. Весьма часто торговцы платятъ за пушнину и деньгами, хотя слѣдуетъ замѣтить, что орочи-удіиѣ не придаютъ „презрѣнному металлу“ той цѣны, какую онъ имѣетъ среди цивилизованныхъ народовъ: тамъ главное—продукты и товары.

Купцы съ товарами появляются изъ гг. Хабаровска и Владивостока, главнымъ образомъ, зимою, когда станутъ рѣки и товары удобно перевозить по льду на собакахъ, и когда у орочьей всегда имѣется пушнина. Лѣтомъ по всему побережью Великаго океана случайными торговцами являются японцы, арендующіе у русской казны участки для рыбной ловли и промѣнявающіе на пушнину, рыбу, кабарговую струю и рога изюбря или продающіе за деньги рисъ, японскую водку (саки), табакъ и тростниковый сахаръ.

Очень рѣдко (мнѣ извѣстенъ только одинъ случай) торговлею занимаются сами удіиѣ; мнѣ, напримѣръ, извѣстно, что на р. Самаргѣ торговлю велъ нынѣ покойный старшина Индину.

При полномъ незнакомствѣ удіиѣ съ цѣнами на товары и необходи-

²⁾ См. ст. Леонтовича: «Природа и населеніе бассейна р. Тумни, журн. Землевѣдніе». т. IV, 1897 г., стр. 37. Маргаритовъ, Орочи Импер. гавани.

мости брать товары въ долгъ, хозяиномъ и безконтрольнымъ оцѣнщикомъ является торговецъ. Нечего и говорить, что при этомъ произволу купцовъ открывается большой просторъ. Для иллюстраціи привожу скопированную долговую записку-памятку умершаго старшины Индину, который занимался, какъ только что сказано, торговлею на р. Самаргѣ. Вотъ что гласитъ эта записка: „Орочонъ Левлі по р. Кусунъ долженъ за 27 соболей: 200 папушъ табаку, 33 китайской дабы, 50 патроновъ. За 32 дабы—8 соболей, за 50 патроновъ—1 соболь, за 200 папушъ табаку—8 соболей“.

Стоитъ хорошенько вдуматься въ этотъ преинтересный документъ, чтобы воочию видѣть, до какихъ геркулесовскихъ размѣровъ простирается эксплоатація торговцевъ, непосильнымъ бременемъ ложащаяся на орочонъ—удиһэ. Въ самомъ дѣлѣ, обратите вниманіе на цѣны товарамъ: 200 папушъ табаку маньчжурскаго, считая по 20 папушъ въ 1 ф., составляютъ 10 фунтовъ. Лѣтомъ 1897 г., собираясь въ экспедицію для переписки инородцевъ по Татарскому побережью, я покупалъ во Владивостокѣ, при дорогой цѣнѣ на табакъ, по 30 коп. за фунтъ. Такимъ образомъ, за табакъ, стоящій во Владивостокѣ 3 рубля ($30 \times 10 = 300$ к.), старшина орочей—удиһэ не постѣснялся взять съ своего же брата—орочона 8 соболей, т. е., при предположеніи, что соболи были средняго качества, стоимостью 5 руб. каждый, 40 рублей (вмѣсто 3-хъ)! На другіе товары наложены тоже не менѣе драконовскія цѣны.

Но въ этой записки имѣется еще одно свидѣтельство о томъ, какими принципами руководятся кредиторы-купцы при взиманіи долговъ. На самомъ дѣлѣ долгъ ороча—удиһэ Левлі равняется 17 соболямъ ($8 + 1 + 8 = 17$), а Индину показалъ 27. Это описка, или ошибка, или начетъ?

Если такъ поступалъ съ должниками—удиһэ Индину, самъ удиһэ, слѣдовательно свой человѣкъ, то что сказать о чужихъ людяхъ, китайскихъ купцахъ, которые и пробираются въ тайгу къ орочонамъ съ цѣлью получить побольше барыша за плохой товаръ, чтобы уѣхать затѣмъ на родину въ Шань-дунъ или Чифу.

Что подобныя произвольно-высокія цѣны на товары существуютъ по всей территоріи удиһэ, объ этомъ можно собрать множество указаній у многихъ предшественниковъ. Такъ, г. Надаровъ записалъ слѣдующія цѣны, по которымъ продаются товары жителямъ правыхъ притоконъ р. Уссури, именно:

„По р. Хору:

1 пудъ буды	отъ 3 до 5 руб., или	2—3 соболя
1 „	табаку маньчжурскаго	12—16 р., или . . 6—8 „
1 „	соли	2—3 „
2 фун.	китайскихъ (болѣе 2 русскихъ фун.)	свинцу 1 „

По Визнну:

1 пудъ буды отъ 3 до 5 руб., или	2—3	соболя
3 ручныя сажени китайской дабы	1	„
1 пудъ табаку отъ 12 до 12 руб., или	5—6	„
2 фунта свинцу	1	„
1 пудъ соли	2—3	„
3 фун. ханшина (китайская водка, около 4 бут.)	1	„

По р.р. Иману и Ваку:

1 пудъ буды 3 руб., или	1	соболь
1 „ табаку отъ 8 до 10 руб., или	4—5	„
3 ручныя сажени китайской дабы	1	„
3 фун. ханшина	1	„ (См.

Надарова „Сѣв.-Уссур. край“, стр. 122—123) ¹⁾

Русскій купецъ И. П. Берсенева, торгующій въ предѣлахъ удіѣе только по р. Ботчи, установилъ слѣд. цѣны на товары:

Пружинныя вѣсы	1	соболь,
30 папушь табаку (5 ф.)	1	„
Винчестеръ—ружье	18	хорошихъ соболей.

Неудивительно, что при такихъ цѣнахъ на товары, особенно при мѣновой торговлѣ, рѣдкій удіѣе не запутается въ долгахъ. Стоитъ разъ попасть въ должники, — и орочь никогда уже не сдѣлается свободнымъ отъ нихъ: безпечный, какъ дитя, удіѣе никогда не помнитъ суммы своего долга, вполне полагаясь на купца, которому нѣтъ никакого расчета выпускать должника изъ плѣна. Опасаясь развивающейся изъ года въ годъ конкуренціи, купцы стремятся заручиться возможно большимъ количествомъ покупателей-инородцевъ, и потому навязываютъ кредитъ, чтобы обязать себѣ удіѣе и,

¹⁾ Съ отмѣченными, по Надарову, цѣнами интересно сопоставить цѣны, сообщаемыя подполковникомъ Альфтаномъ, посѣщавшимъ тѣ же мѣста въ недавнее время.

	При мѣновой торговлѣ.	При покупкѣ на деньги.
Пудъ чумиды	8 р.	3—4 р.
» табаку	9 »	8 »
» муки майзы	8 »	4—8 »
» кукурузы	» »	1—1 » 50 к.
» картофелю	» »	35—40 к.
Фунтъ ханшина	» »	»
» опиума	20 »	—
» бобоваго масла	36 к.	30 35 к.
» пороху	8 »	—
» сахару	1 »	50 к.—1 р.
» улу	4—5 »	2—3 »
100 патроновъ	24—30 »	—
Пудъ соли	»	10 »

«Труды Пріамур. Отд. И. Р. Г. Об. за 1895 г.»).

такъ сказать, закрѣпить его за собою. Мнѣ самому не разъ приходилось удостовѣриться, какъ орочи-уди́нэ боятся нарушить разъ данное купцу обязательство—доставлять всю добычу охоты одному ему, какъ своему кредитору. При нарушении орочиномъ обязательства, кредиторъ можетъ въ раздраженіи потребовать немедленной уплаты долга и разорить несостоятельнаго должника.

Особенною свирѣпостью и неумолимостью по отношенію къ орочамъ-уди́нэ отличаются, какъ кредиторы, купцы—китайцы. Запутавъ уди́нэ въ долгахъ, китаецъ становится ихъ „хозяйномъ“. Многіе изслѣдователи быта орочей-уди́нэ упоминаютъ о такихъ купцахъ-эксплоататорахъ и „хозяевахъ“. Такъ, на р. Хорѣ, по словамъ подполковника Бѣльковича, три такихъ китаецъ-хозяина: Джонъ-шань-джинь, Ди-дун-чуй и Джонъ-ля-уль [См. Труды Приамур. Отд. И. Р. Г. Об. за 1895 г.]. Вообще, по словамъ подполковника Альфтана, во всѣхъ населенныхъ орочами-уди́нэ пунктахъ по р.р. Бивину, Иману и Ваку живетъ нѣсколько китайцевъ, которые, на правахъ „хозяина“—купца, держатъ въ страхѣ и подчиненіи слабыхъ и закабаленныхъ ими жителей (*ibidem*).

На побережьи Татарскаго пролива мнѣ называли двухъ такихъ китаецъ-хозяевъ: одинъ приходитъ съ Амура, а постоянно живетъ на р. Уссури, по имени Ваг-ню-сынъ, другой живетъ на Хорѣ, по имени Ван-ху.

Названные „хозяева“ и другіе купцы-кредиторы, пріѣзжая въ поселенія уди́нэ для торговли, не только кормятся, во все время производства своихъ торговыхъ операцій, за счетъ своихъ должниковъ, но и ставят ловушки на соболя, отчасти лишая этимъ своихъ кліентовъ средствъ къ жизни. Мало того, Ваг-ню взялъ за долги у одного непокорнаго уди́нэ съ р. Самарги не только имущество, но и такую драгоценность, какъ ружье, единственное орудіе промысла, т. е. въ конецъ разорилъ должника.

Что существовавшій прежде, по словамъ г. Надарова (Сѣв.-Усур. (Сѣв.-Усур. край, 123 стр.), обычай брать за долги семью ороча, особенно женщинъ, не превратился до настоящаго времени, это доказываетъ ниже приводимый и уже опубликованный мною (см. Приамурскія Вѣдомости 1897., № 191-й: „Иностранческое население побережья Татарскаго пролива. Изъ впечатлѣній по переписи) документъ,—прошеніе орочона „русскому начальству“¹⁾.

¹⁾ Прошеніе привожу дословно, беря въ скобки слова, прибавленныя мною для большей ясности. Интересно, что прошеніе это написано Панжъ какимъ-то грамотнымъ китаецемъ, проживающимъ въ гор. Хабаровскѣ и сумѣвшимъ научиться по-русски. О вознагражденіи китаецу за прошеніе Панжа ничего не сказалъ.

„1896 года, февраля 13 дня.

Заявленіе о рочона рѣчки Амура, около рѣчки Куоунъ
(-Куоунгоу),

русскому начальству.

„Отдалъ я свою дочь замужъ за ороочона, живущаго по рѣчкѣ Кэме, Енси. У этого ороочона, т. е. зятя моего, проживалъ, т. е. квартировалъ, китаецъ. Наконецъ, этотъ (китаецъ) сталъ меня притѣснять за долгъ. Зять мой заплатилъ сполна этому китаецу долгъ (мой). Китаецъ же этотъ сталъ еще требовать съ зятя моего долгъ и говорить, что зять мой этому китаецу (-ему) много не доплатилъ, напримѣръ, соборей и хунто (-пантовъ), почиталъ его должникомъ. Наконецъ, этотъ китаецъ сталъ у зятя моего отбирать (за мнимый долгъ) жену, т. е. мою дочь; даже китаецъ этотъ жену зятя, т. е. мою дочь, бралъ къ себѣ на постелю на ночь спать. Наконецъ, зять мой вышелъ изъ терпѣнія (и) убилъ этого китаеца, (а) самъ убѣжалъ, до сихъ поръ неизвѣстно куда. Теперь же другіе китаецы изъ-за (проступка) зятя моего хотятъ меня убить, словомъ, не дадутъ мнѣ ничѣмъ заниматься, чтобы прокормить мое семейство. Дочь же (свою) я взялъ къ себѣ до тѣхъ поръ, пока не явится мой зять.

Покорнѣйше прошу русское начальство защитить меня и мое семейство отъ грозящей мнѣ обиды; всепокорнѣйше прошу (защитить насъ, потому что) вообще проживающіе здѣсь по рѣкамъ китаецы насъ обираютъ.

Къ сему (руку приложилъ) ороочонъ Панжа и сынъ мой Ченсли “

Вообще слѣдуетъ сказать, что уди́не, жители побережья Татарскаго пролива, не сносятъ молчаливо ига китаецевъ, крайне озлоблены противъ нихъ и если не всегда расправляются съ ними, подобно зятю Панжи, то потому, во-1-хъ, что боятся русскихъ властей и закона, наказывающихъ убійство, во-2-хъ, потому, что боятся мести со стороны китаецевъ, сильныхъ своею сплоченностью, своимъ „кхету“, т. е. братствомъ, обязывающимъ горою стоять другъ за друга. Зато о единичныхъ случаяхъ расправы съ китаецами-обидчиками со стороны ороочей-уди́не приходилось слышать очень часто.

Помимо высокой цѣны на товары, есть еще одинъ факторъ, подвергавшій уди́не кабалѣ китаецевъ. Это — тяжелыя условія кредита, при которыхъ 50% считается самымъ обычнымъ явленіемъ. Вотъ почему выше я и говорилъ о необходимости дешеваго кредита для нихъ.

Цервоначально, по условіямъ своего быта, всѣ уди́не были экономически самостоятельными; но разнаго рода стихійныя и нестихійныя случайности, вродѣ оспенной эпидеміи, неудачной охоты и рыбной ловли, часто разрушали весьма несложное хозяйство и заставляли ихъ переходить на положеніе работниковъ, тѣмъ болѣе, что на лицо существовали эксплуататоры манзы. На

побережья Великаго океана, отъ г. Владивостока до р. Бушунгоу, можно часто встрѣтить бобылей-уди́нэ, которые едва ли когда-нибудь встанутъ на самостоятельную ногу: такъ они запутались въ сѣтяхъ китайской кабалы!

При наймѣ запутавшихся уди́нэ въ работники, китайцы не стѣсняются условіями. Обыкновенно плата рабочему дается натурою, т. е. продуктами хозяйства. Чтобы дать понятіе объ условіяхъ найма, приведу здѣсь нѣсколько извѣстныхъ мнѣ примѣровъ.

Шестнадцатилѣтній тазъ Шопханъ служитъ пастухомъ у манзы Цуй-шенъ-юна. За свой трудъ онъ получаетъ— годовое пропитаніе и жалованья полтора дана чистой чумизы, т. е. 28—30 пудовъ, или 11 рублей деньгами; одежда своя. Если хорошенько вдуматься въ положеніе этого бѣдняка, то ясно станетъ, что онъ всю жизнь свою будетъ работникомъ. Онъ—вруглый сирота; весь свой годовой заработокъ тратитъ онъ на прокормленіе маленькаго брата; онъ до того бѣденъ, что ходитъ въ лохмотьяхъ, два года курить и доселѣ не можетъ приобрести трубку и кисеть на сумму 2—3 рубля.

Другой тазъ Павшунъ ловитъ въ устьѣ р. Та-Судухэ капусту на слѣдующихъ условіяхъ: всѣ снасти, фанза и кормъ даются хозяиномъ-манзою. Добытая капуста продается; выручка, за вычетомъ стоимости корма, дѣлится пополамъ между хозяиномъ и работникомъ. Условія, на первый взглядъ, кажутся, сносныя; но цѣны на продукты существуютъ такія, что тазъ проѣсть всѣ деньги, полученныя за работу. Деньги, само собою разумѣется, идутъ въ карманъ манзы-хозяина, который является и продавцомъ продуктовъ.

Попадаютъ среди орочей-уди́нэ и такіе, которые въ наемномъ трудѣ ищутъ подспорья своему хозяйству. Обычная плата такимъ работникамъ— половина вырученнаго продукта и хозяйская ѣда. Такихъ работниковъ-половинщиковъ чаще всего встрѣтишь по р.р. Та-Судухѣ, Тауху и др. до залива св. Ольги во время сбора опиума, когда требуется много рабочихъ рувъ. Обращеніе съ работниками хорошее: китайцы-хозяева, тугіе при заключеніи условій, держатъ себя наравнѣ съ рабочими: ѣдятъ за однимъ столомъ, одну и ту же пищу, только спать на особыхъ, „хозяйскихъ“ нарахъ. Рабочіе точно такъ же держатъ себя съ хозяевами просто, непринужденно, такъ, какъ бы они были товарищи ихъ.

Зажиточные манзы часто ссужаютъ уди́нэ-хозяевамъ рабочій скотъ безплатно, но пользуются со стороны одолженныхъ множествомъ мелкихъ услугъ. Что касается хозяевъ изъ орочей, то они, при своей незажиточности и при незначительности пашень, въ работахъ, собственно говоря, не нуждаются; если же имъ и помогаютъ въ хозяйствѣ, то свои люди, родные или пріатели-сосѣди.

О кооперацияхъ уди́нэ не имѣютъ понятія и никогда не составляютъ

больших артелей. Зато у них распространены мелкие союзы; двое соседей вместе съ своими семьями копают „земляную картошку“, которую дѣлят поровну; рѣже соединяются для охоты и рыбной ловли, хотя кооперативные союзы въ послѣднемъ случаѣ могли бы принести орочамъ много пользы.

Для того, чтобы составить себѣ ясное понятіе о распредѣленіи труда у нихъ, укажу здѣсь всѣ занятія ихъ по временамъ года.

Едва тронется ледъ (это происходитъ въ апрѣлѣ—маѣ мѣсяцахъ въ различныхъ частяхъ обширной территоріи орочей-уди́на), начинается промыселъ морскихъ звѣрей, гдѣ къ этому существуетъ какая-нибудь возможность. Затѣмъ наступаетъ охота за лосемъ, оленемъ (панты) и посѣвы пашень и огородовъ (конецъ мая и іюнь). Далѣе начинается ходъ рыбы и продолжается охота на лося (по берегу морскому); въ это же время охотятся и на выдру. Съ іюля отправляются на промыселъ жень-шеня (гдѣ существуетъ это занятіе); затѣмъ происходитъ осенній ходъ рыбы; слѣдуетъ перекочевка на зимнія становища и охота на соболя, лисицу и др. пушныхъ звѣрей.

Вышеназванныя занятія исполняются всѣми членами семьи, но на долю женщинъ приходится преимущественно мелочныя заботы и хлопоты. Специальныхъ праздниковъ или досуговъ отъ работъ у орочей-уди́на нѣтъ: при отсутствіи правильнаго распредѣленія труда, они всегда могутъ устроить себѣ досугъ, если не устроятъ имъ праздника обильная дождями въ маѣ, іюнѣ и отчасти іюлѣ мѣсяцахъ погода.

Незавидное, подчасъ просто-таки тягостное экономическое состояніе орочей-уди́на побуждало многихъ изслѣдователей рекомендовать нѣкоторые мѣры, какъ средства для облегченія участи ихъ.

Такъ, г. Надаровъ считалъ необходимымъ, какъ подготовительную мѣру, распространеніе миссіонерской дѣятельности среди уди́на. По его мнѣнію, миссіонеры могутъ способствовать обрусенію орочей-уди́на и закрѣпленію ихъ территоріи за Россією. Кроме того, отцы-миссіонеры могутъ развивать замѣчательную у нихъ склонность къ осѣдлой жизни и земледѣлію. Они же могутъ поселить въ нихъ убѣжденіе, что всѣ безъ исключенія подданные русскаго царя равны передъ закономъ, и что китайцы самовольно властвуютъ надъ ними. Для этой цѣли г. Надаровъ предложилъ назначить трехъ миссіонеровъ.

Другую болѣе рѣшительную мѣру онъ считаетъ выселеніе манъ въ территоріи орочей-уди́на и уничтоженіе долговъ. Необходимость удаленія манъ признана была и на сѣздѣ губернаторовъ и другихъ представителей Пріамурскаго края въ г. Хабаровскѣ въ 1886 году. На томъ же сѣздѣ

признали необходимымъ продавать потребныя орочамъ-уди́не товары изъ казенныхъ складовъ, съ надбавкою 20% къ ихъ покупной стоимости. Рекомендовалось также открыть въ этихъ магазинахъ кредитъ съ тѣмъ, чтобы долги собирались черезъ административныя власти. (См. Надарова „Сѣв.-Уссур. Край“, 124—126 стр.).

Болѣ десяти лѣтъ прошло со времени появленія въ свѣтъ книги г. Надарова, а положеніе орочей-уди́не равно какъ и другихъ инородцевъ Пріамурья нисколько не улучшилось; наоборотъ, можно сказать, что оно ухудшилось по побережью Татарскаго пролива и ухудшается съ каждымъ годомъ вслѣдствіе все возрастающей на территоріи уди́не маньчжурской эксплоатаци.

Если бы мы спросили, что за причина такого печальнаго явленія, примѣнялись ли указанныя г. Надаровымъ и хабаровскимъ съѣздомъ мѣры, и какіе результаты вышли изъ примѣненія ихъ, то не получили бы никакого отвѣта.

Поэтому попробуемъ разобраться въ рекомендуемыхъ мѣрахъ, чтобы судить объ ихъ состоятельности.

Исторія собственнаго нашего отечества полна рассказовъ о подвижникахъ, уходявшихъ въ дѣсныя дебри къ дикимъ людямъ и вносявшихъ, благодаря терпѣнію, энергіи и высокимъ личнымъ качествамъ, въ среду ихъ свѣтъ христіанскаго просвѣщенія, а съ нимъ зачатки цивилизаціи, гражданственности и культуры (Леонтій Ростовскій, св. Стефанъ Пермскій и др.). Поэтому едва-ли слѣдуетъ сомнѣваться, съ общей точки зрѣнія, въ цѣлесообразности предложенной г. Надаровымъ мѣры. Привітіе цивилизаціи къ орочамъ-уди́не черезъ миссіонеровъ тѣмъ возможнѣе, что они, подобно своимъ ближайшимъ родичамъ, орочамъ Императорской гавани, рр. Тумни, Коппи и др., охотно принимаютъ продукты цивилизаціи и благосклонно относятся къ ней. Но для благотворнаго воздѣйствія на нихъ, въ указанномъ смыслѣ, миссіонеру необходимы извѣстныя личныя качества. Вполнѣ правъ г. Максимовъ, утверждающій, что „на неразвитаго дикаря наиболѣе сильное впечатлѣніе производитъ внѣшность, а не внутреннее содержаніе проповѣдуемыхъ ему новыхъ религіозныхъ началъ. Примѣръ безукоризненной жизни, энергія, неустранимость—вотъ главныя основы, обуславливающія собою успѣхъ пропаганды среди дикихъ орочей (С.-Петербургскія Вѣдом., 1880 г. № 178). Если, въ дѣйствительности встрѣчаются подобнаго рода идеальныя миссіонеры, стоящіе на высотѣ своего призванія и на уровнѣ пониманія своей задачи, то они очень рѣдки и посѣщаютъ становища орочей въ два-три года разъ ¹⁾).

¹⁾ См. объ этомъ прекрасныя признанія въ дневникѣ миссіонера о. Аванасія Протодіаконова, въ Камчатскихъ Епархіальныхъ Вѣдом. за 1896—97 гг. Ср. мою замѣтку «Памяти о. Аванасія Протодіаконова», Пріамур. Вѣдом. № 310, 1899 г.

поэтому воздѣйствіе ихъ на дикарей-уди́нэ оказывается недѣйствительнымъ. Ясно послѣ сказаннаго, что предложеніе г. Надарова назначить трехъ миссіонеровъ (одного на р. Хорь, другого—на Викинъ и третьяго—на Иманъ) нельзя признать состоятельнымъ. Передвиженіе какъ по указаннымъ рѣкамъ, такъ и по морскому берегу сопряжено съ большими затрудненіями и требуетъ много времени; поэтому желательно имѣть миссіонера въ каждомъ болѣе или менѣе многолюдномъ поселеніи уди́нэ, напримѣръ, на рр. Вотчи и Иди, Самаргъ и Кушунгоу. Какъ бы то ни было, но постоянное присутствіе миссіонера среди орочей-уди́нэ необходимо, если не желаютъ, чтобы въ результатъ просвѣдательной дѣятельности его получился тотъ нуль, о которомъ говоритъ г. Леонтовичъ въ статьѣ объ орочахъ р. Тумни, (См. Журналъ „Землеводѣніе“, 1897 г., кн. III—IV, стр. 58—59). Наконецъ успѣхъ миссіонерской проповѣди много зависитъ и отъ знанія языка уди́нэ, чтобы священникъ могъ изложить имъ истины христіанской вѣры на понятномъ для нихъ языкѣ. Но если трудно было провести въ жизнь уди́нэ правильную миссіонерскую дѣятельность, и они остаются доселѣ полушаманистами и полубуддистами, то, повидимому, легче было осуществить другую мѣру—о казенныхъ складахъ товаровъ. Особенно легко привести въ исполненіе эту мѣру теперь, когда проведенъ по западной части территоріи орочей-уди́нэ рельсовый путь, тѣмъ болѣе легко привести въ исполненіе эту мѣру, что, по словамъ г. Пальчевскаго, можно совсѣмъ не обременять мѣстныхъ властей устройствомъ означенныхъ складовъ. „Исходя изъ того, говоритъ г. Пальчевскій, что нѣкоторые орочны лишь за частью припасовъ (главнымъ образомъ—травяное масло), а другіе, имѣющіе своихъ „хозяевъ“-манзъ въ Имахоузѣ, за всѣмъ годичнымъ запасомъ ежегодно, осенью, спускаются на устье р. Има и Ваку на лодкахъ, а манзы и искатели жень-шеня въ началѣ лѣта поднимаются по этимъ же рѣчкамъ со своими припасами и осенью съ добычею, спускаются тоже на лодкахъ,—является возможность создать въ низовьяхъ р. Има соболино-женьшеневый рынокъ. Потребность въ этомъ рынкѣ прямо вытекаетъ изъ того, что рынокъ, испоконъ бывший въ Имахоузѣ, что на китайской сторонѣ, противъ устья р. Има, палъ, такъ какъ безсильная и продажная китайская власть не можетъ охранять благосостояніе торговцевъ отъ той массы голытьбы, которая явилась на постройку дороги, и потому теперь скупщики пріѣзжаютъ на Иманъ, или манзы-продавцы свозятъ товаръ во Владивостокъ... При наличности такого рынка орочны, сходясь въ одинъ сборный пунктъ, будутъ имѣть обмѣны мыслей о своихъ житейскихъ интересахъ...; затѣмъ, войдя въ соприкосновеніе съ русскимъ элементомъ, они начнутъ выходить изъ повиновенія у своихъ кровопійць-манзъ... Здѣсь... они будутъ... продукты охоты продавать пред-

ложившимъ высшую цѣну, а не одному своему „хозяйну“—мангѣ, гонящемуся за охотникомъ по пятамъ съ запасомъ губительнаго зелья-китайской водки; здѣсь они узнаютъ цѣну деньгамъ и товарамъ въ тѣхъ 25 китайскихъ и 10 русскихъ лавкахъ, которыя возникли около станціи Иманъ и предлагаютъ свой товаръ по владивостокскимъ цѣнамъ, такъ бережно скрываемымъ отъ нихъ ихъ эксплуататорами...

Въ виду особой важности для орочей-удиһе огнестрѣльнаго оружія желательно, чтобы, при урегулированіи торговли, обязали купцовъ продавать винтовки по 14 руб. съ 30 патронами, подобно тому какъ это сдѣлано бывшимъ генералъ-губернаторомъ Приамурскаго края С. М. Духовскимъ для инородцевъ далекой Камчатки ¹⁾).

Что касается побережья Великаго Океана, то здѣсь пока что придется довольствоваться или казенными складами товаровъ, или посылкою торговцевъ отъ казны лѣтомъ, воспользовавшись для этого плавающими пароходами, напримеръ, „Байкаломъ“ Шевелева и Ко. Если бы устроить склады товаровъ въ Императорской гавани и заливѣ св. Ольги, то орочи-удиһе могли бы сами на своихъ лодочкахъ доставлять изъ нихъ товары во все лѣтніе поселенія по побережью Татарскаго пролива.

ГЛАВА VII.

Постройки.

Ни въ преданьяхъ старины глубокой, ни въ произведеніяхъ народнаго творчества вѣтъ ясныхъ указаній на то, какова была самая древняя форма жилища орочей-удиһе. Въ единственномъ доселѣ известномъ преданіи о происхожденіи ихъ говорится: „орочоны разошлись по разнымъ рѣкамъ, жили безъ домовъ, лишь на зиму дѣлая себѣ шалаши изъ прутьевъ и древесной коры“. Такимъ образомъ, по всей вѣроятности, шалашъ есть первоначальная и древнѣйшая форма жилища удиһе.

Принимая во вниманіе бродячій образъ жизни удиһе въ прежнія времена, слѣдуетъ думать, что первобытный шалашъ имѣлъ форму и устройство, похожія на тѣ, какія имѣютъ юрты, устраиваемыя въ настоящее время охотниками-орочонами на сворую руку. Такой охотничій шалашъ состоитъ изъ 5—6 кольевъ, вбитыхъ въ землю конусообразно и покрытыхъ корою или

¹⁾ См. «Пребываніе главнаго начальника края въ гор. Петропавловскѣ и празднованіе 200-лѣтія присоединенія Камчатки», Приамур. Вѣдом., 1897 г., № 179.

пологомъ изъ рыбьихъ шкуръ. Онъ имѣетъ въ діаметрѣ обыкновенно около двухъ аршинъ (при основаніи, конечно), а высота его равняется полуторамъ аршинамъ.

Изъ подобной простой и несложной юрты-шалаша, путемъ постепеннаго усложненія, возникла форма наичаще встрѣчающагося теперь въ селеніяхъ удіиэ жилища—двускатной юрты. Последнія бываютъ зимнія и лѣтнія, при чемъ въ языкѣ удіиэ существуютъ различныя даже названія для этихъ двухъ видовъ юртъ: зимняя называется чувді, лѣтняя—чолó. Несмотря, однако, на различныя названія, устройство тѣхъ и другихъ юртъ въ общемъ довольно сходно. Вся разница сводится къ качеству и сорту строительнаго матеріала. Такъ лѣтнія юрты строятся изъ тонкихъ тальниковыхъ жердей или кольевъ, а зимнія изъ толстыхъ; кроются лѣтнія юрты исключительно березовою берестой, зимнія—короемъ кедрового дерева, иногда подъ нее подстилается для тепла и береста. Въ другихъ отношеніяхъ зимнія и лѣтнія юрты совершенно сходны, но первыя строятся вообще болѣе прочно, тѣмъ болѣе, что устраиваются онѣ болѣею частью на мѣстахъ постояннаго пушного промысла. Основаніе, на примѣръ, юртъ имѣетъ форму продолговатаго прямоугольника, углы котораго иногда закругляются.—Длина четырехугольника весьма различна, что обусловливается количествомъ обитателей юрты; обыкновенно она колеблется между 2—4 сажнями; ширина же — отъ 2 до 3 сажень.

По длиннымъ сторонамъ прямоугольника въ землю вбиваются тальниковыя жерди въ наклонномъ положеніи; вверху онѣ соединяются и связываются тальниковою корою, а затѣмъ прикрѣпляются къ продольной перекладинѣ (бревну), которая является чѣмъ-то въ родѣ конька въ крышѣ нашихъ построекъ. Для большей прочности, по высотѣ наклонныхъ жердей въ двухъ или трехъ мѣстахъ прикрѣпляются тальниковою же корою поперечныя жерди. Такими же жердями укрѣпляются и короткія стороны юрты. Приготовленный такимъ образомъ остовъ юрты съ наружной стороны покрывается берестой или еловою корою, а сверху кладется еще рядъ изъ кедровой коры. Иногда довольствуются одною еловою или кедровою корою, но тогда покрываютъ юрту такъ тщательно, что щелей не замѣтно. Съ наружной стороны накладываютъ жердей, чтобы вѣтромъ не снесло коры. Гребень юрты покрываютъ согнутою корою, оставляя одну или двѣ четырехугольныя дыры для выхода дыма. На короткихъ сторонахъ юрты устраиваются двери, для чего остается незабраннымъ поперечными жердями четырехугольничекъ. Дверей бываетъ двѣ или одна; въ зимней юртѣ болѣею частью—одна дверь. Первоначально дверь (уапты или уаптэ) дѣлалась, несомнѣнно, изъ бересты, а потомъ стали употреблять рыбью кожу, шкуру нерпы, сохатаго или медвѣдя. Если дверь дѣлается изъ бересты, то она состоитъ изъ нѣсколькихъ положенныхъ

одна на другой и хорошо пришитых нитками кусков ея. Дверь, обыкновенно, верхнимъ своимъ краемъ привязывается веревкою къ отверстию, не покрытому корою и оставленному для входа; въ лѣтней же юртѣ иногда такая дверь приставляется къ упомянутому отверстию, а когда она не нужна, то лежитъ на полу у отверстия. Въ нѣкоторыхъ юртахъ мнѣ приходилось видѣть особаго устройства дверь, очевидно, позднѣйшаго происхожденія: деревянная рама, имѣющая видъ растянутого прямоугольника, затянута кожей или берестю, привязывалась къ дверному косяку веревкою вверху и внизу, по длинной своей сторонѣ, и открывалась наружу. Такая дверь, нѣтъ сомнѣнія, появилась какъ подражаніе дверямъ въ манзовскихъ фанзахъ. Въ общемъ, профиль юрты имѣетъ видъ трапеціи, высота которой колеблется отъ одной до полуторы сажени.

Оставляемые для выхода дыма дыры, въ случаѣ дождя, закрываются берестю или корьемъ. Зимой юрты обкладываются со всѣхъ сторонъ снѣгомъ, если ихъ не заноситъ вьюгою: „такъ бываетъ теплѣе“, говорили мнѣ удины.

Внутренній видъ зимнихъ и лѣтнихъ юртъ одинъ и тотъ же. Въ нѣкоторыхъ поселеніяхъ удины, напримѣръ на р. Хорѣ, внутренность юрты представляетъ три отдѣленія: среднее—жилое, а крайнія служатъ для помѣщенія домашняго скарба, орудій промысла и собакъ. Перегородками между отдѣленіями являются стѣнки изъ древесной коры.

Жилое отдѣленіе всякой юрты раздѣляется по длинѣ своей двумя бревнами на три части, почти равныя, или средняя немногимъ меньше двухъ остальныхъ.

Боконныя части юрты засыпаются, въ уровень съ бревнами, землею и образуютъ нары. Последнія покрываются берестовою настилкою, сверху которой разбросаны шкуры, старое платье и другой домашній хламъ.

Средняя часть занята очагомъ, который устраивается весьма различно. Обыкновенно очагъ представляетъ сдѣланный изъ жердей четырехугольникъ, длиною около 3-хъ и шириною—около одного аршина. Огороженное подъ очагъ пространство также засыпается землею, и на убитомъ грунтѣ всегда тлѣетъ огонь. Свободное пространство между очагомъ и сторонами юрты образуетъ проходы, шириною около аршина. Довольно значительная длина очага объясняется тѣмъ, что по длиннымъ сторонамъ его втыкаются съ наивысокою для сушенія рыбкою деревянныя спицы. Иногда въ юртахъ бываетъ по два-три очага, устраиваемыхъ въ той же средней части. Въ такомъ случаѣ каждый изъ очаговъ устраивается нѣсколько иначе: вырываютъ яму вершка 3—4 глубиною, вершковъ 8 шириною и около 12 вершковъ длиною. Края этой ямы обкладываютъ крупной галькой. Надъ такими очагами на двухъ или трехъ нарахъ жердей, воткнутыхъ въ землю и достигающихъ

крыши, устраивается два-три ряда помостовъ изъ тонкихъ жердей, предназначенныхъ для копченія и сушенія юкеры изъ рыбы или мяса сохатаго. Къ нижнему помосту прикрѣпляются одинъ или два крючка (обò) для подвѣшивания надъ огнемъ котла, во время приготовленія пищи.

Въ простѣнкахъ между дверями и продольными стѣнами придѣлываются досчатые палочки, поддерживаемыя иногда мастерски вырѣзанными стойками: онѣ замѣняютъ нани шкапчики для хранения посуды. Такія же полки устраиваются иногда и по длиннымъ стѣнамъ юрты, вверху, но на нихъ кладутъ преимущественно одежду и другое исключительно женское добро.

Таково вѣншнее и внутреннее устройство юрты орочей-удиһа. Варіаціи попадающіяся то тамъ, то здѣсь по обширной территоріи удиһа, весьма незначительны. По побережью Татарскаго пролива попадаются иногда юрты съ крышами изъ соломенныхъ цыновокъ, которыя добываются отъ японцевъ—рыболововъ.

Изъ двускатной только что описанной юрты, думается мнѣ, возникла форма односкатнаго шалаша, устраиваемаго такъ: на двѣ сошки изъ тальника или другого дерева кладутъ перекладину, въ которой приставляютъ, въ наклонномъ положеніи, нѣсколько жердочекъ. Поверхъ жердей разстилаютъ брезентъ изъ бересты, соломенныхъ цыновокъ или, наконецъ, изъ дрели, пріобрѣтаемой покупкою у китайцевъ. Покрышки изъ дрели я встрѣчалъ и на конусообразной юртѣ; въ такомъ случаѣ несшитые края покрывала служатъ вмѣсто двери.

Рядомъ съ юртами удиһа въ настоящее время строятъ свои жилища по образцу китайскихъ фанзъ. Можно даже вдоль побережья Татарскаго пролива и рѣкъ, впадающихъ въ Японское море, прослѣдить переходную форму отъ юрты къ китайской фанзѣ. Такъ, въ верховьяхъ р. Та-Судуха я встрѣтилъ жилище ороча-удиһа, представляющее форму юрты, но крытое камышомъ и длинною болотною травой; короткія стороны этой юрты обмазаны глиною. Внутренность этого жилища представляетъ тѣ же переходныя ступени отъ юрты къ фанзѣ: нары, на примѣръ, устроены изъ дерева и глины уже высотой двѣ—три четверти отъ пола; подъ ними идетъ труба отъ печи, устроенной изъ камня и глины подлѣ наръ; эта труба выходитъ наружу черезъ заднюю стѣну юрты-фанзы. Входъ въ нее закрывается дверью, совершенно похожею на тѣ двери, которыя будутъ описаны мною, когда поведу рѣчь о фанзахъ.

На рѣкѣ Кушунгоу, гдѣ сильно сказывается въ бытѣ орочей-удиһа манзовское вліяніе, жилища представляютъ дальнѣйшее приближеніе юрты къ фанзѣ. Пренная двускатная юрта здѣсь поставлена на низенькія, не выше двухъ аршинъ, прямыя, вертикальныя стѣны. Послѣднія сдѣланы изъ

дерева и вымазаны глиною; крыша покрыта травой и сверху—землею. Дверь—одна, такая, какъ въ китайскихъ фанзахъ. Нары, очагъ—все скопировано съ китайскихъ образцовъ, хотя рядомъ можно встрѣтить и старый очагъ орочей-удиѣ, выше мною описанный. Надъ очагомъ такихъ жилищъ я не встрѣчалъ уже тѣхъ приспособленій для сушенья и копченья юкеры и мяса сохатаго, о которыхъ при описаніи юрты.

Наконецъ къ югу отъ р. Кушунгоу и по правымъ притокамъ р. Уесури всѣ осѣдлые удиѣ имѣютъ китайскія фанзы, все отличіе которыхъ отъ оригиналовъ состоитъ единственно въ меньшихъ размѣрахъ и сѣдности внутренней обстановки.

Фанза строится орочами-удиѣ слѣдующимъ образомъ. На избранномъ подъ постройку мѣстѣ, представляющемъ продолговатый четырехугольникъ, врывается въ землю по три-четыре столба (бруса) на каждой изъ длинныхъ сторонъ и по два, или по три столба на каждой изъ короткихъ сторонъ. На крайніе столбы кладутся поперечные и продольные брусья, которые образуютъ вверху четырехугольникъ. Если фанза большихъ размѣровъ, то кладется, для большей свѣжы, посрединѣ продольный и два поперечныхъ бруса. На среднюю балку верхняго прямоугольника опираются два вертикальные столба, поддерживающіе конекъ крыши. Основаніе крыши образуютъ жерди, укрѣпленныя на каждой изъ продольныхъ балокъ и на конькѣ, а равно и жерди, положенныя поперекъ первыхъ жердей, параллельно продольнымъ балкамъ. Образованный такимъ образомъ переплетъ крыши покрываютъ мелкимъ камышомъ, соломой или травой; поверхъ такой покрывки или кладутъ, для обезпеченія отъ разрушительныхъ вѣтровъ, жерди, или насыпаютъ земли. Въ послѣднемъ случаѣ крыша не высока.

Промежутки между столбами забираются досками, жердями или прутьями и вымазываются глиною или землею, съ незначительною примѣсью глины.

Дверь всегда одна и устраивается на продольной сторонѣ, которая составляетъ лицевой фасъ жилища. По обѣ стороны двери, на небольшомъ разстояніи отъ нея, дѣлаются окна; такія же окна устраиваются и по короткимъ стѣнамъ фанзы (иногда не бываетъ), а иногда небольшое окошечко имѣется и на задней стѣнѣ. Входная дверь почти всегда одностворчатая и большею частью состоитъ изъ двухъ частей: верхняя половина рѣшетчатая и выклеена тонкою китайскою бумагою различныхъ цвѣтовъ (преобладаютъ бѣлый и красный); нижняя половина двери глухая и дѣлается изъ досокъ. Окна состоятъ изъ рамъ, съ тонкими деревянными рѣшетками, подклеенными съ внутренней стороны тонкою китайскою бумагою. Рама или вставляется въ окно и поддерживается деревянными заверточками, или привѣшивается къ окну верхнимъ

концомъ на пет ляхъ. Когда нужно, рама снимается или откидывается внутрь или наружу и подпирается палочками или перевязывается веревочкой.

Внутри фанза ороча-уди́на представляетъ большею частью одно отдѣленіе. Въ немъ, при входѣ, справа или слѣва дѣлается очагъ, представляющій низкую, не болѣе двухъ-трехъ четвертей вышиною, широкую печку, сооруженную изъ глины и камня. Въ эту печку вмазывается одинъ или два манзовскихъ (широкіе и мелкіе) чугунныхъ котла, для согрѣванія воды и варки пищи. Котлы имѣютъ обыкновенно деревянную крышку. Отъ печи идетъ труба подъ нары и, пройдя подъ ними, выходитъ сквозь стѣну лицевого фаса наружу и оканчивается подставкою, сдѣланною изъ корья или изъ цѣльнаго толстаго древеснаго ствола.

Иногда, передъ нарами, посрединѣ, устраивается другой очагъ, представляющій ящикъ, набитый глиною, съ углубленіемъ для углей, которые обыкновенно выгребаются изъ очага, выше описаннаго. У бѣдныхъ вмѣсто такого ящика среди фанзы лежатъ нѣсколько камней, образующихъ четырехугольникъ, на которомъ и разводятъ огонь.

Близко отъ печки устраиваются нары, высотой въ одинъ, рѣдко въ полтора аршина, а ширины различной, но всегда такъ, чтобы удобно было на нихъ лежать. По краямъ наръ идутъ обтесанныя бревна, положенныя на подставки, вбитыя въ землю. Наружная сторона наръ забирается досками и обмазывается глиною, а середина или набивается глиною, или покрывается досками. Поверхъ глины или помоста кладутъ бересту или соломенные циновки. Нары играютъ большую роль въ жизни орочей-уди́на: на нихъ сидятъ, спятъ, ѣдятъ.

По стѣнамъ фанзы обыкновенно висятъ на деревянныхъ гвоздяхъ чуманы, пилы и другіе хозяйственные предметы; кое-гдѣ стоятъ короба и даже манзовскіе ящики отъ ханшина (сули); по стѣнамъ же, недалеко отъ очага, съ другой стороны отъ наръ, устраиваются досчатые палочки для кухонной посуды. Тамъ, гдѣ манзовское вліяніе сказалось особенно сильно, на внутреннихъ стѣнахъ можно встрѣтить наклеенными продольныя полосы красной бумаги съ крупными китайскими письменами: это изреченія о счастьи, богатствѣ, здоровьи и другихъ благахъ человѣческой жизни. Надъ нарами часто къ крышѣ подвѣшиваются жерди, на которыхъ висятъ платье. Потолка въ фанзахъ не бываетъ.

У богатыхъ (сравнительно) орочей-уди́на фанза устраивается съ двумя отдѣленіями, причѣмъ въ большемъ помѣщается печь и короба съ добромъ, а въ меньшемъ—нары для хозяевъ, швацъ съ посудой, сундуки съ пожитками. Второе чистое, такъ сказать, отдѣленіе отгораживается досчатою перегородкою и соединяется двухстворчатою неширокою дверью.

Дворовъ, въ нашемъ смыслѣ, мнѣ не приводилось встрѣчать у орочей-уди́нэ; но около юрты встрѣчаются нѣкоторыя надворныя постройки. Сюда относятся, во-1-хъ, навѣсы изъ корья съ помостомъ изъ жердей; навѣсы эти устраиваются на четырехъ столбахъ, а помостъ изъ жердей прикрѣпляется въ нимъ на высотѣ отъ полутора до двухъ аршинъ. На помостъ хранятся: нарты, береста, острога, шкуры, пертячи кожи и др. подобный громоздкой хламъ. Во-2-хъ, для хранения жизненныхъ припасовъ, юкеры, копченаго мяса сохатаго, чумидзы, кукурузы, сооружаются тоже на столбахъ особые сараи, крытые корью, травой или камышомъ, съ дверцою, которая пригворається бревномъ съ зарубками, по которому и лазять въ эти сарай, въ случаѣ необходимости. Кромѣ сараевъ, отстоящихъ отъ земли (для предохраненія запасовъ отъ крысъ и хищныхъ звѣрей) на два, два съ половиною аршина, около юрты можно встрѣтить приспособленія для сушки сътей и рыбы. Эти приспособленія состоятъ изъ вбитыхъ попарно колыбевъ, на которые горизонтально положено нѣсколько жердей и жердочекъ. Иногда недалеко отъ юрты имѣется срубъ изъ бревень, въ которыхъ содержится какой-либо звѣрь— медвѣдь или лисица. На югѣ и на правыхъ притокахъ р. Уссури, гдѣ орочи-уди́нэ живутъ среди манъ, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ юрты или фанзы находятся кумирни. Самая простая кумирня, каковую мнѣ довелось видѣть въ долинѣ р. Сяо-Судухэ, представляла большой пень сломаннаго бурею дерева, съ котораго была содрана кора. Въ пнѣ этомъ на полтора аршина отъ земли сдѣлано топоромъ углубленіе, куда горизонтально вставлена дощечка. Дощечка эта исполняла роль жертвенника, потому что на ней лежала буда, лоскутки кумача—приношенія богу, котораго въ данномъ случаѣ изображала стоявшая вертикально узенькая красная дощечка (въ четверть величиною) съ китайскими письменами.

Болѣе сложный видъ кумирни представляетъ сооруженіе другого рода. Это нѣчто вродѣ часовни или храма такихъ размѣровъ, что едва вмѣстится пять молящихся. Длина такого храма не болѣе двухъ сажентъ; ширина 1 или 1½ саж.; высота около 2 саж. Строится онъ изъ дерева; крытъ соломой, травой и тесомъ. Крыша—двускатная. На лицевой сторонѣ—одностворчатая или двустворчатая дверь, съ мелкоорѣшетчатою верхнею частью, которая съ внутренней стороны выклеена прозрачною китайскою бумагою. Иногда кумирня окружается жердевымъ или досчатымъ заборомъ, съ лицевой стороны котораго имѣется дверь. Заборъ—не высокій, не выше двухъ аршинъ. Передъ храмомъ, внутри ограды или внѣ ея, ставятся два деревянныхъ шеста, иногда окрашенныхъ въ разноцвѣтную краску. Кромѣ того, на перевалахъ, равно у прибрежныхъ скалъ часто можно встрѣтить божнички, которыя тоже позаимствованы орочами-уди́нэ отъ манъ вмѣстѣ съ буддѣй-

скою религією. Эти божнички представляют шкапки съ двускатною крышею; съ лицевой стороны—двустворчатая дверца. Эти божнички помѣщаются или на столбахъ или на высокихъ камняхъ.

Внутренній видъ храмовъ и божничекъ почти одинъ и тотъ же: на задней стѣнѣ—изображенія манзовскихъ боговъ, передъ ними чашечки или ящики съ пескомъ, куда воткнуты жертвенныя свѣчи, т. е. коричневые прутики или обломки отъ кукурузы; можно встрѣтить здѣсь и кусочки кумача, ленточки, которыми иногда увращается божничка снаружи.

Передъ юртами и фанзами рѣдко встрѣтите чистоту, потому что удиге еще не научился понимать ея пользу и необходимость. Отбросы отъ рыбы и животныхъ, борыта съ остатками собачьяго корма, мясо сохатаго, вялающееся на солнцѣ и усѣянное мухами и червями, людскіе экскременты (въ большинствѣ случаевъ, впрочемъ, истребляемые собаками)—все это можно встрѣтить около жилища орочей-удиге, и все это область посѣтителя—европейца отвратительнымъ ароматомъ. Впрочемъ, и внутренняя чистота жилищъ нисколько не лучше: тотъ же ароматъ, но съ примѣсью ѣдкаго очажнаго дыма поражаетъ обоняніе и самаго неизбалованнаго человѣка. Особенно ярко выступаетъ непривлекательность внутреннего вида жилища вечеромъ: при слабомъ мерцаніи свѣтильни, при слабомъ освѣщеніи отъ очага прокоптылыя стѣны его вмѣстѣ съ подлуженными косматыми орочами-удиге производятъ тяжелое, гнетущее душу впечатлѣніе.

Нельзя не выразить удивленія по поводу построекъ орочей-удиге, что въ нихъ послѣдніе не обнаружили никакого архитектурнаго вкуса, тогда какъ чувства изящества и красоты, свойственныя имъ, въ значительной степени сказались въ продуктахъ ремесла и искусствъ.

ГЛАВА VIII.

П и щ а.

По характеру и физическимъ свойствамъ территория орочей-удиге принадлежитъ къ тѣмъ благословеннымъ и обѣтованнымъ землямъ, которыя доставляютъ чедовѣку сносное существованіе безъ всякаго съ его стороны труда. Нѣтъ, „на пиру природы“ орочь-удиге не пользуется особыми благами: только путемъ, подчасъ тяжкихъ усилій, съ опасностью для жизни онъ добываетъ себѣ пропитаніе. Хотя Ш. Летурно утверждаетъ ¹⁾, что „че-

¹⁾ См. «Соціологія, основанная на этнографіи». С.-Петербургъ. 1895 г., вып. I, стр. 33.

ловѣкъ живетъ такъ, какъ онъ можетъ, извлекая пользу болѣе или менѣе цѣлесообразно изъ даровъ природы, и нѣтъ такого абсолютнаго правила или закона, которому бы онъ подчинялся, создавая тотъ или другой образъ жизни“, тѣмъ не менѣе, можно оставить въ силѣ утверженіе, что питаніе человѣка въ значительной степени обуславливается основами экономическаго быта.

Поэтому для ороча-удиѣ, по утверженію всѣхъ моихъ предшественниковъ (гг. Надаровъ, Бѣльковичъ, Альфанъ и др.) и по моимъ личнымъ наблюденіямъ, главными пищевыми продуктами являются предметы рыболовства и охоты. Но вынужденный климатическими и физическими свойствами своей территоріи искать средствъ пропитанія въ животномъ мірѣ, орочь-удиѣ не потерялъ вкуса и къ растительной пищѣ, которая, по утверженію социологовъ, является первоначальною пищею первобытнаго человѣка.

Сохранивъ, такимъ образомъ, слѣды первобытности въ продуктахъ пищи, орочь-удиѣ не утратилъ первобытности и въ способѣ приготовленія ея. Зная очагъ и посуду для приготовленія пищи, онъ въ то же время употребляетъ нѣкоторую часть животныхъ продуктовъ и въ сыромъ видѣ, т. е. безъ всякаго приготовленія, такъ, какъ дѣлалъ это первобытный человѣкъ, недалеко ушедшій отъ своего звѣринаго прообъ раза.

Вышесказанное подтвердить болѣе подробное рассмотрѣніе пищи и ея приготовленія, къ чему я и перехожу.

Главнымъ продуктомъ питанія для большей части, если не для всѣхъ удиѣ является рыба, причѣмъ въ дѣло идетъ всякая рыба, водящаяся въ рѣкахъ и моряхъ ихъ территоріи, но преимущество отдается красной рыбѣ — гербунѣ и кэтѣ. Рыбу употребляютъ въ пищу безъ всякаго предварительнаго приготовленія и напередъ приготовивъ. Сырую рыбу потребляютъ въ двухъ видахъ. Во-1-хъ, ее мелко крошатъ, перемѣшиваютъ съ лукомъ, посыпаютъ солью (не то и безъ нея) — и блюдо готово. „Намъ случилось“, говоритъ г. Бѣльковичъ, „пробовать такое кушанье, и нельзя сказать, чтобы оно было невкусно“ (Труды Приамур. отд. И. Р. Г. Общ. за 1895 г.). Во-2-хъ, употребляютъ только голову и жиръ свѣжепойманной рыбы. Это считается лакомымъ блюдомъ. Его готовятъ такъ: „пойманную рыбу орочень беретъ за голову, дѣлаетъ два надрѣза кожи на хребтѣ, вырѣзая полосу хребтоваго жира. Затѣмъ отдѣляетъ голову рыбы отъ туловища, которое тутъ же бросаетъ. Послѣ того орочень подноситъ рыбку голову къ своему рту, беретъ въ зубы хребтовый жиръ и у самыхъ губъ отрѣзаетъ кусокъ жира. Проглотивъ отрѣзанный кусокъ, не разжевывая, орочень отрѣзаетъ новый кусокъ, идущій по слѣдамъ перваго, и продолжаетъ дѣйствовать такъ до тѣхъ поръ, пока не объѣстъ жиръ съ головы“ (См. Нада-

ровъ, Обв. Уссур. край, 80 стр.). Я самъ не одинъ разъ видѣлъ дѣтей и взрослыхъ, съ наслажденіемъ сосущихъ свѣжія рыбы головы.

Только что пойманную рыбу употребляютъ въ приготовленномъ видѣ: ее варятъ и жарятъ. Предназначенную для варки рыбу потрошатъ, не заботясь тщательно объ удаленіи чешуи; затѣмъ варятъ въ чугунномъ котлѣ и, вытащивъ ее въ чумашку, ѣдятъ палочками или руками. Рыбу костистую орочи-удиѣ мастерами готовятъ для ѣды: посредствомъ остраго ножа они изрѣзываютъ поперекъ туловища съ обѣихъ сторонъ рыбу, напримѣръ, щуку, причѣмъ надрѣзы дѣлаются не въ вертикальной, а нѣсколько наклонной къ хребту плоскости. Изрѣзавъ такимъ образомъ всю рыбу на мелкія пластинки, вмѣстѣ съ тѣмъ перерѣзываютъ всѣ кости и уничтожаютъ опасность проглотить длинную и колючую кость (см. Вѣльковичъ, Труды Приамур. отд. И. Р. Г. Об. за 1895 г.). Жарить рыбу такъ: если она не велика, то ее протыкаютъ черезъ ротъ къ хвосту деревянною спицею, которую и втыкаютъ около горящаго очага; поворачивая рыбу къ огню то одною, то другою стороною, поджариваютъ ее и потомъ ѣдятъ. Съ большой рыбой поступаютъ нѣсколько иначе: предварительно съ обѣихъ сторонъ ея ножомъ снимаютъ мясо, а потомъ вышеописаннымъ образомъ насаживаютъ на спицы и жарятъ. Судя по нѣкоторымъ даннымъ, можно сказать, что отъ китайцевъ позаимствованъ одинъ способъ приготовленія рыбы для ѣды: ее жарятъ съ лукомъ на бобовомъ маслѣ. Иногда къ рыбѣ, положенной въ котелъ, примѣшиваютъ тывы, буды и мяса, получается какой-то оригинальный винегретъ въ китайскомъ духѣ.

Но орочь-удиѣ не всегда можетъ пользоваться въ достаточномъ количествѣ свѣжей рыбою, особенно кэтою и горбушею, поэтому приходится дѣлать запасы ея. Приготовленная въ запасъ рыба называется ю колою, которую получаютъ путемъ слѣдующаго процесса.

Пойманная рыба поступаетъ въ распоряженіе женщинъ. Выгрузивъ ее изъ лодки на землю, устланною травою или вѣтвями тальника, онѣ вооружаются небольшими, но острыми ножами и принимаются за пластованіе ея. Работа эта производится на маленькихъ столикахъ, на обрубкахъ дерева, на дощечкахъ или на тальниковыхъ вѣтвяхъ. Отрѣзавъ голову, орочка, миная позвоночникъ, отдѣляетъ ножомъ съ обѣихъ сторонъ мясо отъ костей со спины и реберъ, разрѣзая рыбу надвое по хребту. Когда такимъ образомъ распластована вся пойманная рыба, ее распредѣляютъ на извѣстныя части и готовятъ различными способами. Одну часть, разрѣзавъ снятыя полосы мяса поперекъ, насаживаютъ на тонкія длинныя деревянные спицы и наклонно втыкаютъ вокругъ очага, чтобы она поджарилась. Затѣмъ ее кладутъ на помосты изъ жердей надъ очагомъ, гдѣ она сушится и коптится. Вторую

часть, послѣ распластовки, вѣшаютъ на жердяхъ, прорѣзавъ въ хвостѣ дыру, и оставляютъ вялиться на солнцѣ. Точно также сушатся на солнцѣ рыба, предназначенная для корма собакъ, кости и головы, если послѣднія не съѣдены сырыми. На жердяхъ рыба вялится отъ двухъ до четырехъ и болѣе недѣль, смотря по погодѣ и по количеству солнечныхъ дней. Подвергаясь дѣйствию дождя, рыба не вялится, а гниетъ, распространяя вокругъ себя убійственный смрадъ; въ ней заводятся черви, которые или сами осыпаются, или смываются дождемъ. Но орочи-удиһе не смущаются ни червями, ни гниениемъ: часто они берутъ такую рыбу, обтираютъ ее слегка, ударяютъ разъ-другой обо что-нибудь твердое, сдираютъ кожу зубами и ѣдятъ, какъ самое вкусное блюдо. Когда рыба окончательно провялится, тогда ее несутъ въ юрту и на помостахъ изъ жердей надъ очагомъ сушатъ и коптятъ. Юкола, когда предназначена для собакъ, остается только вяленою. Совершенно готовую юколу складываютъ въ берестовыя коробки и хранятъ въ особыхъ амбарахъ вмѣстѣ съ другими различными припасами и предметами домашняго обихода. Иногда жарятъ рыбу цѣликомъ, сушатъ на очагѣ; иногда для собакъ просто разрѣзаютъ рыбу надвое съ костями и вялятъ на солнцѣ; иногда сушатся и вялится рыба, съ которой предварительно была содрана кожа на выдѣлку, о чемъ будетъ рѣчь ниже.

Юколы орочи-удиһе ѣдятъ такъ, какъ мы хлѣбъ: пьютъ съ нею, напримеръ, чай. Иногда ее варятъ или пекутъ на горячихъ угольяхъ, отчего она становится мягкой и довольно вкусной. Наконецъ, приготавливаютъ изъ юколы еще одно лакомое блюдо: жуютъ юколу, пережевываютъ пожеванное съ какою-нибудь ягодой (брусника, морошка и т. п.) и ѣдятъ. Ѣдятъ ее также и съ перничьимъ жиромъ.

Наваръ ни изъ свѣжей рыбы, ни изъ юколы въ пищу не употребляется.

Второе мѣсто занимаетъ мясная пища, продукты охоты. Удиһе употребляютъ въ пищу мясо всѣхъ дикихъ промысловыхъ ими звѣрей: козы, изюбра, оленя, выдры, барсука, кабана, медвѣдя, бѣлки, даже иногда тигра; но мяса собаки не ѣдятъ. Изъ птицъ ѣдятъ мясо утокъ и рябчиковъ, гусей, лебедей и многихъ другихъ. Орловъ и совъ не употребляютъ въ пищу. На основаніи личныхъ наблюденій долженъ сказать, что главнымъ пищевымъ продуктомъ, послѣ рыбы, служить въ сѣверной части территоріи орочей-удиһе мясо сохатаго (лося), въ другихъ частяхъ—изюбра. Не даромъ они приготовленное въ запасъ мясо лося или изюбра называютъ, какъ мясо рыбы, юколой.

Мясо звѣрей употребляютъ въ приготовленномъ и непрigотовленномъ видѣ; мясо птицъ, сколько мнѣ извѣстно, употребляютъ только въ приготовленномъ видѣ. По свѣдѣтельству большинства лицъ, изучавшихъ бытъ удиһе, въ сы-

ромъ видѣ употребляютъ только жиръ, мозгъ, печень, сердце, почки и желудокъ звѣрей. Мнѣ не приходилось наблюдать, чтобы ѣли мясо въ сыромъ видѣ ¹⁾. Но г. Альфанъ сообщаетъ, что по притокамъ р. Уссурн употребляютъ въ пищу сырое замороженное мясо (см. Труды Приамур. Отд. за 1895 г.).

Мозгъ или высасываютъ изъ костей, или раздробляютъ кости и складываютъ его въ чашечку, а потомъ ѣдятъ. Сырую печеньку рѣжутъ на мелкіе кусочки, перемѣшиваютъ съ лукомъ и черемшой и ѣдятъ. Точно такимъ же образомъ ѣдятъ сердце и почки, а желудокъ уничтожаютъ, если и не со всемъ содержимымъ, то плохо очищеннымъ, потому что, по словамъ г. Бѣльковича, блюдо это распространяетъ очень сильный и не особенно пріятный запахъ. Безъ особеннаго приготовленія ѣдятъ, въ видѣ лакомства, вшей, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ гг. Бѣльковичъ и Альфанъ. Лично я не видѣлъ, чтобы удило ѣли вшей, хотя не разъ созерцалъ охоту за „этими звѣрями“. При мнѣ вычесывали изъ головы деревянными гребнями паразитовъ, снимали ихъ руками изъ складокъ рубахи, панталонъ и бросали въ тлѣющій очагъ, гдѣ они и потрескивали. Въ другомъ мѣстѣ я видѣлъ вшей, вычесанныхъ на потухшій очагъ: тогда онѣ покрывали пространство вокругъ него, подобно просыпанной бѣлой крупѣ.

Большую частью мясо звѣрей и птицъ употребляется въ вареномъ видѣ. Для этого мясо рѣжутъ большими кусками, не отдѣляя костей, кладутъ въ котелъ съ водою и кипяткомъ. Варятъ по вкусу и долго и недолго. Затѣмъ берутъ изъ котла куски простывшаго мяса, захватываютъ его зубами, а правой рукою, вооруженною ножомъ, обрѣзаютъ его у самыхъ губъ. Нельзя не удивляться при этомъ ловкости, съ которою владѣютъ при этомъ всѣ ороциудиле,—мужчины и женщины, взрослые, старики и дѣти,—ножомъ. Только въ особенно торжественныхъ случаяхъ варятъ изъ мяса супы, пельмени и китайскую лапшу. Всѣ эти блюда заимствованы у китайцевъ.

Кромѣ варенаго, часто употребляютъ въ пищу жареное мясо, причѣмъ оно мелко крошится. И этотъ способъ приготовленія мяса, по всей вѣроятности, заимствованъ у китайцевъ.

Приготовленіе мяса лося и изюбра въ запасъ на зиму заключается въ слѣдующемъ: мясо разрѣзывается на тонкія полоски, затѣмъ выливается на жердяхъ и наконецъ сушится и коптится надъ очагомъ, подобно рыбѣй юколѣ. Другой способъ заготовленія мяса впрокъ таковъ: долго кипятятъ въ котлѣ, а затѣмъ разрѣзаютъ его на тонкія пластинки, сушатъ и вылятъ на солнцѣ. Приготовленное такимъ способомъ мясо сохраняется очень долго. Такъ какъ

¹⁾ На побережьи Татарскаго пролива самымъ лакомымъ блюдомъ считаютъ мало проваренный языкъ лося.

заготовка мяса впробѣ происходитъ лѣтомъ, то вывѣшенное для вяленья мясо обсыдають мухи, владуть свои яички, да оно и гнѣеть. Лѣтомъ 1897 г. мнѣ приводилось близъ каждой юрты встрѣчать черныя ленты мяса сохатаго и цѣлые ворохи уже готоваго, сложеннаго въ коробки. Эту, такъ сказать, „звѣряную юколу“ хранить въ особыхъ амбарахъ, какъ и юколу изъ рыбы.

Юколу изъ звѣринаго мяса употребляютъ различно: въ непосредственномъ видѣ, варятъ съ приправами и поджариваютъ на угляхъ. Любимымъ блюдомъ считается, по словамъ г. Надарова (Op. cit., 79 стр.), мелко на-строганное мясо, облитое рыбьимъ жиромъ. По вышнему виду это блюдо, налитое въ чашку, похоже на сотовый медъ, а по вкусу при свѣжемъ рыбьемъ жирѣ сносно, при испорченномъ — получается смѣсь, которую невозможно поднести ко рту. Не менѣе лакомымъ блюдомъ считается сушеная „блонь“, или скрепки съ высушенной пыльной кожи убитаго звѣря.

Наичаще употребляемыми въ пищу жирами являются: рыбій, лосинный и нерпичій. Жиръ лоса употребляютъ въ трехъ видахъ: сыромъ, топленомъ и сушено-вяленомъ. Мнѣ не разъ предлагали въ подарокъ топленый жиръ лоса въ пузыряхъ, говоря: „не хочешь ли масла сохата“?

Не могу сказать съ увѣренностью, ѣдятъ ли удиһа устрицъ и другихъ морскихъ животныхъ, относимыхъ къ разряду голотурій. Можетъ быть, ѣдятъ ихъ только тѣ, которые занимаются ловлей морской капусты и совершенно „оманзѣли“. Насколько мнѣ удалось понять изъ разспросовъ, удиһа употребляютъ въ пищу улитокъ.

Для большей части удиһа растительная пища и въ настоящее время является на третьемъ планѣ, но въ южной части ихъ территоріи она начинаетъ занимать второе, если не первое мѣсто.

Наиболѣе древними по времени употребленія въ пищу орочами-удиһа надо признать тѣ съѣдобныя растенія, которыя и встрѣчаются на территоріи ихъ. Сюда относятся нѣкоторыя травы и корнеплоды. Въ большомъ количествѣ, на примѣръ, всѣ удиһа употребляютъ черемшу (сыды) и полевой лукъ; кромѣ того, травы — чугуніи и хансимоніи, особенно же часто можно встрѣтить лѣтомъ связки „земляной картошки“, — это луковичное растеніе, имѣющее бѣлаго или блѣдно-розоваго цвѣта клубень, идущій въ пищу, какъ прибавка къ рыбѣ или мясу. На сѣверѣ, по побережью Татарскаго пролива, это растеніе въ большомъ ходу. Какъ лакомство, лѣтомъ на томъ же побережьи ѣдятъ растеніе, называемое „я а т у ц к и“. Въ пищу идетъ стебель этого растенія. Оно растетъ на сырыхъ низинахъ и имѣетъ много воды въ стеблѣ, который слегка сладкій. Вообще удиһа ѣдятъ многія дико растущія травы и корнеплоды, но собрать вполнѣ основательныя свѣдѣнія о нихъ въ короткое время нельзя, потому что на лицо не всегда бы-

ваютъ эти растенія, а описать ихъ обстоятельно удиhе не могутъ. Подробное перечисленіе такихъ съдобныхъ травъ и растеній, собраніе изъ нихъ коллекціи—дѣло будущаго ботаника-ислѣдователя.

Всѣ орочи-удиhе являются большими любителями ягодъ, растущихъ въ изобиліи въ ихъ странѣ. Брусника, клюква, моршка, голубица, дикій виноградъ и дикія яблоки потребляются въ большомъ изобиліи, иногда служа приправою къ мясу или рыбѣ. Дикія яблоки употребляются въ пищу только хорошо проваренныя; въ сыромъ же видѣ ихъ ѣдятъ только позднею осенью, когда небольшіе морозы прибьютъ ихъ и сдѣлаютъ вкуснѣе.

Наконецъ, тамъ, гдѣ орочи-удиhе находятся въ сосѣдствѣ съ китайцами или русскими, гдѣ существуютъ пашни и огороды, или тамъ, куда пробираются пароходы и китайскіе или русскіе купцы,—тамъ въ пищу идутъ продукты земледѣлія и огородничества. Изъ огородныхъ растеній идутъ въ пищу—кукуруза, тыква, рѣдька, огурцы, бобы, стручковый перецъ, фасоль, брѣква и картофель. Большая часть названныхъ растеній служитъ приправою къ мяснымъ и рыбнымъ продуктамъ, а меньшая употребляется самостоятельно. Кукуруза въ сухомъ видѣ и картофель приготавливаются даже въ запасъ. Не имѣя теплыхъ помѣщеній, въ родѣ нашихъ погребовъ, удиhе приготавливаютъ картофель впродъ слѣдующимъ образомъ: разрѣзавъ его на тонкія пластинки, высушиваютъ на солнцѣ. Конечно, при такомъ приготовленіи картофель теряетъ свой вкусъ и питательность.

Изъ продуктовъ земледѣлія въ пищу идутъ исключительно „буда“ или „чумидза“ (китайское пшено) и „майцца“ (пшеница китайская). По рр. Тэ-Судухэ, Пфусунъ, Тазуши и др. буда и чумидза составляютъ, можно сказать, основное питаніе. Въ плоскихъ котлахъ изъ чумидзы или буды приготавливаютъ кашу, которую ѣдятъ съ бобовымъ или травянымъ масломъ. Въ этомъ случаѣ къ будѣ или чумидзѣ иногда прибавляютъ немного бобовъ или гороху. Чаше же всего потребляютъ буду или чумидзу немного сваренными въ водѣ. Изъ муки майцзы или кукурузы приготавливаютъ хлѣбцы, сваренные на пару, по китайскому способу; кромѣ булочекъ (величиною съ кулакъ), жарятъ коржи на бобовомъ маслѣ и перпичемъ жиру. Последняго рода печеня я самъ ѣлъ цѣлыя недѣли и находилъ ихъ очень вкусными, особенно когда они только что сняты съ котла. Тѣсто дѣлаютъ орочи-удиhе плохо, такъ напримѣръ, между складками коржа встрѣчались прослойки муки. Очень любятъ удиhе рисъ, который попадаетъ въ нимъ отъ вупцовъ русскихъ и китайскихъ, а иногда и отъ японскихъ рыболововъ. Ржаной хлѣбъ и гречневая крупа сдѣлались извѣстны удиhе, благодаря столкновенію съ русскими. По словамъ г. Надарова ¹⁾, орочоны съ удовольствіемъ ѣдятъ ржаной хлѣбъ

¹⁾ Op. cit. 91 стр.

и сухари. „Бывали случаи,—говоритъ онъ,— когда я, приглашая ороочъ въ гости къ своему костру, угощалъ ихъ жень и дѣтей конфетами и шоколадомъ. Но какъ женщины, такъ и дѣти предпочитали конфетамъ ржаные сухари и, набрасываясь на нихъ съ жадностью, истребляли большое количество“.

Мои личныя наблюденія говорятъ совершенно противоположное утвержденію г. Надарова. Хотя я въ обѣ экспедиціи не имѣлъ съ собою шоколада и конфетъ, все же у меня былъ сахаръ, который ороочи-удиһа ѣдятъ съ большимъ удовольствіемъ и ставятъ его выше остальныхъ пищевыхъ продуктовъ европейца. Что же касается ржаныхъ сухарей, то проводники и переводчикъ, равно другіе удиһа, неохотно ѣли ихъ, хотя сухари были очень вкусные. Нѣкоторые удиһа проводники рѣшительно отказывались ѣсть ржаные сухари, и я кормилъ ихъ крупчатыми американскими галетами. Такую же недлюбовь обнаруживаютъ они и къ гречневой кашѣ. Многіе мнѣ прямо заявили, что ржаные сухари и гречневая каша пагубно дѣйствуютъ на непривычный желудокъ.

Въ заключеніе обзоренія пищи необходимо упомянуть о способѣ, коимъ сохраняется на 2—4 дня свѣжая провизія во время лѣта, когда солнце налить по-тропически. Рыбу нализываютъ на тальниковую вѣтку или на веревку и погружаютъ въ воду, привязывая къ камню и иногда сверху прикрывая ее тальниковыми вѣтвями. Мясо же сохатаго погружаютъ въ воду и сверху наваливаютъ камнями. Въ этомъ случаѣ холодная вода горныхъ рѣчекъ замѣняетъ наши ледники.

Выше было сказано, что часто рыба и мясо потребляются орочами-удиһа вмѣстѣ съ растительными продуктами. Лукъ, тыква, чеснокъ и бобы являются въ этомъ случаѣ чѣмъ-то вродѣ нашихъ приправъ. Последнихъ, въ собственномъ смыслѣ слова, у нихъ нѣтъ, потому что соли они потребляютъ очень малое количество, хотя въ настоящее время въ каждой почти юртѣ можно ее встрѣтить. Предпочитается прѣсная пища. Чаше и съ большимъ удовольствіемъ сдобриваются кушанья сахаромъ. Я не разъ видѣлъ, съ какимъ удовольствіемъ ѣли удиһа японскій тростниковый сахаръ съ коржами на перничьемъ жиру, а о русскомъ сахарѣ, особенно цѣнномъ даже японцами, и говорить нечего!

Когда я раздавалъ куски русскаго сахару, то причмокиванью губами, похваламъ и восторгу конца не было. Довольно сказать, что удиһа готовятъ и ѣдятъ пельмени съ сахаромъ.

Теперь поведу рѣчь о напиткахъ, употребляемыхъ орочами-удиһа. Кромѣ воды, удиһа, какъ и другіе многіе дикари, употребляютъ исключительно такіе напитки, которые возбуждаютъ нервы и опьяняютъ человека.

Какъ засвидѣтельствовано всѣми моими предшественниками, порокъ пьянства и опьяненія сильно развитъ среди нихъ. Но въ этой потребности возбужденныхъ напитковъ едва ли слѣдуетъ видѣть одну только склонность къ пороку или одну только порочность природы удигэ. Чтобы правильно взглянуть на эту сторону жизни удигэ, слѣдуетъ припомнить, что, съ точки зрѣнія исторіи жизни вообще человѣчества, въ чисто животной жизни низшихъ расъ потребность въ опьяненіи является признакомъ извѣстнаго прогресса: чтобы опьяняться, надо изобрѣсти или найти въ природѣ вещества съ опьяняющими свойствами. Кромѣ того, пьянство, по словамъ г. П. Летурно, „является наслажденіемъ, тѣмъ болѣе цѣннымъ, чѣмъ суровѣе жизнь, чѣмъ большими опасностями и затрудненіями она бываетъ окружена“. (См. Соціологія, основанная на этнографіи, 47 стр.).

Если орочь-удигэ самъ и не изобрѣтаетъ опьяняющихъ веществъ, пользуясь услугами китайцевъ, японцевъ и русскихъ, то отрицать въ нихъ потребность „подняться надъ обыденными условіями повседневной жизни“ нельзя, потому что эта повседневная жизнь очень сурова, какъ это достаточно показано на предыдущихъ страницахъ и какъ будетъ показано не разъ на послѣдующихъ. Для удигэ, постоянно борющагося съ голодомъ, вѣчно бродячаго, какъ дичь, имъ преслѣдуемая, вѣчно работающаго для уплаты долговъ манзѣ и не видающаго конца-края своей долговой кабалѣ, — для него нѣтъ большаго счастья, какъ испытать, хотя бы на единый мигъ, чувство безграничнаго довольства, радостное чувство жизни, побуждающее забыть удары и уколы физическихъ и социальныхъ условій окружающей жизни. Такія счастливыя минуты, несомнѣнно, и переживаетъ онъ во время опьяненія. Вотъ почему онъ съ такою страстностью предается опьяненію, доходя до того, что пропиваетъ шкуру медвѣдя за бутылку плохой пьянковой водки ¹⁾, выдру — за бутылку отвратительной японской саки (водки). Какъ и другіе дикари, орочь-удигэ безпеченъ и никогда не думаетъ о завтрашнемъ днѣ.

Послѣ сказаннаго обращаюсь къ перечню всѣхъ способовъ опьяненія, практикуемыхъ удигэ съ цѣлью забвенія суровой дѣйствительности. Самымъ легкимъ изъ возбуждающихъ напитковъ является чай, который удигэ не особенно любятъ. Чай употребляютъ кирпичный и пьютъ его безъ сахару; чаемъ запивается ѣда, а лѣтомъ его пьютъ вмѣсто воды.

Главное мѣсто среди возбуждающихъ напитковъ принадлежитъ алкоголю. Вина удигэ не знаютъ, хотя на ихъ территоріи растетъ много дикаго винограда. Хотя удигэ пьютъ водку китайскую (ханшинъ), японскую (саки), но преимущество отдается русской.

Китайская водка (ша о цзю, ханшинъ и сули) есть спиртный напи-

¹⁾ Братья Пьянковы самые крупные винные заводчики въ Южно-Уссурійскомъ краѣ.

токъ, выдѣлываемый китайцами и корейцами во многихъ мѣстахъ Зауссурійскаго края изъ каоляна (гаоляна) или изъ буды—сяомидзы (чумидзы). Выдѣлывается ханшинъ на заводахъ, главнымъ образомъ, въ зимнее время (съ ноября по январь включительно). Ханшинный заводъ представляетъ обыкновенную китайскую фанзу, въ которой устраивается квасильная яма и перегонный аппаратъ съ заторнымъ чаномъ. Чтобы получить ханшинъ, гаолянъ или сяомидзу насыпаютъ въ заторный чанъ и распариваютъ паромъ. Затѣмъ, подмѣшавъ въ распаренную массу известное количество ячменныхъ дрожжей, укладываютъ въ квасильную яму, которую засыпаютъ слоемъ земли, замазываютъ глиною и покрываютъ крышкой. Черезъ 15 дней, когда заторъ приобретаетъ спиртуозность, начинается перегурка его въ ханшинъ. Остатки отъ куренія ханшина, въ видѣ сухой черной массы, поступаютъ въ кормъ скоту. Приготовленный изъ сяомидзы ханшинъ противенъ на вкусъ, и его пьютъ обыкновенно подогрѣтымъ; ханшинъ же изъ гаоляна не противенъ и напоминаетъ собою хорошую картофельную или плохую пшеничную водку. Въ общемъ ханшинъ—плохо очищенная и плохо приготовленная водка. Обычная цѣна ханшину въ сѣверной части территоріи удинѣ 1 рубль за бутылку, въ южной—на половину дешевле. Крѣпость его равняется 50°—55° по Трапезу¹⁾.

Японская водка или саки, выгоняется изъ риса. Для полученія саки, готовятъ маточный разсолъ изъ равнаго количества воды и риса. Для болѣе быстраго броженія въ разсолу прибавляютъ известное количество рисоваго фермента, принявшаго изъ воздуха достаточное количество бродильныхъ началъ. Всю эту смѣсь выдерживаютъ продолжительное время при ровной и не слишкомъ высокой температурѣ. Когда маточный разсолъ перебродилъ въ достаточной степени, въ нему прибавляютъ свѣжаго риса и воды въ равной пропорціи. Послѣ того какъ вся масса перебродила, жидкая часть ея, содержащая алкоголь, выжимается и фильтруется, затѣмъ отстаивается въ боченкахъ. Полученная послѣ осадка муты, прозрачная жидкость, содержащая около 10—12% алкоголя и называется „саки“. Саки довольно неприятный на вкусъ напитокъ и скоро опьяняетъ. Удинѣ покупаютъ его неохотно и пьютъ только по нуждѣ: выпить хочется, а нѣтъ ни сули, ни русской водки. Бутылка саки продается на побережьѣ Великаго океана въ лѣтнее время за 1 рубль.

Какъ ни любятъ удинѣ водку, но мнѣ не приводилось наблюдать слишкомъ неумѣреннаго употребленія ея. Равно я не знаю случаевъ, чтобы удинѣ пропивалъ свою дочь или жену. Могу сказать, что, при самомъ сильномъ желаніи выпить, самое большое, на что способенъ онъ, это отдать за бутыл-

¹⁾ Подробно см. у Надарова, *op. cit.*, 105—114 стр.

ку водки или сули все, что добылъ охотой. Знакомы орочамъ-уди́на и нѣкоторые возбуждающіе наркотики. Изъ нихъ почти повсемѣстно употребляется табакъ, рѣже, особенно на югѣ, опиумъ. Трудно сказать, когда и отъ кого позаимствовали они обычай курить табакъ, но куренье послѣдняго сильно распространено между ними. Курятъ все—мужчины, женщины и дѣти, хотя между женщинами, какъ рѣдкое исключеніе, можно встрѣтить не курящихъ или, лучше сказать, мало куращихъ. Начинаютъ курить съ 4—7 лѣтъ, а нѣкоторые съ 13—14. Курятъ исключительно маньчжурскій табакъ, но не отказываются отъ турецкаго и американскаго; зато не любятъ японскаго, напоминающаго по виду плохой турецкій, во безъ крѣпости и аромата. Курятъ такъ часто, что почти не выпускаютъ изъ рта трубки. Для куренія употребляютъ китайскія или маньчжурскія трубки, съ маленькимъ металлическимъ резервуаромъ и прямымъ длиннымъ чубукомъ, который заканчивается металлическимъ или прозрачнымъ цвѣтнымъ каменнымъ мундштукомъ. Табакъ хранится въ кожаныхъ (нерпа, собака и др. звѣрей) кисетахъ, носимыхъ за поясомъ, причемъ застежкою служатъ лягушка, мышь или другое изображеніе изъ такого же камня, изъ какаго дѣлаются и мундштуки. Трубка хранится или въ кисетѣ или въ особомъ чехлѣ, висящемъ за поясомъ, или же ее носить за пазухой. Въ трубку входитъ мало табаку: на три—пять втягиваній, причемъ онъ или набивается, или листья табачные сворачиваются въ сигару и вставляются въ резервуаръ. У очень немногихъ уди́на доводилось мнѣ видѣть болѣе цѣнныя трубки. Эти трубки, цѣною въ 5—6 рублей, представляютъ коробочку изъ мѣди, съ нѣсколькими, чаще двумя, отдѣленіями, изъ которыхъ одно предназначено для храненія табаку, другое служить резервуаромъ, куда вкладываются металлическія трубочки. Резервуаръ наполняется водою, черезъ которую и проходитъ дымъ въ чубукъ, имѣющій изогнутую форму. На всемъ побережьи отъ р. Боучи до залива Пластувъ я встрѣтилъ тавія трубки только у двухъ уди́на,—фактъ, до нѣкоторой степени свидѣтельствующій о матеріальномъ благосостояніи этихъ инородцевъ. Названныя трубки, кромѣ своей дороговизны, требуютъ турецкаго или японскаго табаку и даютъ два—три втягиванья.

Подъ вліяніемъ китайцевъ и по ихъ внушенію, уди́на начали курить опиумъ. Сколько мнѣ ни приходилось разспрашивать оіекуровъ—уди́на, всегда получался одинъ отвѣтъ, что научили курить опій манзы. Поводомъ къ началу куренія опиума очень много, и они весьма разнообразны: у одного болѣла голова—и манза посовѣтовалъ курить опиумъ, который дѣйствительно уменьшалъ болѣзнь, и къ второму больной съ теченіемъ времени привыкъ; у другого ломило спину, и болѣло „брюхо“—манза опять указалъ на опиумъ, какъ на лѣкарство; третій видѣлъ, что манза—сожитель курилъ опій, захо-

тѣлѣ попробовать, хорошо ли, да и втянулся въ куреніе. А развѣ втянешься, отстать невозможно, потому что безъ опіекуренія чувствуется недомоганіе всего организма. Куреніе опіума распространено, кажется, между жителями побережья на югъ отъ р. Кушунгоу и усиливается по мѣрѣ большаго и большаго сближенія удиһэ съ манзами. Курятъ опіумъ только взрослые люди: самый молодой изъ видѣнныхъ мною опіекуровъ—удиһэ имѣлъ 25—26 лѣтъ. Подражая мужчинамъ, курятъ опіумъ и женщины, но ихъ очень мало.

Научивъ удиһэ курить опіумъ, китайцы научили ихъ и добывать его. Въ настоящее время во многихъ поселеніяхъ удиһэ по рр. Та Судухэ, Пфусунъ и др. до Кушунгоу можно встрѣтить посѣвы мака, исключительно съ цѣлью добыванія опіума. Посѣвъ мака производится, по большей части, раннею весною, чтобы до наступленія лѣтнихъ дождей (съ 15 іюля) собрать опіумъ. Орудія посѣва и способъ его—все заимствовано удиһэ у манзъ: сѣютъ макъ бороздками, потомъ не одинъ разъ пропахиваютъ углубленія между грядками. Когда опадутъ съ мака цвѣты, и головки увеличатся, но не созрѣютъ, тогда начинается сборъ опіума. Съ этою цѣлью ежедневно, отъ восхода до захода солнца, небольшими тоненькими ножичками дѣлаютъ на головкахъ мака горизонтальные порѣзы но такъ, чтобы не разрѣзать оболочку.

Изъ порѣзовъ выступаютъ капельками бѣлый сокъ, который собираютъ пальцами въ небольшія липовыя коробочки. Изъ послѣднихъ онъ поступаетъ въ большую берестовую чумашку и выставляется на 15—20 дней на солнце. Подъ лучами его сокъ густѣетъ и темнѣетъ, и, такимъ образомъ, получается опій-сырецъ. Въ такомъ видѣ онъ хранится въ бумагѣ, пропитанной свинымъ саломъ, и поступаетъ въ продажу. Для куренія опіумъ-сырецъ подвергается вываркѣ, потому что курятъ вытяжку изъ опія. Выварка опія, или полученіе изъ него вытяжки, происходитъ слѣдующимъ образомъ: опій-сырецъ варятъ въ водѣ въ особой мѣдной чашкѣ, потомъ процѣживаютъ его черезъ китайскую фильтрующую бумагу; полученную жидкость снова варятъ, снова процѣживаютъ,—и подобную операцію продолжаютъ до тѣхъ поръ, пока не получится черная блестящая и тягучая, какъ смола, масса. Это и есть опійная вытяжка.

Приборъ для куренія опіума весьма сложенъ: трубка, лампочка, щипчики, лопаточка, чашечки, подносикъ—все это доходитъ до 40 рублей цѣною. Купить такой приборъ полностью не возможно для бѣдняка—удиһэ, поэтому обходятся самымъ необходимымъ: трубкою, лампочкою, щипчиками или иглою.

При всемъ разнообразіи деталей, устройство трубокъ для куренія опіума въ сущности заключается въ слѣдующемъ: длинный бамбуковый чубукъ имѣетъ отверстіе, соединяющееся съ каналомъ; отверстіе это дѣлается на разстояніи трехъ четвертей всей длины чубука. Въ отверстіе вставляется трубка, имѣющая

По винѣ типографіи пагинація страницъ съ 3-го листа отмѣчена неправильно со стран. 333, тогда какъ она должна идти 355, 356 и т. д.

огнѣ лампочки. Курящихъ ложится, поджигаетъ, и т. д.
сжигаетъ на немъ опиумъ, втягивая густой и сильно пахнущій дымъ. Пріемъ куренія повторяется одинъ или нѣсколько разъ въ день, смотря по степени, до какой дошелъ въ этомъ порокѣ курильщикъ опія. Но среди удичѣ мнѣ не встрѣчался ни одинъ, который бы курилъ въ день болѣе 3-хъ разъ; куреніе опіума дорогое удовольствіе, и потому курить много не позволяетъ орочамъ — удичѣ матеріальная необеспеченность.

Немногіе изъ курильщиковъ опія говорили мнѣ на вопросъ о свойствахъ его „худо есть“. Этими словами они обозначаютъ то пагубное дѣйствіе, какое производитъ опій на курящихъ. Дѣйствительно мнѣ случилось наблюдать два случая разрушительнаго дѣйствія опія на удичѣ. Особенно поразилъ меня Кохолунъ, о которомъ я упоминалъ въ одной изъ предыдущихъ главъ. Стоитъ мнѣ вспомнить его имя — и передъ моимъ взоромъ встаетъ изможденное, изжелта блѣдное лицо, съ широко раскрытыми глазами. Такой видъ онъ имѣлъ, когда послѣ пріема опіума неподвижно лежалъ на нарахъ полутемной фанзы. Онъ уже года четыре куритъ опиумъ, и на его слабomъ организмѣ ярче всего сказалось пагубное дѣйствіе этого наркотика: нервная система у него разстроена, аппетита нѣтъ, сильное исхуданіе тѣла, кожа приняла уже зловѣщій изжелта пещельный цвѣтъ. Онъ изъ тѣхъ несчастныхъ опіекуровъ, которые ликвидируютъ свое имущество и жизнь. Работать онъ уже давно не можетъ, потому что и двигается съ трудомъ. Безотрадная дѣйствительность побуждаетъ его все чаще и чаще заглушать физическія и нравственныя страданія куреніемъ опія, и трудно сказать, лежитъ ли онъ понынѣ на нарахъ, или давно покоится въ сырой землѣ. Таково видимое, физическое дѣйствіе опія. Что же касается внутренняго, нравственнаго, то на мои разспросы я не могъ получить отвѣта, потому что удичѣ не могутъ на своемъ бѣдномъ языкѣ выражать внутреннихъ движеній. По всей вѣроятности, опій притупляетъ сознаніе и причиняетъ полное забвеніе всего окружающаго. Не могу сказать

¹⁾ Проф. Таранецкій говоритъ о полужидкомъ состояніи опіума и о высушиваніи его на лампочкѣ. Я разспросами добился, что опійная вытяжка, которая подчасъ бываетъ твердая, какъ хорошо застывшая смола, не подсушивается на огнѣ, а перепаливается, потому что безъ перегорѣнія опій не дастъ дыма. Работу проф. Таранецкаго см. въ «Трудахъ Антропологич. Общ. при Имп. Военно-Медиц. Академіи», т. II., стр. 113.

насколько правъ Wegnich (цитируемый профессоромъ Таранецкимъ), утверждающій, что всѣ куряльщики опиума чувствуютъ полное довольство ¹⁾).

Подводя итогъ всему сказанному доселѣ о пищѣ орочей-удиһе, слѣдуетъ сказать, что никакого крупнаго переворота не произошло въ этой сферѣ жизни удиһе: рыба и мясо, какъ были искони, такъ остаются и понынѣ главными пищевыми продуктами. Если въ настоящее время жителямъ южной части территоріи приходится переходить на растительную пищу, то нужно полагать, что этотъ переходъ, происходя исподволь, не будетъ слишкомъ вреднымъ для здоровья ихъ. Правда, ржаной хлѣбъ дѣйствуетъ на желудки ихъ, какъ слабительное, а гречневая каша, наоборотъ, сильно крѣпитъ. Но по физическимъ условіямъ края едва-ли когда-нибудь орочамъ-удиһе придется воздѣлывать рожь и гречу, слѣдовательно и питаться ими. Покупаемые же рисъ, буда и пшеничная мука потребляются съ удовольствіемъ и пользою.

Наиболѣе сытымъ временемъ для удиһе является лѣто, осень и начало зимы, когда въ рѣки идетъ рыба, въ лѣсахъ много сохатыхъ и другого звѣря, когда много припасено пушнины, а услужливые купцы навозятъ всякой всячины. Наболѣе голоднымъ временемъ слѣдуетъ признать вторую половину весны и начало лѣта, когда запасы истощаются. Впрочемъ, при отсутствіи печальныхъ случайностей, о которыхъ рѣчь была выше, орочу—удиһе не приходилось бы никогда голодать.

Въ отношеніи ѣды и ежедневныхъ работъ, день удиһе проходитъ слѣдующимъ образомъ: встаютъ они съ разсвѣтомъ. Женщины тотчасъ принимаются за приготовленіе пищи. Къ шести—семи часамъ, когда сойдутся послѣ работъ всѣ обитатели юрты, готова первая ѣда: ѣдятъ рыбу, мясо или чумидзу, смотря по мѣстности. Около полудня ѣдятъ второй разъ то-же самое, т. е. рыбу, мясо, буду и булочки изъ муки. Наконецъ, вечеромъ, при заходѣ солнца, ѣдятъ третій разъ, а затѣмъ ложатся спать. Въ нѣкоторыхъ семьяхъ утромъ пьютъ чай съ юколою; въ другихъ—послѣ каждой ѣды пьютъ чай, равно въ теченіе дня пьютъ тогда, когда захочется пить, потому что иногда на очагѣ постоянно находится чайникъ. Бѣдные семьи ѣдятъ два раза въ день—утромъ и вечеромъ. Бѣдные и богатые удиһе послѣ каждой ѣды обязательно курятъ табакъ. Въ особенно торжественныхъ случаяхъ столъ бываетъ обильнѣе по количеству блюдъ. Вотъ, для примѣра, описаніе такого торжественнаго обѣда: „сперва была подана, — говоритъ участникъ ²⁾), сырая, мелкокрошенная рыба съ лукомъ, но безъ соли; на второе—пельмени, но не съ мясомъ, а почти съ однимъ сахаромъ; потомъ

¹⁾ Подробное описаніе культуры опія и его потребленія см. въ моей монографіи: «Опіумъ. Его культура и потребленіе въ Зауссурійскомъ краѣ».

²⁾ Г. Альфтанъ въ Трудахъ Пріам. Отд. за 1895 г.

лепешки изъ муки, жаренныя на бобовомъ маслѣ; вареная рыба съ картофелемъ и фасолью; китайская лапша съ мясомъ; супъ изъ козули, при чемъ мясо было почти сырое и, наконецъ, жареный въ котлѣ мелко изрѣзанный пѣтухъ. Въ промежуткахъ между кушаньями угощали ханшиномъ (дзюбѣ), который пили въ маленькихъ чашкахъ, въ $\frac{1}{2}$ рюмки и подогрѣтымъ. Орочныя ѣли очень много, страшно пыхтѣли и потѣли. Послѣ обѣда угощали чаемъ, а затѣмъ началась уборка. Сначала вымыли посуду, а послѣ этого обѣ бывшія въ балаганѣ хозяйки занялись расчесываньемъ волосъ. Если при этомъ на гребнѣ попадались насѣкомыя, то ихъ брали въ ротъ, раскусывали зубами, а черезъ нѣкоторое время ихъ выплевывали по нѣскольку штукъ въ разъ“.

Подробное разсмотрѣніе способовъ приготовленія пищи орочами-удиһе показываетъ, что они далеко ушли отъ той первобытной дикости, когда человѣкъ пожиралъ безъ всякаго разбора и безъ всякаго приготовленія все, что является съѣдобнымъ. Такъ они умѣютъ варить и жарить мясо и рыбу, для чего имѣютъ въ домашнемъ обиходѣ посуду; у нихъ есть очагъ, вокругъ котораго группируется семья; они садятся за столъ вмѣстѣ съ женами и дѣтьми— все это яркіе признаки сравнительной цивилизаціи.

Не забудемъ при этомъ, что орочу-удиһе трудно прогрессировать въ данномъ отношеніи потому, что обѣдъ его зависить отъ тысячи случайностей. Хотя выше и указано было, сколько разъ принимаются удиһе за ѣду въ теченіе дня, однако въ ихъ жизни нѣтъ той механической регулярности, съ какою, напримѣръ, мы по нѣскольку разъ въ день садимся за столъ. Поэтому про всѣхъ почти удиһе можно сказать, что они ѣдятъ тогда, когда могутъ, и ѣдятъ такъ, какъ могутъ, стремясь при случаѣ употребленіемъ большого количества пищи вознаградить себя за невольный, подчасъ продолжительный голодъ. Послѣднее, между прочимъ, объясняетъ, почему наблюдатели поражаетъ иногда обжорство орочей-удиһе.

Послѣ сказаннаго понятно станетъ и то, что для нихъ сущность духовной жизни заключается въ отысканіи пищи и въ удовольствіи, получаемомъ при насыщеніи ею. Много покушавшій удиһе ложится спиной на нары и преаппетитно нѣсколько разъ рыгаетъ на всю юрту, затѣмъ засыпаетъ сладкимъ сномъ для того, чтобы проснувшись снова приняться за ѣду. Голодъ является большимъ стимуломъ для удиһе: по требованію голода, онъ проявляетъ необычайную энергію, садится въ оморочку и развѣзжаетъ цѣлыми днями по рѣкамъ и протокамъ, пока не убьетъ звѣря.

Для болѣе правильнаго отношенія къ удиһе въ данномъ случаѣ, мнѣ кажется, не слѣдуетъ забывать, что забота о насущномъ кускѣ хлѣба стоитъ на первомъ планѣ и для большинства цивилизованныхъ европейцевъ, что изъ „членовъ такъ называемыхъ командующихъ классовъ весьма многіе находятъ

свое первѣйшее удовольствіе въ услажденіи именно желудка, сопровождаемомъ употребленіемъ различнаго рода пріятныхъ вкусовыхъ веществъ“. И если „взять въ общемъ все человѣчество, можно сказать, что высшія потребности чувства и разума являются лишь побочными явленіями“, то зачѣмъ же быть строгими въ отношеніи удиѣ.

То же самое слѣдуетъ сказать и объ употребленіи ими наркотиковъ. Психо-физиологія только въ будущемъ дастъ точныя свѣдѣнія о дѣйствіи табаку и опиума на центры сознанія въ человѣческомъ мозгу. Но пока что, можно утвердительно сказать, что, разрушая организмъ, наркотики не лишены благотворнаго дѣйствія; табакъ и опиумъ позволяютъ удиѣ „доставить себѣ, по выраженію Ш. Летурно ¹⁾, минуту забвенія и призракъ счастья среди потока бѣдствій, окружающихъ его“. Грустно сознаться, но слѣдуетъ сказать, что для удиѣ, какъ и для многихъ другихъ дикарей, опьяненіе есть тяжкою цѣною покупаемая переходная ступень отъ грубаго физическаго довольства къ жизни духовной, о которой будетъ рѣчь впереди.

ГЛАВА IX.

Одежда.

Въ одеждѣ орочей-удиѣ въ настоящее время мало сохранилось первобытной старины; въ этомъ отношеніи они сильно подчинились вліянію китайцевъ и гольдовъ; европейское вліяніе тоже начинаетъ проникать пока скромно, въ видѣ подареннаго русскимъ путешественникомъ пиджака, фуражки, офицерскаго сюртука или высокихъ сапоговъ.

Разсмотримъ сперва головные уборы, потомъ собственно платье, обувь и различныя мелкія принадлежности мужскаго и дамскаго туалетовъ, равно необходимое бѣлье.

Какъ мужскіе, такъ и женскіе головные уборы бываютъ зимніе и лѣтніе. Зимній мужской головной уборъ состоитъ изъ конусообразной шапочки. Это такъ называемая охотничья шапочка. Она шьется такъ: нижній кругъ, околышъ ея, дѣлается изъ тонкой рыбьей кожи; затѣмъ поверхъ ея, съ наружной стороны, нашивается нѣсколько полосъ, напримѣръ, по самому краю — оторочка изъ бѣличьяго мѣха, затѣмъ идетъ полоса изъ цвѣтной матеріи или цвѣтнаго сукна, далѣе еще нѣсколько такихъ же различной ширины полосъ изъ сукна и дабы (всего 6—7 полосъ). Само собою разумѣется, что каждая слѣдующая полоска дѣлается меньше предыдущей. Верхъ ея дѣлается

¹⁾ Лет., 57 стр.

изъ мѣха козьихъ ногъ или сплошь съ шерстью, или послѣдняя оставляется только полосками. Въ центрѣ донышка внаружѣ пришивается бѣличій хвостъ, одиѣтъ или съ цвѣтными шнурками и шелковыми цвѣтными висточками. Внутри по бокамъ шапочки пришиваются кожаныя ленты, вверху раздвоенныя и внизу, подъ подбородкомъ, сшитыя. Этими лентами, играющими роль резинки у нашихъ дамскихъ и мужскихъ шляпъ, шапочка держится на головѣ. Цвѣта матерій на шапочкахъ—синій, желтый, зеленый, красный и голубой.

Лѣтомъ мужчины носятъ круглыя войлочные шляпы или конусообразныя соломенныя, чаще берестовыя. По словамъ г. Бѣльковича, соломенныя и войлочные шляпы не выдѣлываются самими удѣнѣ, а покупаются у русскихъ и китайскихъ купцовъ изъ гор. Хабаровска. Трудно сказать, насколько составляютъ берестовыя шляпы продуктъ самобытности. Зато слѣдуетъ прибавить, что мужчины не любятъ лѣтомъ носить головныя уборы, а ходятъ съ непокрытыми головами.

Женскіе головныя уборы не разнообразны: лѣтомъ женщины носятъ на головахъ куски синей китайской ткани или ситцевыя платки, покупаемые у русскихъ купцовъ, въ дождь—мужскія берестовыя шляпы. Зимой покрываютъ голову теплыми платками или мѣховыми наушниками, прикрывающими большую часть головы.

Существуетъ одинъ головной уборъ, общій для мужчинъ и женщинъ, и надѣваемый лѣтомъ для защиты отъ комаровъ и мошей. Шьется онъ изъ синей и бѣлой дрели и формою совершенно напоминаетъ старинный дамскій капоръ, отверстіе котораго плотно облегаетъ лицо. Личное отверстіе имѣетъ обшивку, состоящую изъ нѣсколькихъ полосъ синей и черной дабы или коллора и желтой, красной и черной тесьмы (обыкновенно бываетъ три полосы: широкая изъ матеріи и двѣ изъ тесьмы поуже). Такую же обшивку, но до $\frac{1}{2}$ четверти шириною, имѣютъ затылочная часть и низъ капора. Обшивка накладывается поверхъ дрели и состоитъ изъ различной ширины полосы цвѣтной дабы, цвѣтного русскаго ситца и разноцвѣтной тесьмы. Образующимися полосами обшивки углы и самыя полосы вышиваются шелками или цвѣтными нитками въ узоръ, при чемъ преобладающими цвѣтами являются—синій, красный, желтый, бѣлый, черный, зеленый и розовый. Бываютъ капшоны глухіе, т. е. сшитыя на затылкѣ, бываютъ и открытыя, съ подшитыми по разрѣзу двумя клиньями. Последніе сильнѣе защищаютъ плечи и шею, плотнѣе облегая голову. Видѣнные мною головныя уборы были сшиты нитками и жилами животныхъ, при чемъ нитками шьются капшоны изъ дрели и дабы, а жилами животныхъ пришивается кожа.

Слѣдуетъ замѣтить, что удѣнѣ не знаютъ того, что мы называемъ бѣльемъ: у нихъ одна и та же одежда исполняетъ роль верхняго и нижняго

платья, а равно и бѣлья. Лишь у очень немногихъ можно встрѣтить короткія рубахи изъ вумача или китайской дабы, носимыя подъ верхнимъ платьемъ и представляющія подобіе бѣлья. Кромѣ того, одежда ихъ неравнообразна и одинакова для мужчинъ и женщинъ, различаясь только длиною и названіемъ. Матеріаломъ для одежды служитъ рыбаья кожа, китайскія матеріи и шкура звѣрей. По мѣрѣ того, какъ орочи-удиѣ приходятъ въ богѣтѣсное соприкосновеніе съ китайцами, китайскія матеріи вытѣсняють остальные матеріалы при постройкѣ платья, особенно рыбаью кожу.

Главною частью костюма является рубаха, у мужчинъ до колѣней, у женщинъ гораздо длиннѣе. Она строится изъ рыбаей кожи или изъ китайской матеріи, а иногда оба эти матеріала соединяются, при чемъ китайская даба служитъ подкладкою, изъ нея же дѣлается внизу оборка. Покрой рубахи мужской и женской, независимо отъ матеріала, одинъ и тотъ же: это халатъ, съ широкими рукавами, съ вырѣзомъ въ воротѣ и восьмью разрѣвомъ во всю длину, состоящей изъ спинки и двухъ полъ. Если рубаха построена изъ рыбаей кожи, то воротникъ, плечи, края рукавовъ (обшлага), край верхней полы и низъ одежды раскрашиваются минеральными красками и представляютъ нѣчто въ родѣ каймы съ красивымъ узоромъ, въ которомъ перемежаются черный, красный, желтый, свѣтло-зеленый и свѣтло-голубой цвѣта. Очень красивая по узору кайма идетъ по бокамъ рубахи, отъ нижней каймы до пояса, равно и по срединѣ спины. Для подкладки или для всей рубахи, кромѣ рыбаей кожи, употребляется преимущественно синяя даба. Иногда вся рубаха изъ кожи раскрашивается разноцвѣтными полосами, идущими горизонтально, напримѣръ, полоса зеленая, черная, красная, кайма внизу изъ синей дабы. Вообще трудно перечислить всѣ варіаціи, которыя встрѣчаешь, какъ въ количествѣ узоровъ, такъ и въ ихъ расположеніи и чередованіи цвѣтовъ. Одно можно сказать, что женскія рубахи значительно превосходятъ мужскія рисункомъ, яркостью красокъ и обиліемъ ихъ. Если вся рубаха строится изъ китайской матеріи, то узоръ каймы дѣлается изъ разноцвѣтной тесьмы, полосокъ цвѣтныхъ матерій, и весьма часто вышивается разноцвѣтными нитками. Весьма не рѣдко весь низъ рубахи обшивается металлическими блестками и бляшками, а на р. Самаргѣ у вдовы старшины Индину я видѣлъ рубаху, унизанную въ два ряда русскими двугривенными. Пуговицъ обыкновенно бываетъ три; одна застегиваетъ воротъ у самаго горла, другая помѣщается на правомъ плечѣ и третья подъ мышкою той же правой руки, потому что у орочей-удиѣ лѣвая пола играетъ роль верхней. Пуговицы—металлическія, покупныя, или самодѣльныя, ременные; петли изъ кожи—самодѣльныя.

Второе мѣсто въ костюмѣ занимають штаны. Они отличаются весьма

простымъ покроемъ, если дѣлаются изъ рыбьей кожи: это двѣ штанины, привязываемыя веревочками или ремешками, продѣтыми въ петельки, къ поясу. Въ настоящее время эти штаны вытѣсняются шароварами китайскаго покроя и изъ китайской дабы. Сверхъ штановъ надѣваются наколѣнники, охватывающіе ногу отъ щиколотковъ и прикрѣпленные ремешками или веревочками къ поясу. Наколѣнники, какъ и штаны, дѣлаются или изъ синей китайской дабы или изъ рыбьей кожи, рѣже изъ кожи нерпы или другого звѣря. Зимомъ и при отправленіи на охоту надѣваются наколѣнники послѣдняго рода. Штаны у щиколотковъ иногда перевязываются широкою тесемкою. Зимомъ носятъ покупаемые у китайцевъ шубы и ватныя курмы или самодѣльныя изюбринныя мѣховыя куртки. Предназначаемыя для женщинъ и сдѣланные изъ рыбьей кожи штаны и наколѣнники внизу украшаются узорчатою каймою, подобною той, какую мы видѣли на рубахахъ.

Наконецъ, третья основная часть костюма—обувь, одинаковая для мужчинъ и женщинъ. Матеріаломъ для нея служитъ рыба кожа, кабанья, оленья и дредь. Улы и олочи (унты) представляютъ собою подобіе китайскихъ башмаковъ, но безъ подошвъ, съ невысокими голенищами. Впрочемъ, бываетъ эта обувь и съ высокими голенищами, щеголеватая; ее носятъ только женщины и молодые парни. Дѣлаемая изъ рыбьей кожи обувь преимущественно носится зимомъ, потому что тогда, при ходьбѣ на лыжахъ, она не такъ быстро изнашивается. Улы, похожія по фасону на глубокія дамскія туфли, не украшаются никакимъ узоромъ; олочи же и высокіе сапоги (амуи) украшаются узоромъ на подъѣмѣ и по краямъ голенищъ; у носка кожа собирается красивыми складками. Голенища спереди разрѣзаны и при надѣваніи обвязываются ремнями или кускомъ синей и бѣлой дабы. Необходимую принадлежность улы и другой кожаной обуви составляютъ подстилки изъ тонкой и мягкой травы, называемой ула (Сагех по Васильеву и Максимо-вичу). Въ южной части территоріи удино, гдѣ послѣдніе овитаились, всюду встрѣчаемъ китайскую обувь. Кое-гдѣ на сѣверѣ въ зимнее время носятъ сапоги изъ мѣха кабарги.

Одежда шьется нитками и жилами животныхъ; узоры нашиваются, наклеиваются или вышиваются купленными цвѣтными нитками. Обувь чаще всего шьется толстыми нитками, приготовляемыми изъ дикорастущей конопля.

Кромѣ указанныхъ главныхъ частей костюма, имѣется еще много второстепенныхъ. Такъ мужчины и женщины обвязываютъ рукава рубахи у кисти особыми нарукавниками. Послѣдніе представляютъ собою повязки, шириною въ ладонь и длиною около двухъ четвертей, съ однимъ концомъ нѣсколько суженнымъ. Къ этому суженному концу пришиты толстыя тесемки—завязки.

Нарукавники, построенные изъ рыбьей кожи или изъ китайской матеріи, всегда украшаются узоромъ, особенно тщательно украшается съ уженный край. остающійся на виду. Узоръ дѣлается разноцвѣтнымъ шелкомъ, а края нарукавниковъ обшиваются тесьмою, преимущественно яркочернаго цвѣта.

Особенною роскошью и нарядностью отличаются женскіе нагрудники, наплечники или—лучше сказать—нашейники, потому что они надѣваются вокругъ шеи, сверху воротника, и фартуки.

Нагрудники весьма разнообразны по своему виду и постройкѣ, но можно различать два фасона: одни короткіе, представляющіе видъ прямоугольника, такіе нагрудники бываютъ и теплыми, на нѣтъ; другіе продолговатые, отъ аршина до аршина съ четвертью длиною, а шириною въ четверть. Вотъ описаніе двухъ наиболѣе типичныхъ нагрудниковъ. Болѣе простой изъ нихъ состоитъ изъ куска синей дабы или дрели, на которомъ внизу и вверху нашиты треугольники изъ разноцвѣтныхъ матерій; по серединѣ шитье прямоугольничья изъ матерій коричневаго цвѣта; по краямъ нагрудника идетъ разноцвѣтная обшивка, вышитая внизу разноцвѣтными нитками. Ширина нагрудника въ низу становится больше: вверху она равняется полчетверти, а внизу болѣе четверти. Въ верхней части его—выемка для шеи, съ тесемками по краямъ выката для завязыванія сзади.

Болѣе роскошный нагрудничья имѣетъ нѣсколько меньшую длину, но отличается множествомъ украшеній. Внизу онъ усеянъ круглыми изъ красной мѣди бляхами, затѣмъ бляхами изъ бѣлой жести; въ слѣдующемъ ряду, выше, пришиты пуговицы и нѣсколько мѣдныхъ блестокъ, посрединѣ—пять висточекъ, состоящихъ изъ трехъ голубыхъ нитокъ и четырехъ мѣдныхъ цѣпочекъ. Въ самомъ верху—застежка: на ремешкѣ пришита бронзовая пуговица, продѣваемая въ кожаное ушко-петлю. Кромѣ того, на четверть отъ верхнихъ краевъ нагрудника пришиты съ двухъ сторонъ красные шнуры, для завязыванія нагрудника (подъ мышками) на спинѣ.

Фартуки имѣютъ такой же фасонъ, какъ и нагрудники, но отличаются болѣею длиною. Они также украшаются мѣдными пуговицами, бляшками, раковинками. Если фартукъ сдѣланъ изъ рыбьей кожи, то украшается рисункомъ изъ минеральныхъ красокъ, покупаемыхъ у китайскихъ купцовъ, прекрасно изучившихъ вкусы и потребности орочей-удиша.

Къ одеждѣ слѣдуетъ отнести и нѣкоторыя туалетныя принадлежности. Такъ мужчины и женщины не стригутъ свои густые волосы, а отпускаютъ ихъ до длины естественнаго роста. Прическа волосъ заключается въ томъ, что мужчины и женщины дѣлаютъ по серединѣ проборъ и заплетаютъ двѣ косы, въ три пряди каждую. Затѣмъ длинныя косы перегибаются пополамъ

и перевязываются *). Для перевязывания и существует особая туалетная принадлежность, состоящая почти всегда из красного шнура, унизанного цветными раковинками, монистами и другими блестящими безделушками. Такъ какъ шнурокъ идетъ отъ одной косы къ другой, не разрываясь на затылкѣ, то у нѣкоторыхъ щеголихъ и щеголей затылочная часть косника обшивается матеріей, пальца въ 2—3 шириною, чтобъ на ней побольше помѣстилось раковинокъ и бляшекъ.

Вообще и мужчины и женщины, особенно послѣднія, отличаются большимъ пристрастіемъ къ разнымъ изящнымъ безделушкамъ, которыя обязательно вѣшаютъ на себя. Такъ, на каждой нарядной женщинѣ можно увидѣть привѣшенный на шнуркѣ небольшой, часто причудливой формы, изъ цветной матеріи, расшитой цветными шелками, мѣшочекъ для хранения иголокъ; тутъ же виситъ небольшой кошелекъ, расшитый узорами, для нитокъ, наперстка и др. мелочей.

Изъ украшеній, свойственныхъ не только женщинамъ, но и мужчинамъ, слѣдуетъ назвать—серьги, ожерелья, кольца и браслеты.

Въ настоящее время рѣдко встрѣчаются мужчины—удиһе, носящіе серьги; но среди женщинъ попадаются часто и такія, которыя украшаютъ серьгами не только уши, но и носъ. Ушные серьги обыкновенно состоятъ изъ желѣзнаго, мѣднаго или серебрянаго кольца, отъ 1 до 1½ дюйма въ діаметрѣ, соединеннаго съ другимъ или нѣсколькими разноцветными стеклянными кольцами. Такихъ серегъ многія женщины вдѣваютъ по четыре въ каждое ухо, при чемъ для каждой серьги дѣлается особое отверстіе. Тяжелыя серьги сильно оттягиваютъ уши, но щеголихи не смущаются этимъ.

Носовыя серьги меньше размѣромъ и состоятъ изъ одного серебрянаго или мѣднаго колечка, продѣтаго въ правую ноздрю, рѣже въ носовую перегородку. Носовыя серьги сильно беспокоятъ непривычный взоръ европейца, но женщинамъ-удиһе онѣ очень нравятся, и ихъ начинаютъ носить чуть не со дня рожденія.

Кольца желѣзные, мѣдные и серебряныя носятъ мужчины и женщины на пальцахъ обѣихъ рукъ, при чемъ не исключается и большой. Перстни любятъ широкіе и безъ камней. Мужчины и женщины носятъ на рукахъ еще браслеты изъ мѣди, серебра, кости и стекла. Ожерелья дѣлаются изъ китайскихъ монетъ и русскихъ, раковинъ, бусъ и другихъ погремушекъ, наизванныхъ всегда въ два, три и четыре ряда.

Какъ ни обильны украшенія орочей-удиһе, ни одно изъ нихъ не можетъ быть названо самобытнымъ въ строгомъ смыслѣ, тѣмъ болѣе трудно

*) Многіе орочи-удиһе мнѣ говорили, что ихъ за двѣ толстыя косы манзы называютъ чамуръ-тазани.

опредѣлить его стародавность. Перечисленные украшения являются издѣліемъ или китайцевъ, или европейцевъ, а нѣкоторые напоминаютъ украшения со-сѣдственныхъ и родственныхъ инородцевъ-гольдъ, гилляковъ и айновъ.

Для полноты описанія одежды уди́не, необходимо упомянуть еще о рукавицахъ, шарфахъ (боа) и постели.

Какъ лѣтнія такъ и зимнія рукавицы уди́не имѣютъ одинъ фасонъ: это обыкновенныя русскія рукавицы съ однимъ пальцемъ. Лѣтнія строятся изъ тонкой рыбьей кожи или изъ выдѣланной кожи звѣрей, раскрашенной узорами изъ минеральныхъ красокъ. Параллельно съ основаніемъ большого пальца на ладонной части рукавицы дѣлается отверстіе, въ которое легко просовывается рука, и надо работать. Рукавица ремешкомъ привязывается къ одеждѣ, чтобъ не потерялась, когда вынимается рука. Зимнія рукавицы всегда дѣлаются изъ сыромяти съ оленьимъ и другимъ мѣхомъ внутри; снаружи иногда дѣлается опушка изъ бѣлки и клапанъ для закрытія отвер-стія изъ мѣха ногъ козули.

Шарфы изъ бѣличьихъ хвостовъ носятъ зимою и въ настоящее время вытѣсняются изъ употребленія гарусными шарфами, покупаемыми у китай-цевъ.

Постель орочей-уди́не состоитъ изъ мѣховой подстилки (мѣхъ козули, медвѣдя, сохатаго), подушки и одѣяла. Подушки, впрочемъ, какъ и одѣяла встрѣчаются далеко не у всѣхъ уди́не: подушка часто замѣняется собствен-ною одеждою, свернутою въ нѣсколько разъ, или другимъ домашнимъ хла-домъ, а одѣяло—шкурою звѣря. Подушки встрѣчаются двухъ видовъ: обык-новенныя, похожія на наши, съ ситцевыми или дрелевыми наволочками, на-битыя пухомъ и перьями дивихъ птицъ, — и продолговатыя, круглыя, похожія на цилиндръ, набитыя опилками или ватою. Въ южной части территоріи уди́не чаще попадаются подушки второго сорта, въ чемъ нельзя не видѣть вліянія китайцевъ. Тамъ же часто встрѣчаются манзовскія одѣяла, такъ на-зываемыя „тигры“, т. е. простыя шерстяныя одѣяла съ изображеніемъ тигра и чернымъ подкладомъ; встрѣчаются одѣяла изъ шелковыхъ оческовъ, тоже китайскаго издѣлія, и ватныя. Мнѣ приходилось видѣть особаго рода одѣяло, представляющее мѣшокъ и надѣваемое на совершенно обнаженное тѣло. Вообще лѣтомъ всѣ уди́не спятъ обнаженные или полуобнаженные, при чемъ женщины, особенно въ фанзахъ, помѣщаются подъ особымъ пологомъ, спи-тымъ изъ китайской цвѣтной матеріи и имѣющимъ видъ небольшой прямо-угольной палатки. Этотъ пологъ, очевидно, явленіе позднѣйшее и означаетъ извѣстную степень нравственной эволюціи, такъ какъ у орочей-уди́не обык-новенно спятъ всѣ—мужчины, женщины и дѣти—на однѣхъ нарахъ подъ однимъ большимъ одѣяломъ.

Одежду и постельное бѣлье никогда не моютъ: развѣ надѣтое платье носится до тѣхъ поръ, пока превратится въ лохмотья. Если присоединить сюда привычку зимою спать въ одеждѣ, то легко понять, почему въ ихъ жилищахъ, особенно въ нарахъ, встрѣчается безчисленное количество паразитовъ (вшей), доставляющихъ нѣкоторымъ удовольствіе послѣ обѣденной охоты.

Шитьемъ одежды занимаются исключительно женщины. Кроютъ онѣ платье безъ вырѣзокъ и формъ, причѣмъ орудуя кривыми, большими и малыми, ножами и китайскими ножницами. Несмотря на сказанное, покрой и швейныя работы ихъ отличаются относительнымъ изяществомъ и всегда большою тщательностью. Шьютъ иглами, причѣмъ наиболѣе употребительными являются швы черезъ край и строчка. При шитьѣ употребляютъ, какъ уже упоминалось, китайскія нитки и нитки, приготовленныя изъ дикой крапивы, изъ жилъ лося и изъ рыбьей кожи. Нитки послѣдняго рода отличаются плоскою формою.

Наиболѣе характерными особенностями одежды орочей-удиѣ надо признать—обиліе украшеній и обшивокъ, низкіе стоячіе воротники и большіе выеоты.

Хотя нельзя сказать съ опредѣленностью, что привзошло новаго чужого въ одежду удиѣ, однако, по аналогіи, можно утверждать, что именно во вѣишности и должно было произойти наиболѣе перемѣнъ, при столкновеніи ихъ съ различными сосѣдними народами. Подтверженіемъ такого мнѣнія служитъ сходство костюма удиѣ съ костюмомъ другихъ инородцевъ, живущихъ въ Приморской области. Далѣе, едва ли костюмъ женщины не сохранилъ болѣе первобытной старины, по крайней мѣрѣ, китайцы до послѣдняго времени не могли привнести никакихъ новшествъ въ эту отрасль быта удиѣ.

Одежда съ узорами изъ яркихъ цвѣтовъ, стремленіе украшать себя браслетами, кольцами и серьгами, причѣмъ въ послѣднемъ случаѣ эта страсть къ украшенію повела даже къ уродованію ушей и носа,—все это съ несомнѣнностью свидѣтельствуетъ, что орочи-удиѣ вышли изъ періода первобытной дикости, встали на дорогу цивилизаціи и обнаруживаютъ большую наклонность къ послѣдней. Въ различныхъ узорахъ, которыми изукрашиваютъ они одежду, съ большою силой сказывается врожденное имъ эстетическое чувство, но это самое чувство еще съ большою силою проявилось въ другой сферѣ дѣятельности ихъ, въ сферѣ ремесла и искусствъ.

ГЛАВА X.

Ремесла и искусства.

„Прежде было совѣтъ не такъ, какъ теперь. Когда манъ не знали, тогда все—одежда и домашняя утварь—дѣлалось изъ бересты и кожъ; ваты и дабы тогда не было, не было!“ Такъ жаловалась мнѣ старая женщина-удиня, доживающая въ одиночку среди манъ, въ долини р. Та-Судуха, свои послѣдніе дни.

Въ этой жалобѣ заключается справедливое указаніе на то, что среди матеріаловъ, употреблявшихся и нынѣ еще употребляющихся ея соотечественниками для издѣлій, главное мѣсто занимали береста и кожа. Можно даже сказать, что въ настоящее время по количеству и разнообразію изготовляемыхъ предметовъ первое мѣсто изъ двухъ указанныхъ матеріаловъ, несомнѣнно, принадлежитъ кожѣ, потому что употребленіе бересты для издѣлій значительно сократилось. Береста, корье и вообще различные виды дерева въ обиходѣ удиня занимаютъ второе мѣсто,—затѣмъ слѣдуютъ—травяная пряжа, кость и металлы, наконецъ, рыбій клей. Постараемся возможно подробно описать обработку перечисленныхъ матеріаловъ.

Обработкѣ и выдѣлкѣ подвергается кожа не только различныхъ млекопитающихся животныхъ, но и рыбъ. Чаще всего обрабатывается и выдѣлывается кожа, лося, нязюбря, нерпы, козули, рѣже—медвѣдя, лисицы и другихъ животныхъ; еще рѣже выдѣлывается кожа крупной птицы, напримѣръ, лебедя, цапли. Кожа звѣрей выдѣлывается съ шерстью и безъ нея. Въ процессѣ выдѣлки кожи звѣрей можно различать слѣдующіе моменты. Первый моментъ—сушка кожи—начинается послѣ того, какъ ее снимутъ съ добытаго звѣря: системою палочекъ ее распяливаютъ и подвергаютъ дѣйствию солнечныхъ лучей. Часто близъ юрты, иногда въ лѣсу, на значительномъ разстояніи отъ жилища, можно встрѣтить такіа распяленные для сушки кожи, если дѣло весною или лѣтомъ,—то висятъ кожи сохатаго. Когда кожа достаточно высохла, ее освобождаютъ отъ распорокъ, растягиваютъ на землѣ и желѣзнымъ скребкомъ соскабливаютъ жиръ и остатки засохнувшего мяса. Скребокъ представляетъ желѣзную пластинку, изогнутую въ видѣ очка „черной“, причеиъ хвостикъ карточного очка вгоняется въ деревянную ручку, а противоположный конецъ заостренъ. При выдѣлкѣ кожи, остріе скребка направляютъ къ себѣ, а не отъ себя. Если кожу необходимо бываетъ освободить отъ шерсти, то послѣдняя удаляется тѣмъ же скребкомъ. Затѣмъ

кожу смазываютъ горячимъ перпичьимъ жиромъ и мнутъ въ рукахъ; впрочемъ, иногда кожа мнется и безъ смазыванія ея перпичьимъ жиромъ ¹⁾).

Размягчивъ такимъ путемъ кожу, ее снова растягиваютъ на землѣ и окончательно удаляютъ жиръ и кусочки мяса или плевы. Затѣмъ наступаетъ моментъ окончательной выдѣлки. Для этого существуетъ особый приборъ. Идея его—хорошо промять кожу, чтобы она приняла желаемую мягкость и нѣжность; но устройство—двойнаго рода. Одинъ видъ мялки представляетъ деревянное бревно, стесанное снизу и сверху; въ верхней части его выдалбливается углубленіе, имѣющее форму узкой, сильно растянutoй пирамиды. Къ вершинѣ пирамидообразнаго углубленія прикрѣпляется вращающійся на деревянномъ или металлическомъ стержнѣ рычагъ-мяло. Какъ послѣдній, такъ и края углубленія имѣютъ зубцы. Свернутая трубкою кожа кладется подъ мяло поперекъ углубленія и нажиманіемъ рычага мнется, вдавливаясь въ углубленіе, до желаемой мягкости. На языкѣ орочей-удиѣ этотъ приборъ называется чочо.

Другой видъ—небольшое бревно, обтесанное такъ, что по краямъ его имѣются выемки для вкладыванія (икрами) ногъ; посрединѣ бревна дѣлается клинообразный желобокъ, шириною дюймъ или полтора, а длиною не болѣе четверти (=поперечинѣ бревна). Острый конецъ клинообразнаго желобка приходится внизу. Вложивъ ноги въ выемки, находящіяся по концамъ бревна и придерживая ими его, скомканную кожу вкладываютъ въ желобокъ и бьютъ либо деревяннымъ, либо металлическимъ тупымъ топоромъ до тѣхъ поръ, пока не получится кожа извѣстной мягкости. Это сложная мялка, состоящая изъ двухъ частей, поэтому каждая часть носить особое названіе: топоръ называется—пабата, а бревно—хайка. Если кожа выдѣлывается съ шерстью, то ее не подвергаютъ дѣйствию мялки, а выдѣлываютъ исключительно руками.

Для выдѣлки рыбьей кожи употребляются тѣ же орудія, т. е. чочо и хайки съ пабата. Выдѣлкѣ подвергается кожа только крупной рыбы—каты, таймея и хое. Чешуя или удаляется до выдѣлки кожи, или нѣтъ. Процессъ выдѣлки заключается въ слѣдующемъ: сдѣлавъ вдоль живота рыбы надрѣзъ, отдѣляютъ кожу, обрѣзавъ ее около головы; затѣмъ распяливаютъ на палочкахъ или просто перебрасываютъ ее черезъ жердь и сушатъ на солнцѣ; въ засушенномъ видѣ кожа хранится въ юртѣ, вслѣдствіе чего иногда прокапчивается, а когда потребуется для подѣлки, подвергается дѣйствию мялки.

Издѣлія изъ рыбьей кожи и изъ кожи дикихъ звѣрей занимаютъ видное мѣсто въ бытѣ орочей-удиѣ и отличаются большимъ разнообразіемъ. Изъ рыбьей кожи дѣлается одежда, обувь, головные покровы, сумки, брѣ-

¹⁾ Такъ поступаютъ при выдѣлкѣ кожи небольшого звѣря, напримѣръ, выдры, лисы. При этомъ часто вмѣсто скребка употребляютъ обыкновенный маленькій ножъ.

зенты, непромокаемыя куртки, мѣшки, паруса, нитки и, вслѣдствіе ея нѣжности, всевозможныя украшенія для украшенія одежды и другихъ предметовъ домашняго обихода.

Кожа дикихъ звѣрей, кромѣ одежды, обуви и головныхъ покрововъ, идетъ на мѣшки, сумки, уздечки для собакъ, хомуты для передовыхъ собакъ, пояса, ремни для удочекъ, покрышки для шалашей: лыжи, шаманскіе бубны, колчаны для стрѣлъ, ножи для ножей, пороховницы, походныя сумки (на югѣ называемыя питѳуза), тетивы для луковъ и другія многія подѣлки.

Орудія для производства означенныхъ предметовъ домашняго и промышленнаго обихода весьма несложны: большой и малый ножъ для кройки и вырѣзыванія узоровъ, иглы для шитья, а нитки (рыбьи, изъ жилъ животныхъ или изъ растительной пряжи) и рыбій клей служатъ для скрѣпки частей.

Наряду съ кожей въ быту орочей-удиѳа огромную роль играетъ береста, корье и дерево. Между послѣдними первенствуетъ береста по количеству потребленія и по приемамъ обработки.

Береста получается изъ березовой коры такимъ путемъ. Весною, когда древесный сокъ идетъ отъ корней въ вѣтвямъ, сдираютъ кору съ березы. Для этого выбираютъ прямоствольное дерево, съ котораго кора сдирается цѣльнымъ кускомъ, отъ основанія до начала вѣтвей. Для сдиранія коры существуетъ особый ножъ, состоящій изъ длинной (въ 1 саж.) рукоятки и клинка, длиною 1 или 1 1/2 четверти, шириною одинъ-два вершка, заостреннаго съ обѣихъ сторонъ. Такимъ ножомъ сдирается кора съ очень большихъ березъ. По словамъ г. Надарова (Op. cit. 74 стр.), у него былъ берестовый брезентъ изъ цѣльнаго куска длиною въ 11 аршинъ, а шириною 1 арш. и 3 вер.

Снятая съ дерева кора размачивается затѣмъ въ водѣ, сморачивается въ трубку и кипятится въ котлѣ, потому что отъ кипяченія она дѣлается мягкой. Въ такомъ только видѣ береста употребляется на подѣлки.

Древесное корье и дерево идутъ на подѣлки безъ предварительнаго приготовленія.

Можно безошибочно сказать, что теперь даже на югѣ, гдѣ сильно пострадала національность орочей-удиѳа, въ любой фанзѣ можно встрѣтить бересту и издѣлія изъ нея. Тамъ же, гдѣ вліяніе манзѣ сказывается въ слабой степени, или куда оно еще совершенно не проникло,—тамъ почти вся посуда и нѣкоторая юртовая мебель сдѣланы изъ бересты. Чашки, всевозможныхъ видовъ и размѣровъ чумашки, ковши, тарелочки, ведра, колчаны для стрѣлъ, коробки, колыбельки, корзинки, табачницы, солонки, шляпы, вѣера, портфели для табаку, музыкальные инструменты—все это и многое

другое дѣлается изъ бересты. Изъ нея же приготовляются брезенты, исполняющіе роль крыши въ шалашахъ и походныхъ юртахъ, ковровъ, дверей и пологовъ. Для приготовления такихъ брезентовъ берутся куски прокипяченной или распаренной на огнѣ березовой коры, сшиваются толстыми нитками изъ жилъ лося и обшиваются, для предохраненія отъ разрывовъ, по краямъ узкими полосками бересты.

Наконецъ, изъ бересты изготовляются всевозможныя накладныя украшенія, идущія на отдѣлку чумашекъ, ковшей, солонокъ, колыбелей и другихъ берестовыхъ же подѣлокъ. На эти украшенія идетъ береста самая тонкая и нѣжная, для полученія которой снимается нѣсколько слоевъ съ обыкновенной коры.

Всѣ берестяныя издѣлія, начиная чехломъ для ножа и кончая большимъ коробомъ для платья, поражаютъ изслѣдователя обиліемъ, разнообразіемъ и своего рода изяществомъ. Удивленіе становится тѣмъ сильнѣе, что для производства ихъ употребляются тѣ же несложныя орудія, какія мы уже видѣли при выдѣлкѣ вещей изъ кожи. И здѣсь ножъ—главный инструментъ, игла и нитки—главная скрѣпка.

Кора другихъ деревъ (еловая, дубовая и т. п.) идетъ исключительно на кровли.

Изъ различныхъ древесныхъ породъ, растущихъ на территоріи удіиѣ, наиболѣе часто обработкѣ подвергаются—тальникъ, бархатный дубъ, ильмъ, тополь, осина и липа. Изъ названныхъ деревъ тальникъ, по всей справедливости, занимаетъ первое мѣсто въ быту удіиѣ, особенно тѣхъ, которые обитаютъ по правымъ притокамъ р. Уссури. „Тальникъ, по словамъ г. Надарова (Op. cit. 17 стр.), служитъ ороchonу для приготовления шестовъ къ лодкамъ, распорокъ къ нимъ же; изъ тальниковой коры вьютъ веревки. Стружки тальника служатъ вмѣсто подушекъ младенцамъ и вмѣсто утиральниковъ взрослымъ. Въ то же время тальникъ даетъ главный матеріалъ для постройки лѣтнихъ и зимнихъ балагановъ, доставляя превосходныя жерди, добывать которыя легко почти на каждомъ шагѣ въ тальниковыхъ заросляхъ по берегамъ рѣчекъ“.

Тальникъ и другія вышеназванныя деревья идутъ на постройку юртъ, амбаровъ, шалашей, могильныхъ и другихъ срубовъ, гробовъ, батовъ и оморочекъ¹⁾, саней (нартъ), равно на подѣлку луковъ, стрѣлъ, коробочекъ, чашекъ, ловушекъ, столиковъ, ложекъ, табачницъ, колыбелей, вылокъ, черевковъ для ножей, рукоятей для копій, острогъ, тарелокъ, корытецъ, не-

¹⁾ По сообщенію г. Альфтана, прежде оморочки дѣлались изъ бересты, но въ виду ихъ крайней непрочности онѣ въ настоящее время выходятъ изъ употребленія. Труды Пріамур. Отд. за 1895 г.

сложныхъ приборовъ для витья веревокъ изъ дикорастущей крапивы, пряжи, орудій для выдѣлки кожи, веселъ, лопатъ, крючковъ для котловъ, треногъ, дощечекъ для выкраиванія узоровъ изъ кожи и бересты. Всѣ эти издѣлія, подобно издѣліямъ изъ бересты, отличаются изяществомъ и часто роскошною рѣзкою. Орудіями обработки дерева являются—топоръ, сверло, ножи большіе и малые, долотца для выбиванія деревянныхъ гвоздей и особаго устройства рубанка. Послѣдній состоитъ изъ обоюдоостраго клинка, вставленнаго въ деревянную ручку, съ отверстіемъ по срединѣ, чтобы стружки вылетали свободно. Этимъ рубанкомъ можно строгать и отъ себя и къ себѣ. Встрѣчаются и обыкновенныя долота и молотки. Пилъ русскихъ я не встрѣчалъ, но японскія имѣются.

Несмотря на то, что во многихъ мѣстахъ территоріи удіиѣ начало развиваться земледѣліе и огородничество, обработка техническихъ растений весьма незначительна: доселѣ единственнымъ техническимъ растеніемъ, подлежащимъ обработкѣ, является мѣстная крапива. Изъ нея посредствомъ простаго прибора готовятъ нитки и веревки. Для этого высушенную крапиву предварительно мнутъ, освобождая отъ кострики, которую совершенно никогда не удаляютъ; затѣмъ берутъ волокна пряжи и крутятъ ихъ приборомъ, состоящимъ изъ ручки, на которой вращается веретено съ рождками. Иногда употребляются русскія веретена и пралки. Кромѣ крапивы мнѣ называли еще два дерева „я б и“ и с и н а в а, изъ волоконъ которыхъ также получаютъ нитки.

Нитки, кромѣ шитья, употребляются еще на приготовленіе неводовъ и сѣтей. Сѣти вяжутся при помощи совершенно русской иглицы (сапу), ручки для придерживанія сѣти (хала) и дощечки, на которую навязываются петли. Тканья пряжи удіиѣ не знаютъ, да едва-ли когда-нибудь и узнаютъ, потому что къ ихъ услугамъ въ изобиліи являются русскія и китайскія мануфактуры. Судя по разпросамъ и бытовымъ предметамъ, попадающимъ и нынѣ, можно утверждать, что въ прежнія времена кость и издѣлія изъ нея играли большую роль въ жизни удіиѣ. Встрѣчаемыя и теперь еще—палочки для ѣды изъ кости лося, вилки, ложки, игольники, острія для палокъ, съ которыми ходятъ на лыжахъ, крючки для ловли тайменя, кольца, надѣваемые на большой палецъ при натягиваніи тетивы у лука, браслеты—всѣ эти и другія подѣлки ясно свидѣтельствуютъ, что прежде кость имѣла широкое примѣненіе въ быту удіиѣ. Когда кость вышла изъ широкаго употребленія, трудно съ точностью опредѣлить, вслѣдствіе отсутствія точной хронологіи въ памяти удіиѣ; но, вѣроятно, уже давно она начала замѣняться металлами, преимущественно желѣзомъ.

Изъ бесѣдъ съ орочами—удіиѣ выяснилось, что они очень любятъ куз-

вечное дѣло. Не смѣя утверждать, что желѣзо появилось у нихъ только со времени прихода въ край русскихъ, т. е. въ 50-хъ годахъ, долженъ сказать, что восьмидесятилѣтняя старуха—уди́на, живущая на р. Та-Судухэ, сообщила, что, сколько помнитъ она себя маленькою, отецъ ея всегда занимался кузнечествомъ. Слѣдовательно, задолго до прихода въ край русскихъ орочи-уди́на были знакомы съ желѣзомъ. На давнее знакомство уди́на съ желѣзомъ указываетъ и то обстоятельство, что вспоминаютъ костяные наконечники для стрѣлъ. Они въ этомъ случаѣ говорятъ: „когда-то костяныя были стрѣлы“. Среди коллекцій владивостокскаго музея, добытыхъ путемъ археологическихъ раскопокъ, нѣтъ костяныхъ наконечниковъ, ни стрѣлъ, ни копій. Наоборотъ, тѣ-же раскопки доставили много желѣзныхъ наконечниковъ стрѣлъ и копій. Такимъ образомъ едва-ли будетъ ошибкою утверженіе, что съ желѣзомъ орочи-уди́на познакомились очень давно, задолго и очень задолго до появленія въ край русскихъ. Да и удивительнаго нѣтъ ничего въ этомъ, потому что они слишкомъ давно пришли въ соприкосновеніе съ китайцами, научившими ихъ кузнечному ремеслу. Последнее до того знакомо уди́на, что успѣло нѣсколько специализироваться. Правда, каждый почти уди́на кузнецъ, у каждаго уди́на, во всякомъ случаѣ, въ каждомъ небольшомъ поселкѣ, найдете вы мѣхъ, наковальню и другія принадлежности кузнечнаго ремесла; но встрѣчаются среди нихъ и такіе, которые кузнечество дѣлаютъ главнымъ занятіемъ жизни. Та-Судухинская старуха говорила, что такимъ кузнецомъ—ремесленникомъ былъ ея отецъ. Мнѣ приходилось встрѣчать такихъ уди́на — ремесленниковъ; у такихъ кузнецовъ-специалистовъ встрѣчается особая ярточка—кузница. Ювелирное дѣло также имѣетъ своихъ специалистовъ среди орочей-уди́на. Мой проводникъ-уди́на съ р. Кумгу, впадающей въ Татарскій проливъ, съ гордостью показывалъ мнѣ широкое серебряное кольцо на большомъ пальцѣ, которое ему сдѣлалъ изъ русскаго серебрянаго рубля мастеръ-землякъ. Кольцо имѣло красивый узоръ изъ различныхъ черточекъ и насѣчекъ.

Орудіями кузнечнаго дѣла являются: клещи, наковальня, молотокъ или топоръ и мѣхъ. Угли употребляются древесные, взятые отъ костра или очага специально для кузницы ступенные. Печь или горнило имѣетъ самое первобытное и незатѣливое устройство: мѣхъ придавливается камнемъ, въ которомъ сдѣлано углубленіе, облегавшее шейку мѣха. Со стороны камня, противоположной мѣху, кладутся пылающіе древесные угли. Тутъ же прямо въ землѣ или въ обрубокъ дерева вбивается наковальня, купленная у китайцевъ или русскихъ, равно какъ молотъ, топоръ и клещи. Кузнецы изъ желѣза изготовляютъ: наконечники копій, стрѣлъ, острогъ, скребки, сверла, ножи всевозможныхъ формъ и размѣровъ, удочки, топоры, шила, погремущки къ поясу шамана, кольца для ушныхъ и носовыхъ серегъ; иногда кузнецы и слесар-

начаютъ, починывая ружейные замки. Изъ всѣхъ перечисленныхъ издѣлій наибольшую отдѣлку отличаютъ большія копы, употребляемыя для охоты на медвѣдя и тигра. Наконечники такихъ копій имѣютъ орнаментку изъ линий и точекъ, расположенныхъ симметрично.

Слѣдуетъ упомянуть еще о свинцѣ, который охотно покупается орочами-удиһа у купцовъ. Изъ него дѣлаются исключительно пули для ружей, старой системы, рѣже-талисманы и амулеты для удачной охоты. Другіе металлы орочами-удиһа не обрабатываются, хотя извѣстны.

Обработка камня въ настоящее время неизвѣстна у орочей-удиһа, да никто изъ моихъ предшественниковъ не приводитъ даже никакихъ преданій о каменныхъ топорахъ, долотахъ и другихъ предметахъ изъ камня. Нѣтъ сомнѣній, что въ глубокую старину удиһа пережили каменный періодъ, но это было такъ давно, что короткая историческая память ихъ не удержала никакихъ преданій объ этомъ періодѣ. Встрѣчаемые нынѣ кремни и грузила приобрѣтаются у манзъ. Трутъ и фитили къ стариннымъ фитильнымъ ружьямъ они приготовляли сами изъ липоваго лыка; но теперь спички китайской, японской и русской фабрикаціи вытѣсняютъ кремень и труть. Не зная сѣры, они знакомы съ древесной смолою и употребляютъ ее для осмолки батовъ и оморочекъ, если появляются въ нихъ трещины. Изъ корня сосны они вырѣзаютъ самое смолистое мѣсто, и такую палочку носятъ съ собою, во время скитаній по лѣснымъ дебрямъ, потому что небольшой кусочекъ такой палочки загорается яркимъ огнемъ во всякую погоду и даетъ возможность разложить быстро костеръ въ сырую и дождливую погоду.

Выше разсмотрѣны всѣ ремесла и производства орочей-удиһа. Теперь необходимо сказать нѣсколько словъ объ организаціи ихъ. Впрочемъ, строго говоря, никакой организаціи ремеселъ еще не знаютъ удиһа: только кузнечество и ювелирное дѣло нѣсколько специализировались, да и то въ настоящее время они предпочитаютъ браслеты городскихъ мастеровъ (китайцевъ, японцевъ) браслетамъ, изготовляемымъ доморощенными мастерами. Не сомнѣваюсь, что при большемъ сближеніи съ европейцами и при болѣе частомъ посѣщеніи Владивостока, Хабаровска и др. городовъ Пріамурья удиһа предпочтутъ чужія желѣзные издѣлія своимъ, въ общемъ слишкомъ грубымъ и топорнымъ. Если что могло бы принять видъ организаціи, такъ это берестяное ремесло, и я вполне согласенъ съ г. Альфаномъ, сказавшимъ: „Первый энергичный предприниматель, который бы нашелъ вѣрный и постоянный рынокъ для сбыта этихъ дешевыхъ и изящныхъ произведеній своеобразной ороческой культуры, кромѣ подъема этой промышленности между орочами, поднялъ бы ихъ благосостояніе. (Труды Пріамур. отд. за 1895 г.).

Если можно говорить о раздѣленіи общественнаго труда у орочей-

удіа, то онъ распался на мужской и женскій. Всѣ работы по обработкѣ кожи и прѣжи, по шитью всѣхъ видовъ одежды и обуви, по производству всевозможныхъ берестяныхъ издѣлій и нѣкоторыхъ мелкихъ деревянныхъ предметовъ, не относящихся къ промысламъ,—всѣ работы подобнаго рода лежатъ на обязанности женщинъ. На долю мужчинъ приходится кузнечное и ювелирное ремесла, а равно издѣлія изъ кожи, дерева и кости промышленнаго характера. Мужчины и женщины удивительно быстро и аккуратно исполняютъ всевозможныя работы изъ бересты, дерева, кости и желѣза; но заниматься продолжительное время однимъ дѣломъ они, повидимому, не могутъ и дѣлаютъ все по мѣрѣ крайней необходимости.

По свидѣтельству многихъ изслѣдователей быта орочей-удіа, послѣдніе, несомнѣнно, обладаютъ сильно развитымъ эстетическимъ вкусомъ и художественнымъ инстинктомъ. Каждая вещь, каждый предметъ ихъ обихода отдѣланные съ замѣчательною тщательностью и талантливостью, подтверждаютъ мнѣніе изслѣдователей о вкусѣ производителей. Но при сильномъ врожденномъ художественномъ чутьѣ, искусство, какъ и другія стороны индустріи удіа, развито слишкомъ мало; оно остается примитивнымъ и едва ли дѣлаетъ поступательные шаги.

Наибольшаго развитія достигла та вѣтвь искусства, которую можно назвать „Орнаментировкою“. Эта отрасль искусства поражаетъ взоры европейца своеобразнымъ и красивымъ сочетаніемъ ливій и красокъ и представляетъ вѣчто дѣйствительно изящное.

Орнаментика состоитъ изъ узоровъ, которые бываютъ двухъ видовъ: во-первыхъ, рисованные на предметахъ красками отъ руки; во-вторыхъ, вырѣзанные изъ бересты, рыбьей кожи и тоже раскрашенные. Узоры первого вида встрѣчаются, напримѣръ, на рубахахъ изъ рыбьей кожи, на портфеляхъ и сумкахъ; узоры вырѣзные изъ рыбьей кожи наклеиваются на одежду и головныхъ покрововъ, а изъ бересты—на посудѣ, утвари, чумашкахъ и др. берестяныхъ издѣліяхъ; вышивки разноцвѣтными шелками должны быть отнесены къ узорамъ этого вида, и онѣ встрѣчаются исключительно на матеріяхъ.

Вырѣзные изъ бересты узоры весьма часто имѣютъ еще сплошное или прерывчатое тисненіе, составленное изъ точекъ и черточекъ.

Стиль узора состоитъ изъ симметрично расположенныхъ прямыхъ, кривыхъ и спиральныхъ ливій, образующихъ своимъ пересѣченіемъ разнообразныя фигуры. Преобладающими изъ нихъ являются похожія на буквы *X* и *E*. Любимыми цвѣтами являются—синій, красный, желтый, зеленый и черный; есть предметы, гдѣ послѣдній цвѣтъ исключительно господствуетъ. Краски употребляются исключительно минеральныя, покупаемыя у купцовъ; растительными красками пользуются лишь для окраски сѣтей. Въ послѣднемъ

случаѣ употребляютъ кору дуба, которую сушатъ, рубятъ на куски, варятъ и въ наваръ опускаютъ на 20 минутъ сѣть или неводъ. Пользуются, кромѣ дубовой коры, и кровью животныхъ, какъ красящимъ веществомъ.

Менѣе изящною представляется инкрустація на деревѣ, кости и металлахъ. Чаше всего можно встрѣтить инкрустацію на деревянныхъ подѣлкахъ: на ручкахъ ложекъ, тарелкахъ, дощечкахъ для вырѣзыванія узоровъ изъ кожи, деревянныхъ футлярахъ для трубокъ, табачницъ и коробочекъ. Инкрустація на подѣлкахъ изъ кости встрѣчается рѣже: на бляшкахъ, игольникахъ и ручкахъ вилокъ; а на металлическихъ издѣліяхъ она не только попадаетъ рѣдко, но и не отличается изяществомъ. Стиль инкрустація на деревѣ разнообразіе таковаго же на кости и металлѣ, но въ общемъ онъ однообразенъ: это кривыя линіи съ завитками, причѣмъ преобладаютъ фигуры, похожія на французское S, и на русское эсъ, положенное горизонтально вверхъ или внизъ концами, т. е. или . На видѣнныхъ мною острияхъ копій инкрустація состоитъ изъ параллельныхъ круговъ и пересѣкающихся прямыхъ линій. Къ зачаткамъ скульптуры я отношу вырѣзываніе изъ дерева фигуръ и изображеній¹⁾. Сюда относятся шаманскіе амулеты, талисманы, фигурки на ручкахъ ложекъ, вилокъ, на крюкахъ для подвѣшиванья котла надъ очагомъ. Шаманскіе амулеты и талисманы представляютъ изображенія людей, различныхъ звѣрей (медвѣдя, соболя) и птицъ (утки, гуся). Изображенія звѣрей и птицъ весьма несовершенны, такъ что трудно бываетъ опредѣлять—медвѣдь или соболь, гусь или утка находятся передъ вами. Иногда человѣческія фигуры, равно части человѣческаго тѣла (напримѣръ, сердце) вырѣзываются изъ свинца, но такихъ фигуръ попадаетъ очень мало.

Гольды и гаяки имѣютъ узоры и изображенія, сходные съ таковыми у орочей-удиһа, поэтому невозможно сказать, насколько послѣдніе самостоятельны въ этой сферѣ дѣятельности. Можно только одно утверждать, что въ области искусства эти инородцы наименѣе подчинились вліянію китайцевъ.

Остается сказать еще объ одномъ видѣ искусства—музыкѣ и пѣніи. Провода недѣли среди удиһа, я ни разу не слышалъ пѣсни, потому что рѣдко слышимое неопредѣленное мурлыканье нельзя назвать пѣснейю. Правда, выпивъ лишнюю рюмку водки, удиһа веселѣетъ, но и въ пьяномъ весельи нельзя уловить опредѣленные мотивы. Мнѣ казалось страннымъ, что женщины—удиһа, сидя за шитьемъ или выдѣлкою кожи, не поютъ пѣсенъ. О мужчинахъ не говорю: имъ некогда пѣть, потому что мѣшаетъ вѣчно торчащая во рту трубка. Кажется, у нихъ поютъ только дѣти. Но что поютъ

¹⁾ Быть можетъ, вырѣзывались фигуры и изъ кости, но я не встрѣчалъ подобныхъ предметовъ, ни одинъ мой предшественникъ не называетъ ихъ.

они? „Данилка (пятилѣтній мальчикъ),—говорить г. Вѣльковичъ,—постоянно веселъ и оживленъ, онъ не обращаетъ почти никакого вниманія на комаровъ и мошекъ и постоянно мурлыкаетъ себѣ подъ носъ какія-то пѣсенки. Поетъ онъ одну и русскую пѣсню, которой его кто-то научилъ, а именно: „Жилъ я у пана по самое лѣто“. Малопѣсенностью удивѣ объясняется и то, что доселѣ никто не представилъ въ записи ихъ пѣсенъ. Виною этого обстоятельства является не отсутствіе интереса у изслѣдователей къ ихъ пѣсенному творчеству, а неизмѣнимъ у нихъ пѣсенъ¹⁾.

Вудучи народомъ непѣсеннымъ, удивѣ и мало музыкальны. Всего на всего известны четыре музыкальныхъ инструмента, которыхъ краткое описаніе здѣсь и сообщаемъ. Первый состоитъ изъ жестяной коробки, въ родѣ тѣхъ, въ какихъ продаются консервированные фрукты; эта коробка ставится на землю дномъ, а на открытый конецъ ея вкладется длинная (около аршина) палочка изъ бузины или тростника, съ отверстіемъ внутри. Палочку стараются держать при игрѣ на половинѣ отверстія въ крышкѣ коробки. Втягивая въ себя воздухъ черезъ отверстіе палочки и модулируя языкомъ получаемые звуки, играющій производитъ однообразную, то веселую, то грустную, но оригинальную музыку.

Второй музыкальный инструментъ называется кумкайя и состоитъ изъ двухъ частей. Одна представляетъ тоненькую деревянную пластинку, формою своею похожую на бутылку въ разрѣзѣ. Ширина пластинки не болѣе полвершка. На этой пластинкѣ ножемъ вырѣзывается такая же фигура, какую изображаетъ она, но горлышко (шейка) дѣлается особенно тонкимъ. На концѣ основанія вырѣзки (широкій конецъ) дѣлается дырочка, куда продѣвается нитка, закрѣпляемая узломъ. Свободный конецъ нитки привязывается ко второй составной части музыкальнаго инструмента, круглой деревянной палочкѣ, съ отстроганымъ плоско однимъ концомъ. Для игры на такомъ инструментѣ пластинка и палочка соединяются подъ прямымъ или тупымъ угломъ (смотря по длинѣ нитки) такъ, что заостренный конецъ послѣдней соединяется съ шейкою бутылочки, изображаемой пластинкою. Натянутая нитка издаетъ слабый звукъ отъ удара по ней пальцемъ. Сами удивѣ называютъ эту музыку дѣтской игрушкой,—и она на самомъ дѣлѣ такова. Вмѣсто деревянной иногда дѣлается металлическая (железная) пластинка.

Третій музыкальный инструментъ, издающій звукъ, подобный звуку предыдущаго инструмента, но болѣе явственный, состоитъ изъ железной дужки, концы которой сильно сближены. По срединѣ дужки припаена (приварена)

¹⁾ Мнѣ указали на одного удивѣ, какъ на знатока сказокъ, но онъ отозвался на мою просьбу незнаемъ: «то люди такъ сказали», отвѣтилъ онъ мнѣ, когда я указалъ ему лица, отъ которыхъ узналъ, что онъ можетъ сообщать мнѣ много сказокъ.

пластинка, спускающаяся между краевъ дужки, выступающая изъ-за нихъ и заканчивающаяся загибомъ (крючечкомъ). Играющій, держа одною рукою за дужку, пальцемъ другой поднимаетъ и опускаетъ за крючечекъ пластинку, которая отъ сотрясенія издаетъ звукъ. И эта музыка кажется дѣтскою.

Весьма примитивна и скрипка орочей-удиһе. Грифъ ея представляетъ круглую деревянную палочку съ вырѣзною головкою; въ головкѣ находится колышекъ для натягиванія единственной струны (жилы лоса). Грифъ вставленъ въ берестовую коробочку цилиндрической формы. Одинъ бокъ коробочки, именно тотъ, который обращенъ въ струнѣ, затанутъ рыбьей кожей. Ударяя пальцемъ по струнѣ, получаютъ однообразный—то низкій, то высокій—(смотря по силѣ строя) звукъ.

Описаніе имѣющихся у удиһе музыкальныхъ инструментовъ ясно говоритъ о ничтожномъ музыкальномъ развитіи ихъ, которые подобно всемъ первобытнымъ народамъ довольствуются монотонною музыкою и при томъ такою, которая производитъ не мелодію, а скорѣе шумы. Вполнѣ вѣроятно, что первымъ музыкальнымъ инструментомъ удиһе былъ шаманскій бубенъ, подъ звуки котораго шаманы монотонно и однообразно завывали свои непонятныя пѣсни.

Вообще въ области искусства удиһе болѣе первобытны, чѣмъ въ сферѣ другихъ сторонъ своей жизни и дѣятельности.

ГЛАВА XI.

Общественный строй.

Изученіе общественнаго строя у многихъ инородцевъ Приморской области могло бы дать весьма интересный и поучительный матеріалъ для сужденія о зачаткахъ соціальной жизни у людей вообще. Какъ извѣстно, современная соціологія занявшись изученіемъ зачаткомъ соціальной жизни, выдвинула двѣ теоріи: теорію патріархата и теорію матриархата. Въ силу первой теоріи происхожденіе общества представляется въ слѣдующемъ видѣ: исходною точкою является моногамическій брачный союзъ, который путемъ однообразнаго послѣдовательнаго развитія превратился въ родъ, племя (или трибу), общину, націю и т. д. Эта теорія возникла въ половинѣ истекающаго столѣтія, и ея приверженцами является цѣлый рядъ историковъ—Ланге, Нибуръ, Момсенъ, Тирваль, Гротъ, Брэнъ, а въ послѣднее время

горячими защитниками ее оказались—Фюстель-де-Куланжъ ¹⁾, Генри Сомнеръ Манъ ²⁾ и Вестермаркъ ³⁾.

По теоріи матриархата, исторія соціальной жизни челоуѣчества представляется въ такомъ видѣ: зародышемъ общества считаются болѣе или менѣе многочисленныя группы людей, у которыхъ существовалъ абсолютный коммунизмъ: отношенія половъ лишены тогда всякой правильности, а исключительнаго права на женщину въ формѣ брака не существуетъ. Отъ этихъ группъ посредствомъ внутренней дифференціаціи происходятъ другія аналогичныя группы меньшаго размѣра—племя, братрія, родъ или кланъ, наконецъ семья. Эту теорію провозгласилъ въ началѣ 60-хъ годовъ текущаго столѣтія Вахофенъ ⁴⁾, затѣмъ ее подкрѣпилъ Макъ-Леннанъ ⁵⁾, а за нимъ признали ее: Джонъ Леббокъ ⁶⁾, Эдуардъ Тайлоръ ⁷⁾, Гербертъ Спенсеръ ⁸⁾, Льюисъ Морганъ ⁹⁾, Максимъ Ковалевскій ¹⁰⁾ и мн. др.

Къ сожалѣнію, вслѣдствіе полнаго незнакомства моихъ предшественниковъ по изученію быта орочей-уди́нъ съ вышеуказанными теоріями, никто изъ нихъ не собралъ матеріала, могущаго подтвердить ту или другую изъ нихъ. Только одинъ г. Штернбергъ въ своемъ сообщеніи въ Обществѣ изученія Амурскаго края (1-го Ноября 1896 г.) сдѣлалъ попытку, слѣдуя Леббоку и Моргану, изслѣдовать номенклатуру родства у орочей Императорской гавани ¹¹⁾. Но я рѣшительно боюсь, что уважаемый докладчикъ, увлекшись теоріями названныхъ ученыхъ, добылъ отъ услужливаго переводчика фантастическія свѣдѣнія на этотъ счетъ. Говорю такъ потому, что собственныя попытки получить подобнаго рода свѣдѣнія не принесли ровно ничего, да едва-ли, кромѣ какихъ-то неясныхъ намековъ, можно добиться отъ уди́нъ въ настоящее время на этотъ счетъ. Быть можетъ, важнымъ препятствіемъ проникнуть въ эту область является незнаніе языка уди́нъ, потому что переводчикъ не всегда можетъ объяснить спрашиваемымъ то, что требуется. Поэтому наблюденіямъ бытующаго общественнаго строя приходится подыскивать объясненія, чтобы онъ не казался не только непонятнымъ, но и совершенно хаотическимъ. Въ жизни орочей-уди́нъ бытуетъ строгая система общественныхъ отношеній, регулирующая до мельчайшихъ подробностей поведеніе каждаго члена общества. Но проникнуть въ этотъ строгій порядокъ общественной

¹⁾ Древняя гражданская община.

²⁾ Древнее право. Очерки первобытныхъ учреждений и пр.

³⁾ Происхожденіе челоуѣческаго брака.

⁴⁾ Das Mutterrecht. ⁵⁾ Первобытный бракъ. Патріархальная теорія. ⁶⁾ Доисторическій челоуѣкъ. Начало цивилизаціи. ⁷⁾ Первобытная культура. ⁸⁾ Основанія соціологіи, т. I. ⁹⁾ Системы родства и свойства въ челоуѣческой семьѣ. Древнее общество. Семья у аборигеновъ въ Америкѣ. ¹⁰⁾ Очеркъ происхожденія семьи и собственности. Право у осетинъ ¹¹⁾ Отчетъ о его сообщеніи.

жизни ихъ тѣмъ труднѣе, что вторженіе чуждыхъ установленій и чуждыхъ общественныхъ отношеній во многомъ затемнили самобытное, а во многомъ и совершенно его уничтожили. Гольды, китайцы, въ послѣднее время русскіе внесли столько разнообразія въ общественный механизмъ удинѣ, что оригинальное остается пока въ видѣ отдѣльныхъ клочковъ и обычаевъ. Эти-то обрывки самобытныхъ общественныхъ учреждений и позволяютъ изслѣдователю возстановить тотъ общественный строй, который нѣкогда имѣлъ широкое и полное господство въ жизни удинѣ.

Всякій изслѣдователь, посѣтившій селенія или станы ихъ, могъ легко замѣтить, что всѣ односельчане считаютъ долгомъ подѣлиться другъ съ другомъ продуктами ли охоты, рыбной ловли или чѣмъ другимъ. Угостите, напримѣръ, хозяйина юрты водкою,—онъ непременно раздѣлитъ ее съ присутствующими односельчанами, какъ дѣлитъ ее и съ членами семьи. Пойманная рыба, убитый на охотѣ сохатый дѣлаются достояніемъ стана; можно сказать, что всѣ предметы, при удобномъ случаѣ, могутъ сдѣлаться достояніемъ всѣхъ жителей даннаго стана.

Выше приведенное явленіе, равно такой торжественный праздникъ, какъ „праздникъ медвѣдя“, собирающій всѣхъ удинѣ данной мѣстности, т. е. своего рода односельчанъ, указываютъ на то, что въ основѣ общественнаго строя ихъ въ настоящее время родовое начало.

Трудно съ достовѣрностію сказать, что пережило орочами-удинѣ: до возникновенія рода,—моногамическій или групповой бракъ, потому что на это нѣтъ пока никакихъ указаній. Очень можетъ быть, что родъ удинѣ первоначально представлялъ родственно-религіозный союзъ, члены котораго не могли вступать между собою въ бракъ. Съ теченіемъ времени предѣлы рода могли измѣниться: въ кровному родству присоединилось свойство, затѣмъ привзошли въ него экономическія побужденія, наконецъ родъ обнялъ всю социальную жизнь ихъ. При допущеніи такого постепеннаго расширенія основъ рода, легко объясняются многія явленія, бытующія и нынѣ въ ихъ общественной жизни. Такъ, во время переписи инородцевъ по побережью Татарскаго пролива, я не разъ встрѣчалъ въ юртахъ и фанзахъ неспособныхъ къ работѣ стариковъ, которые кормились хозяевами „все равно какъ сродственники“, по ихъ выраженію. Эта „сродственность“ простирается иногда нынѣ до того, что на р. Та-Судухѣ въ фанзахъ удинѣ я встрѣчалъ манзь-стариковъ, кормимыхъ потому только, что послѣдніе долго съ ними жили вмѣстѣ, чрезъ что сдѣлались „все равно, какъ родственники“. Такимъ образомъ, чужой человекъ, поселившійся среди каково-

См. въ газетѣ «Владивостокъ» 1896 г., № 47, 48, 50 и 51.

либо рода уди́на, могъ быть принятъ въ число членовъ послѣдняго, въ качествѣ сородича, при чемъ условіемъ такого приѣма иногда служила женитьба на женщинѣ принимавшаго рода. Вотъ почему не рѣдкость встрѣтить теперь среди уди́на гольдовъ, являющихся равноправными членами даннаго стана, своими людьми¹⁾.

Упомянутый выше обычай уди́на дѣлится съ односельчанами продуктами рыболовства и охоты наводитъ на мысль, что основой рода могло быть совмѣстное потребленіе продуктовъ промысла. Подобнымъ же пережиткомъ отдаленной, быть можетъ, старины является обычай, въ силу котораго каждый пришлецъ можетъ пользоваться уголомъ въ юртѣ и пищею наравнѣ съ членами семьи.

Во времена полного господства родового строя, личная жизнь каждого уди́на, равно какъ и жизнь всѣхъ строго регулировалась множествомъ обычаевъ, имѣющихъ силу законовъ. Къ такимъ обычаямъ, уцѣлѣвшимъ донинѣ, можно отнести слѣдующій: исватели жень-шея, напримѣръ, имѣютъ обыкновеніе обставлять жердочками найденный молодой корень; такой корень не возьметъ никто другой, кромѣ нашедшаго. То же самое бываетъ съ оставленнымъ въ лѣсу имуществомъ. шурами звѣрей: никто не возьметъ чужого изъ-за страха суроваго наказанія со стороны общества.

Привѣтствія, состоящія изъ колѣнопреклоненій и цѣлованія плечъ, раздѣлы земли на участки для охоты между извѣстными станами, отношеніе къ старшимъ, права наслѣдства—все это строго опредѣлялось и отчасти доселѣ опредѣляется обычаями, вытекающими изъ родового строя. Такъ, по смерти уди́на, имущество его наслѣдуется ближайшими родственниками; но если-бы таковыхъ не обазалось, оно становится достояніемъ общества.

Главною заботою рода является охрана своихъ членовъ: по обычаямъ рода, ни одинъ членъ его не погибаетъ безнаказанно. Отсюда—родовая месть, пережитки которой встрѣчаются нерѣдко и нынѣ среди уди́на. Нѣкоторыя подробности, указывающія на это явленіе, будутъ приведены въ главѣ о бракѣ.

Несмотря на многочисленность признаковъ родового строя, сохранившихся до настоящаго времени въ быту орочей—уди́на, современному изслѣдователю общественной жизни ихъ приходится засвидѣтельствовать сильное ослабленіе родовой связи: послѣдняя такъ пала, что односельчане, напримѣръ, не могутъ сплотиться, чтобы дать отпоръ безчинствующимъ и насилующимъ ихъ манзамъ.

Различныя невзгоды жизни—эпидеміи, давленіе китайцевъ, ошибки русской администраціи, вслѣдствіе плохого знакомства съ племеннымъ составомъ инородческаго населенія Приморья, истребленіе звѣря—повели къ силь-

¹⁾ Такихъ я знаю на р. Самаргѣ.

ному измельчанію родовъ или фамилій. Въ настоящее время кое-гдѣ только можно встрѣтить значительныя фамиліи. Такъ, по свидѣтельству г. Бѣльковича, уди́нѣ, кочующіе по р. Хору и его притокамъ, составляютъ три большія фамиліи: Калироджига, Кимонку и Сыгдыри. (См. Труды Пр. от. и. р. г. об. за 1895 г.). Въ большинствѣ случаевъ роды раздробились на небольшія группы, живущія селами или станами въ нѣсколько юртъ или фанъ. Уди́нѣ не любятъ жить въ одиночку: мнѣ не разъ при опросахъ, что побудило уйти изъ такой-то мѣстности, отвѣчали: „Людей мало стало, скучно жить,—ну, и пришли сюда!“ Но при выборѣ мѣстности для поселенія руководствуются, главнымъ образомъ, чисто хозяйственными соображеніями; обиліе рыбы, близость лѣса, возможность огородничества или земледѣлія — вотъ главныя требованія, коимъ должно удовлетворять избираемое для поселенія мѣсто. На избранномъ мѣстѣ располагаются юрты обыкновенно на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга, причѣмъ лѣтнія жилища вытягиваются по линіи господствующихъ вѣтровъ, но часто расположеніе жилищъ обусловливается характеромъ мѣстности. На р. Вотчи, напримѣръ, раздѣляющейся при устьѣ на нѣсколько рукавовъ, юрты разбросаны по всѣмъ протокамъ.

Дробленіе родовыхъ группъ повело къ охлажденію родственныхъ чувствъ, сознаніе важности родственной связи поблекло,—и потому уди́нѣ такъ легко гибнуть подъ гнетомъ чужеземныхъ пришельцевъ. Только въ рѣдкихъ исключительныхъ случаяхъ, когда, напримѣръ, они увидѣли во мнѣ сторонника ихъ, а не обидчика, я могъ видѣть проявленіе сознанія, что они составляютъ одинъ народъ-уди́нѣ, по-манзовски—тазы, что имъ надо стоять другъ за друга. Тѣмъ-же ослабленіемъ родовыхъ чувствъ я могу объяснить себѣ совершенное прекращеніе на югѣ и рѣдкое на сѣверѣ празднованіе несомнѣнно родового торжества, такъ называемаго „Медвѣжьяго праздника“. Тѣсто связанный съ религіознымъ культомъ медвѣдя, этотъ праздникъ и понынѣ вызываетъ у ороча-уди́нѣ пріятное воспомананіе. Правда, онъ не любитъ рассказывать объ этомъ торжествѣ постороннему челоуѣку, но во многихъ селеніяхъ можно встрѣтить срубы, свидѣтелей кормленія звѣря для праздника.

Самый праздникъ теперь рѣдко совершается среди уди́нѣ; на югѣ, по побережью Татарскаго пролива, о немъ сохранилось лишь одно смутное воспомананіе, столь смутное, что ни одинъ уди́нѣ не далъ мнѣ настоящаго понятія о немъ. Только преклонная старуха Орлгуэчо помнила его хорошо, потому что въ малыхъ лѣтахъ не однажды была свидѣтельницей и участницей. Между тѣмъ, по сообщеніямъ изслѣдователей жизни ближайшихъ родичей уди́нѣ, орогонъ Императорской гавани и р. Тумни, этотъ праздникъ остается и понынѣ въ полной силѣ, несмотря на проникающее христіанство.

Справляется онъ только зимою. Село, намѣревающееся праздновать „медвѣжій праздникъ“, въ особомъ срубѣ содержитъ медвѣдя и хорошенько его откармливаетъ. На это чисто родовое торжество съзываются не только односельчане, но и жители ближайшихъ селеній (прежде, очевидно, принадлежавшіе къ одному роду или фамиліи). По пріѣздѣ званыхъ гостей, медвѣдя вынимаютъ изъ сруба, разукрашиваютъ шею и лапы различными цвѣтными доскутами и водятъ по деревнѣ, при крикахъ многочисленной толпы изъ женщинъ, стариковъ и дѣтей. Затѣмъ медвѣдя ведутъ на приготовленную заранѣе арену, представляющую прямоугольную площадку, длиною до 150 шаговъ, шириною до 30—50. На противоположномъ отъ зрителей и участниковъ торжества концѣ площадки устраиваются приспособленія для разстрѣла медвѣдя: козель для привязыванія медвѣдя, за нимъ щитъ изъ жердей или бревенъ, съ двумя вилообразными по бокамъ жердями. Тутъ же выкопана яма, могила для костей убиваемаго звѣря. Привязавъ медвѣдя къ стойкамъ козла, мужчины, вооруженные луками, начинаютъ стрѣлять въ него. Когда израненный виновникъ торжества падетъ, его волокутъ къ костру, и начинается пиръ, при чемъ женщинамъ, допускаемымъ къ участию въ праздникъ, не дозволяется ѣсть ноги, лапы, голову и сердце. Черепъ праздничнаго медвѣдя вѣшаютъ на одну изъ вилообразныхъ жердей, а когда зарываютъ въ яму, забрасываютъ ее бревнами. Праздникъ сопровождается играми и состязаніемъ въ борьбѣ, прыганіи и стрѣльбѣ.

Въ виду того, что „медвѣжій праздникъ“ устраивается сообща или если однимъ лицомъ, то при участіи многихъ, причемъ стараются дать мяса убитаго медвѣдя всѣмъ участникамъ, особенно приглашеннымъ, я считаю его не столько религіознымъ, сколько родовымъ торжествомъ. Быть можетъ, этотъ праздникъ служилъ и понынѣ служить напоминаніемъ участникамъ о принадлежности ихъ къ одному роду.

Въ отношеніи вліянія, какое оказываютъ на общественный бытъ удіиѣ соседнія народности, всю территорію ихъ можно раздѣлить на двѣ части: восточную и западную.

Въ первой надъ удіиѣ простирается русская власть, потому что они считаются русскими подданными и входятъ въ составъ Удской и Южно-Усуурійской округъ Приморской области. Такъ, по крайней мѣрѣ, дѣло обстоитъ на бумагѣ. Въ дѣйствительности же они рѣдко видятъ русскихъ начальниковъ, потому что отсутствіе дорогъ дѣлаетъ возможнымъ ѣзду, напрямѣръ, въ Удской округѣ только зимою на собакахъ. Конечно, если-бы въ распоряженіи начальника Удской округи имѣлся пароходъ или паровая шкуна, тогда онъ могъ бы объѣзжать станы инородцевъ и лѣтомъ. На такихъ средствахъ передвиженія пока не имѣется, а лѣтомъ побережье Татарскаго про-

лива не допускаетъ иной вѣды, потому что оно представляетъ сплошную тайгу, гдѣ не только нѣтъ дорогъ, но и тропь. Въ южной части прибрежной полосы русская власть, въ лицѣ пристава и лѣсничаго, чаще появляется среди уди́на. Кроме того, снаряжаемая мѣстной высшею властью и учеными обществами экспедиція дають уди́на возможность почти ежегодно видѣть у себя русскихъ чиновниковъ, которыхъ называютъ или „баряномъ“, или „капитаномъ“. Всѣ указанная обстоятельства въ совокупности приучаютъ жителей восточной части къ русской власти и побуждаютъ ихъ прибѣгать къ ея содѣйствию въ трудныхъ случаяхъ. По моему, русской власти слѣдуетъ болѣе чутко относиться къ нуждамъ и просьбамъ уди́на, принимать ихъ сторону въ жалобахъ на обиды со стороны манъ и японцевъ, — тогда они окончательно, фактически, а не на бумагѣ будутъ русскими подданными и убѣдятся, что господа въ этомъ краѣ мы, русскіе, а не китайцы.

Въ настоящее время, свободные отъ податей, они пользуются отчасти самоуправленіемъ. Всѣ они подѣлились на различной величины общины (дробленіе прежнихъ родовъ), причемъ въ составъ общины входятъ группы, связанныя между собою или условіями мѣстности, или промыслами, или тѣмъ и другимъ вмѣстѣ. Во главѣ общины стоитъ выборный старшина, не получающій жалованья, но пользующійся почетомъ, авторитетомъ и уваженіемъ. Впрочемъ, причиною авторитета и почета является, главнымъ образомъ, сознаніе избирателей, что ими избранъ въ старшины самый умный человекъ, хорошо знающій ихъ законъ. Я лично имѣлъ случай убѣдиться, какъ трудно непопулярному человеку попасть въ старшины. Пріѣхавъ для переписи инородцевъ на р. Самаргу, я узналъ, что старшина Индину умеръ уже пять — шесть мѣсяцевъ тому назадъ. Когда только я высадился на берегъ, меня встрѣтилъ приличный на видъ, похожій по внѣшности на богатаго китайскаго китаецъ человекъ, оказавшійся гольдомъ, уже 12 или 13 лѣтъ живущимъ среди уди́на. Видя во мнѣ начальство, „капитана“, этотъ гольдь все жаловался мнѣ, что на р. Самаргѣ плохо жить безъ старшины. На мое замѣчаніе, почему же не выбираютъ старшину, онъ отвѣтилъ: „тебя ждали, ты самъ, капитанъ, старшину поставь“. Изъ бесѣды съ хитрымъ гольдомъ я увидѣлъ, что ему самому очень хочется быть старшиной. Я завелъ съ жителями Самарги рѣчь о необходимости выбрать старшину. Молва о томъ, что, просили меня выбрать такового. Молва о томъ, что, пользуясь присутствіемъ русскаго капитана, можно выбрать старшину, моментально облетѣла окрестности и достигла даже до р. Иди, гдѣ существуетъ особый старшина.

На другой день въ юрту покойнаго старшины Индину, гдѣ я проживалъ, собрались жители селеній, расположенныхъ по р. Самаргѣ, равно Идинскій старшина и нѣсколько „умныхъ“ людей изъ идинской же общины.

Индийскій старшина, повидимому, пользовался уваженіемъ, не только въ своей общинѣ, потому что Самаргинскіе удиһэ, какъ-бы въ оправданіе появленія его среди нихъ, говорили мнѣ: „онъ умный человекъ, хорошо знаетъ нашъ законъ“. Собравшіеся на сходку, такъ сказать, самаргинцы стали просить меня, чтобы я выбралъ имъ старшину. Не желая нарушить предѣлы даннаго мнѣ начальствомъ полномочія и унижить въ глазахъ удиһэ значеніе русской власти своимъ отказомъ, я черезъ переводчика передалъ присутствующимъ слѣдующее: выбирать старшину я не могу, потому что старшиною должно быть лицо, которое защищало бы интересы общинниковъ, его выбравшихъ; такимъ лицомъ можетъ быть только хорошей удиһэ, понимающей интересы общества, честный человекъ, твердаго характера, бывалый, потому что старшинѣ придется имѣть дѣло съ начальникомъ округа и другими русскими властями, такъ чтобы онъ могъ знать, какъ заявлять начальству о нуждахъ народа. Я человекъ чужой, не знаю, кто на Самаргѣ можетъ удовлетворить указаннымъ мною качествамъ: они лучше меня знаютъ, кто какъ держитъ въ отношеніи односельчанъ. Я замѣчалъ, что по мѣрѣ пониманія говоримаго мною веселое лицо заискивавшаго передо мною гольда становилось печальнѣе и печальнѣе. Очевидно, расчеты его на мою власть или—вѣрнѣе—на то, что я, пользуясь властью русскаго капитана, позволю себѣ навазать удиһэ неприятнаго имъ человека, разлетались прахомъ. Не желая обидѣть его, я прибавилъ, обращаясь къ удиһэ р. Самарги: „Вы просите меня выбрать вамъ старшину; хорошо; я знаю здѣсь вотъ его (я указалъ на гольда), его я могу предложить въ (кандидаты) старшины“. Со вниманіемъ до того слушавшіе мою рѣчь удиһэ и хранившіе глубокое молчаніе, вдругъ всѣ заговорили громко, что гольдъ не годится въ старшины, что имъ надо выбрать на эту должность своего человека, хорошо знающаго ихъ законы. Гольдъ скрылся, а собравшіеся, переговаривъ, остановились на двухъ лицахъ, изъ которыхъ одно выбрали старшиною, другое помощникомъ его.

По просьбѣ избирателей, я написалъ слѣдующее донесеніе начальнику Удской округи:

„Мы, орочоны селъ Кумдыта, Тилкэ, Бигаулэни и др., находящихся на р. Самаргѣ, 27 іюня сего 1897 года, при общемъ собраніи, выбрали вмѣсто умершаго старшины Индину орочона Богá и въ помощники ему назначили орочона Анджири. Честь имѣетъ довести до свѣдѣнія вашего высокоблагородія и просить объ утвержденіи нашего выбора. Настоящую бумагу съ донесеніемъ Вашему Высокоблагородію согласились подписать всѣ орочоны названныхъ выше селъ, въ количествѣ 21 человекъ, а за нихъ неграмотныхъ, по ихъ личной просьбѣ, подписались случайные свидѣтели выбора старшины: посланный для переписи инородцевъ отъ р. Коппи до бухты Пла-

стунъ коллежскій совѣтникъ Сергѣй Браиловскій и счетчикъ при немъ лѣсникъ Ѳедоръ Колачинъ“.

Въ собраніи уди́нэ для выбора самаргинскаго старшины присутствовала старшая вдова Индину и даже дѣлала замѣчанія присутствующимъ, когда тѣ совѣтовались, кого выбрать въ старшины. На р. же Кушунгоу выбирали старшину одни мужчины. Весьма возможно, что присутствіе женщины въ первомъ случаѣ—чистая случайность и объясняется тѣмъ, что сходка происходила въ юртѣ покойнаго Индину.

Какъ видно, старшины общинъ являются представителями своихъ избирателей и обязаны вести всѣ дѣла по исконнымъ законамъ уди́нэ. Полномочія старшинъ не строго опредѣлены, но въ лицѣ ихъ совмѣщается власть законодательная, юридическая, распорядительная и исполнительная. Они распределяютъ землю на промысловые участки, рѣшаютъ возникающія по поводу промысловъ распри, разбираютъ споры изъ-за калыма, изъ-за женщинъ и др. менѣе значительныя дѣла. Старшины общинъ, связанныхъ единствомъ рода, особенно территориально сосѣдствующихъ, собираются иногда вмѣстѣ для обсужденія важныхъ вопросовъ, вообще не остаются равнодушны къ нуждамъ другъ друга. Такъ напримѣръ, старшина р. Иди, не будучи въ состояніи, за дальностью разстоянія, явиться на р. Кушунгоу для выбора старшины, указалъ мнѣ ороочона-уди́нэ, котораго желательно было-бы жителямъ названной рѣки имѣть старшиною. Вся сущность власти старшинъ зиждется на авторитетѣ, основаніемъ которому служитъ сознаніе выбравшихъ, что избранный старшиною хорошо знаетъ старыя законы, и вѣра, что старшина всѣ дѣла рѣшаетъ согласно съ старымъ закономъ. Если-же вѣра эта разъ поколеблена, то значеніе и сила старшины падаютъ, равно какъ теряютъ силу и постановленія его по старинѣ. Такое пониженіе юридической власти старшины приходится часто наблюдать въ настоящее время среди уди́нэ. Дѣло въ томъ, что молодое поколѣніе, вслѣдствіе частаго сближенія съ русскими, начинаетъ проникаться сознаніемъ, что настоящими властителями территоріи, занятой ими, являются русскіе; что начальникомъ ихъ долженъ быть русскій начальникъ округа или приставъ; что русскіе законы не столь суровы, какъ ихъ старыя законы. Особенно чутки къ русскимъ законамъ женщины, которыхъ положеніе въ нѣкоторыхъ случаяхъ по истинѣ бываетъ безотрадно. Часто мнѣ жаловались старшины, что такая-то или такой-то не слушаются ихъ власти; если-же они хотятъ наказать ослушниковъ по старымъ законамъ, то послѣдніе грозятъ жалобою исправнику. Уди́нэ поняли, что исправникъ по своимъ законамъ въ большинствѣ случаевъ поступаетъ совершенно противоположно старшинамъ съ ихъ старыми законами: напримѣръ, приставъ за-

прещаетъ продажу или мѣну невѣсть, чего требуютъ по старымъ законамъ старшины.

Мало того, въ нѣкоторыхъ случаяхъ старшины оказываются совершенно безпомощными передъ новыми явленіями, которыя развивающаяся дѣйствительность такъ щедро шлетъ каждый день. Для приходящихъ, напри- мѣръ, изъ г. Хабаровска зимою купцовъ—манъ власть старшины и старый законъ уди́на ничего не значать. Эти купцы—китайцы зимуютъ въ юртахъ своихъ должниковъ на полномъ иждивеніи ихъ, ловятъ на промысловыхъ участкахъ уди́на соболя, берутъ за долги женщинъ, имущество, даже ружья, лишая уди́на орудій промысла. И власть старшины совершенно бессильна передъ такими явными нарушителями правъ туземцевъ. Почему? А потому, что китайцы, гдѣ выгодно, опираются на русскіе законы: по старымъ, на- при мѣръ, законамъ уди́на, за присвоеніе чужой собственности, чужой жены или за прелюбодѣяніе съ нею виновникъ подвергается мести, т. е. смерти. Но если-бы старшина или кто-либо изъ его избирателей осмѣлился при- бѣгнуть къ расправѣ съ китайцами согласно съ старинными законами, то, по русскимъ законамъ, былъ-бы лишенъ свободы, что почти равно смерти для привыкшаго къ вольной жизни охотника уди́на. Вообще положеніе стар- шинъ въ настоящее время можно считать трагическимъ: новыхъ русскихъ законовъ онъ не знаетъ, потому что никто не потрудился ему объяснить ихъ на его родномъ языкѣ, и боится ихъ, потому что они основаны на принципахъ, совершенно противоположныхъ тѣмъ, къ какимъ привыкли уди́на. Съ другой стороны, прогрессирующая съ каждымъ годомъ дѣйствительность упраздняетъ старинный, самобытный законъ. Поэтому нельзя не пожелать, чтобы русскіе законодатели поспѣшили поскорѣ вывести уди́на изъ неопредѣ- леннаго положенія. ¹⁾ При болъшей наличности русской власти, уди́на охотно подчиняется русскому закону; тогда роль старшины снизойдетъ до разбирательства самыхъ незначительныхъ дѣлъ, не то просто до исполне- нія дѣлуемыхъ русскимъ закономъ предписаній. Не ошибусь, если скажу, что они жаждутъ этого столь привлекательнаго для нихъ русскаго закона. Поэтому взысказанное г. Штернберггомъ сожалѣніе, что, съ прибытіемъ

¹⁾ Зная хорошо эту неопредѣленность, я съ чувствомъ глубокой радости прочиталъ въ № 2 газеты «Владивостокъ» за 1900 г. слѣдующій приказъ военнаго губернатора Приморской области (21 ноября № 438): «Министерство внутреннихъ дѣлъ предпріяло... пересмотръ всѣхъ узаконеній, относящихся до инородцевъ; въ виду этого, по указанію при- мурскаго генералъ губернатора, назначаю комиссію, которой надлежитъ: 1) обсудить вопросъ о соответствіи дѣйствующихъ узаконеній объ инородцахъ съ нынѣшними условіями ихъ быта, съ современными ихъ потребностями и съ тѣми цѣлями, которыя должны быть пре- слѣдуемы въ видахъ надлежащаго устройства этихъ народностей и 2) выработать проектъ тѣхъ правилъ объ устройствѣ и управленіи инородцами, которыя надлежало бы установить въ замѣнъ дѣйствующихъ по этому предмету узаконеній».

русскихъ, дѣятельность суда у ороchonъ Императорской гавани все болѣе и болѣе ограничивается и замѣняется полицейскимъ судомъ или судомъ унтеръ-офицера изъ кордона (газ. „Владивостокъ“, 1896 г., № 50, стр. 10), справедливо лишь въ томъ отношеніи, что во главѣ управленія инородцами должно стоять лицо, беззаботное насчетъ жизни и быта тѣхъ, надъ кѣмъ власть ему вручена.

Какъ бы то ни было, на побережьи Татарскаго пролива и по рѣкамъ, текущимъ по восточной части Зауссурійскаго края, значеніе русской власти еще признается не только на словахъ, но и на дѣлѣ. Совершенно иное видимъ въ западной части территоріи орочей-удиhе.

Посѣтившій эту часть Зауссурійскаго края въ началѣ 80-хъ годовъ текущаго столѣтія г. Надаровъ писалъ: „Изъ рассказовъ большинства инородцевъ я пришелъ къ убѣжденію, что... ороchonы до сего времени продолжаютъ платить маньчжурскимъ нойонамъ (чиновникамъ) асакъ ежегодно въ размѣрѣ двухъ соболей съ каждой семьи (Op. cit. 129 стр.). Если орочь-удиhе не поладилъ съ гольдомъ или китайцемъ, они „отправляются въ предѣлы Китая, въ деревню Има-хоуза... Здѣсь... постоянно проживаетъ самый маленькій китайскій нойонъ Виволо. Маньчжурскій нойонъ этого мѣстечка пріѣзжаетъ обыкновенно въ серединѣ лѣта, собираетъ опредѣленную дань и уѣзжаетъ обратно на р. Сунгари. Въ отсутствіе маньчжурскаго нойона судъ и расправу надъ жителями чинитъ китайскій нойонъ Виволо, къ правосудію котораго прибѣгаютъ обыкновенно всѣ инородцы“ (ibidem).

Такъ было пятнадцать лѣтъ тому назадъ. Съ того времени дѣло измѣнилось къ лучшему весьма мало, насколько можно судить по послѣднимъ извѣстіямъ. „Относительно вопроса о подданствѣ,—пишетъ г. Вѣльковичъ,—у ороchonъ также очень смутныя понятія и, повидимому, скорѣе всего надо полагать, что они считаютъ себя людьми совершенно вольными и не подданными какаго бы то ни было государства; землю, по которой они кочуютъ, они также не считаютъ кому-нибудь принадлежащей, также какъ и рыбу въ рѣкахъ. Во всякомъ случаѣ... случаѣ китайцевъ они считаютъ болѣе хозяевами въ этой странѣ, нежели русскихъ, и если только вѣрить ихъ рассказамъ, то они до сихъ поръ платятъ китайцамъ извѣстную подать швурами соболей, за сборомъ которыхъ будто бы ежегодно на Хоръ пріѣзжаютъ китайскія власти... Китайцы и до сихъ поръ продолжаютъ творить судъ и расправу между ороchonами, и не далѣе, какъ въ прошломъ году, по приговору китайскихъ судей, одинъ ороchonъ былъ зарытъ живымъ въ землю за то, что убилъ китайца, укравшаго у него жену“ (Труды Пріам. Отд. за 1895 г.).

Г. Альфанъ то же самое сообщаетъ о судѣ и судьяхъ среди удиhе, живущихъ по правымъ притокамъ р. Усури. „Судъ у нихъ, — говоритъ

онъ, — очень своеобразенъ; всѣ судьи — китайцы, которые назначаются или китайскими чиновниками или исполняютъ свои обязанности, по выбору самихъ инородцевъ. Число судей обыкновенно три. Эти трое судей обыкновенно зимою объѣзжаютъ инородческое населеніе по Бикину, Иману и Ваку и творятъ судъ и расправу, а встать и торгуютъ. Всякій имѣющій жалобу обращается тогда къ нимъ, и они, призвавъ обвиняемаго, разбираютъ дѣло и приводятъ приговоръ въ исполненіе. Наказанія бываютъ или тѣлесныя или заключаются въ выплатѣ пени шкурками или вещами. Что судьи рѣшатъ, то выполняется безпрекословно. Приговоренному къ тѣлесному наказанію связываютъ ноги и, раздѣвъ его, кладутъ спиною вверхъ; затѣмъ, держа его за голову и за ноги, наносятъ ему удары не розгами, а палками толщиною около 1 дюйма. Спины и ногъ не трогаютъ. Удары наносятся не со всего размаха, но (все-таки) настолько сильно, что послѣ 20 — 25 ударовъ, по рассказу ороочона, часть, по которой бьютъ, очень распухаетъ, и ее послѣ наказанія всегда натираютъ ханшиномъ, чтобы опухоль скорѣе опала. Число ударовъ при наказаніи обыкновенно не превышаетъ 60. Случаи смертной казни очень рѣдки; но говорятъ, что если преступленіе очень тяжкое, то виноватаго увозятъ на китайскую сторону и уже тамъ судятъ преступника. Бывали примѣры, что увезенные болѣе не возвращались“ (ibid.).

При составленіи приговоровъ не обходится безъ выпивки. Такъ, на сходѣ 19 марта 1894 г. въ деревнѣ Дингү (на р. Вагѣ) выбраны были судьи, китайскій и гольдскій (онъ же и ороочонскій) староста, но послѣдній долженъ подчиняться первому. При этомъ гольдовъ и ороочонъ напоили до безчувствія. Пользуясь ихъ невмѣняемостью, сходъ постановилъ, чтобы всѣ долги были уплачены, а затѣмъ китайцы написали на доскахъ сводъ правилъ ¹⁾ и скрѣпили ихъ общею подписью. По этимъ правиламъ, гольды и

¹⁾ Въ № 288 «Пріамурскихъ Вѣдомостей» напечатанъ одинъ экземпляръ подобнаго рода правилъ. Этотъ интересный документъ называется «Китайскій законъ Иманской общины» и написанъ на листѣ красной бумаги въ 1½ арш. длиною и 6 вершковъ шириною. Эти законы были наклеены на стѣнѣ фанзы, обитаемой судебнымъ писаремъ (цун-ли). Приводимъ содержаніе ихъ, потому что имъ подчиняются и удѣльн. живущіе по р. Иману.

«Гуан-сую 22-хъ лѣтъ. Февраля 13-го дня. Законъ общественнаго правленія.

§ 1. Карточная игра на деньги разрѣшается съ 1-го по 20-е января, а на съѣстное—съ 15-го августа по 15-е марта. Въ послѣднемъ случаѣ выигрышъ уплачивается натурою и сообща съѣдается; хозяинъ долженъ продавать все требуемое игроками на деньги.

За игру не на съѣстное хозяинъ подвергается оштрафованію 1 быкомъ и 15 пуд. муки.

§ 2. За продажу соболя не своему чай-туну (т. е. кредитору, хозяину) виновный подлежать 40 палкамъ и возвращенію соболя по принадлежности.

§ 3. За неспдачу добытаго жень-шеня своему чай-туну виновный подвергается 40 палкамъ и изгнанію съ Има.

§ 4. За тайную отъ чай-туна куплю (?) пантовъ—40 палокъ.

§ 5. Прохожіи имѣть право проживать въ каждой фанзѣ 3 сутокъ бесплатно, а затѣмъ обязанъ платить по 40 коп., а за первые три дня новаго года по 5 рублей.

орочоны не имѣють права отдавать кому-либо постороннему, кромѣ хозяина, добытыхъ соболей, жень-шеня и пантовъ. Въ случаѣ нарушенія имъ грозитъ суровое наказаніе.

§ 6. За драку и ругань 40 палокъ и 7 пуд. провизіи.

§ 7. Раненый ружьемъ или ножомъ долженъ находиться подъ наблюденіемъ та-е (судьи) 18 дней и, если умретъ, виновный подвергается погребенію заживо. Хозяинъ же, упустившій убійцу, наказывается 20 палками и 15 пуд. муки.

§ 8. За обманъ—40 палокъ.

§ 9. Членъ артели, укравшій чужую вещь, долженъ быть немедленно обличенъ и представленъ на судъ для наказанія 40 палками и 13 пуд. муки.

§ 10. Орочны обязаны возить мань на лодкахъ по слѣдующей таксѣ: за 2-хъ чело-
вѣкъ съ 30 пуд. груза:

до уроч. Ченза	(85 верстъ отъ устья р. Има)	18 р.
» »	Мяо-линь (120 » » » »)	24 »
» »	Калатуань (144 » » » »)	30 »
» фанзы Ли-чин-фу	(280 » » » »)	42 »
» уроч. Сяда-Тунъ	(389 » » » »)	72 »

§ 11. За обвѣщиваніе на безменѣ—20 палокъ и 7 пуд. провизіи.

§ 12. За кражу въ китайской фанзѣ—40 палокъ и изгнаніе съ Има.

§ 13. За кражу въ балаганѣ—40 палокъ.

§ 14. За ссору изъ-за загнанной собаки—40 палокъ.

§ 15. За куплю-продажу большой рысей шкуры тайно отъ цай-туна — 40 палокъ и вернуть шкуры по принадлежности.

§ 16. Работникъ или половинщикъ («кулаширь»), за оставленіе хозяина ранѣ 1 года не только ничего не получаетъ, но обязанъ вознаградить хозяина.

§ 17. За напрасный сборъ общества та-е обязаны возмѣстить убытки.

§ 18. За несвоевременное совершеніе священныхъ обычаевъ (кхету) — работнику 40 палокъ, а хозяину 13 пуд. провизіи штрафа.

§ 19. Китаецъ, не вернувшій тазъ отобранное ружье къ 15 апрѣля, подвергается штрафу.

§ 20. Для проживанія свыше 3 дней, неизвѣстный хозяину прохожій долженъ представить поручителя, что, однако, не избавляетъ хозяина отъ ответственности за проступки проживающихъ у него.

§ 21. Каждая артель обязана имѣть проводника за плату 4 руб. сверхъ пая добычи.

Провинившійся та-е ставится на колѣни на время сгоранія «сяна» (курительной свѣчи изъ гнилушки, длиною въ $\frac{1}{2}$ аршина) и кромѣ того:

- за 1 вину штрафъ.
- » 2 вины штрафъ и палки.
- » 3 » палки.
- » 4 » палки.
- » 5 » палки.
- » 6 » палки.

Провинившійся судебный писарь (цун-ли) ставится на колѣни на время сгоранія 3 «сяновъ» и штрафуется «быкомъ».

Приведенныя правила, очевидно, защищающія интересы китайцевъ, ясно показываютъ, что послѣдніе считаютъ себя властителями долины р. Има, вначе не присуждали бы за нѣкоторыя преступленія изгнаніе изъ долины ея. Кромѣ того, они объясняютъ почему уднѣ, разъ подпавшему подъ экономическое иго хозяина, трудно вырваться на свободу путемъ продажи своей добычи другому клану, часто предлагающему большую цѣну. Наконецъ, въ § 1-мъ, вѣроятно, не точно переведено «карточная игра» вмѣсто «банковка»: это известная азартная игра, которая является однимъ изъ средствъ, разоряющихъ просто-душныхъ уднѣ и другихъ инородцевъ.

Такимъ образомъ, и понингъ уди́нэ, живущіе по правымъ притокамъ р. Уссури, признаютъ надъ собою власть китайцевъ и ихъ законъ; понингъ они убѣждены, что живутъ на китайской землѣ, что китайскій императоръ ихъ властелинъ, можетъ запретить своимъ подданнымъ продавать имъ буду; что онъ можетъ брать съ нихъ подать соболями или деньгами. Права, по сообщенію г. Альфтана, сборъ даня теперь дѣлается втихомолку, и нѣкоторые уди́нэ, живущіе далеко отъ р. Уссури, вовсе уклоняются отъ уплаты ясака на томъ основаніи, что „до нихъ далеко, и царь не узнаетъ“; однако китайскіе чиновники назначаютъ старшинъ на каждый притокъ р. Уссури и поручаютъ имъ сборъ соболей (по одному соболю съ балагана) или денегъ (по 2 руб. съ балагана).

Лѣтомъ 1894 г. эти китайскіе чиновники пріѣзжали въ Васильевскій поселокъ и останавливались у китайца Ван-дзье, служащаго ихъ агентомъ.

Все, доселѣ сказанное, невольно побуждаетъ сознаться, что китайское вліяніе среди уди́нэ и другихъ инородцевъ нисколько не поколеблено русскимъ, почти 50-ти-лѣтнимъ владычествомъ; что русскимъ еще много предстоитъ культурной и административной работы, чтобы фактически владѣть и покореннымъ краемъ и его аборигенами.

Теперь же говорить о какомъ-либо вліяніи русскихъ на инородцевъ нельзя: уди́нэ, напримѣръ, какъ засвидѣтельствовано всеобщемъ переписью 1897 г., русскаго языка не знаютъ, а китайскій знаютъ подчасъ лучше своего родного. Какъ отзывается китайское вліяніе на уди́нэ, мы уже видѣли, да и изъ послѣдующихъ главъ узнаемъ нѣкоторыя подробности.

ГЛАВА XII.

Семья и дѣти.

Въ прежнее время при полномъ господствѣ рода, предѣлы семьи уди́нэ, по всей вѣроятности, были обширнѣе, чѣмъ то видимъ въ настоящее время. Весьма возможно, что подъ словомъ семья въ давнее время у нихъ разумѣлось нѣчто подобное римской „familia“, т. е. основою семьи тогда являлись не исключительно брачныя отношенія, а предѣлы власти главы рода. Тогда „фамилія“—не изъ тѣхъ только, кто были связаны съ главою ея по крови, а изъ всѣхъ находившихся подъ управленіемъ или покровительствомъ этой главы. Весьма неяснымъ пережиткомъ такой старины, мнѣ кажется, слѣдуетъ признать бытующее нынѣ среди уди́нэ обыкновеніе включать въ составъ семьи совершенно чужое по крови лицо. Во время переписи мнѣ не разъ приводилось встрѣчаться съ подобнымъ явленіемъ. Сперва мнѣ

отвѣчали въ такихъ случаяхъ — „это родственникъ“. Когда же я старался точнѣе опредѣлить родственныя отношенія даннаго субъекта къ хозяину или хозяйкѣ, то оказывалось, что ни въ какомъ кровномъ родствѣ съ семьей онъ не состоитъ, что это совершенно чужой человекъ, но прожившій въ семьѣ нѣсколько лѣтъ, участникъ въ хозяйствѣ, нѣчто въ родѣ нашего друга семьи, товарища мужа. Сюда же, можетъ быть, необходимо отнести обычай удиһе влючать въ число семьи работниковъ.

Но указанные мною пережитки старины глубокой плохо сознаются тѣми удиһе, среди которыхъ я былъ лично; у другихъ изслѣдователей я не нашелъ на это никакихъ указаній, и поставленный здѣсь вопросъ требуетъ детальнаго изслѣдованія, при помощи умѣлаго переводчика.

Ниже я поведу рѣчь о семьѣ удиһе въ ея современномъ видѣ.

Нынѣ семья эта охватываетъ группу лицъ, связанныхъ кровнымъ родствомъ, т. е. въ составъ ея входятъ отецъ, матери, дѣти, внуки, племянники, племянницы, дядья, тетки, однимъ словомъ, родня по мужу и по женамъ. Кажется, родство не идетъ далѣе дядей и тетокъ; по крайней мѣрѣ, я ни лично не знаю, ни у своихъ предшественниковъ не находилъ указаній на этотъ счетъ. Правда, можно встрѣтить семьи, въ составъ которыхъ входятъ тестъ и теща, но послѣднiе не всегда играютъ роль главарей семьи.

Внутреннiй строй семьи заключается въ подчиненiи младшихъ членовъ старшимъ. Главою семьи всегда считается старшiй, но имѣющiй силу и способности быть дѣйствительнымъ хозяиномъ юрты. Мнѣ доводилось переписывать большiя семьи (болѣе 30 человекъ), гдѣ старикъ—отецъ, лѣтами старшiй, уступалъ свое первенство въ юртѣ сыну, человеку сорока лѣтъ, сильному охотнику и рыболову. Точно такъ же, въ случаѣ смерти главы семьи, фактическое господство удерживаетъ старшая жена только тогда, когда оставшiйся дѣти мужского пола—малолѣтнiи, иначе власть переходитъ къ старшему сыну.

Вообще хотя почитанiе стариковъ входитъ въ кодексъ нравственности удиһе, однако случаи фактическаго нарушенiя этого правила происходятъ тѣмъ чаще, чѣмъ сильнѣе врываются въ жизнь чуждыя влiянiя.

Въ вышеприведенныхъ постановленiяхъ „Закона общественнаго управленiя“ ни слова не говорится о наказанiи за непочитанiе или оскорбленiе отца. Это игнорированiе закономъ непочтенiя родителей и старшихъ можетъ развязать руки молодежи; но такiе печальные случаи, при мирномъ и добродушномъ характерѣ удиһе, происходятъ рѣдко. Чаще глава семьи встрѣчаетъ отпоръ со стороны жены. „Замѣчательно, — говорятъ г. Надаровъ (Op. cit. 83 стр.), — что хотя отецъ есть старшина въ своей семьѣ и пользуется неограниченною властью, тѣмъ не менѣе мнѣ много разъ приходилось наблюдать,

какъ жена бранить и даже толкаетъ своего повелителя, если тотъ выпьетъ много ханшина и по требованію жены не идетъ спать въ свой балаганъ*.

Подобные случаи рѣдки. Въ общемъ между мужемъ и женами существуютъ миролюбивыя отношенія. Хотя на долю женщинъ выпадаетъ много работъ, однако трудность въ настоящее время обзавестись женою и значеніе ея, какъ помощницы въ хозяйствѣ, завоевали имъ спосное существованіе. Мужъ находитъ необходимымъ обо всемъ совѣтоваться съ женою; если же у него двѣ жены, то старшая иногда посвящается во всѣ хозяйственныя дѣла.

Конечно, при существующей нынѣ купль—продажѣ, между супругами не развивается чувство любви, считающееся у европейцевъ условіемъ, безъ котораго нѣтъ семьи, и посторонняго наблюдателя подчасъ даже поражаетъ холодность встрѣчи супруговъ послѣ двухъ-трехмѣсячной разлуки; но привычка, дѣти и экономическія соображенія сближаютъ мужа и жену настолько, что послѣ смерти главы проливаются слезы искренняго горя.

По самому существу дѣла, женщина—удинѣ не можетъ стоять во главѣ семьи. Привязанная мелочами домашней жизни къ очагу, она слишкомъ суживаетъ свой житейскій опытъ, и потому бываетъ неспособна вести самыя несложныя дѣла, выходящія за предѣлы дома и маленькаго хозяйства“. „Когда былъ живъ мужъ, тогда все было лучше; онъ могъ поѣхать туда и сюда, разыскать должниковъ, а я куда пойду, кого я знаю!“ Жаловалась мнѣ старшая вдова Индину, перебирая кучу записокъ съ долговыми обязательствами.

И это говорила женщина, лѣтъ подъ сорокъ, еще полная силъ, женщина „умная“, судя по совѣтамъ ея, во время избранія старшины, что же сказать о женщинѣ заурядной, какова, на примѣръ, вторая, младшая вдова Индину, совершенно безмолвная женщина, вся ушедшая въ заботы о своемъ маломъ дитяти, оставшемся ей отъ покойнаго мужа?

Если къ сказанному прибавить, что охота, одна изъ экономическихъ основъ быта удинѣ, не можетъ исполняться женщинами, то становится ясною несостоятельность женщины, какъ главы семьи. Вотъ почему, при сынѣ 20—22-хъ лѣтъ, власть главы и хозяина семьи фактически переходитъ къ послѣднему, матери же предоставляется право довольствоваться однимъ титломъ.

Хотя судьба дѣтей всецѣло зависитъ отъ родителей, хотя отецъ или глава семьи можетъ продать свою дочь, однако среди удинѣ существуетъ сильная любовь къ дѣтямъ. И личныя мои наблюденія и свидѣтельства предшественниковъ не оставляютъ въ этомъ отношеніи никакого сомнѣнія; „своихъ дѣтей орочны очень любятъ,—читаемъ у г. Вѣльевича,—ласки родителей по отношенію къ дѣтямъ приходилось видѣть очень очень часто, и въ этихъ

ласкахъ было такъ много любви и вѣжности; случаевъ же, когда родители не только бы били, но даже кричали на своихъ дѣтей, не приходилось никогда наблюдать^а. (Труды Пр. отч. за 1895 г.). Случай окриковъ на дѣтей и наказанія мнѣ приводилось наблюдать, но въ общемъ можно сказать, что родители-удиһа относятся къ своимъ дѣтямъ ласково.

Само собою разумѣется, что изъ родителей мать, въ силу инстинкта, проявляетъ болѣе горячую и вѣжную любовь къ дѣтямъ, равно какъ и дѣти сильнѣе привязываются и лучше себя чувствуютъ около матери. Сказанное отнюдь не значитъ, что мужчины не проявляютъ любви къ дѣтямъ. Сколько разъ мнѣ самому доводилось видѣть, съ какою ласкою относились къ дѣтямъ бобыли—удиһа, въ теченіе всей своей жизни не скопившіе капитала, необходимаго для покупки жены, или „бабушки“, по ихъ выраженію. Не даромъ и дѣти привязываются къ мужчинамъ: они инстинктомъ, чувтъ кто ихъ любить.

Кромѣ фізіологическаго элемента родительской любви къ дѣтямъ, можно указать нѣкоторые другіе мотивы ея. Сюда слѣдуетъ отнести страхъ передъ одинокою безпомощною старостью, когда нѣтъ лицъ, которыя замѣнили бы старика-отца на охотѣ и рыболовствѣ, старуху-мать въ исполненіи мелкихъ работъ по дому. Мало того, дѣти нужны удиһа, потому что лишній охотникъ добудетъ больше юволы и соболя, значитъ, увеличитъ доходъ семьи. Правда, съ появленіемъ на свѣтъ каждаго сына является забота достать ему невѣсту, что, при малочисленности женщинъ, дѣло довольно трудное; но нѣтъ хорошій сынъ скопять соболей и купить въ домъ лишнюю работницу. Еще болѣе долженъ удиһа лелѣять дочь: она не только рабочая сила, но за нее въ будущемъ предстоитъ хорошій выкупъ или невѣстка въ домъ¹⁾.

За любовь и ласки родителей дѣти платятъ полнымъ повиновеніемъ и почтеніемъ. Случаевъ, чтобы дѣти были стариковъ—родителей, какъ уже замѣчено выше, мало, и къ нимъ всѣ удиһа относятся съ большимъ порицаніемъ.

Вѣроятно, экономическая неурядица послѣднихъ годовъ породила среди удиһа такихъ эгоистовъ—родителей, которые не горюютъ, что у нихъ нѣтъ дѣтей. Мнѣ довелось встрѣтить двѣ-три семьи бездѣтныхъ, и родители не высказывали сожалѣнія объ отсутствіи дѣтей; наоборотъ, мнѣ показалось, что они рады этому обстоятельству, позволяющему имъ жить исключительно для себя и наслаждаться такими прелестями жизни какъ опиумъ, ханшанъ, а женщинамъ имѣть другомъ дома—манзу.

Любовью къ родителямъ и мирнымъ характеромъ объясняется и то об-

¹⁾ По экономическимъ соображеніямъ, двѣ семьи удиһа, имѣющія мальчиковъ и дѣвочекъ, мѣняются послѣдними, какъ невѣстами.

стоятельство, что дѣти уди́на не стремятся путемъ раздѣловъ отдѣлаться отъ власти и деспотизма старшихъ, какъ это бываетъ у другихъ народовъ. Я рѣшительно не знаю ни одного случая, гдѣ бы поводомъ къ отдѣленію дѣтей отъ родителей послужило желаніе младшихъ членовъ семьи уйти отъ власти старшихъ, главарей семейства. Обыкновенно, дѣти живутъ вмѣстѣ съ родителями; если тѣсною окажется одна юрта, рядомъ строятъ другую, куда и переселяются нѣкоторые члены семейства, но хозяйство считается одно; для ѣды семья собирается вмѣстѣ. Въ большинствѣ случаевъ раздѣлъ семьи происходитъ въ силу экономической необходимости: уменьшеніе звѣря въ одномъ мѣстѣ и слухи о болѣе обильныхъ дичью мѣстахъ побуждаютъ молодыхъ и болѣе подвижныхъ членовъ семьи оставлять родителей и выселаться на другія мѣста. При этомъ выдѣленіе дѣтей изъ семьи, при несложности хозяйства уди́на, не представляетъ никакихъ затрудненій: каждый взрослый уди́на можетъ выстроить себѣ юрту, соорудить баты и оморочку, выковать острогу и сплести сѣть; каждая женщина-уди́на съ дѣтства приучается готовить изъ бересты и кожъ всю домашнюю утварь, одежду и обувь. Такимъ образомъ, дешевизна обзаведенія новымъ хозяйствомъ не можетъ служить препятствіемъ въ выдѣленію изъ семьи, поэтому раздѣлы среди уди́на никогда не вызываютъ тѣхъ споровъ за имущество, какіе возникаютъ при раздѣлахъ въ семьяхъ другихъ инородцевъ. Вообще орочь—уди́на, при необходимости мѣнять мѣсто жительства ради охоты, не обзаводится большимъ хозяйствомъ: онъ смѣло можетъ сказать, перекочевывая съ мѣста на мѣсто „omnia mea mecum porto“ ¹⁾. Даже тамъ, гдѣ земледѣліе начинаетъ становиться основаніемъ хозяйства уди́на, доселѣ не представляется большихъ препятствій къ раздѣламъ, потому что земледѣльческій инвентарь легко добывается отъ услужливыхъ лицъ, которыя снабдятъ скотомъ; земли же вездѣ много; податей уди́на никакихъ не платятъ ни за пользованіе лѣсомъ, ни за пользованіе землей, да и платять не могутъ.

При удачной охотѣ и большомъ урожаѣ, легко обзавестись самыми дорогими предметами хозяйства: ружьемъ и скотомъ. Припасать что либо для дочерей, приносящихъ обыкновенно родителямъ выкупъ, не приходится, а сыновья сами себѣ добудутъ средства для покупки невѣсты.

¹⁾ Срав. слѣд. замѣчаніе г. Альфтана: «Перекочевывая съ одного мѣста на другое орочь везетъ съ собою и все свое имущество, состоящее изъ двускатнаго навѣса, сдѣланнаго изъ бѣлой бязи или же просто изъ березовой коры, нѣсколькихъ коробочекъ, ящичковъ изъ такой же коры, двухъ-трехъ курицъ и столькихъ же собакъ; нѣсколько чулицъ, винтовка, патроны, острога, жена и нѣсколько грязныхъ, почти голыхъ ребятъ—вотъ весь наличный персоналъ и домашняя обстановка кочующей орочьской семьи «(Труды Приамур. Отд. за 1895 г.)».

Однимъ словомъ, удиһэ не охотно расстаются съ своими дѣтьми, которыхъ вырастаетъ не такъ много, какъ родится.

Тутъ я подошелъ къ вопросу о дѣтяхъ у орочанъ—удиһэ. Въ виду малой изслѣдованности его, я позволю себѣ вдаваться въ подробности.

Объ орочонахъ—удиһэ сложилось ходячее мнѣніе, что это народецъ вымирающій, „племя угасающее“, какъ озаглавленъ мой этюдъ, напечатанный въ газетѣ „Сибирь“, за первый годъ ея существованія въ Петербургѣ. Этого мнѣнія не отрицаетъ и г. Пальчевскій (см. газ. „Дальній Востокъ“, 1897 г. № 47), не раздѣляющій мнѣнія о томъ, что удиһэ слѣдуетъ предоставить собственной участи, т. е. окончательному вымиранію. Утверждая, что причины слабости и недолговѣчности организма удиһэ на лицо, г. Пальчевскій говоритъ: „Констатированное же переписью обиліе рожденій говоритъ какъ бы за жизненную энергію, а не вымираніе этого племени“.

Чтобы понять, почему при обиліи рожденій удиһэ—все-таки „Угасающее племя“, необходимо, между другими причинами, изслѣдовать колебательную жизнь ребенка въ широкомъ значеніи этого слова.

Подобнаго рода изслѣдованіе интересно и для антропологическихъ выводовъ. „Одна изъ главнѣйшихъ задачъ антропологич.,—говоритъ г. Покровскій въ „Предисловіи“ къ своему труду: „Физическое воспитаніе дѣтей у разныхъ народовъ преимущественно Россіи“,—состоитъ въ сравнительномъ изученіи анатомическихъ и фізіологическихъ особенностей человѣка въ отношеніяхъ племенномъ, расовомъ и археолого-историческомъ. Особенности эти... вырабатываются тѣми исключительными условіями, при которыхъ жилъ и живетъ человѣкъ... Различные способы ухода за дитятей, начиная съ утробной жизни, первоначальная обстановка его при рожденіи, омовеніи, пеленаніе..., укладываніе въ постели, одѣваніе, питаніе... безспорно имѣютъ не малое вліяніе на физическія особенности народа и вкладуютъ на немъ свою рѣзкую печать, подобно тому, какъ это оказываютъ съ своей стороны климатъ, образъ жизни, племенной подборъ и т. п.

Постараемся поближе разсмотрѣть условія жизни дитяти у орочанъ—удиһэ.

Въ виду цѣнности дѣвушекъ, удиһэ рѣдко вступаютъ въ брачную жизнь въ такомъ, именно, возрастѣ, какой признается наукой наиболѣе удобнымъ для произведенія сильнаго и крѣпкаго потомства. Богатые люди покупаютъ дѣвочекъ для своихъ сыновей очень рано: мнѣ приходилось не разъ заносить въ соответствующія графы переписныхъ листовъ мужа и жену шести лѣтъ! Съ другой стороны, иному бѣдняку, задумавшему обзавестись семьей, приходится долгіе годы копить выкупъ, и уже 40—45-лѣтнимъ мужчиною онъ покупаетъ себѣ 14 или 15-лѣтнюю дѣвушку. Наоборотъ, на р. Самаргѣ

я видѣлъ 18-лѣтнюю дѣвушку, обвѣчанную съ 10-лѣтнимъ мальчикомъ, такъ что жена должна была загнать своего мужа съ игръ со сверстниками въ юрту на ночлегъ. Даже при лучшихъ условіяхъ браки у уди́нъ заключаются слишкомъ рано: мнѣ приходилось видѣть пары—мужу 20 лѣтъ, женѣ 18,—имѣющія уже дѣтей. Такимъ образомъ, возрастъ родителей—уди́нъ рѣдко представляетъ благопріятную почву для появленія на свѣтъ крѣпкаго поколѣнія. Впрочемъ, относительно женщинъ, при непосильныхъ и утомительныхъ работахъ ихъ, едва ли слѣдуетъ сѣтовать на ранніе браки, потому что женскій организмъ быстро истощается, и безплодіе наступаетъ скоро. Мнѣ приводилось встрѣчать женщинъ 36—38 лѣтъ, которыя лѣтъ пять назадъ покончили вопросъ о продолженіи племени. Вообще слѣдуетъ признать плодовитость женщинъ-уди́нъ ниже средней, такъ какъ въ прежнее время имѣющихъ 12 дѣтей было мало, нынѣ же рѣдко встрѣтишь семью, насчитывающую 7—8 дѣтей.

Изъ указанныхъ выше условій, влияющихъ на заключеніе браковъ, вытекаетъ одно слѣдствіе, вредное для потомства: часто больные, но богатые уди́нъ женятся на здоровыхъ дѣвушкахъ и надѣляютъ потомство своими бо-лѣзнями.

Не мало хилости поколѣнія способствуетъ и обычай многоженства; оно хотя и благопріятствуетъ, повидимому, размноженію дѣтей, однако, общіе практическіе результаты его весьма печальны. Я видѣлъ на р. Самаргѣ семью, состоящую изъ мужа, горбатаго и совершенно больного (у него усыхаеъ спинной хребетъ), и двухъ здоровыхъ и молодыхъ женъ; отъ одной имѣется сынъ, не могущій встать на ноги, несмотря на 8-ми-лѣтній возрастъ. Помню, на меня эта семья произвела невыразимо тяжелое впечатлѣніе, хотя здоровая молодость женщинъ, одѣтыхъ въ дорогія и красивыя платья, нѣсколько скрашивала мрачный колоритъ ея.

Наконецъ, если многіе цивилизованные народы нарушаютъ правильность и своевременность половыхъ сношеній, то что сказать объ уди́нъ, едва вышедшемъ изъ первобытности. Не говоря о томъ, что дѣлается въ пьяномъ видѣ, слѣдуетъ замѣтить, что совокупленіе съ женою во время кормленія дитяти начинается спустя мѣсяцъ послѣ родовъ, а во время беременности мужъ спитъ съ женою до самыхъ родовъ. Таковъ обычный ходъ сношеній мужа съ женою. Можетъ быть, иначе ведутся они при двухъ-трехъ женахъ, но такихъ многоженцевъ встрѣтишь теперь мало среди уди́нъ ¹⁾. Однимъ словомъ, на основаніи своихъ наблюденій и разспросовъ могу сказать, что среди

¹⁾ Конечно, бываютъ исключенія; нѣкоторые мнѣ сообщали, что во время беременности прекращаютъ совокупленіе съ женою за мѣсяцъ до родовъ; послѣ же родовъ не совокупаются два мѣсяца.

удинѣ есть одно условіе, благопріятствующее появленію здороваго и крѣпкаго поколѣнія,—это взаимное согласіе супруговъ, такъ что крики, брань и побои весьма рѣдки между мужемъ и женою.

Но если удинѣ плохо готовятъ почву, на которой сѣется сѣмя, отчего получается худосочный плодъ, зато они не знаютъ ни плодонизнанія, ни дѣтоубійства. У нихъ встрѣчается иногда убійство лишь незаконнорожденныхъ дѣтей, потому что послѣднія пользуются всеобщимъ презрѣніемъ; но въ послѣднее время и такія дѣти не уничтожаются.

Подобно многимъ другимъ народамъ древняго и новаго времени, удинѣ смотрятъ на процессъ рожденія, какъ на вѣчто нечистое. Если во время менструацій (= эватипі) женщина считается нечистою и должна носить особое платье, подкладывая стружки черемухи или тальника, тѣмъ болѣе считается она таковою во время родовъ.

Обыкновенно за недѣлю до разрѣшенія жены мужъ строитъ особую юрточку или балаганчикъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ жилья. Почувствовавъ приближеніе родовъ, женщина за день-два уходитъ въ выстроенную для нее юрточку и тамъ рождаетъ. По сообщенію г. Надарова (Op. cit. 83 стр.), „при родахъ присутствуетъ мужъ, исполняющій обязанности повитухи; но мои наблюденія и разспросы приводятъ къ противоположному: на р. Самаргѣ при мнѣ родился мальчикъ. Роженицѣ никто при родахъ не помогаль, даже считаютъ грѣхомъ помогать при родахъ. „Сколько бы времени ни длились роды, никто не долженъ помогать. Пусть Богу молится роженица. Нехорошо помогать!“ Я посѣтилъ роженицу уже во второй юртѣ, куда она переехала послѣ родовъ изъ первой, и то мужъ ея, меня сопровождавшій, не приближался близко къ балагану, а сидѣлъ издали. Вообще взглядъ на роженицу, какъ на вѣчто нечистое, прикосновеніе къ чему считается грѣхомъ, надо признать болѣе старымъ явленіемъ, чѣмъ сообщаемое г. Надаровымъ. Теперь еще женщина, посѣтившая роженицу, должна сбросить свое платье и надѣть другое, по возвращеніи домой ¹⁾).

Кавихъ-либо приемовъ для ускоренія родовъ удинѣ не предпринимають: на всѣ мои вопросы и разъясненія въ этомъ направленіи получался одинъ отвѣтъ: „при родахъ помогать—тянуть дитя или дѣлать что-либо другое—грѣхъ, нельзя“.

Выше замѣчено мною, что возможность присутствовать мужу при родахъ слѣдуетъ признать явленіемъ позднѣйшаго времени, слѣдствіемъ большей эво-

¹⁾ Правда, въ одномъ мѣстѣ и мнѣ сказали, что при легкихъ родахъ управляется одна пожилая женщина или мужъ, при трудныхъ — требуется помощь нѣсколькихъ женщинъ; но я никакъ не могъ добиться, что же дѣлають эти нѣсколько повитухъ при трудныхъ родахъ.

люціи чувства удіна. Точно такимъ же признакомъ прогресса слѣдуетъ считать и дозволеніе роженицъ рожать въ той же фанзѣ, гдѣ всѣ живутъ. Подобное явленіе сплошь и рядомъ наблюдается на югѣ, гдѣ нравы болѣе мягки. При родахъ женщина обыкновенно лежитъ на боку — правомъ или лѣвомъ.

Послѣ родовъ въ юрточкѣ роженицы прибираютъ; такъ называемое „мѣсто“ закапываютъ въ землю. Если дитя родится „въ рубашкѣ“, какъ говорятъ у насъ, то изъ нея дѣлается небольшой бубенъ и бьютъ въ него: „тогда новорожденный сдѣлается шаманомъ“.

Пребываніе роженицы на мѣстѣ родовъ продолжается далеко не одинаково все время: по свѣдѣніямъ г. Надарова (*ibid.* 84 стр.) 14 дней, по моимъ — 10, а на р. Самаргѣ — 4 дня. Затѣмъ она переходитъ въ другой балаганъ, болѣе просторный, но все-таки не обитаемый постоянно, а выстроенный исключительно для нея. На р. Самаргѣ мнѣ довелось видѣть подобное помѣщеніе. Это обыкновенная двускатная юрточка, малаго размѣра, построенная наскоро. Въ ней двѣ двери: передняя заслонена берестомъ, а задняя выходитъ на небольшой огороженный берестомъ же дворикъ. Назначеніе послѣдняго, по объясненію мужа, служить роженицѣ ватерклозетомъ.

Обстановка этого балагана слишкомъ мизерна: постель роженицы состоитъ изъ куска бересты, сверхъ которой настлана крупная рѣчная трава. На такой постели лежала блѣдная женщина въ старомъ грязномъ платьѣ, около нея въ ночной зыбкѣ находился совершенно голый ребенокъ; посрединѣ юрты — потухнувшій очагъ; нѣсколько далѣе въ углу берестовое ведро съ водою и берестовый корчикъ. Дрова, мелко нарубленныя, лежали на дворикѣ внѣ юрты, такъ что роженица должна добираться до нихъ ползкомъ. Двери юрты устроены по ливніи вѣтра, и съвозной вѣтеръ, правда, теплый свободно гулялъ по убогому пріѣзду матери и новорожденного.

Въ такомъ жилищѣ роженица пребываетъ обыкновенно 15 дней. Вступая въ него изъ перваго балагана, равно покидая его для того, чтобы поселиться снова въ общей съ мужемъ юртѣ, она обязательно мѣняетъ все одѣжаніе. Сброшенное платье пропадаетъ даромъ: мыть грязное бѣлье и одежду удіна еще не научились.

Новорожденный ежедневно омывается матерью теплою водою въ берестяномъ или деревянномъ корытцѣ, не всегда для этой цѣли специально предназначенномъ. При купаньи мыла не бываетъ, потому что его употребленія не знаютъ удіна. Вытираютъ выкупаннаго тряпьемъ, въ которое и укутываютъ затѣмъ.

Роженица омываетъ себя не скоро послѣ родовъ, по выходѣ изъ бала-

гановъ; до омовенія она обыкновенно отираетъ себя стружками изъ черемухи и тальника.

Если сказанное доселѣ о первоначальной обстановкѣ новорожденнаго у орочей-удиѣ сопоставить съ тѣми элементарѣйшими требованіями, какія рекомендуются современной гигиеною, и о которыхъ ничего не знаетъ этотъ народецъ, то не придется приходить въ ужасъ отъ высокаго процента смертности рождаемыхъ и роженецъ и отъ многочисленныхъ смертельныхъ послѣ-родовыхъ заболѣваній.

Допустимъ, однако, какъ то и бываетъ въ исключительныхъ случаяхъ, что вѣрнѣй организмъ матери и дитяти перенесъ первый трудный моментъ родовъ. Не розы, однако, ждутъ новорожденнаго въ дальнѣйшемъ его существованіи.

Положивъ дитя на шерсть кабарги, медвѣдя или другого звѣря, мать перевязываетъ бѣлою ниткою пуповину, отступя на вершокъ отъ живота, и отрѣзаетъ ее ножницами или ножомъ около самой нитки или выше. Пуповину, оставшуюся въ соединеніи съ тѣломъ ребенка, ничѣмъ не обертываютъ, если же она воспаляется и гноится, то присыпаютъ сушеною травою, стертою ножомъ въ порошокъ. Конечно, при описанной операціи не соблюдаются рекомендуемая наукою дезинфекція и чистота ножа, ножницъ, рукъ и перевязки. Кромѣ того, употребленіе нитки вмѣсто шнурка, равно перевязка пуповины не на должномъ разстояніи отъ живота и небинтованіе отрѣзка ея влекутъ за собою очень часто печальныя для дѣтей послѣдствія. На р. Кѣмѣ я видѣлъ дѣвочку лѣтъ 6—7, у которой черезъ пупочное кольцо выходили грыжи.

Говорить о соблюденіи удиѣ какихъ-либо правилъ гигиены при помѣщеніи дитяти въ семьѣ не приходится: если европейцы придерживаются того мнѣнія, что маленькому человѣку нужно и маленькое помѣщеніе, въ которомъ самое главное тепло, а объ остальномъ не слѣдуетъ много заботиться, то чего же ждать отъ бѣднаго и невѣжественнаго полудикаря, жилище котораго заключаетъ все вредное для здоровья человѣческаго и ничего полезнаго. Нѣтъ сомнѣнія, что изъ рождающихся зимою выживаютъ только дѣти, надѣленные исключительно сильнымъ организмомъ, ибо въ зимней юртѣ удиѣ замерзаютъ чернила и коньякъ: такъ низка бываетъ температура!

Хотя у южныхъ орочей не употребляютъ специальныхъ средствъ въ удаленію съ тѣла новорожденнаго первородной слизи, но они кое-что дѣлаютъ въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ жизни дитяти для сохраненія кожи его въ чистотѣ. Частыя обмыванья и купанья, хотя и безъ мыла, смываютъ съ кожи грязь; для предотвращенія прѣлости въ складкахъ дѣтской кожи употребляется древесная червоточина, которою всегда запасаются заботливыя матери.

Но разъ дитя подросло и можетъ самостоятельно двигаться, его не мочутъ, и оно становится столь же грязнымъ и неопрятнымъ, какъ и всѣ взрослые.

Пренебрежительное отношеніе къ уходу за чистотою кожи влечетъ за собою многочисленныя накожныя болѣзни. По свидѣтельству г. Альфтана, у орочей-уди́на, обитающихъ по р. Иману, множество дѣтей покрыто струпами отъ золотухи. Вообще я долженъ сказать, что рѣдкое дитя, въ возрастѣ 5—7 лѣтъ, свободно отъ накожныхъ болѣзней, которыми часто страдаютъ и взрослые, какъ это читатели видѣли въ одной изъ предыдущихъ главъ.

Всѣмъ извѣстно, какое огромное значеніе имѣетъ пища для развитія мускульной и нервной системъ, равно общезвѣстно и то, что соединеніе растительной пищи съ животною—наилучшее питаніе для человѣческаго организма. Тѣмъ болѣе важное значеніе имѣетъ характеръ пищи для ребенка въ первые годы жизни, когда тѣло его быстро развивается и растетъ.

Посмотримъ, въ какихъ условіяхъ находятся дѣти уди́на въ отношеніи питанія въ первые годы своей жизни.

Матери начинаютъ кормить дѣтей грудью тотчасъ, какъ они появляются на свѣтъ; если же новорожденный не беретъ груди, то не употребляютъ никакихъ понудительныхъ средствъ и оставляютъ его въ покоѣ. Въ случаѣ отсутствія въ грудяхъ матери молока и при наличности большого голода у ребенка, стараются вызвать приливъ молока довольно грубыми средствами: мнутъ и надавливаютъ грудь. Если и послѣ такихъ усилій молока нѣтъ, то новорожденный оставляется безъ пищи иногда въ теченіе нѣсколькихъ (2—3) дней и утѣшается сосаньемъ собственныхъ пальцевъ.

Кормленіе грудью продолжается очень долго—два-три года. Я видѣлъ пятнадцатилѣтняго юнца, уже ходящаго на охоту и рыбную ловлю, но послѣ принятія пищи сосущаго грудь у матери, кормящей маленькаго брата его. „Обыкновенно, кормимъ до тѣхъ поръ, пока сами дѣти не бросаютъ“,— говорили мнѣ женщины-уди́на. Можетъ быть, столь продолжительное кормленіе грудью ведетъ къ тому, что у матери обыкновенно за третьимъ рожденіемъ изсыкаетъ молоко. Впрочемъ, не малую роль играетъ въ этомъ случаѣ и плохое питаніе кормилицы. Мнѣ привелось встрѣтить на р. Кѣмэ мать, молодую, но блѣдную и малогрудную женщину, у которой за вторымъ ребенкомъ не хватало молока. Правда, въ данномъ случаѣ бѣду легко можно было избыть: ребенку истекъ годъ, и я могъ указать пищу, которая могла замѣнить ему молоко матери. Но бываютъ случаи по истинѣ трагическіе. Уди́на не знаютъ употребленія молока ни коровъ, ни козъ, ни лосей. Поэтому дитя, въ случаѣ смерти роженицы или отсутствія у нея молока, обрекается на голодную смерть. Спасеніе въ данномъ случаѣ можетъ явиться только въ лицѣ другой кормилицы, которая раздѣлитъ свое молоко между чужакомъ и собственнымъ ди-

татею. Мнѣ лично не разъ приходилось видѣть такую трогательную помощь чужому дитяти.

Тутъ же, на р. Кѣмѣ, мнѣ сообщили, что далеко отъ ихъ поселенія въ глинистой почвѣ растетъ какая-то трава: если напоить ея сокомъ или настоемъ изъ ней женщину, у которой мало или совсѣмъ нѣтъ молока, послѣднее снова появится въ изобиліи. Какъ я ни упрасивалъ жителей селенія за щедрое вознагражденіе достать мнѣ этой рѣдкостной травы, никто не согласился отправиться за нею. И потому я сомнѣваюсь въ справедливости сообщеннаго мнѣ, хотя говорившіе настаивали на справедливости своего сообщенія, когда я высказывалъ сомнѣніе.

Слишкомъ рано дѣти удинѣ знакомятся, кромѣ молока матери, съ другою пищею, составляющею какъ бы переходъ къ пищѣ взрослыхъ. Такъ грудныя дѣти въ первый годъ своей жизни уже сосутъ кусочки сырого мозга, добываемаго изъ костей изюбря, и сырую печенку. Затѣмъ, послѣ появленія зубовъ, питаютъ дѣтей сырыми головами рыбъ, мясомъ и другими продуктами, употребляемыми въ пищу взрослыми. Замѣчу при этомъ, что дѣти начинаютъ курить табакъ съ 4 — 5-лѣтняго возраста, а водку пробуютъ на второмъ году. Какой-либо послѣдовательности питанія, чистоты груди, вытиранія рта ребенку — ничего этого не знаютъ матери-удинѣ. Единственно въ чемъ нельзя упрекнуть послѣднихъ — это въ привычкѣ засыпать въ постели съ ребенкомъ у груди.

Если къ сказанному присоединить несоблюденіе матерями-кормилицами никакой діеты касательно собственнаго питанія въ періодъ кормленія, то аргіогі легко допустить предположеніе о большой смертности дѣтей. Конечно, искать, среди разбросанныхъ по дебрямъ Приморской области дикарей, статистическихъ свѣдѣній о количествѣ умирающихъ ежегодно дѣтей и о причинахъ смерти было бы совершеннымъ безуміемъ: эта статистика дѣло очень отдаленнаго будущаго, когда среди удинѣ будутъ имѣть постоянное пребываніе доктора. Въ настоящее время приходится довольствоваться разспросными свѣдѣніями, источникомъ слишкомъ неопредѣленнымъ. „Много, много мретъ дѣтей“, — говорятъ обыкновенно вамъ удинѣ, не привыкшіе запоминать событія своей жизни.

Тѣмъ труднѣе по разспросамъ узнать причину смерти дѣтей, родъ болѣзни: незнанье русскими языка ихъ, равно неумѣнье со стороны полудикарей описать признаки болѣзни составляютъ непреодолимое препятствіе къ добыванію требуемыхъ свѣдѣній. Обо всемъ вышесказанномъ по части статистики смертности слѣдуетъ только пожалѣть, потому что наблюденія врачей доста-

вли бы драгоценный материалъ для сужденія о причинахъ вымиранія уднѣ¹⁾.

При вопросѣ объ одеждѣ дѣтей, мнѣ кажется, уднѣ руководятся мыслью, что дитяти годится всякое тряпье. Лѣтомъ дѣти ихъ бѣгають полуобнаженные или одѣтыя въ грязное платье, сшитое безъ всякой примѣрки. Материаломъ для дѣтской одежды служитъ даба и рыба кожа, равно кожа звѣрей, т. е. употребляютъ такіе матеріалы, которые способны раздражать кожу и производить сыпь.

Зато уднѣ не гнѣшатъ пеленаніемъ дѣтей, которое и доселѣ такъ распространено среди русскаго простонародья и полунтelligенціи. Къ сожалѣнію, соприкоснувшись на р. Сучаны съ русскими переселенцами, уднѣ позанистествовали этотъ вредный обычай, но и то немногіе.

Грудныя дѣти проводятъ время обыкновенно въ колыбели, а на рукахъ у матери бывають только во время кормленія. Имѣется у нихъ два вида зыбокъ: денныя и ночныя. Первыя дѣлаются изъ бересты или дерева и состоятъ изъ двухъ спилокъ, соединенныхъ подъ тупымъ или прямымъ угломъ. Края зыбки не высоки: въ одинъ-полтора вершка. Въ такую зыбку подстилають либо шерсти звѣря, либо тряпья, либо тальниковыхъ стружекъ; на подстилку укладываютъ ребенка и приврѣпленными съ обѣихъ сторонъ къ стѣнамъ зыбки веревочками или ремнями увязываютъ его такъ искусно, что оно не можетъ вывалиться изъ колыбели. Если дитя капризничаетъ и плачетъ, то мать или отецъ берутъ зыбку за верхнюю спинку, ставятъ ее угломъ (соединяющимъ обѣ спинки) между колѣнами и потихоньку укачивають плачущаго. Когда дитя уснетъ, зыбку ставятъ къ стѣнѣ на нарахъ, и ребенокъ спитъ какъ бы въ сидячемъ положеніи. Я одинъ разъ видѣлъ длинную, корытообразную зыбку, подвѣшенную, какъ въ русскихъ деревняхъ.

Ночная зыбка представляетъ небольшую корзину, сдѣланную по большей части изъ бересты, съ небольшою спинкою въ головахъ. По краямъ корзинка обшивается матеріей, а къ бортамъ ея пришиваються широкія полосы дрели или дабы, чтобы заворачивать ребенка. Въмѣсто матраца насыпается измельченная гнилушка; подъ голову вмѣсто подушки подкладывается высушенная тальниковая струганна. Поверхъ гнилушки кладется берестовая постилочка, съ нѣсколькими дырочками. Уложивъ ребенка, заворачивають его полосами дабы

¹⁾ Цыговжу здѣсь добытое на Сучанѣ: 1) въ семьѣ Ярѣ изъ двухъ дѣтей умерла отъ простуды дѣвочка одного года; 2) у брата Лойси умерло 7 дѣтей: какъ родились, такъ черезъ недѣлю-двѣ умирали, иныя выживали годъ; 3) у Чуминды умерла дѣвочка и двѣ сестры въ возрастѣ до 8 лѣтъ; 4) у старухи Орлуэго умерло изъ 6 сыновей—5; три умерли отъ оспы, два—отъ другой болѣзни; всѣ умерли въ дѣтскомъ возрастѣ, 5) изъ двухъ дѣтей отпа Чанхи одно и умерло не тѣло оспы, а отъ другой болѣзни. Уже эти блѣдныя цифры дають ясный намекъ на процентъ смертности дѣтей у орочей-уднѣ.

или дрели, перевязываютъ ремнями или веревочками и укачиваютъ на рукахъ, не то подвешиваютъ въ перекладниѣ юрты и качаютъ, какъ русскіе, выбку. Дѣтскія выдѣленія просачиваются черезъ дырочки берестовой подстилки и впитываются гилушкою, которую ежедневно перемѣняютъ; иногда же испражнения и моча дитяти удаляются изъ выбки посредствомъ особаго прибора, влагаемаго между ногъ дитяти и выходящаго черезъ дно колыбели наружу. Въ такомъ случаѣ выбка обязательно подвѣшивается.

Къ дну и спинкамъ дневной и ночной колыбелей привязываются различныя побрякушки: металлическія кольца, мѣдныя бляхи, кости собола, птичьи кости, зубы и челюсти различныхъ хищныхъ звѣрей, пуговицы, гильзы отъ ружейныхъ патроновъ. При качаніи выбки эти побрякушки производятъ шумъ, дѣйствующій, по мнѣнію удиһа, усыпляющимъ образомъ на дѣтей ¹⁾.

Обычай увязывать дитя въ выбкѣ, хотя и заставляетъ пребывать члены его тѣла въ неподвижномъ состояніи болѣе или менѣе продолжительное время, не приноситъ тѣхъ мученій, какія причиняетъ пеленаніе. Укладываніе же дѣтей въ выбку на спину, по всей вѣроятности, способствуетъ вдавливанію затылочныхъ бугорковъ, потому что при довольно многочисленныхъ измѣреніямъ я не встрѣтилъ рѣзко выраженныхъ этихъ бугорковъ.

Другихъ искаженій дѣтскаго тѣла, въ родѣ равнанія или правленія, удиһа не знаютъ, равно какъ не употребляютъ никакихъ искусственныхъ приспособленій для ходьбы и сидѣнья, предоставляя дѣйствовать природѣ и свободному развитію ребенка.

Что касается такъ называемыхъ „дѣтскихъ болѣзней“, то о нихъ не имѣется специальныхъ изслѣдованій; насколько удалось узнать путемъ разспросовъ, можно сказать, что дѣти ихъ переносятъ почти безболѣзненно появленіе первыхъ и вторыхъ зубовъ.

Время появленія первыхъ зубовъ—различно: оно колеблется между 8 и 15 мѣсяцемъ жизни дитяти. Оспы не прививаютъ. Въ одной семьѣ въ долині р. Та-Судуха была привита оспа врачомъ-корейцемъ. Отсутствие оспопрививанія является для дѣтей удиһа истиннымъ бичомъ Божиимъ: изслѣдователи подмѣтили, что оспа (чуфа) и лихорадка больше всего уноситъ дѣтей въ могилу. До послѣдняго времени единственными врачами отъ всѣхъ болѣзней для удиһа являются шаманы, о которыхъ рѣчь будетъ въ одной изъ послѣдующихъ главъ. Кромѣ того, пользуютъ себя травами и даже массажемъ ²⁾.

¹⁾ «Существуетъ повѣрье, что чѣмъ больше виситъ побрякушекъ, тѣмъ лучше спитъ ребенокъ», говоритъ г. Надаровъ (Op. cit. 84 стр.).

²⁾ ... «На полу юрты,—пишетъ г. Бѣльковичъ,—сидѣлъ раздѣтый человекъ, какъ оказалось потомъ, проводникъ команды 5-го баталіона, гольдъ Діоксай, или Икса, какъ звали его солдаты. Позади Иксы, стоя на колѣняхъ, помѣщалась еще молодая орошонка и натирала какой-то круглой костяжкой (какъ оказалось серьгой) голую спину Діоксая, отъ чего

Если у дитяти заболитъ животъ, то берутъ особую траву (колѣ), размачиваютъ ее въ холодной водѣ (она хранится обыкновенно въ засушенномъ видѣ), держатъ потомъ надъ паромъ, завернувъ предварительно въ бересту, потомъ эту припарку привязываютъ къ животу. Трудно сказать, что помогаетъ здѣсь болѣе: цѣлебная ли сила травы, или согрѣвающей компрессъ, но болящій, по заявленію удиіне, всегда выздоравливаетъ.

Родители часто играютъ съ своими дѣтьми; но я не могъ подмѣтить въ этихъ играхъ ничего соответствующаго русскимъ потѣшкамъ, въ родѣ кудерцевъ, ручекъ, ладошекъ, сорокъ, дыбовъ и т. п. Всѣ потѣшки родителей-удиіне ограничиваются подбрасываніемъ вверхъ и поцѣлуями, поглаживаніемъ головы и украшеніемъ волосъ ленточками и побрякушками. Вообще должно сказать, колыбель дитяти-удиіне не окружена тою материнскою поэзіею, которая, выражаясь въ колыбельной пѣснѣ, закладываетъ въ душѣ ребенка первыя понятія и первыя чувства. Укачивая младенца, мать-удиіне не поетъ надъ нимъ тѣхъ простыхъ, но задушевныхъ колыбельныхъ пѣсенокъ, которыя въ такомъ обиліи поются надъ дѣтьми другихъ народовъ.

Съ первыхъ дней своего бытія ребенокъ-удиіне охватывается той монотонной, суровой и сѣренькой ежедневностью, которая будетъ сопровождать его до могилы. Много предстоящаго горя слышится въ однообразно-тягучемъ колыбельномъ припѣвѣ „э-э-э!“ или вариациі его: „бай-бай, мой маленький! Не плачь, спи скорѣ!“

Подросши и получивъ способность самостоятельно двигаться, дитя лишается почти родительскаго вниманія и предоставляется самому себѣ. Въ эту пору своей жизни оно, по своему, начинаетъ интересоваться окружающими предметами и развлекается ими. Это періодъ игръ и игрушекъ, золотая пора дѣтства. Какъ и всюду, это лучшее время жизни удиіне. Хотя отецъ, принужденный или напрягать свои силы для добыванія пищи, или предаваться цокою и бездѣятельности послѣ сильнаго напряженія, и мать, вѣчно занятая тысячею мелочныхъ заботъ, не могутъ итти навстрѣчу пробуждающейся потребности въ играхъ; однако, оно само находитъ и способы и средства удовлетворять естественную потребность организма въ дѣятельности.

у послѣдняго образовались красныя полосы на тѣхъ мѣстахъ, кои подвергались натиранию. Это былъ орошонскій способъ лѣченія простуды, такъ какъ Діоксай жаловался, что у него сильно ломитъ спину. Способъ этотъ, по словамъ пациента, приноситъ скорое облегченіе—и, дѣйствительно, черезъ полчаса Діоксай чувствовалъ себя совершенно здоровымъ. Этотъ способъ, повидному, имѣетъ много общаго съ массажемъ, и разница только въ томъ, что орошоны вмѣсто рукъ употребляютъ твердую косяжку, которая быстро раздражаетъ, какъ кожу, такъ равно дѣйствуетъ и на мускульную систему, восстанавливая правильное кровообращеніе». (Труды Пріам. Отд. за 1895 г.)

Вглядываясь въ игры дѣтей-уди́нѣ, невольно приравнишь къ нимъ выраженіе: „время игръ—это элементарный классъ жизни“. Въ самомъ дѣлѣ, подражая взрослымъ, они сами себѣ изъ жизни берутъ развлечения.

Вертясь около отца, когда онъ куетъ острогу или удочки, сынъ выпроситъ себѣ крючекъ или остріе остроги. Ставъ съ своею игрушечною острогою на выдавшемся въ воду мыскѣ или на большомъ камнѣ, иногда на специально для того сдѣланной изъ бревенъ кладкѣ, онъ бросаетъ приманку и учится колотъ подплывающую на нее рыбу.

Или онъ стрѣляетъ нарочито приготовленными безъ желѣзныхъ наконечниковъ стрѣлами изъ лука, развивая столь необходимую охотнику вѣрность и остроту зрѣнія.

Или имѣющимся у него ножичкомъ вырѣзываетъ изъ дерева баты, оморочки, пуская ихъ затѣмъ по рѣкѣ. Или онъ рѣзвится съ собаками, будущими его товарищами на охотѣ и во время поѣздокъ, или возится съ пойманною сорокою или другою птицею, подмѣчая ея нравъ и особенности. Весьма часто собирается толпа мальчиковъ и прыгаетъ взапуски съ высокаго бугорка, стараясь сдѣлать прыжокъ побольше. Часто борятся, очень часто купаются въ рѣкѣ, а еще чаще перебрасываются камешками или пескомъ изъ высокаго ствола болиголовы.

Дѣвочки почти ни въ чемъ не отстаютъ отъ мальчиковъ, но чаще вертятся около матерей и ведутъ себя сдержаннѣе.

Такимъ образомъ, игръ, въ нашемъ смыслѣ слова, дѣти-уди́нѣ не знаютъ; они въ играхъ приучаются къ дѣлу, которое будетъ источникомъ ихъ благосостоянія. И очень быстро проходитъ для дѣтей-уди́нѣ это золотое время беззаботнаго веселья. Мальчикъ 11—12 лѣтъ уже помогаетъ отцу на охотѣ и рыбной ловлѣ; дѣвочка же въ эти годы часто становится невѣстою или женою, т.-е. работницею.

Что касается игрушекъ, то мнѣ привелось узнать лишь одну — погрешку: сдѣлана она изъ бересты и обтянута рыбьей кожей, наполнена мелкими камешками. На этотъ счетъ дѣти-уди́нѣ очень не избалованы. Я видѣлъ, какъ годовой ребенокъ часа два игралъ крышкою отъ банки съ консервами. Несмотря, однако, на скудость игрушекъ и развлеченій, на полное почти невниманіе родителей къ дѣтямъ, на отсутствіе наказаній, маленькіе уди́нѣ ведутъ себя довольно хорошо: не капризничаютъ и не надоедаютъ старшимъ своими приставаньями. Мнѣ такое поведеніе дѣтей всегда бросалось въ глаза, при посѣщеніи и жизни въ юртахъ. Въ русскихъ деревняхъ почти постоянно слышишь вопли дѣтей, а въ стойбищахъ уди́нѣ ихъ слышать приходится рѣдко. Можетъ быть, отсутствіе заботы о развлеченияхъ дѣтей побуждаетъ послѣднихъ поменьше разсчитывать на услуги взрослыхъ. Послѣдніе очень

рано вносить въ отношенія къ дѣтамъ ту сдержанность и холодность, которыя рѣзко бросаются въ глаза наблюдающему отношенія членовъ семьи между собою.

ГЛАВА XIII.

Бракъ.

Мнѣ приходится въ двухъ послѣднихъ главахъ работы о тазахъ касаться такихъ сторонъ быта этого народа, гдѣ замѣчается наибольшая путаница и потемнѣнныя старины. На бракъ и религіозныя воззрѣнія этихъ неустойчивыхъ дикарей наибольшее вліяніе оказали сосѣди — голыды и китайцы. Впрочемъ, долженъ оговориться, что изучавшіе жизнь уди́на не собрали въ достаточной полнотѣ матеріаловъ, мало обративъ вниманія на названія родни, на остатки патріархальной семьи и т. п. мелочи, конимъ современная фольклористика придаетъ огромное значеніе; но нѣтъ никакого сомнѣнія, что нынѣшній бракъ уди́на мало напоминаетъ то, чѣмъ онъ былъ у нихъ въ старину. Измѣнившіяся условія экономическаго быта, сильное давленіе китайцевъ, дорожащихъ ороchonками, какъ работницами, и платящихъ за нихъ подчасъ крупныя суммы, повели къ тому, что уди́на заботятся лишь о томъ, чтобы женщина — невѣста досталась своему, а не китайцу или голыду.

Постараюсь теперь нарисовать картину современнаго брака, какъ онъ сохранился у ороchonъ-уди́на. Общепринятомъ для брачной жизни возрастомъ считается 15—17 лѣтъ. Для родителей, имѣющихъ сына въ этомъ возрастѣ, возникаетъ забота устроить ему семью. Конечно, еще раньше начинается мелькать у родителей мысль о невѣсткѣ, и они высматриваютъ ее у своихъ сосѣдей. Главную роль играетъ въ данномъ случаѣ отецъ, хотя въ настоящее время все чаще и чаще высматриваетъ себѣ невѣсту самъ женихъ. Роль родителей остается главенствующею только тогда, когда засватываютъ грудныхъ или малолѣтнихъ дѣтей.

Когда подходящая „дѣвка“, какъ называютъ уди́на невѣсту по-русски, найдена, причѣмъ главными достоинствами ея считаются работоспособность и хозяйственность, тогда наступаетъ время сватовства. Въ качествѣ свата посылается дядя или кто-нибудь изъ родни, кого считаютъ человѣкомъ положительнымъ и почтеннымъ. По моимъ свѣдѣніямъ, родители никогда не отправляются въ качествѣ сватовъ, если сватать приходится за взрослога сына; но г. Надаровъ (Op. cit., 80 стр.) утверждаетъ, что отецъ, высмотрѣвъ въ какомъ-нибудь семействѣ на р. Хорѣ или Иманѣ дѣвушку, годную въ невѣсты сыну, отправляется къ отцу послѣдней для переговоровъ.

Посланные сваты, явившись въ юрту невѣсты, ведутъ съ отцомъ послѣдней переговоры, сущность которыхъ сводится къ тому, что такому-то нужна невѣста, у тебя есть дочка, не отдашь ли ты ее за него. Согласіе или несогласіе дается родителями сватаемой дѣвушки; спрашивать самое невѣсту о согласіи быть женою такого-то не принято у уди́н. Впрочемъ, подъ вліяніемъ русскихъ поселенцевъ, кое-гдѣ молодежь заявляетъ свои права. Протестантамъ приходится прибѣгать къ рѣшительнымъ средствамъ. „Мнѣ извѣстенъ, пишетъ г. Надаровъ ¹⁾, только одинъ случай, когда ороchonка вышла замужъ за китайца по любви. Она была назначена въ невѣсты одному ороchonу, но любила китайца и убѣжала вмѣстѣ съ нимъ отъ родителей“. Къ счастью, подобныя случаи теперь не составляютъ исключенія. Лично мнѣ довелось слышать отъ одной дѣвушки—уди́н слѣдующее заявленіе по этому поводу: „Мнѣ что воля отца! Алешку люблю, за Алешку и пойду замужъ“!

Этотъ Алешка, по фамиліи Очопъ, сынъ ороचना изъ Императорской гавани, хорошій плотникъ и франтъ, носящій европейскую шляпу и мундиръ англійскаго моряка, хорошо говорящій по-русски, сватался нѣсколько разъ за упомянутую дѣвушку. Онъ предлагалъ ей отцу 100 и 150 рублей „тори“, т. е. выкупа; но упрямый старикъ денегъ не принималъ, а искалъ такого жениха, у котораго была бы сестра-дѣвушка, чтобы вымѣнять ее на свою дочь для своего старшаго сына. Въ мою бытность Алешка дѣлалъ рѣшительный шагъ: не желая ссориться съ будущимъ тестемъ, онъ пытался склонить его уступить дочку за деньги, потому что сестры у него нѣтъ. Если старикъ не уступитъ его просьбамъ, то онъ рѣшилъ украсть ее въ то время, какъ отецъ уйдетъ на охоту.

Когда получено согласіе родителей дѣвушки, сваты возвращаются въ юрту жениха и объявляютъ о томъ родителямъ его. Отецъ, а за неимѣніемъ такового, старшій братъ, отправляется къ родителямъ невѣсты и уговаривается насчетъ „тори“, или выкупа.

Послѣдній когда-то игралъ огромную роль въ процессѣ бравосочетанія, да иногда и теперь еще имѣетъ рѣшающее значеніе. Размѣръ его колеблется отъ 50 до 100 руб. деньгами, соболями или товарами (дрель, табакъ, шелковая матерія). Иногда отецъ жениха, отправляясь торговаться относительно „тори“, захватываетъ съ собою подарки и угощаетъ ханшиномъ родителей невѣсты.

Если женихъ сватается самъ, то процедура торгова упрощается. На р. Та-Судухэ живетъ уди́н Тодинъ, который взялъ жену на р. Сучайнѣ. Онъ жилъ отъ фанзы будущаго тестя въ разстояніи 10 верстъ, часто ходилъ туда, дружилъ съ братьями своей жены. Когда у него накопилось достаточно денегъ, онъ спросилъ своихъ друзей, отдадутъ ли родители за него ихъ

¹⁾ Op. cit. 86 стр.

сестру. Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ заплатилъ тестю тори табакомъ и старыми манзовскими серебряными талерами и взялъ жену.

Послѣ того, какъ торгъ изъ-за тори между родителями брачующихся оконченъ, до самой свадьбы иногда бываетъ очень далеко: женихъ подчасъ годъ и два выплачиваетъ выкупъ. Хотя сговоръ ведется словесно, но свято соблюдается: рѣдко бываютъ случаи, чтобы засватанная дѣвушка выдана была за другого. Пока тори не выплачено, невѣста находится въ домѣ родителей. Женихъ навѣщаетъ, даритъ серьгами, браслетами, но не спитъ. Впрочемъ, смотря по уговору, иногда невѣста отправляется въ домъ жениха до уплаты выкупа. Со времени выплаты тори она становится собственностью жениха и его семьи.

Но вотъ выкупъ отданъ, и начинается свадьба, которая у тазовъ совершается очень просто. Родители жениха и этотъ послѣдній принимаютъ у себя свадебныхъ гостей, родныхъ и знакомыхъ (сородичей). Сюда-же приходятъ родители невѣсты и она сама, разодѣтая въ новое нарядное платье (пшанъ). Свадебный пиръ продолжается отъ двухъ дней до двухъ недѣль. Гости много ѣдятъ и много пьютъ ханшина и чаю. Готовятъ лапшу, пельмени, мясо свиньи или дикаго звѣря, убитаго наканунѣ свадьбы, разные овощи. Если пиръ по какой-либо причинѣ затянется, то обходится жениху дорожее „тори“. Вышеупомянутому Тодину пришлось, вслѣдствіе распутицы, прокормить гостей десять дней, и свадьба стоила ему до 500 рублей.

Во время свадебнаго пира происходитъ окончательная выплата тори, причемъ родители невѣсты большую часть берутъ себѣ, а меньшую, особенно матерію, отдають дочери.

Если женится одинокій человѣкъ, то свадебный пиръ происходитъ въ домѣ невѣсты. По свидѣтельству г. Пель-Горскаго, удиѣе р.р. Имана, Викина и Ваку всегда совершаютъ брачный пиръ въ домѣ невѣсты. Нужно замѣтить, что на указанныхъ рѣкахъ, подъ вліяніемъ манзъ, въ составъ брачнаго обряда вошла такъ называемая „брачная чаша“. Подъ конецъ свадебнаго пира въ домѣ невѣсты, передъ отъѣздомъ ея въ фанзу жениха, стелютъ коверъ или цвѣтную циновку; женихъ и невѣста становятся на колѣняхъ лицомъ другъ къ другу. Одинъ изъ присутствующихъ, только не родственникъ, наливаетъ двѣ чашечки водкою и подноситъ новобрачнымъ, сперва жениху, потомъ невѣстѣ. Они мѣняются чашечками и пьютъ. Имъ подносятъ второй разъ, и бракъ совершенъ ¹⁾.

По окончаніи свадебнаго пира, мать жениха или невѣсты въ особой части балагана, предназначенной для новобрачныхъ, приготовляетъ постель

¹⁾ Ор. Надарова ор. cit. стр. 87.—Труды Пр. отд. за 1895 г. стр. 28.

и приглашаетъ жениха спать. На это ложе приходитъ къ нему и невѣста. Другіе спятъ на другой половинѣ балагана. По свидѣтельству г. Надарова (*ibid.* 87), на р. Хорѣ послѣ свадебнаго пира молодые садятся въ ботъ и отправляются внизъ или вверхъ по рѣкѣ отъ юрты родителей. Не вдалекѣ отъ нея они строятъ себѣ балаганъ и проводятъ въ немъ первую ночь. На слѣдующій день они возвращаются въ юрту родителей и считаются мужемъ и женою. Одинъ или два дня молодая не работаетъ, а затѣмъ начинается для нея обыденная сѣренькая жизнь, полная заботъ и труда по хозяйству.

Таковъ брачный обычай уди́нѣ. Онъ нарушается различными случайностями и больше всего переѣнами экономического и національнаго характера.

Если родители сосватали малолѣтнихъ, то невѣста или живетъ въ своей семьѣ до совершеннолѣтія жениха, или въ семьѣ послѣдняго. Желаніе имѣть въ домѣ работницу часто побуждаетъ родителей къ пятилѣтнему жениху брать невѣсту 12—15 лѣтъ.

Малочисленность женщинъ, упадокъ экономического благосостоянія уди́нѣ вслѣдствіе малочисленности звѣря и эксплуатаціи манъзъ, желаніе послѣднихъ пріобрѣтать тазачекъ въ жены—все это сильно затрудняетъ уди́нѣ въ добычаніи невѣсты. Съ одной стороны, всеобщее обѣднѣніе побудило значительно понизить размѣры „тора“. Весьма часто бываютъ случаи, что родители отдають свою дочь безъ всякой платы въ зажиточную семью, не будучи въ состояніи прокормить ее. Но нельзя сказать, что уди́нѣ совершенно покидаютъ тора. По сообщенію та-судухинскихъ уди́нѣ, даже при бесплатномъ полученіи невѣсты, женихъ обязанъ дать родителямъ ея—двѣ маленькихъ манзовскихъ чашечки, два трезубца для рыбы, двѣ красивыхъ берестянки для соли. Если же бываютъ случаи, что женихомъ не выполняются и эти скромныя требованія, то угощеніе, хотя самое скромное, обязательно.

Съ другой стороны, конкуренція манъзъ, людей денежныхъ, ведетъ къ тому, что многіе уди́нѣ осуждаются на невольное одиночество. Мнѣ лично приходилось встрѣчать до десятка бобылей, которые въ теченіе сорока лѣтъ не собрали денегъ для покупки жены.

Малочисленность женщинъ значительно ухудшаетъ положеніе молодой въ семьѣ мужа. По большей части женившійся сынъ выдѣляется изъ семьи и заводитъ свое самостоятельное, не хитрое хозяйство. Если же не выдѣляется, то молодая женщина, признавая авторитетъ свекрови, не можетъ жаловаться на дурное обращеніе мужа и его родни. И положеніе женщины не ухудшается даже въ томъ случаѣ, когда женихъ принадлежитъ къ чужой фамиліи, къ другому роду. Я самъ видѣлъ, какъ старуха-свекровь ласкала и наряжала купленную для сына восьмилѣтнюю дѣвочку, не заставляя ее даже дрова носить, т. е. исполнять самую легкую женскую работу. Разводы рѣдки, но

бываютъ. Происходятъ они тогда, когда родные жены видятъ, что зять, по болѣзни или лѣни, не можетъ прокормить семью, или когда онъ и его родичи худо обращаются съ женою. Препятствіемъ къ разводу обыкновенно служить уплата тори: но разъ родители жены уплатили выкупъ, женщина дѣлается свободною. Если же мужъ по своей волѣ возвратитъ дочь родителямъ, то выкупъ не уплачивается. Дѣти, хотя временно и отдаются женѣ для прокорма, принадлежатъ отцу, который одинъ имѣетъ право выдавать своихъ дочерей замужъ и получать за нихъ тори. Впрочемъ, развитіе гуманности повемногу смягчаетъ этотъ суровый по отношенію къ матери законъ.

Хотя законъ удиѣ не ограничиваетъ количества женъ, но, въ силу указанныхъ выше причинъ, нынѣ рѣдко встрѣчается тазъ, имѣющій двухъ женъ. Лично я зналъ двухъ такихъ удиѣ, но ни одного не знаю такого, у котораго было бы три или четыре супруги.

Замѣчательно, что обѣ жены относятся другъ къ другу сдержанно, но холодно; первенство принадлежитъ той, которая старше возрастомъ и пріобрѣтена раньше. Мнѣ лично приходилось наблюдать только добрыя отношенія между женами одного и того же таза. Но нѣкоторые изслѣдователи утверждаютъ, что при нѣсколькихъ женахъ ссоры между ними доходятъ до кровавой расправы, почему сами тазы говорятъ, что нѣсколько женъ худо.

Едва ли находится въ связи съ какою-либо изъ вышеуказанныхъ причинъ то обстоятельство, что изъ-за женщинъ совершается рядъ битвъ и кровавыхъ исторій „Выпадаетъ такъ, пишетъ г. Надаровъ (Op. cit. 85—86 стр.), что ороchonъ съ Хора украдетъ чужую жену на Бикинѣ или наоборотъ. Тогда потерпѣвшій подбираетъ себѣ партію (войско), отправляется къ похитителю и, если застанетъ его врасплохъ, отымаетъ украденную жену, а виновнаго, если онъ не успѣетъ скрыться, бьютъ. Если же укравшій узнаетъ о приближеніи непріятеля, то также съ своей стороны подбираетъ партію, и тогда происходятъ цѣлыя битвы, но исключительно на холодномъ оружіи. Пускаютъ въ ходъ копья, стрѣлы, а схватившись въ рукопашную, ножи... Побѣдителю въ битвѣ достается украденная жена“...

Брадутъ женщинъ у тазовъ не только одноплеменники, но гольды ¹⁾ и манзы. Въ особенности жестоко мстятъ тазы за кражу женщинъ китайцамъ, которыхъ ненавидятъ, какъ эксплуататоровъ. Въ одной изъ предыдущихъ главъ я сообщалъ уже о трагической судьбѣ семьи таза Ольбау, равно приводилъ характерное прошеніе другого удиѣ.

Лично мнѣ не приходилось слышать о похищеніи женщинъ. Алѣшка Очопъ, собираясь увести невѣсту, не говорилъ мнѣ ничего о возможной битвѣ. Другіе изслѣдователи ничего не говорятъ о войнахъ и битвахъ между тазами

¹⁾ См. Труды Пирамур. Отд. И. Р. Г. Об. за 1895 г.

изъ-за похищенныхъ дѣвушекъ. Поэтому на рассказанное г. Надаровымъ слѣдуетъ смотрѣть, какъ на мсть за оскорбленіе правъ мужа.

Нельзя не пожалѣть, что г. Надаровъ, изучавшій бытъ удіе лѣтъ пятнадцать тому назадъ, мало заинтересовался сообщеніемъ о битвахъ изъ-за женщинъ и не поинтересовался спросить, не похищаютъ ли невѣсты и не воюютъ ли изъ-за похищенныхъ дѣвушекъ, никому, кромѣ родителей, не принадлежащихъ.

Весьма мало обратили наши предшественники вниманія и на вопросъ: въ какомъ предѣлѣ ограничиваются браки или чѣмъ. Мнѣ лично пришлось добыть рядъ сбивчивыхъ свѣдѣній, потому что южные орочны сильно растеряли старину. Лѣта, на примѣръ, играютъ незначительную роль въ ограниченіи брака, родство же кладетъ ему предѣлы, но до какой степени? Престарѣлая Орлгуэго отвѣтила мнѣ, что мужемъ ея былъ дядя по отцу. Проводникъ Кинцаръ сказалъ, что нельзя жениться на своей сестрѣ, на своей дочери, на своей племянницѣ, на двоюродной сестрѣ. На рѣкѣ Кемѣ мнѣ сообщили, что братья родные могутъ жениться на сестрахъ; а родные и двоюродные сестры и братья между собою не брачатся. Вообще родство сильно перепутано у тазовъ; оно забывается, особенно потому, что они не всегда живутъ долго на одномъ мѣстѣ. Можетъ быть, эта путаница въ родствѣ повлекла за собою путаницу и въ брачномъ обрядѣ. Царящая въ послѣднемъ путаница особенно станетъ ясною, когда столкнешься съ правилами семейной жизни.

„По словамъ самихъ орочонъ, пишетъ г. Бѣльковичъ¹⁾, ихъ жены очень вѣрныя супруги, и не бывало примѣра, чтобы ороchonка нарушила супружескую вѣрность, если только мужъ ея находится при ней; если же мужъ или, какъ орочны говорятъ, „мужка“ по какому-либо случаю находится въ долгомъ отсутствіи, то жена или, какъ они называютъ, „бабушка“, по ихъ словамъ, иной разъ начинаетъ пошаливать, причемъ въ данномъ случаѣ другомъ дома является (какъ и надлежитъ тому быть) какой-нибудь молодой парень-орочонъ же: мужа въ такихъ случаяхъ, какъ кажется, не бываютъ очень ревнивы и продолжаютъ тихо и мирно жить со своими „бабушками“. прощая имъ ихъ легкомысліе. Къ людямъ же постороннимъ, т. е. въ русскимъ и китайцамъ, орочны въ данномъ случаѣ относятся очень недоувѣрчиво и всегда готовы жестоко отомстить за поруганную честь своихъ женъ“. Но рядомъ съ нимъ г. Пель-Горскій (ibid.) сообщаетъ, что нравственность ороchonъ иногда стоитъ очень низко. Мужья иногда за деньги, водку или опиумъ продаютъ своихъ женъ и дочерей. Впрочемъ, онъ склоненъ видѣть здѣсь исключеніе, простую распушенность, вслѣдствіе близости китайцевъ

¹⁾ См. Труды Приамур. Отд. за 1895 г.

(наблюдаемый имъ случай происходилъ около китайскаго кордона, противъ устья р. Имана), въ глуши же тайги супружеская вѣрность сохраняется въ большей чистотѣ.

По словамъ тазовъ, въ старину нарушенія вѣрности со стороны жены вызывали кровавую расправу мужа. Удиһэ, заставъ жену *in flagrante delicto*, могъ убить и соблазнителя и жену, приче́мъ его не судили, и даже родственники жены не мстили ему. Другіе сообщали, что мужъ могъ жаловаться на соблазнителя обществу, и послѣднее присуждало виновнаго уплатить обиженному штрафъ-халатъ или опредѣленное количество шелку. Наконецъ, третьи прибавляли, что обманываемый женою мужъ можетъ сердиться на нее, бить ее, но жаловаться на нее обществу не можетъ.

Если бы шалости жены съ другими мужчинами, въ отсутствіе мужа, окончились беременностію, то родившееся дитя остается въ живыхъ, но обманутый мужъ считалъ его „чужимъ“. Если соблазну поддается дѣвушка и рождаетъ дитя, то родители узнаютъ отъ нея виновника позора, и послѣдній обязанъ жениться на увлеченной ¹⁾).

Но рядомъ со сказаннымъ слѣдуетъ сопоставить слѣдующій эпизодъ изъ моей экспедиціи. Переводчикъ-удиһэ подружился съ моимъ счетчикомъ по переплыву населенія по берегу Великаго океана. На пути во Владивостокъ, куда я везъ съ собою и таза, какъ-то разговорились друзья о предстоящемъ прибытіи въ городъ.

— Какъ прійдемъ домой (во Владивостокъ), говоритъ мой счетчикъ, ты во мнѣ отправишься. У меня свой домъ, помѣстимся.

— Къ тебѣ пойду, ходя (другъ), соглашается удиһэ. А „бабушка“ у тебя есть въ юртѣ?

— Есть; она насъ угостить хорошо. Важно отдохнемъ послѣ скитаній по тайгѣ.

— А ты, ходя, мнѣ „бабушку“ свою дашь на ночь? откровенно спрашиваетъ ороочоъ.

— Вишь, чортъ печеный, чего захотѣлъ! невольно воскликнулъ счетчикъ. А ты бы мнѣ далъ свою бабушку, если бы я пришелъ въ твою юрту? спросилъ онъ.

— А какъ же иначе, конечно, далъ бы, спокойно и серьезно отвѣчалъ ему удиһэ: ты мнѣ все равно братъ, свой человекъ, тебѣ можно и „бабушку“ мою дать на ночь“. Присоединилъ къ этому, что невинность невѣсты не играетъ никакой роли при заключеніи браковъ, что полиандрія, т. е. много-

¹⁾ Помню, Алѣшка Очовъ говорилъ мнѣ какъ-то, что хочетъ такъ поступить съ дочкою неговорчиваго удиһэ. «Тогда поневолѣ отдастъ за меня и выкупа не получитъ ни копейки», говорилъ онъ смѣясь.

мужества, удивѣ не знаютъ и удивляюся, какъ можетъ быть нѣсколько мужей у одной женщины, и постараемся разобраться въ приведенныхъ фактахъ.

Вдумываясь въ разрозненныя явленія брачнаго обряда современныхъ тазовъ, я новольно склоняюсь къ мысли, что эти факты и явленія могутъ быть объяснены только при принятіи мнѣнія Дж. Леббока о происхожденіи брака. Въ своемъ извѣстномъ трудѣ „Начало цивилизаціи“. (Спб. 1895 г. гл. III—IV) онъ, вопреки Мак-Леману, Бахофену и Моргану, устанавливаетъ слѣдующія ступени въ развитіи брака: первоначальный общинный бракъ постепенно замѣнился индивидуальнымъ бракомъ, основаннымъ на похищеніи; это повело къ экзогаміи. Эндогамію и правильную полиандрію онъ считаетъ исключительными явленіями, не входящими въ нормальный прогрессъ развитія брака.

Повторяю, что современный бракъ удивѣ до-того утратилъ старину, что надо снимать слой за слоемъ позднѣйшіе придатки и искаженія, чтобы отыскать крохи первобытности.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ можно объяснить то явленіе, что нравственность жены ограничивается наличностью мужа; разъ онъ отлучился, жена его дѣлается легко доступною для всякаго таза. Если-бы не существовало по традиціи, идущей изъ старины глубокой, мысли, что когда-то, при общинномъ бракѣ, женщина принадлежала всѣмъ мужчинамъ одного племени, то едва ли бы тазачки были такъ доступными. Конечно, въ силу эволюціи и другихъ обстоятельствъ, общность женщины нынѣ переходитъ всякія границы, потому что тазачками пользуются свободно, въ отсутствіе мужей, и голды, и китайцы, и русскіе; но въ основѣ ея лежитъ, несомнѣнно, идея общиннаго брака.

Мщеніе за нарушеніе супружескихъ правъ примѣнялось первоначально къ чужимъ мужчинамъ, а не своимъ, какъ и сообщаетъ г. Бѣльковичъ. Разговоръ проводника съ моимъ счетчикомъ совершенно напоминаетъ случай съ англійскимъ миссіонеромъ въ Австраліи Вольмеромъ (Леббокъ, вѣд. 65 стр.) и доказываетъ только, что всякій мужчина, ставшій братомъ другого, получалъ права и на жену его.

Какъ объяснить обычай, чтобы молодые на лодкѣ уѣзжали изъ дома родителей и проводили въ уединенномъ балаганѣ первую ночь? Какъ объяснить обычай, что мужъ, вернувшись домой изъ долгой отлучки, войдя въ фанзу, не говоритъ ни слова женѣ и даже не обращаетъ на нее вниманія. Та, въ свою очередь, и не взглянетъ на мужа, какъ будто совершенно незнакомая?

Первый обычай, по моему, находитъ свое объясненіе въ индивидуаль-

номъ бракѣ, основанномъ на похищеніи. Въ немъ звучитъ слабою нотой отзывъ той старины, когда мужчина, захватившій женщину другого племени, приобреталъ индивидуальное и особое право на нее, тогда какъ она же не имѣла никакого права на присвоеніе исключительно себя женщины своего племени.

Второй обычай снова возвращаетъ насъ къ общинному браку: если ни одна женщина не могла посвятить себя одному мужчине своего племени, то какъ она могла при другихъ показывать ему свое исключительное расположеніе!

Не разъ подчеркнутое изслѣдователями быта удивительное стремленіе брать невѣсту изъ чужого племени прямо указываетъ на позднѣйшую стадію въ развитіи брака — экзогамію.

Многоженство, бытующее и понынѣ, хотя съ каждымъ десятилѣтіемъ становящееся болѣе рѣдкимъ, прекрасно объясняется не только указанными Либбоккомъ (16. 100 стр.) причинами, но и желаніемъ имѣть лишнюю работницу. Совершенно оправдываютъ мнѣніе только что названнаго англійскаго ученаго о полиандріи тѣ исключительныя явленія, когда одною тазакою на правахъ мужей пользуются тазъ и китаецъ или два таза. Подобные случаи, должно сказать, въ послѣднее время становятся чаще. Эндогаміи, кажется, не существуетъ среди удива, а если существуетъ, то представляетъ рѣдкое исключеніе.

ГЛАВА XIV.

Религіозныя вѣрованія.

Если, по справедливому замѣчанію г. В. М. Михайловскаго¹⁾, изъ всѣхъ отдѣловъ этнографіи самымъ труднымъ представляется тотъ, въ которомъ подвергаются научному изслѣдованію воззрѣнія народовъ, стоящихъ на нижнихъ ступеняхъ развитія, на явленія окружающаго міра, то тѣмъ болѣе труднымъ представляется изложеніе религіозныхъ воззрѣній удива. Трудность эта обусловливается, съ одной стороны, тѣмъ, что въ этой области наиболѣе затемнена старина сильнымъ вліяніемъ китайцевъ или гольдовъ, подавшихъ вліянію китайцевъ, равно проповѣдью православныхъ миссіонеровъ, вносящихъ въ матеріалистическое пониманіе удива струю возвышеннаго христіанскаго богопознанія. Впрочемъ, вліяніе христіанской проповѣди отразилось

¹⁾ В. М. Михайловскій: Шаманство. Извѣстія И. Общ. люб. ст., амур. и этногр. Т. LXXV. 1892; кн. 12.

на воззрѣніяхъ уди́не слишкомъ мало и только охватило нѣкоторые районы.

Съ другой стороны, незнаніе языка уди́не дѣлало для изслѣдователей почти невозможными разспросы для истиннаго уразумѣнія міропониманія дикарей. Помню, какъ я былъ удивленъ при первомъ знакомствѣ съ престарѣлою тазачкою Ормичуэко, которая на вопросъ о Богѣ, какъ творецъ вселенной, энергически говорила мнѣ: „никакого такого бога у тазовъ нѣтъ“. Въ виду сказаннаго для возможно болѣе яснаго пониманія того, что представляютъ нынѣ религіозныя воззрѣнія уди́не, постараюсь въ краткихъ словахъ изложить, какъ современная наука представляетъ постепенное развитіе религіозныхъ вѣрованій.

По словамъ Леббока ¹⁾, самую низкую степень религіи составляетъ вѣрованіе „въ существованіе злыхъ существъ, менѣе матеріальныхъ, чѣмъ мы, но, подобно намъ, смертныхъ, и хотя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ обладающихъ силами, превосходящими наши, но зато въ другихъ уступающихъ намъ“.

Фетишизмъ представляетъ слѣдующую ступень, гдѣ религіозныя вѣрованія болѣе систематизированы и приобрѣтаютъ болѣе важное значеніе.

„Послѣдующей стадіей прогресса религіозныхъ вѣрованій является та, которую можно назвать „тотемизмомъ“. Въ ней дикарь не отказывается отъ вѣры въ фетишизмъ, но присоединяетъ къ ней вѣрованія въ существа высшія и менѣе матеріальныя. Въ этой стадіи предметомъ поклоненія могутъ быть—деревья, камни, горы, рѣки, животныя; но здѣсь уже не считается возможнымъ дѣйствовать на высшія божества путемъ колдовства. Душамъ умершихъ предстоитъ трудное и опасное путешествіе.

Шаманизмъ представляетъ дальнѣйшій шагъ впередъ, въ смыслѣ болѣе возвышеннаго пониманія религіи. Въ тотемизмѣ божества живутъ на землѣ; въ шаманизмѣ они живутъ въ своемъ особомъ мірѣ и мало заботятся о томъ, что происходитъ съ людьми. Шаманъ пользуется случайною честью посѣщенія божества.

Наконецъ еще ступеню выше стоитъ идолопоклонство, которое ошибочно считали религіею, общею для всѣхъ низшихъ расъ, смѣшивая его съ фетишизмомъ. Послѣдній прямо противоположенъ идолопоклонству: фетишизмъ есть наступательное отношеніе къ божеству, а идолопоклонство—полное, хотя и грубое, подчиненіе ему. Идоламъ обыкновенно придаютъ человѣческую форму, и идолопоклонство тѣсно связано съ формою религіи, заключающейся въ поклоненіи предкамъ. Сказаннымъ исчерпываются низшія умственные стадіи, чрезъ которыя проходили вѣрованія.

¹⁾ Начало цивилизаціи. Изд. 2-ое, глава VIII.

И всѣ эти стадіи, за исключеніемъ первой, самой низкой, находятъ себѣ отголосокъ въ сохранившихся доселѣ религіозныхъ вѣрованіяхъ уди́нъ, что будетъ видно изъ послѣдующаго изложенія.

При первомъ вопросѣ о религіи большая часть уди́нъ отвѣчаетъ: „молимся китайскому богу“. Дѣйствительно, сознательно или бессознательно, но они стараются исполнять, подобно китайцамъ, всѣ религіозные обряды. Во всякомъ болѣе многолюдномъ поселеніи тазовъ имѣется китайская кумирня.

Вотъ описаніе одной изъ видѣнныхъ мною кумиренъ, остальные же представляютъ самыя незначительныя отличія.

Небольшое, около 4-хъ аршинъ въ длину и ширину, зданіе, съ двускатною крышею изъ соломы, такова кумирня. Вся она выстроена изъ дерева, но задняя и боковыя стѣны тщательно обмазаны глиною. Лицевая сторона, раскрашенная краснымъ, желтымъ, бѣлымъ и чернымъ цвѣтами, имѣетъ двустворчатую входную дверь, надъ которою—навѣсикъ, поддерживаемый двумя столбами. Противъ этой двери, въ разстояніи сажени, вкопаны два трехсаженныхъ, окрашенныхъ въ красный цвѣтъ, шеста, съ различными украшеніями; верхи шестовъ—вопьевидны и позолочены.

Внутри кумирня убрана такъ. На стѣнѣ, противъ входной двери, наклеено печатное изображеніе различныхъ боговъ, нѣчто въ родѣ нашихъ религіозныхъ картинъ. Тутъ были: царь боговъ Лаоэ, богъ дождя Луи-ванъ, богъ лошадей Мао-ванъ, богъ богатства Шань-жень, богъ войны Хуи-дзы, богъ земледѣлія—Тху-ды и другіе.

Передъ изображеніемъ боговъ—жертвенникъ, имѣющій форму продолговатаго стола; на жертвенникѣ пять красныхъ деревянныхъ чашечекъ съ палочками и два подсвѣчника. Кромѣ того, на другихъ стѣнахъ висѣли доски съ китайскими письменами, вѣроятно, молитвенныя изреченія.

Въ такой кумирнѣ совершается въ китайскіе праздники молитва слѣдующимъ образомъ. Начало богослуженія возвѣщается двумя или нѣсколькими китайскими ракетами. Затѣмъ обыкновенно старшій изъ уди́нъ входитъ въ кумирню, становится на колѣни и зажигаетъ китайскія свѣчи, приготовленныя изъ обломковъ чумизы или гнилушки. Эти свѣчи втыкаются въ чашку съ пепломъ и не горятъ, а тлѣютъ. Вошедшій въ кумирню читаетъ молитву, а остальные ему отвѣчаютъ, причемъ то становится на колѣни и сжимаютъ обѣ руки вмѣстѣ въ кулакъ, то вытягиваютъ, стоя, руки вверхъ. Молитва имѣетъ цѣлю испросить у боговъ хлѣбъ насущный и приблизительно такова „дай намъ изюбря или козулю; у насъ ужъ давно нѣтъ стѣстныхъ припасовъ; недавно я видѣлъ изюбря, но было далеко, и я не могъ стрѣлять. Пожалуйста, пришли намъ изюбря или козулю“¹⁾.

¹⁾ Ср. Труды Пр. От. Ц. Р. Г. О. 1895 г.

Иногда такія кумирни бывають маленькихъ размѣровъ и ставятся на пашняхъ или огородахъ. „Она представляли изъ себя, говоритъ г. Надаровъ о кумирняхъ, видѣнныхъ имъ на р. Бикинѣ¹⁾, деревянные ящики, внутри которыхъ были на бумагѣ наклеены изображенія китайскихъ боговъ. Одна изъ такихъ кумиренъ обращала на себя особенное вниманіе. Она представляла изъ себя видъ маленькаго рубленнаго деревяннаго дома въ 1 аршинъ въ квадратѣ съ двускатной крышею, съ хорошо отдѣланными дверями. Снаружи дверей сдѣлано крылечко, на которомъ стоитъ два деревянныхъ идола, изображающіе стоящихъ людей. Внутри домика висѣли въ деревянной обтянутой китайской бумагой клѣткѣ два свинцовыхъ идола въ 2¹/₂ вершка каждый... Идолы были привязаны въ клѣткѣ за шею красною тесьмою“. Мимо такой кумирни, стоятъ ли она на перевалѣ хребта, или при дорогѣ, удивѣ, подобно китайцамъ, никогда не проходятъ мимо безъ молитвы, а часто и приношенія, въ родѣ камушка, кусочка древа, палочки и т. п.

Рѣже встрѣчаются самыя простыя кумирни. Въ лѣсу, близъ фанзуски или балагана, выбирается толстое прямоствольное дерево; на высотѣ отъ одного до полуторахъ аршинъ отъ земли срѣзаютъ кору въ видѣ треугольника. Въ стволѣ вырѣзаютъ трехгранный уголь или просто вѣшаютъ дощечку съ китайскими письменами, и кумирня готова. Такую кумирню я встрѣтилъ всего разъ на р. Та-Судухѣ. Видѣлъ такія кумирни и г. Надаровъ²⁾. Жертвенникомъ при такой кумирнѣ бываетъ или колода, или помостъ изъ коры, укрѣпляемый на сошкахъ.

Копируя во всемъ китайцевъ, удивѣ не прониклись глубоко буддѣйскою религіею; они взяли отъ нея одну внѣшность и то искаженную: поклоненіе идоламъ. На р. Самаргѣ старыя люди говорили мнѣ, что китайскую религію они приняли лѣтъ 25 тому назадъ, а до того времени они молились своимъ богамъ.

Въ чемъ заключалась эта своя религія, они даютъ очень сбивчивыя свѣдѣнія; но нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что они прошли ступени фетишизма и тотемизма.

Слѣды послѣдняго сохранились прежде всего въ сказаніи о происхожденіи удивѣ отъ дѣвушки и медвѣды. Это сказаніе, сохранившіеся среди жителей Имана, Бикину и Вау, повело къ тому, что всѣ удивѣ почитаютъ медвѣжье мясо и очень имъ дорожатъ.

Во время пира³⁾ они слѣдятъ, чтобы ни одна капля крови не упала на землю; если же по неосторожности это случится, то мѣсто, куда капнула

¹⁾ Op. cit. 81—82 стр.

²⁾ Op. cit. 81 стр.

³⁾ Разумѣю пиры во время такъ называемаго «медвѣжьяго праздника».

кровь или упалъ кусокъ мяса, вырѣзается и вмѣстѣ съ землею сжигается на кострѣ. Голову медвѣдя они всегда ѣдятъ, не разбивая черепа, а затѣмъ вѣшавтъ его на шесть вблизи шалаша.

Кромѣ медвѣдя, они почитаютъ еще тигра и никогда не тронуть его, если онъ не причиняетъ имъ вреда.

По словамъ Самаргинскихъ уди́нъ, боговъ много: у медвѣдей свой богъ, у соболей свой, у рыбъ свой. Они такихъ боговъ называютъ „хозяева“. Такимъ образомъ здѣсь мы видимъ ясныя слѣды вѣры уди́нъ въ духовъ, проявленіе того „анимизма“, о которомъ такъ пространно говорить Ляббокъ въ своей „Первобытной культурѣ“ (2-ое изд. рус. пер. 1897 г. т. I и II).

Всѣ духи раздѣляются ими на добрыхъ (сыновъ) и злыхъ (сакха, аначи). Какъ тѣмъ, такъ и другимъ они съ давнихъ временъ приносили жертвы. Жертвенникомъ служилъ столбъ, на которомъ укрѣплялась доска; на послѣдней разводили огонь и сжигали на немъ просо, буду, рисъ и другія приношенія.

Они вѣрятъ, что злые духи, которыхъ они называютъ подѣ влияніемъ русскихъ воззрѣній чертями, посылаютъ на человѣка болѣзни и всячески вредятъ человѣку; иногда болѣзни посылаются и добрыми духами.

Среди людей есть такіе, которые обладаютъ способностью узнавать волю добрыхъ духовъ (будущее) и изгонять злыхъ (чертей): Такіе люди называются у нихъ шаманами.

По справедливому замѣчанію г. Шашкова ¹⁾, „шаманство не сохранилось доселѣ въ своемъ первоначальномъ видѣ,—многое измѣнилось въ немъ отъ частыхъ столкновеній съ буддизмомъ, христіанствомъ. Что касается уди́нъ, то на побережьи Великаго Океана, по моимъ личнымъ наблюденіямъ, шаманство окончательно вымираетъ, превращаясь въ любительскую игру. Обѣхавъ все побережье, гдѣ обитаютъ уди́нъ, я встрѣтилъ только на р. Нельмѣ развалины шаманской юрты и фетиши. Тутъ, по рассказамъ жителей, годъ тому назадъ жилъ страшный шаманъ, который имѣлъ дѣло съ злыми духами (чертями) и могъ не только изгонять ихъ изъ человѣка, но и вселять. Помню, съ какимъ ужасомъ убѣждалъ меня одинъ молодой уди́нъ не трогать фетишей, оставленныхъ шаманомъ. По его словамъ, если я возьму фетиши, то поднимется буря, пойдетъ дождь. Я не взялъ ихъ не потому, что повѣрилъ словамъ уди́нъ, а потому, что плававшій со мною капитанъ парохода „Сторожъ“ г. Гекъ, боясь возмущенія народа за оскверненіе мною священныхъ предметовъ, возбранилъ моимъ людямъ снимать изображенія съ дерева.

¹⁾ Шаманство въ Сибири. Записки Н. Р. Г. О. 1864 г. 1 стр.

Этот шаманъ ушелъ на одинъ изъ притоковъ р. Уссуря, туда, гдѣ шаманы еще держатся. Тамъ, по рр. Иману, Бикину и Ваку, шаманы встрѣчаются часто. Впрочемъ, теперь и тамъ они ни по внѣшнему виду, ни по своему костюму ничѣмъ не отличаются отъ обыкновенныхъ удилѣ, удержавъ одинъ бубенъ, какъ единственную принадлежность своего званія.

Нѣкогда костюмъ шамана (шама)¹⁾ состоялъ изъ слѣдующихъ частей: 1) толи, 2) бубна, 3) юбки или халата, 4) ремень, 5) поясъ, 6) рукавицы, 7) шапки, 8) бурханы.

Толи представляетъ хорошо отполированный мѣдный кругъ, надѣваемый шаманомъ на ремешкахъ на грудь. Ихъ иногда бываетъ у шамана нѣсколько паръ. Надѣваются толи какъ для защиты отъ враговъ, такъ и потому, что въ толи, точно въ зеркалѣ, отражаются добрыя и злыя дѣла людей, и оно сообщаетъ истину.

Бубенъ состоитъ изъ эллипсоидальнаго обруча, на который натянута тонкая шкура; къ внутреннимъ бортамъ бубна прикрѣпляется металлическій или деревянный стержень—ручка; никакихъ изображеній на бубнѣ нѣтъ. Иногда вмѣсто ручки служитъ ремень.

Часто при камланіи бываетъ два бубна, въ одинъ изъ которыхъ бьетъ помощникъ шамана. Колотушка, которою бьютъ въ бубенъ, состоитъ изъ деревянной палочки, покрытой мѣхомъ козуля.

При камланіи прежде поверхъ рубахи шаманъ надѣвали особую юбку или халатъ, изъ китайской матеріи или изъ тонкой кожи, съ рисунками и полосами изъ шкуры какого-нибудь звѣря.

Поясъ—широкій кожаный ремень, къ которому прикрѣплены многочисленныя конусообразныя желѣзныя трубки иногда и толи. Этотъ поясъ надѣвается при камланіи такъ, чтобы трубки, приплюсь въ талии. Во время пляски шаманъ усиленно и ритмически вертитъ задомъ; трубки, ударяясь другъ о друга, производятъ сильный лязгъ и звонъ.

Къ поясу сзади иногда привязывается ремень отъ шеи козуля, длиною болѣе сажени; за этотъ ремень во время камланія держатся помощники шамана. Шапка шамановъ удилѣ и рукавицы ничѣмъ не отличаются отъ обыкновенныхъ; а бурхановъ, покровителей, надѣвается различное количество.

Очевидно, по мнѣнію удилѣ, шаманомъ можетъ быть не всякій. Миѣ говорили на р. Самаргѣ неопредѣленно, что бываютъ такіе люди, которые отъ природы обладаютъ способностью видѣть сны и объяснять ихъ. Такіе люди легко могутъ стать шаманами. Съ другой стороны, на той же рѣкѣ я

¹⁾ Г. Надаровъ утверждаетъ (Op. cit. 82 стр.), что иманскіе и бикинскіе ороконы называютъ шамановъ лама ми. Я ни отъ кого не слыхалъ такого названія и не могъ провѣрить указанія его.

видѣлъ двухъ шамановъ, которые приучались шаманить подъ руководствомъ старой шаманки.

Назначеніе шамановъ, по понятіямъ удінъ, помогать всѣмъ погибающимъ на землѣ. „Самое шаманство у ороchonъ (живущихъ по притокамъ р. Усури), говоритъ подполковникъ Вѣльевичъ ¹⁾, примѣняется въ исключительныхъ случаяхъ; такъ, на примѣръ, если кто-либо изъ членовъ семьи сильно заболѣетъ, то призываютъ къ больному шамана“... Происхожденіе же болѣзней бываетъ двоякое: онѣ посылаются или добрыми духами, разгнѣванными на какого нибудь человѣка, или злыми (чертами). По этому первому задачею призваннаго къ больному шамана является опредѣленіе, отъ кого послана болѣзнь—отъ гнѣвнаго ли добраго духа (бога), или отъ черта. Если болѣзнь послана разгнѣваннымъ богомъ, то необходимо молиться, чтобы добрый духъ избавилъ больного отъ недуга, причѣмъ обвиняютъ принести въ жертву свинью, какъ самое вкусное и лакомое мясо. При выздоровленіи больного жертва обязательно приносится, т. е. закалывается свинья и съѣдается подъ выпивку ханшина. Если же болѣзнь послана злымъ духомъ, чертомъ, то задачею шамана является отысканіе, какой видъ принялъ чертъ, наславшій недугъ. Узнаетъ объ этомъ шаманъ во снѣ отъ того же черта. Послѣ этого онъ дѣлаетъ изображеніе (фетишъ), какое указано ему во снѣ чертомъ. Это изображеніе подвергается сильнымъ побоямъ и поруганію. По свидѣтельству г. Вѣльевича ²⁾, каждый изъ членовъ семьи, въ которой принадлежитъ болящій, вооружается дубиной и, подъ предводительствомъ шамана, идутъ къ стоящему возлѣ балагана травяному фетишу и начинаютъ его бить до тѣхъ поръ, пока онъ превратится въ ничто. Чертъ испугается, по вѣрованію удінъ, и уходитъ.

Если кто-либо заболѣетъ тяжело, такъ что, по возрѣнію удінъ, душа уходитъ отъ больного, то шаманъ призывается для того, чтобы возвратитъ уходящую душу въ тѣло тяжело больного.

Г. Пель-Горскій былъ свидѣтелемъ такого случая и рассказываетъ слѣдующее:

„Шаманъ сидѣлъ на коврикѣ и билъ въ бубенъ палочкою, подшитую мѣхомъ молодой выдры. Ударяя въ бубенъ, онъ пѣлъ горловымъ голосомъ что-то заунывное, то тихо, едва слышно, то громко, то ускоряя, то замедляя темпъ на бубнѣ. Мѣрные удары въ бубенъ гулко раздавались среди общей тишины въ фанзѣ, гдѣ въ углу лежалъ больной. Шаманъ пѣлъ приблизительно слѣдующее: „Ицывны (имя больного) уже старикъ, но въ молодости былъ хорошій охотникъ. Сэвэнъ (богъ промысла) покровительствовалъ ему.

¹⁾ Труды Приамур. отд. за 1895 г.

²⁾ См. тамъ же.

Онъ добывалъ много соболей и пантонъ. Нэу (лѣсной богъ) посылалъ ему большіе и дорогіе корни банцзи (жень-шеня). Ицзинны былъ хорошій стрѣлокъ, и мясо у него не переводилось въ фанзѣ. У него три дочери, но ни одного сына. Вефумафа (предки) не порадовали его наслѣдникомъ. Онъ подѣ старость остается одиноковъ. Яудинъ (богъ зла) послалъ на него болѣзнь, и теперь онъ лежитъ больной. Онъ теперь уже старъ, и болѣзнь одолѣла его. Но Андурн (богъ добра) поможетъ старику; онъ еще долго проживетъ въ своей семьѣ и еще много убьетъ всякаго звѣря“...

Пропѣвъ съ часъ, шаманъ приказалъ потушить огонь. Въ темнотѣ еще гудче раздавался его голосъ и громъ бубна.

Затѣмъ опять зажгли огонь, и шаманъ снова запѣлъ. Бубенъ перемѣняли два раза, причѣмъ для большей звучности его подогрѣвали на угляхъ. Наконецъ пѣніе окончилось и началась пляска. Плясали всѣ мужчины, надѣвъ на талию широкій кожаный поясъ съ 20—25 желѣзными рожками на кольцахъ и съ бубномъ въ рукахъ. Пляшущій начиналъ выдѣлывать различныя „па“, причѣмъ неизмѣнно вертѣлъ задомъ и въ тактъ билъ въ бубенъ. Желѣзные рожки, ударяясь другъ о друга, сливались съ гудомъ бубна и производили страшный шумъ. Проплясавъ до изнеможенія, пласунъ передавалъ инструментъ другому, тотъ третьему. Пляска хотя дикая, но не лишена своеобразной граціи. Во время пляски одна изъ женщинъ вырѣзала ножницами фигуры людей, сдѣлала глаза, носъ и ротъ, вмѣстѣ съ обрѣзками привязала къ камышинкѣ, вынесла изъ фанзы и воткнула въ землю. Другую серію, тоже на палочкѣ, оставила въ фанзѣ. На дворѣ поставили столикъ и на немъ нѣсколько чашекъ съ чулицой и одну съ водой.

Наконецъ шаманъ надѣлъ поясъ съ рожками, взялъ бубенъ и началъ плясать и пѣть. То онъ подходилъ къ больному, неизмѣнно гремя надъ нимъ, то подходилъ къ китайскому богу, изображенному на бумагѣ и наклеенному на доску (передъ нимъ была зажжена курильная китайская свѣча), то подходилъ къ двери и плясалъ передъ кучкой углей, изображавшихъ костеръ. Наконецъ онъ отдалъ бубенъ другому, который продолжалъ бить въ него; самъ же, взявъ камышинку съ вырѣзанными человѣчками, обнесъ ее вокругъ фанзы, при свѣтѣ лучинъ вышелъ во дворъ и воткнулъ впереди столика съ чашками. Шаманъ становился на колѣни, пѣлъ и кланялся въ землю; наконецъ взялъ поданную пустую чашку, закрытую бумагою и сталъ рукою наливать воду изъ другой чашки, не переставая пѣть.

Всѣ столпились вокругъ него и что-то высматривали.

Женщины кричали протяжно: „иди, иди“! Ничего, кромѣ водяного пузырька на мокрой бумагѣ, нельзя было видѣть ¹⁾.

¹⁾ Автору этихъ строкъ пояснили потомъ, что женщины звали отлетѣвшую душу больного, и она вернулась въ видѣ пузырька.

Какъ только на мокрой бумагѣ появился бѣгающій пузырекъ, вся толпа двинулась къ фанзѣ съ крикомъ и боемъ въ бубенъ при свѣтѣ лучинъ, а самъ шаманъ, поливая все время воду рукою на чашку съ бумагою, слѣдилъ за пузырькомъ. Войдя въ фанзу, больного посадили и подали шаману его шапку. Шаманъ быстро схватилъ правою рукою пузырекъ вмѣстѣ съ бумагою, вырвавъ ее изъ средины чашки, положилъ въ шапку и, наговаривая и напелтывая, надѣлъ на больного. Этимъ и кончилось лѣченіе ¹⁾.

Нѣтъ сомнѣнія, что сами шаманы и ихъ почитатели искренно вѣрятъ въ способность привлекать на службу добрыхъ и особенно злыхъ духовъ. Мы говорили на р. Самарѣ, что къ шаману во свѣ является чертъ и говоритъ: „дѣлай птицу или медвѣдя, или тигра,—и такой-то выздоровѣетъ. Шаманъ исполняетъ совѣтъ черта, и если больной выздоровѣлъ, то шаманъ на шесть выставляетъ то изображеніе, которое возвратило желавшую уйти душу. Конечно, чѣмъ болѣе передъ юртою шамана торчатъ такихъ изображеній, тѣмъ болѣе славой среди своихъ пользуется шаманъ.

Вѣра въ то, что того или другого злого духа можно подчинить себѣ и употребить на служеніе, породила многочисленныя амулеты или талисманы, которые вѣшаются въ балаганахъ или носятя при себѣ.

Отправляется ли удивѣ на охоту за соболемъ, постигнуть ли его кака-либо болѣзнь, найдеть ли на него сердечная тоска—отъ всего этого онъ ищетъ помощи у какаго-нибудь бурхана, чрезъ посредство шамана конечно. Многіе изъ ихъ бурхановъ совершенно сходны съ бурханами гольдовъ подробно описанными г. Шимкевичемъ въ его „матеріалахъ для изученія шаманства у гольдовъ“ ²⁾ Удивѣ не знаютъ такого количества бурхановъ какое описано г. Шимкевичемъ у гольдовъ. У нихъ встрѣчается, напримѣръ бурханъ для хорошаго промысла. Это фигура тигра, дѣлаемая изъ дерева металла и сушеной травы.

Тотъ же самый бурханъ, но съ посаженною верхомъ фигурою человека, употребляется противъ болѣзни или неудачной охоты.

Изъ свинца выливается изображеніе сердца и нѣсколько человѣческихъ фигурокъ. Всѣ эти изображенія носятя на шнурѣ на груди противъ болѣзни сердца.

Соприкосновеніе съ китайцами и русскими дѣйствуетъ разлагающимъ образомъ на шаманство. По побережью Великаго океана шаманство вымираетъ и превращается въ пріятное развлеченіе.

Мы довелись присутствовать на одномъ изъ такихъ представленій,

¹⁾ Шаманъ поймалъ криками женщинъ привлеченную душу и опять посадилъ ее въ тѣло больного.

²⁾ Записки Приамур. Отд. И. Р. Г. Об. т. I, вып. 2-й. Хабаровскъ. 1896 г.

причемъ сами удѣла удивительно скептически относились къ „представленію“ одного шамана.

Дѣло было на р. Самаргѣ. Мнѣ пришлось прожить тамъ нѣсколько дней. Когда я бесѣдовалъ въ юртѣ старесты Индину съ его семьей, часовъ около 10 вечера раздались звуки бубна. Мнѣ сообщили, что на другомъ берегу протока, въ юртѣ шаманки, будутъ шаманить два шамана, ея ученики.

Когда мы пришли въ юрту, тамъ уже собралось достаточно публики. Тутъ были женщины, мужчины и дѣти. Въ бубенъ билъ одинъ изъ удѣла, но не шаманъ, а „простой“ человекъ. По словамъ моего переводчика, такой законъ у шамановъ, чтобы сперва въ бубенъ билъ обыкновенный человекъ. Мой переводчикъ сказалъ мнѣ, что скоро начнутъ шаманить, и указалъ мнѣ на шамана. Я внимательно всматривался въ сидѣвшаго напротивъ меня у очага тридцатилѣтняго удѣла. Онъ глядѣлъ задумчиво на огонь очага и былъ блѣденъ. Мнѣ сказали, что онъ готовится дѣлать себя отъ боли въ желудкѣ. Рядомъ съ нимъ, покуривая трубку, сидѣла грязная и безобразная старуха шаманка.

Между тѣмъ бубенъ звучалъ медленно, но вызывающе. Вотъ шаманъ сталъ и началъ привязывать шаманскій поясъ. Потомъ, засучивъ рукава рубахи, онъ взялъ бубенъ, сѣлъ у двери, съ краю очага, и началъ, медленно ударя въ него колотушкой, пѣть какимъ-то замогильнымъ голосомъ, прерывая изрѣдка пѣніе шипѣньемъ. Во время пѣнія онъ часто подносилъ къ губамъ обручъ бубна, отъ чего усиливались звуки.

Публика смѣется, галдитъ, курить.

Слабый отблескъ костра кладетъ на лицо шамана рѣзкія тѣни. Удары въ бубенъ между тѣмъ участились, такъ что звуки слились въ одну тягучую волну. Вотъ шаманъ всталъ, равномерно крутитъ задомъ, гремитъ оглушительно желѣзными трубочками пояса и еще сильнѣе бьетъ въ бубенъ, еще громче выкрикиваетъ какія-то непонятныя слова (мой переводчикъ ихъ не могъ перевести). Вдругъ онъ согнулся весь, прижалъ къ себѣ бубенъ и бьетъ по немъ колотушкой. Теперь бубенъ звучалъ глухо. Шаманъ началъ шагать по юртѣ вокругъ очага медленно, раскачиваясь и вадрагивая тѣломъ. Вотъ онъ обращается къ невидимому врагу и говоритъ: „то-то-то“! Шипитъ. Вотъ онъ припалъ на одно колѣно передъ огнемъ. Снова шипитъ. Снова учащенно забилъ въ бубенъ и громко запѣлъ непонятныя угрозы врагу, гнѣвно вскрикивая.

Вставъ и трясаясь и раскачиваясь на одномъ мѣстѣ, онъ снова гремитъ бубномъ; потомъ утихаетъ громъ, и шаманъ что-то приказываетъ окружающимъ. Одинъ изъ присутствующихъ всталъ, взялъ другой бубенъ и сталъ бить въ него, держа надъ огнемъ. Шаманъ перешелъ къ дру-

гимъ дверямъ юрты и повторилъ все то, что онъ дѣлалъ у первыхъ: т. е. пѣлъ, сидя и вставъ. Затѣмъ началась удивительно дикая, не ловкая пляска: шаманъ скакалъ, присѣдалъ на одно колѣно, вертѣлся. Съ крикомъ „ау! ау“ онъ бросается на второй бубенъ. Съ остервенѣніемъ набрасывается онъ на невидимаго врага; потомъ прыгнувъ онъ къ дверямъ, причемъ удивъ съ барабаномъ отскочилъ. Шаманъ закричалъ: „Ага! охъ“! Зашипѣлъ, застоялъ, дико захохоталъ. Вотъ онъ опустился передъ огнемъ посрединѣ очага, медленно бьетъ въ бубенъ и тяжело стонетъ подъ звуки его. Потъ крупными каплями выступилъ на лбу и полился по лицу, послѣднее сдѣлалось мертвенно-блѣднымъ; грудь тяжело поднимается, глаза полуоткрыты, въ крикѣ его слышатся слезы. Очагъ едва мерцаетъ. Шаманъ искренно предался своему дѣлу, и публика притихла, невольно поддавшись аффекту. Но вотъ онъ поднялся, что-то сказалъ окружающимъ, подошелъ къ двери, и снова раздались звуки бубна и громъ отъ сотрясенія погребушекъ на шаманскомъ поясѣ. Принесли чашку съ водою: это чертъ велѣлъ ему пить воду, чтобы не было болѣзни. Выпивъ воды, онъ началъ обходить юрту и давалъ пить воду нѣкоторымъ изъ присутствовавшихъ. Затѣмъ снова завылъ, забилъ въ бубенъ, зашипѣлъ, заскакалъ, съ дикимъ крикомъ ужалъ посрединѣ юрты на колѣни и сильно бьетъ себя обручомъ бубна по животу, точно хочетъ кого-нибудь задавить тамъ. Снова вскочилъ, закричалъ какъ бы прося о чемъ-то. Гольдъ Семенъ всталъ и сталъ у другой двери лицомъ къ шаману и раскрылъ объятія. Невыразимо громко загудѣлъ бубенъ, съ дикими криками и стenanіями понесся шаманъ по юртѣ. Это былъ вихоръ, такъ быстро плясалъ шаманъ. Но вотъ раздался пронзительный крикъ и сразу оборвался... Шаманъ безъ чувствъ упалъ въ объятія Гольда Семена упустивъ на полъ бубенъ. Нѣсколько минутъ обморока; потомъ тяжкій стонъ. Вотъ снова схватилъ шаманъ бубенъ, снова забилъ въ него громко; сидитъ и качается всѣмъ тѣломъ. Мало-по-малу, однако, удары замедляются, сила ихъ ослабѣваетъ, пѣніе становится все тише и тише и наконецъ совершенно прекращается.

Шаманъ, какъ актеръ, окончившій свою роль, снялъ поясъ, вытеръ потъ на лицѣ, снялъ рубаху съ потнаго тѣла и остался полубожаженнымъ.

За нимъ началъ шаманить другой, но этотъ уже не произвелъ никакого впечатлѣнія, потому что смѣшилъ публику пошлыми выходками и даже непристойностями.

Весьма важную роль игралъ вѣкогда шаманъ при погребеніи и во время поминокъ, о которыхъ и поведу рѣчь.

Всѣ изслѣдователи быта тазовъ утверждаютъ, что они не имѣютъ никакого представленія о загробной жизни. „На всѣ мои разпросы, пишетъ г. Надаровъ ¹⁾, я всегда слышалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ: „чортъ его знаетъ, что дѣлается съ человѣкомъ послѣ смерти, богъ ли его беретъ или чортъ“.

„Понятія какъ гольдовъ, такъ и ороchonъ относительно загробной жизни сводятся къ тому, пишетъ другой изслѣдователь ²⁾, что они совершенно не признаютъ таковой жизни и увѣрены, что со смертію кончается уже все“. Дѣйствительно, вопросъ о душѣ человѣка и ея посмертномъ существованіи смутно представляется неспособной къ отвлеченіямъ мысли удинѣ. Иногда мнѣ говорили, что не все равно—умреть ли добрый или худой человѣкъ.

Тѣмъ не менѣе логика существующихъ похоронныхъ обрядовъ и помянокъ ясно говоритъ, что они вѣрятъ въ посмертное существованіе души, которую представляютъ матеріально.

Въ похоронномъ обрядѣ, какъ и во многомъ другомъ, не сохранилась тазовская старина во всей цѣлости.

Какъ только мертвенная блѣдность покроетъ лицо умирающаго, а изъ груди его вылетитъ послѣдній вздохъ (эг(х)ипі), приступаютъ къ „ображенію“ покойника. Тѣло его моютъ, причемъ воду выливаютъ на улицу. Бывшее на покойникѣ платье уничтожается и шьется ему новое. Въ завѣсности отъ состоятельности покойника, шьется одна или нѣсколько смѣнъ. Въ разрытой мною гѣтомъ 1896 года могилѣ тазачки въ бухтѣ Лонгувай я нашелъ на покойникѣ двѣ смѣны одежды: одна изъ бѣлой дрея, другая изъ синей дабы. Мнѣ говорили, что на богатыхъ покойникахъ бываетъ по три—четыре смѣны платья.

Въ то же время всѣ родные покойника извѣщаются о смерти, и ждутъ ихъ прихода. Если умершій не имѣлъ родственниковъ, или они далеко, то гробъ съ тѣломъ, не смотря на время года, остается непогребеннымъ до тѣхъ поръ, пока не явится кто-либо изъ нихъ, чтобы закопать въ землю. Въ такомъ случаѣ гробъ обмазываютъ глиною и ставятъ вдали отъ фанзы или юрты на подставкѣ. Иногда въ ногахъ покойника раскладывается незначительный костеръ, на которомъ въ честь покойника сжигаютъ табакъ, пищу и льютъ водку.

При наличности родственниковъ, похороны производятся черезъ 3—4, иногда 7—10 дней со времени смерти.

Родные обыкновенно оплакиваютъ покойника, причемъ причитаютъ, но причитанія у лишенныхъ поэтического творчества удинѣ не идутъ дагѣ

¹⁾ Op. cit. 82 стр.

²⁾ Труды Приамур. Отд. И. Р. Г. О. за 1895 г.

нѣсколькихъ фразъ, въ родѣ: „мать, зачѣмъ ты такъ рано умерла. Мы — я и братъ — теперь сироты. Что мы будемъ безъ тебя дѣлать“? Другіе родственники утѣшаютъ плачущихъ.

Пока обряжаютъ и оплакиваютъ покойницу или покойника, свои или чужіе люди дѣлаютъ гробъ. Послѣдній дѣлается различно. Изъ всякаго дерева — тисса, кедра, — вырѣзаютъ доски и сбиваютъ ящикъ, широкій у изголовья и узкій въ ногахъ. Стѣнки гроба довольно высоки, достигая аршина и болѣе. Доски прежде сбивались деревянными гвоздями, а теперь желѣзными скобами, крышка же прибивается деревянными гвоздями.

Въ другихъ мѣстахъ срубаютъ толстый кедръ или тополь или липу выдалбливаютъ изъ нихъ корыто, напоминающее нѣсколько боть (лодку), и придѣлываютъ изъ досокъ крышку.

Иногда въ качествѣ гроба упогребляютъ старую лодку (ботъ). За работу по постройкѣ гроба чужіе люди никогда не берутъ денегъ, говоря, что они помогли обрядить покойника.

Въ готовый гробъ подстилаютъ или бересту или дрель, подъ голову кладутъ цилиндрической формы подушку, набитую опилками. Если похороны происходятъ зимою, то умершаго заворачиваютъ въ большое ватное одѣяло Подполковникъ Вѣльковичъ ¹⁾, на р. Хорѣ, въ одномъ изъ вскрытыхъ гробовъ нашелъ скелетъ женщины, завернутый въ толстое ватное одѣяло.

Вмѣсто умершаго дѣлается изъ гнилущей подушка, большая или маленькая, смотря по возрасту умершаго; если покойникъ — женщина, то въ подушкѣ пришиваются серьги. Эту подушку укладываютъ спать, утромъ поднимаютъ; ставятъ предъ нею ѣду.

Въ гробъ съ покойникомъ кладутъ все то, что ему надо было при жизни: трубку, копьѣ, острогу, посуду, ножъ и т. д.; если хоронятъ женщину, то — иголки, нитки, ножницы, гребешки и др. женскія принадлежности. Подполковникъ Вѣльковичъ въ упомянутой выше могилѣ женщины на р. Хорѣ нашелъ: кольца, серьги, пѣпочки, съ боку покойницы топоръ, а въ головахъ берестяную коробочку съ гребнемъ, табакомъ, спичками, мѣдными манзовскими деньгами (чохами), нитками, иголками, ножичками. Я въ могилѣ тащачки нашелъ у ногъ корзинку, въ которой находились — ножницы, поясъ, нагрудникъ, два гребешка, иглолка, нитки, наперстокъ, и нѣсколько кусковъ бѣлой и сѣней дѣбы.

Шащи нагдѣ никакой не кладутъ.

На вопросъ, почему они кладутъ въ гробъ съ покойникомъ вещи, приходится слышать различныя объясненія, которыя ясно говорятъ, что совре-

¹⁾ Труды Пріамур. Отд. Н. Р. Г. О. за 1895 г.

меньше удивле совершенно забыли воззрѣнія предковъ на загробную жизнь. Одни говорятъ: „такъ давно дѣлали. Кто его знаетъ, для чего владѣмъ. Можетъ быть, покойнику надо будетъ“. Другіе утверждаютъ, что по смерти человѣка никто даже изъ ближайшихъ родственниковъ не можетъ владѣть тѣми вещами, которыя принадлежали ему, а потому онѣ и складываются въ гробъ. Объясненіе это неудачно придумано и опровергается фактами: если хоронятъ покойника изъ бѣдной семьи, то въ гробъ кладутся только лишнія или поломанныя вещи, а остальные переходятъ въ собственность наследникамъ. Что касается похоронъ, то и нынѣ еще старина удерживается рядомъ съ новизною. По сообщенію старухи-тазачки Орлугэго, взрослые закапываютъ въ землю, а маленькихъ заворачиваютъ въ бересту и сушатъ на воздухѣ, привязывая къ деревьямъ. Вѣроятно, послѣднее сообщеніе имѣетъ связь съ тѣмъ, что сообщаетъ г. Надаровъ объ удиле Бикина, Имана и Ваку. Ему сообщили, что прежде тѣла покойниковъ въ землю не зарывали, а бросали въ лѣсу на съѣденіе звѣрямъ и птицамъ.

На побережьи Великаго Океана погребеніе совершается такъ. Мужчины роютъ, въ разстояніи 50—100 шаговъ отъ юрты или фанзы могилу. Глубина ея не превышаетъ 1½ аршинъ. Когда гробъ съ покойникомъ привезутъ къ могилѣ, то родственники прощаются съ нимъ, сжигаютъ на кострѣ, разложенномъ въ головахъ гроба, будо, табакъ, хлѣбъ и т. п. Затѣмъ деревянными гвоздями прибиваютъ крышку и засыпаютъ землю. Надъ могиллою насыпаютъ конусообразный холмъ вышиною въ 1½ аршина. Гробъ ставятъ въ могилу всегда головою на западъ, а ногами на востокъ. У ногъ, на разстояніи пяти шаговъ, устраиваютъ изъ камней жертвенникъ, на который ставятъ коробку для куренія китайскими свѣчами.

Этотъ обычай похоронъ заимствованъ отъ китайцевъ. Болѣе самобытности замѣчается въ другомъ обрядѣ похоронъ. Забитый гробъ обвязываютъ берестовою корою, иногда разрисовываютъ черною и красною красками; затѣмъ ставятъ его въ особый срубъ.

Мною осмотрѣно было нѣсколько такихъ срубовъ, и вотъ къ какимъ выводамъ приводятъ мои наблюденія.

Эти срубы бываютъ иныя у богатыхъ покойниковъ, чѣмъ у бѣдныхъ. У богатыхъ покойниковъ—это цѣлое сооруженіе. Похожій на гробъ по формѣ, срубъ изъ бревенъ, до 1½ аршинъ вышиною, заканчивается двускатною крышею, тоже сдѣланною изъ бревенъ. Въ одной изъ короткихъ стѣнокъ—дверца, черезъ которую вставляется гробъ; впрочемъ, иныя дверцы такъ малы, что гробъ, очевидно, поставленъ черезъ крышу. Гробъ стоитъ на подставкахъ, а дверца завѣшена бѣлою дредлюю съ черною ваймою. Внутри такого сруба не рѣдко встрѣчаются чумашки, остатки отъ тризны.

Усыпальницы бѣдняковъ—проще. Это четыре кола, соединенные вверху рамою, на которой покоится обернутый берестомъ и увязанный веревками гробъ.

Преобладающій узоръ на длинныхъ бокахъ гроба—рядъ соединенныхъ круговъ изъ красной и черной красокъ. Передъ входомъ въ нѣкоторыя гробницы я видѣлъ висащими деревянныя фигурки, вѣроятно, фетиши, сдѣланные по приказанію шамана.

Какъ бы ни похоронили покойника, всегда при погребеніи бываютъ поминки. „Намъ пришлось присутствовать,—пишетъ г. Пель-Горскій,—на поминкахъ по умершей, на 30-й день по ея смерти. Трупъ еще не былъ похороненъ ¹⁾ и лежалъ въ гробу изъ досокъ въ устроенномъ для этого балаганѣ, вблизи общей фанзы. Послѣ полудня всѣ бывшіе здѣсь орочны, мужчины и женщины, надѣли себѣ на голову бѣлые колпаки, означающіе трауръ. Сынъ же покойной надѣлъ, кромѣ того, бѣлую рубаху. Двѣ орочки взяли маленькій столикъ, на который было положено много круглыхъ булочекъ, изготовленныхъ передъ тѣмъ на пару ороचनाми-мужчинами. Послѣ этого всѣ отправились къ балагану, въ которомъ стоялъ гробъ. У самыхъ дверей балагана поставили столикъ съ булочками. Съ дверей сняли бересту, и вдовецъ, выщипывая изъ каждой булочки маленькіе кусочки, бросалъ ихъ въ балаганъ. Этимъ и ограничился весь обрядъ поминовъ у гроба“.

Впрочемъ, иногда поминки справляются болѣе торжественно. Въ особомъ конусообразномъ шалашѣ, вблизи усыпальницы, варятъ кушанья, потому тутъ же ѣдятъ ихъ, пьютъ ханшинъ или русскую водку; остатки отъ поминальнаго пира зарываютъ въ яму, которую закрываютъ бревнами; чумашки, въ которыхъ хранилась пища, вѣшаютъ тутъ же на особомъ колу.

Еще болѣе торжественности поминкамъ сообщается присутствіемъ шамана. Г. Шимкевичъ ¹⁾ свидѣтельствуетъ, что у потомковъ орочонъ, извѣстныхъ подъ именемъ килонъ, на поминкахъ присутствуетъ шаманъ для того, чтобы слѣдить переходъ души изъ міра земного въ міръ загробный. По словамъ шамана Лаба Юколдалъ, душѣ килонъ необходимо пройти слѣдующія мѣстности, пока она достигнетъ загробнаго міра.

1) Она.

2) Голоса, мѣстность, гдѣ душа впервые встрѣчаетъ затрудненія при своемъ странствованіи.

3) Ингила.

4) Сая-суйгонэ—до вершины этой рѣки.

¹⁾ Трупъ былъ похороненъ, но не въ землю, а поставленъ въ усыпальницу, какъ видно изъ слѣдующаго.

²⁾ Op. cit., 17—18 стр.

- 5) Сая-джууни, переваль черезъ хребеть.
- 6) Сая-хабсени, спускъ съ хребта въ продольномъ направленіи.
- 7) Сая-джабужуни, густой лѣсъ,
- 8) Сая-бачеяни, хребеть.
- 9) Товса—баджикчини, мѣстность, гдѣ живутъ души мертворожденныхъ.
- 10) Саджи, большое болото.
- 11) Буни-наани-суйгуни, по берегу горной рѣчки открытая мѣстность съ хорошимъ строевымъ лѣсомъ.
- 12) Уолдука-чапчеоха, мѣстность, гдѣ видны слѣды выдѣлки деревянныхъ лодокъ; лѣсъ вырубленъ.
- 13) Буни-сангниани-ичичча, видѣнъ дымъ и признаки присутствія жилья, затѣмъ и шалаши.

Но въ настоящее время всѣ эти странствованія души забыты удихе; экономическое положеніе приводитъ ихъ иногда къ необходимости мириться съ такими явленіями, за которыя нѣкогда они предавали смерти. Такъ прежде они зорко слѣдили и тщательно охраняли могильный покой умершихъ предковъ.

По словамъ удихе, живущихъ на р. Юнши, они прежде сильно наказывали того, кто осмѣлился бы нарушить покой мертвецовъ своимъ посѣщеніемъ могилъ; если бы кто-либо осмѣлился взять черепъ или кости мертвецовъ, того они убивали. Такъ было прежде, а нынѣ не составляетъ большого труда изслѣдователю купить за 5—10 рублей трупъ родственника; а набреда въ тайгѣ на повинутые гробы, можно невозбранно набрать костяковъ.

Всюду время несетъ перемѣны. Не защититъ отъ его вліянія удихе и дремучая тайга, которая сильно мѣняетъ свой недоступный видъ съ приближеніемъ китайца или русскаго.

Сергій Браиловскій.

Варшава 1901 г. 7 октября.

П Р И Л О Ж Е Н І Е.

Матеріалы для словаря уди́нэ.

Подъ названіемъ „Матеріалы для словаря уди́нэ“ я, въ видѣ приложенія, печатаю добытыя мною слова во время моихъ странствованій по территоріи тазовъ. Помѣщаемый мною словарный матеріалъ нельзя считать за русско-тазовскій словарь, потому что я не могъ посѣтить и объѣхать всю территорію, по которой разбросано это тунгусское племя. Словарь языка уди́нэ явится только тогда, когда будутъ записаны слова не только по берегамъ рѣкъ, впадающихъ въ Великій океанъ, но и по притокамъ р. Уссуря, а равно и въ западной части занимаемаго этимъ народомъ пространства. При отсутствіи письменности, языкъ уди́нэ не имѣетъ ни установившихся грамматическихъ формъ, ни установившагося прочно звукового обозначенія. Разъединенные огромными пространствами малодоступной тайги, отдѣльные роды этого народа, подъ влияніемъ окружающихъ сосѣдей, часто представляютъ большое различіе въ лексикальномъ отношеніи. Слѣдовало бы собрать полный матеріалъ въ этомъ отношеніи, и тогда можно было бы намѣтить группы, на которыя, по языковой близости, распадается этотъ народецъ. Пока нѣтъ такого матеріала, нельзя сдѣлать никакихъ прочныхъ заключеній о грамматикѣ языка уди́нэ.

На случайнаго наблюдателя языкъ уди́нэ производитъ впечатлѣніе оригинальностью фонетики, преобладаніемъ носовыхъ и гортанныхъ звуковъ, трудно передаваемыхъ русскимъ алфавитомъ. Крімъ того, поражаетъ бѣдность этого языка для выраженія отвлеченныхъ и даже многихъ самыхъ обыденныхъ понятій.

Вообще уди́нэ, по свидѣтельству всѣхъ изслѣдователей, стоятъ на очень низкой ступени развитія. Въ послѣднее время они научились вести счетъ времени отъ китайцевъ, считая за начало года китайскій новый годъ (въ концѣ января). Раздѣленія времени по недѣлямъ у нихъ не существуетъ; счетъ по мѣсяцамъ они знаютъ, хотя считали мнѣ порядкомъ мѣсяцевъ различно, названія ихъ давали различно, такъ что я, въ концѣ-концовъ, не добился, сколько же всего мѣсяцевъ въ году считаютъ уди́нэ и

въ какомъ порядкѣ. Не былъ счастливѣе меня въ этомъ отношеніи и г. Бѣльковичъ. „Дѣлать они годъ, говоритъ онъ, на 13 мѣсяцевъ, хотя за достовѣрность относительно числа мѣсяцевъ въ году ручаться не могу, такъ какъ нѣкоторые говорили, что считаютъ только 6 мѣсяцевъ въ году, другіе утверждали, что ихъ 7, тотъ же, который насчиталъ мнѣ 13 мѣсяцевъ, подъ конецъ счета спутался, такъ что нельзя ручаться за правильность названія всѣхъ 13 мѣсяцевъ, тѣмъ не менѣе привожу здѣсь эти названія: 1) Джай-ля, 2) Нюн-гу, 3) Няда-бя, 4) Джакну-бя, 5) Ей-бя, 6) Джи-бя, 7) Джвумъ-бя, 8) Джаю-бя, 9) Джайло-бя, 10) Джиды-бя, 11) Джитонъ-бя, 12) Джаню-бя, 13) Джаньдо-бя“.

Приведу ниже названія мѣсяцевъ, добытыя мною.

На р. Самаргѣ считали такъ:

Январь — Джан-бѣ,	Іюль — Дуин-бѣ,
Февраль — Иче-бѣ,	Августъ — Тевга-бѣ,
Мартъ — Лаб-бѣ,	Сентябрь — Нингу-бѣ,
Апрѣль — Ан-бѣ,	Октябрь — Надап-бѣ,
Май — Дю-бѣ,	Ноябрь — Джакон-бѣ,
Іюнь — Элан-бѣ,	Декабрь — Ин-бѣ.

На р. Коппи отъ двухъ ороchonъ слышалъ различное обозначеніе мѣсяцевъ, именно:

Январь — Накунды,
Февраль — Гекү,
Мартъ — Сактукү,
Апрѣль — Нуканкү или адыкй,
Май — Мэйэ или адыкй,
Іюнь — Мэйэ или ычә,
Іюль — Ычә или гусй,
Августъ — Гусй или туә,
Сентябрь — Туә или сѣнкө,
Октябрь — Сѣнкө или ункү,
Ноябрь — Ункү, или сѣляктә, или ытѣ,
Декабрь — Элактә, или сѣлякта, или гуһй.

Для показанія различія въ произношеніи и обозначеніи предметовъ въ различныхъ мѣстахъ территоріи удиһэ, приведу слова, записанныя мною по разнымъ рѣкамъ, впадающимъ въ Великій океанъ.

	р. Вочи.	р. Самарга.	р. Нахту.
Отецъ	абугу	абунà	абуну
Мать	анигà	анинà	аниннà
Сестра	ока	старшая—оигò младшая—нокò	онадò
Братъ	старшій—ахабулù младшій—накогуна	ага	андù
Сынъ	нитà	нитэй или ситэй	хитэмй
Дочь	ситè	аджигà	хитэмй
Мужъ	мапай	адэй	мафа
Жена	мамачай	мамазэй	ахангай
Собака	инай или инэй	энэй	инай
Птица	гн	гаһà	гаһà
Рыба	суддигà	шукчè	шюджè
Вода	ули	улè	вули
Рѣка	ули	бизà	ауà
Гора	уа	уа	уа
Солнце	шу и шю	шу или шю	шю
Мѣсяцъ	бѣ	бѣ	бѣ
Звѣзда	ойтà	уайгта	уайхтà
Голова	дыли	дыли	дыли
Глаза	йэ	йинэ	йèһà
Ухо	куà	кой	куай
Ротъ	агмà	анһмà	анһà
Носъ	ню	нюһò	нюһò
Рука	налà	анһадй динһадй	һалà,
Нога	быгдй	багдй	быгдй
Небо	наһня	наһня	могò
Земля	на	на	на
Вѣтеръ	ады	ходù	одй
Дождь	тыгдà	тыгдè	тыгдà
Снѣгъ	эмà	эмаһà	имаà
День	иньнь	инаһня	инаһня
Ночь	догбо	добго	дугбо
Гдъ	агань	анһанй	аһанй
Хорошій	айянь	айанй	айанй
Худой	гаһань	гоһонй	гоһонийè
Короткй	омозà	омозà или омоцà	умаза
Длинный	уаними	уаньмè	уаними
Старый	мафасà	сагдентà	сагблитà
Молодой	сикконй	сикканй	сикконй
Богатый	байà	байанй	байанй
Вѣднй	джебуинь	джебонй	джуанку
Большой	сакдй	сакдй	сакдй
Малый	нисà	низà	низà
Вѣлнй	ичагджà (чà)	чалнйй	чалнйй
Черный	палнйй	палнйй	палнйй
Красный	хуляй	холазèйй	холалй
Желтый	холò	холò	хогджè (чо)
Говору	динһанамй	(би) гагайè	динһандè
Дая	буни	(бу) ямбй	миндэбуйè
Покупаю	джавамй	гадамй	гадй

	р. Бочи.	р. Самарга.	р. Нахту.
Продаю	худасемй	худасй	ходасй
Лежать	каптаннй	катпамй	каптасй (мй)
Стоять	илинй	илиннй	иннй
Сидѣть	таһамй	тойомй	туһаннй
Ѣсть	джиптй	джиптннй	джиптй
Пить	уми	уминнй	умй

Восьма интересно сопоставить имена числительныя, записанныя по тѣмъ же рѣкамъ. Въ нихъ замѣчается больше сходства, хотя мѣстное произношеніе нѣкоторыхъ именъ числительныхъ представляетъ отличія.

	р. Бочи.	р. Самарга.	р. Нахту.
1	омоцѳ	омѳ и оmozѳ	омѳ
2	дѳ	джѳ или дзѳрѳ	джѳ
3	элѳ	элѳ	элѳ
4	дн (и долгое)	дн (ы долгое)	дн
5	тунга	тунга	тунга
6	нѳмѳ	нѳмнѳ	нѳмѳ
7	ната	нада	нада
8	джакпѳ	джакпѳ	джакпѳ
9	Јй	Јй	Јѳ
10	дча или джа	джа или дза	джѳ
11	джамѳ	джа-омѳ	джа-амѳ
12	джадѳ	джа-джѳ	джа-джѳ
13	джала	джа-эла,	дзайла
14	джадн	джа-дн	джалн
15	джатунга	джа-тунга	джятунга
16	джанѳмѳ	джа-нѳмѳ	джанѳмѳ
17	джанада	джа-нада	джанада
18	джажакпѳ	джи-джакпѳ	джаджакпѳ
19	джаин	джл-йй	дяйин
20	уай	уай	ойй
21	уамѳ	уай-омѳ	офамѳ
30	эладжа	эладза	эладза
32	эладжадѳ	эладза-джѳ	эладза-джѳ
40	диджа	дыджѳ	дыза
50	тунгаза	тунга-джа	тунгадза
60	нѳмуджа	нѳмнѳ-джа	нингудза
70	надаза	нада-джѳ	нададза
80	джакпуджа	джакпѳ-джа	джакпуджа
90	йиджа	йй-джѳ	ийдза
100	омѳ тангѳ	омѳ-тангѳ	дзадза
200	дѳ тангѳ	дѳ-тангѳ	джу-тангѳ
1000	оминьга	омпннъга	оминьга.

Наконецъ, приведу нѣсколько фразъ въ переводѣ на языкъ удивъ, живущихъ по упомянутымъ рѣкамъ:

Какъ тебя зовутъ == { Си га биннй (р. Бочи).
 Си га биявѳ (р. Самарга).
 Си гагбйау (р. Нахту).

Онъ даетъ брату рыбу = $\left\{ \begin{array}{l} \text{Сивдудума джеблогойя (Б.)} \\ \text{Мы нау сивджабуа (С.)} \\ \text{Ты буг(х)ани сивджа (Н.).} \end{array} \right.$

Я купилъ эту большую собаку = $\left\{ \begin{array}{l} \text{Би сагды гасемй инай (Б.)} \\ \text{Би энэ гасей (С.)} \\ \text{Савди инай гасимй (Н.).} \end{array} \right.$

Принеси мнѣ огонь = $\left\{ \begin{array}{l} \text{То миндебуй (Б.)} \\ \text{Тду буйя миня (С.)} \\ \text{То агадигй (Н.).} \end{array} \right.$

Что хочешь? $\left\{ \begin{array}{l} \text{Сію галэг(х)й? (Б.)} \\ \text{Явъ галй? (С.)} \\ \text{Сіявъ галэг(х)й (Н.).} \end{array} \right.$
или
Чего тебѣ нужно?

Предлагая вниманію читателя словарьчикъ языка тазовъ, я рѣшилъ параллельно съ своимъ собраніемъ дать и то, что собрано гг. Леонтовичемъ, Протодьяконовымъ, Маргаритовымъ и Назаровымъ. При этомъ считаю необходимымъ сообщить, что г. Леонтовичъ („Русско-ороченскій словарь“, Записки Общ. Изуч. Амур. края. Т. V, вып. II. Владивостокъ. 1896 г.) собралъ слова среди ороченъ р. Тумлинъ, впадающей въ Татарскій проливъ съвернѣе Императорской гавани; г. Протодьяконовъ („Краткій русско-ороченскій словарь“. Казань. 1888 г.) представилъ словарь, обрѣтающихся въ прибрежьяхъ Татарскаго пролива, отъ Де-Кастри до залива. Св. Ольги и далѣе, хотя, по словамъ Леонтовича, главная масса словъ его словарика относится къ амурскому нарѣчію; г. Маргаритовъ (Объ орочахъ Императорской гавани. С.-Петербургъ. 1888 г.) собралъ слова орочей Императорской гавани и привелъ параллели къ нимъ изъ собранія словъ г. Надарова и манжурскія слова; г. Надаровъ (Съверно-Уссурійскій край. С.-Петербургъ. 1887 г.) далъ словарьчикъ орочанъ живущихъ по р. Чуури.

Въ основу положены слова, собранныя мною среди удинъ, обитающихъ по рр. Самаргѣ и другимъ, впадающимъ въ Великій океанъ. Словъ незаписанныхъ мною я не привожу, хотя они существуютъ въ словарѣ г. Леонтовича или другихъ моихъ предшественниковъ.

	Назаровъ.	Протодіаконовъ.	Маргаритовъ	Леонтовичъ.
--	-----------	-----------------	-------------	-------------

А.

Амурь(р) Намунка, Мамгу	—	мангу	—	мамни
Ахъ ты собака (брань) инахи мадала	—	—	—	—

В.

Бабочка—коня	—	—	кочакъ	коньякъ
Бабушка—(по матери) анига	—	сандани (по отцу)	атанга	атанга
Бакенбарды—навсу, тамого	—	—	—	науси
Балаганъ вообще—кава	чукдй чолб	—	—	—
Балаганъ для провизии—быцианна	—	—	бабты	инили-кочакъ
Банка—тукури, токоро	ангала	—	токоро	токоро
Бедряная кость	—	—	—	—
связь—чики, дувги	—	—	—	о
кость о, уо	—	—	—	—
Беззаботный—байси, гндыни	—	—	—	паксиаси
Безовъстный—олёко—мага, шуляй (солони)	—	дерреку	—	деріакб
Безстрашный—мѣва—манга, аякта—манга, манганъ	—	—	—	манганъ
Безумный—меланекі, маялаче	—	мыелечи	—	маялаче
Безуровный—миндымй	—	—	—	—
Бей—мктаба, ситайа, миндапа, паталапа	—	—	—	{ миндапа, паталапа.
Берегъ:				
часть суши—санчи—керани, уркенй.	—	} на	—	{ сапсалб
> воды—ури	—		—	
Береза—чалба, чалба	таламонй	ивогда	чаба	чаба
Берѣста—талу, укса	соктб	чабба	талу	укса
Бери (=на тебѣ) буй, джавана	—	дуавага	—	джива(к)на
Беру я = (держу я) би джавамъ, джавачамъ	—	—	—	{ би джавамъ
Бидеть—пйу	—	пекунб	—	пйу
Бисерь—няуджокб, нюрбги	—	сюрахта	—	ѣ(к)гджокб
Бить—тукти	—	сентулѣй	миндомй ¹⁾	—
> палкой—дуктами	—	—	—	{ миндѣй, патылѣй
> кулакомъ—санталами, шанталѣй	—	—	—	хэнтулѣй
> ладонью—сазалами, панядѣй	—	—	—	{ хангадѣй, паньадѣй
Бичевка—хуку, батунй	—	{ иконда, (би-чевникъ-киктанъ)	—	{ батунй и бытунй
Благодарю—банина	—	—	—	банина

¹⁾ Г.г. Маргаритовъ и Протодіаконовъ не обозначаютъ, чѣмъ бить.

	Надаровъ.	Протодіаконовъ.	Маргаритовъ	Леонтовичъ.
Благодарить—банихамі	—	—	—	—
Блевать—исахамэ, хужяжи	—	—	—	исэй
Блестящій (—яркій) гөкү	—	—	—	митайсий
Ближній—мунджабб	—	—	—	авокэ
Близко—данзи	—	лаки	ляка	лакэгонё
> очень—дазабиний	—	—	—	лакэ
Близнецы—адау, адакү	—	—	—	адау
Влочь—алукта, сими	—	—	—	амукта
Влоха—сюа, сюра, шюа, тхуди	—	суа	—	с(ш)юа
Влядь—хагнау-манга, паида-ониманга	—	—	—	—
Влядунь—хуандень-манга	—	—	—	—
Вляха—абгү	—	{ дзэли (на пе- редникъ)	—	ачиһа
Богатыц—баяни, бай	—	бай	—	бай
Богульникъ—сянкэ	—	—	—	сянкэ
Богъ—Андурй, Буа	эндүрь	эндүрь	боа	андурй, буга
Боекъ бубна—геасю, гиү	—	—	—	шаю
Бокъ—огдб, боё	аутиля	—	окдомй	окдб
Болото—вяү, чяхтахайчуой	—	—	—	чипукта ¹⁾
Вольно—ана, авэһэ	—	—	анана	анб
> очень—ана-ана	—	—	—	анана
Ой больно!—чүманга	—	—	—	—
Больной—уныни, тэ-ану-һиэ	—	энуси	—	анусинё
Больше еще—байда сагдэ	—	бади (болёе)	—	байда сагдэ
Больше еще и еще—чүсагдэ	—	—	—	{ каата багдэ
Большой—сагдэ, саг(к)ды	—	сакди	сакды	сагдэ
> самый—чусагдэ	—	—	—	чусагдэ
Болъть—ануси	—	—	—	ануси
Борода—гуакта, гуакта, утахта	гуакта	кукэхта	гуахта	гуггахта
Бородатый—уанимэ гуакта	—	—	—	—
Бортъ (лодки) большой—огдэ тубуй	—	—	—	окдонй
> малой—тактани	—	—	—	тактани
Босой—нюлакэ, сарбэ	—	нулакй	—	унталачй
Бочка—синдонго	—	—	—	синдонго
Боюсь я—би нгаламё	—	—	—	би нгаламё
Браль я—би джавамй, джаванамё	—	—	—	джаванамё,
> ты—джавай	—	—	—	дживачаһа-
> овъ—ты джавай	—	—	—	мё
Браслеть—буляпты, балинты	—	киляпту	—	пелашту
Братъ—хая, андү, ага	—	—	—	—
> младшй — наһумэ, нагокунэ, науни	—	пукү	—	нокб
> старшй—ахкемэ, аха, аханунү	—	ака	аха	аха
Братъ—джавамй, дживамё	—	—	—	{ джавай,
Бревно большое	—	—	—	дживагэй
> обыкновеннос — мо, бавмо	лята	—	амигда	сагды-мо
Брезентъ (изъ берёсты)—икай, сягды	тука	—	пкая	мо
Бровь—гулыга, самякта	гулыга	самикта	кимикта(ё)	икай
Бросать—ногавэ, уандамэ	—	—	—	са(я)микта
Бросить я—би ундамэ	—	—	—	пода(ивё)
Брось—си уандэ	—	нодү	—	нодоһамё
Бросьте—агдни уандэ	—	—	—	подоһб, подоһ
Брусника—та(и)кта, гоббонкү	—	—	—	подовасё
				{ алаугаббон- ку, гоббонкү

¹⁾ Это слово значить грязь.

	Надаровъ.	Протодіяко- новъ.	Маргаритовъ.	Леонтовичъ.
Брусь—точило	—	хивó	—	—
» тонкій	—	—	—	нивá
» толстый	—	—	—	авá
Брюхо—амугдá, омугдá	—	ому́кдэ	—	амугдá
Бубень—бунтуи	—	унту́	—	унту́
Буда (китайское просо) джянтá	джакуá	—	діактá	діактá
Будеть (онъ) биджаннанъ	—	—	—	биджаннанъ
Будешь (ты) биджаннастъ	—	букэ	—	биджаннастъ
Будя (разбудя) сяюка, сяюбá	—	—	—	сяюбá
Будиль я—сяюнамъ	—	—	—	сяюнамъ
» онъ—сяюнанъ	—	—	—	сяюнанъ
Будить—сяюмъ, тэ́э	—	—	—	сяючí
Будущій годъ—гочи, готанганъ	—	—	—	гочи
Бужу (я) сяюмъ	—	—	—	сяюмъ
Булавка—тыкпá	—	—	—	—
Бумага—навсá, хавзá, хауйэ	—	хаусá	—	наусá
Буравъ большой—лунгú	—	—	—	лонгó
» малый—лунгú	—	—	—	лонгоокó
Бурундукъ—ату́э, угукэ	—	укукэ	—	угукэ
Буря—окси, адды-адыйи	—	—	—	адды-адыйи
Бусы большія	—	—	—	сюракта
» среднія	—	—	—	нэгдó
» малыя	—	—	—	чыһытэ
Вутылка—токолó, тукуру́	—	тукуру́	—	токорó
Вухта—онё	—	—	—	онгó
Выкъ—йивá, янá, ивá	—	—	—	ивá
Въгать (бъжаты)—тутуйэ, тукэни	—	—	тугоди́	тутуй
Въги—тугуá	—	тутуни́э	—	тугуá
Вѣда—чумангачи-льангалаламъ	—	валегá	—	мангá-ла- намъ
Вѣдность—джечёмí	—	синади́	—	джечёмí
Вѣдный—джуанкú, джебони, джобуйнъ	—	джабой	—	джечэйи́
Вѣлка—олёйи, олёко(й)	—	хокó	олёки	олоки, хокó
Вѣлуга—ади́	—	махта́	—	аси́
Вѣлый — чаакдá, чя(а)лын чаливи́, нчаг(дж)чá	—	чекэ́	чакдá	чаакджá

В.

Валекъ (глиен)—бактоны	—	—	—	макчи(г)ни́
Валь (воды) якки	—	—	—	кополó
Вари (ты)—икобó, икоó	—	—	—	икобó, икоó
Вариль (я)—иколамъ	—	—	—	иколамъ
Варите (вы)—икососъ	—	—	—	икососъ
Варить—икосí, олэктамэ	—	икувэ́	—	икосí
Варю—икосимъ, би олэктамэ	—	—	—	икосимъ
Вата—данá, ювá	—	юхá	—	югá
Вверхъ: вообще—уйни́, уйи́ уандамэ	—	юлоки-энегэ́	—	уйлá
» поръкъ—соленаджамí	—	—	—	улэвá
Вдвоемъ мы—биты́	—	—	—	диты́
Ведрó—мудакки, молонí, мулькэ	—	—	—	кункá
Вѣдро—айá, буá, айá, ина(н)ни́	—	калкагá	—	буá
Вездѣ—ивадачупáль	—	сюнту́	—	ивадачупáль

	Надаровъ.	Протодіаконовъ.	Маргаритовъ	Леонтовичъ.
Веревка (изъ крапивы)—вогб.	хукѹ	понпотѹ	хукѹ	—
а) для лука—хукѹ, хукѹ	—	—	—	гхукѹ
б) для невода—иннѹ	—	—	—	—
в) для самострѣла—укда, гоккѹ	—	—	—	укдѹ. гокку
Веретено—поуѹ, портѹ.	—	—	—	поортѹ, форфтѹ
Вертлюгъ (у нарты)—махталѹ, тонѹ	—	макцигѹ. дѹ	—	макчи h)гѹ
Вергѣть (сверлить)—сангналѹ (сучить) поравѹ	—	кѹндѣлигѹ	—	сангналѹ
Веселѹй—чѣра-бѣта бѣиннѹ	—	—	—	ѹнѹѹ
Весло (бортовое)—гѣвъ	сыѹ	кеѹръ	скѹй	г(ѣ)ѹѹ
» двуперое—шѹй.	—	—	—	скѹй
» лопатка—могѹ, маббѹ, малбѹ	—	мѣлбѹ	—	малбѹ, маббѹ
» рулевое—сѣвъ, шѹ	—	—	—	сѣѹ, сыѹ
Весна—накѹ	—	нокнѹ	—	нягнѹ
Вечеръ—сикѣ.	—	сиксѣ	—	сыксѣ
Вещь—хаджѹ	—	джака	—	таѹ
Вздохъ (послѣднѹй умирающаго)—ѣнпѹ.	—	—	—	—
Взять—джявайѹ	—	—	—	{ джявай, джявагѣй
Вилка—исапѹнѹ.	—	сапѹнѹ	—	с(ш)апѹнѹ
— для остроги—маймѹ	—	—	—	донксѹ
Вятовка—маусѹ	—	пичѹ	—	{ пинтакѹ, мячѹ
Вода - ули, вулѹ, улѣ.	ули	мѹ	мѹ	му
Водка—аракѹ.	—	—	—	аракѹ
Водяной—амбѹ	—	—	—	ганкѣря
Возмѹ-джявайѹ, миндебуйѹ.	—	джевѹй	—	джяваджямѣ
Волосы (челов.)—лѹгѹ нѹкта	нѹкта	нѹктѣ	нѹкта	нѹкта
— сохатаго—инакта	—	—	—	—
Воронъ—га(х)нѹ	(ворона) --гаи	гакѹ	—	гакѹ
Воротъ (рубаша)—таѹѹ, монпочонѹ, монѹ	—	—	—	{ монгѹ рушѹнѹ
Воротникъ вышитѹй бисеромъ—ча(я)-мѹ	—	—	—	—
Воръ—джомошѹй	—	чоочѹ	—	{ джѣомичинѣ чоочѹ. чооло- ханѣ
Вошь, вша—кумѹнѹ, кумкѣ	—	—	—	кумѹнѹ
Врешь—шѹлачѹ.	—	улочнѣй	—	ул(оо)уукѹ
Все равно—омутѹ.	амотѹ	—	ума-далѹ	умадалѣй
Вскипѣть—пѹхоуснѹ	—	—	—	хуоч(с)нѹ
Выдра—джѹкѹ, дѹкѹ	—	джѹкѹ	дѹкѹ	дѹкѹ
Выливать—мибанталамѹ	—	—	—	ункѹй
Вымывать—сикки, сиккиямѹ.	—	—	—	{ сикки. сик- кив(ѣ)и
Выпить—умѹ, умнѹй.	—	—	—	умѹ
Выпотрошить—хуктаснѹмѹ	—	—	—	ачѹй
Высморгаться—лакбасѹй	—	—	—	иннѹнѹй
Выстрѣлить—миосаламѹ	—	—	—	—
Вѣникъ—апшѹнѹ.	—	апшѹнѹ	—	апш(г)нѹ
Вѣсы—чан(н)ѹ	—	дынгсѹй	—	данкѣй
Вѣтеръ—о(а)дѹ, ходѹ.	—	ѣдѹ	аоѹ	адѹ
Вѣтка малая—сооктѹ	—	—	—	сооктѹ
» большая—га.	—	—	—	—

	Надаровъ.	Протодіаконовъ.	Маргаритовъ.	Лесонтовичъ.
--	-----------	-----------------	--------------	--------------

Г.

Гвоздь—ча(я)бѣ	—	тыпнѣ	—	тыпнѣ
Глазъ—ивѣ, ябкѣ, йиѣ, йѣнѣ, йѣ	я. ягѣ	исѣ	исѣ	исѣ
Глина—согѣб. согджѣ	—	сютѣ	—	{ туалѣ уве- паѣ
Глухарь—хоай	—	—	—	хоокѣ
Гнилос (дерево)—уттѣ	—	пийнѣ	—	ивѣнѣ, иивѣнѣ
Гнилушка—уттѣ	—	—	—	утѣ
Гнѣздо—хуйнѣ	—	—	—	{ хуйумѣ, хуйумѣ
Говорю—диванамѣ, диван(д)ѣ, бигагайѣ	—	кукамѣ	—	дыгтамѣ
Годъ—ананѣ, ананѣ, аганѣ, ананѣ	—	анганѣ	—	анганѣ
Голенище (сапогъ)—амнѣ	—	—	—	тыаксѣ
Голова—дылѣ	дылѣ	дѣлѣ	дылѣ	д(ы)лѣ
Голый—айтагмѣ	—	—	—	ивлакѣ
Гора—уѣ	уѣ	уѣ	уѣ	уѣ
Горбуша большая—чѣма, чумѣ	—	—	—	чѣма
> малая—оѣб	—	иккѣ	оѣ	оѣ
> особаго рода—гадѣлѣ	—	—	—	исимѣ
Горить—джягдѣ	—	джемдѣ	—	джягдѣ
Горло—котѣ, котѣ	—	могекѣ	—	биггѣ
Гость—джимамѣ	—	андаѣ	—	{ димамѣ, (близкѣй) андаѣ (дальнѣй) боонѣ
>	—	—	—	—
Градъ—бонѣ	—	бонѣ	—	—
Грачъ—туай	—	—	—	—
Гребень съ однимъ рад. зубцовъ—идѣ	икдѣ	—	икдѣ	игдѣ
> съ двумя рядами—малѣ	—	—	—	—
Гробъ—ортѣ, окдѣ, окдоѣ	—	укдокѣ	—	окдокѣ
Громъ—акдѣ	—	акдѣ	акдѣ	а(к)гдѣ
Грудь—тынгѣ	тынгѣ	тѣнгѣ	тынгѣ	тынгѣ
> женщины—оѣ, кѣсѣ	кѣсѣ	чѣ	оѣ	оѣ
Грязь на улицѣ—чѣкпойнѣ	—	тепѣ	—	сютѣ
> на гѣлѣ—ауй	—	—	—	ивнгисѣ
Губернаторъ—амба	—	мырѣ	—	мырѣ (китсѣ)
Губка древесн.—ботѣ	Ботѣ	—	—	—
Губы—хамѣ	хомѣ	хѣмѣ	ханѣ	хамѣ
Гусь—хуйсѣ, ивгнѣ	—	ивгнѣ	—	ивгнѣ

Д.

Да—ивкѣ	—	—	ивкѣ	й
Давать—буямѣ	—	—	буй	буйвѣ (?)
Даю—бумѣ, мивдѣбуйѣ, синдѣбуямбѣ	—	—	—	—
Дверь—уактѣ, угутѣ	уаптѣ	уктѣ	уаптѣ	уккѣ, дзѣндѣ
День—ивна(г)нѣ, иивнѣ, иивнѣ(н)нѣ	ивнагнѣ	ивнѣгнѣ	ивагнѣ	ивнагнѣ, иивнѣ
Деньги—джѣнѣ	—	джѣнѣ	—	джилѣ
Деревня—ивтулѣнѣ	—	касанѣ	—	гассѣ (гилѣд.)
Дерево—мѣ	мѣ	мѣ	мѣ	мѣ
Десна—ивтатаивнѣ	ивтатаивнѣ	—	ивгнѣ	иврхѣ

	Надаровъ.	Протодіаконовъ.	Маргаритовъ	Леонтовичъ.
Дитя—хитѣ	—	хитый	—	хитѣ
Длинный—уаними, уаньмѣ	—	—	—	нгонимѣ
Дно (лодки)—хаони	—	—	—	ха, хаанги
Дождь—тыгда, тикдѣ	тикдѣ	тикдѣ	тикдѣ	тыгда унага
Долбило (лодочное) бандя, унага	—	—	—	нангна
Долгъ—нангда	—	нангна	—	чюкү
Дозото—чүкү	—	чүкү	—	дн
Домъ—джү	—	акдү	—	хоктѣ
Дорбга—хонтѣ	—	хоктѣ	—	капнагэи
Доска—дандч(ж)ѣ	—	укдоксѣ	—	—
» для тѣста—капни	—	—	—	асаманитѣ
Лочъ—аджигѣ, ситѣ, хитэмн	—	аса	—	най
Древко остроги—тулямн	—	—	—	боокѣ
» стрѣлы—инни	—	—	—	саса мяучани
Дробовикъ (ружьѣ)—саса. мяучани	—	—	—	чуманга, { андѣ (кит.)
Другъ—андѣ	—	—	андѣ	олонкѣ
Дубъ—олонкѣ	—	—	—	тээмбуя
Дужка (въ нартахъ)—чамбо	—	—	—	—
» (у ведра)—(дж)чанги	—	—	—	—
Дуть—хумн	—	хүгѣ	аддынн	—
Дуракъ—туксавѣ, пагга	—	—	—	пагга
Дымъ—сагни	сагни	сагни	сагни	сагни
Дыра вообще—санга	—	санга	—	санга
» въ одеждѣ—чагвинн	—	—	—	буяга, буяганн
Дѣвочка—адико(ѣ)	аткига-гонегн	—	ачха	ад(з)жяка
Дѣвушка—хатала	хатали-гонегн	хапа	хатала	хатала
Дѣти—ситѣ(н)	—	—	—	хитэй
Дядя—абуна	—	акга	—	туя

Е.

Еб. тѣ твою мать—туксавѣ сила	—	—	—	—
Ель—хасиктѣ	—	—	—	асиктѣ
Еноть—абуйна	нѣ	яндокү	—	яндака
Есть—би	—	би	—	би
Есть ли?—синдубіоу?	—	—	—	кисиво?
Еще—ня	—	ня	—	ня

Ж.

Жабры—сянга	—	—	—	сянга
Жарко—хакуни	—	хэвү	—	накѣ, хакусн
Желтый—холѣ, хадж(ч)ѣ, холѣ	—	сокчѣ	шѣкдѣ	сокдѣ
Желѣзо—селѣ	села	селѣ	села	сяла
Жена—мамачай, мамазнн, ахантай, унда, асийнинн	—	асамь	—	асамь
Жестъ—актѣ	—	актѣ	—	актѣ
Животь—амугдѣ	мангү	—	амукдѣ	амукдѣ
Жирный—боггѣ	—	бувү	—	боггѣ
Журавль—хуйзѣ	—	корѣ	—	куруя

	Надаровъ.	Протодіаконовъ.	Маргаритовъ.	Леонтовичъ.
--	-----------	-----------------	--------------	-------------

З.

Завтра—тыманя	—	тымэй	—	тым(э)ё
Завязка у копыя—наккаһа	—	—	—	гаккала
» у сапогъ—сюкеһэ	—	суксэ	—	сукся
Загородка у рыбной ловушки—лаба	—	—	—	—
Задь—омбó	ай (ница)	—	амбó	амбó
Задю (спичку)—пундэ	—	—	—	{ худзамё
Зажечь, зажигать—джегды	—	—	—	{ худзяһас
Заколотъ копьемъ—гидалэй	—	—	—	{ джягды
» ножомъ—кужули	—	—	—	{ гидалэй,
» острогой—аки	—	—	—	{ гидэй
Замокъ обыкн.—ёзо	—	есó	—	{ куч(у)элэй,
» ружейный—тумужа	—	—	—	{ китуд(э)ай
Заплата—сананаври	—	—	—	аки
Заплетать—дж(ч)авагурй	—	—	—	ёсó
Затылокъ—гадыһа	гадыга	—	апакé	шамакй(ни)
Затычка (у берест. солонки)—экап- тынй	—	—	—	намасипты
Заяц—чагчемпу, тукса	—	чакчемпу	—	иличац
Звезда—уак(к)та, ойтá	уекта	хопкта	огекта	ча
Звѣрь—бой	—	боо	—	липпиптынй
Здравствуй—сородэ (гил.), вакдывэ	—	бакчэфуну	соодé	чакджампó
Зеленый—нюгджó, нолюйй	—	негдча	кури	хосикта
Земля—на	на	на	на	боо
Зеркало—ханянкó	—	ханянту	—	{ соодэ, сородэ
Зима—туа, туб	—	туэ	—	{ со(к)вгиль(га
Змѣя большая—джябди	—	джапта	—	{ солгига
» малая—микй	—	микй	микй	на
Золото—айзи	—	айси	—	наняпту
Зубы—ита, икта	икта	иктэ	икта	туá (?)
Зубка денная—амуһа	амугé	—	аму(к)га	джябда
» ночная—дуй	—	—	—	микй
Зять—авэй	—	—	—	айси

И.

Игла стальная—инма	—	инма, кита	—	инма
» дерев. для невода—ильма	—	—	—	саппу (гольд.)
Изюбрь—кяһа	канга	боча	—	буча
Икра (рыбы)—чава	—	чапа	—	чапа
» (ноги)—тыдэй	тизай (титяй)	—	тидякы	тыдзякй
Императорская гавань—хадй	—	—	—	хадй
Имя—габбу	—	кэппй	—	габбй
Инструментъ для выдѣлки кожи рыбей—чочó	—	—	—	—

	Надаровъ.	Протодіаконовъ.	Маргаритовъ	Леонтовичъ.
К.				
Кабанъ (дикій)—на(х)ктá, пуса	—	нектá	—	нактá
Кабаргá—андá	—	боукó	баукá, авдá	баукá, авдá
Кабарговая струя—пунгó, фунгú	—	хонкó	—	пунгú
Камбала костистая—каблэй	—	—	} каббой	каббай
« правоглазая—киг(ó)ала	—	—		малú
Камень—янчá, джолó	полó (дэжолó)	дчолó	джёлó	джолó
» кузнечной печи, куда вдéланъ мѣхъ—ийá	—	—	—	—
Капуста (морская)—кайгú	—	—	—	{ канюó, ка- ню
Каша—лалá	—	—	—	лалáкó
Кашель	} симбуй	—	—	симпí
Кашлять		—	симпí	—
Кедръ—кункó:	куанкó	кокó	кункó	к(у)онкó
Кета—давá	тавá (табгá)	исимá	давá	давá, давахсá
Кисеть (для табака)—хали	—	падú	хали	{ падú (гольд.) халó
Кисть (руки)—кандунáи	ханá	—	налá	умнú
Китаецъ—винкá	—	—	—	нинкá
Кить большой—калэмá	—	кальмо	—	калэмá
» малый—кангí	—	—	—	аянгá
Клюква—гаахтá	—	—	—	гаахтá
Ключъ воды—уляини	—	бекгá	—	бака
» замка—анакú	—	анакú	—	анакú
Коверъ—сактаú	—	тэнкú	—	{ сактаú (и танкуни)
Ковырялка трубки—кэгúлакú	—	—	—	китуланкí
Кожа человѣка—актани	—	—	—	агтá
— звѣря—нiá	нигá	насá	нагá	насá
— рыбы—сиоббú (кеты—давахсá)	гúса	субпú	сшюбú	сиоббú
Козуля—гúчá, козали	ниактá	кеучá	гúчá	гúчá
Колдунъ (шаманъ)—шамá	—	—	—	шамá
Колокольчикъ—конгоктó	—	коноктó	—	конгоктó
Кольцо (украшение руки)—уняпты	уняпты	оняпту	иняпту	{ иньяапту, иньяпту
— для большого пальца—бухты	—	—	—	—
Колчанъ—кумí	—	—	—	—
Колѣно (часть ноги)—ха(ы)нгó	хангá	—	ханнó	ханнó
— (племя)—омуджалá	—	—	—	—
Комаръ—гамактá	немактá	кармактá	гамактá	{ гамактá, гармактá
Конь—мурí	мыí	—	мурí	мурí
Копыто—куазани	—	—	—	уни
Копье—хондó, гидá	гидá	кидá	гидá	гидá
Кора (древесная)—таалú	илакó	—	ывахтá	ивактá
— еловая—во(х)тá	—	—	—	—
Корень—таганí	—	кыгэнъ	нинта	тагá
Корма—айни	—	—	—	инкичаú ¹⁾
Коробка—уякá	—	умагá	—	умма(h)гá
Коробочка для трута и кремня—бураһ- тá, сы(и)ктá(ы)и	—	—	—	{ сыктá(h)гí ситыгí
— для ложекъ—кулюмкú	—	—	—	—
Корова—ягá	—	ехá	—	иһá
Короткíй—умазá, омо(а)зá	—	умí	—	умí

¹⁾ По словамъ моего переводчика это слово значить «править».

	Надаровъ.	Протодіаконовъ.	Маргаритовъ.	Леонтовичъ.
Коса (волосъ) у женщины—токта	—	} чочокб	чочкб	патэпты
» у мужчины—чочкб, чочокб	—		—	чочкб, чочокб
» (орудіе)—чотоку	гайдыга		—	—
Кость—глава	орб	кямса	гіамша	іямса
Котель вообще—юто	кхб	кала	икб	икб
— большой—дантн	—	—	дантама	дантама
— для чумидзы—йокб	—	—	—	—
Крабъ—кат(х)ы	—	—	—	дзявагда
Красный—холодиги	—	секже	секде	сягда
Кремень—митб	—	бу	—	бу
Кровь—сякса	—	сексэ	—	сіакса
Кружка изъ бересты—чѣкб	—	—	—	—
Крупа (китайская)—джякта	—	—	—	джякта
Крыса—синга	—	синга	—	синга
Крыша—альбаври	—	—	—	абб(а)опты
Крышка (ящика)—кумта	—	—	—	кумта
Крюкъ для рыбы—то	—	—	—	роккб
» для котла—обб, синка	—	—	—	} обб(h)го
Кузнецъ—пакчинѣ	—	—	—	
Ковать—тавзюй	—	} тавучи кусть-таучи	—	таучи
Кулакъ—сянто	—		сянту	—
Купаться—абгасюври	—	аббасий	—	аббаси
Кури—умури	—	омига	—	умиѣ
Курить—дамкми, дамдеми	—	—	уми	уми
Курокъ ружья—чумузани	—	—	—	с(ш)имичани
Кусать—итта	—	(ся)иктамони	—	иктакин:(п)
Кушакъ—уму	—	омурь	—	уму
Кэта—тата	тава, дабга	исима	дави	дави, давахся

Л.

Лавка—дампулі	—	—	—	лавка
Ладонь—ханя	ханя	хангай	ханя	ханга
Лапа медвѣдя—хагга	—	—	—	хагга
» собаки—инабагдыни	—	—	—	хагды(и)ыни
» птицы—чабанъ	—	—	—	чопокб
Лебедь—күку	—	күку	—	күку
Лѣдъ—дѣне	дзуга	джукб	дюка	дюка
Лежать—каптанми, каптами, катани	—	анинки	черочи	чороочи
Летучая мышь—азягдова	—	укү	—	халакдок
Лисица обыкновен.—сулай, сюлаки	сулий	солаки	сулякб	сулаки
» чернубурая—авата	—	авата	—	авата
» крестовка—кэтэна, хандагдѣ	—	—	—	киты
Листъ (древесный)—абдѣ	—	абдаса	—	абдаса
Лицо—дагби, ауми	—	дэгни	—	} да, дагни, осни (?)
Любь—хойб	хай	—	гилюка	
Людка—ана	тамтыгб, ана	укда	укда	укда, укда
Ложка (ружейная)—хонгони	—	—	—	мяучамони
Ложка—унига, хоня, сухонкб	унига	унига	уника	унига
Локоть—исб	исб	—	ичб	ичб
Локтевая кость—симикта	—	—	—	симикта
Лонцукъ (съѣдобная трава)—чукуни	—	—	—	—
Лопатка (всело)—тву	—	—	—	гилипука

	Надаровъ.	Протодіаконовъ.	Маргаритовъ.	Леонтовичъ.
Лось—огбѣ	—	—	—	ТОКИ
Лошадь—мыль	—	мори	—	МУРИ
Луна—бя	біа	бѣ	бѣ	бѣ
Лыжи—сюала, сукта	—	сюекта	—	СЮЕКТА
Лысина—кото	—	—	—	(Х)КОТО
Лѣсъ—асиннй	—	—	дыгй	АСИННЙ
— небольшой—(дж)чагдынй	—	—	—	—
Лѣто—джю(о)а	—	джуа	—	ДЖЮА
Лягушка—охй	—	эки	—	АКЙ

М.

Малый—вис(э)а	—	—	ничй	НИЧѢ
Мальчикъ—патá	аука-гонегй	—	итá	НИЧЯНѢ
Масло—иму	—	—	—	ИМУКСЯ
Мать—авинна, ани(н)га, аня	онигó	эне	аньга	АНЯ
Медвѣдь вообще—мафа	мафа	мафа	мапа, мафа	МАПА
— самецъ—гигó	—	—	—	ГИГА
— самка съ дѣтенышами—хунй	—	—	—	ХУНА
— > безъ дѣтен.—ася-мафа	—	—	—	АСЯ
— > —мапа	—	—	—	—
Могилá—кóй	—	—	—	КÓЙ
Модель ловушки для ловли рыбы—укó	—	—	—	—
Мокрый—чиппа	—	—	—	ЧИППА
Молодой—сикхови, сик(о)ани	—	ыккенй	—	ЫККАНѢ
Молнйя—агитонй	—	—	тамениси	ТАЛИНСИНѢ
Молоко—косо сабденй	—	укó	—	ОКÓ
Молотокъ—халó, халуна	халданхó	халова	халука	ХАЛУНА
Молотокъ деревян. для выдѣлки кожъ— кунку	—	—	—	ПАПАТО
Монета серебряная—монгó	—	дчекга	—	ДЖЕГА
— мѣдная—гауá	—	—	—	—
Морс—намó	—	намó	намó	НАМó
Морская корова—мынкó	—	—	—	—
Морошка—иньямукта	—	—	—	ИНЬЯМУКТА
Мошь обыкн.—набуна	—	—	—	НАБÓ, НАБУНА.
— оленйй—лаукта	—	—	—	ЛАУКТА
Мошка—балинза	хумукта	—	гумахта	ПУМПУТО
Мужъ—мафа, мапай, адóй, утаки, нянта	—	ади	—	АДЯНИЙ
Музыка (дѣтск. игрушка)—кумкайó	—	—	—	ТАНКАРА
Мука—офа	охва	упá	упá	УПА
Мунштукъ (трубка)—амахчинй	—	—	—	ШѢЙ
Муха—гобó, коба	говó	—	гилюка	ГИЛУНА
Мушка (ружья)—исакчи	—	—	—	СИГАНИ
Мыло—иза	идза (кит)	—	сиккинки	СИККИНКИ
Мышь—синга	—	синьа	—	СИНГА
Мѣдь—чинга	—	точй	—	ЧИКТА
Мѣсяць (по времени)—бѣ	—	бѣ	—	БѢ, БѢ
Мѣхъ кузнечный—куга	тынга	—	—	КУГТА
Мѣшокъ обыкн.—си	—	доли	—	ДАЛО
— > для мелкихъ вещей—часй	—	—	—	БУНДУКУ
Мясо—ула	пуляпты	укто	укта	УКТА
— > сущеное (лося)—огизá	—	—	—	ХУРИКТА

	Надаровъ.	Протодіаконовъ.	Маргаритовъ	Леонтовичъ.
--	-----------	-----------------	-------------	-------------

Н.

Наковальня—джиля, дарашю	—	—	—	дарас(у)ю
Наперстокъ—уныпты	—	иняпты	—	{ иняпты
Нарта (сани для собакъ) туһи	—	тукки	тукки	тукки
Нары—накха, пэ	—	навэ	—	тамс(и)ы
Наушники—джявха	—	септы	—	{ джяуки, сэгдуһа
Небо—нягня, тогó	тимадула	боа	нягня	нангня
Небо—кэгэ	—	—	—	каһа
Неводъ—дагдалы	—	—	—	дагдалы
Нерпа—х(ы)этта, һатта	—	хэтá	—	(г)һаата
Нитки—сиакта, сикта	—	хупэ	—	х(һ)упá
Нога—(ба)ыгд(и)ы, пукгá	унки	быкды	букды	баг(к)ды
(Божа съ ноги=багды хосолэни)	—	—	—	—
Ноготь—һойкта	уайкта	хосикта	огекта	һосикта
Ножницы—хадзá	—	хаджá	—	хаджá
Ножъ—кутихгэ, кучиһа	чагдá	хинасу	кучка	{ куч(һ)ага кучька, ап- пáли
Ножъ для строганья—кхутига, кочика, аппэли	кушига	кучигэ	аппели	{ сянáу, сян- дыга сянубá
Ноздря—нюсаһани	салдонй	сендэгэ	пиксо-сана	нюсá
Носъ—нюв(и)о, ню, нюб, эндюха	нюгэ, вибнэ	негсó	нигчó	нюсó
Ночь—д(о)угбó, добгó	докбогюнь	добó	доббó	доббó
Нү, ну!—га, гá!	—	бала	—	га, гá!
Ныть—авчи	—	май-макэ	май-макó	—

О.

Облако—сюоний	—	токсó	—	токсó
Обмануль—солази	—	аркалаха	—	аггалаһамá
Ободъ бубна, гиу	—	—	—	мунй
Обувь—унта	—	унта	—	унта
Огниво—няһа—якха	—	моды	—	моды, моодó
Огонь—тхуб	тó	тó	тó	тó
Одежда—шики, тагá	тагá	тэккó	тагá	тагá
Одьяло—хула, окта, пультá	—	кокта	—	һукта
Ожерелье—момоли	момоли	—	пиокчжогó	{ авьяһа, сяккá
Озеро—тунги	—	уси, ому	—	аму
Окно (дыра вверху юрты)—биоты, чонхó	—	павá	—	павá
Олень ручной—орó	—	орó	орó	орó
> дикин—ю, идай, (и)ыкдахкэ, тхуе	—	—	икдахэ	{ (ы)ю, ыкда- кэ(ы)ю
> понтовый—пунту	—	—	—	онджив(ы)ю
Орель—киза	кязá	кязá	кязá	кизá
Орхъ кедровый—куйкта	няпта	боктó	куйта	куйкта
Осень—болó	—	болó	—	болó
Островъ—буһага	—	боочá	—	буачá
Острога для нервы—майма	майма, пакпа	—	гынимá	дж(о)ёбо
> для рыбы—тагó, сункхы	—	—	—	{ днуимнэ, мо- нима

	Назаровъ.	Протодіаконовъ.	Маргаритовъ	Леонтовичъ.
Отець—абун(а)у. ама	абга	ама	ама(н)а	ама
Отъ берега—кэатынн	—	—	—	дыла
Охота—байчюй	—	—	—	байчн
Очагъ—гүо, ха	—	—	ува	{ тапту, та- ванту
Ошейникъ—ала	—	алла	—	ала

II.

Палатка вообще—анга	—	—	аббана	аббана
» двускатная—майка	майка	—	—	майка
Палець вообще—уня, уняга	бокты	чумучу	уняка	уняга
» большой—хуб	ху	хунчу	хуму, хугу	хонго
» указательный—чю	дурунту	чепочу	шн, думоту	{ чнпооцу, чомочо
» среднй—дулэнтн	цымузынн	дулуту	дулятү	дулутү
» безымянный—чимчаагонн	сюс	акки	{ чимчака- аконн	ганьга-эку- акнн
» мизинець—чимча	чимча	гаяку	чимчака	ганьгаю
Палка вообще—мү, туню	сакта	—	мо	мо
» къ лыжамъ—тн	—	—	—	ты(й)яу
» для управл. нартами—туни	—	—	каурьн	{ каурнги, каурн
» шаманская—гн	—	—	—	тыонь, тын
Палочки для копченн яюлы—сэвз, дыпты	—	—	—	—
Палочки для ѣды—сабу	—	—	—	—
» для жаренн рыбы—шилау	—	—	—	—
Парусь обыкнов.—кутурн	—	кутули	—	кутули
Пей—умнджа	—	омнга	—	умнн
Пепель—хуляпта	пулякта	хулектн	омокн	хуляпта
Передникъ—лалн	—	—	—	лалн
Перепонка (на лапахъ птицъ)—мананн	—	—	—	нактамукс
Перо—овокто (крыло—дакты)	тактыга	—	{ дактага, упуктала	дактася
Перстень—унятн	—	уняпту	—	{ иньяапту, иньяапту
Песокъ—опктн	—	тепова	—	нын
Пизда—бабн	—	—	—	—
Пила (орудн)—ху	—	ху	—	ху
Писать—онейн	—	лъжеругн	—	нэрунамн
Пить—умн, умннн	—	омннн	умн	умн
Платокъ—снудина	—	пунку	—	пунко
Плевать—тунда	—	топинаннн	—	тубннн
Племянникъ—пыктэрэнн	—	—	—	туа?
Плечо—богдолн	богдолн	—	мнн	мнн
Плѣшь—котн	—	—	—	(н)хотн
Побрякушки дѣтскн костяннн—годяга	япугу	—	—	{ явчуу, яв- чуу
» женскнн металнч.—абгу	—	—	—	ачн(н)га
Повязка—ланнн	—	—	—	—
Подбородокъ—гуахта	джнн	—	гайннн	гугахта
Подкладъ—токкодогонн	—	докко	—	докко
Подшва (ноги)—унтахынн	уаннюгу	хака	гадккнн	{ бакдынн, хакдынн

	Назаровъ.	Протодіаконовъ.	Маргаритовъ	Леонтовичъ.
Подшлякъ—ю	—	ю	—	ё
Подстилка изъ шкуры—сокто	—	—	—	сяктау
" изъ бересты—талу	—	—	—	дали
Подушка—триту, т(ы)у	—	маппи	—	тырапту
Покрывало (въ люлькахъ)—ната	—	—	—	нака
Покупаю—гадами, гады, джавами	—	—	—	гачимё
Полдень—кахта-ынанн	—	тыкка	—	{ кахта-ынанн тыпа, инанн ги-токконн
Полки—хутыма	—	—	—	хи
Полночь—какта-добу	—	добо-долинё	—	{ доббонь- токконн
Пологъ на кровати—ямпа	—	—	—	—
Полозья (нарты)—туһыюдыни	—	—	—	пата
Поль—паланн	—	—	—	пала, полъ
Поплавки (у невода)—кокто, адуль- коктонн	—	—	—	кокто
Пороховница—пайза, мявди	холоджа	—	харади	харади
Порохъ—окто	окто	окто	окто	окто
Портабакъ—дангдуу	—	—	—	—
Портфель (изъ бересты)—каптурнн	—	—	—	{ уксама(н)- гундуву. аланн
Поспѣлъ (готовъ) чай—адѣнанн абугу	—	хуругэ	—	аланн
Посуда—муу	—	—	—	дээр(н)ынн
Потъ—нинанн	—	—	—	нясангнн
Поцѣлуй (ты)—юна(з)си	—	—	—	аланка
Поясница—умук(ц)са	—	—	—	дамм
Поясъ—уму, тельгэ	уму	омуби	уму	уму, талэ
Праздникъ—гуанярн	—	аняррейви	—	аня
Приборъ для выдѣлки кожи—какъ, палка къ нему—гонитнн	—	—	—	—
Привязать—вуйн	—	—	—	уйв(и)ѣ
Пробка—ликпиза	мслакэ	—	—	щича
Проборъ—фукты	—	—	—	руктача
Продаю—х(о)удаси. худасеми	—	—	—	х(о)удаси
Промакъ—улауи	—	—	—	урананн
Промысль—буймуси	—	—	—	б(о)айчи
Проснулся—солеги	—	—	—	таагиһамтэ
Прощай—хадыһа, тулуни	—	—	—	пода-моначка
Прыщъ—ковб	—	—	—	ковб
Птица вообще—гаса, гаһа, га	пау	гасса	—	гаса, гасса
> большая—сагды-гаһа	—	—	—	сагдыгасса
> малая—агыса гаһа	—	—	—	чиндаһагасса
Пуговица—тобб, нмоты	таняка, того	—	того	тобб
Пузырь (нерпы)—такпу, хатауйкдэни	—	—	—	тапу
> (рыбъ)—хукни	—	—	—	хукнн
Пуля—моһалэ	мали	мугали	мугалэ	мо(г)һами
Пурга—фунга	—	кува	—	кува
Пухъ—гаһа хунһалэни	—	цфукта	—	пичэупутка
Пыль—наанһанн	—	—	—	{ гэпаа, ху лапта
Пью а—би умн	—	омиви	—	ум(и)эмтэ
> ты—си умидза	—	—	—	—
> воду—улю мими	—	—	—	муу умимтэ
Пьяный—соктоонн	—	соктогб	—	соктоһб
Пѣсня—ихыи	—	икий	—	дээрн, якы
Пятка—сакты, хакдыһн	нинты	—	—	нинты

	Назаровъ.	Протодіаконовъ.	Маргаритовъ	Леонтовичъ.
--	-----------	-----------------	-------------	-------------

Р.

Работникъ—агаты.	—	пивкга	—	лаудзѣ
Разбудить—сіуй	—	—	—	сяючй
Развѣжи—агудй	—	—	—	ачуна
Разсвѣтъ—дабунынъ	—	—	—	гѣуанайни
Раковина морская—намчугынъ	—	—	—	чѣикта
Рана—тѣмала	—	хія	—	һыя
Распорки (въ лодкѣ)—аһанакунй	—	—	—	укй
Расчесывать—дыригды	—	—	—	игды(й)
Ребенокъ—умһудыви сита	—	—	—	һита
Ребро—аутылы	—	—	—	аутула
Ремень—усй	андапті	усй	угй	усй
Рись—дигми	—	хандуболэ	—	һандубала
Рогъ—һйонй	—	йя	—	йя
Ротъ—а(һ)гма, ан(һ)ма	анма	амма	амма	амма
Рубаха—тогта, покто	мокто	{ покто, ын- кечегда.	покто	ангарагта
Ружьѣ мау(д)за, мявктй	міоца	меуча.	міоца	мяуча
Рука вообще—али, кохто, палаһала	һала	һгала	һала	һгала
» правая—авһади	—	анчи	—	андѣ-һгала
» лѣвая—динвади	—	дженди	—	{ д(э)вндѣ- һгала
Рукавицы (съ шерстью)—коолы	—	дженпагта	—	дженпагта
» (безъ шерсти)—касаба	—	чефагта	—	коокто
Рукавъ—уко, укэ	—	—	—	укса
Руль—аксуһон(ь)й	—	макбу	—	сяу, сеу
Русскій—луча	—	луча	—	луча
Ручка ведра—мулхй	—	—	—	гасинй
Рыба—тауха, сукдига, т(ю)укджэ	субди	сукдаса	сюкдягта	сукджаса
Рыбу ловить—сукджябатай	—	{ сукдаса бо- тыйви	—	{ сукджасау байчи
Рыгать—коосй	—	—	—	каһарачй
Рысь—чинджяһй	—	локэ	—	чинджяһй
Рѣжу—хойми	—	хайви	—	хоймѣ
Рѣка—ули, біаза, ауа	—	ули	ули	ули
Рѣсницы—самта	—	самикта	—	кимбикта
Рюмка—чун(ч)джа	—	кочи	—	коты
Рябчикъ сѣрый—сюмукэ	—	{ химмй.	—	һиммуһй
» черныи—аһемэ	—	—	—	асимѣ

С.

Сажа—савгасй	—	һюкся	—	һюкся
Сажень—да	—	да	—	да
Сани (нарта)—туки	—	—	—	туки
Сапоги вообще—унта	—	унта	—	унта
» изъ рыбьей кожи—һяһю-унта	—	—	—	хоһно-унта
» изъ кожи лося—сюкбу-унта	—	—	—	унта
» изъ нерпы—хата-унта	—	—	—	{ гватаксама- унта
Сахаръ—байта (кит.)	—	сетя	—	сята

	Назаровъ.	Прогодиаконъ.	Маргаритовъ	Леонтовичъ.
Сбруя (наръ)—алунъ	—	—	—	поксю
Свинедь—туджа, тудзя	—	точа	тудя	тудзя
Свинья дикая - накта	накта	—	пѣкто	накта
» домашняя—пуша	—	оккѣ	—	оккѣ
Свистѣть—кююси	—	—	—	тыккочи
Свѣча—данга	—	ла	—	иѣара-ла
Сдирать (шкуру)—ниѣай	—	—	—	тапачи
Сегодня—айны	—	эй-негү	—	айнангү
Сердце—пянякта	—	мява	мява	мява, мѣаява
Серебро—манга	—	—	—	мангү
Серьга ушная—уака, икы	уайга	ика	ика, мамү	ика
» верхнее кольцо—уайки	—	—	—	—
» нижнее кольцо—саса	—	—	—	—
» носовая—сандина, тавматѣ	—	санджсха	—	{ сандзя(н)га, санд- ги(ы)цга хунаді
Сестра—ока, ѣко, опадю	—	—	гунаді	—
» старшая—овга	—	—	—	—
» младшая—никѣ	—	—	—	—
Сивучь большой—ка(а)лма	—	—	—	канги
» малый—оанга	—	—	{ туктукѣ, ковги	туктукѣ
Сидѣніе (въ нартахъ)—оломанъ	—	—	—	илика
Сидѣть—т(о)ынами, та(н)ами, тойоми	—	тѣга	талга	тааги
Силки для ловли соболя—фукка	—	—	—	гукка
Свтець—сякки	—	ѣкаки	—	бусю
Сифились—бакинки	—	—	—	—
Сказка—тангуси	—	—	—	нимаачи
Скоблилка (для кожъ) - чѣсѣ	—	—	—	хос(ю), хошү
Скула—сясѣ	саса	—	шеача	ганча
Слѣпой—балиѣ	—	бали	—	бали
Смерть—букяни	—	—	—	—
Сморкайся—лякбаси	—	—	—	инунка
Снѣгъ—им(а)ѣ, амаѣ, эмѣ, имаѣ	имана	имаса	имага	имаса
Собака—эиѣй, ина(й)и, инатѣ, инаки	инаѣ	инакки	инакѣ	инаки
» передовая—богѣ	—	меоромди	—	нѣромды
Собачка ружейная—ваксий	—	—	—	танкуни
Соболь—нокто, ноно, неѣ	нюгѣ	носѣ	ногѣ, носѣ	носѣ
Сова—гама	—	оксара	—	уксара
Солнце—т(ю)у	сү	сү	сеү	сау
Солонка—даксуѣ	сайдауки	—	даскү	{ дексу(н)гү, катпу(н)гү
Соль—сийи	сийи	ада	даксү	даксү
Сорока—гүѣмо, гүѣи	—	сакси	—	саксаѣи
Сосать грудь матери—хабай	—	—	—	уочи
Сохатый (лось) токи' обѣѣ, обѣю	окѣю	токи	таки	токи
Спасибо (благодарю)—баниѣ, мапак- пэны	—	андага	мапганѣ	баниѣ
Спать—коѣ, каптами, моѣйи	—	—	—	апиѣй
Спина—акка	акка	дама	никта	акка
Срачь—банианами	—	—	—	—
Срать—мангал(ѣ)и	—	—	—	га
Старый—сидцита	—	—	мапача	мапача
Старуха—мама	—	халада	мамача	халада (кит.) мамача
Старый—саѣолита, саѣдента	—	—	—	—
Старый человекъ—мафаса, ого	—	—	—	маф(п)а
Стволъ (ружья)—мявидѣ	—	—	—	сикдани
Столбъ—хала	—	—	—	тура

	Назаровъ.	Протодіаконовъ.	Маргаритовъ.	Леонтовичъ.
Столъ для ѣды—дюодзѧ	—	дэрэ, дыресу	—	д(а)ыра
Стоять—илвнмй, илимй, им(н)ани	—	—	—	илиси
Стружки (отъ ножа)—апвлѧ	—	—	—	куантулѧ
Стрѣла—тадѧ, буй	—	дэнкү	тада	тада
Стрѣлай изъ ружья—мявдали	—	—	—	мяучалаһѧ
» изъ лука—гоһпуй	—	—	—	гаһпаһѧ
Стрѣлять—мявдѧ	миоцелы	—	миочалый	мяучал(ѧ)ай
Стуль—ткый	—	—	—	танкү
Ступня (медвѣда)—шуангү	—	—	—	хагга
Стѣна (фанзы, юрты)—на	—	—	—	дибба
Сукно—(брюки)—хыйһи	—	джанкчи	—	джянты
Сумка—хутуго	садузѧ	гундукү	хундуку	хундуку
» для пуля—куштуци	мартакпунй	—	—	—
Сундукъ—гүйдзѧ	—	—	—	гүйзѧ
Сундукъ изъ бересты—молоки	—	—	—	уммагѧ
Сушяться—уагги	—	окячи	—	оггичи
Сынь—һит(эй)а, ситэй, һитѧ, батѧ	—	шивэ	—	пываһитѧ
Сырой—нилү	—	—	—	чипша
Сѣть—атули	—	—	—	—
Сѣять—эддүһү	—	тари	—	тарику(й)

Т.

Табакъ—тамкү, дамһү	тайми	тамаги	дамши	дамй
Табачница (изъ бересты)—дамтуһү	—	—	—	уммагѧ, уксамѧ, хундуку
Таймень—хуйэ, х(о)ую	джыли	саганѧ	шва	саһагна, джяли
Тарелка—пилэ	—	пелэ, хэлэ	—	пилэ
» изъ бересты—хаза	—	—	—	—
Тема—тумаһѧ	какпашѧ	хо	гокчечи	һо
Тетеревъ—нау	—	хокчүй	—	хооки
Тетива (лука)—илини	—	—	—	или, илини
Тигръ—куты, чякалѧ	куты	дусэ	дугѧ	дусѧ
Ткань—сви	—	—	—	дж(а)якѧ
Товаръ—сви	—	босо	—	худа
Толкать—аны	—	—	—	анйивѧ
» кулакомъ—кентули	—	—	—	—
» лодку шестами—гаунды	—	—	—	гайвѧ
Топорище—сюгоһейни	хаги	—	сюкагани	сюкагани
Топоръ—сюго, сукү	суасѧ	сюка	шюка	сюка
Торговецъ—худани	—	ходани	—	х(о)уданѧ
Трава—укто	окто	—	окто	окто
» въ сапоги толстая—һайкта	—	—	—	упокта
» цѣлебная—кола	—	—	—	—
Триперъ—һяхсайһони	—	—	—	—
Тропа—һокто	—	—	—	һокто
Труба (въ юртѣ)—янтү	—	—	—	шооно
Трубка—д(а)эй, дэо, тѧма	даги, дай	дай	дай	дай
Тряпка—аункү	—	—	—	чемчаһү
Туманъ—танйэ	—	токсо	—	тамна
Тѣнь—хана	—	—	хани	хани

	Назаровъ.	Протидіако- новъ.	Маргаритовъ.	Леонтовичъ.
--	-----------	----------------------	--------------	-------------

У.

Убиваешь—си уайи	—	(ль) уога	—	(ть)уайвѣ
Уголь древесный—япла	—	—	—	іякта
» каменный—джало, нянаи	—	—	—	гакиджелони
Узель—иняни	—	—	—	иннта
Украль (я)—джэмэни	—	чеочига	—	джэмичениѣ
Укусиля (онъ)—иктамананини	—	иктаманги	{ иктамоки- вѣ (ть)	иктаманкинѣ
Умереть—будни	—	букки (умерь)		
Уполовникъ—юк(а)и	—	—	—	соковки
Усы—гугахта	куахти	—	—	гугахта
Утка—гага	гага	—	—	куя
Ухо—сѣ, (х)куя, куки, кой	кой	сѣ	сѣ	сѣ
Ухо у котла—хорокто, шяни	—	—	—	сянка, сяка

Х.

Хабаровскъ—Бѣри (кят.)	—	—	—	Бѣри
Халать суконный—сукна матага	—	хукту	—	синялки
Хвалю—айа(н)ми	—	—	—	—
Хвостъ—игги	—	икки	—	игги
Хлѣбъ—упа, бобѣ	—	—	—	упа
Ходить—наними, оконіи, діанами	—	—	(жу) ганамѣ	нганыи
Хозяинъ—аджани	—	дчорь-одинъ	—	даланды
Холодно—инганѣ	—	инкани	—	{ инганѣ, инганиси
Хорекъ—чочѣ, чохчи, чохчойѣ	—	чокчуи	—	чокчѣи
Хорошій—айан(и)ѣ	—	ая	ая	(шо) ая
Хромой—бугаа	—	доголо	—	{ доолои, до- олои
Хрящъ—дяна	—	букѣ	—	букся
Худой—гоп(о)ан(и)и, гохонийѣ	—	(до) оркѣ	манга, байбаѣ	{ оккѣ, манга, байба(е)и
Хуй—чичкѣ, яликѣ	—	—	—	—

Ц.

Царапать—уайи	—	—	—	хочиси
Цыновка—сяктуу	—	—	—	сякта
Цѣловать—нюкаси	одзузамѣ	—	алонѣ	аланиси
Цѣнь—банула	—	джуччегѣ	—	догдиба

Ч.

Чайникъ—чуанд(ч)жи, чайку	гуанза	чай	чайникъ	чуаша
Часы—блю	—	—	—	—
Чашка—могуло	—	—	—	—
» китайская—чамі	—	чамі	чамі	чамі

	Надаровъ.	Протодіаконовъ.	Маргаритов.	Леонтовичъ.
» деревянная—мохó	мохó	—	—	мохó
» берестяная—каса	—	—	—	додоóб, додоó
» табачной трубки—чуйгонí	—	—	—	котка
Челюсть—гíака, джайнí	джейнí	—	дíака	гíака
Черемша (полевой лукъ)—сыды, шюй-ды	—	сюдуй	—	содэй
Черенокъ (таб. трубки)—даймтонí	—	—	—	сiхпты
Черный—пал(и)ы(н)í, палэгí	—	сакгéй	сакáй	сякай
Чесать—унаймí	—	—	—	хочиси
Четверть—тó	—	тó	—	тó
Чехоль (ружья)—мошугу, чянтауза (кит.)	миоцтакпуни	—	—	мошугу
Чихать—янинí	—	яксунéй	—	иксючи
Чортъ—ганикы	ioхó	—	{ амба, шака, ганкэ }	{ амба, сяка, ганкэря }
Что—йавдунí	—	явó, явогалí	—	ю, ю-галэйси
Чубукъ—сиаптуни	—	септуí	—	сиапты
Чулки—докты	—	доктó	—	доктó
Чумашка для воды—мулюки	—	—	—	—
» высокая—талкхú	—	—	—	—
» малая—алэнкí	хаса	—	дёдекó	кондзэй
» для соли—дакхсукú	—	—	—	—

III.

Шалашъ—кагó	—	—	—	—
Шаманъ—шаманí	—	сяма	—	шамá
Шаманскíй поясъ—янкпа	—	—	—	—
Шаманскíй бубень—унтуу	—	—	—	—
Шанкръ—шинкú	—	—	—	—
Шапка—ау	аó	апú	прощó	{ се(г)кдó, сокдú, могопту }
Шарфъ—моотпэ	—	—	—	—
Шашки доска—анака	—	—	—	—
» фигуры—нитонí	—	—	—	—
Шесть для лодки—солокó	оу	—	най	гау
» для остроги—найнí	—	—	—	най
Шея—миэ	мюé	мотó	моó	монгó, моó
Шкапчикъ—унаку	—	—	—	—
Шкура вообще—нэhá	—	—	—	наса
» медвѣдя—маппа-наһанí	—	—	—	—
» лисы—шулякинáһанí	—	—	—	—
» хорька—солей-наһанí	—	—	—	—
» нерпы—хотно-наһанí	—	—	—	—
» выдры—дж(ю)укú-наһанí	—	—	—	—
» бѣлки—олёки-наһанí	—	—	—	—
» лося—токи-наһанí	—	—	—	—
Шнурокъ—кэамí	—	—	—	—
Штаны короткíе—хайкí, хыйны	хейкы	хыйкé, хыркí	гейкы	гайкá
» длинныя—амуй, амбу	амугí	—	аму	ам(у)осю
Шубá—балда (кит.)	шингау (кит.)	—	{ коптоко, балда }	аруһа, балда

	Надаровъ.	Протодіаконовъ.	Маргаритовъ.	Леонтовичъ.
--	-----------	-----------------	--------------	-------------

Ъ.

Ъсть—дж(я)апты, дж(я)антымй, тактит-(х)эти	—	джептый	дяпты	джяптый
--	---	---------	-------	---------

Я.

Ягода—гочяды	—	дикта	—	габбовкү
Языкъ—(органъ)—инни	пни	инкинъ, инги	инни	инни
Яйцо—умуктай	—	{ ОМОХТА, ОМОКТО }	—	{ умукта
Якорь—чакби	чакбы	—	чакби	чакби
Японецъ—шиша	—	—	—	шиша
Ястребъ—гяхи	—	—	—	гяхи
Ящикъ—гуйза	—	окукта	—	гундукү

Въ заключеніе считаю необходимымъ замѣтить, что, приводя слова изъ словарей моихъ предшественниковъ, я позволилъ себѣ поставить на нихъ ударенія, потому что орочны любятъ вообще удареніе на послѣднемъ слогѣ. Удареніе на другомъ слогѣ служитъ вѣрнымъ признакомъ чужеземнаго происхожденія слова.

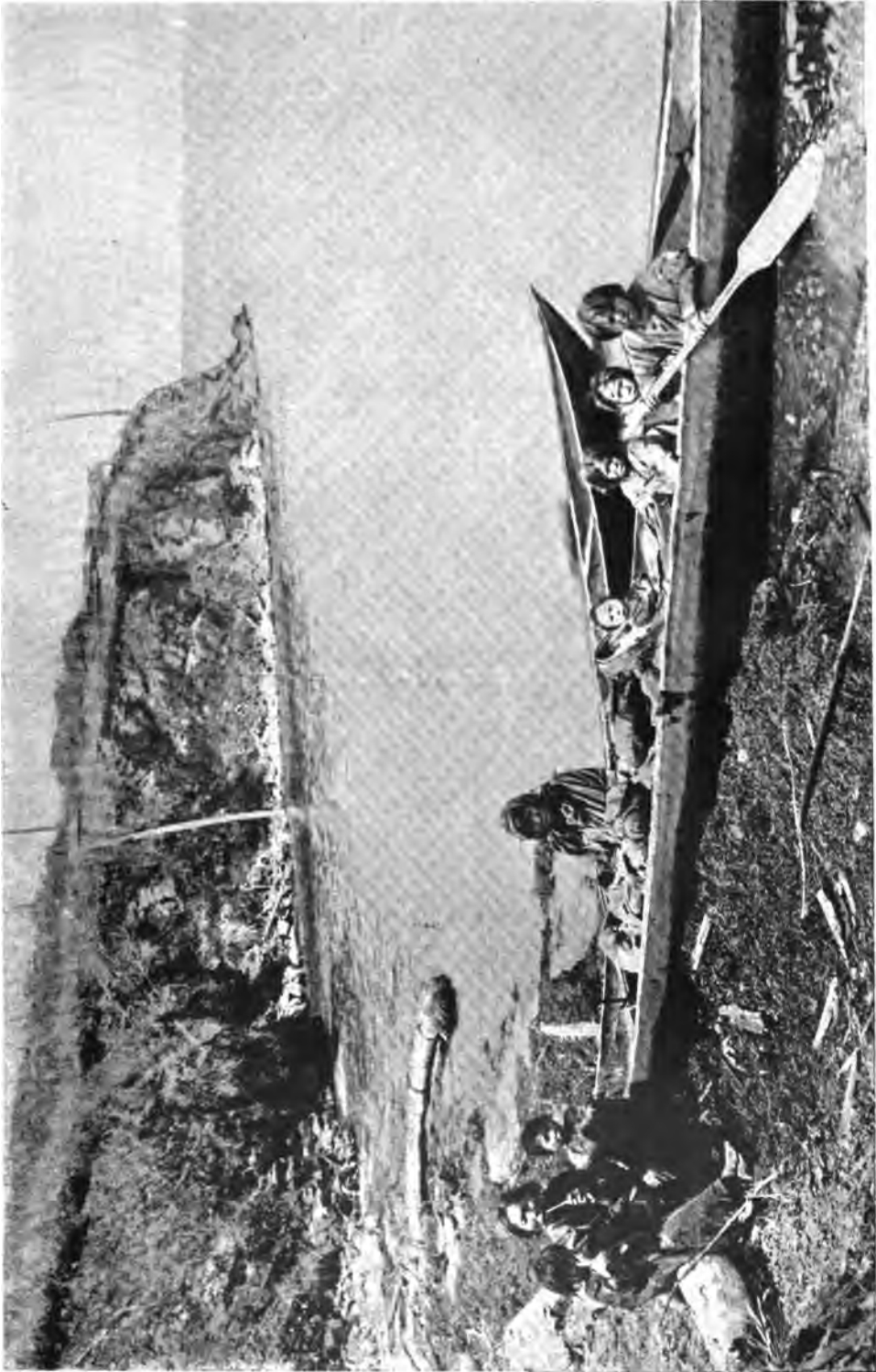
Какъ показываетъ сдѣланное нами сопоставленіе словъ различныхъ вѣтвей ороchonскаго народа, слова удиге во многомъ сохранили старинную основную часть слова, измѣнивъ ея произношеніе, но еще въ большихъ случаяхъ они уже пошли по иному пути въ образованіи словъ. Насколько они самостоятельны были въ этомъ отношеніи, насколько зависѣли отъ китайцевъ и гольдовъ, объ этомъ специалисты, вѣроятно, со временемъ скажутъ свое вѣское слово. Мы же старались, насколько могли добросовѣстно и тщательно подготовить матеріалъ для выводовъ ихъ *).

Варшава.
26 Ноября 1901 г.

Сергій Браиловскій.

*) Рукопись автора содержитъ въ словарѣ притранскрипныя слова: 1) подстрочные знаки, напр., въ словѣ «ѣсть»—тактит(х)эти, знакъ х написанъ подъ строкою, 2) двойныя буквы, написанныя одна надъ другою и раздѣленные чертою, напр., въ словѣ «ѣсть» джя(а)пты, а написано подъ а, и обѣ буквы раздѣлены чертою и 3) буквы въ скобкахъ напр., «расчѣсывать» игды(й). При печатаніи по соображеніямъ типографскимъ пришлось во всѣхъ случаяхъ примѣнить скобки. *Ред.*

Табл. I.

1.

2.

1.

2.

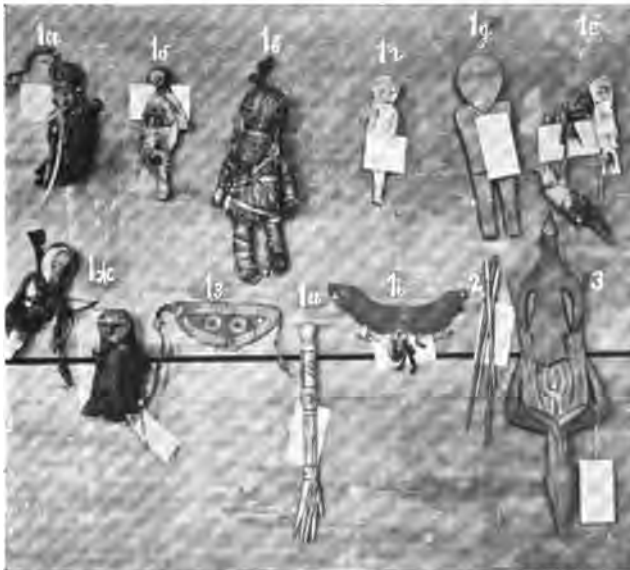

Табл. VI.

1.

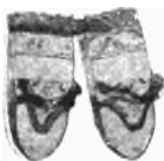
2.

3.

4.

5.

9a.

9b.

10.

6.

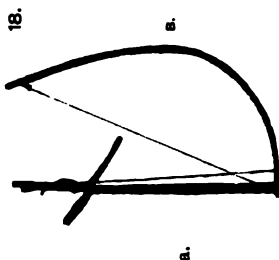
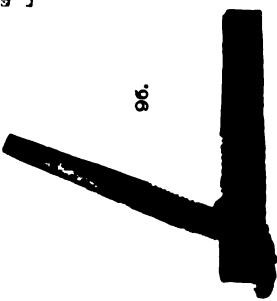
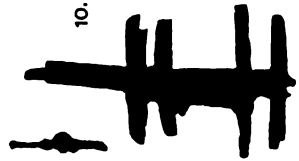
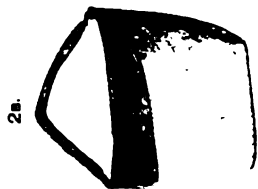

8.

7.

a. b.

a.

9a.

8a.

13.

15.

12.

14.

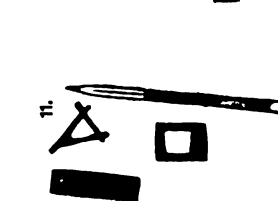
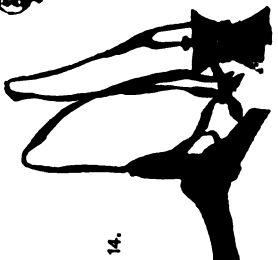
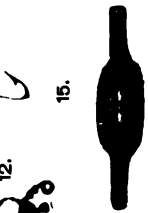
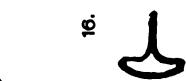
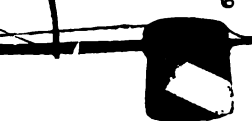
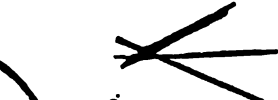
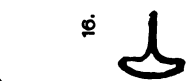
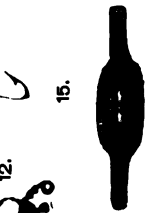
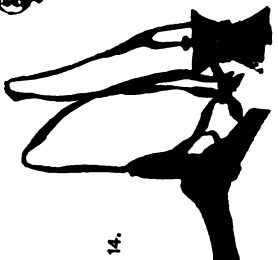
11.

6.

17.

19.

6.

ОПИСАНІЕ РИСУНКОВЪ

къ изслѣдованію г. Брайловскаго

Тазы или Удиһэ.

Табл. I. Семья тазовъ, во время переѣзда съ одного мѣстопробыванія на другое, на берегу Великаго Океана. Лѣтомъ (съ іюня мѣсяца) удиһэ, охотясь за сохатыми, часто перемѣняютъ мѣста лѣтняго жительства. При незначительности домашняго скарба, они легко на одинъ бачъ нагружаютъ пожитки, женъ, дѣтей и путешествуютъ по берегу Океана отъ устья одной рѣки къ устью другой, гдѣ, по ихъ мнѣнію, водится болѣе звѣря. Ночью при такихъ переѣздахъ они не ѣдутъ, а отдыхаютъ въ маленькихъ бухточкахъ, коими изрѣзано побережье Великаго Океана, омывающее Приморскую Область.

Табл. II. Семья стариковъ — удиһэ у шалаша. Шалашъ сдѣланъ изъ коры и обставленъ бревнами. На головѣ старика лѣтній головной уборъ изъ бѣлой дрели. Старуха въ правой рукѣ держитъ трубку. Сзади старухи — чернѣетъ отверстіе, входъ въ шалашъ.

Табл. III. Двѣ семьи удиһэ у своего шалаша. Справа отъ зрителя — молодой удиһэ бобыль, нахлѣбникъ. Костюмы на всѣхъ лѣтніе изъ кумача и бизи. Въ этой юртѣ одна семья (справа) имѣетъ троихъ мальчиковъ и одну дѣвочку, другая — двухъ дѣвочекъ и одного мальчика. Последняя — рѣдкое исключеніе, потому что среди удиһэ замѣчается перевѣсъ мужского элемента надъ женскимъ. Входъ въ юрту сзади завѣшенъ дрелью.

Табл. IV. Рис. 1. Дѣвушки-удиһэ (лѣтъ 15—16) въ лѣтнемъ довольно нарядномъ одѣяніи, въ штанахъ, охваченнымъ распшитыми наколѣбниками.

Рис. 2. Женщины — удиһэ среднихъ лѣтъ (25—30) тоже въ лѣтнемъ одѣяніи у юрты, представляющей переходъ къ фанзѣ.

Табл. V. Рис. 1. Удиһэ — охотники въ полномъ зимнемъ снаряженіи. У охотника справа отъ читателя за плечами „винчестеръ“, у другого въ рукѣ лыжи и сѣтка для соболя. На головахъ шапки различнаго фасона.

На рис. 2 изображаютъ: 1 а—і бурханы, какъ талисманы, употребляемые тазами на охотѣ или въ болѣзняхъ, причѣмъ: 1 и изображаетъ бурханъ, употребляемый во время болѣзни руки (ревматизмъ), а 1-е — во время охоты за соболями; остальные бурханы употребляются безразлично. Дѣлаются эти бурханы чаще изъ дерева, рѣже изъ травы (см. бурханъ 1 в.) и еще рѣже изъ металла. Носятся на груди или на шеѣ; 2 палочки для ѣды, тоже, что и на табл. VIII. Рис. 19; 3 небольшой ручной кузнечный мѣхъ: станокъ и ручки деревянные, остальное изъ кожи. У каждого кузнеца — таза имѣется такой мѣхъ.

Табл. VI. Видъ лѣтняго поселенія удиһэ. Этого рода поселенія располагаются обыкновенно на берегу Океана, недалеко отъ устья рѣки. Шалашы вытянуты по одной линіи, по вѣтру, который уноситъ тяжелый запахъ жилицъ и очищаетъ юрты. На берегу рѣки передъ первымъ шалашомъ лежитъ

несколько батовъ, одинъ изъ которыхъ опрокинуть. На переднемъ планѣ шалаши приближаются по формѣ къ фанзамъ, на заднемъ одинъ—конусообразный, первобытной формы. Близъ этого послѣдняго виднѣются „сушила“ для вяленья на солнцѣ „юколы“. За шалаши высятся гигантскія сосны и лиственницы.

Табл. VII. Здѣсь изображены предметы домашняго обихода и одежда.

Рис. 1. Верхняя женская рубаха, платье. Изображенное на фотографіи сдѣлано изъ рыбьей кожи и по краямъ подола, рукавовъ и на груди раскрашено узорами изъ минеральныхъ и растительныхъ красокъ; 2 — женскій нагрудникъ съ металлическими украшениями; сдѣланъ изъ разноцвѣтныхъ матерій: дрели, кумача; 3—лѣтній женскій головной уборъ въ развернутомъ видѣ. Сдѣланъ изъ дрели и обшитъ узоромъ изъ разноцвѣтныхъ ленточекъ и тесемокъ. Онъ закрываетъ голову и подвязывается подъ подбородкомъ длинными концами. Разрѣвъ приходится на тыльную сторону шеи и головы; 4—зимній изъ мѣха сохатаго рукавицы; кожа наружу и выкрашена минеральными красками подъ узоръ; 5—женскіе штаны изъ рыбьей кожи, окрашенной минеральными и растительными красками съ узорами; 6—унты (сапоги) изъ рыбьей кожи, мужскіе и женскіе, неокрашены; 7—шапочка для дитяти 4—6 лѣтъ съ мѣхомъ на маковкѣ и съ подвязками; по краямъ узоръ; дѣлается изъ рыбьей кожи и изъ матерій; 8—денная колыбель уди́на; ободокъ изъ дерева; спинки и исподъ изъ бересты; на одной (верхней) изъ нихъ погремушки для забавки дитяти; 9 а-б—портфели для табаку изъ бересты; 9 а—съ узорами, наклееными изъ разноцвѣтной (бѣлой, черной, зеленой) бересты (окрашенной); 10—деревянный съ рѣзьбою, раскрашенный футляръ для трубки, ручная работа уди́на.

Табл. VIII. На этой таблицѣ находятся различные предметы домашняго быта и религіознаго, именно: 1 а б в—образцы узоровъ уди́на на берестѣ. Этими узорами они украшаютъ одежду и предметы домашняго быта; 2 а в—чумашки различной величины и формы изъ бересты: чумашки 2 а и 2 б—употребляются для храненія иголокъ, нитокъ, бусъ и др. мелочей женскаго рукодѣлья, чумашки же 2 в—для воды, какъ наше ведро; 3—модель капкана для соболя или бѣлки. Звѣрь захватывается двумя дужками, укрѣпленными на ремешной или веревочной тетивѣ. Послѣдняя привязывается къ изогнутому бревну; 4—ночная колыбель для дѣтей. Нижняя часть закрыта; верхняя немного приподнята надъ дномъ. Дно дѣлается изъ дерева, а верхъ изъ бересты; 5—футляръ изъ бересты для шаманскаго бубна, на этомъ же футлярѣ привѣшенъ «буекъ», коимъ шаманъ ударяетъ по бубну; 6—принадлежности шаманскаго пояса изъ желѣза, коими онъ гремитъ; они на фотографіи нанизаны на ремень; 7—мѣшечки кабарговой струи въ засушенномъ видѣ; эту струю уди́на продаютъ китайцамъ, употребляющимъ ее на гварства. Цѣна каждаго мѣшечка (ихъ на рисункѣ два) колеблется между 1 р. 50—2 руб.; 8 а б в—бурханы въ уменьшенномъ видѣ, кои выставляются шаманами передъ юртою. Изображенные сдѣланы изъ дерева. Кромѣ животныхъ, какъ на нашемъ рисункѣ, они изображаютъ и птицъ; 9 а б—модели мялокъ для рыбьей и звѣриной кожи: мялка вкладывается между ногъ, такъ что копы ея, съ выемкою, приходятся подъ ногами; въ прорѣзъ посрединѣ вкладывается свороченный кусокъ кожи, а деревяннымъ молоткомъ в бьютъ по ней, мялка б имѣетъ ясно видныя на рисункѣ зубья, коими и мнется кожа; 10—приборъ, употребляемый уди́на при выдѣлкѣ веревокъ изъ крапивы; на него наматывается скрученная руками веревка; 11—принадлежности для вязанья сѣтей; всѣ сдѣланы изъ дерева; 12—серьги ушныя съ подвѣсками, металлическія; 13—крючокъ изъ гвоздя, скованный уди́на; на этомъ крючокъ, величиною около 1/4 арш., ловятъ крупную рыбу (тайменя, кату и др.); 14—ременные пояса съ футлярами изъ кожи для ножей и съ мѣшечкомъ для та-

баку. Такой поясъ всегда имѣется на походѣ у каждаго уди́на; 15—приборъ для строганья при подѣлкахъ; въ деревянную ручку вбитъ металлическій клинокъ, коими и строгаютъ; этотъ приборъ замѣняетъ тазамъ наши рубанки; 16—различные металлическіе приборы, употребляемые уди́на при столярной работѣ: буравчики, долотца, скребки и т. п. Все это выковывается каждымъ уди́на изъ кусковъ стараго желѣза; 17—два ножичка, коими производится вырѣзка узоровъ по дереву и берестѣ; 18—музыкальный инструментъ, заимствованный уди́на у китайцевъ: а—грифъ палочка съ одною струною, изъ жилы сохатаго, а остальная часть б—коробочка изъ бересты; посредствомъ смычка в, изъ жилы же или нитки, извлекаются заунывные тихіе звуки, которые скорѣе раздражаютъ, чѣмъ улаждаютъ европейское ухо, но которые вполнѣ удовлетворяютъ эстетическое чувство уди́на; 19—палочки изъ дерева и кости, коими ѣдятъ пищу тазы и кои замѣняютъ имъ наши вилки.

Примѣчаніе: Болѣе подробное описаніе бытовыхъ и другихъ предметовъ читатели найдутъ въ соответствующихъ мѣстахъ нашего изслѣдованія.

С. Браиловскій.

О расколѣ на низовой Печорѣ.

Рѣку Печору дѣлятъ обыкновенно на верхнюю, среднюю и нижнюю или низовую. Въ частности низовая Печора и естественно—полярнымъ кругомъ, и административно дѣлится на двѣ волости—сѣверную, Пустозерскую и южную, Усть - Цылемскую. Обѣ волости, рѣзко различаются въ бытовомъ отношеніи,—Усть - Цылемская волость сплошь раскольническая, Пустозерская чисто православная. У русскихъ низовой Печоры есть и сосѣди, въ которыхъ имъ близко приходится прикасаться: между средней и нижней Печорой съ лѣвой стороны впадаетъ рѣка Ижма, населенная зырянами-ижемцами, въ тундрахъ сѣверной половины низовой Печоры обитаютъ вымирающіе самоѣды.

Нынѣшнимъ лѣтомъ я прожилъ въ центрѣ низовой Печоры — Усть-Цыльмѣ три недѣли, и здѣсь, придерживаясь сжатыхъ рамокъ одного сообщенія, позволю себѣ изложить свои о расколѣ впечатлѣнія.

I.

Усть-Цылемская волость только 2—3 деревушками, изъ 81 селенія зашла за полярный кругъ, остальные селенія южнѣе его и разбросаны исключительно по берегамъ Печоры и ея притоковъ: Цыльмы, Пижмы и Нерицы Усть-Цыльмы, какъ обычно всѣ называютъ жителей Усть-Цылемской волости, всѣ раскольники.

Какъ раскольниковъ, ихъ можно отнести къ поморцамъ-полубрачникамъ, ибо, будучи безпоповцами, они все-таки всѣ, за очень рѣдкими исключеніями, вѣнчаются въ православной церкви. Но таинство брака, такъ же какъ и всѣ прочія таинства, Усть-Цыльмы отрицаютъ, и они жили-бы не вѣнчаясь, но „нужды ради“, выражаясь ихними словами — идутъ „свервиться въ нико-нианскую церковь къ щепотнику и табашнику попу“.

Какія-же причины этому, какія нужды? Съ одной стороны, нежеланіе быть официально незаконнорожденными и имѣть всѣ юридическія права на

землю, имущество и, главнымъ образомъ, не терять льготъ при отбываніи воинской повинности, съ другой, непремѣнное желаніе всѣхъ усть-цылемскихъ дѣвушекъ вѣнчаться въ православной церкви,—эти двѣ причины заставляютъ усть-цылемовъ въ данномъ случаѣ поступаться своими религиозными убѣжденіями. Последнее обстоятельство непремѣнное желаніе всѣхъ усть-цылемокъ вѣнчаться, имѣеть, вѣроятно, глубокіе корни въ прошломъ Усть-Цылемской волости. Нужно думать, да это подтверждается и разсказами стариковъ, и утвержденіями священниковъ, нужно думать, что усть-цылемы вѣнчались прежде гораздо меньше чѣмъ теперь, жили—просто сходясь *), но зато и семейные узы были у нихъ несравненно слабѣе, гораздо чаще, чѣмъ теперь, по ничтожнымъ причинамъ, мужья бросали своихъ женъ и, конечно, жены мужей, причемъ во всѣхъ этихъ и имъ подобныхъ драмахъ семейной жизни страдать приходилось всегда больше женщинамъ. Происходило приблизительно то же, что мнѣ пришлось наблюдать лѣтомъ 1900 года въ Чердынскомъ уѣздѣ, Пермской губерніи, гдѣ тоже поморство, того-же толка, съ тѣмъ только различіемъ, что расколъ тамъ, вслѣдствіе большей неразвитости жителей, суровѣе, вѣнчаются тамъ меньше, и потому семейныхъ драмъ больше. Молодые усть-цылемки, хорошо зная отъ своихъ матерей всю шаткость, всю непрочность неоформленнаго въ церкви союза, и выражаютъ упорное желаніе вѣнчаться въ церкви, въ чемъ ихъ всѣми силами поддерживаютъ, конечно, и матери, у которыхъ, въ данномъ случаѣ, материнскія чувства — желать счастья дочери, отодвигаютъ на задній планъ религиозные взгляды на грѣховность „никоніанскаго“ вѣнчанія.

Впрочемъ, по воззрѣніямъ усть-цылемовъ, вѣнчаться въ православной церкви, конечно грѣхъ, но во первыхъ, грѣхъ этотъ ужъ не такъ великъ, а во вторыхъ, грѣхъ легко, сравнительно, замалывается, заглаживается, что усть-цылемы всегда и дѣлаютъ. Всегда послѣ вѣнчанія въ православной церкви наставникъ-старичекъ или книжная старушка накладываютъ на молодыхъ эпитимію, состоящую обычно въ постѣ въ нѣсколько недѣль (обыкновенно шесть недѣль) и по одной или нѣсколько лѣстовокъ земныхъ поклоновъ (лѣстова—100 поклонамъ) въ день во время этого поста. Поститься при этомъ нужно, конечно, не во время какого нибудь изъ обычно установленныхъ постовъ, когда и безъ того всѣ постятся, а непремѣнно мясоѣдомъ. Но и тутъ обычай „нужды ради“ сдѣлалъ большое облегченіе. Нивогда почти заглаживающій грѣхъ вѣнчанія въ православной церкви не выполняетъ всей эпитиміи сразу, ибо шесть недѣль поста, кромѣ обычно для всѣхъ установленныхъ, и сотни три, четыре земныхъ поклоновъ ежедневно было бы для

*) Что обычно продѣлывается и теперь у зырянъ раскольниковъ, живущихъ по Печорѣ выше, въ Вологодской губерніи. Автр.

рабочаго челоуѣка очень изнурительно. И обычай, снисходя къ немощамъ плоти молодого мужа, и особенно принимая во вниманіе условія мѣстной жизни, главнымъ образомъ цѣнность времени, обычай разрѣшаетъ раскладывать эпитимію на нѣсколько лѣтъ, т. е. разрѣшаетъ молиться и поститься, напр., по одной недѣлѣ въ годъ. Люди состоятельные и тутъ дѣлаютъ себѣ облегченіе: они нанимаютъ поститься и молиться за себя „бездѣльных“ старушекъ, и тогда эпитимія можетъ быть выполнена вдвое, а то и втрое скорѣе. Этотъ обычай создалъ въ Усть-Цылемской волости особый типъ вѣчно молящейся и постящейся за чужіе грѣхи старушки, получающей за это 60—70 коп. въ недѣлю и этимъ живущей. Только тотъ-же обычай предписываетъ, чтобы старуха постилась и молилась непременно въ то время, когда постится и молится эпитимированный, иначе никакой пользы отъ ея поста не будетъ.

Вѣнчаясь „нужды ради“, т. е. ради голыхъ, чисто матеріальныхъ расчетовъ, въ православной церкви, Усть-Цылема только въ этотъ единственный разъ въ жизни къ ней и прибѣгаютъ, едва-ли хорошо сознавая, что этимъ единственнымъ разомъ въ жизни обращенія къ церкви они навсегда къ ней официально привязываются. Дѣло въ томъ, что православный бракъ, конечно, не можетъ быть совершаемъ надъ лицами не православными, каковы суть усть-цылемы отъ рожденія, ибо никто изъ нихъ не крестится въ православной церкви у священниковъ. Поэтому прежде чѣмъ совершать бракъ, священники присоединяютъ усть-цылемовъ къ православію (миропомазываютъ, дополняя так. обр. ихнее, „по нуждѣ“, стариками крещеніе), затѣмъ исповѣдываютъ и приобщаютъ, а затѣмъ уже и вѣнчаютъ. Считаая вѣнчаніе, а еще больше того причащеніе св. таинъ за грѣхъ¹⁾ и заглаживая послѣ эти грѣхи эпитиміями, усть-цылемы, какъ это ни странно, почти никакого значенія не придаютъ почему-то обряду присоединенія, а онъ то, навсегда дѣлая ихъ официально православными и служить причиной недоумѣній между ними и православными священниками, во всей ихъ послѣдующей жизни. Послѣ брака къ усть-цылему, сдѣлавшемуся официально православнымъ, предъявляются требованія — чтобы онъ крестилъ по православному обряду дѣтей и хоронилъ умершихъ, ежегодно исполнялъ христіанскій долгъ, въ формѣ исповѣди и причащенія, и пр. и пр. Тутъ и возникаютъ недоразумѣнія, причемъ тяжело приходится обѣимъ сторонамъ — весьма понятно, усть-цылемамъ, по прежнему вполне искренно не считающимъ себя православными, и искреннимъ священникамъ, которые должны предъявлять къ усть-цылемамъ, вполне сознавая, что

¹⁾ За вѣнчаніе обыкновенно полагается шесть недѣль эпитимія, а за причащеніе шесть мѣсяцевъ.

Авторъ.

они, убѣжденные раскольники, должны предъявлять требованія въ соблюденію православныхъ обрядовъ... Таковы въ двухъ словахъ эти недоразумѣнія.

И такъ, усть-цѣлемы только разъ въ жизни прибѣгаютъ въ православной церкви—въначаясь въ ней. Крестятъ дѣтей они сами, въ лицѣ книжныхъ, знающихъ церковныя службы старушекъ или учителей-наставниковъ. Дѣтей, впрочемъ, не всегда крестятъ, а иногда ограничиваются только нарѣченіемъ имени. Дѣлается это въ 8-ой день по рожденіи. Лезетъ грамотникъ въ семьѣ на полицу, снимаетъ святцы, наугадъ открываетъ ихъ и смотритъ: первое стоящее съ краю имя и будетъ именемъ родившагося. Но зато считается большой пользой окреститься старику или старухѣ передъ смертью, хотя бы они уже и были разъ крещены при рожденіи. Дѣло въ томъ, что жилъ, напр., крестившійся въ дѣтствѣ Иваномъ, жилъ и много нагрѣшилъ, а передъ смертью еще разъ крестился, положимъ Петромъ. Крестился и, не успѣвъ нагрѣшить снова, вскорѣ умеръ. На томъ свѣтѣ и будутъ некая многогрѣшнаго Ивана, а новокрещенный безгрѣшный Петръ не при чемъ.

Не мало умираетъ въ дѣтствѣ, по словамъ мѣстнаго духовенства, совсѣмъ безъ крещенія, что зачастую, впрочемъ, случается, какъ извѣстно, и въ чисто православныхъ, но глухихъ мѣстностяхъ. Умершихъ младенцевъ усть-цѣлемы кладутъ въ долбленныя корытцы, и мать ночью закапываетъ своего ребенка въ полѣ, гдѣ нибудь около овина, а то и на дворѣ. Бывали случаи, что закапывали въ подпольѣ. Прежде часто зарывали во дворѣ и взрослыхъ и даже на могилахъ кресты ставили.

Тайнымъ же образомъ, чтобы не погребать по православному, хоронятъ усть-цѣлемы нынче и взрослыхъ, тоже обыкновенно ночью, вслѣдствіе чего, по словамъ священниковъ, многіе усть-цѣлемы, числящіеся живыми, давно уже умерли въ дѣйствительности. Вообще статистика церковная, да и всякая другая о состояніи раскола въ усть-цѣлемской волости, очень далека отъ истины. Причина этому та, что усть-цѣлемы, не крестя дѣтей въ православной церкви, не записываютъ ихъ и въ метрическія книги, слѣдовательно, цифра рождаемости въ волости никогда не извѣстна. Регистрируетъ усть-цѣлемовъ церковная статистика только при бракѣ, а про смертность ихъ она опять ничего не знаетъ.

Отношеніе усть-цѣлемокъ къ дѣтямъ, по общимъ отзывамъ, оставляютъ желать много лучшаго. Чтобы не быть стѣсненными въ домашнихъ и особенно въ полевыхъ работахъ усть-цѣлемки почти не кормятъ дѣтей грудью, а соской съ хлѣбомъ и пр., которыя лѣтомъ, при полномъ непониманіи необходимости хоть какой нибудь чистоты, загниваютъ, производя страшные дѣтскіе лѣтніе мыты. Въ результатъ, опять таки нужно сказать, какъ и вездѣ въ Россіи, страшная дѣтская смертность. Усть-цѣлемки очень плодоты, но только

трое, четверо изъ дюжины и больше приносимыхъ дѣтей остаются въ живыхъ. И не особенно жалѣють объ этомъ сами матери, относящіяся вообще сурово къ своимъ дѣтямъ,—обстоятельство, подчеркиваемое всѣми мѣстными знатоками быта.

Эту несимпатичную черту усть-цылемовъ, если только она не преувеличена всѣми сильно, я думаю, можно объяснить и вполнѣ извинить пережитками ихъ религіозныхъ взглядовъ. Вѣроятно, виновато тутъ бракорборное ученіе, которое всецѣло исповѣдывали прежде устьцылемы, какъ безпоповцы поморцы, считавшіе бракъ въ антихристово время блудомъ, а вслѣдствіе этого и прижитыхъ отъ брака дѣтей нечистыми. Извѣстно, какъ пламенно исповѣдывали наши раскольники вообще какое бы то ни было, признаваемое ими за истину, ученіе. И въ данномъ случаѣ—бравоборное ученіе побѣдило естественное чувство любви матери къ ребенку. Теперь ученіе это ослабло, ибо не только незамѣтно на Печорѣ большого количества неженатыхъ, а усть-цылемы сдѣлали еще большую уступку — вѣнчаясь въ церкви. Но чувство не любви къ дѣтямъ, замѣнясь индифферентностью, осталось въ усть-цылемкахъ, передаваясь изъ поколѣнія въ поколѣніе по наслѣдству. Въ настоящее время на усиленную дѣтскую смертность обратило вниманіе интеллигентное общество въ усть-цыльмѣ и устраняетъ тамъ по лѣтамъ дѣтскій приютъ-ясли. Къ сожалѣнію, прекрасное въ принципѣ дѣло много тормозится распрями этого общества, распрями очень мелочными,—удѣлъ, приусуцій опять таки всѣмъ глухимъ мѣстамъ на Руси.

Еще немного объ исповѣди. На исповѣдь усть-цылемы въ православнымъ священникамъ, конечно, не ходятъ и на приглашеніе священниковъ, по словамъ о. Замяткина въ „Архан. Епарх. Вѣд.“ отвѣчаютъ въ такомъ родѣ: „мы исповѣдуемся Богу и матери сырой землѣ“ или „я приложу ухо къ сырой землѣ, Богъ услышитъ меня и проститъ“ и проч. и проч. Также и о причащеніи: „за добрыя дѣла Христосъ приобщаетъ невидимо“. Тѣмъ не менѣе у своихъ наставниковъ усть-цылемы считаютъ нужнымъ исповѣдываться. Такихъ старцевъ „праведнаго житія“, а иногда и не стариковъ еще, и не всегда примѣрной жизни, нѣсколько въ усть-цыльмѣ, но есть и по другимъ деревнямъ волости. Одни изъ нихъ исповѣдуютъ только своихъ ододеревенцевъ, другіе пользуются большой популярностью, извѣстны далеко въ округѣ и ѣздятъ, такъ сказать, „по приходу“. Иногда очень далеко, напр. съ Пижмы рѣки до Пустозерска (400 верстъ), или на среднюю Печору, къ вологодскимъ зырянамъ (верстъ семьсотъ). Исповѣдуютъ наставники обыкновенно „миромъ“, т. е. нѣсколько человекъ заразъ, хотя желающихъ исповѣдуютъ и наединѣ, въ другой комнатѣ или въ сѣнахъ. На мирской исповѣди исповѣдники раздѣляются по группамъ, по внѣшнимъ признакамъ большей или меньшей ихъ

грѣховности: на мало чашечниковъ, или „кержачащихъ“, ѣдящихъ каждый ото всѣхъ отдѣльно, на большечашечниковъ, ѣдящихъ изъ общей чаши со своими, и на поперечныхъ, ѣдящихъ вмѣстѣ и съ никоніанами и бывающихъ въ православной церкви. Группы эти во время исповѣди становятся отдѣльно одна отъ другой, а поперечные кромѣ того еще спиной въ наставнику. На обычные исповѣдные вопросы, между которыми, правда, преобладаютъ грѣхи противъ никоніанской церкви, на всѣ вопросы, предлагаемые наставникомъ вслухъ, всѣ-же вслухъ отвѣчаютъ „грѣшенъ“, и затѣмъ слѣдуетъ общая молитва. Женщины исповѣдуются вмѣстѣ съ мужчинами, причемъ первыя приходятъ на исповѣдь, опоясанныя по голому тѣлу, вторыя—обыкновенно.

Таинства причащенія, конечно, нѣтъ, также какъ и всѣхъ прочихъ, ибо усть-цылемы, какъ поморцы, по смыслу ихъ ученія признаютъ продѣлываемыя ихними наставниками крещеніе и исповѣдь не за настоящія таинства, а за подобіе ихъ, такъ какъ въдѣ и наставниковъ своихъ они отнюдь не считаютъ за настоящихъ священниковъ, ибо настоящаго, праваго священства, а также и церкви со временъ Никона нигдѣ въ мірѣ не существуетъ.

II.

Хотя, утверждая это, нужно оговориться: всѣ эти догматическія тонкости о таинствахъ, о правомъ и не правомъ священствѣ и проч., вполнѣ опредѣленно сознаютъ только тѣ немногіе усть-цылемы, которыхъ мѣстные священники въ своихъ отчетахъ называютъ расколуучителями, попросту и ачетчики. Да и они сознаютъ не вполнѣ ясно и опредѣленно и далеко не всѣ одинаково. Дѣло въ томъ, что чего либо строго опредѣленнаго, разъ и навсегда установленнаго, всѣми ясно и вполнѣ сознаваемаго въ теоретическомъ ученіи Печерскаго раскола теперь нѣтъ. Самопониманіе и самообъясненіе раскола здѣсь очень слабы, и чуть-ли съ каждымъ годомъ не слабѣютъ все больше и больше, и чуть ли не больше и больше, годъ отъ году, падаетъ интеллигентность раскола. Лѣтомъ 1900 года я уже наблюдалъ такой не интеллигентный расколъ на рѣкѣ Колвѣ и верхней Печорѣ, въ Чердынскомъ уѣздѣ; въ усть-цылемской волости эта сторона раскола чуть-ли не бросается въ глаза еще болѣе рѣзко. Чѣмъ-же объяснить это явленіе?

Мнѣ кажется, что за послѣднее время, точно опредѣлить границы котораго не берусь, вообще въ Россіи замѣчается ослабленіе напряженности раскола старообрядства. Этому много причинъ, но одна изъ главныхъ заключается м. б. въ поворотѣ стремленій въ религіозной жизни народа въ сто-

рону рационалистическаго сектанства. Последнее, какъ известно, наоборотъ съ расколомъ старообрядства, захватываетъ все большія и большія районы. Исканій народа въ сферѣ духа уже не можетъ удовлетворить теперь только обрядовая сторона дѣла, а въ послѣдней вѣдѣ и заключается суть раскола старообрядства. Народъ въ дѣлѣ вѣры начинаетъ искать „духа жива“. У старообрядцевъ это скъазывается пока ослабленіемъ напряженности въ дѣлахъ вѣры.

Уменьшенію-же остроты, напряженности раскола старообрядства не мало способствовалъ вѣроятно и законъ о раскольникахъ 1883 года, уменьшившій строгость преслѣдованій за вѣру.

Паденію интеллигентности раскола на Печорѣ способствовали, правда, и свои, чисто мѣстные причины.

Вопреки общераспространенному взгляду о всеобщей грамотности русскихъ раскольниковъ, усть-цылемы мало и плохо грамотны. Покойный С. В. Максимовъ въ своей известной книгѣ „Годъ на сѣверѣ“ говоритъ противное. Онъ утверждаетъ, что всѣ архангельскіе раскольники грамотны, а усть-цыльму онъ считалъ „самой грамотной на Печорѣ, исключая толковой Ижмы“. Ему своими глазами приходилось видѣть, „свѣжія недавнія копія, цѣлыми томами большого формата, съ старопечатныхъ книгъ и цѣлые сборники-книги, которые поразительны по той разносторонней пытливости и любознательности съ каковыми старались печорскіе грамотен записывать то, что могло интересовать ихъ“¹⁾... Конечно, въ то время, въ 1856 году, такъ и было тамъ. Но не то теперь. И теперь, даже священники, вообще смотрящіе на расколъ вполнѣ отрицательно, указываютъ на всеобщую потребность въ грамотности, какъ со стороны самихъ раскольниковъ, такъ и ихъ дѣтей, но тѣ же священники приводятъ факты почти поголовной безграмотности взрослого населенія въ усть-цылемской волости. „Въ большой деревнѣ Бугаевой, въ 80 дворовъ, только три человѣка взрослыхъ грамотныхъ“, пишетъ мѣстный миссіонеръ о. Ильинскій въ „Архан. Епарх. Вѣдомостяхъ“, „Наставница тамъ слѣпая Анисья, а попъ—Василій, не умѣющій толково читать псалтырь“. Я лично встрѣчалъ много безграмотныхъ, не старыхъ еще, въ самой Усть-Цыльмѣ. Есть теперь, конечно, и въ усть-цылемѣ и нѣкоторыхъ другихъ деревняхъ волости министерскія и церковно-приходскія школы, въ которыхъ учатся дѣтя раскольниковъ, и не только мальчики, но за послѣднее время даже и дѣвочки. Но все еще въ общемъ неохотно отдають усть-цылемы дѣтей въ школы, въ которыхъ, они отлично знаютъ, въ дѣтахъ ихъ усиленно сглаживаютъ (особенно въ школахъ духовныхъ) разницу между ними и православными.

И вотъ, отчасти эта причина, отчасти, конечно, и недостатокъ

¹⁾ С. В. Максимовъ: «Годъ на Сѣверѣ», т. 2 стр. 44.

школъ, все еще поддерживаютъ доморощенныхъ грамотниковъ и, главнымъ образомъ, грамотницъ, по всему видно однако вырождающихся и теряющихъ свою интеллигентность. „Приемы ихъ обученія грамотъ, пишетъ о. Ильинскій, можно сказать, живой остатокъ древности, а единственная цѣль—научить дѣтей читать старыя книги“. Берутъ они за свое ученіе дорого, до полуторныхъ рублей въ мѣсяцъ, учатъ очень плохо и тихо. Учатся дѣти—мучатся, просиживая за зубрежкой весь день съ ранняго утра до поздняго вечера, а дѣло движется плохо. Въ первую зиму изучаютъ азбуку и канонъ за умершихъ механически, на память, въ слѣдующую зиму твердятъ псалтырь по кафизмамъ. Учатся дѣти—мучатся, каждый день по двѣ зимы потѣютъ надъ книжкой, заплатятъ не мало денегъ, а въ результатѣ чтеніе безъ пониманія. Гдѣ ужъ тутъ заняться списываніемъ томовъ книгъ, когда нѣкоторые, кончивъ ученіе, еле-еле по печатному умѣютъ нарисовать свою фамилію. Видѣлъ и я нынче многочисленные томы рукописныхъ книгъ, тетрадокъ и пр., но все это старинной переписки. Нѣкоторыя старыя книги, особенно скорописъ, не умѣютъ читать, по крѣчьамъ, напр., разучились пѣть, и книги эти скупаютъ у Усть-Цылемовъ теперь какіе-то прїѣзжающіе сюда съ Волги люди и отправляютъ ихъ на ярмарку въ Нижній. Непремѣнно въ силу этого нужно допустить, что прежде уровень общей грамотности въ Усть-Цылемской волости, а также въ частности и грамотности наставниковъ былъ несравненно выше, но по какимъ-то причинамъ палъ, и вотъ теперь, за самыя послѣдніе годы всеобщая потребность въ грамотности опять начинается проявляться.

Паденіе грамотности среди усть-цылемовъ легко объяснить, если вспомнить, что сравнительно недавно еще печорскій расколъ имѣлъ свои собственные расадники грамотности—это монастыри, попросту скиты. Таковыхъ мнѣ извѣстно три. Первый Великопоженскій, основанный приблизительно въ 1730 году по глухой рѣкѣ Пижмѣ, въ 130 верстахъ отъ ея впаденія въ Печору. Это тотъ самый скитъ, гдѣ въ 1744 году раскольники такъ ужасно засвидѣтельствовали непоколебимость и пламенность своей вѣры—отъ преслѣдованія тогдашняго духовенства и чиновниковъ, запершись въ скиту, сгорѣли 86 человекъ, вмѣстѣ съ наставникомъ Иваномъ Анкиндиновичемъ во главѣ. О событіи этомъ подробно трактуетъ пріобрѣтенная мною въ деревнѣ Скитской, находящейся на мѣстѣ бывшаго скита, писанная полууставомъ рукопись неизвѣстнаго автора. Послѣ катастрофы Великопоженскій скитъ снова возобновился, въ 1825 году сгорѣлъ, и возобновился опять. Съ 1842 года архангельскій архіерей завелъ съ губернаторомъ переписку о закрытіи скита, каковая тянулась два года, и въ 1844 году скитъ закрытъ. Иконы, отобранныя въ скиту при его закрытіи, служатъ теперь иконостасомъ въ усть-

цыломской единовѣрческой церкви. О второмъ монастырѣ рассказывалъ мнѣ одинъ усть-цыломскій старожилъ. Этотъ монастырь былъ уже на рѣкѣ Цыльмѣ, на мѣстѣ нынѣшней деревни Омелины. Когда монастырь основанъ и вѣмъ, старожилъ ничего не знаетъ, но онъ рассказалъ мнѣ исторію про Иванушку, одного изъ спасавшихся въ этомъ монастырѣ, котораго на Печорѣ считаютъ святымъ. Вотъ эта любопытная исторія: „Было это зашикомъ 100 лѣтъ назадъ, былъ на рѣкѣ Цыльмѣ монастырь, на мѣстѣ деревни Омелиной, и спасались тамъ люди. И стали этихъ людей тѣснить чиновники и снялись люди съ мѣста, и поплыли внизъ по Цыльмѣ, а какъ доплыли до устья рѣки Тобышъ, поворотили въ Тобышъ, поѣхали вверхъ по рѣкѣ и поселились тамъ далеко отъ устья, верстахъ въ ста, въ полуторахъ и стали тамъ жить. И жили тамъ люди и спасались ¹⁾ и потомъ стали помирать. И старики помирали и молодые, и дѣти и въ 20—30 лѣтъ, всѣ люди тамъ перемерли и остался въ живыхъ одинъ Иванушко. И стало тоскливо жить Иванушкѣ, и выплылъ онъ на плотикѣ въ Усть-Цыльму, и сталъ онъ ходить изъ дому въ домъ, питаться Христа-ради у людей, которые больше Бога знали и наблюдали правую вѣру. Ходилъ Иванушко такъ годъ или два и ушелъ однажды изъ одного дома, а въ другой не пришелъ, потерялся. Прошла осень, зима, наступила весна, и однажды нашелъ кто-то Иванушку подъ елкой. Сидитъ Иванушка подъ елкой мертвый. Были и холода и жары, а Иванушко подъ елкой цѣль-невредимъ, и духу отъ него нѣтъ и гнусь его не тронулъ. Похоронили Иванушку, а на могилу воткнули вѣточку сухую, а изъ вѣточки этой выросли три большія сосны. И стали Иванушкѣ молиться, и сталъ Иванушко милость давать“. Иванушко похороненъ въ 1½ верстахъ отъ Усть-Цыльмы, на могильникѣ среди полей, сзади деревни Караванной. Могильникъ очень не великъ и на немъ дѣйствительно три большія дерева густо сплелись вѣтвями. Ежегодно 24 іюня, въ Ивановъ день, на могильникъ этотъ стекается народъ со всей волости — „пѣтъ Иванушкѣ панахидки“. Усть-Цылемы ждуть, что скоро появятся Иванушкины моцки, но могилу его хорошенько не знаютъ и сами, если только не скрываютъ съ цѣлью, боясь мѣстнаго начальства. Но кажется это та самая могила, на которой стоитъ большой, до сажени, деревянный подожевый снизу кадилъницами крестъ, а на немъ по церковному вырѣзано: „на семъ мѣсти чрезъ денъ крестъ повѣщанію горловой боли Іоанну Крестителю. Марина Палкина“. Изъ этого видно, что Иванушку нѣкоторые едва ли не смѣшиваютъ съ Іоанномъ Крестителемъ, хотя, можетъ быть, крестъ посвященъ дѣйствительно Іоанну Крестителю, въ день котораго соби-

¹⁾ Основали, значить, монастырь, третій.

раются только на могильникъ служить Иванушкѣ панахвдки. На кладбищѣ есть и другой крестъ съ надписью уже просто: Іоанъ Крестиль. Тутъ, впрочемъ, и похоронены два чтимые Иванушка. Второго, по рассказамъ, принесло полою водой съ верхъ-Печоры и выбросило у Караванной, тоже совсѣмъ не тронутаго ни теплою погодой, ни гнусомъ. За святого-же, кажется, почитаютъ Усть-Цылемы и спасавшагося въ Великопоженскомъ скиту нѣкоего Евлампія или Лаврентія (хорошо не помню), мужа праведной жизни, который изъ самоуничженія велѣлъ схоронить себя не на кладбищѣ со скитниками, а на другомъ, гдѣ хоронились жившіе неподалеку отъ скита „поперечные“. И ему служатъ усть-цылемы панахидки и ѣздятъ по обѣщанію издалека. Ѣздятъ-же каждый годъ, обыкновенно весной, въ полу ю воду и на мѣсто бывшего монастыря, на рѣку Тобыщъ, гдѣ надъ могилами скитниковъ стоитъ амбарчикъ, замѣняющій часовню, которая раскольникамъ возвращено ставить. Амбарчикъ-же стоитъ и на мѣстѣ Великопоженскаго скита, въ деревнѣ Скитской. Имена всѣхъ „страдальцевъ во огнѣ погибшихъ за правую вѣру“ въ Великопоженскомъ скиту, записанные въ особую тетрадку, хранятся многими усть-цылемами, и я встрѣтилъ въ деревнѣ Скитской древнюю, за сто лѣтъ, старуху, нѣкогда спасавшуюся въ неразоренномъ еще скиту, которая всѣ имена, „во огнѣ, погибшихъ“ знала наизусть.

Итакъ, уничтоженіемъ раскольническихъ монастырей, я думаю, можно, главнымъ образомъ объяснить паденіе грамотности среди раскольниковъ усть-цылемовъ. Конечно, большіе грамотники есть среди усть-цылемовъ и теперь—это начетники. Лица эти больше чѣмъ грамотны—это книжники, которые, какъ и 200 лѣтъ тому назадъ, готовы по суткамъ спорить съ миссіонеромъ о крестѣ истинномъ, о имени „Ісусъ“, о хожденіи посоловъ и пр. и пр. Но странное дѣло, не они, эти дѣйствительно иногда сильныя въ писаніи (конечно, односторонне) и тонкіе діалектики, не они руководители раскола; не ихъ народъ слушаетъ, не по ихъ велѣніямъ поступаетъ, не ихъ чтить. Есть у него другіе наставники и руководители, обыкновенно древніе старики, часто старухи, порой очень малограмотныя, съ трудомъ разбирающіе кн.ги, но своею личною жизнью, вполне согласно съ многочисленными правилами обрядовой вѣры, внушающіе всей массѣ раскольниковъ большое къ себѣ уваженіе. Ихъ этихъ, рѣдкихъ уже нынче, малограмотныхъ, но съ вламенною вѣрою людей, готовыхъ и нынче умереть „за азъ единый“—народъ чтить и ихъ слушаетъ. Къ нимъ онъ идетъ исповѣдываться, имъ онъ несетъ свои сомнѣнія и въ вопросахъ жизненныхъ, и въ сферѣ своей темной, но жгучей вѣры. Это тѣ, которые, когда умрутъ, будутъ также вознесены, какъ Евлампія и Иванушка.

III.

Тяжелое обвинение тяготѣетъ вотъ уже много лѣтъ надъ усть-цылемами, — что они страшно развращены, распущены. Мѣстные священники не находятъ словъ для опредѣленія этого порока. Сильную развращенность усть-цылемовъ отмѣчаютъ и всѣ прежде объ нихъ писавшіе. Въ старину, вѣроятно такъ это и было, что опять-таки легко объясняется бракоборнымъ учениемъ, которому всецѣло были привержены усть-цылемы прежде. Учение это, признавая блудомъ плотское сожитіе въ „антихристово время“, неизмѣримо большимъ грѣхомъ считало все-таки оскверненіе при вѣнчаніи въ никоніанской церкви. Поставленный учениемъ идеаль—совершенной непорочности, уже какъ всякій идеаль былъ однако недостижимъ. По крайней мѣрѣ очень часто случались его нарушенія въ формѣ незаконныхъ сожитій. А это вело постепенно въ снисходительному взгляду на эти нарушенія и, наконецъ, въ ихъ оправданію: „Не то блудъ еже со дѣвицею или со вдовицею, но то блудъ егда въ вѣрѣ блудити: не мы блудимъ егда тѣломъ дерзаемъ, а церковь блудитъ, егда ересь держитъ ¹⁾“. Такимъ образомъ, бракоборное учение, оправдывая развратъ, въ концѣ концовъ привело къ полной нравственной распущенности, что, вѣроятно, наблюдалось въ старину и среди усть-цылемскихъ раскольниковъ. Не то теперь. Бракоборнаго ученія среди усть-цылемовъ теперь не существуетъ, и мало того, что уже тамъ нѣтъ дѣвственниковъ по идеѣ, но теперь уже почти никто не живетъ просто сходясь, всѣ вѣнчаются въ церкви. Фактъ этотъ что-нибудь да значить. Если сами усть-цылемы-пришли къ сознанию необходимости хотя бы ради чисто матеріальныхъ выгодъ вѣнчаться въ церкви, значить они признали господствующую у нихъ прежде форму брака ненормальной. Съ учащеніемъ браковъ церковныхъ уменьшилось число незаконныхъ сожитій, усиливалась строгость взглядовъ на распущенность. Опять можно привести въ примѣръ колвинскихъ раскольниковъ въ Чердынскомъ уѣздѣ. Тамъ, при одинаковости исповѣдуемаго толка, бракоборное учение все еще въ силѣ, церковныхъ браковъ меньше, и нравственной распущенности больше (см. „По Чердынскому уѣзду“ — „Живая Старина“, вып. I, 1901 г.), но и тамъ это учение годъ отъ году ослабѣваетъ, увеличивается число церковныхъ браковъ, уменьшается годъ отъ году распущенность. На Печорѣ, въ самой Усть-Цыльмѣ нравы строже, чѣмъ напр. въ деревняхъ отдаленной и глухой Пижмы, не даромъ считающейся центромъ усть-цылемскаго раскола. Измѣненіе взгляда на дѣвическую непорочность съ особенною очевидностью высказывается при нынѣшнихъ бракахъ. Нынче уже очень большое значеніе придаютъ непорочности дѣвушки, а та, у

¹⁾ П. С. Смирновъ—«Внутренніе вопросы въ расколѣ». С.-Петербургъ, 1898 г.

которой былъ ребенокъ, зачастую уже совсѣмъ не можетъ выйти замужъ—ее всѣ обѣгаютъ. При выборѣ невѣсты (по крайней мѣрѣ, въ самой Усть-Цыльмѣ) непорочность цѣнится больше всего, затѣмъ здоровье и затѣмъ уже все прочее, напр. красота и богатство. Мало того, избѣгается не только порочность самой невѣсты, но даже порочность ея семьи, рода, каковое требованіе выразилось даже въ пословицѣ: „Хоть уродъ (т. е. некрасивая) да изъ роду“. Совсѣмъ другія требованія предъявляются къ жениху. У жениха чуть-ли не больше всего цѣнится богатство, а на все другое обращается мало вниманія. И это выразилось въ пословицѣ: „жениха женить сусѣдами (т. е. богатствомъ), а невѣсту выдаютъ сусѣдами“ т. е. тѣмъ мнѣніемъ, что составлять о ней сосѣди, люди больше другихъ ее знающіе,—доброй славой.

Конечно, по сравненію, напр., хоть съ ижемками нравственность усть-цылемокъ ниже, но я говорю только о томъ, что рассказы о развращенности усть-цылемокъ сильно преувеличены. Дѣвическая непорочность ижемокъ и вѣрность замужнимъ женщинамъ на Ижмѣ, всѣ утверждаютъ, удивительны, идеальны, но зато какъ принижена и какъ забита еще женщина на всей Ижмѣ. Если зимой при катаньяхъ съ горъ, и лѣтомъ въ равныхъ играхъ дѣвушки и парни на Ижмѣ веселятся отдѣльно другъ отъ друга, и если даже въ церкви мужчины и женщины стоятъ, строго раздѣляясь, зато до сихъ-же поръ на Ижмѣ зыряннѣ, принимая гостя, позволяетъ своей женѣ только въ полномъ молчаніи прислуживать, подавать чай, обѣдъ и пр. и отнюдь не позволяетъ ей принять участія въ бесѣдѣ. И этотъ взглядъ на женщину, эта приниженность женщины въ домѣ богатаго, бывавшаго въ столицахъ и развитого зыряннина-ижемца сказывается еще въ большей степени, чѣмъ въ домѣ бѣднаго, гдѣ женщина другой разъ поневодѣ становится на ровную съ мужчиной ногу. Не забитостью-ли женщины на Ижмѣ объясняется и то обстоятельство, что при сравнительномъ матеріальномъ достаткѣ ижемцевъ и при ихъ хорошемъ здоровьи, женщины тамъ страдаютъ нервозностью, выражающейся зачастую въ сильныхъ ея проявленіяхъ, въ формѣ такъ называемой икоты, какъ объ этомъ писалось какъ-то въ одномъ духовномъ журналѣ.

Не таково положеніе женщины въ Усть-Цыльмѣ (по всей волости). Здѣсь женщина совершенно свободна, она совершенно равноправный членъ семьи, больше того, положеніе женщины у усть-цылемокъ прочно и, можно сказать, высоко. Свободна усть-цылемка съ раннаго дѣвчества безусловно. Тамъ и въ поминѣ нѣтъ угнетенія женщины, крайне рѣдки случаи насильной выдачи дѣвушки замужъ, случаи, всѣми безусловно осуждаемые и по общему же мнѣнію никогда добромъ не кончающіеся. „Отобьются они другъ отъ

друга, безпремѣнно отобьются“, говорятъ усть-цылемы всегда въ подобныхъ случаяхъ. А на Ижмѣ выдача дѣвушки замужъ безъ ея согласія—правило.

Усть-Цылемку дѣвушку въ семьѣ очень цѣнятъ, какъ работницу, неохотно съ ней расстаются и, выдавая замужъ, берутъ за нее большой „запросъ“ (выкупъ). Выходя замужъ, усть-цылемка отнюдь не теряетъ воли и передъ свадьбой она хотя и „приплакиваетъ плаксы“, но въ нихъ она скорѣе прощается съ отцемъ—матерью, отцовскимъ домомъ, чѣмъ съ волей дѣвичьей и нимало не тужитъ о грядущей неволѣ, которая, она знаетъ, ее совсѣмъ не ждетъ въ замужествѣ. Если въ свадебныхъ плаксахъ и есть слова, до нѣкоторой степени указывающія на „женскую неволю“, то не нужно забывать, что плаксы, такъ-же какъ и былины и древнія пѣсни есть пережитокъ далекаго прошлаго, наслѣдіе временъ основателя Усть-Цыльмы Ивашка Ластви, когда нравы дѣйствительно были жестокіе. Нынче усть-цылемка, выходя замужъ, хорошо знаетъ, что воля у ней будетъ, а о неволѣ она и не слыхала. И всетаки по традиціи „воетъ плаксы“. Тотчасъ по выходѣ замужъ молодка, потомъ жонка совершенно равноправные члены семьи. Входя въ домъ мужа, особенно малосемейнаго, или тотчасъ отдѣляясь, молодка становится не только рабочей силой, безправной и безмолвной какъ на Ижмѣ, а настоящей и полной хозяйкой, самовольно и безотчетно распоряжающейся всѣмъ добромъ—мужъ только знай зарабатывай. Да и не можетъ вѣчно находящійся въ отлучкѣ мужъ, то въ извозѣ, то на рыбной ловлѣ, то на пашнѣ, не можетъ мужъ не предоставить полной самостоятельности своей женѣ. Последнее обстоятельство,—вѣчное бродяжничество усть-цылема,—создало на почвѣ раскола еще одно, очень цѣнное въ глазахъ всего раскольниковскаго общества, назначеніе женщины. Жонка цѣнится всякимъ усть-цылемомъ, конечно, и какъ жена, и какъ хозяйка, но еще и какъ знатокъ и хранительница старовѣрства.

Усть-цылема зимой съ промыслами звѣриными и извозомъ, лѣтомъ съ рыбной ловлей и пашней, вѣчно бродящему далеко отъ дома, зачастую имѣющему дѣло съ „еретиками - никоніанами“, и некогда и невозможно соблюдать и хранить въ чистотѣ всѣ обычаи и обряды древніе, передаваемые „отъ дѣдовъ и прадѣдовъ“ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Вотъ почему всегда живущая дома и никогда не бывающая среди „еретиковъ“, усть-цылемская жонка беретъ на себя изученіе и сохраненіе правилъ древняго благочинія, завѣтовъ старины, и вообще всего того, что смертью на кострѣ засвидѣтельствовали такіе учителя раскола, какъ знаменитый Аввакумъ или старецъ Иванъ Анкидиновъ, и проч. „животы свои за правую вѣру сложившіе“ въ недалекомъ отъ Усть-Цыльмы Пустозерскѣ или еще ближе

того, — въ свѣту Великопоженскомъ на рѣкѣ Пижемѣ. Поэтому усть-цылемская жонка учитъ и распѣваетъ духовные стихи, читаетъ псалтырь, заучиваетъ церковныя службы и зачастую справляетъ ихъ: поетъ молебны и панахидки, крестить ребятъ, ведетъ чинъ отпѣванія по древнему обряду, строго слѣдитъ за соблюденіемъ постовъ, и пр. и пр. Это въ религіозной жизни. А въ бытовой жизни жонка же помнитъ до мельчайшихъ подробностей и ведетъ чинъ свадебныхъ церемоній и всѣхъ другихъ свѣчаевъ и обычаевъ. Часто поэтому и бываетъ, что у многихъ неграмотныхъ мужей жоны грамотны и, конечно, мужъ такой жены не можетъ не относиться къ ней съ уваженіемъ, съ полнымъ довѣріемъ къ ея знаніямъ и мудрствованіямъ. Зато нерѣдко-же жена платитъ своему мужу снисходительнымъ пренебреженіемъ не только въ сферѣ духовной, но и житейской и зачастую сторонится его, какъ поперечнаго — не ѣстъ съ нимъ изъ одной чашки, не молится на одну икону и пр. И странное дѣло, усть-цылемъ нѣсколько этимъ не таготится и принимаетъ, какъ должное, вынося подобную отчужденность жены, какъ заслуженное наказаніе, какъ справедливую кару за несоблюденіе завѣтовъ старины, напр., кару за близкія и частыя (но необходимыя, напр., у торговца или извозчика) сношенія съ никоніанами. И часто можно услышать отъ усть-цылема на вопросъ объ обрядности: „это бабы знаютъ, у нихъ спроси“ Духовная сторона жизни усть-цылема, слѣдовательно, „бабье дѣло“.

Конечно, все это не отрицаетъ у Усть-Цылемовъ возможности учителей и наставниковъ, и таковыя и въ самой Усть-Цыльмѣ и по многимъ другимъ деревнямъ волости есть. Но раскольничьи наставники и начетчики это, такъ сказать, специалисты, знатоки и любители раскольничьей литературы, изучающіе литературу эту во всемъ ея объемѣ, для цѣлей полемическихъ и пропагандатовскихъ, для нуждъ всего раскола даннаго мѣста, между тѣмъ каждая Усть-Цылемская жонка непремѣнно знатокъ и блюстительница духовной жизни, т о л ь к о для себя, для своей семьи, для своего дому. Усть-Цылемская жонка, завѣдуя духовной жизнью въ семьѣ, слѣдитъ главн. обр. за соблюденіемъ мелочей обрядовой жизни. Правда, нѣкоторыя Усть-Цылемки выходятъ въ данной сферѣ изъ круга семьи и начинаютъ удовлетворять запросы и чужихъ людей: поютъ по заказу панахидки, крестятъ ребятъ и проч. Тогда и онѣ поднимаются до положенія представительницъ раскола, но начетчицы изъ нихъ почти никогда не выходятъ, потому м. б., что они не въ состояніи подняться на должную умственную высоту, обнять всю литературу раскола, а вѣрнѣе-же, не въ состояніи заинтересоваться ею, такъ какъ имъ интересна не теорія, а дорога практика раскола.

Можетъ быть, единственно Усть-Цылемской жонкѣ, съ равнаго дѣтства

воспитанной въ правилахъ раскола, т. сказать съ молокомъ матери впитавшей духъ его, м. б. ей одной Усть-Цылемская волость, обязана тѣмъ, что въ ней больше, чѣмъ гдѣ ниб. въ другомъ мѣстѣ на Печорѣ, весь складъ жизни носить сильный отпечатокъ далекой старины; весь складъ жизни, начиная съ языка, изобилующаго еще особенностями старо-новгородскаго говора, до одежды и платья, до стиля избы, наконецъ до старинныхъ игръ, древнихъ пѣсень, до давнымъ давно исчезнувшихъ въ другихъ мѣстахъ быльи. Несмотря на то, что сосѣдки Усть-Цылемокъ — ижемки и особенно пустозерки давнымъ давно смѣнили русскій сарафанъ на ситцевыя кофточки и вообще сильно „слѣдятъ за модой“, Усть-Цылемки по, прежнему ходятъ единственно въ немъ, въ сарафанъ, смѣняя по праздникамъ домотканьи и своедѣлки на „шолковыя“ и дорогія шали, въ косы влетающія широкія яркія ленты, на груди распуская широкія серебряныя цѣпи съ крестами, а кто побогаче, надѣвая и парчевыя „коротки“, а сверху на плечи накидая шелковыя на лисьемъ мѣху шушуну и душегрѣйки. Исключительно русскую же одежду носятъ и Усть-Цылемы, даже самые богатые, не соблазняясь примѣромъ богатыхъ ижемцевъ и пустозеровъ, которые часто повергали меня въ изумленіе шикарными тройками и сорочками, ботинками съ узкими носками, шляпами-котелками и даже перчатками. Часто бывая въ столицахъ, богатые ижемцы перенесли на Печору вмѣстѣ съ зеркалами и богатыми лампами, сорочками, пахучимъ мыломъ и духами и галантное обращеніе, и жестокіе романы, и фабрично-трактирныя пѣсни-частушки, но женщина по прежнему у нихъ раба мужа, принижена и забита до истерики. А свободные Усть-Цылемки, шеголая въ сарафанахъ, попрежнему роспѣваютъ простодушныя, но глубокіе, носящіе отпечатокъ мѣстнаго быта старыя стихи и пѣсни.

Православное духовенство на Печорѣ и на словахъ и въ своихъ печатныхъ трудахъ и названія не находятъ для опредѣленія той темноты и дикости и вытекающей отсюда страшной безыравственности и распущенности Усть-Цылемовъ и особенно Усть-Цылемокъ и всегда въ примѣръ имъ ставятъ чисто православныхъ, богобоязненныхъ, крѣпко приверженныхъ къ церкви ижемцевъ, особенно пустозеровъ. Въ смыслѣ распущенности ижемки и пустозерки, повторяю, дѣйствительно выше Усть-Цылемокъ, во всемъ-же остальномъ чистое православіе и крѣпкая привязанность къ церкви положительно ничему не мѣшаютъ. Всѣмъ извѣстны теперь тѣ ужасы эксплуатаціи, которые продѣлывали да и до сихъ поръ, кажется, продѣлываютъ и ижемцы, и пустозеры въ отношеніи къ бѣднымъ, вымирающимъ, въ конецъ раззореннымъ, спившимся и зараженнымъ сифилисомъ, самоѣдамъ. Еще С. В. Максимовъ сорокъ съ лишнимъ лѣтъ тому назадъ говорилъ, что „Тундра

грѣхомъ на совѣсти ижемцевъ лежитъ“. Послѣ него на это много разъ указывали не только всѣ путешествовавшіе по Печорѣ частныя лица, но и официальные изслѣдователи края, напр., въ 1888 архангельскій губернаторъ князь Н. Д. Голицынъ. Итакъ, развитые ижемцы и пустозеры разорили, спонли и развратили самоѣдовъ, къ чему отнюдь не прикосновенны раскольники усть-цылемы и теперь бывшіе владѣтели тундры и стадъ оленей, иногда въ нѣсколько десятковъ тысячъ головъ, во многихъ случаяхъ или въ пастухахъ у ижемцевъ и пустозеровъ, или живутъ при селахъ и деревняхъ, питаея Христовымъ именемъ. Но спонивъ и развративъ самоѣдовъ, зыряне, напр., и сами стали страдать этими пороками. Тотъ-же князь Голицынъ говоритъ, что пьянство страшно развито въ Ижемской и Мохченской волостяхъ, тѣхъ самыхъ, гдѣ они занимаются оленеводствомъ. „Прибывая изъ тундры въ одно изъ болѣе богатыхъ кабаками селеній: Ижму, Мохчу или Сизябскъ, зыряне — оленеводы пьянствуютъ по нѣскольку мѣсяцевъ сряду, и въ мартѣ ихъ увозятъ въ тундру привязанными къ санямъ“ *). „Въ Никольскую ярмарку въ Пинегѣ зыряне поражаютъ всѣхъ своимъ пьянствомъ, выпивая массу вина и оставляя сотни рублей въ кабакахъ“. Ничего подобнаго, конечно, не происходитъ и не можетъ происходить въ Усть-Цыльмѣ, гдѣ народъ трудолюбивый, работающій, да и не занимаясь оленеводствомъ (въ крупныхъ размѣрахъ) онъ не имѣетъ большихъ недостатковъ. Что касается „развитыхъ пустозеровъ“, то развитость ихъ, православіе, крѣпкая приверженность къ церкви и большая религіозность, чему и я бывалъ свидѣтелемъ, опять таки ровно ничему не мѣшаетъ и сильно можно сомнѣваться въ полной сознательности всѣхъ этихъ ихъ качествъ, на которыя всѣ такъ любятъ ссылаться. Дѣло въ томъ, что среди пустозеровъ, при всей ихъ „глубокой религіозности“, есть лица вѣрующія въ силу идоловъ. Въ „Архангельск. Епарх. Вѣд.“ за 1898 г., въ № 9, со словъ очевидца, рассказывается случай жертвоприношенія пустозерами самоѣдскимъ идоламъ. Пустозеры съ Вайгача на материкъ переправляли стадо оленей. Переправа долго не удавалась — отплывъ отъ берега острова, олени почему то снова возвращались обратно. „Тогда одинъ изъ пустозеровъ, чело-вѣкъ значительный, предложивъ принести въ жертву идолу оленя, чтобы получить у него помощь въ переправѣ и дѣйствительно принесъ въ жертву оленя“. Какъ ни темна сама по себѣ вѣра Усть-Цылемовъ, какъ не затемнено она еще болѣе массой предрасудковъ и суевѣрій, но до жертвоприношеній самоѣдскимъ идоламъ они всетаки никогда не доходили **).

*) Записка архангельск. губернатора князя Н. Д. Голицына по обозрѣнію Печорскаго Края. Арханг. 1888 г.

**) Сохраняется, правда, у нихъ одинъ обрядъ несомнѣнно отъ временъ языческихъ. Въ крещенскій сочельникъ молодые парни садятся верхомъ на несѣдлаемыхъ лошадей

IV.

Выше я нѣсколько разъ вскользь упоминалъ о былинахъ на Печорѣ. Дѣйствительно, мнѣ удалось записать въ самой Усть-Цылемѣ семь былинъ: про Илью Муромца, про Дунай Ивановича, про Дюка Степановича, про Потыка Богатыря (про Потокъ Михаила Ивановича) про Ваську Буслаева, про Каливъ переходихъ и про „Маево“ побойце. Къ несчастью, поздній мой прїездъ на Печору, незадолго передъ Петровымъ днемъ, лишилъ меня возможности записать и былинъ и прочихъ исчезающихъ памятниковъ народнаго творчества, гораздо больше, лишилъ возможности потому, что всѣ Усть-Цылемы съ Петрова дня разъѣзжаются на рыбные промыслы и пожни. Всѣ семь былинъ или „старинъ“—по печорски, записаны мною отъ трехъ лицъ, жителей Усть-Цыльмы, при чемъ, ни одинъ изъ нихъ, конечно, далеко не использованъ мною совсѣмъ, чему причиной было, повторяю, недостатокъ времени.

Такъ, напр., Дмитрій Дуркинъ, еще совсѣмъ нестарый человекъ,—ему сорокъ съ чѣмъ то лѣтъ,—знаетъ, по его словамъ, до 70 былинъ. Только про Илью Муромца онъ знаетъ до 4-хъ былинъ, которыя называетъ „повѣздками“—„первая повѣзка Ильи Муромца“, „вторая“ и т. д. Отъ него я слышалъ названія былинъ про Садко, новгородскаго гостя, про Ваську Буслаева, про Чурида Пленковича, про Соловья Будимировича, про Ставера Гоудиновича и м. др., но самъ записать успѣлъ у него только двѣ. Любопытно, что Дуркинъ совсѣмъ не знаетъ грамотъ, но за то онъ обладаетъ громчидной памятью. Другой мой былинщикъ Алексѣй слѣпой, старикъ свыше 70 лѣтъ, знаетъ множество сказокъ, которыя рассказываетъ очень ловко, почти стихами, но страшно повторяясь, изъ слова въ слово передавая то, что было сказано раньше, почему сказки выходятъ безконечно длинны. Знаетъ онъ и былины, но съ тѣхъ поръ какъ его постигло несчастіе—онъ ослѣпъ,—Алексѣй совсѣмъ ничего не поетъ и только на словахъ передалъ мнѣ былинку про „Потыка“. Мой третій старинщикъ Петръ Поздѣвѣнъ, старикъ 65 лѣтъ, рыбакъ и сапожникъ. Онъ всѣхъ доступнѣе, пот. м. б., что тачая сапоги, дома могъ рассказывать былины, а то и пѣтъ, хотя нужно сказать, когда я приходилъ, то работалъ онъ мало: только примется за

и съ гикомъ, криками и свистомъ носятся по всему селу «топчуть шишковъ». Ш и ш к о это чортъ или нѣчто вродѣ его, въ котораго крѣпко вѣрятъ усть-цылемы и такъ его боятся, что безъ особенной надобности не произносятъ и его имя. Совершенно подобное-же совершается въ крещенскій сочельникъ на всей Ижмѣ и чуть-ли не отъ зырянъ перенялъ русскіе этотъ обычай. Точно также «гоняють шайтана», напр., и вотяки Соновскаго Края, въ Саранульскомъ уѣздѣ, Вятской губерніи. Авт.

старину, работа откладывается въ сторону, и онъ, подпершись рукою, сидитъ, рассказываетъ или поетъ и уже ничего больше не можетъ дѣлать. Видимо, онъ самъ сильно увлекается былинами. Былины знаетъ у него и жена, и если онъ порой сбивался, жена его поправляла. Вообще нужно думать, что женщины также знаютъ былины въ Усть-Цыльмѣ, хотя, какъ и вездѣ въ расколѣ, специальность ихъ,—духовные стихи, которыхъ мнѣ, къ сожалѣнію, не пришлось записать ни одного, и я привезъ только нѣсколько экземпляровъ, писанныхъ полуустаромъ, вѣроятно, вывезенныхъ изъ Поморья. Въ нихъ положительно ничего нѣтъ мѣстнаго, печорскаго, даже писаны они, повторяю, едва-ли на Печорѣ, и стихи эти могутъ служить только развѣ образцомъ литературы, которой удовлетворяется духовная жажда Усть-Цылемовъ.

Лѣтомъ 1900 года я записывалъ пѣсни на Вишерѣ, въ Чердынскомъ уѣздѣ. Характерной отличительной чертой Усть-Цыльмы на Печорѣ отъ Сыпучинской волости Чердынскаго уѣзда, какъ это ни странно, то, что несмотря на то, что Усть-Цыльма село раскольниковъ, а Вишера чисто православная, мнѣ большого труда стоило записывать пѣсни на Вишерѣ, чѣмъ былины на Печорѣ. Вообще Усть-Цыльмы удивительно общительный народъ, и несмотря на свое религиозное убѣжденіе, что большой грѣхъ имѣть дѣло съ инокіонами, и даже несмотря на весьма понятное и легко объяснимое многими историческими обстоятельствами опасеніе посторонняго, да еще пріѣхавшаго изъ Петербурга человѣка, Усть-Цыльмы очень охотно, безъ усиленныхъ просьбъ, какъ на Вишерѣ, рассказывали или пѣли мнѣ свои былины. И я увѣренъ, что если бы я пріѣхалъ на Печору только хотя мѣсяцемъ раньше, записи былинъ достигли бы по крайней мѣрѣ сотни. Я тѣмъ болѣе основаніе имѣю это утверждать, что поименованные мною выше былинщики въ свою очередь указывали мнѣ на другихъ односельчанъ, знающихъ былины, какихъ не знаютъ они.

Вслѣдствіе начавшихся сѣнокосныхъ работъ я не посѣтилъ спеціально для записей кромѣ Усть-Цыльмы никакихъ селеній ея волости, и только съ цѣлью пріобрѣсти крайне интересовавшую меня рукопись о нижемскихъ самоожженцахъ ѣздилъ до деревни Скитской на рѣкѣ Пижмѣ. Рукопись ¹⁾ я

¹⁾ Приобрѣтенная мною рукопись, писанная неизвѣстно кѣмъ, но несомнѣнно раскольникомъ, трактуетъ о кровавой исторіи, случившейся въ 1744 году въ Велокопоженскомъ скиту на рѣкѣ Пижмѣ. Исторію эту, со словъ «церковнаго лѣтописца» пересказываетъ г. Истоминъ въ «Предварительномъ отчетѣ о поѣздкѣ въ Печорскій край въ 1890 году» (XXVI томъ «Извѣстій Им. Русс. Геогр. Общества») Авторъ церковной лѣтописи записалъ исторію о нижемскихъ самоожженцахъ со словъ старожиловъ, и потому въ ней допущены нѣкоторыя неточности, по сравненію, съ рукописью. Авторъ церковной лѣтописи, передавая исторію, замѣчаетъ: «Но есть подробная объ этомъ лѣтопись, только неизвѣстно гдѣ хранящаяся». Вотъ эту-то «лѣтопись» мнѣ и удалось сначала найти, а потомъ и пріобрѣсти. Найти ее было очень трудно, хотя она была и недалеко, тутъ же въ Усть-Цыльмѣ,

приобрѣлъ, но о былинахъ въ селеніяхъ по рѣкѣ Пижмѣ плохо слышно, хотя на Пижмѣ я такъ мало видѣлъ народу, что рѣшительно утверждать, что тамъ былины нѣтъ, я не рѣшаюсь. Кромѣ того, я совсѣмъ, не былъ въ селеніяхъ по рѣкамъ Цыльмѣ и Нерицѣ, но думаю, что былины тамъ есть, а что былины, старые стихи и пр. сохранились еще въ Пуустозерской волости, въ селеніяхъ которой я тоже былъ только проѣздомъ, это — внѣ всякаго сомнѣнія, въ этомъ меня увѣряли мѣстные торговцы и крестьяне, и даже приводили названія былины, какія сохранились тамъ.

Говоря о былинахъ на Печорѣ м. б. встаетъ будетъ сказать о былинахъ и въ Чердынскомъ уѣздѣ Пермской губерніи. Тамъ я прожилъ полтора мѣсяца, разѣзжая по Сыпучинской волости, на рѣкѣ Вишерѣ и за это время успѣлъ записать только два небольшіе отрывка про „Микиту Добрыньевича“. Слышалъ я, что былиняцкѣ, обрусѣвшій вогуль, есть въ дер. Усть-Улсѣ, но его я не засталъ дома; указывали на былиняциковъ въ деревняхъ Акчимѣ и Голосковѣ, но голосковца я не засталъ дома, а акчимецъ наотрѣвъ отказался пѣть, — была больна мать. И только въ д. Вѣлгурѣ мнѣ пришлось записать упомянутые два отрывка у старика подъ 70 лѣтъ, Ульяна Парпакова. Но онъ оказался упрямъ: сообщивъ мнѣ на словахъ вѣсколько пѣсенъ и два отрывка былины, онъ ничего не хотѣлъ больше рассказать, тѣмъ больше былины, которыя нужно было пѣть. Такъ я ни съ чѣмъ и уѣхалъ, а былины онъ, говорили мнѣ, знаетъ много. Увѣряли меня, что былины сохранились въ двухъ трехъ маленькѣхъ деревушкахъ на глухой рѣкѣ Березовой, притокѣ Колвы, въ томъ же Чердынскомъ уѣздѣ, но я тамъ не былъ. На рѣкѣ Колвѣ и верхней Печорѣ, населенныхъ раскольниками, о былинахъ слышно плохо, и ничего я тамъ, хотя и былъ, не записалъ, хотя утверждать, что былины тамъ нѣтъ, не рѣшаюсь.

Н. Ончуковъ.

и, кажется, не въ одномъ спискѣ. Но нужно было достигнуть, чтобы владѣльцы рукописи доверились мнѣ. Я это успѣлъ черезъ нѣкоторое время, и рукопись мнѣ торжественно, но съ большой опаской, принесли прочесть, ни за что не соглашаясь продать. Но указали, что на Пижмѣ, въ д. Скитской есть еще списки, которые м. б. и согласятся уступить. Пришлось ѣхать за 125 верстъ въ д. Скитскую, гдѣ рукопись показали сравнительно легко, а затѣмъ и продали. Въ усть-цылемской рукописи о нижемскихъ саможженцахъ была приложена автобіографія какого-то раба Іоанна, м. б. того самаго поморскаго наставника Ивана Анкидиновича, что основалъ нижемскій скитъ. Писана была рукопись, вѣроятно, въ Поморьѣ, полууставомъ, очень хорошаго, мастерскаго письма. Къ рукописи купленной мной въ Скитской, оказались тоже приложения, вѣрнѣе продолженіе велокопоженской исторіи: 1) саможженіе на р. Пезѣ, въ селеніи Езевецѣ. 2) саможженіе на рр. Омѣ и Вижаѣ 3) о зимосторонцахъ и 4) о «промеморіи въ Питербургѣ». Купленная мною тетрадка гораздо худшаго письма, чѣмъ первая; моя, вѣроятно, письма мѣстнаго, писана тоже полууставомъ.

Авт.

ОТДѢЛЪ II.

Литвины-Бѣлорусы Черниговской губерніи, ихъ быть и пѣсни.

(Окончаніе).

На Вялікадня (На Пасху).

Наконецъ разговѣлись наши постящіеся по неволѣ, по суровому Аѳонскому уставу. Зато къ этому дню уже у каждаго припасено или кусочикъ солонины или «счагенци капчоной баранины», а иногда и парасеночекъ. Кромѣ того, въ каждой избѣ на столѣ видѣнъ бѣлый хлѣбъ. Странно и необычайно!

Это рѣдкое событіе бываетъ только разъ въ годъ. Въ пасху (т. е. куличъ) хозяйка уже непремѣнно положить чего нибудь сворожнаго, въ родѣ яицъ, или молока, на томъ основаніи, что и въ церкви «читаюца пасха святая, пасха усчащія пасха ии парожная».

На первый день, какъ и повсюду, никакихъ общественныхъ увеселеній не полагается. Вотъ въ полдень всѣ высилали на улицу, къ солнышку: малыя бѣгаютъ, старыя сидятъ за воротами на колодочкахъ и «гамонюць¹⁾». Молодые тоже гдѣ-нибудь на бугрѣ сидятъ или ходятъ партіями въ «проходеу» по лѣсу.

Только на 2-ой день послѣ обѣда начинается оживленіе и слышатся пѣсни:

Давайца, дзѣуки,
На калѣдацы сядзигъ
Пѣсянки зацягнигъ.
Вы, старыя дзяды;
Варѣца свайе кіѣи,
Идзница вы у поля
Зялянога жыта глядзѣци

Да радзье²⁾ вы рады
Усе харѣшныя,
Якъ сынду жаніци.
Радзье вы вяселья,³⁾
Жоднаго скрысенья,⁴⁾
Штобъ людзи глядзѣли
Жодныя нядзѣли.

(въ с. Гарцмѣ, Стародуб. уѣзд. со сл. 27 л. женщ. въ 1899 году).

Вотъ гдѣ-нибудь подъ дубомъ парни устраиваютъ общеизвѣстную забаву «арэли»⁵⁾. Тутъ же недалекѣ собираются дѣвки, вмѣсто музыки одинъ изъ хлопцевъ ивѣтъ только бубенъ.

«Давайца слязенья вадзницъ», кричитъ большинство. Вотъ становятся въ хороводъ и начинаютъ протяжно:

Слязенька касатыѣ,
Маладзецъ кудриватыѣ,

Скажи, слязенька,
Якъ старыя бабы скачуть?

Тотчасъ текстъ изъ протяжнаго переходитъ въ плясовой. Въ среднѣй хоровода танцуютъ, подражая старымъ бабамъ. Бубенъ дѣйствуетъ исправно, хоръ поетъ:

¹⁾ разговариваютъ.

²⁾ совѣтуйтесь ³⁾ свадьбы ⁴⁾ воскресенье ⁵⁾ качели.

Вотъ такъ
Таукуць макъ,
Вотъ и йетакъ,
Вотъ и такъ

Гарбамы киваюць,
Дзяду падманяюць,
Лёнъ пры дарозі
Вѣцяръ павевае!

Х о р ь.

Слязенька касатый,
Маладзецъ кудриватый,
Скажы, слязенька,
Якъ старыя дзяды скачуць.
Вотъ такъ,
Вотъ и йетакъ,

Вотъ такъ
Няпрыгожа,
Вотъ такъ
Нихардша,
Лёнъ пры дарозі
Вѣцяръ павивае.

Х о р ь.

Скажы, слязенька,
Слязенька касатый,
Якъ рыбаты скачуць.
Вотъ такъ,
Вотъ и йетакъ;
Вотъ такъ
Харашенька,

Вотъ такъ
Пригаженька.
Бравамы маргаюць,
Кудрамы махаюць,
Дзвучаць падманяюць.
Лёнъ пры дарозі
Вѣцяръ павѣвае.

(Записано въ с. Гарцовѣ, Стародубскаго уѣзда со словъ 26 лѣт. женщ. въ 1899 году).

Хаджѹ я, гуляю
Па усѣмъ карагодѹ,
Хаджу, выглядаю
Харошаю цѣщу.

Занька сѣрянкый,
Будзь ты мнѣ цѣща,
А я табѣ зяць буду,
Твайю дачкѹ узяць хѹчу.

Когда хоръ называетъ тѣшу, тогда гуляющій въ кругу беретъ себѣ по выбору дѣвчу и водить ее за руку; такимъ же манеромъ выбираютъ по симпатіи девера, золовку и невѣстку.

Хаджѹ я, гуляю
Па усѣмъ карагодѹ,
Хаджѹ, выбираю
Харошаго шуряна,
Будзь ты мнѣ шуринъ,
А я табѣ свайякъ буду,
Твайю сястру узяць хѹчу,
Занька сѣрянкый!...

Хаджу, я гуляю
Па усѣмъ карагодѹ,
Сабѣ выглядаю
Харошу нявѣсту,
Будзь ты мнѣ жана,
А я табѣ мужъ буду,
Замужъ цябе узяць хочѹ,
Занька сѣрянкый и т. д.

(с. Лойцычы со сл. 27 л. 1898 г.)

Хороводная:

Што-й у нашамъ у сятѣ
Стайць вѣзера вадѣ,
Ой лёнъ, мой лёнъ,
Лёнъ зяляный,
Стайць вѣзера вадѣ.
Зѣ биражкѣ на раунѣ.
Маладзецъ каня пайну
Каня вѣранога (bis)
Вѣкругъ кѣваннаго,
Ой лёнъ, мой лёнъ и т. д.
Конь вадѣ ня пѣе,

Капытамы бѣе (bis),
Молойца гѣря бярдѣ,
Ой лёнъ, мой лёнъ....
Нечымъ пашаньки рабиць,
Чыста пѣля бараняць,
А я пахара найму,
А я ямѹ заплачу.
Ой лёнъ, мой лёнъ...
Якъ пасѣю я лянѣкѣ,
У чыстамъ пѣли кужалѣкѣ,
Ты радзѣй, радзѣй, мой лёнъ,

Тѣнокъ, довигъ и висѣкъ
Изъ вѣрени карянисть,
Изъ галдуки симянисть.
Якъ праслышу пра свой лёнъ,
Увесь пагѣтанъ, павалёнъ
Тры дарджки пралежало,

Тры дзѣвачки прабяжала
Ой лентъ, мой лёнъ....
Адна Саша,
Друга Маша,
Третьця душачка Кацюша.

(д. Далматово, Стародубскаго уѣзда, со словъ 30 лѣт. женщины въ 1896 году).

Многія хоровадныя пѣсни, которыя поють въ селахъ, какъ мнѣ кажется позаимствованы изъ ближайшихъ русскихъ раскольничьихъ слободъ, именно изъ Елѣнки, Воронька (Стародубскаго уѣзда), Клинцовъ (Суражскаго у.)

Охъ ты, маць майя,
Балиць галава,
Ой-ли, вой лёли,
Балиць галава,
Гуляць хочыцца,
Да ня можыцца,
Я й атрадуся,
Й нагуляюся.
Ой ли, вой—люли,
Пры цямной начы,
Пры ярѣй свячѣ,
Ой ли, вой люли,
Ой люлѣшачки,
Што-й съ падъ лѣсаньку,
Лѣсу цѣмнаго,
Изъ падъ садзюку,
Съ падъ зялёнаго,
Ой-ли, вой-люли
Ой люлѣшачки,
Выкаццлася сонца
Жаркая, расприкрасная,
Што-й за соньяныкамъ
Вясёлъ мѣсячка,
Ой ли—, вой люли,
Ой люлѣшачки,
Што-й за мѣсячкамъ
Дробны звѣздочки.
Тамъ ишли, прайшли
Да тры мѣлаіцы.

Парни бравы, кучерявы,
Ой ли, вой люли,
Ой люлѣшачки,
Яны йшли—прайшли,
Станавіліся,
За адну дзѣвачку
Пасварыліся.
Выхадзіла къ йимъ
Красна дзѣвица,
Выхадзіла къ йимъ,
Гаварыла йимъ:
Што вы глупыя,
Ніразумныя,
Вы ня бѣіцся, ні браніцся,
Аднаму каму я дастануся.
Дасталася дзѣўка красная
Парню браваму, кучарявому.
Йонъ узяў яѣ
За праву ручаньку,
Йонъ павѣў яѣ
У карагѣдъ гуляць,
Усімъ таварышамъ,
Выхваляіцца—
Хараша, браіцы,
Душа Каціныка,
Майя милая,
Чарнабрывая,
Глаза карыя,
Развяселяя.

(со сл. 30 лѣт. женщ. въ х. Верканька Стародубскаго у. въ 1899 году).

У майго у бацюшки
У варотахъ гуляннйяка,
Заря майя вячѣрная,
Гульня майго вясёлая!
Мой бацюшка у варотахъ
Дамоу мяне клича.
Заря майя вячѣрная,
Гуляннйя майго вясёлая,
Я бацюшки ня слухала,
Гуляннйяка ня кѣдала.

Заря майя вячѣрная,
Гульня майя вясёлая.
У майго у свѣкарьки
У варотахъ гуляннйяка,
Мой свѣкарька у варотахъ
Дамоу мяне клича.
Я свѣкра паслухала,
Гуляннйяка пакінула.
Заря майя вячѣрная.
Гуляннйя майго нікѣтнйя.

(Въ 1899 году отъ той же).

Што-й на морю,
Морю синяму,
Па синяму, па хвалыньскаму
Плыве стада лібядзітаны
И зь малымі лібядзітаны,
Па переду лібядушка б'лая.
Аткуль узяюся
Сызыкрылы арёлъ,
Разою стада лібядзітаны

Да-й зь малымі лібядзітаны,
Пусцну руду да й на синяму морю,
Б'лыы пушокъ на кругій брыажокъ,
А крылушкі па далійнаці,
Піла ваду б'ла р'ш-ца,
Брала ваду красна дз'віца,
Аткуль узяюся разудалый маладзецъ—
Богъ на помачъ красна дз'віца душа.

(д. Выстриковъ, Стародубскаго уѣзда, со словъ 25-лѣтн. женщины, въ 1896 году).

Куды йду, куды йду,
Къ душѣ Каціныя зайдю,
Ой калина, ой малина,
Здрастуй, Каціныя душа,
Дома маминька твая?
Ой калина, ой малина,
Нѣту бацюшки, нѣту матушки,
Нѣту дома нікаго,
Узѣжджай ка мнѣ на дворъ,
Станови свайго коня
Спрядзй майго двара,
Проці чорнаго стауба.
Благодарю, красавица,
За пріятство за твайо,
Ну скажы ка, душа Каця,
Идзѣ мнѣ плѣць пав'сиць?
Пав'сь, пав'сь, дружокъ мой,
У майныхъ с'нячкахъ нав'ыхъ ¹⁾
Да-й на н'овинькай сцянѣ,
На сярэбраномъ гваздзѣ.
Благодарю, красавица,
За пріятства за твайо,
Да скажы ка, душа Каця,
Идзѣ мнѣ шляпу палажыць?
Паложъ, паложъ, дружокъ мой,
У майой комнацы нав'ой,
На столикѣ цясомъ.

Благодарю, красавица,
За пріятства за твайо.
Ну скажы ка, душа Каця,
Идзѣ мнѣ спаць, пачываць?
Лажысь, лажысь, дружокъ мой,
У майой спаленькі нав'ой ;
На пярніѣ пухав'ой.
Благодарю, красавица,
За пріятства за твайо.
Кацінѣ бацюшка пріѣхау,
Кацю спрашываю—
Ты скажы-ка, душа Каця,
Што за лошадзѣ на дварѣ.
Прасці, бацюшка радзійны,
Рава на базаръ хадзіла,
Варану лошадзѣ купіла,
Роуна тысячу дала,
Разсярднуса, разбраннуса,
У н'ову спалінку пашоу,
Добра молайца нашоу,
Ра-скажы ка, душа Каця,
Што й за моладецъ ляжыць?
Прасці, бацюшка радзійны,
Рава на вутрїнѣ пашла,
Сіраціначку знайшла.
На спітан'ня ²⁾ узала.

(с. Гарцово, Стародубскаго уѣзда, со словъ 24-лѣтн. женщ. въ 1898 году).

Ой выходца, дз'вачкі,
На шырокую вулицу,
Люлі—люлешачкі,
На шырокую вулицу.
Вмяосьца, дз'вачкі,
Салауѣ на ручачкахъ.
Люлі—люлешачкі,
Салавейка зашачеца,
Дз'з'уки п'сьні запяюць.
Разгадай-ка, салавейка,
Ты нашу загадачку,
Якъ за старымъ жыці?
Люлі—люлешачкі

А за старінькімъ быці
Горьку р'дзячку грыльці,
Што-й за раўнымъ быці
Мѣдъ—гарэлачку п'ці,
Чыравічкі насіці.
Люлі люлешачкі.
Малады б'жыць, якъ заячка, ³⁾
Я за йнѣ якъ павачка,
Маладому прыгалаю, ⁴⁾
Гарш'окъ кашы зам'яшаю,
Люлі—люлешачкі.
А стараму прыгадаю,
У дуброву ат'яду,

¹⁾ н'овыхъ. ²⁾ Воспітаніе. ³⁾ Заяць. ⁴⁾ Придумую.

Къ сыру дубу привяжу,
Камарыкамъ прикажу—
Въздя вы-камарыки—мошки,

Ни стауци ¹⁾ ни трошки, ²⁾
Люли, люлешачки.

(д. Лупеки, Стародубскаго уѣзда отъ 16-лѣтн. дѣвки въ 1899 году).

Старѣнькій дзвѣзка
Па горѣду хѣдзя,
Канапельки сѣя,
Маладая малодка
У варѣтахъ стаяла,
Галубду зманяла—
Шуги, шуги, галубѣ,

На дзѣдавы кандили,
Кананель кливѣци,
Дзѣду журбу ³⁾ задаванн,
Штобъ мнѣ маладой
Кананель ни браци,
Бѣлыхъ рукъ ни драци.

Ранней весной, вскорѣ послѣ пасхи всегда въ большомъ ходу слѣдующая пѣсня:

А чаго ты, канапелька,
Ни зялёна стайишь.
Да якъ жа мнѣ кананельки
Зяляной стайци,
Люли люлешачки...
Съ корня канапельку
Вадзниця падмыла
Па сѣредзи канапельку
Бура зламала.
Люли, люлешачки,
Зверху канапельку,
Вирабейки ссыли,
Люли люлешачки,
Чаго ты, Лукерачка,
Ни вясѣла гуляйишь?
Якъ жа мнѣ, дзѣвачки,
Васелай гуляцъ,
Люли люлешачки,

Пабищауся татухна
За князя атдаць,
Люли люлешачки,
Рѣдная матухна
У чарничаньки ⁴⁾
Люли люлешачки,
У чарничавьки.
Скрипнули варѣты,
Раствѣрчастыя,
Я жъ думада—
Вацька идзець
Да-й князя вадзець,
Ажъ матухна
Чарничаньку вадзець,
Хѣча мая маць
Мнѣ косы пастрыць,
У чарницы атдаць.

Игры и пѣсни продолжаются только первыя три дня, а на 4-й день каждый занимается своими работами «да яркуснаго скрысенья (артусное воскресенье). Затѣмъ на Ошвини во вторникъ Рѣдунца. Название радунцы объясняется тѣмъ, что это есть самый радостный праздникъ умершихъ: йета йихъ веліка дня.

Съ утра на Рѣдунцу всѣ мужчины на работѣ, даже пахутъ въ полѣ. Бабы заняты страшной, но какъ только ударилъ колоколъ къ обѣднѣ,—съ каждаго двора несутъ въ церковь 5 сковородницъ на панихиду, поминальничку и рюмку меду. По окончаніи обѣдни считается за грѣхъ работать. Всѣ отъ мала до велика идутъ на кладбище. Каждый застилаетъ на своей могилкѣ скатерть, кладетъ кусочекъ «пасхи-цѣнай» ⁵⁾ пасхи, красныя яйца, говядину и творогъ. Въ городѣхъ этотъ день или «дѣды», какъ ихъ тамъ называютъ, похожъ на шумную, пыльную ярмарку съ витѣшательствомъ полици. Въ деревняхъ же и селахъ все это происходитъ спокойно, безъ сумы, и даже первое время безмолвно. Только кое-гдѣ надъ свѣжей насыпью выражаются наружу чувства недавно осиротѣвшихъ.

«Христось воскресе! Христось воскресе! майо дзипятчак!» принадая къ могилкѣ съ красными яичкомъ въ рукахъ, обливаясь слезами неутѣшная мать.

Вотъ оклинула она взглядомъ возрождающуюся весеннюю природу: все начинается цвѣсти и зеленѣть подъ теплымъ солнышкомъ... Матери становится еще тяжелѣе, и отъ избытка чувствъ она продолжаетъ свою мысль громко.

¹⁾ Не оставьте. ²⁾ Немножко. ³⁾ Заботу. ⁴⁾ Въ монахи. ⁵⁾ Освященной.

«А укругъ жа цябе, майго дэцяточки, да усё такъ прыгджинька, цяперъ ж бяразочка ужо у лисцяйку, и ты жъ и ни устанишь, сирацінка майя бѣдная! А цяперъ жа и мотачка на свѣтъ божый выходзя и цыплёначакъ зъ яйчка выклюбецца и листочкѣ и травиначка вылазя на цѣлая соньныйка, адзінъ жа ты горькій мой сындо-чыкъ зъ зямельки ня выйдзіншъ» и т. д.

Затѣмъ пріѣзжаець священникъ съ причтомъ служить паніхиду, а послѣ егo ухода всѣ явства сносятся въ одно мѣсто. Христіанскіе обряды кончились, начиняеця по старой древней памяти ямчская тризна: ѣдагъ, запиваюгъ н, пивши, приговари-вають: пакойничакъ Аутухъ Сйдаровичъ, няхай яму тажъ легинька згадницца, любн у гаралячку,—заупакой жа яго душачки, царства яму нябесная».

Повѣвши и наполчавшись порядочно, уходятъ съ владбища на веселѣ, и по дорогѣ гдѣ-нибудь на пригоркѣ, какъ престарѣлыя бабы веселухи (конечно изъ тѣхъ у кото-рыхъ нѣтъ свѣжихъ могилко), такъ и дѣвуки, вмѣстѣ принимаются за хороводъ. «А ну-ця, тайчки, на доугій лёнъ, штобъ лёнъ радзну».

Пасѣяли дѣвуки лёнъ,
Дѣвуки лёнъ,
Стой прями,
Дзяржысь брава,
Гавары, што сѣяли,
Пасѣнуши, палолн,
Палолн, палолн.
Стой прями,
Дзяржысь брава,
Гавары, што палолн,

Вѣлы ручки калолн,
Калолн, калолн.
Стой прями,
Дзяржысь брава,
Гавары, што калолн.
Аткуль узяуса парянѣкъ,
Звизау лянѣкъ у вянокъ,
Стой прями,
Дзяржысь брава.
Гавары—звизау увянокъ.

(с. Невзорова, со сл. 20 лѣт. дѣвки, въ 1899 году.)

А иная болѣе охмѣлѣвшая и въ присядки пустится, припѣвая:
У вялікамъ у горадн,
На прыкаснай вулицы,
Тамъ и Ганна гуляла,
Тамъ Іванауна гуляла
И арѣшки ¹⁾ цатала
Съ сямью картамы йграла,
Казырала, падказыривала.
Якъ пришоу къ йой татухна—
Польна Ганна, гуляць,
У арѣшки цатаць,
Сямью картамы играць
Казыраць, падказыриваць.
Ни увоймишь мяне, татухна,

Ни увоймишь мяне, родненькій,
Тутъ и мѣдъ салодкій,
Парнишачка маладдй,
Падъ йимъ конникъ вараный,
Сядло кѣванная,
Атмулѣванная,
Самавары залатяы,
Пивавары маладые.
Якъ пришла къ йой матухна,
Якъ пришла къ йой рѣдная—
Польна Ганна гуляць,
У арѣшки цатаць.

Затѣмъ приходятъ братецъ, сестрица и проч. родня, а отвѣтъ Ганы одинъ и тотъ же.

(с. Анушино, Стародубскаго у. со словъ 20 лѣт. женщины въ 1889 году).

И такъ, вотъ какъво бываець поминовеніе усопшихъ. Евреи иногда, иронизируя спрашиваютъ мужиковъ: «слухай, калі у васъ буде тѣе свято, што вутрамъ пашуць, у в абѣда плачуць и у вечару скачуць?»

Радуницей оканчиваются и остальные святки.

Женщины продолжаютъ сновагъ и твять вросны, бѣлить полѣтна, мужчины ого-раживаютъ плетнями и пряслами огороды, но съ посѣвами не торопятся, не смотря на то, что тепло, и снѣгу давно нѣтъ.

¹⁾ Игра въ четъ и нечетъ.

Овесь начинают сѣять въ концѣ апрѣля, а картошку еще позднѣе, и всякій увѣряетъ, «што у нашихъ мѣстахъ покуль земля харашо ни нагрѣница, догуль сѣмя ни пуща растка и картошка только замякнѣя у холодной землѣ, а узойдѣя и ранняя и позняя у в'одно урѣмѣя». Грады рѣшаются садить лишь въ Маѣ. Но иногда утренники вымораживаютъ «градявину и 10-го Мая, такъ что приходится вновь отсѣвать огурцы, фасоль и пр.

Изъ весеннихъ праздниковъ за апрѣль мѣсяць чтятъ Юрія 23 числа. Каждый хозяинъ встаетъ до свѣта и пасѣтъ скоть на росѣ, потому что роса на Юрья считается цѣлебной для всякой скотины. Такъ какъ Георгій побѣдоносець изображается на иконѣ всадникомъ, то его считаютъ покровителемъ лошадей, и тотчасъ по окончаніи обѣдинъ всѣ съ хоругвями и иконами, съ священникомъ во главѣ, двигаются за село служить молебень надъ табуномъ лошадей. Бываетъ также въ этотъ день водосвятіе и молебень въ полѣ надъ зелеными всходами ржи.

Въ простотѣ сердечной всѣ молятся очень усердно, «штобъ и жыщячко уразвило и скацинка здарова была.

Внимательно стараются они повторять шопотомъ каждое слово, произнесенное священникомъ, а по окончаніи службы нерѣдко можно услышать такого рода рассказы.

«Я жъ, тайячка ты майя, два разы знаймалась у в'ыкону, й капыщячки й грику святого коника пацалавала, усѣ да чыстѣ пацалавала».

М а й.

8-го празднуютъ Іоанна Богослова, 9-го Миколаи выяснаго. Съ этого дня шабашъ гонять коней на ночлеги: сѣнокосы запускаются на траву.

11-го обновленіе Царьграда (послѣ землетрясенія). Воспоминаніе этого событія наши крестьяне переименовали «въ градободзье» и почитаютъ «Царьграда» за главнаго начальника или царя всѣхъ градовъ и градобитья, въ особенности пахать нельзя на градободзье.

21-го празднуютъ царя Константина и Елены.

Въ Маѣ засѣвають ячмени, горохъ, просо. Въ послѣднихъ числахъ идетъ возка навозу и посѣвъ конопли почти до 5-го іюня

Кромѣ того весной происходитъ въ Полѣсѣ довольно важная въ экономическомъ отношеніи работа: это кража лыкъ.

За лыко, особенно въ весеннюю безлѣвницу, имѣть оны существенные предметы необходимости, какъ напр. соль, деготь, хлѣбъ и т. п. Такъ же дубовая кора, лоза для дубленія овчины, все это довольно охотно покупается на базарахъ ближайшихъ городковъ.

Кромѣ того, теперь же каждый дѣлаетъ запасы лыкъ для обуви на круглый годъ, хотя своего собственнаго лѣса и не имѣть.

Ежедневно цѣлый мѣсяць и болѣе съ каждаго двора по двѣ, по три души, забираются въ глушь панскихъ лѣсовъ, гдѣ нѣтъ лѣсничаго, и вечеромъ уже несутъ во тхоньку лыки въ село, однимъ словомъ—въ свою норку тащатъ корку, да и въ самозъ дѣлѣ:

Неужто лыкъ тебѣ не ввять въ запасъ,
Когда такая благодать въ лѣсахъ у насъ.

Похищать лыки очень удобно: они растутъ въ страшной гущѣ. Полѣсцы на этотъ промыселъ забираются «у такую нимагачу, что вужъ ня прапаузе. Чѣйимъ штось шамая, глэдзь—ажъ воучанятки, жо тузь и гняздо ваучиная».

Но къ этому явленію наши привыкли: не очень-то пугаются и, перейдя на другое мѣсто, продолжаютъ работу, напѣвая не громко конечно:

А и дзѣ-жъ тая липнячка,
Што лыки дзеруцца?

А й дзѣ-жъ тая дзяучыначка,
Што людзи смяюцца,

А ужо-жъ тая липничка
Дауно абадрата ¹⁾,

(с. Разсухи, Мглинск. у. со словъ 40 лѣт. женщици въ 1899 году).

Дзяучѣнка красна
Па гаю хадзила,
У гаѣ заблудзѣла,
Хлапчышачка малодзѣнькѣй,
Выведзь мяне з'гаю.
Дзяучѣнка красная,
Дарѣги ни знаю,

(Луцкеи, Стародуб. уѣзд. со сл. 35 лѣт. женщ. въ 1898 г.).

Што-й купечаская дочь—
Па гѣрнѣнькѣ хадзила,
Пару сыноу радзила,
Охъ, охъ, охо-охо-хо (припѣвъ),
Пару сынду радзила.
Сама бабушкой была,
Сама йменья дала,
Иванюшу й Василья
У пяленачки спавила,
На цѣхѣй Дунай атвясла,
Охъ ты, цѣхѣй Дунай,
Ускальши майныхъ дзяцей,
А ты, траушка камышь,
Майныхъ дзѣтакъ прыкальшы,
Охъ ты, нпчая лаза,

А ужо-жъ тая дзяучыначка
Дауно замужъ узята.

Скажы, красная дзѣўка,
Што за вывадъ бѣдзье?
— Атласць табѣ татухна
Каня варандга.
— Дзѣўачка красная,
У майго у татухны,
Конѣй багата.

Ни павыкаль йимъ глаза,
Охъ вы, дикѣя пяски,
Ни задайця йимъ таски,
Охъ ты, рыба бялуга,
Ускарми майныхъ сынду
Да шаснаццаці гадоу.
Ни хадзила малада,
Лѣтъ шаснаццаць на ваду,
На симнацатамъ гаду,
Выйшла дзѣўка на ваду,
Стала дзѣўка ваду браць,
Стау караблѣкъ прыплываць,
Што-й на томъ жа караблѣ
Двое мѣлайцоу сидзяць.

Эта пѣсня позаимствована въ 1861 году у дворовыхъ крестьянъ въ с. Росухѣ. Съ теченіемъ времени къ ней присоединился слѣдующій конецъ, записанный мною въ 1899 году въ с. Горянахъ, Мглинскаго уѣзда отъ 19 лѣт. дѣвкѣ.

Адзѣнь сядзѣць на насу,
Чеша русаю касу,
Другѣй сядзѣць на каршѣ,
Пряма смотра на яйе.
Распытуя у яйе,
Ци пойдзѣшь ты за мяне?
За (а) днаго сама пайду,
За другѣга дочь атдамъ,
Прыѣхаушы съ падъ винца
Стау моладзець гавариць—
Скажы ка ты, дзѣўачка,
Зь'якѣга ты роду?
Я зь Кіева папѣуна,
Па бацѣюшкѣ Пятроуна,
— Скажы ты, моладзець.
Якога ты роду?
Изъ Кіева паповичъ
Па бацѣюшкѣ Пятровичъ.
Охъ, якѣй то свѣтъ настау,
Што братъ сястры ня уагнау,
За сябѣ замужъ узаяу.

Гасподзь мянѣ сабарѣгъ,
Што съ сястрою снаць ня легъ,
Вадай папѣ прапнали,
Врата съ сястрой звинчали.
Идзи, сястра, у намастырь,
Малиць Бога за увесь міръ,
А я пайду у цемный лѣсь,
Няхай мяне звѣрь извѣсьць.
Идзи, брацець, гарою,
А я пайду далинаю,
Скинимся травінаю,
Ты цвѣткамъ свененькимъ,
А я цвѣткамъ жоуцѣнькимъ,
Парасцѣмъ мы падъ вустомъ,
Накрыйнимся хварастѣмъ,
Будуць людзи траву йраць
Врата съ сястрой памінаць:
Йста тая травіца
Што братъ н сястрица,
Будуць людзи каснѣ
И за насъ Бога праснѣць.

¹⁾ ободрана.

Выше означенная пѣсня въ с. Росухѣ и окружающихъ ее селахъ поется только со слѣдующихъ строкъ:

Охъ якій-та свѣтъ настау,

а въ селахъ: Горянахъ и Кожемякахъ первая и вторая половина поется за одну пѣсню «Иванъ да Марья».

Охотнѣй всего поютъ пѣсни на общественныхъ работахъ; но такъ какъ весной всякій имѣетъ свое занятіе «кала двара» въ одиночку, то въ будніе дни не слышно совѣстнаго пѣнія, развѣ какаа, - нѣбудзь дѣвука сабираушы щавель на лугу или ставши поздѣны кала двара», запоетъ про милаго или про соловейку:

На вадзѣ вутка купалася,
На биражочку сушылася,
Я малада журылася,
Ци было лѣта, ци ми было.
Я на вулицы ни гуляла,
Мяне мамухна ни пушала,
У камораццы закутала,
Залатымъ замкомъ замыкала.
У камораццы кватырячка,

Шью, пашью шырыначку,
Гляну, пагляну у кватырячку,
Ходза, мой милый, на рыначку,
Тамъ мой милый танокъ водзя
З'майой презняй падружачкай.
Каго у танку нема,
Да каго у караходзи?
Майго милаго у танку нема,
Майой падружачки у карагодзи.

(с. Росуха, Мглин. у. со словъ 35 лѣт. женщины въ 1899 г.).

Салавей мой малинкіѣй,
Ни лятай рана на зарѣ,
Ни замакавай дарожачки
Ко мнѣ маладзѣ.
Зарасла майя дарожка
Частымъ ельничкамъ,
Врэвничкамъ маладымъ.
Охъ ты, татачка гаспадынь,

Састрой гореньку у саду
Эъ вакошканы, на сяло,
Штобъ жыць было висяло,
Штобъ милинкіѣй ни прайшоу,
Падарачка ни пранѣсь,
Падарачка дарагога,
Эъ руки персня залатѣга.

(с. Новоселки, Стародубскаго у. со сл. 45 женщ. въ 1891 г.).

Павѣй, павѣй, буйень вицарь,
Эъ зялёнага гаю.
Прибудь, миленькіѣй дружочыкъ,
Эъ далекаго краю.
Радъ бы, дзѣвачка, прыбыць,
Вочинь край далекіѣй,
Глыбокія рѣчки,
Да мелкія влючы.
С'скупчылася дзяучоначка,

Малодчыка ждучы,
Сярдзить бацька,
Мачыха ляхая
Ни пускаюць на вулицу,
Што я маладая,
Пусци мянѣ, маці,
На тѣй дужокъ прясці,
Ци ня пріясе буйонъ вѣцьеръ
Атъ милага вѣсці.

(с. Росуха, Мглин. у. со сл. 45 лѣт. женщины въ 1891 году).

А вѣтъ вышла на дужайку и молодка молодая. Еще въ прошломъ году пѣла она о желанномъ дружкѣ, а теперь у нея уже другое горе, другая мечта: не ладная жизнь въ чужой семьѣ и стремленіе къ прежнему родинному гнѣзду.

Охъ, якъ бы мнѣ маладзюсенкай
Да пяцвѣрччы крылля
Да пярпѣляччы перья.
Я... я... я... я, малада,

Паляцѣла бѣ я, маладзюсинька,
Падъ бацькавы сѣни.
Охъ я... я... я... я, малада,
Мой татачка новы сѣни строя,

Святлицу будѹя,
 Охъ я... я... я... я, малада,
 Святлицу будѹя,
 Мiane спaмнная,
 Охъ я... я... я... я, малада.
 Нема майой душачки

Нема майой гарюшачки.
 Охъ я... я... я... я, малада,
 А я, малада, слявой абальюся,
 У ножки укланюся.
 Охъ я... я... я... я, малада..

(с. Анушино, Страродуб. у. со сл. 30 лѣт. женщ. 1889 году).

На силну мяне бацька,
 Ня силила мянѣ-й-матка,
 Сама дура здуравала
 Лидащыцу злобавала,
 Ни глядзѣла маладѣ,
 Ни на станѣ, ни на рожу,
 Пагалилась малада

На вяликаю худбу¹⁾.
 Вяликая худба,
 Живату-серцу-вазнова,
 Чаго ты, мой бацьчка,
 Скровь Дунай ни хадзю,
 Горькай майой долячки
 У рѣчачки ни утаню.

(с. Невзорова, Стародуб. уѣзд. со сл. 50 лѣт. женщ. въ 1895 году).

Выду я на горачку,
 На тую кругю,
 Зирну, гляну на рѣчачку
 На тую быструю.
 Ци ня убачу
 Ци ня убачу
 Чаго на ряцѣ?
 Тольки бачу
 Тольки й виджу

Саловейку на кусьцѣ.
 Польна, польна, салавейка,
 У кусьци шабитѣци,
 Хочуць ужд ахотнички
 Ружжа зариджѣци,
 Хочуць цѣбе, салавейку,
 Съ свѣту жжыць,
 Съ свѣту жжыць,
 У кусьци застрялицѣ.

(с. Михайловець Стар. уѣзд. 1900 г. отъ 18 л. дѣв.).

Далйна далйначка,
 Раздѣлье шырбакае.
 На той, на далйнацы
 Ничѣго ня рѣдзье:
 Ни грибокѣ ни ягадки,
 Ни чѣрна смародыня.
 Тольки заурадзѣлася
 Игруша зялёная,
 Што й надѣ той игрушаю

Заря занималась,
 Съ надѣ тыя зрячки
 Сонца выкачалось.
 Играй, играй, соньянка,
 Играй играй жарбое,
 Играй не по лѣтнему.
 Лѣзя парень дзѣвѣци
 На па прѣжнему...

(Отъ той же).

• Какъ въ одиночку, такъ и хоромъ поюць всегда дѣвки громко, во все горло, чтобы было слышно и въ селѣ и за селомъ.

Въ концѣ каждого стиха вмѣсто паузы тянуть голосомъ у - у - у - у! Этими отличаются мотивы весеннихъ пѣсень и лѣтнихъ.

Хмарна тучка, дробинъ дожджыкъ,
 Крапи, крапи, дробинъ дожджыкъ,
 На майо бѣла лицо,
 Я умыюсь, набялюся,
 Пайду у мамухны спрашуся,
 Радивная мая маця,
 Пусци вечарѣ пагуляци.
 Гуляй, дочка, да парн,
 Ни прагуливай зары,
 Идзѣ ходзишь, идзѣ гуляйишь,

Начаваць у дварѣ.
 Я па садзюку хадзила,
 На зяленаму гуляла,
 Тамъ я цвѣцки првала,
 Дли дружка прымѣты клала,
 Штобъ мой милый дагадауся,
 Па прымѣтажъ мяне шукаю,
 Ни знайшоу милый прымѣты,
 Знайшоу Машачку у саду.

(с. Новоселки, Стародубскаго уѣзда, со словъ 45-лѣтн. женщ. въ 1899 году).

¹⁾ добрѣ.

Итакъ дагѣ, всѣ «дзвявоцкія» вясняныя пѣсни на одну тему: любовь и милый.

На калини салавей напѣвая,
На малини дробныя пташкі пяюць,
Добру молайцу вазнобу задаюць,
Добры молодзьецъ и ночку ни спау,
На дрыбчастыя гуселькі играу,

Красну дзѣвицу душу забавляу.
Ни журмыся, красна дзѣвица душа,
Вотъ тады ты наплачыся,
Якъ са мной ни пабачыся.

(с. Анушино, Стародуб. уѣзда, со сл. 45-лѣтн. женщины въ 1892 году).

Стапѣна трава зиланая,
Хто жъ тую траву стаптау?
Стаптау траву дзяціначка,
Стаптау траву малодзьенькій.
Й онъ да дзѣвачкі хадзю,
Прыпелачакъ лавю,

Ни улавю прыпелачкі,
Ни улавю карасцьелькі,
А улавю дзячочначку
Да-й за правую ручачку,
За залаты персянѣчыкъ
За шауковы паясочыкъ.

(с. Росуха, Мглинскаго уѣзда, со сл. 20-лѣтн. дѣвки въ 1894 году).

Свяціу, свяціу ясенъ мѣсячка
Да-й прымерькаць стау,
Любіу парень дзѣбуку
Да-й пакидаць стау:
Ни ты ка мнѣ,

Ни я въ табѣ,
Ни будзюмъ хадзюці.
Ни ты мяне,
Ни я цябе
Ни буду любюці.

(с. Задубенье, Мглинскаго уѣзда, со словъ 20-лѣтн. женщины въ 1899 году).

Яблани мая вялёная,
Дакуль табѣ у садзі стаяць, у вялёнамъ?
Стаю лѣта, стаю лѣта,
Стаю-й другѣя,
На трецьця пушу
Каренья глыбокаы
И гольяйка да доланьку
И лисцяйка шырокая.
Ты, красная Тацяначка,
Дакуль табѣ

У бацюшкі жыці, у рѣднаго?
Жыву лѣта, живу лѣта,
Жыву-й другѣя,
На трецьця дажду
Свата дароѣга
И поезда, и поезда багатѣга,
Пляту касу да пояса,
Пляту улѣты шауковы
Дзяцінаццы маладому.

(д. Лупеки, Стародуб. уѣзда, со словъ 35-лѣтн. женщины въ 1899 году).

Цякла рѣчка ни вяличка
Зъ вишнёваго саду,
А я тую быстру рѣчку
Схочу—пираскочу.
Атдай мяне ацець-маці
За кагѣ я хѣчу,
Идзѣ хата и камната
И дзівярѣу багѣга.
Дзівярѣчки маладые,
Яны ни жанѣты,
Любуюць жартаваці:

Адзінъ кнуе, другій маргнѣ,
Третьці засмяѣнца.
Мой милинькій—рыувивинькій
Истаго ня любя,
Зъ падъ правыя, зъ падъ ручачкі,
Нагайку гатуя,
Нагаячка ни прастая,
Яна драцяня,
У три рады звита,
Вудзюшъ, мая миленькая,
Што вѣчара бѣта.

(с. Росуха, Мглинскаго уѣзда, со словъ 35-лѣтн. женщ. въ 1896 году).

Охъ ты, дзѣвка, дзѣвка красная,
Твая доличка бищасная, ¹⁾
Яце дзѣвка у пялѣначкахъ
Яѣе горячка у галѣвачкахъ.
Ночка цѣминькая, ни вяселинькая,
У мянѣ мамачка ни роднинькая
Ни савѣтливая:
Пасылала мянѣ маладу
Позна ноччы па ваду,
Ни да рѣчки, ни да вѣзара,
Да глыбокаго калѣдзяня.
Яна па ваду идзе,
Гарѣчыя слѣзы идзе, ²⁾
Пасылала яѣе маці

(с. Грыденки, Стародубскаго уѣзда, со словъ 20-лѣтн. дѣвки въ 1899 году).

Якъ пайду я гарой—гарой,
Майе валы на прыгѣрѣяйку,
Уси людзи дѣбры живуць,
А я млада на бяздольяйку,

(д. Лужки, Стародубскаго уѣзда, со словъ 40-лѣтн. женщины въ 1897 году).

Охъ ты Ваня, разудалый маладзвецъ,
Куда ѣдишь, а тыйижджайишь даяка,
Каму мяне приручайишь маладу?
Съ кимъ я буду вясну красную гуляць?
Съ кимъ я буду лету зиму зимаваць?

У высокѣ цѣрѣнѣ пасцѣлячки слацѣ—
Таму госцяйку низнакомому
Салдацѣку заслужоному...
Ужо й соньяйка уыходзила,
Дзѣвка съ цѣрема ни выходзила,
Ужо й на дварѣ свѣтъ бялѣсинькій,
Краснай дзѣвки съ цѣрема нема.
Ужо на дварѣ новія абѣданы,
Дзѣвка съ цѣрема идзе
Яѣе каса растрѣплина, ни заплѣчена.
Яѣе глазачки призаплѣканы,
Рубашачка папарваная,
Сярѣжачки паприлѣманы...

Нехай живуць, кали пажылося,
А я буду гаряваць,
Кали гора прышлося.

Гуляй, гуляй цвѣтѣць рѣвачка адна,
Йсць у мянѣ ще-й на луччы за пѣбе,
И вачѣмы и брѣдукамы пачарнѣй,
Ще-й личанькаш румянѣй.

(с. Матоки, Новозыбковскаго уѣзда, со словъ 17-лѣтн. дѣвки, записано въ 1898 г.).

Т р о и ц а .

Св. Духъ и Троица два праздника подъ рядъ. Наканунѣ за нѣсколько часовъ до захода солнца, селяне перестаютъ работать. Мужчины идутъ въ лѣсъ сѣчь «Май», бабы и дѣвки жать яворъ на лугахъ, собирать травы и цвѣты въ лѣсу. Къ вечеру вездѣ у воротъ и въ дворахъ появляется цѣлый лѣсъ вѣптыхъ въ землю влѣновъ, березокъ, дубковъ и пр. Въ хатахъ вся божница тоже убрана зелеными вѣтками и преимущественно цвѣтами пахучей какалуши ³⁾. Утромъ въ день праздника, прежде чѣмъ заблаговѣстили къ обѣднѣ, изъ 4—5 приходскихъ деревень—всѣ двинулись въ село въ церкву.

Но это не означаетъ, что вся масса народа попадетъ во храмъ, пѣтъ тамъ въ господскіе праздники ужъ очень тѣсно и душно, такъ что часть молодежи и бабы съ грудными младенцами больше просиживаютъ на крыльцѣ и на цвинторѣ ⁴⁾. Старики же и пожилые стоятъ безвыходно въ храмѣ и молятся усердно. Станьте рядомъ, прислушайтесь: онъ знаетъ наизусть всю обѣдню и прекрасно суфлеруетъ священнику и клиросу каждую фразу.

Какъ только пообедали, дѣвки гурьбой идутъ въ березникъ завивать вѣнки, захвативъ съ собою яиць, сала на яичницу, по дорогѣ громко поютъ, «штобъ уснигъ былъ чутна, и которая не успѣла выйти изъ хаты—нехай даганяя».

¹⁾ Несчастная. ²⁾ Леть. ³⁾ Черемуха. ⁴⁾ Кладбище—стенарз (Польск.).

Вы дѣвки — дѣвчачки,
Подвизитъ у лужочки,
Мы зайёмъ вяночки

Да-й на уси святочка,
Да-й на уси святыя,
Да-й на Духовныя.

Хлопцы выхоятъ на гулянье отдѣльно, своей компаніей, но они «духамъ чуюць, идѣ дѣвки» и непременно очутятся въ томъ березнику, гдѣ вѣнки завиваютъ, они берутъ съ собою горѣлку и бубень.

А бабы на духовные святки идутъ туда же кумиться, т. е. жарыць у ясы яйешню, пиць и закусываць.

Подъ бубень исполняютъ извѣстный танецъ казачокъ. Дѣвки танцуютъ очень скромно, глаза внизъ, руки спущены, но танцы замужнихъ женщинъ, особенно «падъ чарачкай», довольно оживлены, онѣ пляшутъ и въ то же время пригѣваютъ, сопровождаемая пѣсни различными тѣлодвиженіями: то руки въ боки, то хлопаютъ въ ладоши, приподнимаютъ руки по разнымъ направленіямъ и т. п. Впрочемъ, такихъ веселухъ мало: одна, двѣ на все село, такъ что зрителей всегда больше, чѣмъ дѣйствующихъ лицъ.

Я й за старымъ наживуся,
Напляшуся, найграфся,
Нагуляюся.
Охъ ты, старецъ мой,
Лихамарецъ мой!
Ни вялицъ мѣ бялицца
И румяницца.
Стайць стариць надъ вакномъ,

Богу молица,
А мѣтъ, маладой,
Гуляць хѣчицца.
Захацѣлась маладзѣ
Да папѣць, пагуляць
Папразнаваца,
Пабясѣдаваца.

(д. Бородинка, Мглинского уѣзда, со словъ 48-лѣтн. женщины записано въ 1898 г.).

Кумѣлися, любѣлися
И съ кумою пасварѣлися;
Тры дни, два дни ядѣлися,
Гарэлкаю пахмѣялися.
Кумѣсичка, любѣсичка,
Ня би майнѣхъ вуцнѣватъ,

Маѣ вѣднѣятки
Табѣ шкоды да ни нарабѣли:
Паадѣшны грѣчки,
Паалацѣли да рѣчки,
Паадѣшны пшаничаньки,
Паалацѣли да крынчаньки.

(д. Бородинка, Мглинского у. со сл. 78 лѣтн. стар. въ 1898 году).

Ходятъ также завивать вѣнки въ жито (рожь), особенно въ Стародубскомъ уѣздѣ, гдѣ села расположены въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ лѣса. Въ вѣнокъ изъ васильковъ влетаютъ ленту и перстень и затѣмъ кладутъ его въ жито на ниву.

Покуть слѣдующую пѣсню, о которой сама пѣвица выразилась такъ: «Якъ идуць у жыта да няюць йету святую пѣсню гурьбой, дыкъ вѣдъ якъ харашо, такій голасъ жаласный, да харошый».

Што-й на гарѣ на Раманавай
Стайць церьква муливѣная,
Алилуй памилуй.
Што-й у той церквн
Прястѣль стайць,
На престоли маць Марыя,
Алилуй, памилуй.
Маць Марыя сына радзила—
А радзѣшны, папѣ, дзякоу сабирала,
Алилуй, памилуй.
Сабраушы, йена рѣду радзила,
Якѣ бимѣ налажыць.
Налажыли бимѣ Святый Ильля,

Маць Марыя няўзлюбѣла,
И свѣчачки патушыла
И церькаўку зачынила,
Алилуй памилуй.
Сабралісь къ йой папѣ, дзяки, архирѣйи,
Налажыли бимѣ святый Ивавъ Храс-
ціанъ,
Мать Марыя няўзлюбѣла,
И церькаўку зачынила
И свѣчачки патушыла,
Алилуй, памилуй
Сабралісь якъ йой
Да дванаццаць папѣ

Да дванаццаць архирэяў,
Налажылі йнжэ
Святы Хрыстосъ.
Алилуй, памилуй.
Маць Марыя спалюбила
И свѣчачки запаліла
И перькауку атчыніла,
На каленячки стала,

Алилуй, памилуй.
Йена Бога малила,
У свайомъ серцы
Радасць 'мѣла,
Што-й яйе сына
Хрыстомъ празвалі,
Алилуй, памилуй.

(с. Гривенки, Стародубскаго у. со сл. 18 лѣт. дѣвки въ 1899 году).

Г р я н а я .

8-ая недѣля послѣ пасхи, вслѣдъ за духовыми святками, называется грянная. Это «русальная недѣля». Народное воображеніе полѣськихъ обитателей рисуеъ русалокъ нагими женщинами, которыя живутъ въ лѣсахъ, на деревьяхъ проводя время въ забавахъ, качаясь и завивая вѣнки на вѣткахъ. Это души некрещенныхъ младенцевъ.

На грянной нядзѣлі
Русалки сядзѣлі,
Ой рана, рана
Русалки сядзѣлі (bis)
Халадокъ капали,
Ой рана рана
Халадокъ капали
Да-й дзѣвакъ гукалі, ¹⁾
Дзѣвачки—красачки, ²⁾
Дайца намъ сарочку,
Ой рана, рана,
Дайца намъ сарочку,

Сядзимъ у халадочку,
Да-й зауйомъ вяночки.
Ой рана, рана,
Да зауйомъ вяночки
Мы на ўси святыя
Да-й на духавыя,
Ой рана, рана
Да-й на духавыя.
Вабачки цѣтки
Дайца миѣ няметки, ³⁾
Ой рана, рана
Дайца намъ няметки.

(д. Водвинка, Мглин. у. со сл. 40 л. женщ. въ 1897 году).

Еще эта пѣсня поется съ слѣдующими измѣненіями.

На грянной нядзѣлі
Русалки сядзѣлі,
Ой рана, рана...
Халадокъ капали
Да й ня выкапали,
Ой рана, рана,
Тольки выкапали
Варавую вѣтку.
Варавая вѣтка
Ня красна, ни ясна,
Ой рана, рана,

Што-й крашы таго
Адарка у бацьки.
Ой рана, рана
Па двару хадзила
Бацькау дворъ красила,
Ой рана, рана
На ганки уступіла,
Ганки асвяцила,
Ой рана, рана,
Ганки асвяцила.

(с. Разсухи, Мглин. у. со сл. 40 лѣт. женщ. въ 1899 году).

А ужо пѣўни папѣлі,
А я дамоу ни-йшла,
Ужо-й другія пяюць,
Я й ня думаю ициць.
Ужа заря узыйшла,
Я дамоу прышла

И сваякруха разбурчалася,
А мой милый и 'зъ нагайкай идзѣ,
Якъ удару мяне разъ,
Пакаццились слезы, зъ глазъ,
Якъ удару у другі,
Падламилися ногі.

¹⁾ звали ²⁾ краска-цвѣтокъ ³⁾ покрывало.

На гряной недѣлѣ нельзя ничего вить, крутить, гнуть, городить, кросны сновать. Изъ молодыхъ рѣдко кто теперь объяснить, почему чтятъ эту недѣлю. Только кто нибудь изъ стариковъ объяснить, что «у старину прайциць ня можна было па лясу за русалкы. Качаюцца бывала да вянки уюць ...ну на гряной и всѣрдной йета ужо йихъ празникъ, во яны и ня любюць, штобъ работали и падшучаваюць часта».

Если соберется нѣсколько человекъ, стоитъ только предложить вопросъ, почему на гряной у васъ не работаютъ, то каждый изъ присутствующихъ засыпетъ васъ разсказами, что случается въ хозяйствѣ, если кто вадумаетъ работать въ это время.

«О! йета вядзѣля ўредная, упрацѣуння, я разъ дзѣлау рагачъ для сахѣ. Якъ авациўся тыго гду ягнѣнакъ, какъ разъ якъ вы бачыцца сахѣ, качаюцца бурдюкомъ на спянѣ, а ножки у гору, науродни сахи, да ци ни ягнѣнакъ жа! жирный, поўный такой! Думау, думау, што тутъ дзѣлаць?... аджа мусиу прырѣзаць, ня ёсць жа ничего, дай-годзи»..

«Нѣ, баронь Божа што нѣбудзь дзѣлаць, усе на скацыни акажѣцца, ни з'роду ня мивецца, а цяперъ жа, звиняццы, такая вясенняя уремья, чито усякая скацынка у заняцци ¹⁾, калоўка ужо цылна, авѣчачка тожь»...

«Да во-й са мной у томъ гадѣ прыключылася аказія, начинается разсказъ кто-нибудь изъ присутствующихъ: сагнуу я вязокъ къ санямъ, да яще тады и падумау: пускаць йета усѣ, большъ ничего, якъ бабскія прихачацѣ. Што жъ бы вы думали! Тожь авечка акацила ягнѣнка, пара пяреднихъ ногъ ни даць, ни узяць—вязокъ: ножки сагнуты, ни магець хадзиць ни калоўца ²⁾. Жалка миѣ стала ягнѣнка; нѣчага дзѣлаць, зняў сь саней тѣй вязокъ, што здѣлау и папасѣкъ на шматки. Глѣнуу у вечары на ягнѣнка, ажъ йонъ ужо и папрыкуя и ножки спрямились». «Нѣ, вы мянѣ паслухайцы, спѣшитъ добавить третій разсказчикъ: «вотъ-то насѣкъ я абручѣу, да тамъ жа у лѣси кругомъ пня и загнуу ихъ. Прыходжу йета у дворъ... Што такія цѣлка ходые кругомъ шулы, якъ дурная, якъ разъ якъ я хадзю кругомъ пня, гнѣушы абручѣм. Думау, думау, што рабиць? Узяў, да й пасѣкъ абручѣм и цѣлка атышлася ать шулы и стала сѣна ёсць».

Затѣмъ слѣдуютъ безконечные разсказы о томъ, что случалось у сосѣдей, какъ у Платона цыплата крутились, потому что онъ лыки вертѣлъ. Какъ «покойный бацька на всѣрдной заверты гнѣу», отчего сестра Аудоцца радзила сь сагнутой ногой; какъ Адарка Жураўцова сновала крѣсны, и потому быкъ ходилъ, опустивши голову, отъ одного угла къ другому и т. д. и т. д.

Всѣ сь удовольствіемъ слушаютъ подобные разсказы и безусловно вѣрятъ имъ. «А я во што вамъ, браццы, скажу, добавляетъ одинъ изъ подгородныхъ жителей г. Стародуба, «Гряная такова, калі хто йетаго ни примѣчая, работая сабѣ -на цихиньку, ничѣта яму вѣ тагѣ ни бывая; а ви дай Богъ падумайшъ абъ гряной за работай, ци хто скажя кинь, ня раби на йетай вядзѣли, ну тады ужо яно ня пройдя дарамъ».

І ю н ь.

Слѣдующее воскресенье за Троицей на 9-й недѣли отъ Пасхи-праздникъ «Всѣхъ Святыхъ и заговѣны на Петровскій постъ.

Наша окраина отличается обиліемъ праздниковъ, не установленныхъ церковью. Наши крестьяне не работаютъ въ такіе дни, когда въ городахъ, въ присутственныхъ мѣстахъ и даже въ монастыряхъ не полагается никакого праздника. Назовемъ для примѣра нѣкоторые изъ нихъ: положеніе ризъ (т. е. перепесевіе литова Христа Спасителя) нерукотвореннаго образа, Одигитрія, Тихвинской Божьей Матери, Св. Пантелеймона, Кузьмы и Демьяна и проч. По этому поводу существуетъ слѣдующій разсказъ: каждый разъ, какъ мужики являлись къ вѣицу-управляющему сь докладомъ, что завтра праздникъ, нельзя работать, вѣмец сердился, но покорялся обычаю.

¹⁾ въ ожиданіи приплода;²⁾ крошка.

Наконецъ приказчикъ объявляетъ, что завтра праздникъ всѣхъ Святыхъ.

Обрадовался нѣмецъ: вотъ это очень хорошо, въ одинъ день всѣхъ отпраздновать и конецъ.

Но не въ продолжительномъ времени ему опять донесено было о предстоящемъ праздникѣ Ивана Купалы.

— Гдѣ-жъ былъ этотъ, когда недавно всѣхъ святыхъ праздновали, кричалъ онъ, потерявши всякое терпѣніе, ахъ, вы лѣтян! Оттого вамъ и ѣсть нечего, что вы все праздники себѣ дѣлаете.

Еще кромѣ церковныхъ праздниковъ крестьяне сами себѣ установили пятницы, въ которыя нельзя бабамъ пряхать, а мужчинамъ пахать. Никто не расскажетъ вамъ, почему это, но всякій отвѣтитъ: у «пятницу ни пашуць, ни намы йета заведена, ни павы и кончица».

Пятницу называютъ святою въ прѣсказкѣ:

Ййну, разгулялися сляпыя,
Проди пяценки святыя.

Бабы, большія любительницы «кляцьбы», если ее подоврѣвають напр. въ веровствѣ пряхи, клянется такъ:

«Святая пяценка, калѣ я яѣ бачыла, павылъавъ мнѣ вочы, штобъ я свайго дзвѣцьенка ни разу болѣй ни пабачыла, штобъ мяне и самую такъ скруцила, акава та я пряха, а хто яѣ увяу, нехай таго за пячонки возьмя, штобъ йонъ и да вечара нидадѣхау, хто яѣ украу, нехай надъ тымъ вараньнѣ крахѣя».

Причину, почему въ пятницу не пашутъ и не прядутъ, между тѣмъ какъ прочии работами занимаются, мѣстные священники объясняютъ такъ: если татары заставляли и русскихъ князей кланяться своему Богу, то могли же они повелѣть, чтобы и народъ читалъ и праздновалъ ихъ пятницу. Приказанія этого народа, конечно, не слушалъ и, только завидя въ пятницу татарина, бросалъ свою работу. А такъ какъ громоздкую соху съ лошадыю и гребень съ стѣйномъ¹⁾ трудно было тотчасъ спрятать, то и рѣшили по пятницуамъ не пахать и не пряхать.

Когда-же народъ узналъ, что въ святцахъ есть святая Параскева, нареченной Пятницы, тогда онъ день пятничныи и Святую Параскеву соединилъ въ одно понятіе, а бабѣ воображеніе сдѣлало ее покровительницей пряхи. Они и теперь рассказываютъ что, «у якомя намастырѣ йикона святой пяценки бывая уся у пылѣ²⁾, якъ бабы мычуць мычки и прядуць по пятницамъ».

12-го йюня Св. Онуфрія. Съ этого дня начинается посѣвъ гречки, когорая, если уйдеть отъ морозовъ—утренниковъ, то родить лучше, чѣмъ рожь.

24-го Ивана Купалы (т. е. рождество Іоанна Крестителя). Наканунѣ Купалы каждый домохозяинъ везетъ или несетъ выкопанную съ корнемъ осинку и кладетъ на ворота. Въ эту ночь ходятъ вѣдьмы, которыя боются лишь осинового кола. По той же причинѣ хозяйка дома кладетъ съ вечера крапиву жигучку на окно кватырки³⁾, «штобъ вѣдьма пастрйкала морду, якъ будзя лѣзть».

Вѣрятъ также въ расцвѣтаніе папоротника въ эту ночь, и кому удастся сорвать этотъ цвѣтокъ, того всѣ желанія сбудутся. Собираютъ знахарскія⁴⁾ травы, особенно кто водится съ нечистымъ. Есть напр. такая трава «любжа»; корень ея представляетъ двѣ руки съ растопыренными пальцами. Но бываетъ такъ, что эти пальцы «сощепнуты», вродѣ того, какъ иногда складываютъ на молитвѣ. Это и есть приворотное зелье. Если дать кому этого корня, то сзѣвшій его полюбитъ васъ смертельно. Одна старуха рассказывала и конечно, какъ это всегда бываетъ, увѣряла, что сама была очевидцемъ, якъ адна женщына хацьла даць приворотъ пану, да передъ тымъ дан пробы дала каречнѣкъ у хлѣбѣ зѣйсць нищай павадырки. Што жъ бы вы думали? Дзяучонка кинула свайныхъ старцоу, прышла къ йой жиць, да-й кажа: цѣтачка, а жъ

¹⁾ стѣйно—доска съ дыркой, куда вставляется гребень.

²⁾ пыль. ³⁾ форточка. ⁴⁾ лѣчебныя.

якъ ни пабачу цябе, дыкъ гатова усё на сябѣ парваць, тошна мнѣ, нудна мнѣ, пакуль къ табѣ ни прыду». Эти самыя корни въ видѣ растопыренныхъ пальцевъ есть отворотное зелье. По этому поводу слѣдуетъ такой расказъ: «а во жь мужыку Адашки Зубаревой што-сь дау атвардѣть, дыкъ йонъ яѣе ни вочы ни успуская, онѣу, прагаіаду зъ двара, адли яѣе matka поѣкала ажны у Суражъ. Ой! Тамъ знахарь хоршій, йонъ такъ йой сказау: я худѣга ничога ня знаю, ну, помахъ чалавѣку дамъ. Дау йонъ йой вады на тры зарі, а на чапѣвѣртуу зарю важа: йдзи у влѣць, тамъ надъ луткай у щѣлцы скручано валосья, вотъ ты тоя валосья вынь, да заразы и спай». Што жъ бы вы думали, посла йотаго стали такъ дружна жыць, якъ галубятки.

«Йосць, йосць худые людзи (и ни мало) продолжаетъ баба свой расказъ, што насыпаюць усякую усячыну. Аужа-жъ у Калодзелькахъ насланы были черви куды ни гляня хавяинѣ — у муцѣ черви, у сали черви, дзѣжку баба стана мѣсиць — и тамъ черви. Дыкъ тѣй хавяинѣ да бацюшки хадзю. Бацюшки атчитавау, малебинѣ правюу. Да тыки йонъ зъ Варшова и знахара привозюу, дыкъ ужо ни знаю, атчагѣд получчила, ци ать бацюшки, ци ать знахара».

Въ многихъ сѣлахъ священники неоднократными запрещеніями вывели обычай раскладывать огонь подъ Ивана Купала, но въ иныхъ деревняхъ и по сіе время молодежь собирается съ вечера, раскладываютъ костѣръ гдѣ-нибудь на лугу близъ села, скачуть, перепрыгивають черезъ огонь, при пѣніи пѣсенъ купальныхъ:

Ой рана на Йвана
Проци Йвана ночка мала,
Ой рана на Йвана,
Идзѣ купала начавала,
Ой рана на Йвана
Начавала у чыстамъ полі,
Ой рана на Йвана!
У чыстамъ полі, у густомъ жыци,
Ой рана на Йвана

Што купала вячѣрjala,
Ой рана на Йвана
Вичѣрjala варенки,
Ой рана на Йвана
Чымъ купала запивала?
Ой рана на Йвана
Запивала гарѣлачкай.
Ой рана на йвана.

Трава «любжа» еще называется Иванова голова, растеть она на лугахъ близъ рѣчки или болота. Вотъ къ ней и припѣвъ:

Иванова галава
У балоцы была,
Семъ дзѣнъ скакала,

Семъ дзѣнъ вымякала,
Семъ дзѣнъ высыхала.

Если этотъ припѣвъ относится къ головѣ Іоанна Крестителя, то можно предположить, что онъ сложился при введеніи христіанства, такъ какъ въ немъ видно озлобленіе язычника къ евангельскимъ событіямъ.

Ой рана на Йвана
Пашли дзѣуки у ягадки,
Ой рана на Йвана
Да тамъ яны заблудзились,
Ой рана на Йвана
Прымлудзились яны къ рѣццы,
Ой рана на Йвана
И къ рѣцаццы Дунаю,
Ой рана на Йвана
Прышлось дзѣукамъ Дунай плысь,
Ой рана на Йвана
Уся дзѣвачки прыплыли,
Ой рана на Йвана
Сиротачки затонули,

Ой рана на Йвана
Прышла вѣсци да мачыхи,
Ой рана на Йвана
Ни жаль жа мнѣ сиротачки,
А жаль жа мнѣ сорочачки,
Ой рана на Йвана
Сорочачка пасканная,
Ой рана на Йвана
Паясочыкъ — матузочыкъ.
Ой рана на Йвана
Пашли дзѣуки у ягадки,
Ой рана на Йвана
Да у чорную смародыню,
Ой рана на Йвана

Да тамъ яны заблудзились,
 Приблудзили къ рѣчаццы,
 Ой рана на Йвана
 Уси дзѣвачки пиряплыли,
 Ой рана на Йвана
 Адна дзѣвачка затула,
 Ой рана на Йвана
 Прышли вѣсци да рѣдныя маці,
 Ой рана на Йвана
 Ни жаль жа мнѣ сарочачки,

(со словъ 48 лѣтн. женщ. въ д. Барадинко, Мглинск. у. въ 1898 году).

Ой рана на Йвана,
 Сонныйка йграла
 Дзѣвачка ваду брала,
 Ой рана на Йвана
 У ваду упала,
 А за йою козачанька,
 Ой рана на Йвана

Ой рана на Йвана
 Сарочачка альбяная,
 Ой рана на Йвана
 Сяночыкъ мушкваный,
 Ой рана на Йвана
 А платочыкъ шауковый,
 Ой рана на Йвана
 А жаль жа мнѣ дачушачки.
 Ой рана на Йвана.

Хоча яѣ рятаваці,
 Ой рана на Йвана
 Луччы буду, дзяучоначка—
 Увадзѣ патапаці,
 Чымъ съ табою, казачынька,
 Дружынаю стаці
 Ой рана на Йвана.

(отъ той же въ 1898 году).

Кромѣ священниковъ, въ настоящее время въ нѣкоторыхъ селахъ сельскіе старосты, какъ блюстители порядка и общественнаго спокойствія, стали запрещать раскладывать огонь на купалу. Но молодежь не можетъ отрѣшиться отъ стараго, любимого обычая и, не смотря ни на что, все таки сборища устраиваются. Но вмѣсто костра отправляются гурьбой на огороды «красць цыбулю» (лукъ). И прежде всего выкапываютъ весь лукъ у батюшки, какъ бы въ отпѣтку за запрещеніе забавы. Недавно (въ 1897 г.) разбиралось у земскаго начальника дѣло по жалобѣ жителей д. Боронинки за кражу луку подъ Ивана Купала.

Что въ селахъ непремѣнно есть нѣсколько бабъ, которыя по временамъ «скидаюцца вѣдьмой» и ходять по ночамъ отнимать молоко у коровъ, въ томъ по деревнямъ и до сіе время рѣдко кто сомнѣвается. Кто изъ бабъ этимъ занимается, узнать по виду трудно; но если набрать золы съ костра на Ивана Купала и стать съ ней на «рѣсганькахъ»¹⁾, сейчасъ сюда сбѣгутся всѣ сельскія вѣдьмы и будутъ просить отдать имъ золу. Вообще мѣсто скрещиванія переселочныхъ дорогъ считается мѣстомъ нехорошимъ, оттого и принято ставить тамъ распятіе и крестъ для усугубленія сборища вѣдьмъ. Молоко отнимаетъ вѣдьма не у однихъ коровъ: такъ, побывавши въ гостяхъ у подозрѣваемой въ вѣдьмовствѣ, сосѣдки говорятъ: «яна мянѣ мытавала»²⁾ малакомъ частваць, да я гребую вѣсць, затымъ, што тамъ ужо у яѣ каровы и собачча и кошачча и кабыльля, усаякая малако, тоя, што яна ходя па начамъ да атындая.

Вообще коровы считаются очень «урдшливы», стойтъ ее похвалить, позавидовать количеству молока или только посмотрѣть завистливымъ окомъ, т. е. сглазить, то она тотъ же вечеръ не дастъ молока «ни рѣсачки».

Поэтому, всякая старается пронести доѣнку съ молокомъ такъ, чтобы туда «Вожа храни» кто ни заглянулъ и при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ каждая увѣряетъ сосѣдку, что ея корова «тряца даѣ». Попросить ли ребенокъ при комъ нибудь чужомъ молока, хотя бы молоко было въ взоблѣн, но хорошая хозяйка при постороннемъ лицѣ даетъ большею частью отвѣтъ въ родѣ слѣдующаго: «пагулайжа сынокъ, молока?—подоймъ быка», и затѣмъ говорить въ сторону: «мая корова хваробу таго малака даѣе, только што даѣнку памочышь и кашы нечымъ забялиць!»

¹⁾ на перекрестныхъ дорогахъ.

²⁾ пробовала.

Или, напримѣръ, такого рода разговоръ: «Приходитъ кума Домна къ кумѣ Ганнѣ. сидятъ во дворѣ на «сѣняшномъ» парови ¹⁾ гамбнюць, и видя передъ собою рыжого теленка Домна кажа: да якая жь, кума, твая цѣлачка пригожынккая, поунынккая, якъ гурочынь, а у майю, дыкъ хто яго вѣдая, баки чагдсь пауцягала».

«Ганна: нѣ, кумачка, йета жь твой бычокъ сюды зайшоу».

«Во нячыстая сила, а мнѣ жь то прычудзилась! Якій йонъ тамъ жырный, хтобъ и прауду падумуа, у яго жь вонь маглы тарчаць, такіъ ниудалый чагось урадзѣся».

Если хозяйка слышитъ, что хвалить ея скотину, или даже ребенка, то сейчасъ же сама про себя шепчетъ: «соль табѣ у вочы, галауныя у зубы» и старается три раза плюнуть.

Петровка.

Июньскій постъ передъ Петромъ и Павломъ (29-го Іюня) называется «Пятрдука». Этотъ постъ совмѣстно съ спасовскимъ постомъ передъ Успеньемъ, въ народѣ характеризуется такъ: Пятрдука—галадука,—Спасаука—ласаука.

По истинѣ голодовка—это вѣрно.

Еще съ великаго поста бабы жалуются што нѣ съ чымъ къ пеццы пристуцицца: усѣ бульба, да бульба, да и тая нищинная, но дальше—еще хуже. Вскорѣ послѣ пасхи и бульбу прыкончили, а што засталась—то пасѣяли. Доѣли и вареву, значить—въ погребѣ ни бураковъ, ни капусты, и потому и борщу не съ чего варить. «А ну, зирнемъу клець, ци ни на тамъ чаго?—у дзѣжку съ крупамы шкрабъ ²⁾ увалился, а у бочку съ аржаной мукой и дауно». Значить, за провизіей ни въ погребѣ, ни въ амбарѣ не ходи. Взамѣнъ всего Богъ весной посылаетъ щавель на лугахъ, его то и варятъ въ соленой водѣ и «затаукаюць крошкой сала, а у кагд сала нема—зибяляюць малакомъ, это и есть борщъ, то-есть пребезвкусная похлебка. Но и безъ этой запуки—сухой хлѣбъ жевать было бы неприглядно—а тутъ «сербанешъ цѣплаго и на живацѣ явасъ удабнѣй станвицца».

Когда же наступаетъ Петровка, то провиантъ еще сокращается, и остается одинъ щавель, который «хоць и атварыть и будзье йонъ цѣленѣкъ»; но заправить ни саломъ, ни молокомъ нельзя, затымъ, што грѣхъ, только жыды, да паны вѣдзяць у постъ скардмная. И вотъ для этого у нихъ съ Марта мѣсяца въ погребѣ заготовленъ березовый квасъ. Къ этому времени вырастаетъ на грядкахъ лабода, которую тоже отвариваютъ, разбавляютъ березовымъ квасомъ, и тогда получается холодецъ, благо на дворѣ въ Іюнѣ довольно жарко, а потому уже «холодная явасъ пріятнѣй на живацѣ». И вотъ изо дня въ день всю петровку хлѣбъ и холодецъ, холодецъ и хлѣбъ и т. д. Единственной доступной приправой къ такой лабодѣ съ квасомъ могъ бы служить лукъ зеленый, но въ нашей землѣ съ глинистой подпочвой корнеплодные растенія плохо родятъ, и потому изъ нашихъ бабъ только кое кто садитъ лукъ, и то въ такомъ маломъ количествѣ, что его, какъ любимое лакомство, сейчасъ же дѣти и свои и чужіе повытаскиваютъ и поѣдятъ.

Ну, какъ тутъ при такой скудости не залѣзть въ чужой лѣсъ и надрать хоть лыкъ на покупку съѣсного для поддержанія. Вотъ, дождавшись базарнаго дня и «навѣль йонъ пду воза лазы и дзесницъ копь лыкъ. То-то гостинцевъ въ дворѣ навезъ! «Крамя аржанай муки яще цѣлыи пукъ зялѣныя цыбули. Во натаукли бабы перьяу ³⁾, трохи пасалили, да и вѣли уси съ хлѣбамъ, такъ смашна, што ажны за вушамъ трящыць. Яще привезъ три хунты пшана, то уже дли дзицѣнка, а яще жь дсягагакъ тарапакъ куцну». И вотъ по этому варится борщъ изъ той же лабоды и

¹⁾ На порогѣ въ сѣняхъ.

²⁾ Когда въ пустую дежку опустить руку или посуду, то она поскребетъ дно, «шкрабня».

³⁾ Зеленые стволы лука.

квасу и на ведерный горшок расталкивается одна полутора копеечная рыбка. «Ядзяць и спасибоаюць, во слава Богу хоць трохі жывоць папарыць, а то усё йегый халадзець, да халадзець, ужо кйшки папрышывау; бизь гарячаго, па йетамь щаумо и ногь ня пацягнишь, абрыдъ ужо йегый халадзець». Бабы въ Петровку заготовляють сухой соленый сыр къ маслянкѣ, складываютъ его въ дежку и сверху, во избѣжаніе плѣсени, заливаютъ масломъ въ палець толщиною. Которая же изъ нихъ собереть трохі маслячка, то опять таки «ни длі свайой души», а скорѣй его свѣженькимъ «прадасць ци панамъ, ци жидамъ, да й хлѣбца купя».

Оттого-то въ Петровку мало и пѣсенъ слышится, развѣ какойнибудь подростокъ съ юной радости затынетъ пѣсенку, рвавши щавель, да скоро и затикнетъ.

На просьбу спѣть онъ отвѣчаетъ:

У Пятровку усе ни прыгожыя пѣсни, кароткія, ни сьладныя.

Однако же какія?

Да ну—йихъ! Тамъ йетыя дзѣўки пяюць:

Кацилися вазы зъ гары,
Разсыпались перени,
Минулися дзвявцикія
Пятроускія пѣсни.

Ъхали вазы зъ гары,
Разсыпались иглы,
Минулися дзвявцикія
Пятроускія йгры.

(с. Росуха, Мглинского уѣзда).

Во йету пяюць:

Я жыта пасѣяла,
Маё жыта рѣдзя,
Я казака спалюбила
Йонъ да мяне хѣдзя.
Я ни стала жыта сѣяць,
Ни стала радзниця,
Пирістала казака любіцы,
Ни стау йонъ хадзниця.
Я табѣ ни зяць,
А ты мнѣ ня цѣща,
Вышли дачку на вулицу,
Уцѣшь маё сердца.
Вышла дачка на вулицу,
Стала падъ вярбою,
Нихто яйе ни чапая,

Пашла яна у двѣру.
Кацилися вазы зъ гары,
Паламаліся сьпйцы.
Пашли нашы рыбятчкі
На украйину жыці.
Пойшла жѣ бы я даганяты,
Да боюся мати.
Была мине мая маці
У нѣван камнаці.
Ня би, маці,
Ня би, маці,
Цяпер ни навучышь,
Спалюбила лідачаго,
Цяпер ни разлучышь.

(Отъ 18-ти лѣтъ. дѣвкі, въ с. Михайловкѣ, Стародуб. уѣзда).

Хаджу, хаджу кала стѣну,
Вадѣ ни дастану,
Сватай мянѣ, раскукинь сынь,
Ня уводзь у худу славу.
Хаджу, хаджу кала гаю,
Гаѣчыкъ ня гнецца

Прѣйдучъ лѣта маладые,
Славачка минецца,
А я худой славы
Па вѣкъ ни баюся,
Ну, якъ выйду за вѣроты,
Атъ вѣтру валѣся.

(д. Жигалки, Стародубскаго уѣзда).

29-го Юня Петра и Павла. Разговѣны. Говядины за неимѣніемъ таковой не полагаются, развѣ у кого курочка изльецца (т. е. несетъ жировыя яйца), тогда зарѣжутъ ее; разговляються же больше «кароунымъ», т. е. молочнымъ.

Въ этотъ день съ cadaго двора несутъ пастуху кувшинъ молока и навадзень хлѣба, въ то время, когда онъ возлѣ своей хаты начнетъ трубить въ трубу изъ бересты.

І ю л ь.

1-го числа Козьмы и Демьяна. Это протонародный измышленный праздник, так называемый Кузьма-сѣвачь, который не щадя посѣчеть все градомъ, если въ этотъ день работать.

Лѣтомъ, когда все земледѣльческое богатство сдано подь открытое небо, въ охрану Вожію, крестьянинъ съ надеждой и боязнью взираетъ на собирающіяся облака: поднимется ли вѣтеръ, зайдетъ ли солнышко въ хмару, уже у него болитъ сердце: «ци ня градавая туча, нехай Богъ крыя».

И дѣйствительно, какъ не бояться такой вары, которая въ одинъ часъ можетъ безъ всякой жалости уничтожить всю лѣтнюю работу и все годовое продовольствіе. Оттого, въ лѣтніе мѣсяцы, особенно въ Іюль мѣсяцѣ, въ самую рабочую пору, народъ старается чтить каждый праздникъ, боясь прогнѣвать какого нибудь святого. Въ Іюль у нихъ насчитывается одиннадцать праздничныхъ дней, плюсь четыре воскресныя и еще тезоименитство Государыни (22), что составитъ 16 праздниковъ, итого изъ 31 дн.—16 надо прогулять въ самую горячую, страдную пору.

2-го празднуютъ «риз-палаженья» положеніе ризы пресвятыя Богородицы.

8-го «Казанскія»—Казанской Вожіей Матери.

10-го то же «риз-палаженья» Положеніе ризы Господа Иисуса Христа.

11-го Вольгъ, т. е. Св. Ольги.

15-го Владѣмира—т. е. Св. Князя Владѣмира.

20-го Ильи пророка. Этотъ день особенно чтятъ, боясь прогнѣвать пророка, который ѣздитъ по небу и производитъ громъ, градъ и проч.

22-го Тезоименитство нынѣ вдовствующей Государыни.

24-го Глѣба—Бориса, т. е. Бориса и Глѣба. Празднуютъ этихъ святыхъ только по случайному созвучію словъ Глѣбъ—хлѣбъ и возвели его въ покровители хлѣба и въ этотъ день особенно боятся града и грозы.

28-го Ягитрія, т. е. Одигитрія иконы Вожіей Матери.

30-го Ивана-воина. Если желаютъ наказать и отмстить злѣйшему врагу и обидчику, то начинаютъ священника отслужить молебень Ивану-воину, который послѣ молебствія пошлетъ обидчику страшное наказаніе.

На сѣнокосахъ.

Съ уборкой сѣнокосовъ у насъ не торопятся. Начинаютъ косить не раньше 10-го Іюля. Ждутъ, чтобъ трава пастарѣла, оттого, что такое сѣно, говорятъ они, споривѣй, чѣмъ съ молодой травы и «скацына здравѣй на живацѣ».

Падкашѣна, падвалѣна

Травушка зялѣна,

Стала траука пасыхаѣи,

Туманъ палягаци,

Дрѣбинь дожджыкъ закурѣуса,

Парынь зъ дѣвницей злюбѣуса,

Йонъ и вѣлячки ряшѣуса ¹⁾.

Охъ и што каму за дѣла,

Што дѣвчачка съ парнямъ сѣла,

Яна сѣла, пасадзѣла,

Пѣсянки запѣла,

Пра лѣсь пра дубрѣву,

Пра зялѣную мурѣву,

Траука зяленая—дѣзюка маладая.

(въ с. Росухѣ въ 1897 г., отъ 65-лѣтн. женщины).

¹⁾ Отрѣшился.

Што-й у лѣси, да й на сѣнакоси
Парнишачка да траву кося,
Бѣжъ, мой коникъ, траву зиланую,
Привязешъ мнѣ у дворѣ

Жану маладую,
Харошую да прыгожую,
Вумную да разумную
Маладую да Адарачку.

(Отъ той же въ 1897 году).

Идѣтъ зъ милымъ пастаяла
Тамъ траука павѣла.
Што—й—за мѣстамъ
Травѣ кустамъ.
Прышоу милый
Травы касиць
Да—й стау гавариць:
Вадай сѣна—агнѣмъ сѣла

Каса зламѣлася,
Да штобъ мая Тацѣначка
Да—й—ни журылася.
Зѣ бацькамъ, зѣ маткай пасварюся,
Грихѣ набируся,
Зѣ милымъ дружкѣмъ
Сустрѣнуся, ни нагаварюся.

(д. Водвинки, Мглинского уѣзда, въ 1896 г. отъ 60-лѣтн. женщины).

Н а ж н и в ѣ.

Жать жито и косить сѣно начинаютъ у насъ между 10-мъ и 15-мъ Іюля.

Передъ жнивомъ въ полѣсѣ рѣдко у кого есть свой хлѣбъ. И купить его негдѣ, кромѣ, какъ у «жида», который беретъ на каждомъ пудѣ по гривеннику лишняго.

А между тѣмъ, кушленный хлѣбъ «крѣпко не споренъ», зато его бѣдятъ уже якъ прѣскурку ¹⁾, миркуюць ²⁾, чтобы хватило до новины, и ждутъ, не дождутся «пакуль жита паспѣя»...

Иная, проголодавшись, не прочь бы нажать и зеленятаго, но ей этого не позволятъ, потому что, по народному повѣрью, стовтъ хоть разъ «рязануць сариѣмъ, нажаць хоць жменьку ни у уремья,—жита стаяа сохнуць и высыпацца».

Наконецъ давно желанный день насталь, чуть разсвѣтало, всѣ потянулись съ серпами. Оставаться во время жнива дома по какой бы то ни было причинѣ и скучно и досадно. Каждая считаетъ за удовольствіе поскорѣй стать въ ряды «жанцоу». Не мѣдъ ждетъ ее тамъ, но она любитъ свою страдающую пору и ее тянетъ на ниву...

Тяжко съ ранней поры до поздняго вечера проработать серпомъ, согнувши спину, подъ палящимъ знойнымъ солнцемъ, но она никогда не промѣняетъ полевого труда на домашній, потому что въ чистомъ полѣ, на просторѣ, ускользають временно и горькія думы и мелкія хлопоты о насущномъ. Остается, какъ кристалъ одинъ чистый трудъ безъ заботы.

Не даромъ въ одной жнивной пѣсни поется.

«Я тутъ заначую
И журбы ниначую».

Ой дамѣу, дамѣу ³⁾,
На дварѣ ни рѣна
Расица прыпала.
Дамѣу ни пайду,
Я тутъ заначую
И журбы ни пачую.
Якъ ляжу я спаць
Падъ лѣпавымъ кустамъ
Падъ шырокимъ листамъ,
Рукау паспялѣ,

Другимъ напрануса,
Я й никого ни баюся,
Тольки я баюся,
Што—й Господа Бога,
Да свайго нилюбѣга.
Гасподзь—Богъ высока,
А не любь далѣка.
Гасподзь—Богъ у свѣца,
А не любь у влѣца.

(с. Росуха, Мглинского уѣзда, со словъ 40-лѣтн. женщины въ 1897 г.).

¹⁾ Просфору. ²⁾ Расчисляютъ. ³⁾ Домой.

Дологъ и однообразенъ жаркій день на живнѣ. Ни звука кругомъ... Безъ конца, колеблясь, шумять желтые колосья и убаюкиваютъ жницу тихимъ шелестомъ. Оттого подъ часъ нападаетъ на нее такого рода напасть, дремлетъ ей, бѣдной... она и сама не рада, но наклонить ее голованьку ко сну, какъ клонить сѣлмый колосокъ къ замлицѣ, а заснешь—на сусѣдней палосцы будуще смѣяцца. Въ этомъ случаѣ одно гварство—пѣть, и вотъ является пѣсна, по неволѣ тянетъ она ее заунывнымъ напѣвомъ, какъ тянутся страдные дни, которымъ «нима ни канца, ни беряга».

Въ этихъ пѣсняхъ содержаніе берется изъ обыденной жизни, гдѣ большею частью злобой дня является всегдашній непримиримый врагъ: свекровь и вся мужняя родня.

Была у мяне свякруха лиха,
Паслала мяне маладу
У пѣля адну,
Я маладѣ—адна баўся,
Ни такъ баўся,
Якъ жаць лянюся.
Я жыта ни жала,
А усе лижала.
Прашнулася—ужд ни рана,
Стала жаць,
Стала пилаваць ¹⁾
Нажала дзвѣ кэпы и чатыри (снопа).
Пашла у дворъ—пахвалилася,
Ой маць, мая маць,
Я умарылася,
Якъ глянула у хату
Схамянулася ²⁾

(с. Росуха, со словъ 30-лѣтн. женщины въ 1898 году).

Ажаніла удоука ³⁾
Старшаго сыночка,
Узяла нявѣстачку
Ни у нарау сабѣ,
Ни на бѣла лицо,
Ни на чорны бровы.
Паўхау сынъ у дарожачку,—
Маладая жана—у сьцьепѣ леу браць,
А ня родная матушка
Стала яѣ клясь.
О сьцьепѣ, ты мой сьцьепѣ
Стань дайнаю,
Маладая нявѣстка,
Стань—былинаю.
Пріѣжджая сынъ зъ дороги
Да—й—пытая сваю матухну:
Ой, маць мая, матухна,
Да йдзѣ-жъ мая жонушка?
Твая жана у сьцьепу лёнъ бяре,

(д. Шапочка, Мглинскаго уѣзда, со словъ 25-лѣтн. женщ. въ 1896 г.).
(Ст. Шейнъ блр. пѣсни, т. I, ч. 1, стр. 399, № 486, 484, 489).

На поли дзюца прызабылася,
Растаякая ты, прайетакая,
Идзи, сука, б . . . дѣ,
Дзюцятки шукаць.
Иду я поля, и другога,
Усходжу я на трецьце,
Стаяць пѣлачки,
Всяць люличка,
Кала тыя люлячки
Да тры нянички сѣрыя:
Адзигъ кажа: я забавляу,
Другій кажа: я калыхау,
Трецьцй кажа я спавивау,
Хто забавляу, тѣй ручку зламау—
Хто калыхау—тѣй ножку атарвау,
А хто спавивау, той саусимъ укрѣау.

Охъ я тамъ у сьцьепу быу,
И жанѣ ни видау,
Тольки—й—видау я
Тонкую былиначку,
Ой сыночекъ мой, сыночекъ,
Вары ты сьвѣру ⁴⁾,
Да йдзи у далину,
Да—й—сьсянѣ былину.
Першъ ⁵⁾ цюкнуу—нахилилася,
У други цюкнуу—навалилася.
У трецьци цюкнуу—абъявилася.
Ай, мужъ ты, мой мужъ,
Я твая жана.
Йета твая маць
Тагъ нарабила,
У сьцьепу былинаю
Да—й нарадзила,
Нашихъ дробныхъ дзѣтчацкъ,
Да—й пасирацила.

¹⁾ Усердно работать. ²⁾ Опомнилась.

³⁾ Вдовы. ⁴⁾ Топоръ. ⁵⁾ Сперва.

Голубь сызынькій—дружокъ миленькій
Завезъ мяне маладу на чужую старану,
Идзѣ роду нема, вяліка семя,
Вяліка семъя вачераць стала,
А мяне маладу—паслалі па ваду,
Къ вадзѣ ішла—сілна плакала,
Ваду чѣрпаушы, умывалася,
Своімъ шытымъ рукавомъ утиралася
А у сѣні выпіла—прислухалася,
Што вяліка семъя гавдзя:
Вяліка семъя мужа навдзя,
Чаму ты жану ня бьешъ, ни дзярешъ?
За што яіе бецъ?—што умѣя рабѣць?
И усимъ наравіць?

(Отъ той же въ 1896 году).

Якъ пахвау мой мужыкъ
Гарбду—пахаци,
Напаху-жа йонъ гарбду
На гряду квасдлі,
Да—й—прыѣхау да доманьку.
Стау жонку прасіци—
Идзі, жонка, идзі, любка,
Квасоли садзіци.
Пасадзіла я квасдлю
И пайшла да дому,
Заглянула у шыночкѣ
Сядзіць мужъ сь кумю,
Няужд-жъ ¹⁾ табѣ, кума мая,
У дварѣ йіма дзѣла,
Што-ты зѣ майнімъ чалавѣкамъ

(с. Задубенъе, Мглинскаго уѣзда, со словъ 22-лѣтн. женщины въ 1899 г.).

Якъ пайдѣ я лугамъ,
Мой миленькій паша плѣгамъ,
Панясу яму я ѣсці,
Ци ня скажа йонъ мѣѣ сѣсці,
Панясѣ яму я пецъ,
Ци ня будзѣ гаманѣць ²⁾.
Йонъ наѣуся и напиуся,

(д. Новыя Ивойтены, со словъ 22-лѣтн. женщины въ 1899 года Мглинскаго уѣзда).

Извнуса хмѣль
Зѣ берѣзю зяланюю,
Нажнуса Лявонъ
Жѣ жаной маладѣю.
Нанасѣуся сарочакъ бядѣнькихъ,
Штаню альянѣнькихъ.
Богъ яму дау
Жану маладѣю

(отъ той же въ 1899 году).

Пашла жану у клѣць,
Мужъ за йою у слѣдъ,
Зьдзѣбу ¹⁾ сь крѣпка плецъ.
Стау жану сѣць.
Узяу цапѣкъ,
Стау жану бецъ,
Ни папау па жанѣ,
Да па новай сцянѣ,
Новая сцяна увагнулася,
Маладая жану улякнулася ²⁾.
Сілна крѣпка яна занядужала ³⁾,
А къ выдзѣлі у начы
Богу душачку атдала.

У шинку засѣла?
А я свайо, кума, дзѣла
Яцѣ учѣра парабѣла,
А я твайго чалавѣка
Дауно спалюбіла.
Идзі, жонка, идзі, любка,
Вачерю варыці,
Стау яіе мужычокъ
Да сільна прасіци,
Наварыла баршу—кашы
Усѣ поунны чашы,
Атварнулася у куточкѣ,
Паплакала трошки,
Нагнулася къ полу—
Уцѣрлася палюю.

Сѣу на плугъ да—й—зажурнуса,
Атчаго ты, миль, заплакау,
Ци ты лѣта свайн утраціу,
Ци вылѣзлі табѣ вѣчы,
Ци ты сватау жанѣ ноччы?
Было свѣтла запаціци,
У сусѣдзі распрасіци.

Самѣю висядлю:
У поля ідуць,
Якъ пчелки гудуць,
Да усѣ баравны.
Сы поля ідуць—
Пѣсянкі пѣць,
Да усѣ жніуныя.

¹⁾ Сняць. ²⁾ Испугалася. ³⁾ Забогѣла. ⁴⁾ Неужели. ⁵⁾ Говорить.

Што—й вы мушки, комарыки майе,
Ни отъ кусанья галава мая байць
Атг галдуки бѣла личанька ¹⁾ гарыць
Што—й—гарыць, яно гарыць,
Свайму горю—наравиць.

Охъ и хто-жъ майму горю памѣжа
Охъ и хто-жъ майго дружка угавдзя?
И хто-жъ яго съ пбуди, дѣги вѣрня? ²⁾
Ахъ! варийсь ты, мой миленькій дружбѣ,

(Со словъ 45-лѣтн. женщины въ д. Жуково, Мглинскаго уѣзда въ 1897 году).

У Кіеви малчыкъ радзѣўся,
У Пяпябурси ³⁾ йонъ хрыцѣўся,
У дзярѣўнюшкѣ жыць папаў.
Найшли на Ванячку забѣты,
Дзяривеньскія работы,
Йонъ и ночку мала спаў,
Па Пяцярѣ гарываў,
Якъ паслала Йвана маці
Яравого жыта жаці.
Узыходзя Йванъ на нѣўку,
Бярѣцца за каласіньку,
Важка Ваня уздыхаў,

(д. Шапочка, отъ 22-лѣтн. женщины въ 1898 году, Мглинскаго уѣзда).

Вѣлая бярѣза пры шляху стаяла,
Што—й тую бярѣзу—хто йдзе, тѣй
рубля,
Мяне маладу свѣкаръ бѣецъ, ругаў,
Охъ Божа, мой Божа, милъ мяне нялюба.
Са мной ня гаворя,
Вѣчаръ кудры чѣша,
У пѣўначъ гуляць хѣдзя,
А къ свѣту прыходзя.
Йонъ лажыцца спацьки
У край—варвѣтки ⁴⁾,

(Отъ той же въ 1899 году).

Въ д. Лупекахъ предъидушую пѣсню поюць такъ:

Што мнѣ горя гареваньяйка,
Цижаленькая уздыханьяйка,
Цижалѣй таго ня будзя,
Да што мужъ жаны ня любя.
Йонъ ня любя, ни жалѣя,
Сы вѣчара кудры чѣша,
Сы паўночы гуляць ходзя,
Къ бѣлу свѣту прыхѣдзя,
Ой што стукъ пастукъ у варѣты,
Ой да брызъ па брызъ калечка,
Жанѣ шельми ни славецка.
Атчиняй, жана, варѣты,
Идзѣ миленькій зъ работы,

(со сл. 40-лѣтн. женщины въ 1899 г. въ д. Лупекахъ, Стародубскаго уѣзда).

Пбйдзимъ мы у зялѣнинькій садокъ,
Тамъ мы сядзимъ падъ ракітовымъ кустомъ,
Пагаворымъ пра жѣцьцѣ, быцьцѣ свайо,
Пра вялікую люблю, якова люблю на свѣци
цижала,

Разлучила насъ ни мѣсяць, ни зоря,
Разлучила чужа далня старана
Да Маскоўская слабада.

Ни снапочка ни наждѣ.
Найшла на Йвана скѣка,
Парѣзаў йонъ бѣлыя рѣки,
Палилася нѣжна крѣу,
Яго сударушка прыбязала,
Платкѣмъ рѣку завязала,
Штобъ крѣу ни цявлѣ ⁴⁾,
Пайду къ матушцы далажуся,
Ка сударушки спрашуся,
Ты пазволь мнѣ, мая маць,
Къ сударушки пагуляць.

Къ сцянѣ вачамы,
А ка мнѣ плічамы,
Да—й цяжка уздыхаў,
Охъ Божа-жъ мой, Божа,
Хто мянѣ разѣў,
Хоць разъ пацалѣў.
Миленькій дружочыкъ,
Хадзя, я раззую,
Хоць семъ пацалѣў.
Атступіся, ня любая,
Йосць у мянѣ другая.

Што—й дми ⁶⁾, жана, лучину,
Стану жана вячѣрю,
Сьцяди мяккую пасцѣлю.
Сюды, миленькій, разѣў,
Я й разую, я й раздѣўну,
Зеленъ кафтанъ развѣўшу.
Атступіся, ня любая,
Йосць у мяне другая.
Хоць у цябѣ тры чатѣра,
Я надъ йими надъ усны,
Я надъ йими и старшая и болшая,
Я съ тобой на одножъ рушничку стаяла,
Вѣрна Богу прысягала.

¹⁾ Лицо. ²⁾ Воротить. ³⁾ Петербургъ. ⁴⁾ Отъ сл. течь, текла. ⁵⁾ Кровать. ⁶⁾ Дуя.

Падъ гароу авёсь,
А на гарэ жита.
Падъ б'ялаю бярэваю
Казаченька убитый.
Йонь убитъ, убитъ,
Укинуть у жыта,
Чырвонаю кытайкаю ¹⁾
Личанька накрывта.
Прышла дзяучына
Щъ чорнымі вачамы
Падняла кытайку

Да й нацалавала,
Прышла другая,
То ни такая.
Прышла трецця
Зъ рубленны хаты,
Падняла кытайку
Да й стала пытаці:
Ци ты п'янь уш'уся,
Ци съ каня звал'уся,
Ци зъ другой спазнаўся,
Ат' мянѣ т'ураўся.

(д. Шапочка, Мглинскаго ўезда, со словъ 25-лѣтн. женщины въ 1897 году).

Летала сѣрая пярпѣлка
Да на ждотаму полю,
Шукала сѣрая пярпѣлка
Свайго гняздэчка,
Идзѣ лижала яйе яйэчка,
Идзѣ дзѣтки сядзѣли,
И у палётъ палыцьѣли.
Хадзила б'ядная сирац'инька
Па багатаму полю,
Шукала б'ядная сирац'инька
Свайго роднаго бацьки,

А знайшла студзеню вадзицу
У рублянѣмъ калодцу.
Ускалыхнися вадѣ
У рубленамъ калодцу,
Атгукнися, мой бац'юшка,
На чужой старонцы.
Ни свалыхнулася вадѣ
У рублянѣмъ калодцу,
Ни атгукнуўся бац'юшка
На чужой старонцы.

(с. Човпня, Стародубскаго ўезда, со словъ 59-лѣтн. женщины въ 1899 году).
(См. Шейнъ, бар. пѣсни. Стр. 256. № 285, 284. Стр. 424, № 520).

Ой ты, силазѣнька крылушки быстреньки,
Галоука сызѣнька,
Праляца поля шырокае, жыта ядрѣная,
Приняси бацькабу нѣгу
Къ на лѣбаму свѣкру,
Што—й у свекра мяне

Якъ аучкаю ²⁾ трупъ—
Свѣкрава лютасць
И у дзвери на лѣзя,
А бацькава нѣга,
Якъ жаркая соньяйка.

(Отъ той же въ 1899 году).

У поли пшаница
Каласочки клича,
Коласамъ махая,
Голасамъ гукаю—
Хоць мянѣ сажыцца,
Хоць у стволъ пусцяцца,
Ни магу стаяцца,
Кудласу дзержацца,

Красная дзяучына
Па двару хадз'ила,
Зъ бацькамъ гамав'ила—
Хоць мянѣ атдацца,
Хоць з'яца прымацца,
Ни могу хадзицца,
Русыхъ косъ насыцца.

(д. Жыгали, Стародубскаго ўезда, со словъ 18-лѣтн. дѣвушки въ 1895 году).
(См. Шейнъ, бѣлор. пѣс. Т. 1, ч. 1, стр. 193, 194. № 196 и 197).

Съ весны дѣвкы поютъ пѣсни про милыхъ дружковъ и бабы, конечно, дѣвчичкихъ пѣсень не поютъ; но на жывѣ и тѣ и другія поютъ однѣ и тѣ же пѣсни. И любимая пѣсня о вѣлюбѣмъ свѣкрѣ.

Ни шал'охня да б'уѣнъ вицяр'очыкъ
Па баг'атому полю,
Ни как'охня ³⁾ ярдная маці

Па чуждму дз'яц'яци,
На пытац'я, ци вялика дар'ожка,
Ци баяць р'учки ножки,

¹⁾ Марля. ²⁾ Трапцою. ³⁾ Не вздохнеть.

Ци балиць сярэдзінка, ¹⁾?

А яна пытая,
Ци багата нажала,
Сколькі копць наклала?
Вся видярочыць
Па чыстаму полю,
Журыцца родная маці
Па свайму дзіцяці,

(с. Кожемяки, Мглинскаго ўезда, со словъ 19-лѣтн. дѣвки въ 1899 г.).

Расцьбѣ трава безкарённая,
А я малада—безродная.
Толькі у мяне роду,
Што адзінъ свѣкаръ.
Виць—журѣць
Мяне йосць каму,
Пажалѣць мяне нѣкаму.
Свѣкаръка родный, татухна!
Пажалѣй мяне хоць ты грошачки!
Свѣкаръка жалѣя:
Вожачки бярэ,
Мяне бодна бѣе.
Набуши бодна,
Самъ у пирь пашду.
У пирю сядзиць

(Отъ той же въ 1899 году).

Вѣцарь вѣе,
Траўку суша,
Игнаць жану жура:
Жана мая Парасачка,
Жана мая Иванана,
Ци вино—ни упивайся

(Отъ той же въ 1899 году).

«На дабраначъ да-й Господу Богу!
Жыта ядрёная, добрый вечарь!
И свѣкру й свякруси
И ня любаму друзи!»
А нихто маладзѣ ³⁾
Слова ни прамоуя,
Серца ни ражжала. ⁴⁾
Прамовила малада
Ня любаму дружыни
У новай каморы,
На бѣльнякѣ ложы,
Свекруха й кѣже:
Вы бяриця, да па калѣ у руки,
Праганиця са двара
Лѣтаю мядзвѣдзицу».
«На што мяне биць
Я сама зъ двара пайду,
Ручки зацпаннушы,

(Отъ той же въ 1899 году).

А яна пытая,
Ци багата нажала
Колькі копць наклала?
А яна пытая:
Ци вяліка дарожка,
Ци баяць ручки ножки,
Ци балиць сярэдзінка?

Выхваляйница:
Добре биць чужога дзядя,
Чужога дзядя ни супорлива ²⁾,
Яно у споръ няйдзець
Ни т'бывайница,
Толькі слѣзкамы
Абливайница,
Ой дау жа мнѣ свекаръ крали,
Крали добрыя.
Нявѣстухна, ты дзядя маё,
Няси крали, ни развѣзвай,
Цяри горя—ни разказавай!
Свѣкаръка, родный татухна,
Панаскуши крали,—развязаць трѣба,
Цярпѣушы горя—разказаць трѣба.

Расьци дзѣтакъ—ни старѣйся
Дзяржи хазяйства—ни журѣся.
Игнацячка, ты, Данілавічъ,
Пнушы медъ—вино, пьянць будзѣшъ,
Расцнушы дзѣтакъ—будзѣшъ старицца
Дзяржаушы хазяйства жураўу будзѣшъ

Къ серцу прилажнушы.
Сяду я на бѣлай бярэзи
При пуцѣ при дардзи,
Ня буду я кукаваца,
Якъ сѣрая вязюличка.
Да буду я праклинаца
Свекра и свякруху
И ня люба друга,
Няси, Божа, тучу грававѣю
Зъ буйными дажджамы,
Уби Божа свекра и свякруху
И ня люба друга,
Свѣкра у дардзи,
Свякруху на пардзи
А ня любага лада
У новай каморы,
На бѣльнякѣ ложы.

¹⁾ Спина. ²⁾ Не сопротивляется. ³⁾ Молодой. ⁴⁾ Разжалобить.

Зѣлина, зѣлина калиначка у лѹзк,
 Йена зѣлена зломлина.
 Хто жъ яѣе зламѹ?
 Салавейки—вирябейки,
 Усѣ мелкія пташки.
 Мѣлада, мѣлада Арыначка у бацьки,
 Йена маладѣ заручѣна,
 Хто-жъ яѣе заручѹ?
 Цавѹдѣ, сватоубѣ,
 Усѣ дѣйуны байры
 Прѣѣхали къ йой
 На варѣномъ канѣчку
 У мулываномъ вазочку,
 Зъ маладымъ паранѣчкамъ,
 Пасадзили у вазочкѣ
 Зъ маладымъ паранѣчкамъ.
 Привязли яѣе усѣ лугамы, бирагамы

Калинавымъ мѣстамъ.
 Привязли яѣе у сямѣ вялікая
 Къ багатаму ка двару.
 Да и вышлі жъ и къ йой
 Свекаръ и свякруха,
 Залѹки люѹдуки,
 Дзвямяречки—братѹчки
 Стали яѣе витаць ¹⁾ и пытаць
 Ума пражадаць.
 Ци умѣшь, Арыначка,
 Чѣрнымъ шѹдукамъ шыць
 И зѣлатамъ вышываць?
 Я ня умѣю чѣрнымъ шѹдукомъ шыць
 И зѣлатамъ вышываць,
 Толькі—й—умѣю
 Йядрѣная жыта жаць
 У кѣпачки класьци.

(Со словъ той же въ 1899 году).

Што у поли ни бѹеиць вѣцѣръ вѣя,
 Тамъ удоука да пшаничаньку сѣя.
 Пасѣяушы, яна Бога прасила:
 Кали жъ бы мая да пшаница урадзѣла,
 Тады жъ бы я свайго сына жанѣла.
 Яще удоука да да дому ни даѣшла,
 Да ужо-жъ яѣе да пшаничанька узыйшла
 Яще удоука да на лѹцы ня сѣла,
 А ужо-жъ удоукина да пшаница паспѣла.
 Пашла удоука да пшаничаньки жаць,
 Якъ выжала пярѣпѣлачку зъ дѣцѣмъ
 Дѣцѣкѣ жъ майѣ, да прапала жъ я зъ вамы,
 Матка наша ня журыся ты намы,
 Парасуцьмъ жа мы,—паляцимъ жа мы самы,
 Паляцимъ жа мы, да на синяя моря, на жаутыя пески.

(Въ 1858 году заучено мною отъ 20 лѣт. дѣвк.).

Ня вѣѣця вы, вѣтры,
 Зъ гары да дѣму
 Сь чѣстаго пѣля
 Ни наносьцы, вѣтры,
 Майму тѣтухѣ вѣсци,
 Мамухѣ жалосьци,
 Што-й-живу я ни у любѣсци
 Ни живу—гарю,
 Усѣ бяду бяду.
 Закуруся сѣлень дробнѣ дожджыкѣ
 Па багатаму полю,
 Закуруся мой тѣтухѣ рѣднѣ

На свайой старонцы,
 Па майой гѣркой дѣлцы.
 А курьсь, ни курьсь, дробень дожджыкѣ,
 Па жѹтому полю,
 Журьсь, ни журьсь, мой тѣтухѣ рѣднѣ,
 У каньцы карватки стаѣ,
 Пасцѣлячки ни сцяю,
 Ужо жъ мая пасцѣляка
 Ать слѣзакѣ макрѣвѣка.
 Ужо-жъ майо адвѣяла у нагѣхъ ляжыць,
 Ужо мая разлѹка у галѹкахъ стайницъ
 Мянѣ разлѹчая.

(с. Горяны, Мглинскаго у., отъ 18 лѣт. дѣвки, въ 1899 г.).

¹⁾ Приветствовать.

Да ни запыкай,
Ты жаркая сонца,
Майго блага лица,
Да майо лицо
Визь бялыла бяла,
Бизь красыла-красна.

(д. Бородинка, Мглинского уѣзда, со словъ 18-лѣт. дѣвки, въ 1898 г.).

У вѣчары у вѣчарѣчку
Гнала дзѣвица карду,
Спустилася къ ручаѣчку,
На зялённыкй лужокъ
Ѣдзя барынь маладѣй,
Параунауся са мной.
Раскажы-ка ты, дзячунка,
Съ котораго ты сляд?
Изъ Патроускаго сляд,

Вѣлилячка—да на шдры,
Кримлячко—у камдры.
Ну-ця—ну-ця, ще напылуцца
Вѣчернай парой,
Халадкѣмъ зъ расой,
Сярпомъ—ни касою.

Я хрысцянка твая.
Кали ты мая хрысцянка,
Пойдзешъ замужъ за мянѣ,
Што-й-ня можна таму стаць,
Штобъ пана хрысцянку узяць.
Ой пабачышь ты сама,
Якова твая судзьба:
Ты сы вѣчара хрысцянка,
Къ бѣду свѣту гаспажа.

(Отъ той-же, въ 1898 г.).

На закаци жаркая соньянка, на закаци, У вяликую любду ни удавайся
На выѣдзи мой милинскй, на выѣдзи, Вяликий хмѣль, мой милинскй, бизгалдуе,
Стала я свайну мйламу да прыказаваць— Вяликий сонъ, мой милинскй—низдароуе,
У вяликий хмѣль, мой милинскй, ни упивайся, Вяликая люблю, мой милинскй, абгавдэрья ¹⁾.
У вяликий сонъ, мой милинскй, ни усыпайся,

(с. Манѣки, Новозыбковскаго уѣзда со словъ 25-лѣт. женщ. въ 1897 г.).

А в г у с т ь .

1-го числа праздникъ «Макаўя» т. е. Макавеевъ. Послѣ литургии крестный ходъ и водосвятіе на рѣкѣ. Съ этого дня начинается спасовскій постъ. Это и есть: «спасука-ласука». Кромѣ того, что теперь въ каждомъ дворѣ есть свой собственный новый хлѣбъ, уже и картошка поспѣла—маладая янажъ смашна. На грядкахъ и буракъ и капуста и гурій у гародниковъ ни па чѣмъ. Теперь уже дѣлають холодецъ изъ свеклы и кропать туда огурцы. Это довольно вкусное блюдо. А кййки ²⁾ пареные развѣ не харчъ, благодареніе Господу Богу! Затѣмъ нѣкоторые нажали и намолотили ячменю. Бабы скорѣй натолкли въ ступѣ ячменныхъ крупъ, прапылали ихъ въ ночвахъ и наварили ячменной каши (жидкй супъ).

Надо замѣтить, что всѣ эти столь лакомыя кушанья приготавлиются тоже нищинныя», т. е. ни съ чѣмъ, по той причинѣ, что «у спасоуку» малоко и сало—грѣхъ ѣсць, а алѣю яще нема.

6-го Спасъ—Преображеніе Господне. Приносятъ святить въ церковь жито и яблоки. Бабы до Спаса не ѣдятъ яблокъ, особенно тѣ, у кого есть умершія дѣти, а то въ этотъ день: «тамъ на нѣби дзицьенку ни дадуць яблачка, штобъ матка да спаса няѣла».

15-го Первая Прячystая. (т. е. Успеніе Богородицы). День разговѣнъ. Ѣдятъ больше молочное, или съ саломъ свиннымъ. Во всеобщемъ употребленіи «маканья», т. е. горячія ржаныя пампушки, облитыя творогомъ со сметаню.

18-го Храды-й-Лауры т. е. Фрола и Лавра. Этотъ день чтятъ, и въ нѣкоторыхъ селахъ устроены храмы во имя этихъ святыхъ.

29-го Усѣкновение главы Іоанна Крестителя. Постъ; не ѣдятъ фруктовъ, которые ниѣють подобіе головъ.

¹⁾ Осуждене. ²⁾ Кукуруза.

Въ среднихъ числахъ Августа живо приходитъ къ концу. Вотъ настаетъ моментъ, когда какая нибудь семья дожинаетъ послѣднее жито.

«Пакинуцъ на бараду!» Командуетъ старшая. Серпы торжественно окладываются. Всѣ становятся передъ недожатымъ мѣстомъ, бьютъ земные поклоны, прочитываютъ повседневныя молитвы, и затѣмъ старшая невѣстка сжинаетъ оставленную бараду въ одинъ снопъ, на корнѣ оставляютъ три колоска и завязываютъ ихъ красной ниткой и снова благоговѣнно молятся. Подъ конецъ зарываютъ тутъ же краюшку хлѣба съ слѣдующими словами:

Наука, ниука, атдай сваю силку
На ниву—гнаѣкъ,

На скацинку—лаѣкъ, ¹⁾
А намъ на добрая здароуа.

Во время крѣпостничества, да и теперъ въ большихъ экономіяхъ жницы изъ послѣдняго жита плетутъ вѣнокъ и торжественно несутъ его къ владѣльцу помѣщику или управляющему съ пѣснями:

А мы свайму пану
Учиили славу:
Усѣ жыта пажали
И у копы паклали,
Аткутайца вароты,

Идемъ мы зъ работы,
Раставляйца сталѣ цясавые,
Вынасица миски, тарелки
И на чарцы горэлки

(Заучено мною въ 1858 г. со словъ дворовыхъ).

У добраго пана за вѣнокъ полагалось угощеніе. На собственномъ же полѣ крестьянамъ некогда заниматься этими пустяками, они несутъ снопъ домой и стлавятъ его на покугѣ, потомъ обмалачиваютъ и прячутъ зерна къ слѣдующему году, чтобы 6-го Августа на Спаса освятить его и святымъ житою засѣять первую полосу.

Обжинки—это такое радостное хозяйственное празднество, что его требуется чѣмъ нибудь ознаменовать: вогъ къ вечеру въ этотъ день и принято печь ситные пироги съ кашей или картофелемъ. Но какъ ни просто это кушанье, на повѣрку оказывается что оно не по карману земледѣльцу въ данное время, именно потому, что всегда жито дожинаютъ въ спасовъ постъ, когда по деревнямъ «вима ни росочки алѣю, а пирэги ницииные, якавы йены». Такимъ образомъ оказывается, что нужда и обычай измѣняютъ.

Однако и послѣ обжинокъ бабской спицѣ нѣтъ отдыху: треба жаць ячень, авесь, прѣса, гречку качаць и затѣмъ приступать къ прочимъ осеннимъ работамъ.

Въ погожую осень поютъ онѣ на работахъ осеннія пѣсни, въ родѣ того напр.
Грэй, грэй соньяйка
Ни на лѣтняму,

Люба паринь дзѣвачку
Ни на прѣжнэму

(с. Разсухи въ 1899 году, отъ 18-лѣт. дѣвки).

Осеннія работы въ деревнѣ всегда одна спѣшитъ другой. Пойдутъ ли дожди, хозяйнѣ: «Божа жъ мой, гречачка у поли пагнѣецъ, а йета жъ самая надежная харчъ и скацины и сабѣ. «Житныя и яровныя копы бьютъ въ полѣ чужіе кони,—некогда перевезти на гумно, потому что «хлѣбъ ни атсѣянъ».

Но вотъ проглянуло солнышко, стало на пагоду, и задвигался, закопошился народъ въ полѣ, какъ молки. Везутъ, несутъ, тащутъ зимніе запасы въ дворъ, какъ мурашки къ муравейнику, а все для того, чтобы было что «въ лѣвую рѣку взять ²⁾».

Весь Августъ, начиная отъ Спаса (6-го) и пашутъ и сѣютъ хлѣбъ къ будущему году и не мало положить труда и прольютъ пота, прежде чѣмъ вскопаютъ свое и примитивной сошкой всю эту площадь, видимую глазомъ на горизонтѣ. Но вотъ наконецъ бросаецъ онъ послѣднюю горсть сѣмянъ въ землю, забараниваетъ и многотрудному дѣлу колець. Кладетъ онъ на своемъ полѣ двѣ горсти соломы крестомъ, накладываетъ камушки, чтобы вѣтеръ не сдулъ, снимаетъ шапку и усердно молится: «зарадзи, Божа, и на крадящаго и на прасящаго и на усякаго добраго чаловѣка».

¹⁾ жиръ. ²⁾ въ лѣвой рукѣ хлѣбъ, а въ правой ложки.

Это—обработки, весьма радостный праздник во дворѣ.

На обработкахъ къ «вечерѣ пякуць пироги ржанія, рѣжуць бранчыка бюруць съ кварту водки и завудць свайныхъ хорошихъ сусѣдзей.

Такъ какъ осенью народъ сыгъ, то и пѣсни то и пѣсни раздаются гораздо чаще, чѣмъ весной.

Налаяцъли журавы
Изъ чужыя стараны,
Съли, пали на ралыи ²⁾
Да—ѣ расказавали:
Сягò лѣта плохій годъ,
Шлоха жыта, пѣдха арь.
На ранняямъ жыци
Да жанцы жнуць,
А на познаямъ
У косы бьюць.
Дурный бацька

Горя майо вялкая,
Зъ горя ножачки ня хѣдзюць,
Ручки дзѣлячка ня рѣбюць,
Мянѣ дзѣвочку здурѣли,
Съ илечъ галовачку звалили,
Зъ бѣла лица красачку змянили.
Мянѣ милый пакидѣя
У дарѣжку атѣжджѣя,
Якъ вышла я у чыста поля

(с. Жуково, Мглинского у., со сл. 40-лѣт. женщины, въ 1896 г.).

Съ весны крестьяне наши ходятъ на заработки на Донъ. Осенью возвращаются, и не рѣдко жена или невѣста вмѣсто своего милаго получаютъ вѣсть о его смерти ²⁾. Оттого слѣдующую пѣсню поютъ непременно «падъ восень».

Шуме гуде залѣная дубрѣдка,
Плача и рыдая маладая удоука.
Уси зъ Дону идучъ,
А майго милаго каня вядучъ.
Пайду, пайду, каня разсѣдлаю,
Пра свайго дружка распытѣю.
Охъ ты, конь мой, сивогривый,
Скажи прауду, йдзѣ мой милый?
Твой милъ убитый ляжыць,
У правой рѣцѣ хрестъ дзяржыць,
Лѣваю вадѣ набирая

(Со сл. 25-лѣт. женщины, дер. Шапочка, въ 1896 г.).

См. Шейнъ, Бѣл. пѣс., т. I, ч. 1, стр. 479, № 590.

Дурнямъ стѣу,
Што другую жѣнку узѣу.
Йонъ съ перваю дзяцей мау
А зъ другою разагнау.
Ходзя бацька па дварѣ,
Нахилишы галавѣ,
Живи-жъ, бацька, якъ Богъ дау,
Кали дзяцей разагнау,
Якъ будзешъ ты памираць,
Ня пойдзимъ мы пaminaць.

Ляциць голубъ сизакрылы
И пытае: йдзѣ твой милый?
Мой миливкый на рабѣци
У сахарнамъ у заводзи,
Идзѣ днѣу, йдзѣ начѣу
Возьмя тапоръ, да-й-майстрѣу.
Йго хазяинъ панука
И хазяйка наругая,
Усѣ треба цяргѣць.

Да на серца паливая,
Таварышу рѣчи размауляя—
Таварышу, рѣдныи брѣцику,
Якъ пойдзешъ ты на маю староначку,
Наказы ты майму роду,
Ни такъ роду, якъ майой жанѣ,
Маладой удовачки,
Нехай яна мянѣ не ждже!
Нехай замужъ идзе,
Пакуль мянѣ даждеца,
У волю у свѣци нажывеца

Уси луги и Салопики вада паянлѣ,
У садзи игруша, яблани цвѣтамъ зацвила,
Тѣй парой, у тѣя уремъячка мянѣ маци
А, радзишы, магухна дѣли ни дала,
У тую старонку незнакѣмую,
У тую сяжью ни выселую.

¹⁾ паренина, т. е. смѣна подъ паромъ.

²⁾ это конечно старая казачья пѣснь, тутъ же и конь говорить. Ред.

Якъ скинусь я, малада, сѣрай зязюляй,
 Палачу я, малада, у сваю старонку
 Сяду я, малада, у бацькаваць садочку,
 Да закучаю зязюличкай сѣрай.
 Родны мой бацюшка
 Па сѣнямъ ходзя,
 Навѣстусаць, ластусаць пабуджаі
 И къ садзнику прыслухаіцца.
 Што-й у нашамъ садзнику
 Жалабно пяюць
 Ци саловьюшка, ци зязюля сѣрай?
 Болшой братъ кажа: пайду падстраляю

(д. Жуково, Мглин. у. со сл. 45 лѣт. женщ. въ 1895 г.)

Што-й за гаець зияленекимъ
 Брала дзѣўка лёнь бялёнкій,
 Яна брала, къ сырой зямля прылягала,
 Горьки слёзы праливала:
 Охъ лёнь, мой лёнь ты бялёнкій,
 А хто-жь цябѣ сѣйну? мой миленькій

(д. Невзорова, Стародубскаго у. отъ 55 лѣт. женщ. въ 1896 г.)

Мядуница, мядуница луговая!
 Чаго ни цвѣдешъ па усѣмъ лѣзи, па зя-
 лёнамъ?
 Якъ жа я буду цвѣсть па усѣмъ лѣзи,
 Мошки цвѣдзю абъядаюць,
 Вады корни падмываюць,
 Маладзца, маладзца маладая,
 Учомъ ня ходзіць на вулицу на шы-
 року?

Якъ жа мнѣ на вулицу хадзіць

(с. Лупеки, Стародуб. уѣзд. со сл. 40 лѣт. ж. въ 1899 г.)

Па полю, па полю
 Полю чыстаму
 Тамъ бягуць, бягуць
 Вауки сѣрыя,
 Насуць галаву чалавѣччу.

(с. Кожемяки, Мглинскаго у. со сл. 18 лѣт. дѣвкы въ 1896 году).

Въ с. Гарянахъ, Мглинск. у. поють какъ бы продолженіе вышепомѣщенной гѣ-
 сни, записано въ 1899 г. отъ 19 лѣт. дѣвкы.

Братъ кы бережку йшоу,
 Сястра патанула,
 Рѣчы мовила:
 Ня пи, брацець, зъ моря вады,
 То усѣ кроўма
 Ня ѣжъ, брацець, зъ моря рыбы,
 То усѣ цвѣла майо.

Середній кажа: пайду пагляджу,
 Мязёный кажа: пайду лой скажу:
 Кали салавейка—вылятай съ саду вонъ,
 Кали наша горькая—хадзи къ намъ на
 дворъ,
 Сядзь ты горькая за тасовый столъ,
 Расскажи ты, бѣдная, пра сваю жыцьцѣ.
 Радзінный мой бацюшка, што я вамъ скажу
 Зелень лѣсь, дубровачка бизъ вѣтру шу-
 мнѣ
 Чужый ацець—маць бизъ пары жўрюць.

Парнишачка маладзёнкій,
 Чую, чую я нядолинку сваю,
 Што ня быць яму у дамѣ,
 А быць молайцу у някруцкамъ у наборы
 У салдацкамъ у прыборы.

Што свикруха кажа—сакатуха, растапанца.
 А залдука кажа—лидѣчая пахмурница
 Свекаръ кажа—мядвѣдзца лисавая,
 Милый кажа—маладзца маладая.
 Сарока сакатуха па падъ колыю,
 Растапанца дачка у бацьки,
 Пахмурница—цѣмна ночка цямносинька,
 Мядвѣдзца у цѣмнахъ лѣси цямносинь-
 кошь.

Тамъ па морю, морю синяму.
 Тамъ лижаць брусy,
 Брусy цѣсаннны,
 Што-й па тыхъ па брусакъ
 Братъ съ сястроу йшоу.

Ни каси брацець травѣ,
 То кася мая,
 Ни ламай калины,
 То краса мая,
 Ни щипли смародзины,
 То дзавоцина мая.

Сентябрь.

6-е «Чуды», т. е. Чудо св. Архистратига Михаила. По церковному уставу праздника не полагается, а потому священникъ никогда объ этомъ днѣ и не напоминаетъ прихожанамъ. Но народъ своихъ собственныхъ излюбленныхъ праздниковъ никогда не забудетъ.

Память неграмотнаго крестьянина есть самый точный и вѣрный календарь праздниковъ текущаго года. Крестьянинъ ведетъ свое счисленіе времени недѣлями и хоть за полгода и болѣе онъ вамъ расскажетъ, въ какой день недѣля будетъ извѣстнаго ему святого, когда заговѣнье, длиненъ ли мясоѣдъ, сколько недѣль Петровки въ этомъ году. Особенно бабы, эти архивариусы всѣхъ предрасудковъ, никогда не ошибутся въ своихъ вычисленіяхъ, и заранѣе всегда объявятъ: «што у чацвѣргъ будуць чуды».

Причины празднованія слѣдующія: кромѣ боязни градобитія у крестьянъ есть еще стихійная боязнь огня и пожара; вотъ и придумали они себѣ праздникъ: значить, нельзя сунуть овинъ, молотить: «Божа храни, нильга тапиць печку да восхода сонца, а то агонь, выдлатая съ печи, свача па хаці, ажны чутна якъ вымауляе: чуды, чуды, чуды. Тиды ужо, якъ хто йосць у хаці, треба стишицца и утанць духъ. Агонь пагуляя, пагуляя, да назадъ у печки и пойдзя. Такъ и на гумнѣ бывая, хто асмилицца у йстый дзень цяпло класць».

Въ нашихъ мѣстахъ, хотя рѣдко, но можно еще найти остатки преданія о поклоненіи огню. Въ д. Выстриковѣ, Стародубскаго уѣзда еще недавно умеръ старикъ, который «непрямѣнно клаушы цяплѣ падъ авинъ, пирядъ тымъ якъ запалиць агонь свинау шапку и хрестница и кажа: .. да а Бог-дра». Если вамъ удалось бы вызвать его на откровенность, то на вопросъ, кому ты говоришь: дай Боже здравствовать? онъ отвѣтитъ: «Каму? Перуну, съ агнемъ ни валикія шутки! Такъ старые люди дѣлали, и насъ навучили, штобъ благапалучна былѣ съ агнемъ, а то крый Божа чаго и гуменца старыць».

Возлѣ деревни Галибисова, Стародубскаго уѣзда есть мѣсто, усыпанное курганами, гдѣ крестьяне находятъ иногда изъ чернаго кремня предметы, выдѣланные на подобіе плоской ложки съ заостреннымъ концомъ. Они называютъ этотъ предметъ и «грамовая стрѣла». Если ее сохранять въ дождь, то въ хозяйствѣ и во всемъ прочемъ будетъ великое счастье: «багатства будзя низводная», при одномъ только условіи, если только стрѣлу хранить въ тайнѣ и никому не показывать.

Что преданіе о Перунѣ и богѣ грома живетъ еще и теперь, видно изъ слѣдующаго предрасудка, въ связи съ христіанствомъ: для того, чтобы водились пчелы, слѣдуетъ изъ дуба, разбитаго громомъ, сдѣлать крестъ и поставить въ пасѣкѣ.

Когда послѣ свадьбы везутъ молодого съ молодой, то передъ дворомъ раскладываютъ огонь, друждѣ съ помощью прочихъ бояръ тянутъ коней и телѣгу съ молодыми непрямѣнно черезъ огонь, чтобы имъ Богъ послалъ благополучную жизнь.

8-е Другая Прячмытая, т. е. Рождество Пресвятыя Богородицы.

14. «Здвигъ» Воздвиженье Креста Господня. Въ этотъ день «уси гады, змѣй и вузы, здвигаюцца умѣста ¹⁾ и хаваюцца у землю: послѣ йетаго дня у ясу ни пабачышь ужо ни воднай гадзины».

26. Іоанна Богослова.

На храмушчыни

(на восанні).

Не смотря на усиленные работы, осень для крестьянина — самое благоденственное время года уже потому, что онъ всегда сытъ: хлѣбъ пока не покупной, послѣваецъ вся городина, садовина. Подростають ягнятки, такъ что «кой кали даводицца и мясца спробываць».

¹⁾ Вмѣстѣ.

Оттого они и любягь назначать престольные праздники храмовъ, непремѣнно осенью: Храмовщину празднуютъ два, три дня.

Наканунѣ, среди села варятъ въ казанѣ «брашнй»¹⁾ медь. Въ каждомъ дворѣ рѣжутъ барана или подсвинка. Съ окрестныхъ сель прѣзжаютъ гости.

Однако, по заведенному порядку и обычаю и до сихъ поръ: «бизъ гарелки и праздникъ ни у праздникъ», а потому ее пьютъ во храмовщинѣ, не мѣривши.

Самыя дорогія гости—это выданныя въ чужія села замужнія дочки, которыя «паспыташы нужды и ни салодкай жысци у чужой сямѣ, ляцяць якъ птушачки у бацькоу дворѣ».

Это для нихъ самый свѣтлый, самый радостный и желанный день въ году.

Про пѣздку въ праздникъ къ батькѣ, поетъ она даже пѣсню:

Што-й спядъ лѣсу, лѣсу цѣмнаго
Выхадвила туча грозная
Сы дажджамы, сы марозамы,
Сы валикими прыгрозамы.
Той парюу, у йета урѣмъячко
Дочка къ бацьки у госця вхала
Яна вхала, ни да вхала,
Сарѣдъ лѣсу стана вѣлася,
Яне лошады стара пѣлася,

И павѣзка абла пѣлася.
Якъ падъ кусникамъ яна садзилася,
Съ салавѣмъ яна раду радзила:
Саловьячка, дробна пташачка,
Ты ляци у маю старонку,
Наказы майюу бадошпы
Й роднай майной магушпы,
Што бяда са мной прыключылася.

(с. Росуха, Мглинск. у. въ 1898 г. со словъ 25 лѣт. женщ.).

Слѣдующія пѣсни поются также на храмовщинѣ:

Васѣлая басѣдчачка,
Идзѣ татухна пѣе.
Йонъ пѣе, йонъ весель,
Радзіймый мой,
А за мной маладой
Паслѣу шлѣ.
А я маладзюсинька

За вѣцямы, за гусямы
Забарылася.
Доуга вѣтки, гусачки
Па биражку пахаджывали,
Халодную вадзицу прыкѣшавали,
Зяленую травачку пащипавали.

(д. Жуково, Мглинск. у. въ 1895 г. отъ 40 лѣт. женщ.).

Пицца, дзѣвки, мѣдъ, гарелачку,
А я буду вадѣ пицца,
Што-й у свѣци бѣдному
Да-й худа пращыць.
У майго татухны
Да усѣ жыцьячка рѣдзя,

А у мянѣ у бяздѣлнай
Кукалина да мятлина.
Трѣба мнѣ жыта жаци,
Кукалину выбираци
Да-й зъ нялюбымъ вѣкъ каратаци.

(Отъ той же въ 1895 г.).

Наварѣу брацець салодкаго мѣду,
Заввау сястру багатую,
А убѣгая сама прышла
Багатую пасадзѣу на пѣвучи,

А убогую на прыпечку,
Багатую мѣдамъ частѣу,
Низванная вадѣцу пѣе.

(Отъ той же въ 1895 году).

Охъ вы, столики майе, вы цясовенькіе, Кали хлѣбъ пушѣнѣ—яг вѣпалаю,
Охъ вы, госпяйки майе, вы люббуненькіе А хазяинѣ ни вясель, у яго прауды вы-
Да чаго жъ вы садзицьѣ, пытаю.
Хлѣба—соли ни вясельѣ,

(Отъ той же въ 1898 году).

¹⁾ Отъ слова брашна. т. е. общество, гдѣ есть храмовой праздникъ.

Ой што-жъ то за гадѣйна,
Што свой свайго ни навѣдзя.
Мужъ ня любя жани нядужня,
Братъ сястры убѣгнѣ.
Прышла сястра къ брату у госци,
Якъ ступила на калитачку,
Брацецъ глѣнуў у кватѣрачку, —
Прымай, жана, абвѣ са стала

(Отъ той же въ 1895 г.)

Ой шумъ, драка да на вѣлицы,
Пайду, брадцы, я паслѣхаю—
Сынъ зъ маткай боля брѣнюци,
И онъ брѣница, съ двара гоня:
Идзи, матка, зъ майго двара,
Ужо ты мнѣ надокучыла,
Жану маю ты высушила,
Майнхъ дѣттакъ пазнабила.
Пашла матка зъ двара плѣчучы,
На цапчыкъ ¹⁾ папирѣючысь,

(с. Росуха, Мглин. у. со сл. 60 лѣт. жен. въ 1895 году).

Разгарѣлася калина
Пирядъ сѣньняйкомъ стѣючы.
Расплакалась дачушачка
Пирядъ татухнай стаючы—
Татухны та мой рѣдненкѣй,
Ни жалѣй ты сындѣ—сакалдѣ,

(с. Жуково, Мглин. уѣзд. со сл. 30 лѣт. женщ. въ 1897 году).

Съ вѣлицы, съ пирявулачку
Саколъ вылетау,
Зъ другѣго съ правулачка—сакалдѣ.
Дачкѣ бацку праваджжала,
Слязьмы плакала,
За слязьмы дарожки ни бачыла,
За узрыдѣньнямъ славечка ни пра-
мѣувѣла.

Во, табѣ, бацюшка, праважаньяйка,
Цижалѣя уздыханьяйка,
Нешта табѣ, татухна, ни жалъ мянѣ,

(Отъ той же въ 1897 г.)

Ни увазнала мая маць,
За каго мянѣ атдаць.
Атдала мянѣ маць
За горькаго пѣяницѣ.
Пѣецъ пѣяница нядзѣлю,
Пѣецъ пѣяница другѣю,
А я зъ йимъ гарюю.
Паслала мянѣ маць
Пѣяничаньку заганыць.
Якъ ударыу мянѣ разъ,
Пакаццѣлись слѣзы зъ глазъ.
Якъ ударыу у другѣ,

(Отъ той же въ 1897 г.)

Идзѣць жъ намъ сястра мая.
Госця нѣта пачула,
Цижалѣнька уздыхнула, да я за-
плакала—

Ня бойсь, брацецъ, ни лякайся,
И съ абѣдажъ ни хавайся,
Да цабѣ я прышла ни абѣдацѣ,
А хацѣла цаби я атвѣдацѣ.

Слязьмы абливаючысь,
Идзе поле, лдзе другѣя
И усхѣдзя яна на дарожку.
Шуме, гудзе шляхъ дарожка
Сынъ за маткай на вѣдаговъ ѣдзе—
Вярнѣсь, мая мамухна, назадъ дамѣю,
У мянѣ у дварѣ ницасцяйка,
Здохъ у мяне конь вароньй,
А жана мая у блудъ панѣла,
А дѣттакѣ по мѣру.

Пажалѣй тваю дачушачку,
Я дачушачка—гарюшачка
У бацьки жыла, гѣря бачыла,
Замужъ пайшла—ще—й—пагѣрѣла,
Журбы-кляпату ²⁾—ще—й—паб-
лила.

Ци ни знайдѣшь, якаво за пѣянымъ
быць,

Пѣецъ пѣяндѣга—ни упивайница,
Прыдзя дамѣю—надругѣяйница,
Пасѣць майго цѣла бѣлая,
Падрау майго плѣцця цвѣтная,
Пабну майѣ галѣвачку буйную,
Падрау маю кашулю крамяную
И надъ вѣнажъ майнѣ надсѣм-
хайница.

Скаццѣлася зъ дарѣги,
Прадѣю жъ мой, прадѣю,
Прапала жъ я съ табѣю.
Прапѣю вана и сядло,
Прапѣю майго усѣ дабрѣ,
Прапѣю валѣ и карову,
Прапѣе й мяне чарнабрѣву.
— Пѣльна, мѣла, галасѣць,
Идзи печку тапѣць.
На што мнѣ яѣе тапѣць,
Кали вѣчаго варѣць.

¹⁾ Палочку.

Што-й на дварѣ дожджыѣ
 Пациссеньку рамоня.
 Вратъ зъ братамъ гамоня—
 Мы паѣдзимъ, брацець,
 Къ сястрѣ у гosci,
 Якъ атдѣли—ни видѣли.
 Падѣжджаюць къ новымъ варотамъ,
 Систра па двару хѣдзя,
 Варанга каня у рукахъ вѣдзя.
 Ёдучъ гosci дарагя,
 Два майѣ браты радныѣ.
 Падажжыце, майѣ браццы,

(с. Жуково, Мгл. у. въ 1894 г. со сл. 45 л. жон).

Харашо таму у свѣци жыць,
 У каго на серцы пичали нѣтъ,
 У галавѣ заботушки,
 У рязывамъ сѣрцы—азнобунки.
 Вышла замужъ зи наудалаго,
 Узяу йонъ мяне, якъ рябиначку

(д. Невзорово, отъ 30 л. женщ. въ 1894 г.)

На праходзи вяселныя дни,
 Наступають тѣмныя нѣчы:
 Темна нѣчка—дѣвкамъ сухатѣ.
 Сѣша жѣря шарень дѣвицу:
 Скажы, дѣвачка, прауды ни патѣй:
 Вѣрна любяшь, али, дѣвучка, нѣтъ.
 — Люблю, парень, одного тебе,
 За то жъ я люблю, што близка жывешъ,

Стародубск. у., с. Михайловскъ отъ 20 л. дѣвицы.

Пайду къ миламу спрашуся.
 Устань, милый, прабудзися,
 Ёдучъ гosci дарагя—
 Два майѣ браты радныѣ.
 — Атступися, ня любая,
 Миѣ твайѣ браты ня любы.
 Идзе сястра съ цирамѣчку,
 Смыла слѣзы, якъ зъ рукавочка,
 Ёдзья навадъ, майѣ браццы,
 Ни кажыця аццу—мацы,
 Што вы у сястры пабывѣли,
 Хлѣба соли ни видѣли.

Ссупшѣ, жжурѣу на былиначку
 Сама млада я у грѣхъ пайду,
 Цябе, сувина сына, иссушу и жжурю,
 Ссупшѣушы, ижжурѣушы,
 У гробъ палажу.

Харошо хѣдишь:
 Салѣжачки ў тебе на рыпѣхъ,
 А вѣлинь каштанъ увесъ на твитахъ,
 Пухѣвая шляпа съ паулинымъ пя-
 ромъ,
 Пирчаточки щѣ чыстымъ сирабромъ,
 А самъ ты, дружѣкъ, чарнабрѣу.

Октябрь.

Въ этомъ мѣсяцѣ мало праздничныхъ дней, только 1 числа «Павру Прясвятны Багародзицы».

До глубокой осени крестьяне этой мѣстности заняты уборкой конопли. Въ ихъ хозяйствѣ это единственный продуктъ, который идетъ въ продажу и приноситъ отъ 25 р. и до 50 р. доходу. Богачъ же получаетъ по сотни съ конопли и пеньки. Но вѣдь это почти весь его годовой доходъ. Надо расплатиться и съ тѣми, у кого «пазычыу васной на хлѣбъ», и въ казначейство внести «падымелныя» и проч. казенныя недоимки и прожить съ семьей на эту сумму круглый годъ.

Впрочемъ, сверхъ того иной (не изъ бѣдныхъ), конечно, имѣеть еще рублей на 10—15 овса, которымъ не балуетъ своихъ влячъ, а блюдетъ на продажу къ веснѣ.

Вратъ коноплю, т. е. дергать ее изъ земли, есть по истинѣ моволевый трудъ. Корнями своими она крѣпко и прочно держится въ почвѣ, а потому отъ напряженія при выдергиваніи, на ладоняхъ появляются зеленныя полосы, которыя при дальнѣйшей работѣ углубляются и превращаются въ трещины.

Вранѣ конопли исполняютъ большую частью руками жѣнщинъ; и чего только нѣтъ на этихъ рукахъ: и жозолы и лишны и рубцы! И этияп руками копаеть она каждое утро картошку «на ѣмъ»¹⁾, отчего трещины заполняются грязью; грязь на-

¹⁾ На ѣду.

долго вѣдается въ тѣло: рубцы припухаютъ, а держать ихъ въ чистотѣ некогда, надо цѣлый день стоять на ногахъ у конопли. Холодъ, вѣтеръ; осенняя мгла знобитъ тѣло; но забираться въ теплую хату еще «ня приспѣла урешъячко, треба барджѣй халацца браць, а то банапелька дывицца ¹⁾, а тутъ яще на жотыхъ дняхъ свишны упадзись ²⁾ у картошку, цѣлый канецъ узрыли ни знаиць што и халыць, ци бульбу, ци канопли».

Работаютъ до поздней зари, такъ что иногда не успѣваютъ вечеромъ перевести вырытую «картошку» домой, а между тѣмъ наши селяне хватки на руку: ничего не клади плохо, а потому сосѣди называютъ это село «воровская Расуха», въ отличіе отъ деревни Расухи, находящейся въ Стародубскомъ уѣздѣ.

По поводу кражи картофеля, казакъ Емельянъ Кобановъ недавно (въ 1898 г.) «выгадау» ³⁾ пѣсню на манеръ салдацкой:

Ты Расуха, ты Расуха,
Маць расуськая зимля.
Пра цябе, ты, маць Расуха,
Далёка славачка пошла,
Далёка славачка пошла
Пра Платона Казака:
У Платона Казака
Да случылася бѣда;
На вѣзінькай на палосцы
Никапау йонъ мѣхъ картошки,
Да пѣзняя зарі капау,
У дворъ яе ни забрау
Да заутрыга оставау.
На заутрыга вичаркомъ

Бдзя Платонъ за мяшкомъ,—
На вузінькай на палосцы
Нѣтъ ни мѣха, ни картошки.
Платонъ дамоу вараццуса
И жъ жѣнкаю пабранцуса,—
Ахъ ты, жонка, ты, Вуспѣйка,
Што-й капа́ла, то пропала,
Ну цяперъ будзѣмъ капаць,
Да зараншы дамоу браць,
Пазараншы да вазѣць,
Людзей у грѣхъ ни увадзѣць.
Глупая мая башка,
Што—й ни узду учора мяшка.

(с. Росуха; сочин. 20 лѣтъ хлопца 1898 года).

Родичи.

«Тирязь ⁴⁾ тры нядзѣли отъ Пакравѣ дни ходзюць родичи», т. е. поминальная суббота.

Родичи—это бабская эра, отъ которой онѣ ведутъ свой умственный календарь праздниковъ, отсчитывая время недѣлями.

Въ этотъ день служится общая заупокойная обѣдня и крестьяне посылаютъ въ церковь паняхвуду, т. е. четыре сковородницы ⁵⁾ и чарочку меду.

Собственно въ церкви мало народу въ этотъ день, но вѣ поминаютъ родичей дома, по своему или вѣрѣте, по язычески справляютъ тризну вѣдоу.

Еще до свѣта (очень рано) каждая хозяйка вытапливаетъ хату и «гатуя дванадцать страу ⁶⁾». Бдва развиднѣеиць, ѣдятъ блины съ саломъ и прочими приправами и такъ плотно наѣдаются, что уже до вечера не обѣдаютъ, и на весь день мужчины отправляются пеньку мочить или запасаться на зиму дровами, а къ сумеркамъ каждый спѣшитъ «у дворъ паминаць рѣдичовъ» съ великимъ апшетитомъ.

Собралась вся семья въ хату, на столѣ бѣлая скатерть, зажженная восковая свѣча, а у мисцы канѣвъ или кѣлево, т. е. медовая сыта и туда «пакрышано баранькоу или будки». Прежде немного помолятся за впокой душочки нашихъ радиталеу», а затѣмъ, каждый по очереди съѣдаетъ ложку кѣлева.

Всякая хозяйка строго на строго придерживается очереди, «якую страву за якѣй падаваць, такъ ужѣ ни намы заведзьяно, ни намы и кончицца», говорятъ они.

¹⁾ Не пришло время, нужно скорѣй торопиться брать канапельки будетъ высматываться зерно. ²⁾ утравились. ³⁾ выдумаль. ⁴⁾ черезъ. ⁵⁾ плоскія ржаныя лепешки. ⁶⁾ страва—жушанье.

И такъ перво на перво «падаецца канунъ¹⁾ затымъ—каравайцы²⁾, апасля йстаго кулѣшъ съ саломъ³⁾, 4-е каўбаса, 5-е лапша, 6-е картошка зъ падъ гавядзіны, 7-е гавядзіна жарыная, 8-е застыль⁴⁾, 9-е жидкая каша съ гавядзінай, 10-е борщъ, 11-е малако, 12-е густая каша съ масламъ. Кашей обязательно заканчивается поминальный обѣдъ, оттого она и называется у нихъ «каша —разганйша».

«У йетый дзень гадйца выпіць па чарцы гарэлки за упакой радзителявъ, а у протчамъ якы у каго дастатки, калі у каго нема на што купиць—абойдуцца й-такъ. Иджа сказана: па змаві конь вязе».

Въ этомъ мѣсяцѣ, управившись съ уборкой на огородахъ, бабы начинаютъ правіць (убирать) варива, т. е. скоблить и квасить бураки на зиму.

«Жодная перва на перва агледзі (смотреть) мѣсяца, а то якъ паставіць на схадѣ ці на трецьцяй надзѣлі, усѣ чыстюсинька шагніе, памнее».

Есть изъ нихъ впрочемъ и передовыя, которыя говорятъ: «якъ я ни знаю калі тэй сходъ, калі маладзійкъ, да сдѣлаю усѣ по хазайскы, якъ слѣдъ быць, ды у мянѣ усѣ удашна и смайша и ниволи ничагусинька ня гніецъ».

Вообще относительно луны можно сказать, что нерѣдко и теперь сказываются остатки древняго обоготворенія этого свѣтила. Напр. увидѣвши новый мѣсяцъ на небѣ, крестьянинъ непременно снимаетъ шапку и благоговѣйно перекрестится.

Мать поучаетъ своего ребенка такъ: «ни паказваай на мѣсячка²⁾ палцамъ, грѣхъ! укуси трохи палца!»

Еще при первомъ видѣ луны, невѣста останавливается и говоритъ:

Маладзійкъ маладзій,

У цябе рогъ залазый

Ты пасвѣту хѣдзый.

Няуждъ ты майго милаго ни бачышь.

Найдзі жъ ты яго,

Прывядзі жъ ты яго,

Съ камъ мнѣ вѣкъ вѣкаваць

Штобъ мнѣ тагѣ у ва снѣ навидѣць.

(С. Старое Зацубенье, записано въ 1867 году со словъ 20 лѣт. женщины).

И въ это время беретъ изъ подъ правой ноги землю, ложась спать, кладетъ ее подъ подушку и ожидаетъ въ сновидѣнны суженаго.

Чтобъ зубы не болѣли, увидѣвши первый разъ луну, говорятъ:

Маладзійкъ, маладзійкъ,

На табѣ зубъ дубяній,

А мнѣ дай стальній.

(отъ той же въ 1867 г.).

Въ концѣ Октября и въ первой половинѣ Ноября бабы заняты прядевоми: мочать въ сажалкамъ посконни, стелать по долинамъ лёнъ, потомъ сушать все это въ баняхъ и мнуть, чтобы зимой было, что прастъ. Это ихъ послѣдняя работа на стужѣ: осень начинаетъ склоняться къ зимѣ; небо грозитъ снѣговыми тучами. Поэтому «жѣдная паспшыа управица къ Пилипавскимъ загавинамъ» (14 Ноября).

Къ этому дню «ужо и сѣдтъ стау на мѣсци», т. е. его больше не говяють на пашу. «Мужчины яще паруюцца калі пеньки, а бабы ужѣ паставили гребни и прядуць у цеплай хаці». Наконецъ то онѣ отогрѣлись «накалѣушисъ (замерзшисъ) на кандпляхъ».

Такъ какъ дни въ это время года слишкомъ коротки, то крестьяне встають съ первыми пѣтухами.

Старикамъ и пожилымъ «руцатливымъ (заботливымъ) людямъ важно (тяжело) воротать долгія ночи. «Прашнесья, и думайшь якъ пражыць, чимъ пракармицца, ужо и боки забалаць ать ляжнн, покуль пѣуни папѣли».

Молодежь же наоборотъ: ее трудно разбудить: съ молоду сладко снится

¹⁾... Канунъ — медовыя сыта съ накрошенными туда бубликами или булкой.

²⁾ Прѣсные гречневые блины. ³⁾ жидкое тѣсто изъ гороховой муки жарится на сковородкѣ.

въ ночи и на зарѣ. Жутко покидать согрѣтую постель, оттого за пряхей и «дремлется ей младѣшенькой».

Тогда она принимается пѣть:

Пряду, сакѡчу, ¹⁾
 Спащачки хѡчу,
 Палажу я галѡвачку
 На свекраву падушачку,
 Ци ня падрямлю.
 Свекарь вдець,
 Якъ буря гудець:
 Санливая, дрямливая,
 Нявѣстачка наша.
 Пряду, сакѡчу,
 Спащачки хѡчу,
 Палажу я галѡвачку
 На свякрусиу падушачку,
 Ци ни падрямлю.

Свякруха бяжыць,
 Якъ каршунъ ляциць:
 Санливая, дрямливая,
 На работу лянивая,
 Нявѣстачка наша.
 Пряду, сакѡчу
 Спащачки я хѡчу.
 Палажу я галѡвачку
 На дзевярэву падушачку.
 Ци ни падрямлю.
 Дзеверь шумиць,
 Якъ сѡкаль ляциць,
 Васѣлая, харѡшая,
 Нявѣстачка наша.

(с. Росуха, Мглин. у., со сл. 55 лѣт. женщины въ 1896 году).

Атъяжджау мужъ у дарѡгу
 Пакидау жану здарѡву.
 Приѣжджая изъ дарѡги,
 Пытая у милья здароуя,
 Чаго, мила, дужа забалѣла?
 Ци я табѣ болна?
 Щаку ударну.
 Ци я табѣ здарѡвейка умалну.
 Ой умру, умру,
 Я жыва ня буду.
 Ой ѣдзь, милый, къ нѡву гарадѡчку,
 Куни, милый, крамнуу ²⁾ сарѡчку.
 Паложъ мяне у вышневаць садочку.
 Выкапай ты, милый,

Чырвѡну калину,
 Пасадаи калину на мою магілу.
 Будуць ка мнѣ салавейки прыятаці,
 Будуць яны пѣсни шабитаці.
 У нядзельку паранѣнько,
 Яще сонца ни узыхѡдзя,
 Милый па вулачки холзя.
 Маленькаго дзицятачку нѡся,
 Устань, мила, устань, прабудзѣйся,
 Ужѡ твайѡ дзицятачка плѣча.
 — Кали табѣ дзицятачка жалка,
 Найми яму мамку и няньку,
 А кали ни жалка, падай сюды у
 няку.

(с. Росуха, Мглинскаго уѣзд. со словъ 40 лѣт. женщ. въ 1899 году).

Слѣдующую пѣсню иногда запоесть, пряхши, молодица для того, чтобы свекровь услышала, и нерѣдко свекруха и начинаетъ бранить свою невѣстку за подобную пѣсню:

Матка доничку кахала,
 Да-й ня у дружнаю сямъю атдавала—
 Жыви, дѡбчачка, прывыкай,
 Якъ ставуць сварѣнца
 У зяленый садъ уцякай:
 У зяленамъ саду калина
 На той калини зяѣйла
 Ранинька вукуя,
 Нихто зяѣвли ня чуя
 Тольки —й—чуя лѣб нявѣстка,

Рана па виду хѡдзючы,
 Свекра и свякруху влянучы,
 Яна вады принясе, да-й плача.
 Яѣе милый пытая—
 Чаго, мила, уздыхайшиць?
 Плачу, милликый, я плачу,
 Твайѡй матухни ни владжу (не угожу)
 Вады принясу—павѣльля, (повелѣ-
 ваець),
 Ложки памюю—ни возьми,

(с. Росуха, Мглинскаго уѣзда, со словъ 27 лѣтней женщины въ 1899 году).

¹⁾ жужу веретяномъ. ²⁾ крамъ—товаръ лавочный.

Хатку падмяту—ня ступя.
Охъ ты, татачка, салавѣяча,
Ни руби дзеряца, куды яво ня
хѣлицца,

Ни, 'гдавай дачкѣ замужъ
За каго ня хѣцица,
(с. Росуха, Мглинскаго уѣзда, со сл. 55
Затуманилася зорька

Пирядъ силнинькимъ дожджомъ,
Расплакалася красна дзѣвка
Пирядъ дѣбримъ малайцѣмъ.
Атчаго, удалъ малѣйчыкъ,
Учѣра зъ вѣчара ня бѣу?
Вѣрна знаю, што другуго

(с. Гарцево, Стародубскаго уѣзда со словъ 26 лѣтней женщ. въ 1899 году).

Я нидауна сиратаю стала
Да багата горичка упазнала.
Сказали мнѣ вражы люди—
Ида замужъ, добре табѣ буде.
Я люцкую волечку учинила,
Вышла замужъ—галовачку утапила,
Утапила галовачку у воду,
Пацадусь милый пагананаго роду,
Нѣе гарелку, якъ халодную воду.
Я не знаю, якъ ему гадѣти,
Устану рана да начну будити:

(1900 года отъ 20 л. дѣвки въ с. Вѣгочъ, Чернигов. губ., Городнянскаго у.)

Ой Божа, Божа, когда шей вечаръ буде,
Што про мяне наговорюцца люди.
Гавѣрютъ старѣе, говорютъ малѣе,
Ще къ тому й вороженьки злые,
Не такъ вороги, якъ неродная мати.
Ложысь, сирата, ни вячѣряушы спати,
Ни вячѣрляла, ни буду абѣдать,
Пустити жъ мяне до роду
Радѣны атвѣдать.
Бягу я дугамы—
Луги растадаются.
Бягу я садами—
Сады расцвѣтаюцца.
Бягу я сяломъ—
Ворогѣ утѣшаюцца.
Ни утишайтиса,
Пракляты варджаньки,

Отъ той же.

Охъ ты каваль, кавалѣчыкъ,
Добрый, удалий, каваль мастярочыкъ,
Чомъ ты, каваль, рана ни кубшь,
Ци ты сабѣ зялеза ни майишь?
Йсць у мянѣ зялѣзанька багата
Да-й-усѣ стальяня,
Йсць у мяне дачкѣ Кацярына—
Дзѣвка маладдѣя!

(с. Лупеки, Стародуб. уѣзд. отъ 40 л. женщ. въ 1899 году).

Ни за старого, ни за малаго.
Атдай дочку, да за роунаго,
Ни за раунымъ быць—сухата мая,
А за любимъ быць—красата мая,
Самы варѣчички аткутаюцца,
Якъ мой татухна у госпейки вѣдзя.
лѣт. женщины въ 1897 году).

Ты сѣзачку пратарѣу.
Ты тары, удалъ малѣйчыкъ,
Я другуго пратарю.

— А я тваю дарожачку
Усю пасадакѣ абсаджу,
Штобъ хадвила ни блудвила
Клѣнъ дзеряна пасаджу.

(с. Гарцево, Стародубскаго уѣзда со словъ 26 лѣтней женщ. въ 1899 году).

Устань, милый, мѣе палованье,
Ужд гатова табѣ умыванье.
Стаить табѣ вадица у кубѣчку,
Висять рушничокъ на калѣчку.
Стау милый съ пастели уставити,
А я атъ яго за дверь утикайти.
— Чаго, мила, за двери утикайишь,
Ти ты майишь нѣравау ни знайишь?
— Я нидауна за табѣю стала
Да усн твайѣ нѣровы упазнала.

(1900 года отъ 20 л. дѣвки въ с. Вѣгочъ, Чернигов. губ., Городнянскаго у.)

Што я ни найду
До дому дарожаньки.
Ой я не знаю,
Якъ вѣрогамъ гадѣти:
Ти у бѣламъ, ти у чорнамъ хадити?
Хадѣ у бѣламъ, скажутъ—хвасильная,
Хадѣ у чорнамъ, скажутъ—дрямливая.
Бягу я поле, бягу й другое.
На третѣемъ поли сѣла атдыхать,
Ажъ тамъ брачики коней пасуть.
Старшій братъ меншаго посылае:
Вѣжи, братецъ, то наша сястрица,
— То ни сястрыца, то чужъ—чу-
жаница,

Ой Божа, Божа! Якова я стала,
Што мая радѣна мяне не спазнала.

Яна сабѣ сына аридзила,
Арадаушы, увяла й загубила,
Загубиушы, у садокъ пашла,
Зѣ вѣтрамъ гаманѣла:
Охъ вы, вѣтры, вы буйныя вѣтры,
Замяцица вы сѣежки—дарѣжки,
Да штобъ туды людзи ни хадзили
Майго дзницятки ни будзили.

Сяджу, сяджу у ваконца,
 Выглядаю чарнаморца,
 Чарнаморець идзе,
 Смярлых коней вядзе,
 На восьмань варанды
 Самъ у кахтани вяляномъ,
 Ни ваўхау йонъ да дому,
 Падъжджа къ Дону,
 Стану йонъ коней напаводи
 Чарнамориць патапани.
 Чарнамориць патапани,
 Сваю милаю гуканъ:
 Рятуй, рятуй, мая мила,

Кали вёрна любила!
 И радабъ я рятавади,
 Да ня умъю-й-выплывади!
 Кали бъ човинъ, да вяселца,
 Стала вода прыбывани—
 Рятавала-бъ цябъ сёрца.
 Пакўль людзи сабралися,
 Чарнамориць затапнуса.
 Мой милинькій, патапайншь,
 Мiane мяду пакпдайншь!
 Палпну милинькій вадю,
 Застаюся я удавою.

(Заучено въ 1859 г. въ с. Росухъ, Мглинскаго уезда, со словъ 20 лѣтн. дворовой дѣвки).

Закўкали вязюлички,
 Тярябъ садзикъ лятучы,
 Заллакала красна дзѣвка,
 Вѣлу пасцель сцялючй.
 Пасцель мая тонка, бѣла,
 Учомъ на табѣ мулка спаць?
 Да якъ прыдзя цѣмна ночка,
 Нѣ съ кимъ слѣвичка свазаць.
 Якъ паўхау мой миленькій
 На маря гуляць,
 Пакпнуу мiane горя гаряваць.

Гарявала ночачку, гарявала дзѣв,
 На треццяю ночачку
 Выйшла на зарэ,—
 Балиць мое сёрца
 Ташнйцца души!
 Вярн войстру шаблю,
 Да рѣжъ маю грудзъ,
 Вымай майо сёрца
 Да пи маю крду,
 Пушай людзи бачуць,
 Якавѣ мая любѣу.

(С. Платково, Стародубскаго уезда со словъ 20 лѣт. дѣвки въ 1897 года).

Чаго, Машачка, на личанька, бляднѣ,
 Нѣту краски, нѣтъ румянца у лца,
 Памуццалисъ Машы глазки см таски,
 Рада бъ я и къ миламу пайциць,
 Рада бъ, рада дружка у вочи павидаць,

Рада бъ, рада дружка у глѣзы наругаць,
 Учѣмъ ты, Ванька, разбазсовисный ты
 Дзѣ ты, Вани, свою совисть растираю,
 Ци ты у карты, у бильяргты праинграу.

(отъ той же въ 1897 году).

Раскажу я вамъ, падружки,
 Пра нищасця пра свойо.
 Ци вы знали майго друга,
 Якій хвабрый маладзѣць.
 Чарный вѣранъ, сѣлный воинъ
 Атличѣўся на вайнѣ,
 Внуса, драўся зъ варагѣмъ,
 Тамъ галоуку палажѣу,
 На маскоўскамъ на кладбищы
 Тамъ мой милый палажѣу,
 На йомъ памятникъ высокій
 Разукрашанъ сирабромъ,

У дванаццаць часоу ночы
 Ходзя дзѣвница адна,
 Къ йой выходзя на гулянья.
 Зъ бѣлай камеры мятвѣць,
 Чаго, дзѣва, поздна ходзишь?
 Ты ни бойся никогда,
 Охъ и якъ жа мнѣ баяцца,
 Тутъ мой милый схаравѣнъ,
 На йомъ памятникъ высокій,
 Разукрашанъ сирабромъ,
 На йомъ камушакъ цяжолый,
 Милъ ня можа зъ грѣба устаць.

(Отъ той же въ 1897 году).

Последнiя двѣ пѣсни, очевидно, позднѣйшей формацин, и происхожденiе ихъ можно объяснить тѣмъ, что въ Платковѣ жили прежде помѣщики Троицкiе, и вотъ, должно быть, прислуга слышала отъ господъ:

Моего-ль вы знали друга,
 Онъ былъ бравый молодець и т. д.

и вотъ изъ разныхъ отрывковъ состряпали пѣсню.

Кто лѣнивѣ прясць, того называють ядхоа—святоха и въ наситѣнку надѣ лѣвию—разсказывають такую сказку.

Жилъ былъ сабѣ мужыкъ зѣ жонкай. Яна лянилась прясць, усѣ насила куплѣнныя сарочки. Билья зроду ня мыла, якѣ надѣня чыстую сарочку,—заразѣ грязную у печь, да-й-спала.

Во, паѣхау разѣ яѣе мужыкъ у горадѣ, жонка и наказуя: гладзи жѣ, привязи мнѣ аттуль сарочку.

Ѣдзя мужыкъ съ горада у дворѣ, сустрыкая салдата. Йонѣ и прося (мужъ)—пад-вязи мяне, дзядзька.

Садзись, кажа, служивый.

Ѣдучѣ па цихиньки да гамонюць, мужыкъ и расказалъ свайо горя, пра лянливую жанѣ.

Добра жѣ, кажа салдатъ, я яѣе вывчу прясць.

Тольки што мужыкъ на парогѣ, и жонка съ печи крычыць: а што купну сарочку?

Купну, да гуску.

Дарма, што вузку, и за тую спасибо; да заразѣ здѣла свайю сарочку, да у печку; а сама барджѣй на печку, да аттуль и крычыць: падавай новую сарочку, а то я сакалѣю (смерзну).

Што ты, цетка, голая сядзишѣ, пытая салдатъ.

Нема сарочки.

Чаму жѣ ты ни прядзешѣ?

А я—Ядхоа-Святоха, й прясць мнѣ нильга, усѣ праздникѣ: у панядзѣлакѣ я радвилась, ни можна прясць, у автаракъ па имѣю кѣ папу хадзили, у серяду были пѣдкресни, а у чацвергѣ храсцилась, у пятницу ни прядучѣ, а у субботу, яка жѣ работа? Падмынь, надмесць и гребянь у хату ня несць, а у нядзѣлю праздникѣ.

Эге жѣ, у нядзѣлю праздникѣ, што прауда, то прауда. Дыкъ ты Ядхоа-Святоха, а я Иванѣ Храсцицель, кажа салдатъ, да якѣ пачау яѣе пугай храсциць да пригавариваць:

Во, табѣ, Ядхоа-Святоха, будзишѣ прясць? будзишѣ прясць?

Прасциця, Иванѣ Храсцицель, буду и прясць и ткаць, тольки помилуця.

Сѣ тыхѣ порѣ баба годзе ляжаць на пачы, а мужыкъ болѣй ни купяу йоѣ крапныхѣ сарочакѣ.

На прызыви.

Вѣ концѣ Октябрия начпаеця «прызыму у салдаты».

Вѣ 1860 г. разсказывала одна старуха, которой тогда было уже около 70 лѣтъ, что, бывало, вербовщикѣ ходягѣ по селу, несуть горѣлку, жареныхѣ «курѣй, валоуя мяса, у бубны бьюць, играюць и паяюць:

Пристань, Юрку,
Да вярбунку,
Будзишѣ ѣсци
У масла кѣрку!

Будзишѣ ѣсци,
Будзишѣ пици,
Будзишѣ хороше ходзѣици.

Прошли и тѣ недавнѣя еще времена, когда не было всеословной воинской повинности, когда солдатѣ несѣ службу вѣ теченѣе всей жизни и, оставивѣ родину юношей, возвращался домой старикомѣ инвалидомѣ.

Вотѣ, тогда-то матери и жены оплакивали рекрутѣ, какѣ мертвецѣвѣ.

Далеко не то теперѣ при пятилѣтнемѣ срокѣ службы: нынѣшнѣй новобранецѣ подѣ часѣ и не доволенѣ, если ему «ня бремѣць лобѣ», потому что «маладому и самѣму хочицца свѣту пабачыць».

Однако матери и теперь не перестают оплакивать своихъ сыновей новобранцевъ. Который сынъ на призывѣ, она уже за мѣсяцъ даетъ ему сладный кусочекъ за завтракомъ, напр. всей семьѣ поставить на столъ миску съ гороховымъ кулецомъ, а кто на призывѣ, тому асѣба пряжѣ ¹⁾ салца на сковородцы и примовя: Ёжъ, мой котъ, а то тамъ за пяць гадоў, ты можа и крошки сала у вочы ни пабачышь. Печеть рѣзаны ²⁾—семьѣ памажа сырашъ зъ малакомъ разведеннымъ, а будущему солдату «маласлякамъ памасля» и т. п.

«У прымыная урэмья усюды па сѣлашъ пякоць рякруцкія пѣсни».

Казали—сягò лѣта грѣчка ня урадзила,
Ажны грѣчка яще сусимъ ня усходзіла,
На гародахъ чачоты маки цвитуць,
Па дзяроунямъ салдацики йдуць.
Выйшла маці, свайго сына спазнаваці,
Зайдзі, сынку, да да дманьку,
Щашу ³⁾, змѣю да буйну галованьку.
Табѣ, маці, мнѣ галоуки ни часаці,
Змыюць мнѣ галваньку да дробныя дожджы,
Ращешуць мнѣ кудры да буйныя вѣтры,
Разабьюць па днаму валасѣчку,
Развѣюць па чыстаму плечку.

(с. Кожемяки, Мглинск. у. со сл. 20 лѣт. царя 1898 года).

Раскадайся, сырый дубъ,
Заутра марозъ будзя,
Убирайся, удовинъ сынъ,
Заутра паходъ будзя.
Яй марозу ни баюся,
Заразъ раскйнуся:
Кареньяйка у сыру землю
Лисцяйка да долу.
Яй паходу ни баюся,
Заразъ ублруся,
Чабоцки на нджаньки,
Шабельку у ручки.

Паливайця дарожачку,
Штобъ ни пылілася,
Прыкажыця аццѣ маці,
Штобъ ни журылася.
Дарожавьку паливали,
А яна усѣ пыліца,
Аццу маці наказали,
А яны усѣ журюца
Нема тыя дарожачки,
Што ня будзя пыліца
Нема таго ацца, маці,
Што ня бузуць журыца.

(отъ того же въ 1898 году).

Чаго, салавейка, смўцьенъ, ни вясѣль?
Што дробна пташачка зажурылася?
Запѣу бы я пѣсянкі,
У мянѣ гдласу нема,
Кливау бы я зирнитки,

Мнѣ вдлячки нема.
Залѣзная катѣтка
Мянѣ садзяжыць,
Зялена дубровачка
Мянѣ ни звывсялиць.

(с. Манюки, отъ 20 лѣт. хлопца въ 1899 года, Нововыбковскаго у).

На гарѣ високай
Два дуба стайныцъ,
Падъ тыни дубамы
Дзвѣ магилы ляжыць.
Дзвукъ са слязамы
Распрашываю,

Ци нема жъ—то тутъ
Дружка майяго?
Магила сказала—
Нема тутъ яго,
Другая сказала
Забудзь пра яго.

(отъ того же въ 1899 году).

¹⁾ Жарить. ²⁾ Ржаные пироги. ³⁾ Причешу.

Врала дзѣвачка
 Ягадки суніцы,
 Усю даліначку ісхадзіла,
 Ня знашла дзѣўка тагд,
 Каго спалюбіла.
 Вярुць малайца
 У салдаты.
 Што й па вулицы
 Вдуць канямы,

(с. Росуха Мглин. у. со сл. 19 лѣт. парня въ 1899 году).

Назначыли добраго малайца
 На гранічаньку служыць,
 Па йомъ плача радзімая маці,
 Силна убывайнца,

(отъ того же въ 1899 году).

Охъ, и шляхъ ты, мой шляхъ,
 Чаго запыліўся?
 Охъ и якъ жа мнѣ, шляху,
 Широкай дарожцы,
 Да мнѣ ня пыліца!
 Што-й па мнѣ то, на мнѣ,
 Широкай дарожцы,
 Багата рэвруць ганяюць.
 Што-й па перяду йдзе
 Малады пелкунікъ,
 Ідзе, маршыруа
 Што-й пазадзі сухіхъ
 Ідзець душа дзѣўца.
 Охъ и якъ то мнѣ,

(д. Воронічка, Мглинскаго Уѣзда, со словъ 19 лѣтн. хлопца въ 1899. году).

У сѣнчыхахъ за дзверямі
 Малайца спаймалі,
 Назадъ руки завязалі,
 Пасадзілі добра молайца
 У писанамъ ваздочку
 Самы сѣлі у прыядочку,
 Падъ судъ падвазілі,
 Падъ мѣру станавілі,
 Рубашку скідалі,

(заучено въ 1861 г. отъ 30 лѣт. парня въ с. Росухѣ Мглинскаго у.).

Варьянтъ этой пѣсни записанъ тоже въ с. Росухѣ въ 1899 г. со сл. 19 лѣтнаго хлопца.

Што-й адзінъ та я, адзінъ
 У матушки нарадзіўся,
 У някруты, у салдацкі
 Маладзецъ згадзіўся.
 Узалі добраго молайца.
 Узалі у някруты,
 Звизалі яму, добраму молайцу,
 Назадъ бѣлы руки,
 Пасадзілі яго у вазочку,
 Станавілі яго,
 У салдацкамъ станочку.

(со сл. 20 лѣт. хлопца вол. Росухѣ Мглинск. у. въ 1899 году).

Да усѣ парамы.
 Стайніц дзѣўка
 У вардочкахъ,
 Аблівайнца слязѣны,
 Нн плачь, дзѣвачка,
 Ня журыся, ня быць табѣ за мною,
 Нн зваць табѣ
 Мяне чалавѣкамъ, (мужемъ)
 Мнѣ цябе жаню.

Нн плачь, рѣдна маці,
 Нн плачь ты пры мнѣ,
 Наплачыся й бязъ мяне.

Краснай дзѣўцы,
 Якъ мнѣ ня журыцца,
 Што-й адзінъ то у мяне
 Садокъ зяляненькій,
 И тэй усыхая.
 Што-й адзінъ то у мяне
 Дружокъ размылосінькій,
 И тэй атѣждавая.
 Польна соннайку па садзіку хадзіці,
 Польна жаркму цвѣтъ яблани сушыці,
 Охъ и якъ жа мнѣ нн плацаць, нн
 тужыць,
 Мнѣ навѣкъ сабѣ такога нн найціць.

Яго цѣла абглядалі
 Русы кудры падрызалі.
 Што-й праскуся добрый моладзецъ—
 Вы пусціца мяне, брадцы,
 Къ аццу, маці,
 Съ ацдожъ маткай павідаюсь,
 Жѣ жаной парукаюсь (пожму руку).
 Надъ дзѣткамі паудѣшаюсь.

Годзя дѣбу зяляному стаяці,
 Пришла осень, стау листь спадаці,
 Вазуць молайца у салдаты,
 Па йомъ плача ацецъ, рѣдна маці.
 Нн плачь маці, ты ужо старѣя.

Нихай плача жана маладая,
 Кали яѣе доличка такая.
 Кали бѣ жа знау, зроду бѣ нн жануся,
 Нихай бы я навѣкъ хлопцамъ вала-
 чыуся.

Варьянтъ вышеприведенной пѣсни въ д. Вѣрновичахъ, Стародубскаго уѣзда отъ 40 лѣт. человека въ 1899 г.

Польна табѣ дубу на карни стояци
Скора съ цабе, дубу, листь будзя
спадаци.

Плача ацець—маци,
Хочуць ихъ сынѣчка
У рекруты атдаци. .
Ни плачь маци,
Да ужо-жѣ ты старая,
Нехай плача
Жана маладая.
Яще будзя плакаць
Дзицятка малѣе.
Я пайду служыць,
У Варшаву горадъ
У горадъ я вяликій.
Тамъ сабѣ достаю
Валшыя хароны.
Вазьму я съ сабою
Жану маладую,
Пайду тамъ на рынкаць
Куплю йой платочыкъ,
Частый грыбшочыкъ.
Жана будзя прыбираца,
Грыбшочкамъ часаца,

Малюя дзицятка уцицаца.
На маць я старую
Буду забываца.
Повязьли нашыхъ някрутушакъ
Зѣ вечара у ранки (рано)
Усѣ лясамы да барамы,
Крутымы гарамы.
Сызыя варанятачки
Усѣ поле укрыли,
Малады някрутикамъ
Жали нарабили.
Не такъ жали, не такъ жали,
Я болій пичали.
Сызые варанятачки,
Падымайцись у гору,
Маладые някруцики
Зьвярнитесь да дому.
— И рады бѣ мы зьвярнуцись,
Майоръ ни нуцаа.
Хоча зѣ намы, зѣ намы, някрутамы
Турка вайиваць,
Турецкаю землю
У палонъ забираць.
Чѣрнымъ порахомъ стрѣляци.

(Отъ того же).

Кала саду зялѣнаго
Дарожка лажала.
Ой тамъ мать свайго сына
У салдаты тряджала:
Харошъ сынку нарадзѣюся,
У салдаты вгadzнуса,
Яго коникъ варонинскій
На двару играй.
Яго маци старѣнькая
Плача и уздыхайя,
Сусѣдзь праклиная:
Сусѣдзи моѣе близкія
Вы, вораги цяжкіе!

Ой вы майго горя знали,
Да мнѣ ни казалы.
Цяперъ жа вы мнѣ казалы,
Якъ майго сына узайлы.
Повязьли майго сынѣчка
У городъ у Варшаву.
На вѣрну прысягу.
Прысягай жа, мой сынѣчыкъ,
Богу, государю.
Да хто царю вѣрна служба,
Ни плача, ни тѣжа,
А хто царя зьыважаѣя
Усѣ плача рыдая.

(Отъ того же).

Ты, верба мая, верба кучяравая,
Ты ня стой, ня стой
Надъ рякой быстрой.
Ни пускай гольляйка
На синя моря.
Па синяму морю
Тамъ карабль плывѣць.
Якъ у томъ жа караблѣ
Тры палкы салдаты,
Маладыхъ рыбать,

Ахвицѣроу пяць.
Ахвицѣрь на салдаты
Шыбка броница.
Рядавый салдаты
Дамой прѣсица—
Ахвицѣрь—майоръ
Атпусци мянѣ дамоу.
Къ аццу, къ мацяри.
Къ малымъ дзѣгшукамъ.

(Въ с. Невзоровѣ, Стародубскаго уѣзда, со сл. 17 лѣтняго парня въ 1897 годѣ).

Якъ паѣхау инпираторъ
Сваю армію сматрѣць,
Абицауса Александеръ
Къ Ражаству дамоу прыбыць.
Уси празники праходюць,
Александра дома нѣтъ.
Яго маминька радная

Стаскавалася па йомъ,
Яго жана маладая
Дзень и ночку у слязахъ.
Александеръ инпиратаръ
Усихъ смротаны ведау,
У Таганроги жыць канчау.

(с. Росуха, Мглинск. уѣзда; записано со сл. 25 лѣт. въ 1875 году).

Пѣсни, которыя поють мужчины.

Хлопцы рѣже и меньше поють, чѣмъ дѣвки, и не раздѣляютъ своихъ пѣсенъ по временамъ года; впрочемъ, и ихъ пѣсни имѣють три отдѣла: рекрутскія, солдатскія и тюремныя. За исключеніемъ рекрутскихъ, поють сплошь, когда кто какую ввдушаетъ. Не стануть они тоже ни за что пѣть бабскихъ и дзязвацкихъ пѣсянъ, такъ что хлопцы имѣють свою собственную устную словесность.

Историческихъ пѣсенъ тоже нѣтъ; только про Платова казака живетъ еще воспоминаніе.

Маць Рассѣя, маць Рассѣя,
Маць Рассейская зямля.
Пра цябе, маць Рассея,
Далѣка слава прайшла,
Да пра бѣлаго царя,
Да пра бѣлаго царя,
Пра Платога казака.
Платоу слауный войннѣ бѣму,
Свайой барадѣ ня брѣму,
Платоу законъ прыступу,
Брытву, ножанцы купіу,
Свайю бараду абрѣму.
У хранцуза у гасцяхъ бѣму.
Хранцузъ яго ни увазнау,
За вубраный столь саджау,
За бѣлыя руки брау,
Ты, хранныцюзькая карга,
Ня умѣу ты, варона,
Сѣкала у какцяхъ дзержаць

Чарку рому паднасіу,
Яго миласци прасіу—
Выпи рюмку, выпі дзвѣ,
Скажы праудачку и мнѣ,
Хто начальникъ у Масквѣ?
Я у Масквѣ ни разъ бывау,
Многа паноу, купцоу знау,
Аднаго тольки ни знау
Я Платога казака.
Кали бѣ хто яго указау,
Ябъ таму многа казнѣ дау.
— А на што казну цираць,
Яго й-такъ можна увазнаць,
Платоу на каня садануся
И съ хранныцзамъ пабраниуся—
Ты варона, ты варона,
Тольки умѣла ты, варона,
У чистамъ полі ваеваць.

(въ 1898 г. с. сл. 19 л. парня, въ с. Гарцовѣ, Стародубск. у.).

Слѣдующая пѣсня про Платова пѣлась въ 1863 г. хоромъ ребятъ и записана со словъ 40 лѣт. шаповала тогда же).

Ты, Расея, ты Расея,
Ты расейская земля
Пра цябе, зямля Расея,
Многа славы гаваряць,
Пра Платога казака.
У Платога казака
Нябрытая барада
И ня стрижаны вусы,
На грудзяхъ висяць хресты.

Убираўся Платоу
Къ Винаплату (Бонопарту) на паклонѣ,
На шырокій дворъ увѣжджау.
Винаплатъ яго сустрякау,
У харомы зазвау,
За дубовый столь саджау
Стаканъ волки наливау.
Охъ, и выпі купецъ,
Ты, расейскій маладзецъ.

Загадаю я загадочку,
Ты изволь мнѣ отгадать.
Я на ярмаки гуляю,
Ахвиперау узнаваю,
Аднаго я ни угадую
Я Платога казака.
Хто бѣ мнѣ яго указау,
Много-бы сумми таму дау.

Ахъ, на што сумму даваць,
Яго-й такъ можна увазнаць.
У Платога казака
На брѣтая барада,
Платоу бараду абрыгу,
У хранцуза у гасняхъ быу.
Хранцузъ яго ни увазнау,
За дубовый стоць саджау.

Слѣдующая пѣсня позаимствована въ 1863 году въ с. Росухѣ.

Пиша, пиша кароль прускій
Гасударыни у Савать
Прашу цябе, сударыня,
Ни прагнѣвайсь на мяно,
Ой атдай-ка, сударыня,
Да тры слауныхъ гарадѣ:
Атдай городъ, отдай пиддрѣ,
Атдай слауваю Маскуу,
Кали ты ни атдаси,
Дыкъ я цябе разарю и разабью,
У каменнѣ Маскуу увайдѣ,
Рядавыхъ салдатъ настаюлю
Па купечискихъ дамахъ,
А самъ стану, кароль прускій,
Я у царьскамъ у дварцѣ.
Дыкъ зачыми ты, сударыня,

Прызадумашысь стайншѣ,
Тольки бѣлы руки домишѣ,
Ничаго ни гаварышѣ.
То ня пыль у поди запылѣуся,
То йшло воська князя Василья.
Князь Василька на вайну пашѣу
А за йимъ паслы на тры, на чатѣры.
Ты вярнись, вярнись князь Василька,
Твая жана сына спарадзила,
Спарадзиушы, Богу душѣ атдала
Падъѣжджая князь Василька къ цыряу,
То ни кавалики куюць,
То жанѣ яго дамавиу буаюць.
То ни пташачки у садзину пяюць,
То князя Василька да дробныя дѣтки
Па свайой роднай маццы плачуць.

(Записано въ с. Кожемякахъ въ 1898 г. отъ 80-лѣти. старика, Мглинскаго у.).

Поля чыстая турецкая,
Мы кагда цябе поля, пройдземъ,
Усп бугры, твайе дарожачки,
Уси мѣста слауны, прыврѣсны.
Мы сайдземся съ нипрыяцелѣмъ

Съ такой ардой нявѣрнаю.
Ва часнѣй дзень сирадѣ
Падхадзели къ нипрыяцяю,
Кагдѣ турки напивалися
И на Рассею собиралися.

(Записано въ 1861 г. отъ 30 лѣт. жен.).

Польна, польна вамъ, сняждчки,
На сырой земли лижаць.
Польна, польна вамъ, салдацки,
Горя гаряваць.

Пара привываць
Къ турецкымъ степямъ,
Къ турецкимъ гарадамъ.

(с. Невзорово, въ 1890 г.).

Пѣсни тюремныя.

Вѣцяръ вѣя, павѣва,
Садъ зялѣнинькій шумиць.
Сама дѣвица ни зная,
Идѣ яе милый садзиць.
Што-й у горадзи у Адесци,
На вѣлицы на раунѣ,
Тамъ стаяла да тры башни,
Па сярѣдку балшый домъ.
То ни домъ, ни балница

Настаящая цюрьма,
Тамъ садзиць яе милѣй
Паряничыкъ удалой
За дубовыми дзвирямы.
Ничаго парне ня видна
Только й слышавъ звонъ ключѣду,
Ключникъ дзвери атваряя—
Выхадзи-ка братъ сюды.
Якъ йонъ вышау на свѣтъ божий,

Кругомъ сябъ аснатрѣуса,
Ахраснуса тры разы.
Аткуль узася тѣй святѣнникъ,
Стау Йонъ правила чытаць,
Аткуль узася тѣй судзебный,
Стау риптѣнья мыкликца.
(д. Бородинка, Мглинскаго уѣзда, со словъ 16-лѣтн. хлопца въ 1899 году).

Какой проступокъ и что приводитъ мѣлойцовъ въ острогъ, объ этомъ пѣсни умалчиваютъ.

Впрочемъ, слѣдующая изъ нихъ нѣсколько объясняетъ причину неволеши и выражаетъ обманутую любовь, доведшую дѣвку до худя славы, до великаго стыда и преступленія:

Охъ ты, пташка канарейка,
Разгани пичаль маю.
Маю горя уснѣмъ извѣстна
Абмануу милдѣй мяне.
Йонъ на мяне прывабыуса,
Я на яго—нивагда,
Атчыню я у клѣцы дзвери,
Пуцу пташачку на волю.
На палѣцы свайой пташцы
Тры славечки расказу:
Ахъ ты, пташка канарейка,

(х. Александровки, Мглинскаго у., со сл. 40 л. женщ. въ 1889 г.

А худая славушка неумолимая напр.:

Ни виновинъ парабѣкъ,
Винавата дзѣука,

(с. Красновичи, Суражскаго у., въ 1871 г., отъ 60-лѣтн. старуха).

Жаль жа мнѣ ни Тацяну,
Жаль жа мнѣ ни яйѣ:

Яще сонца ни зайшло,
Гатова пасцѣлька.

Ни паслала пасцѣлячки,
Лиха мацяри яйѣ.

(Отъ той же въ 1871 году).

Сяджу я у няволя—цяницы балшдѣй
Никаго ня виджу я пирядъ сабой,
Сматру у вакошка—таварышъ идзець,
Таварышъ, таварышъ, пажалуы сюды,
Хадзи, братъ таварышъ, на нашу гару
Идзѣ сонца ня свѣца и мѣсяць ни
бывая,

Тамъ гуляю я!
Идзи, братъ таварышъ, у зяленый ты
садъ,
У зялёнамъ у саду салавей пявць
Намъ, братъ, таварышъ, разлуку даець.

(Въ 1891 году отъ 20-лѣтн. парня, въ с. Невзоровѣ, Стародубскаго уѣзда).

Охъ, якъ дау мнѣ Богъ
Нищасную долю.
Павали маю долю
На чужю старану у нявдолю.
Доля на идзець, упирѣйница,
За маю маладецкую шыю хватѣйница.
На дварѣ марозаньки люты
Прымарозили зялѣзы на жываты
Я првау, првау—зялѣзы на рвѣцца,
Знаць мнѣ молайцу зъ нявдѣли ни
варнѣцца.

Што-й зъ вѣчара пагода
Ка бѣлу свѣту мардзѣ.
Ишоу, прайшоу брадзяга,
Виздомный чалавѣкъ.
На сустрѣчу йшоу брадзяги
Яго прыяциль дарагой:
Твая маминька раднѣя
У сырой зялѣй ляжнѣя,
А падружка дарагая
Падъ вяндѣмъ зъ другимъ стайницъ,
Дзѣлаць нечаго брадзяга,

Паварачывай назадъ!
 Ишоу я дѣсамъ,
 Ишоу я цѣннымъ,
 Уздумау малчыкъ атдыхнуць.
 Жарка соньнейка прыгрѣло,
 Стау я, малчыкъ, засыпаць,
 Стала ночка наступаць.
 Узяли молайца, забрала,
 Руки ноги пазвязала
 И атправили у вастрогъ.
 У в'астрози дзверь шырока
 Да калитачка вѣзка,
 Ни пускаюць нікуда.
 Ты зап'ѣй, зап'ѣй, жаваранокъ,
 Зап'ѣй вясной на праталінцы,
 Ты падай голасъ тирязъ цѣнный лѣсъ
 У Маскву каминную отъ нявольничка.
 Йонъ ни годъ сядзиць и ни два,
 А сядзиць йонъ роуно дзевяць гадѣу,
 На дзсятый годъ стау письмо вिसаць.

Напишу письмо къ аццу й мацяры
 Ацець—матушка, парятуйца,
 — Што й у нашай радни
 Плутѣу ни было.
 Ни плутѣу, ни варѣу,
 Ни разбѣйничѣу.
 Што-й адзинъ у насъ сынъ
 Да-й тѣй падпалкѣоунчакъ.
 Па карманамъ вѣцяръ вѣя,
 Кашалекъ пустый гримичъ,
 Абарваниць ни рабѣя,
 За ряшоткаю сядзиць.
 Ноги босы, цѣла грязна
 И рубашка якъ смалъ.
 На рукахъ яго браслеты,
 На нагахъ усе капдалѣ.
 Чорный воранъ, другъ залетный,
 Ляци къ милинькай скарѣй,
 Атдай милаго памѣтнѣня,
 Ще-й заглазныи пацалуѣ.

Пѣсни, которыя поются хлопцами по большей части хоромъ, «когда заугодно».

Удоука свайго сына
 На Донъ пасылала —
 Ёдъ, мой сынокъ,
 Да-й ни барыся,
 На чужой старонцы
 Да-й ни жанйся.
 Ни чудъ сына годъ
 Ни чудъ и другйй,
 На треццйй гадѣкъ
 Ёдзя сынокъ
 Да ни самъ съ сабою,
 А зъ маладою да жанѣю.
 Вышла маца
 Сына сустрикаци,
 Вынясла яна
 Тры чары вина.
 Адна чара вина зиляна

Другая чара якъ мата—рута.
 Первую чару—сама вышпа,
 Другую сыну—паднясла
 А треццю чару—жанѣ маладѣй,
 Ня ни, мая мила, усю чару адна,
 Выгѣлмъ съ табой мы па палавинѣй
 И ляжымъ съ табой у адной дама-
 вини.
 Сынокъ униуся, съ каня звалѣся,
 А нявѣстуска съ павѣзки.
 Палажыли сына—край дарожки
 А нявѣстачку—край далнначки,
 На сыночку расцы зяленый дубочыкъ,
 На нявѣстачки бѣлая бярэза.
 Яны расли, расли, сыхилилися,
 Да ужо-жъ майе дзѣтачки такы
 злюбйлися.

(Дер. Бородинка, Мглинскаго уѣзда, со словъ 18 лѣт. парня въ 1898 г.).
 См. Шейнъ бѣлор. пѣсни т. 1, ч. 1, стр. 247. № 546, 547, 548, 549.

Засвѣтала снѣя мѣря
 Разнымы агнямы
 Да усѣ караблѣмы.
 Што-й у тыхъ жа караблѣхъ
 Матрѣсы гуляюць.
 Яны къ саѣ красну дзѣуку
 Гуляць падбываюць.
 Пѣйдзимъ, красна дзѣука,

Пѣйдзимъ гуляць зъ нами.
 Мы цябе, красная дзѣука,
 Напоимъ, накормимъ,
 Съ сабой спаць паложымъ.
 Спи, красная дзѣука,
 Спи, ни прашыпайся.
 Прашнулася дзѣука
 Пасярядзи мѣря,

Матросики галубочки,
Паганяцца къ броду.
Божачка мой милый,

(Отъ того же въ 1898 году).

Ни лятай ты, сызъ галубчыкъ,
На майо свѣтла вакно.
Ты лица, яци, галубчыкъ,
На канюшаньку пову.
Асиддай ты, сызъ галубчыкъ,
Мнѣ варонинька кани.
У чысгажъ поли, край дарожки,
Распяла дзѣвка шацѣръ (bis)
Съ тонкихъ бѣлыхъ налацѣнъ.
Узяла голуба на руки
Стала галавѣ часаць. (bis),
Стаў галубчыкъ засыпаць.

(х. Александровка, Мглинскаго у. со сл. 35 лѣт. жен. въ 1897 г.)

Кали бѣ жа мнѣ
Чарка да пляшка
Да жѣнка Натѣшка!
Самъ бы я на вадзѣцу хадзѣу,
Сваю-бѣ милаю за рѣчачку вадзѣу,

(дер. Невзорово, Стародубскаго у. со словъ).

Ва турецкай, ва старонки
Уси садзаники у шарѣнку,
Яны пушки заризаюць,
У Турѣччыну стрыляюць.
Яны ходзюць, маршыруюць,
Силна тужуць и гаруюць;
Янарѣловы сыночки ходзюць, уцѣ-
шаюць

(с. Росуха Мглинск. у. со сл. 18 лѣт. пар. въ 1891 г.)

Матка доньку пытала,
Чаго доня смѣтна?
Сама я пра то знаю
Каго вѣрна люблю.
Люблю дружка сярдешна,
Люблю яго дауно.
У поли вѣтры свищуць,
Ваенный грозь грывиць.
Нихто такъ ни страдая,
Якъ милый на вайнѣ.

(с. Манюки, Новозыбковскаго уѣзда, со словъ 16 лѣт. парня въ 1896 г.)

Цѣща для зяця пирогъ някла,
Соли, да мукы на чатыри рубли,
Сахару, изюму, на вялікую сумму.
Якъ стау йой пирогъ, да дванадцать
рублѣу.

А зяцюшка сѣу да увесъ пирогъ
зѣу

Якъ цябе, зяцюшка, да ни разарвало!

(с. Новзорово, 18 лѣт. хлопц. въ 1894 г.)

Цяперъ жа мнѣ, краснай дзѣвцы,
Ни видаць свайго рѣду.

Я думала, галубецъ,
Ажъ-то—Сенька маладзецъ.
Заснуу голуць, заснуу сѣзый
У краснай дзѣвцы на рукахъ,
На шауковыхъ рукавахъ,
Прашнууць голуць,
Прашнууць—сѣзый,
Нима дзѣвцы, ни кани,
Ни шауковаго шатра.
Людзи пашуць, людзи сѣюць,
А я, моладзецъ, хаджу,
У рукахъ пужачку дзяржу.

Я бѣ яйе палавау, милавау,
Я бѣ жа йой кухаварачку нанду:
Кала люлячки няпичка,
Кала пѣчы кухаварачка.

Бѣлымъ, розовымъ платочкомъ
На вѣтру махаюць.
Охъ вы цыцьцѣ (молчите), ни тужыця
Што-й за ваша за стараньня,
У сѣхъ дзеньгамы паграджу,
Што за вашы за бѣдныя раны,
Усѣхъ хрѣстамы ударю.

И онъ рѣжка зариджау
И пушакъ ни балуса,
Усѣ думау аба мнѣ.
Убитъ, убитъ галубчыкъ,
Падъ кусцикамъ ляжыць,
Была бѣ я волнай пташкай
Зылитала-бѣ я къ яму,
Я костачки-бѣ забрала.
У тясовый гробикъ склала
Зямельки-бѣ прыдала.

Симярѣхъ бы зяцѣу я бѣ пакашта-
вала,

Придзи ка мнѣ, цѣшухна, у маслянку,
Я цябе, цѣшухна, пачастую
У семъ дубинѣ, да дубовенькихъ,
А всѣмую бярэзаваю на табѣ
Я да рукъ зламаю.

Спустила голыя зь верху да корни, ще—й—да доланьку,
 Да прикрыло цѣло бурлацкое, бѣлае, ще-й галованьку.
 Никто ни заплача па бѣламу цѣлу па бурлацкому
 Да ни апецъ, ни маца, ни братъ, ни сястрыца.

Што й у поли, пры даліни
 Сядвиць сокаль на каліни,
 Буйну агаду клюбе.
 Сядзиць дзѣўка у святлицы
 Гарючыя слѣзы лѣле.
 Зарасла дарожачка,
 Прызамѣтнѣ п слядохъ,
 Штобъ я мильй ни хадзю,
 Дарожачки ни тарму,
 Падарачка ни насю,
 Падарачка дарадга,
 Зь рукы персня залатѣга.
 Пагляджу я на калечка,
 Забалиць маю сярдечка,
 Балиць серца я животъ,
 Што ни у праўдзи миль жывѣць,
 Польна табѣ, сакдику,

(с. Манюки, Новозыбковскаго у. со словъ 16 лѣт. хлопца въ 1896 г.).

Худо, худо браццы жыць,
 На чужыхъ малодакъ паглядаючы.
 Што-й чужыя малодки,
 Якъ макавий цвѣтъ;
 Пуце жъ майой неудашачки
 У бѣламъ свѣци нѣтъ.
 Якъ вазьму я неудашачку
 За бѣлыя руки,
 Пазиду я неудашачку
 У млынъ глыбокій
 Плыви, плыви, неудашачка,
 Услѣдъ за водой.
 Надѣло, неудашачка,
 Жывучы съ табою.

Горьку ягаду клеваць,
 Будзя табѣ, двѣвчачка,
 Гарючыя слѣзы праливаць.
 Манюкоускіе рыбаты
 На гульню—закаты.
 Якъ нашыя яны у салдаты,
 Ни багацька праслужыли,
 Уздумали бжаць
 Прыбжалі къ Дунай—рэчки.
 Кличуць пярывозу,
 Пярывозу нѣту,
 Нядалече лодка.
 Охъ мы сядзимъ да паѣдзимъ
 На сваю старонку,
 Какъ на нашай на старонки
 Кватеры новыя,
 Хазяечки маладыя.

Худо, худо, браццы, жыць
 Визь неудашачки.
 Чацьвертая надзѣвчачка
 Визь бѣлай рубашачки.
 Йосць у мянѣ сядзѣлечко
 Ще-й варѣнный конь,
 Тольки сѣсь паѣхаць
 Къ свайму стю (тестю) на дворъ
 Здарду, здарду, цѣстюшка,
 Цѣнца, добрый дзень,
 Аtdали мнѣ неудашачку
 На азінь дзень.
 Аtdавали мы дачкѣ хазяечку
 Табѣ на увесь вѣкъ.

Н о я б р ь.

8-го—Архистратига Михаила. Во многихъ селахъ храмовыя праздники.
 Вообще, начиная съ Августа и оканчивая филипповскими заговѣнами, что ни
 праздникъ, то храмовщина въ какомъ-нибудь селѣ, потому что «па вояни и у ви-
 рябья пива йосць, чымъ сусѣда пачасгаваць».

И, дѣйствительно, отъ «рдичау и да загаванью, по деревнямъ и селамъ у насъ
 царствуетъ относительное благоденствіе по части питания и продовольствія: каждый до-
 мохозяинъ отъ времени до времени рѣжетъ овечку. Чтобы говядины этой хватило на
 долго, бабы ежедневно кладутъ въ борщъ кусочекъ перербины или голодинцы, а по
 праздникамъ жарятъ мягкій кусокъ съ «бульбой», но ввѣраѣ не жарягъ, а парятъ
 подъ сковородкой, въ легкомъ духу, отчего получается довольно безвкусное мясо, во-
 локна котораго дерутся вдоль, какъ лыки. Густая каша считается великою роскошью
 и подается только на великія празднества. Каждая хозяйка старается быть очень

бережлива съ крупами, она помнитъ весенній холодецъ съ лабадой и на претензію домашнихъ, что каша, т. е. супъ, вѣрнѣе жидка, отвѣчаетъ: «ѣжъца, слава Богу и за ѣга, а то будзи разамъ густа, а разамъ пуста, а щаюлю вищипнаго ня хѣчнця?».

Въ каждомъ дворѣ держатъ отъ 5 до 10 штукъ овецъ, порода совершенно простая, шерсть грубая, мясо имѣетъ нѣсколько специфической запахъ, особенно у худыхъ овецъ. Какъ только начнутся заморозки, каждый хозяинъ оставляетъ нѣсколько штукъ на сѣмн, а остальныхъ рѣзутъ и вѣшаютъ въ амбарахъ на морозъ, чтобы былъ запасъ къ Рождеству. Подобное перемерзшее мясо теряетъ всякій вкусъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ; но овецъ рѣзутъ раньше для того, чтобы хватило корму оставшимся на зиму. Запасливый хозяинъ непременно пары двѣ бараньихъ лопатокъ послать и затѣмъ выконтить къ Пасхѣ, что тоже довольно безвкусно.

12-го числа Ивана Милостиваго празднуютъ. «У ѣтний дзень гадѣцца што нѣбудзь даць каму нѣбудзь, у угоду святому».

14-го—заговѣны на филипповскій постъ. Это самые обильные и богатые заговѣны въ году. Впрочемъ, столъ не отличается разнообразіемъ, та же самая баранина «у борщъ, баранина у жидкай каши, картошка жидкая съ бараниной, картошка густая съ бараниной у лаццы (въ мискѣ) и т. л. и т. д.

Въ этотъ день уже полагается каша густая, какъ пирожное, а въ богатыхъ дворахъ бываетъ даже лапша пшанишная. Молока теперь рѣшительно ни у кого уже нѣтъ, такъ какъ коровы тельны. Оттого говорятъ, что осенью угощаютъ «любѣга госця малакомъ, а ня любѣга мѣдомъ».

Кстати о мѣдѣ: здѣсь нѣкоторые крестьяне, «кто хѣча пакушаць салѣдкаго», ставятъ въ лѣсу на деревь свой «наузникъ»¹⁾, куда подчасъ и поселяется какой-нибудь странствующій рой. Тогда крестьянинъ забираетъ пчѣль къ себѣ и иному удаётся черезъ годъ имѣть уже два улья.

До заговѣнъ, т. е. до 14-го, всегда нанмается общестренный пастухъ и конюхъ, и съ этого дня уже скотъ не гоняется въ поле, и вмѣсто подножнаго получаетъ хозяйскій кормъ. Сѣно даютъ только лошадямъ, а коровъ кормятъ житной соломою, гречаною и дѣлаютъ «струшку, т. е. съ соломою смѣшиваютъ для закрасы немного сѣна. Яровая солома уже считается «сласный»¹⁾ кусокъ для скацины».

Съ какого-бы времени парабки и челядки ни поступали къ хозяину въ наемъ, они непременно договариваются или «да рѣдзичау или да пилнауськихъ загавянь».

Особенно дѣвки очень интересуются пробить дома зиму, чтобы побольше напрядь для свадебныхъ подарковъ и для приданаго.

Съ началомъ поста, пока алей еще не выбили, пришлось бы опять варить «нищияницу», но бабы на этотъ разъ догадливы: «дуринь кашы наваря, калѣ крупы лосць», говорятъ онѣ и таскаютъ изъ амбара по немножку коноплю, которую съ вечера подсушиваютъ, «дѣсвиткомъ» толкутъ въ деревянной ступѣ, разводятъ водою, цѣдятъ, и этимъ молокомъ забѣляютъ борщи и супы. Такая заправка гораздо лучше молочной, а яшныи супъ зъ залукой» даже очень вкусенъ. Иная лакомка въ какой-нибудь святой день это самое конопляное молоко ставить на огонь и стущенную пакню сверху снимаетъ ложкой въ отдѣльную посуду, гдѣ и получается конопляная сметана, которой обливаютъ горячіе рѣзники изъ ржаной муки. Но блюдо это считается очень убыточнымъ, и потому хозяинъ не вытерпитъ, чтобы не сдѣлать выговора бабъ своей: «ну, ты ласая да смѣшнаго, уси канопли маѣ паперейдчышъ (попортишь) и биць алей нѣсь-чаго будзьс».

Въ этотъ мѣсяцъ каждый старается свезти поскорѣй коноплю на маслѣобню, такъ какъ тамъ всегда очень «завозно», то сваленные мѣшки съ коноплями дожидаютъ очереди недѣли двѣ, три и даже мѣсяцъ. Зачастую мужикъ слагиваетъ дѣло съ хозяиномъ маслѣобни, продаетъ коноплю и получаетъ залатокъ.

Гдѣ маслѣобня, тамъ бываетъ обыкновенно и винокурня, а въ настоящее время и лавки монополіи. Вотъ тутъ уже крестьянинъ бываетъ при рѣдкой обстановкѣ: «и

¹⁾ маленький пчелиный улей; ²⁾ лакомый.

грошы у кишени и винаполья тутъ жа». Но онъ остороженъ, не мотъ: «отворотитси, захавая грдшы куды нйбудзь за поясъ, аба у аучы». А для выпивки много-ли чельвѣку нужно?—Мелочи... ну, рубликъ, не больше. На эту сумму онъ и товаришу поднасе, и самъ нацоцица еле можаху, такъ что лёдвыи, лёдвыи узлѣзя на калесы, а затѣмъ конь уже самъ вязе его у дворъ бизъ вджакъ».

21.—Введеніе Пресвятыя Богородицы во храмъ. Наканунѣ, ложась спать, дѣвки загадываютъ: «святоя ввядзеньня, вядзи мянѣ туды, идзѣ мнѣ жыць».

24-го.—Екатерины и 30-го.—Анедрея Первозваннаго считаются предрождественскими праздниками, и потому съ этихъ дней начинается гаданье: пекутъ лепешку на одной соли, и желающая повидать во снѣ своего будущаго «чалавѣка», загадываетъ, ложась въ постель и съѣвши соленую лепешку: сужаныи, ряджаныи, придзи мнѣ вады падаць.

Декабрь.

4-го Варвары великомученицы.

5-го Саввы. Нерѣдко къ этому времени ложится снѣгъ, какъ бы въ подтвержденіе народной примѣги: «Савва мосця, а Миколѣ гвозда»¹⁾.

6-го Николая—Мирликійскаго. Хотя не всегда, но бываютъ въ это время порядочные холода, и потому существуетъ такое дѣленіе: первые морозы Микольскіе, вторые хрищенскіе.

Къ 6-му декабрю уже устанавливаются цѣны на алей.

Пенька и алей единственные здѣсь продукты, которые идутъ въ продажу. Работаетъ то онъ цѣлое лѣто, а доходу получаетъ отъ 50—100 рублей, но ему вѣдь «пракармйцца и то добра».

А семьѣ-то рѣдко въ какой хатѣ найдется менѣ десяти человекъ съ дѣтьми, конечно, включительно.

Съ коноплянаго дохода прежде всего торопятся отдать «надземельныя» и проч. казенные сборы, расчитаться съ долгами и на чорный весенній день завернуть и въ трапицу и заткнуть куда нибудь въ щелку амбара, «штобъ хто схдвы²⁾ ни падглядзѣу». А иному «да зарѣзу треба коника купиць», кстаті въ м. Погарѣ Никольская ярмарка.

Бывааетъ изъ нихъ, впрочежь, много и такихъ богачей, которые, сложивши коноплю на маслѣобойнѣ, зайдутъ къ купцу въ контору, сведуть счеты забраннымъ деньгамъ и все тутъ. А полочки то въ итогѣ и нѣтъ, развѣ много, много, что попадетъ какал нибудь счастливая пятерка въ карманъ, такъ сказать, на разводъ «на сѣмя».

Взамѣвъ конопли, во дворъ привозится еще съ маслѣобойни конопляная макуха. Это большое подспорье въ хозяйствѣ; она идетъ на обмѣшку рогатому скоту, лошадажь и прочей дворовой живности, не исключая и собакъ. Ржаную же муку на обмѣшку расходуютъ очень осторожно, такъ какъ, помолотивши хлѣбъ и свѣдши свои хлѣбные итоги, хозяйева иной годъ ведутъ такого рода разговоры между собою:

1-й Ну, Карнѣявичъ, хвалицясь, ци багата у васъ хлѣба? Можа-бъ вы мнѣ да налѣвця павычыли хоць пудоу зъ дзсятакъ?

2-й Нѣ, брацкику, у йетамъ гаду, хто яго знал, ци хваця да маслянки, ци нѣ.

3-й Во, а у мяне дай Богъ, дай Богъ, штобъ да Ражтва хапйла.

4-й И то добра а во якъ у мяне, дыкъ я йетый годъ отъ радзичау куляю.

5-й А мы зъ братамъ намалацйли тамъ трыспуху—пасѣяли кольки былд, да дзвѣ клунки на прудъ атвязли³⁾, во и хлѣбъ увесь».

Къ декабрю мѣсяцу оканчиваются всѣ срочныя работы: жито домолочено еще въ ноябрѣ, чтобъ его на гумнѣ мышъ не точила, пеньку изъ сажалокъ тоже давно «иы-

¹⁾ отъ слова гвоздь. ²⁾ отъ слова сховаць—спрятать. ³⁾ молотъ на муку.

тыгали», свезли и разставили на просушку, слѣдовательно, свободного времени у крестьянина остается достаточно.

Ходить зимой на заработочки онъ не охотникъ, «да и дзень карѳтакъ, ци багаты чаго зробишь» и вотъ каждый изъ нихъ «пдруицца кала двара: скоть гадѹя, у лѣсь за дравамы ѣзда, лапци пляце».

Въ началѣ зимы у многихъ хлѣбъ еще не доѣденъ, бабы то и дѣло, что некутъ горяченькіе блинны, кстатн алей выбигъ и «пакинули на расходъ хунтоу 20, а то и цѣлый пудъ», возможно, пока свѣженькимъ алейцемъ маслитъ усякія мякотки.

Хотя этого «хлѣбца и алейца» хватить не на долго, но... что будетъ дальше, о томъ на теплой печкѣ при горячихъ пампушкахъ и галушкахъ «ни злишкомъ рупицца».

За нѣсколько дней до Рождества по селамъ то тамъ, то сямъ, на площадкахъ или огородахъ видѣются огоньки: домохозяева, заколовши «кормнаго» кабана, смалюютъ яго содомой.

Это великое событіе совершается разъ въ году. Сало рѣжутъ на четырехъ - угольные квадратикн, солятъ и складываютъ въ дежку на всю годовую пропорцію для заправки «сгравы». Изъ говядины дѣлають колбасы.

При малыхъ достаткахъ и неурожаѣ только прикармливають небольшого «подсвинка», а потому получается не сало, а «адны—шкурки, а каубасы съ палиць у тоушки».

Но тѣмъ не менѣе уже на рождественскіе праздники въ каждомъ дворѣ колбасы. Даже священнику, когда онъ ходитъ съ крестомъ полагается кусокъ сала и колбаса.

Каляда.

(рождественскіе святки).

24-го декабря «на куццю» особенно бабы ничего не ѣдятъ до вечерней зари— звѣзды. Зато передъ вечеромъ куда ни взглянешь, надъ каждой хатой вьется дымокъ— это топить печи и варятъ кутью (ячменная густая каша), а также кутью изъ всякаго «збожжа» для скота.

Въ каждую кашу стемляютъ деревянные крестикн и ставятъ кутью и «узваръ», т. е. отваренныя сушенныя яблоки—подъ образами въ сѣно, въ воспоминаніе младенца Христа, лежащаго въ ясляхъ.

Вячеряють трохи позднѣй, зато въ сумерки ѣдятъ блинны.

Если въ дворѣ есть дѣвки, то онѣ первымъ дѣломъ стараются «захаваць первый блинъ, съ которымъ идутъ подъ окна надслуховаць пра што у хаці гамонюць», то и случница.

Хорошо, если разговариваютъ о хлѣбѣ, о богатствѣ, о женитѣбѣ, а то иногда идетъ разговоръ и о покойникахъ. «Иванъ или Романъ, што у томъ гаду ѣу съ нами куццю, сѣ лѣта яго душачка толькн па хаці лятая».

Кромѣ того въ эту пору дѣвки цѣлыми партіями ходятъ подъ окны «щадраваць у тня двары ндзя йосць нявѣсты и хлопцы ня жанатые». Имъ то и адресуются всякія хвалебныя пѣсни съ припѣвами.

Святый вечаръ добрымъ людзямъ.

Што-й у варѳцечкахъ
Сталла дрэвачка купарисная,
Палъ тымъ дрэвачкамъ
Пава хадзіла, перья раняла.
Святый вечаръ добрымъ людзямъ.
Дзѣвачка хадзіла
Перьячка збірала,

Вяночыкъ пляла (біа),
На галоуку клала,
Да церькви ишла.
Святый вечаръ добрымъ людзямъ.
Паны-й карали дзиваваліся,
Ци йета царѣуна
Ци каралѣуна,

Святый вечеръ добрымъ людемъ!
Я ни царюна, ни каралеуна,
Я Ганна Иванауна

Дай—Кужалева (фамилиа той, кому
поють.

(с. Росуха, Мглинского у. со сл. 18 лѣтн. дѣвки въ 1889 году).

Хадзі Галичка на вичарніцы,
Святый вечеръ добрымъ людемъ!
Ни пайду, сястрицы,
Да-й на вичарніцы,
Прыѣху на мнѣ рѣдныи брахнійка
Да привезъ мнѣ тры радасцы,
Тры радасцы, тры вясѣласцы
Первая радасць—зялёныи сайнѣ
Другая радасць—арловыи вянѣкъ,
А трецьця радасць—залатыи персянѣ.

Галичка прыбиралася—наряджалася
Да церкву ишла.
На ганки узыйшла—
Ганки укланялись.
У церкау узыйшла—
Церкау асвацілася.
Паны сустрікалі—шапки здзівялі,
Ци йета панна? Ци каралеуна?
Ажъ йета наша Галичка Аудакімоуна,
Святый вечеръ добрымъ людемъ!

(с. Росуха, Мглин. у. отъ той же въ 1889 году).

У ляску, у ляску,
На ждутахъ пяску,
Святый вечеръ добрымъ людемъ!
Тамъ пчолы гудуць,
Церкау будуюць
Святый вечеръ добрымъ людемъ!
Съ трѣма вакнамы,
Съ чатырма вугламы,
Святый вечеръ добрымъ людемъ!
Первая вакна
Жаркая сонца,
Святый вечеръ добрымъ людемъ!
Другае вакна

Вясѣл мѣсячка,
Святый вечеръ добрымъ людемъ!
Треця вакна
Дробны звѣздочки,
Святый вечеръ добрымъ людемъ!
Жаркая сонныяка—
То Владимирька
Вясѣл мѣсячка—
То красная дзѣвачка.
Святый вечеръ добрымъ людемъ!
Дробныя звѣздочки
То пяхъ дзѣтачки
Святый вечеръ добрымъ людемъ!

(с. Кошемяки, Мглинск. у. со сл. 19-лѣтн. дѣвки въ 1898 году).

Слѣдующая пѣсня поется хозяину, у котораго нѣсколько сыновей:

Ой рана, рана пѣуни папѣли,
Ще-й ранѣй тагд Микѣлка устау,
На двару пахадзіу,
Званкомъ пазваніу,
Вратцау пабудзіу,
Святый вечеръ добрымъ людемъ!
Уставайца, брацьця,
Сидлайца кнѣіи,
Бдвѣця у дубровы зялёныя,

Сякиця масты калянавя,
Будуць иницъ тры празники,
Первый празничакъ святѣе Ражствѣ.
Другіи празничакъ святѣе Василья,
Трецьціи празничакъ святѣе хрыщеня
На Ражствѣ—разгавлянняйка,
На Василья—гулянняйка,
На Хрыщеня развѣжданьшайка.

(с. Росуха, Мглинского л. со словъ 20-лѣтн. дѣвки въ 1899 году).

За эти пѣсни хозяинъ высылаетъ шадровщикамъ сала, по кусочку колбасы, а скорѣй всего по блину. Панъ же даетъ нѣсколько копеекъ.

Съ кѣшъ мало цермоняется, тому поють слѣдующее:

Щадрюю, щадрюю,
Каубаски чюю,
Святый вечеръ
Добрымъ людемъ!
Дайца каубасу,

Я у дворъ панясу
Святый вечеръ добрымъ людемъ!
Дайца другую,
Я пащадрую,
Святый вечеръ добрымъ людемъ!

(въ 1899 г. отъ той же).

Если долго ничего не высмываютъ, то одна изъ дѣвокъ говорить у оконнаго стекла:

«Дарица, ни барица, коротки свотки, намерзли лытки».

Еще въ этотъ вечеръ подростки водятъ «козу» по дворамъ.

Въ этой костюмировкѣ нѣтъ никакой иллюзіи: одинъ изъ хлопцевъ надѣвается на себя вывороченный на изнанку кожухъ, становится на четвереньки и топчется на одномъ мѣстѣ. Остальные хлопцы поютъ:

Го-го—каза,
Го-го—сѣрая,
Ни хадзи каза
Падъ Михайлауська,

Тамъ йосць стрялцы,
Хочуць казу убиць,
Дзяцей асираціць.

(с. Росуха въ 1899 г. со сл. 18-лѣтн. парня).

25-го—Рождество Христово.

Рождественскими праздниками, какъ въ городахъ, такъ и въ селахъ, каждый имѣеть поползновеніе развлечься и повеселить себя чѣмъ бы то ни было. Но чѣмъ же, спрашивается?

Вотъ и первый день праздника: утромъ у каждого поселяннина время занято надѣвъ свои праздничные наряды, всѣ стремятся въ Божій храмъ помолиться, поставить «свѣчку на свайе мазалёвня», и бросить въ брызготку, кто сколько можетъ. Обѣдня кончилась. Разсыпались всѣ по своимъ дворамъ разговляться. Лица у всѣхъ довольныя, веселыя, у каждого такъ и написано: дождались, слава Богу, праздничка Господня.

Къ обѣду въ этотъ день почти у каждого припасена «крошка мяса».

Покушали, легли отдохнуть. Вставши глянули на небо: еще рано, солнце съ полдня не свернуло.

Чѣмъ же тутъ позабавиться? Куда себя пристроить? Пошелъ бы за ворота, на улицу—рождественскій морозъ лютъ, «за носъ щипля»; зашелъ бы къ сосѣду—сидѣть самъ на самъ не великая потѣха,—хочется прикнунуть къ стаду, да собраться некуда, крошѣ какъ къ «жиду Калману», у котораго хаты просторныя, столы и лавки широкіе.

Вотъ и потянулись къ Калману и съ того конца села и съ этого. Большинство шло съ самыми невинными намѣреніями «посядѣць, пагамавиць, людзей паслухаць», но чѣмъ оканчивались обыкновенно бесѣды въ шинкахъ—извѣстно каждому.

На бабиныхъ.

На 2-й день праздниковъ рождественскихъ повсемѣстно «гуляюць бабины», состояція въ слѣдующемъ: бабка приглашаетъ къ себѣ на вечеръ всѣхъ своихъ «унуковъ», т. е. мужа и жену, у которыхъ въ этомъ году были новорожденные. При этомъ несутъ бабѣ пироги, т. е. 4 или 5 наводневъ чернаго хлѣба.

Если бабка зажиточная и внуковъ имѣется 5—7 паръ, то горѣлочки здѣсь выливается не менѣ ведра и гулянье продолжается всю ночь до сѣту.

Подъ часъ бабуся «гукнѣ зъ вулицы хлопцовъ» съ гармоніей, скрипкой, бубномъ, и тогда всѣ принимаются за танцы, «ня учунься, якъ п ночка пройдыя. Вотъ якъ харашо, да веселя на бабнахъ», рассказываютъ «унуки».

Въ перемежку между танцами, за закуской и выпивкой, поютъ разныя пѣсни, выражающія преимущественно отношенія молодыхъ супруговъ въ женамъ и семьѣ.

Што—й у лўзи, на прытўзи
Калиначки кустъ,
А на той калинацы
Салавейка сплицъ.

Хто жъ будзя салавейку пабуджади?
Йосць у яго зязюличка, тая пабудзя.
Устань, устань, салавейчыка,
Гдѣзя табѣ спацы,

Ужо тваіе таварышы
Лугі абляцѣли;
Зязюличка сѣрая,
Палетай за мяне.
У сѣнячкахъ за дзвѣрамы
Грышачка спиць,
Некаму Грышачкі
Яго пабудзіць.

(д. Водвинка, Мглінскаго уѣзда, со словъ 65-лѣт. женц. въ 1897 году).

Шуме, гудзе сосінка у бару.
Гуляла, буяла свякруха у пюру,
Гуляшы, буяшы, у двору прышла
Да—й прычыначку знайшла

(д. Шапочка, Мглінскаго уѣз. отъ 27-лѣт. женц. въ 1897 г.),

Якъ уставу я ранюсінька,
Умюся я бялюсінька,
Якъ сяду я падъ кудвѣляю
Да—й падъ бѣляю,
На дворѣ свѣтъ бялюсінькій.
Идець мой мялюсєвькій,
У засѣжкі на грудзяхъ лента кра-

сная,

А на пѣяси да зялёная.
Скажы, скажы, мой мялюсінькій,
Издѣ ночь начавау?

Йосць у яго Парасачка,
Тая пабудзі.
Устань, устань, Грышачка,
Гѣдзя табѣ снаці,
Ужо тваіе таварышы
Кѣней гадуюць,
Парасачка Іванауна,
Пагадуй за мяне.

На бѣдшаго сына, на бѣдшую нявѣ-
стачку:

Чаго, чаго ни сустрыкалі,
Чаго, чаго падъ руки ни хваталі.

Начавау я, маяя мялая,
У твайныхъ братду,
А у свайныхъ шурьянду.
Нипраудачку, чалавѣча, кажышь,
Я позна зъ вѣчара ни спала,
Па падъ вѣканью хадзіла.
Издѣ, падлєсць, шляуся,
Издѣ валачуся?
Нашню дабю
Шѣ шельмаю другою.

(Отъ той же въ 1897 г.).

Когда ея родные братья съ жѣнами и всѣ добрые люди по парочкамъ въ мирѣ и согласіи отправляются на бабіны веселиться, ея непутящій мужъ ушелъ къ своей возлюбленной. Идти же одной на это собраніе «ниवेशъ яковд». Вотъ она и отправляется: подъ окно посмотришь на пирь и видить тамъ:

Сидяць браты на застѣляйку
Зѣ маладымы жѣнкамы,
Пьюць мѣдъ да гарэлачку,
Залѣно вѣнд.
Пра мяне пра горькаю, дя гаворюць—
Нема нашыхъ бяздолныхъ,
Нема гѣрка-дѣльныхъ,

Я тѣ вокань пашла да-й заплакала—
Ты скажы, скажы, мой милинькій,
Издѣ ночь начавау?
Начавау я, мая мила,
Да—й у влюшніцы.
— У шельмы влюшніцы,
Злой разлѣшніцы.

(Отъ той же въ 1897 г.).

Туманъ, туманъ на даліні,
Шырокіі листъ на каліні,
Яще шыршы на дубчэу,
Кліча гѣдубъ голубачку

Хоць ни свайю, дыкъ чужю,
Хадзі, серца, пацалую.
На што табѣ чужу цававаці,
Свайой пичаль задаваці.

(д. Водвинка, Мглінскаго у. со словъ 27 лѣт. женц. въ 1898 году).

См. Шейнъ бѣд. пѣсни т. I ч. 1 стр. 300 № 353.

Въ деревнѣ Кожемякахъ эту самую пѣсню оканчиваютъ такъ:

Ни задавай серцу туги,
Ни вѣзьмишь ты, вѣзьма другій,
— Дзяучына, ни журыся

Я-йще моладъ, ни жаніуся,
А якъ буду жаніцися,
Прыдзі дзйва дзйвнцися.

— Твайо пива мнѣ ня удзива,
Твайо вино пйци горька,
Любились мы гадоу сколько!

Любилися ни набралися,
Тольки людзи насмѣялися.

(со сл. 65 лѣт. женщ. въ с. Кожемякахъ, Мглинскаго у. въ 1897 году).

На другой день утромъ къ бабушѣ опять являются всѣ парочки похмѣляться и на этотъ разъ уже приводятъ своихъ свекрухъ и свѣкровъ. Затѣмъ каждая чета пригласяетъ ее къ себѣ въ назначенный день.

Однако на другой день пирушки поются такія пѣсни:

Спйцца дрѣмльница
Надъ кудзеляю.
Зеляна в'аччу,
Гарэлки хѣчу.
Вы на Бога гляньця,

Пахмялйцца дайця,
Учбра я маладѣ
На бабинахъ была,
Багата вышпа.

(Со сл. 30 л. жен. хуг. Шапачки 1897 года).

На новый годъ, раннимъ утромъ маленькіе, семи, восьми-лѣтніе хлопчики, съ узелкомъ ржаныхъ зѣренъ въ платочкѣ, являются въ каждую хату и, бросая горстями на полъ зерно, поютъ:

Сѣта, сѣта ¹⁾
На нова лѣта.
Хѣдзя Илья
Надъ Василья.
У яго пужка да драццная,
Идзѣ пужкай махне,
Тамъ жыта расце.

А йдзѣ ни махѣя,
Тамъ и ня бывая.
Зарядзй, Божа,
Жыта—ншайцу,
Усяку пашницю
У пѣли ядрѣмъ,
У дварѣ добромъ.

Оканчиваютъ обыкновенно такъ:

Ой ты, дзѣдзичка,
Глянь на пайчку,
Дай паяничкѣ.

А ты, бабачка,
Глянь на кутѣчыкъ,
Дай сала кусочыкъ.

(с. Разсухи, Мглинскаго у. со сл.)

5-го января: постная кутья. Тоже не ѣдятъ до зари или до освященія воды на вечернѣ. Также, какъ и въ предъидущіе сочельники вечеромъ пекутъ блины, варятъ кутью и узварь.

6-го Крещеніе. Все село сходится на Ярдань. Вырубленный во льду, на рѣкѣ или озерѣ, крестъ обливаютъ бурчаннымъ разсолѣмъ и обсаживаютъ ёлками. На «Ярдань» принято прѣзжать на лошадяхъ.

Игрыща или вечерницы.

На рождественскихъ праздникахъ и вообще зимой молодежь тоже изобрѣтаетъ себѣ забавы: устраиваютъ время отъ времени, въ складчину, въ хатѣ какой-нибудь одинокой вдовы вечерницы или «игрища», какъ ихъ здѣсь больше называютъ.

Вечеромъ готовится закуска: самое первое и лакомое блюдо у нихъ—это «яйешная», кулешь гарохавый съ саламъ на скавародцы и каубаса.

Благоразумные родители и сами даютъ для этого провизію, но большая часть молодежи принуждена красць у бацьки и матки вужные для игрищъ продукты, что, виро-

¹⁾ Сѣяно.

чемъ, не считается вовсе за воровство, и каждый смотритъ на это, какъ на забаву молодежи.

На вечерницахъ, кромѣ музыки и танцевъ поются и пѣсни, какія вадумаются, и прежнія старинныя и новыя приносныя, позавишествованныя парнями гдѣ-нибудь на заработкахъ.

Слѣдующая пѣсня занесена изъ Кіева: «тамъ наши чули ябе, якъ пѣли бур-лаки»:

У садзи ягада лясная
Надъ прыкрыціямъ расла,
Маладая свѣтъ княгиня
Съ княземъ у цѣрѣми жыла.
Ванька—Клюшникъ
Злыи разлушникъ,
Разлучыу князя жъ жандѣ.
Ванька зъ нянькай пабрануся,
Нянька князю данасла.
Крыкнуу, свѣснуу князь лакѣю,
Самъ вышау на паратная крыцо.

(д. Воронинка, Мглинскаго у. со словъ 19 лѣт. парня въ 1899 году).

Вы ня вѣйця, вѣтры,
Сы кругыя гары
Ня наносьця, вѣтры,
Бѣлу снѣгу на мой дворъ.
На майомъ дварѣ
Усѣ шаукѣвая трава.
Охъ! и што жъ то за милѣй
Што далѣка ать мяне.
Йонъ ни ативѣдайць мяне.
Запрыхыци миѣ каня,
Паѣду къ яму сама.
Падъишжджаю падъ лясокъ,
Падай, милый, галасокъ.
Прийѣджаю надъ ряку,
Падай, милинькій, рукѣ.
Прийѣджаю у сяло,

(с. Росуха, Мглин. уѣзда, со сл. 18 лѣт. парня въ 1899 году).

Што-й падъ дулькаю, падъ игрушкаю
Сядзиць голубъ сы галубкаю.
Палуюцца, милуюцца
Свайой лубоюу ни надивуюцца.
Аткуль узияся сизакрылыи арѣль,
Разбѣну, разлучыу пару галубоу.
Галубочка убиу,
А галубку самъ злюбѣу.
Узяу у налѣ
Панесь ка двару.
Пасыпау пшаницы,
Паставиу вадѣцы.
Галубка варкѣя,
Циць ня пѣе,
У зѣмень садъ, на миламъ

(С. Жуково, Мглинск. у. со сл. 35 лѣт. женщ. въ 1898 году).

Вы, лакеи, вы, лакеи, маладыя кучаря,
Вы идзѣця, привадзѣця
Ваньку-клюшника сюды.
Идзецъ Ванька, идзецъ клюшникъ
Кудры вѣя вядеркѣмъ.
У княгини малодыя
Лялюцца сълезы ручайкѣмъ.
Скажы, Ванька, скажы, Клюшникъ
Кольки лѣтъ съ княгиняй жѣу?
Пра то знайиць свѣтъ княгиня
Чуть слышиць прагаварыу.

Миѣ на серцы ци жало.
Пиряѣхала я рѣу,
Кажуць-милий низдарѣу.
Узышжджаю я на дворъ,
Кажуць-милий мой памѣрѣ.
Атчынила дзверн у хатцы,
Ляжыць милинькій на ларцы.
Якъ я стала для яго,
Уздыхнула ци жало.
Охъ вы нѣжачки майѣ,
Нахадзѣлись вы ка миѣ.
Охъ вы, бравачки майѣ,
Намаргѣлись на мяне.
Охъ вы, гѣбачки майѣ,
Нацадалались вы мяне.

Плакаць идзѣе.
Галубка мал, ни плачь у мяне
Успакою я цябе,
Йосць у мяне стада галубиная,
Идзи, выбирай, можа тамъ и твой.
Я хадзила, выбирала,
Ни знайшла таго,
Каго пацярѣла.
Такой галубокъ
Да ни такой галасокъ
Такой пѣрушкамъ,
Да ни такой крылушкамъ.
Такой сьзѣнькій,
Да ни мой миленькій.

Ни йдзѣ я дружка ня виджу,
 Ни у дзяцѣуни, ни у Масквѣ,
 Тольки видзила дружочка
 У цѣмну ночку
 У сладкамъ снѣ.
 Я отдамъ сястрѣ малютку,
 Сама выйду на-крылцѣ.
 Гляну я у тую старонку,
 Ажъ мой милинькій идзѣ.

(д. Невзорово, Стародубскаго у. со словъ 14 лѣт. парня въ 1899 году).

Матка доню била
 Йдзѣ ты, доня, вѣнчык¹⁾ загубила?
 Край Дунаю палотны бялыла,
 И тамъ, маці, вѣнчыкъ абранила.
 Ну-ця, доню, грамаду зьбираціц
 Ну-ця, доню, людей пытаці.

(с. Росуха, Мглинскаго у. со сл.)

См. Шейнъ, бѣлор. пѣсни, стр. 171 № 160 и 161.

Ходзя кўрачка па хѣці,
 Раскудакталася:
 Якъ кудакъ, дыкъ кудакъ!
 Пашла замужъ, да ни такъ.
 Пашла разъ—ни гараздъ²⁾,
 Ни пайду у другій разъ.
 А ужо-жъ мнѣ надаѣли
 Чалавѣччы³⁾ кулаки;
 Кулакамы па плячахъ
 Ладощкамы па шакахъ.
 Якъ пасѣю василѣчки
 У свайомъ зялѣнамъ сѣду,—
 Вы расцїяца василѣчки,
 А я буду паливаць,
 Вы хадзїяца малойчыки,

(с. Росуха, отъ 29-лѣтн. парня въ 1899 г.).

Охъ! Щогалька была!
 Щыгыляла!
 Я на тыхъ дрожкахъ
 Ъжджала,
 Што возюць навозъ.

Лезу, лезу по зялѣзу,
 Но камню вада йдзѣецъ.

А Вожа жъ мой, тольки!
 Аборачки тонки!

Бѣтця дзѣўки трыпакѣ
 Ни жалѣїяца лапцѣвъ!
 Вацька лапці попляцѣ,

Кинулася къ яму на шѣю,
 Узывала яго дружкомъ.
 Ни узывай мяне дружочкамъ,
 Я цаперыча ня твоей.
 Я жаніюся на другой,
 А жаніюся—ни нажыюся,
 Ни падъ нѣроу жапу узяю,
 Ни падъ нѣроу, ни на мысли,
 Ни на серцу сваяму.

Пойдзїмъ, доня, вѣнчыка шукаці.
 На што маці людзей ту баваці?
 Луччы маццы на праўдлі казачы.
 Казакъ маладзѣнькій
 Зяю вѣнчыкъ залацѣрькій.

А я буду прынимаць
 Па чатыры, да па пяць.
 Пойдзїмъ у зяленъ садъ гуляць.
 Малойчыкоу выбираць.
 Выбраушы малойчыкоу,
 Насадзїла усыхъ за столъ.
 Сама пашла за вадѣй,
 Проці кумава двара
 Вядзѣрачки разбїла.
 Стаїць кумъ у варѣтахъ,
 Насмїхайнїца,
 А чыя-жъ йега хата
 Вытапляїнїца адна,
 Стаїць борщъ у нячы
 Исказїюся кипучы.

Эй! Щыгыляй, ня бойсь!
 Чулки нѣвы.—ниты голы,
 Плацця дїнна видна.
 Эй щогалька была!..

Хто жъ мяне вѣрна любя,
 Тѣй и у зѣпечку найдзѣецъ.

Нихто аборакъ ни пауѣ,
 Нихто замужъ ни барѣ!

Братъ абры пашауѣ
 Матка аучы падзяре,
 Сусїмъ дзѣўку прыбрѣ.

¹⁾ Дѣвственность. ²⁾ Не очень-то. ³⁾ Мужъ, человекъ.

Я на бѣтцы сяджу
Слѣзы кѣцюцца!
Якъ выйду я за варѣты
Тра-та-та,
Стайць майя мѣльничка
У варатѣ.

Дзеньнѣгъ нѣту ни капейки,
Выпиць хочыцца!
Охъ, ци майя,
Ци ни майя будзя,
Якъ забачу,
Маё серца нѣдзя.

(д. Лупеки, Стародубскаго уѣзда со словъ 20-лѣтн. женщ.).

Сядзипь сѣтарма на пѣчы
А права на палѣ

А я сѣтарму зарѣжу,
А праваю задаулю.

(въ 1858 г. со сл. 18-лѣтн. дѣвки въ с. Росухѣ, Мглинскаго уѣзда).

Загадау мнѣ мужыкъ,
Загадау чалавѣкъ,
Вары, жѣнкі лины (bis)
Я на сѣняхъ ты-ли-ли,
Я на новыхъ—ты-ли-ли,
Буццамъ варю лины (bis),
А я ливду ни варыла,
Свайго мужа-й адурыла.
Ей Богу жѣ адурыла,
Ей же Богу адурыла.

Загадау мнѣ мужыкъ,
Загадау чалавѣкъ,
Вары жѣнка гарѣхъ (bis),
Я на сѣняхъ тарарохъ,
Я на новыхъ тарарохъ,
Буццамъ варю гарѣхъ.
А я гарѣху ни варыла,
Свайго мужа адурыла.
Ей Богу жѣ адурыла,
Ей же Богу адурыла.

(Записано въ 1858 г. въ с. Росухѣ, со словъ 35-лѣтн. женщины).

Дзяучонка майя,
За што цябе бѣюць,
За што ругаюць?
Я бѣ табѣ хвартучѣкъ купіу.
Купили-жѣ табѣ,
Знасили-жѣ табѣ

Шублики-бублики
Шауцы-крауцы,
Канавѣлы-шапавѣлы,
Палкѣуники-янарѣлы,
Кудлатыя паничи,
Паповичы дураки.

(Позаимствовано въ 1858 г. въ с. Росухѣ, Мглинскаго у. отъ 30-лѣтн. мастерового по профессіи шаповала).

И туды гара и сюды гара,
Пѣ мизѣ тымы гарѣмы
Выхадзила заря;
Да то ни заря,
То дзяучонка майя.
Зѣ рѣблинай крыничаньки
Вадзипу брала.
Пастой, дзѣўка-чарнобрѣўка,
Дай каню вады,
Зѣ рѣблинай крыничаньки,
Сѣ пѣунаго видрѣ.
Парынь, парянікъ
Ни воля майя.
Тады буду каня напавѣцы,
Якъ буду твая.
Дзлучына мая,
Садзись на каня.
Мы паѣдзимъ чыстымъ полямъ

Да майго двара.
Паринь-парянічыкъ,
Нима у цябе
Ни кала, ни двара.
Сталу кустъ калины,
И-тая ни цвила.
Калина майя, учомъ ты ни цвила?
— Зима была люта, у томъ я ни цвила,
— Дзяучына майя, у чомъ замужъ
нийшла?
Мала была—у пана службыла,
У томъ замужъ нийшла.
— Паринь парянікъ, у чомъ ты
халастой?
Службу царьскую службу,
На вайнѣ я біу,
У томъ я паринь маладой,
Ни жанатый—халастой.

(въ д. Бородивкѣ, Мглинскаго уѣзда въ 1893 г. со сл. 19-лѣтн. парня).

Ой, выйдзи, выйдзи, дзянучоначка,
Пагаворымъ мы съ табюю.
Сажды, парынъ, гадзіначку
Сажды, парынъ, другую,
Покуль роднаму бацюшцы
Вячэрю згатюю.
Сажды, парынъ, гадзіначку,
Покуль своей родной матушцы
Бълу пасцьель пасцялю,
Тады къ табѣ, парняшачка,
На парадачку прыду.

(Л. Лупеки, Стародуб. у. со сл. 40-лѣти. женщ. въ 1898 г.).

На вулицы, на вулицы,
На вулицы да усѣ кузнцы (bis).
Куюць, ильюць, куюць, ильюць
Куюць, ильюць, да-й наварываюць.
Къ сабѣ Дуню прыгаварываюць (bis).
Пойдзимъ, Дуня, пойдзимъ, Дуня,

(въ с. Росухѣ, Мглин. у., въ 1859 г.

Чаму табѣ ни гадзици,
Па гөреньки хѣдзючы?
Якъ то мнѣ, добру молайцу,
На марозн стѣючы.
Памарѣзну бѣлы ножачки
Да дѣвчачки хѣдзючы,
Пападрау я карманьки.
Гасцінчыки нѣсючы.
Папацѣрз я жупаньки,
Па заборамъ лазючы.

Пойдзимъ, Дуня, ва лужокъ, ва дѣжокъ.
Сарвѣмъ Дуни, сарвѣмъ Дуни
Сарвѣмъ Дуни лапушокъ, лапушокъ (bis).
Наси, Дуня, наси, Дуня,
Наси, Дуяя, ни марай, ни марай,
Па празничкамъ надѣвай, надѣвай (bis).

отъ хороваго пѣлія цэаимствовано).

Адинъ купецъ расказау,
Якъ йонъ дѣвицу ласкау—
Панаравилася паходачка твоа,
Паходачка дробна-частынка.
Двѣ пташачки канарейки
Па падъ небесю летать,
Двѣ дѣвчачки красныя
Падъ вакошачкамъ сидять.
Аны сабѣ тайныя рэчы
Пра сонъ милый гаворюць—
Сонъ мой милый, сонъ щасливый
Варатіся, сонъ, назадъ!
Ащасліу ты красну дѣвуку
Хоть у свѣти одинъ разъ.

(Посадъ Клиницы, Суражскаго у., со сл. 25-лѣти. печвика въ 1899 году).

Дѣтъ симнанцати малчышка
Ни жанатый—халастой,
Какъ задумау йонъ жаница,
Ваславонья стау прасить,
Дазволь мнѣ узять, папаша,
Каторую я люблю,
А папаша ня павѣрну,
Што-й у свѣти йость люблю.
Синъ заплакау, ва зялёный садъ пашоу

(со словъ того же въ 1899 г.

Дѣ ты милый скрмуси,
Дѣ тебе шукать,
У Адести застауса
Чувалы таскать.
Чувалы тяжолы,
Плечачки балять.

(Отъ того же въ 1899 г.).

Гаворачка распрытаньнякая,
Да што ступишь,
Раснатъшышь ты мяне.
Загаворышь-звисялишь ты мяня.
Мой милинькій йонъ паѣхау
За тысячу дѣвсти верстѣ.
Йонъ и самъ ка мнѣ ня ѣдить,
И паклона мнѣ ня шлѣть.
Йонъ другую спалюбюу
На мяне, младау, забюу.
Запрапала майю частѣ
У тѣмнамъ лѣсн на травѣ,
Разальлеца крѣу гарѣча
Па сырой мати зямлѣ.

Ишоу садикомъ зялёнымъ,
Ишоу дарожкай сталѣавой,
Несь йонъ шаблю, тачну войстра
И зарѣзау самъ сябя.
Пакатилася галоука
Па зяленай па травѣ.
Заставайтесь тымъ лаволны
Што прыкончыу самъ съ сабой.

Лѣчы-бѣ я наняуса
Водкой таргаватъ.
Ать водки вина
Балить майю серце
Ташницца душа.

Працай Харькау, да свяданья
Аставайся, а я прочь.
Атхажу я на стражданья
Пыль-дарожку тдучь.
Пыль набъеца у нось, у вушы,
Лобь ать жару засмылять.
Палка тоустая гатова
У дверях яна стаить,
И тарбинка съ сухарями

Иена на гвоздику висить.
Назадь ни звярнуса, сюды ни прыду,
Будишь, жила, прыпадаты
Ты къ маяму сляду.
Я ни прыпадала,
Прыпадаты ня буду,
Гарявала я съ табою,
Вивъ тябе ня буду.

(д. Невзорово, Старод. уѣзда, со словъ 18-лѣтн. хлопца въ 1899 г.).

Охъ, садъ, ты мой садъ зяляненкій
Ты зачымъ рана цвятешъ, абспайнисья?
Ты далече, мой милдой, убирайнисья
Ты съ усими, милдой, ты працайнисья,
А са мной маладой усѣ ругайнисья.

Што—й лятѣла пава тязь снйя моря,
Уранила пава съ крыль перушка,
Мнѣ ни жалка павы—жалка перушка,
Мнѣ ни жалка аца, мати,
Жалка молайца.

(Отъ того же въ 1899 году).

Салавей мой, салавей,
Салоуюшка лугавой
Ты куды, куды лягишь,
Куды Богъ тябѣ нисѣть?
Палячу я, салавей,
Тязь тры девять земель
Къ удовачки у зелянъ садъ.
Сѣу у удоукинамъ саду,
На яблани у листу,
Какъ на яблани сахорнай
Я усю ночку прапѣю;

Маладая удовачка,
Ни стушаючы агню,
Усѣ сидѣла длі вакна
Да слухала салауя.
Салавей мой, салавейка,
Ни лятай ты у мой садъ,
Ни садися на вакиѣ,
Ни задавай жало мнѣ.
Мая бѣдна галовачка
Многа у свѣтѣ пажыла
Много горя бачыла.

(Отъ того же въ 1899 году).

Послѣднее десятилѣтіе, кромѣ прежнихъ старыхъ пѣсенъ, молодые дѣвки и парни стали распѣвать, такъ-называемыя «припѣвки», которыхъ, какъ они сами выражаются, «бизъ чысла».

Состоятъ эти припѣвки изъ нѣсколькихъ римованныхъ строчекъ и поются всѣ на одинъ мотивъ. Онѣ вошли въ моду съ тѣхъ поръ, какъ въ большихъ экономіяхъ начали разводить табачныя плантаціи.

И вотъ деревенскія дѣвки, работая на поденной работѣ этихъ плантаціи и по-заимствовали припѣвки отъ почепскихъ дѣвокъ. А затѣмъ и сами стали добавлять и присочинять по своему вкусу подобныя куплетики въ родѣ слѣдующихъ:

Продамъ ленту изъ касы,
Куплю миламу часы.
— Намъ ня дораги часы,

Дѣраги цапѣчки,
На чѣрта намъ богачы
Богатага дѣчки.

(Запис. въ с. Михайловскомъ, Старод. у., отъ 17 л. женщ.).

Капуста мая,
Шырокія листы.

Атступитесь шарлатаны,
Къ намъ идуть артисты.

(Отъ той же).

Ни па небу хмара хѣде—
Па нябесной высатѣ.

Не по дѣукахъ хлопцы плачуть,
Па дявоцкай красатѣ.

(Отъ той же).

Ни журися, мая мила,
Што у кармани нустатъ,
У мене дѣнжжкы вядуцца,
Якъ у рѣшатн вадъ.

(со сл. 19 л. д. въ дер. Борознинѣ, Стар. у.).

У меня миленка есть,
Страхъ на вулицы правестъ:
Ротъ шырокій, носъ дугой,

Ни журися, мая мила
Я нийдѣ ни прападу,
Многа граматы научуся,
Ув ахвицѣры пападѣ.

Ножки тягнуцца дугой,
Лашадѣ пужаюцца,
Кучары ругаюцца.

(Отъ той же).

У миласчакы маеѣ
Нѣту кохтачкы сваѣѣ.

Я милѣнку спалюблю,
Я ей кохтачку нашю.

(Отъ той же).

Нѣтъ цвѣточка, нѣтъ сасѣнны зяляной,
Нѣту милаѣ на вулицы—отпрауляюсь я дамой.
У чѣмъ салдата ни любить,
За салдатѣмъ панства;
Закладу руки у карманъ,—
Усе яго хавяютва.

(Отъ той же).

Охъ ты суккина дочъ!
Йдѣ гуляла усю ночь?
— Ни бранися маминька—
Харошъ, харѣшъ миленькій

У рубашакы у сининькаѣ.
Чого яму луччы дачъ,
Ти сахару бѣлаго,
Ти винограду сыбѣлага.

(Отъ той же).

Нашы дѣвчакы красивы
Чатьвиртака у мене прасили,

Ну я малчыкъ былъ удагъ,
Палтары капейкы дагъ.

(Отъ той же).

Ой мы думали, гѣдали
На ваду ванкы пуцали,

Мой вяночыкъ патанулъ,
Мой миленькій абманулъ.

(въ с. Гарцовѣ, Стар. у., отъ 18 л. дѣв.).

Гармонь мая лаконѣ,
Провожала—плакала.
Проводила я дружка
Да заленага лужка.
Отъ лужка и до лужка.

Прашавѣѣ, сударушка.
Правдила да забору
Цаловала бизъ разбору,
Правдила до варотъ,
Удивила увесь народъ.

(Миханловчы, Стар. у., со сл. 17 л.).

Хорашо милый играйишь,
Твойишь холодно рукамъ

Падайдика подъ вакошка,
Я пирчаткы тибѣ дамъ.

(Отъ той же).

Я на вулицы ишла
Пылашь запылилась.
Я сѣдѣла подъ вакошкамъ
Да и повѣѣѣну витярокъ.
Шила миламу рубашку
Вышивала каунерѣкъ.

Рада бѣ зъ милымъ постояти—
Людей постыдилась.
Я и шыла вышивала,
Ни хватила шолку.
Сколькы зъ милымъ ни стала,
Ни дабилась толку.

(Отъ той же).

Сколки Богу ни малюся
У святые ни папау.
Не ходи, милъ, кале моря,
А то у воду упадешъ.
Не сватай ты богатя,
А то зъ горя пранадешъ.

Ув адну дѣвачку улюбиуса,
За сибѣ яѣ ни узѣу.
Багатая праклятая,
Ана вѣчнѣ пышна;
А бѣдная—харошая,
Якъ у сади вишня.

Пожилыя женщины смотрятъ на припѣвки, какъ на чѣчто безнравственное и легкомысленное, и съ гордостью заявляютъ: (въ селѣ Высокомъ, Стародубск. у.) «нѣ, у нашимъ сятѣ пѣть только медзинныя хорошыя пѣсни, а йетыхъ прыпѣвакъ, слава Богу, ня чутно. То вонъ пѣють прыпѣвки тыя дѣуки, которыя звыкли таскацца на гарадахъ да на табакахъ».

Въ уѣздныхъ, заштатныхъ городахъ и мѣстечкахъ.

Въ настоящее время уличное хоровое пѣніе въ городахъ считается нарушеніемъ общественной тишины и спокойствія. Нѣсколько же десятковъ лѣтъ тому назадъ, когда городничіе больше были заняты доходами съ аршинниковъ и самоварниковъ, чѣмъ городскими порядками, и сами послѣ вечерняго чая не разъ возсѣдали въ халатѣ на лавочкѣ у воротъ дома, — городская молодежь обоого пола изъ мѣщанъ и подгородныхъ хлѣбопашцевъ пользовалась тоже патріархальнымъ деревенскимъ правомъ собираться на улицахъ, гулять и распѣвать. Это не фабричное, полупьяное пѣвіе, вызванное хмѣлемъ. Нѣтъ. Здѣсь въ теплую лѣтнюю ночь собиралось юношество встрѣчать свою первую весну. Здѣсь выбирали себѣ подругу будущаго трудового жита и воплощали свою жазнерадость въ громкой пѣснѣ, ощущая, быть можетъ, первое бѣненіе сердца вблизи любимаго существа.

Когда съ появлеіемъ исправниковъ и полицейскихъ надзирателей начали въ городахъ запрещать всякія сборища и игры, молодежь долго отстаивала свое неотъемлемое право облекать свои чувства въ пѣсню и первое время не слушалась полиціи.

При введеніи этого новшества зачастую гдѣ-нибудь въ концѣ улицы, подъ заборомъ сада, вдругъ раздавался громкій хоръ. Полиція сѣвшила туда, но молодежь раньше разставляла своихъ караульщиковъ, которые, слышша шагъ власти, бѣгомъ пустились къ сборищу, и, когда полиція прибывала на мѣсто, ребята уже сидѣли на деревьяхъ, и все было тихо. Иногда пѣніе раздавалось въ разныхъ концахъ города, но хористы, какъ пѣвчіи птицы, сидѣли на «верби у канцы гребли».

Само собою разумѣется, что прекрасный полъ при такихъ нелегальныхъ условіяхъ уже не участвовалъ въ гуляньяхъ.

Благодаря этому вскорѣ перестали собираться на гулянья—и подъ Ивана Купала. Къ вѣнцу и отъ вѣнца и прочіе свадебные поѣзда ѣхали молча безъ пѣніи. Только на святой недѣлѣ Пасхи въ уѣздныхъ городахъ даже и теперь позволялося на одной изъ улицъ или на площади водить хороводы съ пѣснями.

Также уцѣлѣли еще щедровныя пѣсни на Рождество и рекрутскія пѣсни. Въ остальныхъ пѣсняхъ нѣтъ строгаго распредѣленія по временамъ года, какъ въ деревняхъ. Поютъ, какія кому и когда угодно.

Мѣщане, мелкіе торговцы и прочій мало интеллигентный городской людъ смотрятъ на подпѣсовъ съ предубѣжденіемъ и выражаются такъ о нихъ: «йета только мужыки избразованные дзѣѣкають да цѣѣкають, а у насъ у горади гаворюць на благородному».

Образчики разговора «по благородному» пагарскихъ мѣщанъ на рынкѣ.

«Здрастуйа вамъ. Слухайтя мѣѣ сюды—ти ня угодна вамъ купить у мяне нячѣчку. Дишавей зи минѣ зроду ни у каго ня купитса... Жалайте, ти нѣ? Ни жалайти? Ну обѣ йетамъ прощайтя, да свиданія ать васъ»...

Въ Мглинѣ и Почепѣ на базарѣ:

«Тетинька, а тетинька! сюды тетка, дулякь харошинькихъ! выбирайтя, якія вамъ заугодно».

«А ты мадїца, чаво станшь? Кушляй дули. Кольки табѣ диситкау?»

Въ Стародубѣ на базарѣ:

«Дядька съ кашалѣмъ, а дядька! Хади сюды! Ишь яго! и ни атгуканца. А штобъ табѣ вушы пазакладавало».

«Пани, а пани! Во бублики горячыє. Ни бярите у яѣ, маѣє смашнѣй. На чѣмъ дасѣтѣ за вязку?»

«7 коп.» отвѣчаетъ паня.

«Дивитися-тка, ти хто чуу, ти хто бачуу, штобъ за тольки баравкау да 7 капѣекъ узить. А штобъ табѣ паничка мая, семь балачекъ», говорить она въ сторону, когда покупательница повернула спину.

Нижеслѣдующія пѣсни записаны со словъ огородницъ, мѣщанокъ заштатнаго города Погаря.

Весной, по случаю «невылазной грязи», которою отличается Погарь, молодежь затрудняется даже въ выборѣ сухого мѣста на площади города, гдѣ бы можно было на святой недѣлѣ водить хороводы. Вонючая, глубокая грязь идетъ сплошной лентой по улицамъ до самыхъ стѣнъ домовъ: ни тротуаровъ, ни пѣшеходныхъ тропинокъ не видѣтся, такъ какъ могучее око земства еще не заглянуло сюда, по дѣлу мощенія улицъ и осушенія города.

Но къ удовольствію и забавѣ молодежи вблизи города протекаетъ рѣка Вабли, туда то парни и дѣвки отправляются на гулянье, сядятсы «у чвонь» катаются по рѣкѣ и поютъ:

Ни на Волзи рякѣ
Быстерь чвонь плыве,
Што-й у томъ у чаунѣ
Маладой удалецъ,
Держить вѣслы у рукахъ
Шапка съ кїстями на йомѣ.
Къ тиряму падѣжджау,
СалауЙомъ прасвистау,

Съ чарнаглазай душой
Усю почь прагулау,
Ни таскуй, ни гарюй,
Ты нявѣста мая!
Ни на смерть я иду,
Ни схарднють мяне,
Я навадъ варачусь,
На табѣ ажанюсь.

(м. Погарь, со словъ).

Вкъ пасѣю я лянокъ
У чыстомъ пдлі на лужку,
Ты расти, расти, мой лень,
Тонокъ, дбвигъ и висдкъ,
Изъ корня варянисть,
Зѣ галовачки симянисть.
Якъ пачую пра свой лёнь,
Увесь патоптанъ, павалёнъ,
У пастельку палажонъ.
Тры дорожки праляжали,
Тры малайца прабяжали,
Тры халдстинькихъ,
Тры малодинькихъ,
Пасавѣтуйтя, падружки,

Мнѣ катораго любить?
Што—мнѣ перваго любить—
Нада щдгална хадить,
А другога палюбить—
Покорненькій треба быть.
А мнѣ третяга любить—
Увесь нарау треба змянить.
Палюбила малайца
Изъ за Питера—купца.
Узну дѣвачку, пахватиу,
У карабликъ пасадиу,
Па Волзи рякѣ лусту.
Волга ряка ни прымая,
Къ бвяржочку прыбивая.

(м. Погарь, со словъ 20 лѣт. дѣвки въ 1898 году).

Х о р о в о д н а я .

Видна ты, рожа, адна у гарди,
Рожа, ты, рожа чырвоная.
Кала мяне сядзяць красачки радвыя.
Тольки кала мяне нѣту
Аднаго каралёваго цвѣту.
Рожа, ты, рожа чырвоная.
Я-й таго пасаджу,
Красачкамы абгараджу.
Видна, ты, дѣвачка,
Адна у батюшки.

Хоть адна, да й тая людна,
Рожа, ты, рожа чырвоная.
Кала мянѣ сядзяць
Дѣвачки красныя.
Тольки нѣту кала мяне
Аднаго Иваничка.
Рожа, ты, рожа чырвоная.
Я-й таго пазаву,
Кала сабе пасаджу.
Дѣўкамы пагарскімі абгараджу.

Щедровныя пѣсни.

Слѣдующую пѣсню пѣли вѣроятно крѣпостные подь окнами своихъ господь:

Што-й у пана, у пана
Мивалаа Васильявича
Адинъ сынчыкъ, якъ сакалочыкъ.
Йонь и таго у войска знаряджу,
Капя вываду, да й—прыказывау—
Бѣ, мой сынчыкъ, якъ сакалочыкъ,
Па передъ войска ни хапайся,
Зѣди войска ни аставайся.
Батюшки свайго лонь ни паслухау,—
Папярѣдъ войска на кагѣ йграя,
Папярѣдъ усихъ мячѣмъ махая.

Бѣя поля, бѣя другія,
На третья узвѣждая.
Яго батюшка ни угадая.
Батюшка кажа-то мѣсячка свѣтъ
Матушка кажи—то нашъ сынъ бѣя.
Якъ заслѣшау пра то
Да руській кароль
Калибъ я знау,
Чый то сынъ играу,
Ябъ за яго каралеуу атдау.

(со сл. 40 лѣт. женщ. м. Погарь, Стародуб. у.).

Слѣдующую пѣсню говорятъ «гадицца пѣть у доми, штобъ Богъ пасылау урад-
жай и споръ усюды».

Добрыи вѣчарь
Мосьця панове!
Славенъ ясы,
Нашъ милый Вожа
На нибасы.
Раставляйта стали тасѣвны,
Накрывайта стали каурамы,
Наливайта кубки мядамы,
Будуть къ намъ трѣя гостей:
Первый гость—весель мѣсячка,
Уторый гость—жарка соньяйка,
Третьтій гость—дробинъ дожджычакъ.
Во што змовя ясенъ мѣсячка:
Якъ узыйду рана зъ вѣчара,
Узрадоу пана у дарѣзи,
Паню у дамѣ.
Што—змовя жаркая соньяйка:

Якъ узыйду рана на зары,
Узрадоу добрыхъ дѣтачакъ.
Во што змовя частый дробинъ дожд-
жычакъ,
Якъ прайду я хоть разъ на лѣти,
Урадоу я жыта пшавицу,
Усяку пашницу
У поли ядромъ,
У дварѣ добромъ,
На лугу стагамы,
На гумнѣ капамы,
У клѣти карабамы,
У пячѣ пирагамы.
Славенъ есь,
Нашъ милый Вожа
На нибасы.

Паздравляимъ съ новымъ годомъ, съ единымъ Богомъ, штобъ здоровыи были,
многа лѣтъ жыли.

(М. Погарь, со сл. 25 лѣт. женщины въ 1897 году).

Пѣсни, што пѣюцца у бясѣди.

Погарцы очень словоохотливый и веселый народъ. Въ компаніи или у бясѣди стоить выпить рюмку или двѣ водки, сейчасъ начинаются пѣсни и танцы съ припѣвами. Преимущественно женскій полъ охочъ до пѣсень.

Йость у пдлі трѣ дарѣжки разныхъ,	Разыграуся конь варѣный пада мной
Хадиу паренѣ да дѣвочки позна.	Падъ наборнай збрунѣ залатой.
Прашу тябе, ни хади да мяне,	Охъ! и хто-жъ то каничаньку спайманъ?
Будя слава пра тябѣ и пра манѣ.	Охъ! и хто-жъ то молайца скавая,
— А я тыя славы па вѣкъ ни баюся,	Спаймала каня красная дяучѣна,
Съ кимъ люблюся, съ тымъ ни разлучуся,	А скавала молайца да рѣдная мати,
На рыначку сяду—й—абнимуся,	Ни строй, мати, каменной палаты,
Съ кимъ спазнаюся, съ тымъ звинчаюся.	Прыкуй, мати, къ дѣвиччай карвати.

(м. Погаръ со сл. 45-лѣтн. женщ. въ 1897 году).

Шлыла щука съ Крымчанчука волною вадою,
 Атбила щука рыба ать беряжка ряску,
 Патиряла дѣвачка ать молайца ласку.
 А я тую щуку рыбу нѣвадамъ спаймаю,
 А я свайго милинькаго рѣчань уяднаю.
 Я яднала—ни уяднала, у большой таски стала.
 Сватай мяне, раскукинъ сынъ, ня вводу у худу славу,
 Сама сабѣ дѣвачка славачки даходишь,
 Ранинька и познинька зъ вулачки ня сходишь.
 Стану размауляти, ня мѣжышь атстати.
 Ня вѣрѣ жа ты, дѣвачка, майнѣ гавдрачкамъ,
 Даржи вушь разумъ у свайой галовачки.
 Я дяржала вушь и разумъ, да-й пустила у воду,
 Ни упаваю я, милинькій, на тваю худѣбу.
 Спалюбила я тябе за тваю удѣбу.
 Я-й ти журюся, у пичаль ни удаюся
 А выйду я за вароты, ать вѣтру валюся.

(Погаръ, со словъ 25-лѣтн. женщины въ 1897 году).

У майго мѣлага расте тры садочки,
 Што-й у первамъ сѣди зязюля кукуя,
 У другомъ—зяденамъ салавейка свища,
 А у третьямъ вишневамъ мать съ сынамъ гуляя.
 Яна зъ йнѣ гуляя, у сына прауды пытая —
 Скажи, мой сынчыкъ, хто табѣ милѣйшѣ?
 Жана, али тѣща, али мать рѣдная?
 Мати моя, мати, чаго ты пытайишь
 Ума, ти бязумѣя, ти розуму майго?
 Жана мнѣ мила, жана па закону,
 Тѣща мнѣ мила, мила для заѣвду,
 Милѣй рѣдной мати ў бѣламъ свѣти нѣту.
 Яна мяне спараджала,
 Тры гадочки кахала,
 Жарка свѣту ни тушыла,
 Темну ночку ни усыпала,
 Усѣ у калыски калыхала.

(м. Погаръ, со сл. 40 лѣт. женщ. въ 1898 г.).

См. Шейнѣ. бѣл. пѣсни стр. 340, № 403, стр. 338 № 401.

Салавейка малюсінкый,—
У тябе голось танюсінкый,
Запѣй рана на зарѣ,
Узвясели ва ты мяне.
У чужой далней старанѣ
Нѣту роду тутъ пры мнѣ,
Нѣту рѣднаго ацца,
Ни сястрыцы, ни брацца.
Пайду у поля пагуляць.
Свайго роду пашукаць,
Усе поля абайшоу,

(м. Погарь отъ 17-лѣтней дѣвки въ 1895 году).

То ни чарачки па столику пабрякаваюць,
То удалые мѣлаицы пагуливаюць,
Лини пѣсінки плячуть
У терешь голась падаюць.
Слухай, дѣўка, слухай красна,
Слухай, душачка мая,
Ты када будишь мая?
Ни загадочку дяучоначка загадала,
Ни задумачку красная задумавала.

(м. Погарь, со сл. 40-лѣтн. мужч., огородинка въ 1898 г.).

Ни садися, салавейка,
На майомъ вакнѣ,
Ни хади, малодчыку,
Позна да мяне
Ни узводъ, малодчыку,
Славы на мине,
Была, была слава,
Были пагаворы
Пра тую дяучоначку
Што чорныя бровы,

(м. Погарь, со сл. 17 лѣт. дѣвки въ 1895 году).

Свайго роду ни знайшоу,
Тольки я знайшоу былинну
На мѣтарнай на магили.
Ты, былинначка, схилися,
Сыра зямля растварися,
Устань, мати, ни ляжы,
Мнѣ дарожку пракажы.
Рада бѣ, сынчюк, я устати,
Дарожку праказати,—
Жоутыя пасочки
Засыпали вочки

Загарицца гарюць каминь
Сирядѣ Волги раяк.
Сяредь синя моря
Парастеть палынь трава,
Разальлецца быстра рѣчка
Супрати майго вакна,
Тадѣ буду я твая.
Нашу дѣлу ни спалійца
Намъ съ табою ни брѣцца.

Тая дяучоначка,
Якъ поуная рожа,
Якъ поуная рожа
Дѣвчачка прыгожа.
Иде—загаворя,
Якъ у звонъ завѣдня.
Иде—засмѣнца,
Дунай разальлецца,
Кали заспѣвая,
Якъ у листь читая.

Рекрутскія.

Зьбираюся на бѣту,
Працаюся жѣ жаной,
На працаньни сказау:
Жана судь вярна.
Ня слухала малѣдка
Мужа свайго.
Мужа забыла,
Дитя радѣла
Ншой мужъ зѣ палку
У пабырку дамоу,
На пути дарожки
Таварышъ и деть—
Зларѣу, братъ таварышъ,
Ти жыва тамъ слѣдня.
Сняжыя уся здарова.

(м. Погарь со сл. 45 лѣт. женщ. въ 1896 году).

Случылася бяда,
Бяда ниболшая:
Жана радѣла.
Мать сына сустрикала
Съ иконай святой,
Жана маладая
Съ гарючай слязой.
Мать сына прасила—
Прасти, сынъ, жанѣ.
Табѣ, мать, працау,
Жанѣ—никагда.
Влїснула шабелька
У рукѣ баевой,
Скатилася галоука
Жѣ жаны маладой.

Правдажала маминька
Сына у саддаты
Да-й заплакала—
Вярнись, вярнись, мой сынчыкъ,
Хоть на, адинь дянёчыкъ
Ни вярнуса, маминька,
Ни на адинь часочыкъ.
Сяради лѣта тѣплага
У гости прилячу,
Сяду я падъ яланкай
У зяляномъ саду

Запью я пѣсянку
Тонкинь галаскомъ.
Мина таго садку
Маминькашла
Явѣстачки—ластачки,
Вы паслухайта
Хто у нашамъ садку
Жалабна пѣтъ?
Сынъ мой разлюбовный
Голось падаѣтъ.

(м. Погаръ отъ той же въ 1896 году).

Што й ты, рѣчачка, Палтаука,
И шырока и глыбока
И валною шыбка бѣе.
Якъ ударила вална
Абъ крутыя бяригѣ,
Разливалася вадница
На зялѣнныкмиъ, лужкамъ.
Умывалася даяница,
На бѣряжку стаючы.
Вынимала сы карма
Гарнитуравый платокъ,
Утирала красна дѣвка
Свайго бѣлая лицо.
Яна умывалася, яна набѣлялася,
А замужъ пошла,
Мужу пакаралася.
Мужъ раяннвыи бѣу,
Хатѣ жану зарубить,

А жана мужа усю ночку прасила—
Ни руби мянѣ рана зъ вѣчара,
Заруби мянѣ сы вѣчара да палуначы,
Дѣтки будутъ спать,
Яны ня будутъ знать.
Къ бѣду свѣту дѣтки прашнулися,
Родный батюшка, идѣ наша матушка,
Ваша матушка у святлицы умываница,
Яна умываница, яна набѣляница.
Родный батюшка, то ваша няпраудачка.
Наша матушка у святлицы зарубана,
Закопана падъ бѣлай бярѣзю,
Прыкрыта гнилою калодаю.
Дѣтачки-жѣ майе, ни укваряйтязь
мянѣ
Ни винавать я, ни у прычнны я,
Винаваты у томъ уси дружки майе,
Уси таварышы.

(отъ той же въ 1896 году).

Атдала мяне мати за разбойничка.
Сы вѣчара, сы палуначы
Разбойнички на разбой идуть.
Ужо свѣтъ—падъ абѣдъ
Разбойничкау дома пѣтъ.
Ужо люди набѣдали,
Разбойнички прыѣхали
И стучыть и грыочыть
У новыя варата—
Принимай жана
Дивятѣрку лашадей.
На дсятамъ варавомъ
Самъ разбойникъ удалой.
Принимай, жана,
Платѣтя цвятндя,

Ни дивись, ни сматры,
На Дунай ряку, няся,
Маладая жана ни утѣрила,
Паглядѣла яна, важжахнулася:
Ахъ ты воръ, ты разбойникъ,
Пагубитель души,
Загублю майго брата,
Свайго шурына.
Цыць, шельма, замаучы,
Скипишь сама на нажы,
Што-й на первай устрѣчы
Аццу—мати ни спущу,
Хоть свайю съ плечь
Галдвачку сыму.

(отъ той же въ 1896 году).

Пращай атець, радная мать,
Праститя сына свайго,
Щятайтя дни ман асталныя
Часы гулянья майго.

Пращай, атець, радная мать,
Падайтя миѣ каня гнядѣга
Съ кауказьскымъ вѣбранымъ сядломъ.
Пращай, атець, радная мать,

Я сяду на каня быстрога,
Слизамы грудь усю абальлю.
Пращай, атець, радная матъ,
Здрастуй чуждая страна,

Богъ вѣсть, когда я варацуся
Апять на родину свайю.
Пращай, атець, радная матъ,
Праствита сына свайяго.

(м. Погаръ, со сл. 22 лѣт. дѣвки въ 1899 году).

Слѣдующія пѣсни записаны въ Мглинѣ со сл. 35 лѣт. женщ. въ 1899 году.

Чырвоная ты, калнначка,
Што-й у лузи выростала.
Щасливая ты, дячудначка,
Што любви ни знала.
Любоу наша харана,
Да разлука тижала.
Разлучыла насъ няволничка,
Чужа—далняя староначка,
Низнакомый здѣшний край.
Якъ сяду я, маладосненька,

Падъ ракитавый кустокъ,
Вы кусты майе ракитавые,
Прикланитися къ зямлѣ.
Вы пташачки—канарейки,
Сабірайтеса ка мнѣ.
Ращыплитя майо твѣлячка
На малюсинькинь частимъ.
Не ма жѣ майго милаго
Ни туты, ни тамъ.

Я на лѣсу йшла,
Я на тѣмнѣну йшла,
Ни баюлася.
Шауковая травачка
У слѣдъ слалася.
Па лясочку, па заленѣну

Листочки шумять
Пра насъ съ табой, милненькій,
Люди судють и гаворють,
Пуцай судють и гаворють,
Я да тебе буду хадати,
Табѣ вѣрна любити.

Сярдечка майо, сярдечка,
Чаго баязнуишишь?
Ты скажи, мая милан,
Каго вѣрна любишь?
Аднаго дружка любила,
Плакала, тужыла,
Плакала, гаривала,
Мала нocy спала.
Охъ ты, ночачка мая темная,
Каравать моя, ты, тясовая!

Я усю ночачку прастопа,
Другу ночачку перядумала
Третью ночку я праплѣвала
Свайго милаго упрашывала:
Прашу тебе, другъ, ни прагнѣвайся,
Што мнѣ за твѣнь ни хатѣлася,
Хатѣлась мнѣ да-й за луччага,
За бѣлаго, за румянаго,
За Ивана кучарѣвага.

Систра мая, сястрыца,
Чаго равѣ стара стала?
Ты, систра, сястрыца,
Калибъ ты майо гора знала,
Ты бѣ у мяне—й ни пытала,
Сыноу ни жанила,

Дачокъ ни т'давала
На чужой работѣ.
Горька притамлюся,
Приду у чужу хату,
Зьѣмъ сукхга хлѣбца,
Слизымъ абальлюся.

Якъ засвища салавей
У темнашь лѣси,
На калины сидючы,
Горьку ягаду калину влюючы.
Якъ заплача моладецъ,
У тѣрѣмки сидючы—

Охъ вы, браццы таварышы мяне,
Накажыта майму батюшки у даму,
Нихай батюшка худобку прадае,
Мяне молайца съ тюрмы барѣ.
Прападай ты, мой сыночыкъ у тюрмѣ,
А худобка нехай астаецца пры мнѣ.

М. Косичъ.

Звуковыя особенности бѣлорусскаго говора Черниг. губ.

§ Первый.

а) Звукъ *a* остается безъ перемѣны, если на него падаетъ удареніе. Напр. хата, ракъ, галка, свѣха, мѣтка.

б) *a* ударяемое въ книжной рѣчи, переходитъ въ *o*, то въ *y*. то *я*. Напр. ѣ=е.

Трѡвушка	} также говорятъ: трѡука	Рѡсць	расти
Мурѡвушка		Сахѡрный	сахарный
Пасѡдзинь	} мурѡука.	Салѡдкій	сладкій
Брѡишца		Рѡзныи	разныи
Мѡнишь (отъ слова манить)		Плѡцюнь	платятд
Мѡня (3 лицо ед. ч. отъ гл. манить)		Гѡцюць	гатать
Падѡринь (падаримъ)		Качѡлка	кѡчалка
Рѡшшыука (расшывка)		Мачѡлка	мачалка
Пакѡцинь (покатимъ)		Старѡцна	стараться
Рѡсказыни		Рѡмы	рамы
Гавѡриця (говорите)		Мялчѡйшыи	мельчайшій
Кѡжныи (каждый)		Гарчѡйшій	горчайшій
Крѡса краса		Ближѡйшыи	ближайшій
Утѡишь утаишь		Шыбчѡйшыи	скѡрѣйшій
Ухѡпншь ухватишь			

2) Звукъ *a*, на который въ книжной рѣчи не падаетъ удареніе, при произношеніи остается безъ перемѣны. Напр.

Падалица	упавшій съ дерева	Качарьга	кочерьга
	фруктъ	Каганѡць	ночникъ
Замазка	замазка	Каравѡй	свадебный хлѣбъ
Табака	табакъ	Узрадавауся	обрадовался

Какъ рѣдкое исключеніе могутъ служить слова *имбаръ* (амбаръ) и *ладунъ* (ладакъ) гдѣ *a* замѣняется въ первомъ словѣ звукомъ *и*, а во второмъ звукомъ *у*.

§ Второй.

я ударяемое.

Звукъ *я*, на которомъ въ книжной рѣчи существуетъ удареніе не измѣняется и въ разговорной. Напр.:

Ярь		Мѡта	
Валѡчка		Мѡвишь	
Цилѡты	теляты	Лѡга	лѣнтѡйка
Дѡцель	дятель	Грѡды	
Грѡзь		Вѡзь	

Въ нѣкоторыхъ словахъ ударяемое *я* переходитъ въ твердое *a* или *ѣ*.

Такое измѣненіе звуковъ замѣтно въ уѣздныхъ городахъ и мѣстечкахъ. Напр.

Гарѡчный	горячій	Царѡ	царѡ
Прѡмо	прямо	Прѡтаць	прятать
Рѡдомъ	рядомъ	Грѡзь	грязь
Прѡжа	пряжа		

Я ударяемое переходитъ въ *ѣ*, напр.

акаѣмъ окаланныи

Звукъ *я*, на который въ книжной рѣчи нѣтъ ударенія, замѣняется въ разговорной звукомъ *е* или *и*. Напр.

пѣсѣь	посѣь	на градаѣхъ	на градаѣхъ
масленка	маслянка	сѣиць	сѣять
питаѣкъ	пятакъ	вѣиць	вѣять
цѣжаѣль	тяжестъ	вѣйка	вѣйка
завязѣць	завязать		

§ Третій.

З в у к ъ О.

Звукъ *О* подъ удареніемъ, какъ и предъидущіе гласные, не измѣняется и выговаривается при произношеніи, какъ *о*. Напр. столъ, вѣлосъ, вѣчка, голодъ, балѣта. Но въ извѣстныхъ случаяхъ нашъ говоръ не знаетъ обычнаго, въ извѣстныхъ случаяхъ, *о* нашего литературнаго языка и, согласно старинѣ, сохраняетъ *и*, *а* (*і*), *ѣ*: маладѣй, удалѣй, другѣй, дарогѣй, вѣю (вою), мѣюць (моютъ), крѣю (крою), пѣй (пой), хала-стѣй, чарнабрѣвай, крѣшущъ (З л. мн. числ.), варанѣй, рѣю (рою), нѣю (ноу).

Неударяемое *о* выговаривается какъ *а*. Но вм. уголь, уголья вугаѣль, или угаѣля, вм. вокругъ—вѣкругъ, йонъ (онъ). Напр.

лѣвату	
курѣчка	
панавага	(род. пад. панового)
чабатѣ	
анѣча	
канѣ	(род. пад. отъ сл. конь)
агдѣн	
пакмалѣди	
паккалапѣць	
старанѣ	
сакѣдѣ	
саснѣ	
галасѣць	

Въ рѣдкихъ случаяхъ неударяемое *о* переходитъ въ *и*. Напр.

кравѣвѣй	кравѣй	пѣлыя	пламя
праглавѣнѣць	проглѣтнѣть	здрыгнѣуся	содрогнулся
дрѣжѣць	дрѣжить		

Въ началѣ нѣкоторыхъ словъ вмѣсто *о* слышится *и*, *ѣ*. Напр. йнстрѣць=острѣть, найстрѣу=наострѣль; Мигилѣвъ=Могилѣвъ; врябѣй=воробѣй.

§ Четвертый.

З в у к ъ е.

Звукъ *е*, отчасти и *ѣ*=*е* подъ удареніемъ произносится или а) мягко, какъ въ словѣ *Ева*, или б) твердо, какъ оборотное *э*, или в) какъ *ѣ*, *йо*.

Примѣры:

а) какъ <i>е</i> мягкое	б) какъ оборотн. <i>э</i> .	в) какъ <i>ѣ</i> (<i>йо</i>).
лѣбидѣь	Васкрѣсѣньне	усѣ, твайѣ
нѣрнѣь	Спасѣньне (или спѣсинѣньне)	маѣо, далѣка
нѣгля	у Вазѣньясѣньня	маѣю, свайѣю,
сѣрѣць	узѣзѣчка	усѣю, сѣмѣй
вѣрба	видѣлка—вилка	умѣрь, умѣрла

вѣцнръ—вѣтеръ
мѣрзнуць
апѣньки
умѣрць
насѣшь

абжаждѣньне—обхождѣнiе

йдѣсьць, вѣдры
дѣшавѣ
свадѣбный
стайнцьѣ
пѣйнцьѣ

Послѣ шипящихъ ж, ч, ш, щ, также послѣ р звукъ е ударяемый произносится, какъ французское e ouvert, съ открытымъ ртомъ, напр.

вѣчѣри (ужинъ).	щѣпка.	чѣша (чешить)	рѣмни
барѣзникъ.	капѣль (сумка).	сатрѣшь (сотрѣшь)	чарѣпаць
щѣлка—щель.	щѣдрый	рѣщыкъ (крестникъ)	чарѣшня
шѣршень.	жѣрдзь	грѣчка	варѣники
шѣльма.	кажѣуня (отъ кожи)	рѣбры.	тарѣлки

2) Иногда ударяемое е переходитъ въ о. Напр.:

ужѣ	т. е.	уже.	пачѣпка	т. е.	почѣпка
пякѣмъ		пячѣмъ	щѣдуаць		щѣлкаць
идѣмъ		идѣмъ	шѣстый		шѣстой
вѣдомъ		вѣдѣмъ	гнѣмъ		гнѣмъ
нясѣмъ		нясѣмъ	кладѣмъ		кладѣмъ
барѣмъ		барѣмъ	жнѣмъ		жнѣмъ
			трѣмъ		трѣмъ

Но сл. пѣпель сохраняетъ свой старый видъ: попѣль. Сохраняется и и въ повсл. накл. глаголовъ бити, лити, пити, не переходя въ е: би ли, пи (а не бе ѣ, ле ѣ, пе ѣ).

3) Иногда ударяемое е переходитъ въ и, ы и даже въ о, также въ а.

Напр.: низъ } между.
низъ } между.
низѣда гарами между горами
памизъ горъ между горъ

тѣвну цѣтъ.
пранизъ пѣлцу между пальцами.
табѣ
сабѣ

§ ПЯТЫЙ.

е не подъ ударенiемъ.

Неударяемое е, стоящее въ слогѣ рядомъ съ ударяемымъ слогомъ, непосредственно предшествующимъ ударяемому слогу, всегда исключительно переходитъ въ я. Напр.:

ляци	мядѣсинькiй (мелкiй, не глубокiй)
мядѣвый	нядѣля—недѣля
пярѣ	нясица—несите
вязи	бары—бери
цясѣвый	цялѣнакъ—тѣленокъ
мянѣ	вярнисъ—вернисъ
цябѣ	сялѣ—село
някрѣцкiй, т. е. рекрутскiй	сястрѣнца

1) Изъ этого правила исключается слѣдующее: если въ словѣ ударяемый слогъ имѣетъ я, то въ предшествующемъ рядомъ стоящимъ съ ударяемымъ слогомъ уже не будетъ слышно я: оно замѣняется звукомъ и.

2) Рѣчь не терпитъ сряду 2-хъ словъ съ звуками я. Напр.:

два дзясѣтки = два десятка	Вилѣвачка	бѣляничка.
зимля	не вилѣаць	3-е лицо не велѣаць.

Даже если ударяемый слогъ имѣетъ гласный звукъ а, то въ предъидущемъ слогѣ уже не услышится однороднаго мягкаго я, напр.: не скажугъ дзяжѣ, но дзяжѣ, систрѣ, а не систрѣ.

Нельзя, впрочемъ, сказать, чтобы всё поголовно выговаривали одинаково; въ большой глуши Полѣсья иногда старые люди говорятъ также: сястра, жаряная, вярная.

3) Также и въ слогахъ, стоящемъ послѣ ударяемаго я, слышится больше и или е, но никакъ не я. Напр.:

приязиво	пряжа	вѣлиная	иногда вяленая
глянннѣ	посмотрннѣ		

4) Такъ какъ рѣчь не терпитъ двухъ я въ рядомъ стоящихъ слогахъ, то и при отрицаніи «не» замѣчается слѣдующее измѣненіе гласныхъ:

а) если въ слѣдующемъ за отрицаніемъ слогъ слышится я, то отрицаніе не переходитъ въ мя. Напр.:

Кумусичка, любусичка,
 Ня би майихъ вуцинѣтъ.

б) Если въ слѣдующемъ за отрицаніемъ слогъ слышится я, то отрицаніе «не» переходитъ въ ми.

Кумусичка, любусичка
 Ни бярѣ майихъ вуцинѣтъ.

Однимъ словомъ, съ перемѣщеніемъ ударенія мѣняются и гласныя въ прочихъ неударяемыхъ слогахъ. Возьму слово *зеленый* въ слѣдующихъ примѣрахъ:

1) паслала мянѣ маца	2) зялѣная наша вишанька
зялянога жыта жаца.	Туды сюды нахилилася

5) е въ словахъ, стоящихъ послѣ ударенія, переходитъ въ и. Напр.:

Бѣрнѣгъ	берѣгъ.	дзѣвиръ
лѣбндзъ		зѣлино
дѣдрыва	(дерево).	сонннѣкій

6) е во словахъ, предшествующихъ и въ то же самое время удаленныхъ, не стоящихъ рядомъ съ ударяемымъ слогомъ, большею частью переходитъ въ и, напр.:

силязѣнѣчка	сирядзйна	
симярѣхъ	дзисятѣхъ	дзисятѣрихъ
дзисяцѣ	жирябѣкъ	жеребенѣкъ

7) Повторяю, что въ неударяемыхъ слогахъ нельзя строго установить законъ перехода гласныхъ изъ одного звука въ другой. Напр. въ предъидущихъ словахъ встрѣчаемъ въ болѣе глухихъ мѣстахъ полѣсья въ рѣчи людей, несоприкасающихся съ интеллигенціей, такое произношеніе: вѣцяръ, (вѣтеръ), берѣгъ, лѣбндзъ, дзевяръ, синнѣннѣкій (синенькій).

Для большей ясности приведу рядъ примѣровъ, изъ которыхъ видно, что съ перемѣщеніемъ ударенія мѣняются въ остальныхъ слогахъ гласныя. Напр.:

сярѣдзйна	(спина)	сирядзйна	(средина)
кисѣль		кисѣлю	
дзярѣуна		дзяривѣнѣський	
дзѣрива		дзярѣуа	
вядзѣмѣга		вѣдзѣма	
видзѣмѣваць		вѣдзѣмакъ	
дзяцѣйка	(юноша)	дзѣтачки	
дзвѣцятка		дзяцѣй	
у сѣрѣду	(въ среду)	сирядавѣй	(средній)
цисцѣйный		цѣсьцѣйнѣ	
пярѣдъ		нирядзѣ	
у пѣрѣдъ	(т. е. впередъ)		
вясѣльнѣй		вясѣльнѣйшы	
вясѣлчѣкъ			
вясѣ		на вясѣ	
вясѣйный			

вчѣрній		вячѣрашній
вѣчарамъ		у вичару
у лясѹ		паласдущыкъ
у лѣси		лясный
цярпѣць		ня уцѣрпила
ни у царпѣжѹ		на цѣряны
у цыряму		за дзѣвершы
за дзѣвершы		нищаный
пѣсокъ		раменый
рѣшныя	(тв. м. ч.)	вѣлина (приказано)
вильѹ	(приказу)	разглядю
ни вильцѹ	(не приказываютъ)	силадзѣць
гляджу		камяный
сялѣдка		
камяны		

8) Въ словахъ предшествующихъ и послѣдующихъ ударяемому слогу, послѣ шипящихъ *ж, ч, ш, щ, ѝ, ѡ*, неударяемое *е* переходитъ въ *а*, а иногда въ *ы*.
Напр.

щакѹ	щарба	саженей	чацьвѣргъ
жанѹ	щанокъ	шаволя (шевелить)	чатѣры
чарыйца	ущамайлася	шпатѹха	чапѣць
чарѣпаць	жарцѣйна	на шасту	царькоуный
жалѣць	цадзѣць	щабѣча	кашаль (кашель)
жалѹдакъ	купѣчаскый	щацина	шарсыяный
жарѣбна	чырвоный	чарствый	кучырыный
жасьяняный	чырявыкы	часнокъ	чырвенець
жастокый		на часцѣ (на чести)	

§ Шестой.

Буква *ъ*.

Буква *ъ* въ разговорной рѣчи литвиновъ ничѣмъ не отличается отъ *е* и подчиняется почти тѣмъ же самымъ правиламъ, которыя относятся и къ *е*.

1) Будучи подъ удареніемъ она выговаривается, какъ «е» въ словѣ «ея». Напримѣръ.

лѣсъ,	сѣрый	мѣлъ	вѣна (приданое)
лѣвъ,	сѣтка	дѣла	ѣвъ
сѣна	прыбѣгъ	вѣинкѹ	ѣхау

2) Послѣ *и, р*, буква *ъ* также произносится съ открытымъ гласнымъ, какъ французское *e ouvert*. Напр.

рѣка	гарѣлка	рѣжь	цѣпъ
рѣшато	абъ Пятрѣ	рѣпа	цѣвъ
арѣхи (также говорятъ аряхи)			
на дварѣ	цѣука (трубка, на которую наматываютъ нитки при тканьи)		
рѣдкый			

3) *ъ* переходитъ также въ *ы* и *я*. Напр.

усьмйхуйца (3 л. ед. ч.) усмѣхается	
тѣву, (цѣвъ)	чынь (чѣмъ)
прыбрѣну (приобрѣлъ)	тынь (тѣмъ)

4) *ъ* безъ ударенія подчиняется такому же переходу, какъ *е* (см. § 5), напр., бѣды (род. над. бѣды).

ъ безъ ударенія переходитъ въ другіе гласныя, сообразно съ перемѣщеніемъ ударенія (см. § 5) напр.

лѣсь		лясы	дзипяччый
дзѣдъ		дзяды	
дзѣци	дзяцѣнка	рѣка	ряки (род. пад. ед. ч.)

Послѣ шипящихъ преимущественно послѣ *и, р*, неударяемое *ъ* переходитъ въ *а*. Напр.

цадзѣлка (цѣдѣлка)	цалкѣвый (цѣлкѣвый)
на цапу (на цѣпи)	цаляць—цѣлѣть
цальба (цѣль)	цана—цѣна

5) *ъ* въ падежныхъ окончаніяхъ остается только въ томъ случаѣ, если на него падаетъ удареніе. Напр.

на плячѣ	на верицѣ
пры крылцѣ	на пшанѣ
у хварцѣ (также у хвасту)	
пры сястрѣ	абъ ражтѣ (на рождествѣ)
на жнивѣ	на вадзѣ

Исключеніе изъ этого правила представляютъ слѣдующія слова:

на канѣ (на конѣ)	на дни (въ день)
у барщѣ (въ борщѣ)	на пни (на пнѣ)
на канцѣ (на концѣ)	

6) Если же въ этомъ случаѣ удареніе не на послѣднемъ гласномъ, то *ъ* въ падежномъ окончаніи переходитъ въ *и, ѣ*. Напр.

на воли	на хѣладзи
у поли	у крѣниці
на дзярѣуни	на палцы (на пальцѣ)
у лѣси (также у лясѣ)	
у хѣли (въ холѣ)	у ѣми
на пшанѣ	на хѣци.
у прѣси (въ прѣсѣ)	

§ Седьмой.

И.

1) Гласный *и* съ удареніемъ тройко произносится: а) мягко, какъ *и*, напр., вѣшны
б) болѣе смягченно, какъ *іотъ*—и *йи*, напр., йволга, йкаука и в) какъ *ѣ*, послѣ шипящихъ: ж, ч, ш, щ, р.

П р и м ѣ р ы:

а) вѣшня, лѣпа, свѣтка, Ивѣнъ, индѣхъ, игѣлка, ивѣръ.

б) йволга, йкаука (икота) йскра, ймѣи (имя) йниї (инїи) йиншый (иной) йихъ, йва, йихныйимъ, йилъ, йидалъ, йкра, майи, твайихъ, йисцна, пѣимъ, по-чѣимъ, Варабайиха, Ключиха (имена собственныя—прозвища), абливѣимъ.

Вообще йотированное йи встрѣчается въ глагольныхъ окончаніяхъ и въ неопре-
дѣленномъ наклоненїи: атсмѣйишъ, пѣиць (понть), пѣила, стрѣиць, пѣину, наврѣи-
нмѣ.

¹⁾ Послѣ *и* слышно *а* въ великор. акающ. гов.; оно также замѣчено и въ старыхъ Македонскихъ и вообще средне-болгарскихъ рукописяхъ, напр. въ Апост. Чтен. (бывш. Шафар. и нынѣ Пражск. Муз.) къ *пльтьсаи* чистотѣ, въ *Дамасиа*, по *посиа* (постѣ). Срезневскій Свѣд. и зам. С.-ПВ. 1876. LXXII. Стр. 488 *рѣица* и *нозѣ*, бы мнѣ *крѣица* (Вѣлгр. Синакс. 1330 Ламаискій. Прилож. къ VI т. Зап. Й. Л. Н. № 1. 1864. с. 33). *Ред.*

в) жыть, даяржы, лажысь, запряжыцье, скажы, чужы, ключы, уначы (въ ночь) чыстый, шына, кылышы, шырынка (платочикъ), патушыла, лидашыца, шыпыць, шыкататка, шырый, пырына, тры, крыва, рыпнула, Арына, ня журыся, ня барыся, пасварылись.

3) Ударяемое *и* переходять иногда въ *е*, напр., яйёчка—(яичко), яйёць, яйешня, трайцекиё (троицкиё праздники), величанный (отъ слова величнина).

Безударное *и*.

4) Послеъ ж, ч, ш, р, также слышится *и* на мѣсто безударнаго *и*, напр., начынаць (начинать), кудры, шыпала, на пёчы или на пачы (на печкѣ), дрямучый, таварышы, у кашы (въ кашѣ), бачышь, скучылось (скучно), напачысься, (2-е лицо), гарычыя (горькия), харошыя, шырокый, шурныть.

5) Безударное *и* въ началѣ слова произносится какъ *й*, если предъидущее слово оканчивается на гласную. напр. На—Йвана сонныяка йграла.

Йета анѣ ни йшло, ни йхало. (Это все равно), Нима ни йдзѣ (ни гдѣ). Нижу на йгдлу; ня хдчу лисць (идти). Будзимъ на скрипку йграць.

в) Иногда подобное безударное *и* въ началѣ слова можетъ совсѣмъ теряться. Напримѣръ:

Ой грайця музыки,

Кали нocy ни валики,

или

Грай музыка,

А то штрументъ пачѣю.

7) Иногда безударное *и* является въ особаго рода суффиксахъ напр., въ словахъ уменьшительныхъ.

П р и м ѣ р ы:

Каваликъ, клѣшникъ, пѣшникъ, снѣшникъ, кѣшникъ, вѣшникъ, вѣшникъ, понѣшникъ, кѣшникъ, лѣшникъ, земникъ (дорога, по кот. вѣзять лѣтомъ и зимою).

Еще безударное *и* переходить въ *и*, послеъ предлоговъ, напр.:

Атышѣю, абыхѣзь, сыйшла, абышла, Владимирь, сыйзый.

Также безударное *и* переходить въ *я*, *е*, напр.:

Нѣся (носить), кѣрма (кормить), лѣбя (любить), прѣся (просить).

§ Восьмой.

Звукъ *и*.

Звукъ *и* всегда произносится какъ *и*, напр., пыль (пыль), рѣло, сѣта, карѣто, скарѣнка.

За исключеніемъ нѣсколькихъ словъ, гдѣ *и* замѣняется звукомъ *и* и *а*, напр., вискѣй, вышата (вымыта), вопытный (опытный).

Среди городскихъ мѣщанъ и полуграмотныхъ дворянъ слышенъ вмѣсто звука *и*=и, напр., бутялка, вимить, тисяча, били (были), пимно, кабила, висколмить, ви, ни и т. д.

§ Девятый.

Звукъ *у*.

1) Звукъ *У*, замѣняющій собою всегда предлогъ *и*, а также неударяемый звукъ *у* въ началѣ слова произносится двояко: а) или кратко или б) обыкновенно, какъ выговаривается *у* въ книжной рѣчи. Напр. «у хѣци свикруха лжѣла».

2) Безударное краткое *у*, стоящее обыкновенно въ началѣ слова, произносится на столько кратко, что, сливаясь съ гласной предъидущаго слова, какъ бы не составляетъ отдѣльнаго слова. Напр.

Наумѣръ Данила, балѣчка удавила.

3) У можетъ быть краткимъ только тогда, когда стоитъ непосредственно послѣ гласнаго. Напр.

краткое у:	не краткое у
мы убили коршуна	охотникъ убѣу коршуна
жена умѣрла	монѣ умѣръ
ты ня умѣлшишь пахаць	дзѣвнрь умѣа пахаць
наны сватѣ убдги	нашь сватѣ убдгъ.

4) У не бываетъ краткимъ въ началѣ фразы. Напр.

У лѣси, на пратавѣси висиць красная плацьца¹⁾.

У поли съезжачка.

5) «У» не бываетъ краткимъ послѣ дзоегласн, образовавшагося изъ слоговъ: ел, ал, ил. Напр.

пашбу у дубраву	Церькау у гдрадзи
Сѣу у лѣси	Прышоу у хату:

6) Въ рѣдкихъ случаяхъ у переходитъ въ и, о, ю, а именно:

глыбокій	юха, юшка (юха).
слыхъ (слухъ)	логъ (дугъ)

§ Десятый.

Выпаденіе и приставка гласныхъ.

Нѣкоторые гласные, стоящія въ серединѣ и въ концѣ слова не подѣ удареніемъ, въ разговорной рѣчи выпадаютъ. Примѣры:

лет'кая	ни'тдѣу
ни'тпущай (не отпускай)	ба'дай — Богъ дай
жав'ранакъ,	за мѣ'стаго—виѣсто того
ад'ли а (дѣлій)	преж'таго
ни'тважуса	

1) Иногда теряются въ рѣчи гласные и нѣкоторые согласные безударные звуки въ началѣ. Напр.

на'тародзи (на огородѣ)	спамянишь—вспомнишь
чѣрить (очереть)	кольки—сколько
за'дно (за одно)	казка—сказка
за'ббалаканы (за облаками)	що—еще
мѣць (имѣть)	з'ва куста—изъ за куста
гурокъ—огурецъ	звѣвняицье—извините
звѣвсна—известно.	

2) Въ концѣ словъ въ звательномъ падежѣ гласный замѣняется полугласнымъ. Напримѣръ:

Маткѣ, хадзи сюды
Душь, прядзи лѣтъ
Дзядзкѣ, ци ни бачму ты тиллягъ.

Примѣры приставки гласныхъ:

кравць (рвать)	аржаный—ржаный
ншду (шѣлъ)	игрушы—груши
аутдрокъ (вторникъ).	иржа—ржа
Адарья (Дарья)	идзѣ—гдѣ
Иглань (Иглинъ городъ)	альяный (льняной)
Ишмѣць—власть мохъ при постройкѣ.	алямонъ—лимонъ
Ильѣ—льѣ	апасьлѣ—послѣ.
иржаць—ругать	

¹⁾ Загадка: Калина.

Согласные звуки.

Звук *е*, стоящій въ началѣ слова передъ какимъ нибудь согласнымъ звукомъ, произносится какъ *у*. Напр.

удбука—вдвка	уздыхаць—вздыхать
улъзъ—влъзъ	узяся—взяся
уляпиу—влъпиль	улю—влиль
унесь—внесъ	уладзѣць—владѣть
уремья—время	узадрать—взадрать
умѣщи—вмѣсть	узляцѣць—взлѣтъгъ
унукъ—внукъ	узятка—взятка
узышоу—взошелъ	узносъ—взносъ.
узабрѣуся—взабрался	

Въ означенномъ случаѣ звукъ *у* выговаривается, во 1-хъ, кратко, а во 2-хъ, такъ какъ мы его обыкновенно выговариваемъ. (Относительно краткости *у* см. § 9-ый 3).

Хотя предлогъ *еъ* замѣняется въ рѣчи звукомъ *у*, напр. у лѣси, у свѣтцѣ (въ свѣтѣ), у доми, у скрѣни; но если послѣ предлога *еъ* слово начинается гласнымъ звукомъ, то къ предлогу прибавляется еще *у*. Напр.

у сабдзи—въ обозѣ	у ватрѣби—въ отрубѣ
у сакрѣзи—въ округѣ	у вавѣали—въ обвалѣ
у ванѣчахъ—въ онучахъ	у вабиѣлкахъ—въ обмылкахъ
у вапѣнкахъ—въ апенъкахъ	у вабарѣци—въ оборотѣ
у варѣхи—въ орѣхѣ	у ваглобляхъ—въ оглобляхъ
у вастрѣзи—въ острогѣ	у вѣбьскѣ—въ обыскѣ (пойти)
у вахѣдзи—въ обходѣ	у ваутѣрокѣ—во вторникѣ.

Звукъ *е* служитъ придыханіемъ предъ начальными *о*, *у*. Напр.

вѣсень—осень	ни вѣдзинъ—ни одинъ
вѣйстрый—острый	вѣбчство—общество
вѣхаць—охать	вѣбуу—обувь
вѣгникъ—огникъ (болѣзнь, на лицѣ струпья)	вѣсва—оса
вѣмутъ—омуть	вѣко—око
вѣчень—очень	вѣспа—оспа
вѣсмотреть—осмотрѣ	вѣсь—ось
вѣтдыхъ—отдыхъ	вѣтцянель—оттепель
вѣблака—облака	вѣобразъ—образъ
вѣгненнй—огненнй	вѣзяро—озеро
вѣбшыука—обшивка	вакѣшко—окошко
вѣкала—около	вѣкарокѣ—окорокѣ
вѣкунъ—окунь	вѣлень—одень
вѣльха—ольха	вѣпись—опись
на вѣтмашъ—отмахнулся	вѣтка—утка
вѣульлякъ—улей	вѣлица—улица
вѣуголь—уголь	вѣузкій—узкій
вѣумникъ—умникъ	вѣумиръ—умеръ
вѣуксусъ—уксусъ	вѣусъ—усъ
вѣумысяль—умыселъ	вѣутро—утро
вѣуха—ухо	вѣудзвць—удить.
вѣучиць—учить	

Звуки б, п, в, м, ф.

Согласные средніе звуки не переходятъ въ соответствующіе тонкіе звуки, какъ это замѣчается въ великорусской рѣчи. Напр., говорятъ бобъ, но не бопъ.

дубъ а не дупъ	ѣжъ — ѣшь
лаука — лафка	будка — бутка
рѣдко — рѣтко	дзѣдъ — дзѣтъ.

Исключеніе составляютъ слова — стѹпъ (столпъ) и юпка.

Равнымъ образомъ послѣ означенныхъ губныхъ не слышно мягкаго знака, а наоборотъ, твердый знакъ, напр.

пѣлука — пѣвка	рыбѣя — рыба
вымѣя — вымѣ	выпѣю — выпью
семѣя — семья	бѣецъ — бѣеть
сабѣю — собью	Дзимѣянь — Демьянь
гѣлубъ — голубъ	насыпъ — насыпь
бабѣя — бабья	семъ — семь
хлопѣя — хлопья	тряпѣе — тряпье.

Звукъ г.

Г выговаривается какъ французское h (ашъ) въ словѣ halg — (ненавидѣть), за исключеніемъ нѣсколькихъ случаевъ, гдѣ ѣ, произносится какъ французское gué, а иногда даже переходитъ въ ж. Напр. (произносится г какъ гуé).

ганки (крыльцо)	мазкѣй — мозги
гузикъ (пуговица)	мякко — мягко
гвалтъ (крикъ)	вискъ — визгъ
мозкъ — мозгъ	у дребезки — въ дребезги.
рдзка — розга	

Переходъ ѣ въ ж — спужайся.

Звуки д и т.

Звукъ д — т передъ іотированными гласными е, ё, ѣ, и, я, ю, ѳ переходятъ въ дзѣ, и.

Въ этомъ случаѣ ѳ послѣ ц произносится мягче, чѣмъ въ великорусской рѣчи (съ полуоткрытымъ ртомъ).

Для большей мягкости выговора, мы будемъ ставить полугласный ѳ вмѣсто *iota*. Напр.

цѣща — тѣща	дзѣвери — двери
цѣрымъ — теремъ	маладзѣецъ — молодець
давайце — давайтя	сцѣжка — стежка
касѣценькѣй —	цялушка — тялушка
вядзѣе — ведетъ	пападзѣца — попадется
дзѣвирь — деверь	

Звукъ т, не переходящій въ ц, бываетъ вставнымъ между окончаніемъ повелительнаго наклоненія 2-го лица съ приставкою ка. Напр.

сядзѣце-т-ка	ходзи-т-ка сюды
прихѣдзѣце-т-ка	сюдыце-т-ка
вазьмиць-т-ка	присунься-т-ка.

Д и т переходятъ въ дж, ч и ст. въ и. Напр.

багачѣцъ — богатѣть	тауцѣцъ — толстѣть
худжѣцъ — дѣлаться хуже	

Звукъ з.

З мягкое, какъ напр., *зѣй*, *звѣзда* и пр., произносится въ рѣчи, болѣе свистящимъ манеромъ, какъ бы растягиваясь, или какъ будто въ срединѣ слышно два *зъ*, *зь*. Напр., *зъзвизда*—*звѣзда*, *зъзвѣрь* (*звѣрь*), *зъзѣй*.

вазми—возми,

звѣсна—извѣстно.

Въ прочихъ слогахъ, гдѣ *з* твердое въ книжной рѣчи, тамъ оно выговаривается обыкновенно. Напр.

звонъ,

звась,

казка,

Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ книжной рѣчи въ срединѣ словъ слышенъ мягкій *знакъ*, т. е. *ь*, послѣ согласныхъ *з*, *л*, *н*, *с*, *р*,—въ бѣлорусской рѣчи этотъ согласный удваивается, и первый изъ нихъ выговаривается мягко. Напр.

вѣззе—вѣзье

полозья—полозья

гѣльляка—вѣтки

вяселья—веселье

Илья—Илья

застѣлье—застолье

абальѣтца—обольются

сальля—солю

падѣлья—подналье

альяный—льняной

кѣлья—колья

прихѣлья—пристанце

вугалья—угалья

прѣлья—которая прядеть

бѣльѣ—бѣлье

Натѣлья—Наталья

Ульяна—Ульяна

пастѣнья—приполь

катѣнья—катанье

гонѣнье—отъ сл. гнать

гуляньяка—гулянье

разгаулянье—розговѣны

варѣнье—вороны

валосья—волосы

колбсья—колосья

Ягорья—Георгія

пѣръляка—перья

звѣрьѣ—звѣрье.

Вм. *нелзя* употребляется старинное *нелля*.

Мягкій знакъ *ь*, стоящій въ книжной рѣчи въ срединѣ словъ послѣ *ж*, *к*, *ч* и послѣ *дзъ*, *цъ*, въ разговорной рѣчи выбрасывается, между тѣмъ какъ означенный согласный удваивается. Напр.

бѣжка—божья

стручча—стручья

сбѣжка—смѣсь зѣрень

судьдзя—судья

ружжа—ружье

абѣдзя—обѣдья

зайччый—лячій

пападдзя—попадья

собѣчча—собачья

лшцьѣ—лштье

кулѣчча—кулаки

свацьця—сватыя

карѣчча—корни

плѣцця—платье

дзѣвѣччя—дѣвичья

куцця—кутья

хлѣпччый—отъ слова хлѣпецъ

пруцця—прутья

Знакъ *ь*, стоящій въ срединѣ слова между согласными, въ бѣлорусской рѣчи выбрасывается. Напр.

вольный—вольный

пыльный—пыльный

хвалшый—фальшивый

правлно—правильно

пѣлцы—пальцы

бѣлна—больно

паквѣлно—свободно

бѣздѣлна—несчастная

Звукъ ж.

Звукъ *ж* въ срединѣ слова выговаривается, какъ *дж*, а иногда къ *ж* прибавляется еще *дж*, и получается слогъ *ждж*. Напр.

отѣжджѣть—отѣзжать

побуджѣць—будить

ураджѣй—урожай

прахаджѣся—прохожуся

дожджѣ—дожда

ваджѣ—вожѣ

нѣжджы—не жди

саладжѣй—слаже.

Ж переходитъ въ *щ, з*. Напр.

вищать—визжать
зягза, зягъзый — желъзо, желъзый
рзущь—ржутъ

земчугъ—жемчугъ.

Звукъ *к*.

Предлогъ *къ*, выговаривается, какъ французское *que*, передъ словами, начинающимися на *б, д, з, ж, з*. Напр.

гъ бани—къ банѣ
гъ боку—къ боку
гъ дзирцы—къ дыркѣ
гъ гужу—къ гужу
гъ гурку—къ огурцу

гъ зймѣ—къ зймѣ
гъ зязьли—къ кукушкѣ
гъ дзѣреву—къ дереву
гъ жонцы

Передъ прочими согласными слышно *къ*. Напр.

къ травѣ
къ цѣрему—къ терему
къ свѣцби
къ пѣтцы—къ печкѣ

къ каню
къ цяплу—къ теплу
къ цяленку—къ теленку

К переходитъ въ *х*, напр.

хрестъ—крестъ
кто, никто, нѣхтось,—(кто, никто, кто-то).

хресьбины—крестины

Звукъ *л*.

Звуки *л, в*, стоящіе послѣ гласныхъ, переходятъ въ *у* (краткое), образуя такимъ образомъ доегласіе въ слѣдующихъ случаяхъ:

1) **Л** переходитъ въ кратк. *у* въ существительныхъ: Напр.

шдукъ—шелкъ
вдукъ—волкъ
стдушъ—столбъ

каубаса—колбаса
поупирага—полипрога.

2) Въ прилагательныхъ: Напр.

тдустый—толстый
ждутый—желтый
ддугій—долгій

пдуный—полный
шаукдовый—шелковый

3) Въ глаголахъ. Напр.

тдучъ—толочь
каутѣць—глотать
маучѣць—молчать

щдукать—щѣлкать
пдузаць—ползать

4) Въ глагольныхъ окончаніяхъ прошедшаго вр. 3 лица, мужск. рода. Напр.

ходзѣу—ходилъ
гулѣу—гулялъ
чѣсциу—чистилъ
вѣу—вилъ
бѣу—билъ

шукѣу—искалъ
прапѣу—пропалъ
пѣу—пѣлъ
вѣу—вѣлъ

В переходитъ въ *у* въ слѣдующихъ случаяхъ:

1) Въ существительныхъ, напр.

маркдука—марковка
крдуля—кровля
дзѣвка—дѣвка
любду—любовь
цѣркоу—церковь

залдука—заловка
вдуна—шерсть
крду—кровь
пакрду—покровъ
рукѣу—рукавъ

горщѣуникъ—(дѣлатель горшковъ).
Паулѣ—Павелъ.

2) Въ родительн. падежѣ существительныхъ. Напр.

канцѣу—концовъ	дзявирѣу—деверей
дамѣу—домовъ	попѣу—поповъ
карѣу—коровъ	дзякѣу—дьяковъ.
бацьковѣу—батьковъ т. е. батькинъ	

3) Въ прилагательныхъ. Напр.
рѣуный.

4) Въ глаголахъ: напр.

киунѣць—кивнуть.

5) Въ дѣепричастіяхъ: напр.

стаушы—ставши, йѣушы—ѣвши.

Слѣдующія слова остаются безъ перемѣн и не образуютъ двоесловія:

воль	вясель—(весель)
коль	гарѣлка—(водка)
столь	саколь
поль	кобыль—(род. пад.)
кацѣль—(котель)	цволь—(стволь)
хахоль	вугѣль—(уголь).
пѣлка	

Звукъ с.

Кромѣ твердаго произношенія, какъ напр., садъ, посуда, сынъ, соха,—въ народной рѣчи *с* произносится какъ бы усиленно свистящимъ наперомъ, растягивая и усиливая звукъ *сѣ*, напр.

сѣсьмѣлый, сѣсьмецье—(смѣтьѣ)	сѣщаречь—беречь
сѣметана—сметана	у цѣсьци—въ тѣстѣ
сѣцякло—стекло	на мѣсьци—на мѣстѣ
сѣцибанѣць—стебнуть	сѣвича—сѣвча
у сѣвѣци—въ свѣтѣ	сѣлѣзы—слѣзы
пасѣвиць—пасти	сѣвѣцяль—сѣвѣтель
пасѣцьѣль—постель	сѣпйна—спина
войсько—войско	ѣсьць—ѣсть
сѣмѣхъ—сѣмѣхъ	
пасѣлѣдній—послѣдній	

Въ прилагательныхъ на *скій* вездѣ слышно мягкое произношеніе, напр.

коньскій	женьскій.
кучечаскій	

Если звукъ *с* ввидѣ предлога стоитъ передъ слогомъ, начинающимся звуками *ж*, *ц*, *с*, *т*, *х*, *у*, и если начальный слогъ этого слова оканчивается однимъ изъ твердыхъ гласныхъ *а*, *о*, *у*, *е* твердое (какъ *e ouvert*), стоящіе послѣ *ц*, то предлогъ произносится, какъ въ книжной рѣчи, т. е. *сѣ*; примѣры:

сѣ хлопцомъ	сѣ taboo
сѣ палѣмъ	сѣ канѣмъ
сѣ парѣмъ	сѣ сыномъ
сѣ тѣномъ	сѣ прѣтомъ
сѣ цѣпомъ	сѣ цѣльемъ.

Сѣ остается неизмѣннымъ передъ словами, въ которыхъ начальный слогъ заканчивается мягкимъ гласнымъ въ соединеніи съ нѣсколькими согласными, какъ-то: *кряме*, *тре*, *зме*, *кая*. *плю* и т. п. д. примѣры:

съ плеукой	съ плевкой
съ прелымъ	съ трёскамъ
съ плечь	съ огнѣмъ
съ хрѣнамъ	съ плюгавымъ
съ хлѣбамъ	съ клѣнамъ.
съ хрястѣмъ	

Предлогъ *съ* передъ гласною *а* тоже остается неизмѣннымъ. Напр.

съ Антонамъ, съ Аудзѣмъ (Авдѣмъ)	съ акрайцамъ — съ краюхой хлѣба
съ Ангаламъ—съ Ангеломъ	съ апѣнькамъ—апенька, грибы.

Послѣ предлога *съ* звукъ *и* переходитъ въ *ы* напр.

съ Ываномъ—(съ Ивановъ)	съ Ырадомъ—(съ Иродомъ)
съ Ыгнатомъ—(съ Игнатомъ)	съ Ыгрушамы—(съ грушами).

Предлогъ *съ*, стоящій слитно съ словами, подчиняется тому же правилу. При-
мѣры:

спадаць—спадать	схайць—схватить
сплисиуць—сплить	ссадзиць—ссадить.
скливаць—клевать	

Если же слово, начинающееся съ звуковъ *к, п, с, т, х, ц* (мягкого), за кото-
рыми непосредственно слѣдуетъ мягкій гласный звукъ, то предлогъ *съ*, стоящій передъ
такимъ словомъ, произносится мягко *съ*, напр.

съ перьямы	съ сястрою
съ цѣремамъ	съ пячѣ
съ сливамы	съ цѣщы.
съ цѣсгамъ	

Примѣры предлога слитнаго съ словами, начинающимися звуками *к, п, с, т, х, ц*.

сьпихнуць	сьциснуць
ськйнуць	сьсинѣць
сьпилиць	сьщеть.

Предъ прочими согласными, кромѣ *с, т*, предлогъ *съ* переходитъ въ *зъ*, если
слѣдующій за нимъ начальный слогъ въ словѣ оканчивается твердою гласною *а, о,*
у, ы. Напр.

зъ лысинай—съ лысиной	зъ лапатай—съ лопатой
зъ бацькамъ—съ батькой	зъ ракамъ—съ ракомъ.
зъ лыкамы—съ лыкомъ	

Зъ остается на своемъ мѣстѣ передъ словами, начальный слогъ которыхъ окан-
чивается мягкимъ или твердымъ гласнымъ, предшествуемой двумя, тремя согласными (т. е.
передъ такого рода словами: *бре, бру, бря, брю, дру, дру, зря, лы*, и т. п.)
напр.

зъ брыдкнмъ—съ противнымъ	зъ дрыкамъ—съ палкой
зъ бруснйкай—съ брусникой	зъ гряззю—съ грязью
зъ бряхнѣй—съ ложью	зъ глыбкай—съ глубокой
зъ брѣхамъ—съ брюхомъ	зъ глиной—съ глиной

Передъ *о* и передъ *у* слышно непрѣтяное предыханіе. Напр.

зъ вѣкнамы—съ окнами	зъ вѣткаю—съ уткою
зъ вѣкоркамъ—съ окорокомъ	зъ вушамы—съ ушами

Слова слитныя съ предлогами подчиняются тому же правилу. Напр.

збыу—сбыль	збросу—сбросилъ
змачу—смочилъ	звалили—свалили
зладзу—сладилъ	збрыкнуць—соскочить.
значала—начала	здѣць—сдуть
зрѣзаць—срѣзать	згрѣбъ—сгрѣбъ

злашѣу—сломалъ
зладзиць—сладить

зрыць—срыть
згубиць—сгубить

Если предлогъ *съ*, переходящій въ *зѣ*, стоитъ передъ словомъ, въ которомъ рядомъ съ начальнымъ согласнымъ слышится мягкій гласный, то *зѣ* переходитъ въ *зѣ*, Напр.

зѣ милымъ	зѣ лягушкой
зѣ вязюляй	зѣ людзямы
зѣ лѣсу	зѣ некругомъ
зѣ вѣнамъ (съ приданымъ)	зѣ бядой
зѣ беритамъ	зѣ вярбой
зѣ дзѣваламъ	зѣ дзѣдамъ
зѣ вѣчарамъ	зѣ вязкай

Зѣ также переходитъ въ *зѣ* передъ мягкими гласными *ѣ*, *е*, *ю*, *я*, *й*, *и*. Напр.

зѣ ѣлкай,	зѣ Янкилямъ
зѣ Евай (съ Евою),	зѣ Ягорьямъ
зѣ юпкой,	зѣ Яншымъ
зѣ Якавамъ,	зѣ Янмъ
зѣ яблакамъ,	зѣ Янкаукай (икотой)
зѣ Яйломъ (илъ),	зѣ дзѣдзѣкай.

Слова предложныя, т. е. слитныя съ предлогомъ, подчиняются такому же правилу. Напр.

зѣмяць—смять	зѣляпиць—слѣпить
зѣвѣйиць—свѣять	зѣдзѣлаць—сдѣлать.
зѣлѣзъць—слѣзъць	

Передъ звукомъ *ж* предлогъ *съ* переходитъ въ *жѣ*, передъ *ч*, *ш*, *щ* переходитъ въ *шѣ*. Напр.

жѣ жабюю—съ женою	шѣ чашкой—съ чашкой
жѣ жыдамъ—съ жидомъ	шѣ шдлудзямы—(болѣзнь)
жѣ жолудомъ—съ желудомъ	шѣ щыцамы.

Кромѣ того въ рѣдкихъ случаяхъ *с* переходитъ въ *ш*, *х*, *з*. Напр.

дошки—(доски)	шкло—(стекло)
шабля—(сабля)	прашнѣцца—(прозвуться)
ужахнѣцца—(ужаснуться)	зѣмирный—(смирный)
шкарлѣпки—(скорлупки)	шкресць—(скресть), сашкрѣбачь.
шкарѣдный (скупой)	

Ф выговаривается какъ *хѣ*, *х*, *к*. Напр.

хванарь—фонарь	у хрантѣ—во фронтѣ
хвѣбрыка—фабрика	хрантонѣ—фронтонѣ
хвѣлшъ—фальшь	хракъ—фракъ
хвѣртка—фортка	хунтѣ—фунтѣ
хвѣршалъ—фельдшеръ	хургонѣ—фурговъ
хлакъ—флагъ	хрѣктѣ—фруктѣ

Х выговаривается какъ *к*. Напр.

паска—пасха	к.лопоты ¹⁾ —хлопоты
кректаць—крехтатъ	карагодъ—хороводъ.

Ц переходитъ въ *ч*, *т*. Напр.

чапля—цапля	зачапнуса—зацѣпилса
твятокъ—цвятокъ	зачапляць—зацѣпить
твиць—цвѣсти	

¹⁾ *Клопоты*—древн. слово и тутъ скорѣй обратно перех. *к* въ *л*. Тоже и въ сл. *пасха*. Въ древн. слав. памяти. дат. и мѣстн. ед. ч. *пасихъ*. Также изъ *кѣто*—*лѣто*, а не обратно. *Ред.*

типматы	}	цыпматы.
тискматы		
пескльнокъ		

Ч переходить въ *ш, щ, с, т*. Напр.
што—что, ништо—ничего, пѣштакъ—что - то, вѣшныи—вѣчныи, сядзеш-
ныи—сердечныи, цотъ—четь, унштожыць—уничтожить

тирызъ—черезъ	скўшныи—скучныи
малюшныи—молочныи	пясшныи—песочныи

Щ переходить въ *ш, ч*. Напр.

намюшныи—помощныи	таварышы—товарищи.
-------------------	--------------------

Ш переходить въ *щ, с*. Напр.

гарщокъ—горшокъ, сипѣць—шипѣть, шаколадь—шеколадь, шамель—шмель,
чѣшысься—чешисься, носисься—носишся, байсься—боишся, мѣбисься—моишся.

Ө переходить въ *н, ж*. Напр.

Пѣкла, т. е. Өекла	Хама и Хвама—Өома.
Хвекла, т. е. Өекла	

Переходъ звуковъ въ падежныхъ окончанiяхъ.

Звуки *з, ж* въ падежныхъ окончанiяхъ дательнаго и предложнаго падежей пе-
реходять въ *з*. Напр.

на пардзи—на порогѣ	у лўзи—въ лужѣ
у дардзи—въ дорогѣ	у калюзи—въ калюгѣ.
у каторзи—въ каторгѣ	

Но говорятъ: абъ Бѣги, а не объ Бѣзи, на чалавѣки, но не на чалавѣцы—(на
человѣкѣ).

Х , переходить въ <i>с</i>	
у гардси—въ горохѣ	абъ Дўси—на Духа
на вўсп—на ухѣ	на вёрси—на верху.

К переходить въ *ч*.

у махотцы—въ махоткѣ, въ горшкѣ	на жднцы—на жонкѣ
на пѣтатцы—на ниткѣ	у рязцы—въ рязкѣ,—ведѣркѣ
у картюшцы—на картошкѣ	на сабацы—на собакѣ
на дзѣуцы—на дѣвкѣ	на скѣбцы—по скѣбкѣ
на сасднцы—на сосѣѣ	у камѣрцы—въ коморкѣ
на лѣжанцы—на лѣжанкѣ	на рѣтцы—на рѣчкѣ.

Слова съ ударенiемъ въ концѣ удерживаютъ *ь*. Напр.

у назѣ—въ ногѣ	на крютцѣ—на крютѣ
на дузѣ—на дугѣ	на стрясѣ—на стрякѣ
на хвасьцѣ—на хвостѣ	у рудѣ—въ рукѣ,
на сабѣ—на себѣ	на рязѣ—на рѣчѣ
на сасѣ—на сохѣ	на малацѣ—на молокѣ.
на пянцѣ—на ценькѣ	

М. Н. Косичъ.

ОТДѢЛЪ III.

Критика и библиографія.

Katalog dzieł treści przysłowiowej składających bibliotekę Ignacego Bernsteina 2 tomu in 4°, str. XX+560+650. Warszawa. (1900 г.) MDCCCСС (на другой страницѣ тоже заглавіе по-французски).

Хотя названные два тома книги г. Вернштейна не печатались всецѣло въ Варшавѣ (часть, по неизвѣстнѣму шрифтовѣ, печаталась въ Лейпцигѣ въ типографіи W. Dugulina), однако слѣдуетъ признать, что за 1900-й годъ едва ли какое другое изданіе можетъ равняться съ названною въ заголовкѣ книгою по роскоши.

Г. Вернштейнъ, печатая каталогъ книгъ, посвященныхъ пословицамъ всевозможныхъ народовъ всего свѣта и собранныхъ имъ въ теченіе 35-ти лѣтъ, не пожалѣлъ денегъ, чтобы украсить свое изданіе снимками цѣлыхъ выходныхъ листовъ, копіями рисунковъ и далъ одно воспроизведеніе съ красками. Такъ называемая по-польски «черпаная» бумага двухъ громадныхъ лежащихъ передо мною томовъ (а ихъ напечатано 350 экз.) не оставляетъ желать лучшаго; еще удивительнѣе 25 экземпляровъ на японской бумагѣ, а какъ рѣдкость въ одномъ томѣ напечатанный «Каталогъ» (3 экз.) на очень тонкой японской бумагѣ. Если прибавить къ сказанному, что это изданіе (продается въ Лейпцигѣ у Harrassowitz'a за 60 mk.) не можетъ разсчитывать на широкій сбытъ по своей роскоши, то легко понять, что въ лицѣ г. Вернштейна мы имѣемъ любителя литературы пословицъ, сильно преданнаго одной идеѣ.

Какова эта послѣдняя, узнаемъ отчасти изъ «предисловія», напечатаннаго въ началѣ 1-го тома по-французски и по-польски, отчасти изъ сообщенія г. Jan'o Karłowicz'u въ письмѣ. Въ 1865 г. издатель возвращался изъ Берлина въ Варшаву. До отхода курьерскаго поѣзда, выходившаго въ полночь, у него оставалось свободное время, которое онъ провелъ на лекціи какого-то ученаго. Этотъ ученый темою лекціи избралъ «Роль народныхъ пословицъ въ воспитаніи юношества».

Лекція нѣмецкаго ученаго, говорившаго о томъ, что не должно пренебрегать «зернами мудрости» народной, заключающейся въ пословицахъ и изреченіяхъ, при воспитаніи юношества, что развитіе дѣтскаго разума во многихъ отношеніяхъ соответствуетъ умственному развитію народовъ, создававшихъ пословицы, что вмѣсто отвлеченнаго морализовавія и наказаній цѣлесообразнѣе предлагать дѣтямъ этичныя и житейскія рецепты—пословицы, простыя и доступныя дѣтскому пониманію,—эта лекція произвела на г. Вернштейна глубокое впечатлѣніе. Если таково значеніе пословицъ, думалось ему, то гдѣ искать ихъ, этихъ «зеренъ мудрости»? И вотъ у него явилось намѣреніе собрать пословицы всѣхъ народовъ въ одномъ мѣстѣ. Тотчасъ онъ началъ приводить свою идею къ осуществленію, и въ теченіе 35 лѣтъ ему удалось собрать рѣдкую по специальности бібліотеку книгъ, книжечекъ и брошюръ, печатныхъ и рукописныхъ,

заключаючихъ пословицы, изреченія и другія зерна народной мудрости. Ближайшее ознакомленіе съ «Каталогомъ» г. Бернштейна показываетъ, что онъ дѣйствительно не жалѣлъ ни времени, ни издержекъ на пріобрѣтеніе самыхъ рѣдкихъ изданій. Могутъ сказать, что ни одно публичное собраніе не заключаетъ въ себѣ такой своеобразной рѣдкой литературы пословицъ. Зная, что авторъ «Каталога» свое книжное сокровище предназначаетъ въ даръ одному ученому учрежденію, заранѣе поздравляю его съ счастливымъ подаркомъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ изданныхъ двухъ томахъ «Каталога» значится 4761 названіе сочиненій съ пословицами различныхъ вѣковъ и народовъ. Въ немъ встрѣчаются книги не только на всѣхъ европейскихъ языкахъ, но и на языкахъ различныхъ дикихъ народовъ, каковы Адыге, Акра и т. п., всего до 150 языковъ и нарѣчій. Рукописныхъ собраній пословицъ названо 70, изъ которыхъ половина почти польскихъ собраній. Самъ издатель собираетъ еврейскія пословицы.

Какъ показываетъ «дополненіе» къ Каталогу, которое составилось въ теченіе 3-хъ лѣтъ, въ промежутокъ тисненія книги, г. Бернштейну остается еще издать не одинъ томъ. Тутъ нельзя не сказать, что задача, поставленная г. Бернштейномъ, такъ громаднa, что если бы она предстала предъ его мысленнымъ взоромъ во всей грандіозности, то едва-ли бы онъ рѣшился приняться за ея осуществленіе. Если г. Бернштейну удастся въ недалекомъ будущемъ собрать рѣшительно все, что имѣется во всемірной литературѣ о пословицахъ, то вѣдь ему предстоитъ еще труднѣйшая часть работы: выборъ изъ собранныхъ книгъ пословицъ и собраніе ихъ въ одномъ сборникѣ. Впрочемъ, и сдѣланное г. Бернштейномъ должно вызывать чувство искренней благодарности и удивленія передъ его неусыпивою энергіею у всякаго ученаго, занимающагося фольклористикою. Нельзя не поблагодарить и его помощника г. д-ра Познанскаго, который, по признанію самого издателя, способствовалъ скорѣйшему появленію «Каталога» въ свѣтъ.

И г. Бернштейнъ и г. Познанскій, оба они, очевидно, одушевлялись, принимавшая изданіе, тою идеею, что «Каталогъ» принесетъ общую пользу, пользу всѣмъ, занимающимся фольклоромъ. Въ самомъ дѣлѣ, до изданія «Каталога» только немногія лица г. Варшавы и Привислинскаго края знали о существованіи у г. Бернштейна рѣдкой библиотеки пословицъ и пользовались ею. Такъ, по сообщенію г. I. Karłowicz'a, пользовался собраніемъ г. Бернштейна г. K. Wojcicki и S. Adalberg. Съ изданіемъ «Каталога» каждому фольклористу станетъ извѣстно богатое собраніе г. Бернштейна и сократить тяжелый трудъ отысканія «литературы предмета».

Въ данномъ отношеніи «Каталогъ» является цѣннымъ пособіемъ. Хотя въ лицѣ г. Бернштейна мы имѣемъ не записного ученаго, а случайнаго любителя, однако широкое общее образованіе и знаніе нѣсколькихъ иностранныхъ языковъ дали ему возможность умѣло и очень разумно отнестись къ составленію книги. Онъ долго и тщательно изучалъ различныя системы, по которымъ составлялись книги, подобныя его изданію. По достаточномъ размысленіи онъ предпочелъ алфавитную систему, каковой держатся Штирлингъ, Питре и другіе современные библиографы. Сочиненія размѣщены у него въ алфавитномъ порядкѣ по фамиліямъ авторовъ безъ различія языка, на которомъ писано сочиненіе. Анонимныя сочиненія помѣщались по буквѣ главнаго слова въ титулѣ, исключая повременныхъ изданій, которыя цитуются по первому слову заглавія. Для удобства же читателей, фамилія каждаго автора, хотя бы два или три составили извѣстную книгу, помѣщена въ своемъ мѣстѣ (по алфавиту), но безъ полнаго титула книги, который напечатанъ полно при фамиліи перваго автора. Различныя сочиненія одного и того же автора или различныя изданія одной какой-либо книги помѣщались подъ фамиліею автора въ хронологическомъ порядкѣ. Особенное вниманіе авторомъ приложено къ точному обозначенію названія книгъ на тѣхъ языкахъ, на которыхъ онѣ напечатаны. Не ставя себѣ задачей критическое обзореніе содержанія каталогизированныхъ книгъ, г. Бернштейнъ даетъ очень обстоятельное описаніе ихъ, указывая подробно содержаніе, что даетъ возможность фольклористу сразу видѣть пригодность или непригодность данной книги для его работы.

Загрудненія, встрѣченныя издателемъ и составителемъ «Каталога», относятся къ транскрипціи именъ и названій на языкахъ, отличныхъ отъ латинской аббеды, а равно къ обозначенію формата книгъ.

Въ концѣ 2-го тома приложенъ указатель языковъ въ алфавитномъ порядкѣ, на которыхъ написаны книги, вошедшія въ «Каталогъ».

Какъ видно изъ сказаннаго, г. Бернштейнъ сдѣлалъ все возможное, что можно предъявить къ составителю «Каталога». Желая ему отъ души счастливаго окончанія предпринятой работы, мы не можемъ не высказать нѣкоторыхъ пожеланій, исполненіе коихъ можетъ, по нашему мнѣнію, увеличить научную цѣнность изданія.

Во-1-хъ, весьма желательно, чтобы при описаніи рукописныхъ собраній пословицъ было указано, напечатано-ли что-либо изъ нихъ въ цѣломъ видѣ и по частямъ. Какъ видно изъ нѣкоторыхъ указаній, у г. Бернштейна имѣются списки съ рѣдкихъ печатныхъ изданій, сдѣланные по его заказу.

Во-2-хъ, вниманіе г. собирателя мало обращено на пословицы инородцевъ, населяющихъ Дальній Востокъ. Въ печати, въ мѣстныхъ изданіяхъ имѣются цѣнные матеріалы. Полагаю, что г. Бернштейну слѣдовало бы войти въ сношенія съ тамошними отдѣлами И. Р. Геогр. Общества, и они съ удовольствіемъ доставили бы ему все, что у нихъ имѣется по части пословицъ.

Во-3-хъ, считаемъ бесполезнымъ перечислять хрестоматіи для чтенія, потому что въ подобныхъ изданіяхъ рѣшительно не встрѣчаются пословицы, самостоятельно записанныя авторами ихъ: это все изданія компилятивныя. При томъ же всевозможныхъ хрестоматій, азбукъ съ пословицами и изреченіями такое безчисленное количество выходятъ ежегодно, что перечисленіе ихъ положительно неумовимо.

Но, въ-4-хъ, самое главное пожеланіе, чтобы г. Бернштейнъ параллельно съ составленіемъ «Каталога» приступилъ къ исполненію второй своей задачи (лучшей части задачи), т. е. къ составленію сборника пословицъ на основаніи собраннаго имъ матеріала. Конечно, трудъ это грандіозный. Мнѣ кажется, г. Бернштейну слѣдовало бы начать составленіе сборника по народностямъ. Положивъ въ основу родную народность, слѣдовало бы на основаніи печатныхъ и рукописныхъ матеріаловъ составить въ алфавитномъ порядкѣ собраніе польскихъ пословицъ. Тогда при знакомствѣ съ однимъ собраніемъ легче пошла бы работа съ пословицами другихъ народовъ: яснѣе было бы сходное и различное въ этой области народнаго творчества.

Конечно, совершить такую гигантскую работу не подъ силу одному Бернштейну, человѣку уже не молодому. Но отъ него зависитъ сгруппировать около себя небольшой кружокъ лицъ, одушевленныхъ любовью къ фольклористикѣ, и между ними раздѣлить работу. Думаю, что и записные ученые, академики и профессора университетовъ, охотно взяли бы на себя часть такой работы. Тогда суждено было бы и Бернштейну, если не конецъ, то увидѣть начало полного исполненія зародившейся въ 1865 г., ночью, въ вагонѣ, мчавшемъ его изъ Берлина въ Варшаву, идеи: собрать воедино зерна народнаго мудрости.

Снѣю думать, что г. Варшава не бѣденъ и людьми знанія, и людьми высокаго научнаго одушевленія, почему мое пожеланіе не можетъ показаться несбыточнымъ.

Какъ бы то ни было, и за сдѣланное скажутъ искреннее спасибо г. Бернштейну и его помощникамъ (кромя г. Познанскаго, еще А. А. Купскі) не только земляки, но и люди науки другихъ народностей.

С. Бранловскій.

Варшава.
1901 г., июль.

Joan Bogdan. Luptele romnilor cu turcii până la Mihai-Viteazul. Bucuresti. 1898. ap. 12° 1—38:

Въ этой небольшой по объему публичной лекціи, произнесенной профессоромъ-славистомъ въ букарештскомъ «Атенеѣ», находимъ сжатое и художественное изложеніе событій эпохи, предшествующей турецкому завоеванію придунайскихъ княжествъ въ XVI вѣкѣ. Эта эпоха была сплошнымъ подвигомъ румынскаго народа-героя, выносившаго на своихъ плечахъ натискъ турокъ, которымъ были подчинены уже славянскія государства, и предъ которыми трепетали ихъ сосѣди. Свою статью авторъ начи-

наеть слѣдующими словами: «Исторія румынскаго народа есть продолжительная борьба за существованіе. Брошенные предъ лицо варваровъ, колонисты Траяна не жили въ мирѣ въ теченіе даже полвѣка и сражались съ варварами, которые во вторую половину вѣка пытались подчинить себѣ ту страну, въ которой поселились? Отмѣтивъ тѣ войны, которыя должны были вынести румыны съ народами во время великаго переселенія, И. Богданъ говоритъ объ основаніи двухъ румынскихъ княжествъ Олтінскаго и Бассарабскаго, находившихся въ вассальной зависимости отъ болгарскихъ царей. Послѣ нашествія монголовъ въ 1242—47 г.г. оба эти княжества подпадаютъ подъ сюзеренитетъ венгровъ (стр. 6). Основанное въ XIII вѣкѣ, молдавское княжество въ концѣ того же вѣка подпадаетъ подъ владычество Польши (стр. 7). Соучастники въ памятныхъ для славянъ битвахъ при Коссовѣ и Ровавѣ, румыны подъ знаменами своего храбраго господаря Мирчи Стараго († 1418 г.) имѣли еще нѣсколько самостоятельныхъ сраженій съ турками и въ большинствѣ случаевъ выходили изъ нихъ побѣдителями или же отказывались платить туркамъ позорную дань. Завѣты Мирчи святого хранились его преемниками. Достаточно вспомнить валашскаго господаря Влада Цепеля, героя известной русской повѣсти «о мутьянскомъ воеводѣ Дракулѣ» или молдавскаго—Стефана Великаго, который, умирая, могъ сказать, что въ теченіе своего 47 лѣтняго княженія онъ имѣлъ 36 битвъ, изъ которыхъ потерялъ только двѣ. Сосѣдніе народы должны быть обязаны румынамъ за то, что послѣдніе въ теченіе четырехъ вѣковъ выдерживали турецкій потокъ и этимъ давали имъ возможность совершенствовать свою культуру подъ покровомъ мира. Значеніе турецкаго завоеванія придунайскихъ княжествъ для славяновѣдѣнія указывается г. Богданомъ въ прекрасныхъ заключительныхъ словахъ лекціи, которыя мы приведемъ въ переводѣ: «Если мы теперь послѣ этихъ вѣковъ спросимъ: что осталось отъ продолжительнаго турецкаго владычества надъ нашими землями, то должны отвѣтить съ гордостью и благодарностью, что—*за исключеніемъ нѣсколькихъ турецкихъ словъ, вошедшихъ въ румынскій языкъ не осталось абсолютно ничего*. Такъ «вода проходитъ, а камни остаются». Въ то же время, неужели то же можно сказать относительно славянскаго вліянія? Этому вопросу профессоръ посвящаетъ слѣдующую лекцію, «о древне-румынской культурѣ».

А. И. Яцимирскій.

Octav George Luca. Familie boeresti române. Bucuresti, 1899 an., 8°, p. 648.
Октавій Георгій Лука.

Кто занимался старинными славянскими грамотами, вышедшими изъ господарскихъ канцелярій Молдавіи и Валахін въ періодъ между концомъ XIV и концомъ же XVII вѣка, тотъ, несомнѣнно, обратилъ вниманіе, что онѣ подкрѣпляются длиннымъ спискомъ бояръ «великихъ и малыхъ», среди которыхъ встрѣчается цѣлый рядъ чисто славянскихъ именъ. Огромное количество такихъ грамотъ,—какъ изданныхъ, такъ и оставшихся пока для другихъ ученыхъ неизвѣстными,—дало возможность молодому румынскому ученому сдѣлать первый опытъ по генеалогіи румынскаго дворянства, фактическаго значенія въ настоящее время неизмѣющаго, частью вымершаго, частью бѣжавшаго въ сосѣднія земли во время внутреннихъ смутъ, при вступленіи новыхъ господарей, и вытѣсненнаго пришлыми греческими фаміліями и сохраняющагося только среди сельскаго населенія, такъ называемыхъ «реземы», т. е. свободныхъ однодворцевъ или помѣщиковъ. Резюмируя тщательный очеркъ А. Ксенополя въ его «Исторіи Румынъ» проф. И. Богданъ говоритъ о боярахъ слѣдующее: «Боярство не было у насъ никогда наследственнымъ: какъ и въ Россіи, каждый боярскій сынъ долженъ былъ самъ подняться съ самыхъ низшихъ степеней и до высшихъ; самая высшая знать теряла свои права въ одно мгновеніе вмѣстѣ съ милостью господаря. По отношенію къ западнымъ странамъ, гдѣ феодализмъ получилъ широкое распространеніе, боярство имѣло у насъ, подобно Россіи, характеръ демократическій; это мѣшало образованію могущественной монархіи, какъ въ Польшѣ, угрожало всемогуществу господаря до новѣйшихъ временъ и препятствовало чрезмѣрнымъ притѣсненіямъ земледѣльцевъ - крестьянъ

со стороны помѣщиковъ». (*Cultura veche română*, p. 48). Сравнивая положеніе румынской знати съ таковой же въ Венгріи, Польшѣ, Болгаріи и Сербіи, мы найдемъ полное сходство: они были служилые люди, надѣленные государемъ за усердную, правую и вѣрную службу помѣстьями, которыя переходили въ ихъ родѣ отъ отца къ сыну вмѣстѣ съ дарственными грамотами. Ихъ обязанностью было доставлять войска для войны, главнымъ образомъ, всадниковъ. Во времена господаря Стефана Великаго (+1504 г.) военныя силы Молдавіи выражались въ десяти тысячахъ всадниковъ, составлявшихся боярствомъ. Въ мирное время бояре служили при дворѣ въ должностяхъ византійско-славянскаго происхожденія: логоветъ, дворникъ, комисъ, спатарь, стольникъ, постельникъ и проч., или же были начальниками уѣздовъ, укрѣпленій (парколабы). Судили народъ по обычаямъ страны, собирали подати и т. д. Пользуясь большимъ количествомъ документовъ, лѣтописями, а также устными преданіями, молодой ученый г. Лука съ достаточнымъ знаніемъ и большой любовью къ своей работѣ, выпустилъ огромный томъ, гдѣ въ алфавитномъ порядкѣ описывается исторія каждого рода въ отдельности, приводятся генеалогическія таблицы, отрывки изъ документовъ, надгробныя и ктиторскія надписи и проч. Во многихъ мѣстахъ вопросы кажутся чрезвычайно запутанными, но авторъ съ отчетливой эрудиціей ихъ разрѣшаетъ и всегда старается доказать древность того и другого рода и ихъ чисто румынское происхожденіе, съ чѣмъ однако весьма трудно согласиться.

Игнѣя ввиду, что въ румынской ученой литературѣ по данному вопросу ничего еще не сдѣлано, трудъ почтеннаго ученаго слѣдуетъ считать заслуживающимъ вниманія.

А. И. Яцимирскій.

Basarabia în secolul XIX de Zamfir C. Arbure. Editiunea Academiei Române. Bucuresci. 1899. 790 стр.

Давно уже Румынская Академія задалась цѣлью издать цѣлый рядъ книгъ, посвященныхъ тѣмъ землямъ, которыя въ настоящее время заселены румынами, но находятся подъ властью сосѣднихъ державъ. Около десяти лѣтъ тому назадъ для этой цѣли пріѣзжалъ въ Кишиневъ студентъ букарештскаго университета Эмиль Теодореску и, съ разрѣшенія губернатора, снялъ копію со всѣхъ документовъ начала XIX вѣка, хранящихся въ архивѣ губернскаго правленія. Объ этихъ интересныхъ документахъ, относящихся къ періоду временнаго русскаго управленія въ приднѣвскихъ княжествахъ въ 1806—1812 годахъ, мы до сихъ поръ знали только по небольшой статьѣ А. Накко въ «Запискахъ Одесск. Общ-ва исторіи и древностей». Такимъ образомъ, въ новомъ изданіи румынской Академіи впервые появляются данныя, основанныя на этихъ документахъ. Авторъ разбираемаго труда г. Арбуре получилъ образованіе въ Петербургѣ въ военно-медицинской Академіи и русскій языкъ знаетъ прекрасно. Онъ воспользовался для своей многолѣтней работы на русскомъ языкѣ, и его книга могла бы быть полезна и для насъ, если бы большинство его выводовъ и даже данныхъ не было проникнуто явной тенденціей, которая лишаетъ его прекрасно и съ любовью написанную книгу научнаго значенія. Какъ и слѣдовало ожидать, при каждомъ удобномъ случаѣ онъ дѣлаетъ безтактныя выходы противъ русскаго правительства, за руссификацію бессарабскихъ румынъ. Напримѣръ, въ концѣ своего предисловія онъ говоритъ: «Съ 1812 года бессарабскіе румыны находятся подъ чужеземной властью. Имъ запрещено учиться на родномъ языкѣ, запрещено молиться Богу по румынски: школа и церковь въ Бессарабіи сдѣланы орудіемъ, при помощи котораго русское правительство надѣется руссифицировать румынское населеніе. Ни одна книга, ни одна румынская газета не проникаетъ черезъ Прутъ, ни одной школъ не позволено обучать по румынски, ни въ одной библиотекѣ не терпятъ какой-нибудь румынской книжки. На югѣ Бессарабіи, недалеже какъ въ прошломъ году (1895), русская полиція отобрала у трансильванскихъ мокановъ (торговцы желѣзомъ, чеснокомъ и пр.) «Сонъ Пресв. Богородицы», «Арчикъ» и т. д., запретивъ читать даже эти книжонки. Съ помощью школы, Россіи удалось почти совершенно руссифицировать образованный

классъ въ Бессарабіи, съ помощью церкви она надѣется сдѣлать то же и съ сельскимъ населеніемъ».

«Прошло 76 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ бессарабскіе румыны нахоятся подъ игомъ православной Россіи, по и до нашихъ дней румынскій крестьянинъ за Прутомъ говорить только на румынскомъ языкѣ, молится Богу только на языкѣ оццовъ своихъ»... Мнѣ кажется, что эти пышныя фразы г-на Арбуре не имѣютъ должнаго значенія, такъ какъ богослуженія на румынскомъ языкѣ никто до сихъ поръ въ Россіи не преслѣдовалъ. Наоборотъ, мнѣ извѣстно не мало случаевъ, когда русскіе, по происхожденію, священники, окончившіе русскую семинарію, понавъ на румынскій приходъ, учились румынскому языку, служили на этомъ языкѣ и даже забывали свой родной языкъ. Что же касается румынскихъ книгъ, то и онѣ нисколько не запрещены у насъ. Г-нъ Арбуре, навѣрное, не знаетъ даже тѣхъ фактовъ, которые были отмѣчены уже давно въ яскомъ изданіи S. Xeropot'a «Archiva», а именно, что нѣкоторые бессарабцы безъ всякихъ препятствій получили 12-ти томную исторію румынъ проф. Ксекополо, несмотря на то, что тамъ на каждомъ шагу встрѣчаются такія же выходы противъ русскихъ «узурпаторовъ». Приводимый же имъ случай съ запрещеніемъ «Сна Пресв. Богородицы» вполне возможенъ, но все дѣло въ томъ, что и среди русскихъ эта книжка въ сущности запрещена, какъ апокрифическая. Въдъ относительно этой книжки и на русскомъ языкѣ существуетъ не одинъ синодальный циркуляръ. Поэтому совершенно въ данномъ случаѣ безразлично, на какомъ языкѣ она напечатана: на русскомъ или румынскомъ. Вообще же сами румыны не могутъ похвастаться своей терпимостью, такъ напримѣръ, въ южной Бессарабіи они ввели среди колонистовъ-болгаръ румынское богослуженіе въ періодъ 1864—1877 гг., въ то время, какъ до этого они служили на своемъ родномъ славянскомъ языкѣ. Дальше, развѣ румыны не преслѣдуютъ сербскихъ школъ въ западной Валахіи? А если въ Добруджѣ они разрѣшили турецкія школы, то въ Россіи, навѣрное, гораздо больше инородческихъ школъ, чѣмъ во всей Румыніи. Можно, пожалуй, сказать, что самі бессарабскіе румыны мало интересуются своимъ національнымъ достояніемъ, а высшіе классы такъ же индифферентны къ румыно-французской культурѣ, какъ и румынскіе, воспитанные главнымъ образомъ за границей, индифферентны къ простому народу. Что же касается румынского языка въ Бессарабіи, то, за исключеніемъ очень не многихъ чисто-административныхъ терминировъ, языкъ сохранился во всей своей неприкосновенности и даже не испорченъ такими множествомъ итальяно-французскихъ новшествъ, какъ странный въ сущности языкъ крестьянъ въ самомъ королевствѣ. Я твердо убѣжденъ, что не далеко, быть можетъ, то время, когда румынскіе филологи будутъ пріѣзжать въ Бессарабію, чтобы слышать тотъ живой языкъ, на которомъ писали румынскіе хронисты-патріоты, на которомъ были написаны документы въ XVI вѣкѣ, на которомъ печатались богослужебныя книги, и на которомъ говорили вѣ румыны до того злополучнаго для цѣлости румынскаго элемента времени, когда новѣйшіе патріоты стали вводить въ языкъ, вмѣстѣ съ правописаніемъ, французскія и итальянскія слова, которыя бѣдные крестьяне княжества Румыніи коверкаютъ до неузнаваемости. Къ сожалѣнію, г! Арбуре объ этомъ и не подумалъ. Какъ должны смотрѣть на Россію читатели книги г. Арбуре, послѣ того какъ на стр. 532 найдутъ слѣдующую фразу: «и большое официальное изслѣдованіе о Бессарабіи, написано, конечно по русски, извѣстнымъ шпиономъ Батюшковымъ»? Здѣсь, очевидно, разумѣется наша «Бессарабія». Историческое описаніе, съ Высочайшаго соизволенія, издано при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Посмертный выпускъ историческихъ изданій П. Н. Батюшкова, Спб. 1892. Никому неизвѣстно, за что покойный Помпей Николаевичъ заслужилъ названіе шпиона. Вотъ почему также, рассказывая о русскомъ населеніи Бессарабіи, г. Арбуре могъ остановиться лишь на двухъ социальныхъ явленіяхъ—цѣнствѣ и снохачествѣ (стр. 241), которыя, будто-бы, разрушаютъ въ корнѣ это племя и только увеличиваютъ число преступленій.

Теперь перейдемъ къ оцѣнкѣ его книги, какъ сочиненія, претендующаго на значеніе научнаго труда. Трудъ Арбуре состоитъ изъ восьми книгъ: I. Географія физическая и политическая, II. Этнографія и демографія отъ 1810 по 1892 годъ, III. Правы и обычаи разныхъ народовъ, живущихъ въ Бессарабіи, IV. Города, села и монастыри

Бессарабин, V. Земледіліе и промышленность добывающая, VI. Торговля и промышленность обрабатывающая, VII. Церковь и школа, VIII. Администрація и юстиція. Затѣмъ идетъ цѣлый рядъ интересныхъ и впервые появившихся въ печати прибавленій и, наконецъ, библиографическій матеріалъ.

Въ основу объемистой книги Арбуре вошло «Статистическое и географическое описаніе Бессарабской области», составленное въ концѣ 50-хъ годовъ офицерами Генеральнаго штаба подъ редакціей А. Защука; иногда г. Арбуре просто его переводить, но на эту книгу ссылки мы находимъ рѣдко, и то въ отдѣлѣ этнографическомъ. Гораздо охотнѣе онъ приводитъ готовые уже ссылки по тому же Защука и широко пользуется книгой «шпіона» Батюшкова. Но большинство русскихъ книгъ за послѣдніи 20 лѣтъ остались г. Арбуре совершенно неизвѣстными, даже такія, какъ дѣльная статья о Бессарабii въ энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза.

Этнографическая часть труда г. Арбуре довольно слаба. Даже если сравнить тотъ собранный въ Бессарабii матеріалъ, который приводитъ въ своихъ многочисленныхъ этнографическихъ изслѣдованіяхъ S. Fl. Marian'a, то получится что послѣднему извѣстно гораздо больше, чѣмъ г-ну Арбуре. Незвѣстны ему также и тѣ тексты, которые опубликованы мною въ журналѣ г. Денсинау «Revista Critică—Literară». Самые интересныя изъ этнографическія давнихъ сообщенія корреспондентами изъ Бессарабii, преимущественно изъ Кишиневскаго уѣзда. Остальныя же свѣдѣнія или представляютъ пересказъ по совершенно устарѣлой книгѣ Защука или же по другимъ статьямъ, которыя лишены научнаго значенія. Къ сожалѣнію, тексты легендъ, колядокъ, свадебныхъ, любовныхъ и эпическихъ пѣсенъ переданы въ большинствѣ случаевъ не въ точной теоретически записи и поэтому не даютъ понятія о живомъ говорѣ бессарабскихъ молдаванъ. Славянская надпись XV вѣка на воротахъ Аккерманской крѣпости переиздана изъ книги Батюшкова очень плохо, изъ той же книги взяты и рисунки, мало характерныя, въ то время, какъ только двѣ изъ моихъ фотографій (виды монастырей Тобскаго и Добружскаго) случайно попали въ книгу Арбуре, безъ указанія, впрочемъ, имени фотографа. Гораздо лучше исполнены четыре географическія карты, въ краскахъ, приложенныя въ концѣ книги. Мнѣ кажется, что книга много выиграла бы, если бы иллюстраціи къ ней были хотя-бы сдѣланы по тѣмъ фотографіямъ, которыя въ Кишиневѣ каждому можно купить у П. М. Кондрацкаго, много путешествовавшаго по Бессарабii. Почему издатель остановился на воспроизведеніи рисунковъ изъ Батюшкова, намъ неизвѣстно.

Во всякомъ случаѣ, отъ новаго изданія Румынской Академіи, посвященнаго Бессарабii можно было ожидать лучшаго во многихъ отношеніяхъ. Если общая окраска всѣхъ данныхъ обнаруживаетъ явную тенденцію, то многія отдѣльныя недостатки этой книги совершенно необъяснимы.

А. И. Яцимирскій.

Sărbătorile la Români. Studiu etnografic de Sim. Fl. Marian. vol. I. Bacur 1898. s. vol. II. 1899, Editiunea Academiei Romane. 287 и 306 стр.

Среди румынскихъ этнографовъ, буковинскій священникъ старикъ С. Маріанъ занимаетъ, безспорно, первое мѣсто. Онъ самъ владѣетъ прекрасной бібліотекой, гдѣ собраны всѣ рѣшительно книги и журналы, со статьями, касающимися интересующаго его вопроса, затѣмъ въ его распоряженіи находится такой богатый рукописный матеріалъ, собранный въ разныхъ земляхъ, населенныхъ румынами, его бывшими и настоящими учениками, что работать при такихъ условіяхъ можно прекрасно. Не мало свѣдѣній собрано имъ лично, преимущественно, въ Буковинѣ. И дѣйствительно, г-ну Флоріану принадлежитъ нѣсколько капитальныхъ и объемистыхъ томовъ, среди которыхъ особенно выдаются три монографіи, обнимающія важнѣйшіе факты въ жизни румынскаго крестьянина: рожденіе (Născerea la Români), свадьбу (Nunta la Români) и погребеніе (Înșoptințarea la Români). Затѣмъ слѣдуетъ его сборникъ разнообразныхъ по содержанію заговоровъ въ стихахъ: «Vrăji, țigănese și desfaceri»; «румынскія легенды о

птицах (Ornitologia), о насекомых (печатались в «Revista critica—literara» de Ar. Denisianu и теперь появляются в журнал «Revista Noua Romăna») и много других книг и статей. Теперь вышли два первые тома обширной работы Мариана, посвященной народному румынскому календарю. В этих новых трудах так много разнообразного и интересного сырого материала, что его книга представляет ценность не только для славянской и румынской этнографии, но и для истории всеобщей литературы и румынской культуры. Единственный недостаток почтенного ученого заключается в том, что он совсем не способен к критической оценке собранных им данных, печатает заведомо латинизованные тексты, совершенно незнаком с славянской и сравнительной этнографией, не знает даже средневековой и апокрифической литературы и поэтому никогда не приводит сравнительных данных, при свете которых подобный труд только может быть интересен. Тем не менее по богатству материала, сгруппированного, сравнительно, удобно для пользования, новый труд Мариана можно назвать ценным вкладом в этнографическую литературу, и с наибольшей выдающимися из таких материалов мы познакомим русских ученых.

Как и следовало ожидать, с новым годом у румынского простоянина связаны целый ряд отдельных по существу праздников, обычаев, поверий, гаданий, примет, колядок и т. п. Поэтому добрая половина первого тома исследования Мариана посвящена одним новогодним праздникам. На первом месте находим, конечно, колядки (colindele), в которых за каждым стихом (все стихи короткие) упоминается какое-то загадочное, никому пока не объясненное вполне научно, существо (?) I e g u i, D d m n e! Приведем содержание одной из таких колядок. Накануне нового года, поздно вечером, славельщики приходят в хату и приглашают хозяев встать, потому что не время спать.

— «Вставайте, — говорят они, — одевайтесь в серебро, в длинные дороги одежды, будите духа, выметайте хату, потому что пропел черный петух, занялась денница, пошли поны в церковь и начали службу! Кто же будет слушать эту службу? Будет ее слушать Пресвятая Мать и св. Иоанн Креститель вместе с дорогими Крестниками. Стоит святая Мать, слушает, слушает, затем говорить:

— Ох, Иоанне, святой Иоанне! Если бы знал ты то, чего не знаешь, то не стоял бы так долго здесь! — Почему бы мне не стоять, Бога не познать? — Потому что Иуда проклятый вошел в рай и ограбил его! Что же украсть он в рай? — Чашу жениха, престол судьи, купель крещения! — Мать святая, ступай, будь добра, сделай пушки и стрельай! Стрельай в него; он испугается и все оставит в рай! Святая Мать стрельала, Иуда испугался и все в рай оставил».

Другие колядки под заглавием «Что лучше?» имеют некоторые общие черты с только что приведенной. Приведем здесь краткое содержание первого варианта: «Греки строят церковь. Греки строят, а турки ее разрушают: не сделана она так, как им нравится! Сделали они ее с девятью алтарями, на восток солнца. Пропели черные петухи, вошли денницы (zogi de di), пошли поны на службу и «поют» прекрасную службу. Кто же будет ее слушать? А слушает ее святая Мать с Сыном на руках. Слушает Она святую службу и так говорит: Что лучше всего на земле? Самое лучшее — вол, который «выворачивает черную борозду, дарит нам белый хлеб и питает белый свет». Затем перечисляются достоинства для хозяйства лошади, белой овечьей шерсти, виноградной лозы, и выражаются добрые пожелания коровам».

В день нового года мальчики ходят с «пугами» (plugusorul), а парни с деревянным ведром, верх которого затянут пузырем, вроде барабана. К пузырю приделан конский волос. Если потянуть за этот волос, получается густой громкий звук. В этих колядках, которые напоминают, в сущности, скорее деревенские, довольно бессодержательные куплеты пахаря, говорится о пахоте с 12-ю водами, о посевах ржи и других полевых работах. По мнению ученых, звук, издаваемый этим инструментом, «бугаем», должен напоминать мычанье волов, напряженных в плуг. В этих коротеньких колядках много комического элемента.

Затѣмъ Маріанъ подробно описываетъ разные способы гаданій, приводитъ сказки, пѣсни и заговоры, которыми сопровождаются эти новогодніи гаданія.

Въ VI главѣ находимъ общія свѣдѣнія о народномъ календарѣ у румынъ, дѣленіе года на четыре времени года (между прочимъ загадки о дѣревѣ съ 12-ю вѣтвями, на каждой вѣтви 4 гнѣзда, въ гнѣздѣ по 7 яицъ, а въ яйцѣ по 24 пыленка), приѣты, по которымъ узнаютъ наступленіе весны, лѣта и т. д., народные названія вѣснцевъ, которыя, по нашему мнѣнію, иногда можно было-бы сблизить съ древними славянскими названіями, названія дней недѣли—всѣ, несомнѣнно, римскаго происхожденія повѣрія, связанныя съ известными днями, болѣе мелкія дѣленія дня и ночи, приѣты о погодѣ и т. д. Особенно интересна глава VII, гдѣ собранъ цѣлый рядъ любовныхъ и сельско-хозяйственныхъ заговоровъ.

Не мало также оригинальныхъ обычаевъ связано съ Крещеніемъ (стр. 162—214); и здѣсь находимъ рядъ подобныхъ же заговоровъ, духовные стихи, интересные апокрифическія сказанія объ Адамѣ и дьяволѣ, который связалъ пахаря Адама контрактомъ за пользованіе его землей и ии. др.

Масляная недѣля, повидимому, совершенно неизвѣстна румынамъ, какъ праздникъ. Нѣсколько обычаевъ и повѣрій связано съ днемъ св. Петра «зимняго», св. Трифона, «медвѣжьимъ днемъ», Срѣтеніемъ и церковными праздниками сырѣда, масчуста.

Второй томъ труда г. Маріана обнимаетъ всѣ праздники, которые приходятся уже въ великомъ посту, начиная чистымъ понедѣльникомъ и кончая великой или «сухой» пятницей страстной недѣли. Отмѣтимъ изъ нихъ слѣдующіе болѣе характерные праздники.

Св. Харлампій считается цѣлителемъ всякихъ болѣзней, но главнымъ образомъ, чумы. Маріанъ приводитъ нѣсколько легендъ о Харлампіѣ и чумѣ, которая иногда замиряется смертью (стр. 20—23). Св. Феодоръ въ румынскихъ легендахъ и повѣрьяхъ связанъ съ какой-то мнѣмоской бабой Доніей, которая празднуетъ всегда 1-го марта. Въ Трансильваніи существуетъ, между прочимъ, слѣдующая легенда о св. Трифонѣ. Господь создалъ солнце для того, чтобы оно постоянно согрѣвало и освѣщало землю. Но солнцу надобно видѣть подъ собой всегда одну только землю и оно стало по временамъ измѣнять свой путь; иногда оно катилось прямо на югъ, а то и на сѣверъ. Поэтому начались холода, снѣжныя вьюги и т. п. А надо знать, что, какъ только солнце когда нибудь взойдетъ съ запада и направится къ востоку,—будетъ свѣтопреставленіе. И вотъ Господь поставилъ двухъ стражниковъ (strajer): на сѣверѣ св. Никону, на югѣ св. Тодора, которые должны слѣдить за правильнымъ «бѣгомъ» солнца. Дѣло пошло теперь ровнѣе. Но весной солнце, со своими девятью злыми бабами, начинаетъ приближаться къ св. Тодору, и поэтому на землѣ начинаютъ неожиданные дожди, снѣга и всякія ненастья (prapadenie). Затѣмъ солнце начинаетъ быстро убѣгать отъ него на югъ. Тогда св. Тодоръ со своими девятью конями пускается въ погоню за нимъ. Тринадцать недѣль продолжается эта погоня. Наконецъ догоняетъ его и направляетъ на востокъ. Но какъ только солнце доходитъ до того пути, который ему и опредѣленъ Богомъ, оно не можетъ остановиться и ичится дальше на сѣверъ, вотъ тутъ и является св. Никора, который гонитъ его назадъ. Такъ это преслѣдованіе продолжается изъ году въ годъ. Но иногда солнцу удается удрать отъ своихъ стражей, въ особенности отъ св. Никоры, потому что онъ—старикъ и нѣтъ у него лошадей (стр. 31). Лошади св. Тодора являются въ нѣсколькихъ румынскихъ сказкахъ, которыя приводятся Маріаномъ во второй главѣ. Изъ обычаевъ этого дня отмѣтимъ мытье головы рано поутру, основанное на томъ повѣрьи, что св. Тодоръ сдѣлаетъ косы дѣвушкамъ такими длинными, какъ хвостъ его лошадей; затѣмъ стригутъ овецъ, приносятъ въ церковь коливо (приводимыя Маріаномъ легенды объ установленіи этого обычая извѣстны, впрочемъ, и въ агіографіи), устраиваютъ скачки на лошадяхъ, скрѣпляютъ дружбу обрядами братотворенія и посестримства, извѣстнымъ также по многимъ эпическимъ румынскимъ сказаніямъ и пѣснямъ. Въ этомъ обрядѣ главную роль играютъ хлѣбъ и соль.

Баба Донія, извѣстная въ Бессарабіи подъ именемъ Марты, всегда празднуется 1-го марта. (Стр. 94—144). О ней существуетъ среди цѣлаго ряда другихъ такая легенда. Донія была красавица, дочь какого-то царя. Однажды царь ушелъ на войну и былъ побѣжденъ своимъ противникомъ. Боясь попасть къ нему въ плѣнъ, Донія одѣла на себя 16 тулуповъ, взяла небольшое стадо овецъ и ушла въ горы, но каждый день сбрасывала съ себя по одному тулупу, такъ-какъ погода была хорошая, и, дойдя до вершины, осталась въ одной рубахѣ. Но здѣсь было холодно, началась вьюга. Донія боялась сойти съ горы внизъ и стала роптать на Бога. За это Богъ превратилъ ее въ скалу. Въ другихъ легендахъ она является злой старухой.

День сорока святыхъ (9 марта) считается небольшимъ праздникомъ (стр. 145—149). Въ этотъ день нужно свѣять нѣкоторые овощи; прилетаютъ аисты. Съ именемъ 40 мучениковъ (мисенісі) связана слѣдующая легенда. Жилъ на селѣ бѣднякъ, не было у него воловъ, чѣмъ землю вспахать. Пошелъ онъ къ богачу; тотъ ему далъ своихъ воловъ. Это случилось какъ разъ въ день 40 мучениковъ. Сначала эти святые разсѣрились на пахаря, но узнавъ, почему онъ работаетъ именно въ этотъ день, они благословили его посѣвъ. Узнавъ объ этомъ успѣхъ бѣдняка жадный богачъ и захотѣлъ сдѣлать послѣдующій годъ то же самое. Но святые его проклинали. Съ этими же днемъ связано еще нѣсколько интересныхъ повѣрій и праздниковъ.

Св. Алексѣй, человекъ Божій, извѣстный также подъ именемъ Теплаго, — личность весьма популярная. (Стр. 180—210). Маріану приводятъ пять вариантовъ народнаго пересказа его трогательнаго житія, но ошибочно приурочиваетъ къ нему извѣстный стихъ Іоасафа къ прекрасной пустынѣ (стр. 192), называя его почему-то «колядой». Въ день празднованія его памяти изъ земли выходятъ хлѣба, нѣкоторые настѣнными и всякія пресмыкающіяся «дыханія» (dihaniile) послѣ зимней спячки; первый разъ квакаютъ лягушки; поэтому работа въ этотъ день грозитъ укушеніемъ змии. Также первый разъ «бьется въ водѣ рыба»; поэтому день св. Алексѣя считается праздникомъ рыболововъ.

Благовѣщеніе (Bunavestire) считается большимъ праздникомъ, наравнѣ съ Пасхой (стр. 221—235). Съ нимъ связано такъ много обычаевъ, что перечислить ихъ нѣтъ возможности. Это и понятно, такъ-какъ къ Благовѣщенію, какъ не переходному весеннему празднику, приурочено начало всѣхъ важнѣйшихъ хозяйственныхъ работъ: выставляютъ улья, выносятъ платья на воздухъ, окуриваютъ земледѣльческія орудія и т. д. Въ этотъ же день начинаютъ пѣть птицы, спрашиваютъ кукушку о числѣ лѣтъ жизни, до свадьбы и т. д. и разрѣшается къ столу рыба. Это даетъ поводъ г. Маріану привести интересный анекдотъ о цыганѣ, который тоже захотѣлъ поймать для себя рыбу въ этотъ праздникъ. Цвѣтная недѣля, какъ послѣдній праздникъ передъ Пасхой, такъ же интересна для этнографіи (стр. 237—266). Напримѣръ, съ именемъ нищаго Лазаря связана большая легенда о двухъ братьяхъ—богатомъ и бѣдномъ, духовный стихъ объ Евангельскомъ Лазарѣ (3 варианта) и неясный, по происхожденію, обычай, называемый Zazarel. Онъ состоитъ въ томъ, что нѣсколько дѣвочекъ, 3—5, одѣваютъ бѣлые платья, одна изъ нихъ одѣвается невѣстой, съ фатой и цвѣтами, и ходятъ онѣ изъ хаты въ хату и поютъ пѣсню о какомъ-то несчастномъ мальчикѣ пастушкѣ Лазарѣ, который хотѣлъ собрать для своихъ голодныхъ овецъ листьевъ въ лѣсу, влѣзъ на дерево, а вѣтеръ сорвалъ вѣтку, онъ упалъ на землю и умеръ. Пришли три его сестры, взяли его, вымыли тѣло въ молокѣ, а затѣмъ и похоронили. Вербное воскресенье также большой праздникъ для земледѣльца, и съ нимъ соединенъ цѣлый рядъ хозяйственныхъ повѣрій и примѣтъ. Въ церкви во время богослуженія, конечно, стоятъ съ вѣтками вербъ. По этому поводу Маріанъ приводитъ слѣдующую гуманную, полную глубокаго смысла и красивую легенду, повидимому, западнаго происхожденія: Когда Іисусъ Христосъ былъ распятъ на крестѣ, Богоматерь услышала объ этомъ, одѣла желѣзные башмаки, взяла въ руку стальной посохъ и, плача, пошла искать Іисуса. По дорогѣ встрѣчаетъ лягушку, которая спрашиваетъ, почему она плачетъ. Отвѣчаетъ Богородица, что былъ у ней Сынъ, и распяли Его жиды. Лягушка сказала на это, что у нея были девять лягушатъ, маленькихъ и хорошенькихъ, дупоглазенькихъ, и проѣхала повозка и колесомъ придавила всѣхъ. И вотъ она, однако, такъ не плачетъ. Богоматерь от-

вѣчала, что за эти слова лигушки, умирая, не будутъ сгнивать. Затѣмъ пошла Она дальше, дошла до воды, на берегу которой росла верба, и велѣла ей сдѣлать мостъ. Послушалась верба, превратилась въ мостъ, по которому перешла Богоматерь. За это Она благословила дерево, сказавъ, что его нельзя будетъ превратить въ уголь, но каждый годъ въ Цвѣтное воскресенье его будутъ носить въ церковь».

Оканчивается второй томъ описаніемъ нѣсколькихъ обычаевъ въ дни страстной недѣли. И здѣсь довольно много характерныхъ переживаній. Вообще, какъ матеріалъ, книга г. Мариану представляетъ несомнѣнный интересъ, и мы будемъ ожидать появленія дальнѣйшихъ выпусковъ его серьезнаго труда по изслѣдованію народнаго румынскаго календаря.

А. И. Яцимирскій.

Istoria Bucurestilor de Ionescu-Gion. Bucuresci, 1899 an., 4°, V+818 pp.

Если мы припомнимъ что старо-румынская культура была исключительно славянской въ XV—XVII в.в., то намъ станетъ понятнымъ интересъ для славянской археологии и этнографіи труда почтеннаго академика по исторіи столицы Румыніи, отъ ея основанія и до 1800 года. Хорошо изданная книга снабжена 295-ю гравюрами, представляющими виды древнихъ церквей, монастырей, дворцовъ и другихъ зданій, портретовъ господарей, снимковъ съ славянскихъ надписей и проч., и даетъ для археолога богатый матеріалъ, который легко можетъ убѣдить всякаго, что старо-румынское искусство должно стать предметомъ самыхъ тщательныхъ изслѣдованій въ особенности для занимающихся византійско-славянской стариной, такъ-какъ румынскія общественныя зданія въ большинствѣ случаевъ строились по византійско-славянскимъ образцамъ, а иногда и греческими или славянскими мастерами ¹⁾. Такъ въ пятой главѣ авторъ занимается господарскими дворцами въ періодъ между 1464-мъ и 1800-мъ г.г. и живо рисуетъ придворную жизнь съ ея чисто византійско-болгарскими формами, церковными обрядами, парадами, воеводскими костюмами, убранствомъ комнатъ и т. п. Въ слѣдующихъ двухъ отдѣлахъ г. Ионеску-Гіонъ излагаетъ исторію букарештской митрополіи и подробно описываетъ, съ археологической точки зрѣнія, древнѣшнія церкви: Анежма, Ставрополесъ, Раду-воеводы, Греческой, пастуха Вукура, будто-бы давшея названіе и всему городу и др., и даетъ наряду съ живымъ изложеніемъ и массу сырого матеріала; особое вниманіе авторъ останавливаетъ на описаніи свято-троицкаго монастыря, построеннаго Раду-воеводой, и излагаетъ рядъ событій, касавшихся монастыря въ періодъ 1560—1800 г.г. (глава VIII). Въ главѣ IX румынскій ученый говоритъ о посѣщеніяхъ восточныхъ патриарховъ, митрополитовъ и другихъ лицъ церковной іерархіи г. Гунареста; эти посѣщенія—по большей части, какъ и въ Россіи, за сборомъ милостыни и для рѣшенія важныхъ вопросовъ церковной жизни—начались скоро послѣ паденія Константинополя. Какъ извѣстно, напримѣръ, путешествіе патр. антиохійскаго Макарія въ половинѣ XVII вѣка дало неоцѣнимыя данныя для современной румынской археологии въ описаніи этого путешествія, написанномъ діакономъ Павломъ изъ Аженпо. Въ остальныхъ отдѣлахъ авторъ занимается исторіей отдѣльныхъ улицъ, частей и предмѣстій города, исторіей изящныхъ искусствъ, памятники которыхъ сохранились въ Букарештѣ (гл. XVIII), военной исторіей, дѣлаетъ очеркъ старинной жизни города и проч. Въ первыхъ шести главахъ г. Ионеску-Гіенъ излагаетъ событія, имѣвшія мѣсто въ г. Букарештѣ, который уже въ славянской грамотѣ 1506-го года называется «чуднымъ столомъ»; легко повѣрить, что исторію столицы можно принять за исторію страны и всей древней культуры румынскаго народа, такъ тѣсно примыкающей къ культурамъ южныхъ славянъ.

А. И. Яцимирскій.

¹⁾ По настоящему вопросу въ румынской литературѣ почти ничего не сдѣлано. Слѣдуетъ упомянуть серьезную работу С. А. Romstorfer'a, Die moldauisch-byzantinische Baukunst, Wien, 1896.

О Т Д Ъ Л Ъ І V.

Вопросы и отвѣты.

Отвѣты на вопросы Н. В. Томаса изъ Лондона.

Ярославская губернія, г. Ярославль. (Jaroslawskaја gubernia, Jaroslavl).

На 1) (не совсѣмъ ясный) В о р о н ъ, летящій близко, особенно съ правой стороны или надъ головой, если даже и не кричить, предвѣщаетъ несчастье; увидѣть первую, выходя изъ дома въ путь или на какое нибудь предпріятіе или дѣло, сороку—не къ добру, къ неудачѣ, особенно кричащую, стрекочащую сороку.

2) Черные тараканы; пока живутъ, дому не угрожаютъ опасности, быстрое исчезновеніе ихъ предвѣщаетъ несчастье; переселеніе въ другое мѣсто днемъ, на глазахъ у людей, особенно группами и массами — предвѣщаетъ несомнѣнный пожаръ. Появленіе черныхъ таракановъ, особенно быстрое, — къ благополучію, къ богатству, къ деньгамъ. Древоточецъ — «пильщикъ», называемый обыкновенно «кузнечикомъ», иногда «сверчкомъ» — «куетъ» въ стѣнахъ дома къ несчастью, всего чаще къ смерти кого нибудь, — «выживаетъ». Влетъ въ окно ласточки, стрижа, голубя предвѣщаетъ пожаръ.

3) С о б а к а, когда роетъ ямы близъ дома или воетъ (безъ видимой побудительной причины), опустивъ голову; — къ покойнику; когда же воетъ, поднявъ голову, — къ пожару, во время звона — значить, съѣла хотя бы крошку просфоры. В о р о н ъ, пролетая надъ домомъ и каркая въ это время, предвѣщаетъ вообще несчастье, между прочимъ и смерть, когда же каркаетъ, сидя на крышѣ — непремѣнно къ покойнику. С о в а, ф и л и н ъ, с ы ч ъ, появляясь, особенно днемъ, на крышѣ дома или на

воротахъ. Мыши и крысы, визжа, бѣгая и возясь подъ поломъ, больше всего предвѣщаютъ смерть кого-нибудь, но и вообще несчастье.

4) Мыши, бѣгая въ амбарахъ по верху, у потолка по кулямъ и пр., предсказываютъ этимъ повышеніе цѣнъ, бѣгая по низу, по полу—пониженіе ихъ.

6) Черныхъ таракановъ нѣкоторые нарочно кормятъ, стряхая крошки и объѣдки, остающіяся послѣ ѣды на скатерти, къ печи для того, чтобъ эти насѣкомыя не переводились, т. к., гдѣ они живутъ, тамъ царитъ благополучіе и довольство. Для благополучія же при переходѣ въ новый домъ впередъ себя впускаютъ въ домъ кошку, во дворъ пѣтуха; кошка первая встрѣтитъ на томъ свѣтѣ умершаго хозяина, а гдѣ нѣтъ пѣтуха, тамъ и скотина не ведется, молоко и масло—«пустые», невкусныя и нейдущія въ прокъ.

7) Бѣлыхъ животныхъ вообще любятъ, какъ «чистенькихъ, хорошенькихъ и красивыхъ», но предпочтенія, какъ какому нибудь благопріятному животному, не отдается, предпочитаютъ же именно, благодаря пріятной внѣшности и то только у тѣхъ породъ, на которыя не обращаетъ вниманія домовая, или гибель которыхъ не убыточна, какъ кошки, собаки и пр. Лошадей же, коровъ, овецъ, куръ и пр. выбираютъ именно той масти, которую любитъ домовая, которая «по дому» или «къ дому», т. е. такой, съ какою животныя были удачны у даннаго хозяина: здоровы, крѣпки, сильны, давали много молока, шерсти и т. д.

8) Трупы всѣхъ животныхъ «поганы», нечисты; прикосновеніе къ нимъ оскверняетъ; шерсть собаки погана, отъ нея пахнетъ псиной или псиной и, потому, прикасавшись къ собакѣ, нельзя молиться, садиться за ѣду, прикасаться къ священнымъ предметамъ, не вымывъ «поганныхъ» рукъ. Мышь и крыса—«гадины» и поганы. Послѣ прикосновенія къ нимъ обязательно нужно вымыть руки. Зорить гнѣзда вообще не хорошо, а зорить гнѣзда безвредныхъ птицъ—тяжкій грѣхъ. Убивать нельзя голубей,—грѣхъ: голубь—духъ святой, поэтому и ѣсть его нельзя. Нельзя убивать и лягушки: мать умереть, если даже случайно ее убилъ, не выдавъ. Пчелы—«божья скотинка», символъ чистоты, онѣ водятся только у людей праведныхъ. Въ пищу нельзя употреблять всѣхъ «поганныхъ» и нечистыхъ животныхъ, а ихъ большинство, именно всѣ домашнія и непохожія на нихъ, (тетерева, глухаря, утку, гуся можно ѣсть: они похожи и близки къ домашнимъ), особенно поганы питающіяся падалью, отбросами, каломъ и прочими нечистотами,

какъ ворона, воронъ, грачъ, галка; нельзя ѣсть всѣхъ хищныхъ птицъ, а также нельзя ѣсть особенно похожихъ или напоминающихъ поганыхъ животныхъ или человѣка, — напр. зайца, задъ котораго въ ободранномъ видѣ (безъ шкуры) напоминаетъ задъ ребенка. Про волка говорятъ, что его и свой братъ ѣсть только съ голода.

10 и 11) Въ праздникъ Благовѣщенія выпускаютъ на свободу пѣвчихъ птицъ изъ кѣтокъ, вѣруя, что онѣ помолятся Богу за освободившаго, и что ему простится нѣсколько грѣховъ. Въ этотъ день на рынки выносятъ торговцы множество птицъ. Преслѣдуютъ и убиваютъ всегда, при всякомъ случаѣ, змѣй, признаваемыхъ гадиной и поганью. Бьютъ (давятъ) также пауковъ, вѣруя, что за каждаго убитаго паука простится 7 (по другимъ 40, 70) грѣховъ.

13) Собственно для колдовства употребляютъ только травы и коренья, а также равныя зелья — (сильно дѣйствующія или ядовитыя средства), вода, уголь, зола; для обстановки же колдовства, какъ атрибуты колдуновъ и колдуній, — черный котъ съ желтыми глазами, иногда воронъ, сычъ, сова, боровъ или поросята.

14) Въ первыхъ числахъ Марта (кажется 5-го), «на прилетъ жаворонковъ» пекутъ ихъ изображеніе изъ тѣста — (кислаго или сладнаго), придавая форму, кто какую сумѣетъ, но вообще стараясь возможно болѣе приблизиться къ натурѣ если не жаворонка, то птицы вообще, хотя обыкновенно этотъ жаворонокъ больше напоминаетъ стрижа. вмѣсто глазъ вставляютъ сухія ягоды черники, а въ одного изъ «жаворонковъ» запекаютъ мелкую монету — «на счастье», — кому достанется, тотъ счастливѣе всѣхъ будетъ въ наступившемъ году. Число жаворонковъ соотвѣтствуетъ числу членовъ семьи, считая по одному жаворонку на человѣка. Прежде, лѣтъ 50 назадъ, ихъ, кажется, носили въ церковь освящать.

Въ Рыбинскомъ уѣздѣ, въ Еремеевской волости существуетъ еще одинъ изъ свадебныхъ обрядовъ, называемый «подстрѣливаніе уточки» ¹⁾ и совершаемый подъ конецъ сговоровъ или «сговорки». Подруги невѣсты готовятъ отъ себя сладный пирогъ или крендель, украшаемый различными фигурами изъ тѣста: пѣтухами, курицами, барашками и пр., а по срединѣ непременно уткой съ крыльями (поднятыми). Этотъ пирогъ или крендель подается дѣвками на столъ послѣ послѣдняго кушанья, бывающаго на сговоркѣ пира. Женихъ долженъ аккуратно отрѣзать правое крыло утки и пере-

¹⁾ Сообщилъ И. В. Костоловскій.

рѣзать его воловникъ; одну изъ воловицъ онъ подаетъ невѣстѣ, которая должна ее сѣсть и затѣмъ, въ свою очередь, подаетъ для того же другую воловину жениху. Женихъ долженъ положить на широкъ денегъ, сколько можетъ, которыя идутъ дѣвцамъ. Этимъ сговорка и кончается. Смыслъ обряда утраченъ.

18) Прокляты: сорока—«воровка», кукушка за то, что не высиживаетъ и не выкармливаетъ дѣтей, и осина, какъ такая, на которой удавился Иуда Искариотъ.

20) Повѣріе о томъ, что отъ сожгія мужчины или женщины съ животными могутъ родиться люди съ животными частями тѣла распространено довольно широко. По увѣренію другихъ, такіа рожденія обусловлены соотіемъ съ злымъ или нечистымъ духомъ, съ чертомъ, который якобы летаетъ къ женщинамъ, (больше вдовамъ, рѣже дѣвцамъ) въ видѣ огненнаго змѣя по ночамъ и проникаетъ къ нимъ черезъ трубу печи. На женщину, имѣвшую несчастье родить звѣрообразнаго ребенка, смотрятъ съ крайнимъ предубѣжденіемъ, какъ на величайшую грѣшницу, сторонятся и обѣгаютъ ее, а ребенка не считаютъ за человѣка и прежде убивали.

23) Лошади, кони и пѣтухи—на кровляхъ зданій и мачтахъ судовъ.

24) Употребляются: «гуси-лебеди», «волкъ или бирюкъ», «воронъ»—съ присказкою: Воронъ, воронъ, что ты дѣлаешь?

Ямку рою.

На что тебѣ ямка?

Камешки ищу.

На что тебѣ камешки?

Въ кучку собирать, да въ тебя бросать...

Воронъ сидитъ въ кругѣ изъ сидящихъ-же дѣтей, (должны сидѣть по турецки), и дѣлаетъ видъ, что роетъ ямку или и дѣйствительно роетъ, а одинъ, водящій, ходитъ за кругомъ вокругъ его и задаетъ вопросы; около ворона лежитъ свитый жгутомъ платокъ. Послѣ послѣдняго отвѣта онъ, схватывая жгутъ, вскакиваетъ и, бѣгая въ кругу, старается «ожечь» — ударить жгутомъ водящаго, который, бѣгая по за кругомъ, въ свою очередь, старается занять свое мѣсто въ кругѣ, остававшееся свободнымъ. Если ему удалось сѣсть, то водить начинаетъ его сосѣдь, а если его ожгутъ, то онъ дѣлается ворономъ. Послѣ послѣдняго отвѣта ворона, иногда вскакиваютъ всѣ дѣти и разбѣгаются въ стороны, а воронъ гоняется за ними, стараясь ожечь, дѣти же торопятся занять мѣсто въ кругѣ.

Извѣстная игра съ очень маленькими дѣтьми—сорока:

Сорока—бѣлобока
На порогъ скакала,
Гостей созывала,
Кашку варила,
Дѣтокъ кормила:
Этому дала, этому дала...
(Перебираютъ пальцы на рукѣ).
А этому не дала—
(Большому или мизинцу)
Шишь!—и полетѣли,
Да на головку и сѣли...

Остальныхъ игръ не припомню, знаю, что бирюкъ дѣлаетъ видъ, что идетъ на костылѣ и прихрамываетъ.

Есть еще игра въ чижикиъ — или «чевель» — чювиль, но она животнаго міра не касается и названа такъ лишь по сходству полета чювиля лету чижикиа, воробья и т. п. птичекъ.

Ярославль.

Ил. Ал. Тихоміровъ.

ОТДѢЛЪ V.

С м ѣ е ъ.

О древне-русскихъ „некалендарныхъ“ именахъ въ XVI и XVII вѣкахъ.

Вопросъ о древнерусскихъ именахъ, такъ называемыхъ «мирскихъ», былъ неоднократно затронутъ въ печати, тѣмъ не менѣе вопросъ этотъ еще далеко не исчерпанъ.

Еще въ недавнее время некалендарныя русскія имена принимали за прозвища, даваемыя лицамъ уже взрослымъ, но послѣ работъ г.г. Костомарова, Чечулина ¹⁾, Соколова ²⁾ и Тупикова не можетъ быть никакого сомнѣнiя, что это были «мирскiя» имена, имена общеупотребительныя, притомъ замѣнявшiя собою въ обществѣ и даже официально имена христіанскія или стоявшiя съ ними наравнѣ.

Прежде ошибочно думали, что по принятiи православiя удѣльные князья сохранили долгое время, въ теченiя нѣсколькихъ столѣтiй, обычай именоваться, наряду съ именемъ христіанскимъ, еще именемъ языческимъ, и что это языческое имя, повидимому, было общеупотребительнымъ, такъ какъ лѣтописи наши до послѣдняго времени называютъ князей ихъ языческими именами. Что же касается до народа, то онъ, повидимому, принявъ крещенiе, сталъ принимать только имена христіанскія.

Такимъ образомъ оказывается, что просвѣщенiе христіанствомъ шло путемъ совершенно противоположнымъ тому, которымъ идетъ обыкновенно всякое просвѣщенiе, что оно шло отъ низшихъ сословiй къ высшимъ, что въ то время, когда непросвѣщенная чернь, терзаемая постоянными расприми князей изъ за «стола», не имѣющая даже возможности обучиться основамъ православной вѣры, ушла въ подчиненiи уставамъ церковнымъ далѣе, чѣмъ высшее сословіе—князья, имѣвшiе постоянное общенiе съ настоятелями церкви, сами ревностные строители храмовъ и монастырей, въ христіанствѣ, несомнѣнно, болѣе просвѣщенные.

Такого рода взглядъ уже аргюи можетъ считаться несомнѣтельнымъ, такъ какъ просвѣщенiе двигается всегда отъ высшихъ, наиболѣе обезпеченныхъ классовъ къ низшимъ, а не наоборотъ. Ошибочность приведеннаго взгляда доказывается и тѣмъ, что, при внимательномъ просмотрѣ древнихъ разнаго рода грамотъ, мы встрѣчаемъ среди населенiя «темнаго» большое количество собственныхъ именъ нехристіанскихъ, въ то время какъ обычай называть князей именами языческими уже успѣлъ отойти въ область прошлаго. По замѣчанiю Карамзина, послѣднiй князь, носившiй имя нехристіан-

¹⁾ Библиографъ. 1890 г. №№ 7 и 8.

²⁾ Изв. Общества Арх. Ист. и Этн. при Имп. Казанскомъ Унив. т. IX, в. 1.

ское, былъ Ярославъ, сынъ Владиміра Андреевича Храбраго ¹⁾, между тѣмъ среди населенія низшаго обыкновеніе давать, кромѣ имени христіанскаго, еще и языческое господствовало и въ XVI и въ XVII вѣкахъ.

Кромѣ приведенныхъ соображеній относительно того, что въ мірскихъ именахъ мы должны видѣть имена, а не прозвища, можно привести еще то, что множество именъ изъ помѣщаемыхъ въ различныхъ старинныхъ документахъ повторяются по нѣскольку разъ, какъ напримѣръ, имена Третьякъ, Меньшикъ и т. п.; зачастую встрѣчается, что за мірскимъ именемъ и отчествомъ извѣстнаго лица слѣдуетъ и прозвище, которое постоянно отдѣляется.

Некалендарныя имена, встрѣчаемыя нами въ старинныхъ документахъ, были, очевидно, именами, а не прозвищами. Въ «Синодикѣ царя Іоанна Васильевича Грознаго» ²⁾ находится множество языческихъ именъ. Это показываетъ, что языческія имена употреблялись даже въ церкви. Изъ того же «синодика» видно, что обычай давать некалендарныя имена въ XVI в. встрѣчался еще у всѣхъ классовъ общества: Третьякъ Висковатый былъ, напримѣръ, изъ дѣтей боярскихъ, приближенныхъ къ царю, Докучай Третьяковъ—поддатнемъ, Молва—поваромъ и т. д.

Помѣщаемъ перечень некалендарныхъ именъ извлеченныхъ различными изслѣдователями изъ документовъ XVI вѣка ³⁾.

Адашь (Фамилія Адашевыхъ).
Акоятый.
Алмавъ (Алмазовы).
Асанъ (Фамилія Асановыхъ).

Багришь.
Баженъ (Важать—сильно желать чего нибудь. Важенный—желанный). (Бажановы).

Барганъ.
Барсукъ (животное. Барсуковы; селеніе Барсуково. Какъ прозвище встрѣчается и доселѣ).

Басала («Басала», «басалай» — человѣкъ бранчивый, ругатель).

Басманъ (По всей вѣроятности происхожденія татарскаго. Изв. фамилія Басмановы).

Бахтеяръ (Вахтѣтъ—бахвалиться. Фамилія Бахтіаровы).

Безня.
Безсчастный (т. е. несчастливый. Припомнимъ прозвище въ сказкахъ «Иванъ Безсчастный»).

Безобразъ (Безобразовы).

Безсонъ (Безсоновы).

Безстужъ («Безстыжій» — «безстужій». Фамилія Безстужевыхъ).

Багоръ (Багровы. Какъ прозвище встрѣчается и доселѣ. Живая Старина. 1899 г. IV. 527).

Вѣля и Вѣля (Вѣляевы; селеніе Вѣляйково въ Яросл. губ. Романов. у.)

Вобрыщъ.

Волобанъ (Въ Ярославской губерніи есть деревня и село «Волобаново»). Волобанъ—Вятск. губ. невѣжа, грубый.

Богатырь (Богатыревыхъ; селеніе Богатырево въ Яросл. губ.).

Вражникъ.

Вровъ.

Брага (Брагины) Въ Яросл. у. селеніе Брагино).

Брусниъ (Брусника—болотная ягода).

Брехъ («брѣхать» — лгать). (Брѣховъ).

Богодѣль (Переводъ православнаго имени Θεοπροπίη).

Буда, Будай, Будянь (Происходить, по всей вѣроятности, отъ корня «будить»). Селеніе Будаково въ Яросл. губ.

Булатъ (Булатовы; въ Ярославской губ. есть селеніе Булатово).

Булгакъ („булгачить“, взбулгачить—встрѣивожить. Булгаковы).

Будиль (Фамилія Будиловичъ; въ Яросл. губер. сел. Будилово въ Рост. у.)

¹⁾ Изв. Общ. Арх., Ист. и Этн. IX в. 1.

²⁾ «Сказаніе князя Курбскаго» ч. II. Спб. 1833 г.

³⁾ «Синодикъ царя Іоанна Грознаго въ Кирило-Бѣлоз. монастырѣ». «Собраніе Гос. Грам. и договоровъ». М. 1819 г. «Слѣдственное дѣло объ убіеніи царевича Дмитрія 1591 г.» и др. «Десятни и тысячная книга XVI в.» г. Сторожева напеч. въ «Описаніи документовъ и бумагъ, хранящихся въ Арх. Мин. Юстиціи». М. 1891 г. (См. Этногр. Обзорѣніе XXI кн., стр. 168).

- Булышъ.
Бунаки.
Буна.
Бурнашъ (Бурнашевыхъ).
Бурый, Бурко (Въ Ярославской губ. есть селеніе Бурово).
Бухара («Бухара» — шмель. «Бушать» — шумѣть. Бухаринъ. Какъ прозвище существуетъ и донинѣ).
Бухвалъ («бахвалъ» — хвастунъ).
Бѣлка (Бѣлкинъ; въ Яросл. губ. есть селеніе Бѣлкино и не одно).
Быкъ (Быковыхъ; въ Ярославской губ. есть селеніе Быково и не одно).
Бѣласки.
Бѣленница.
Верещагъ («верещать» — кричать. Фамилія Верещагинныхъ. Деревня Верещагино).
Веригъ (Фамилія Веригинъ; селеніе Веригино).
Вешнякъ («весенній». Фамилія Вешняковы).
Виданъ, Видинъ.
Внукъ (Фамилія Внуковы; селеніе Внуково въ Ярославской губ.)
Волокита.
Волинецъ (Фамилія Волинцевъ).
Ворошило («Ворошить» — переворачивать. Фамилія Ворошилинныхъ).
Воннъ¹⁾.
Всячина.
Второй (См. Третьякъ. Фамилія Второвыхъ).
Вѣлица.
Вѣжанъ (т. е. Вѣжливый).
Гвоздь (Фамилія Гвоздевы).
Гига.
Голова (Фамилія Головины).
Горбатый (Фамилія Горбатовы).
Горемыкъ (Фамилія Горемыкины).
Горянинъ (Фамилія Горайновы).
Гридя (Фамилія Гридинъ. Въ Ярославской губ. есть селеніе Гридино).
Губа (Фамилія Губастовы; Губины; селеніе Губино въ Ром. Бор. уѣздѣ, Ярославской губ.)
Гуляй (Фамилія Гуляевъ, Загуляевъ).
Грязный (Фамилія Грязновыхъ).
Данша (Селеніе Даншево въ Яросл. губ. Мышк. у. Данша не умевши. ли отъ Данило).
Десятый (См. Осьмой. Селеніе Десятково въ Яросл. губ.).
Добрыня (Былинное имя. Фамилія Добрынинныхъ; селеніе Добрынино въ Яросл. губ.)
Добрышъ.
Домашній (Фамилія Домашневъ).
Дорога.
Дорохъ (Фамилія Дороховъ).
Дроздь (Фамилія Дроздовъ).
Другъ (Фамилія Дружининъ).
Докучай (Фамилія Докучаевъ) «Докучать» — надоѣдать.
Дружина (Дружинины — фамилія).
Дуванко. («Дуванить» — дѣлать; дуванъ — раздѣлъ).
Думашъ.
Дунай (Былинное имя. Фамилія Дунаевъ).
Душа (Фамилія Душинъ).
Дѣй (Дѣевъ фамилія).
Ежъ (Фамилія Ежовъ, какъ прозвище существуетъ и нынѣ; селеніе Ежово въ Яросл. губ.)
Елшикъ.
Ербышъ.
Жданъ (т. е. «жданый») Фамилія Жданова (т. е. «жданная») новыхъ). Въ Ярославск. губ. существуетъ селеніе Жданово, Ждановка.
Жишбрыкъ («Жишбрыкъ» или «шишбрыкъ» — «прохвость» обл.)
Жукъ (Фамилія Жукowychъ; селеніе съ названіемъ Жуково).
Залѣшанинъ (человѣкъ, живущій за лѣсомъ).
Замятня (Фамилія Замятнины).
Заня (Зѣня) (Зѣна какъ прозвище встрѣчается и доселѣ. Жив. Ст. 1899 г. IV. 530. Селеніе Зѣньково).
Заяцъ (Зайко-Зайчиха и доселѣ встрѣчаются въ народѣ, какъ прозвища. Жив. Ст. 1899. IV в. 527—528).
Злоба (Фамилія Злобинныхъ, Незлобинныхъ).
Злодырь.
Злотка.
Злочаня.
Заря. (Заря, какъ прозвище, встрѣчается въ народѣ и доселѣ. Въ Яросл. губ. селеніе Зорино).

¹⁾ Хотя въ спискахъ некалендарныхъ именъ и встрѣчается Воннъ, но въ дѣйствительности Воннъ имя церковное. Іоанна Вонна память празднуется.

Истома (Фамилія Истоминныхъ).
 Изоть (У Дая: Изоть тмб. конецъ дѣлу,
 стой, шабашъ)
 Ишуть.
 Исупъ.
 Ишута.
 Наблукъ (Селеніе Каблуково въ Ярославской
 губ. Фамилія Каблуковыхъ).
 Казаринъ (Фамилія Казариновыхъ).
 Калина (Очень можетъ быть, что это— со-
 кращенное имя Калиника).
 Капусты (Фамилія Капустинныхъ)
 Квашня (Фамилія Квашнинныхъ)
 Килдеяръ
 Китай (Фамилія Китаевыхъ)
 Китинъ
 Кленя
 Клокъ (С. Клокова въ Яр. г. Ф. Клоковыхъ).
 Кмочкы
 Кожура (Верхняя оболочка плода)
 Кокоръ (я)¹⁾ (Фамилія Кокоревъ, Кокоринъ)
 Колупай
 Колобъ (Селеніе Колобово въ Яр. губ. Фа-
 милия Колобовъ)
 Коняй (Фамилія Коняевъ)
 Конша (Фамилія Коншинъ)
 Корепинъ (Корепаный—шадровитый)
 Коробъ (Изв. селеніе Коробово Костр. губ.)
 (Фамилія Коробинъ)
 Косаръ (Ножъ для щепанія лучины)
 Крестьянниъ (Фамилія Кр . . овъ)
 Крячко (Селеніе Крячково въ Рыб. у. Яросл.
 губ.)
 Кубагъ
 Кудивъ²⁾ (Селеніе Кудиново въ Яросл.
 губ.)
 Куръ (Фамилія Куровъ; селеніе Курово)
 Курба } Курбатовы, дер. Курбатово встрѣ-
 Курбатъ } чается не разъ. Рѣка Курба.
 Курдюнъ
 Курдюмъ (Селеніе Курдюмово въ Яр. губ.)
 Кушникъ
 Кяпбанъ
 Ламанко
 Лапа (Фамилія Ланиныхъ)
 Лачинъ

Лешунъ (Вѣрнѣе «лѣшунъ» отъ лѣсу,
 лѣшій)
 Лизунъ (Фамилія Лизуновыхъ)
 Лобынъ
 Домачко
 Лопати (Фамилія Лопатинныхъ)
 Лумпъ
 Лусонъ
 Лучанинъ
 Любимъ (Фамилія Любиновы; г. Любимъ)
 Ляцунъ³⁾ (Фамилія Ляпуновы)
 Малецъ (Фамилія Мальцовыхъ)
 Маликъ
 Мамонъ (Фамилія Мамоновы; селеніе Ма-
 моново въ Яросл. губ.)
 Мангуръ (Фамилія Мангуровыхъ)
 Масло (Фамилія Масловъ; селеніе Маслово)
 Мекъ⁴⁾
 Меньшикъ } Фамилія Меньшиковы; селеніе
 Меньшой } Меньшиково въ Яр. г. Мыш. у.
 Меречекъ
 Мижуй
 Мизинъ (Мезинъ;⁵⁾ Фамилія Мизиново; се-
 леніе Мезино, Мизинова)
 Милка (Фамилія Милковы)
 Милованъ (отъ корня «милый» (Фамилія
 Мидовановъ)
 Миляй (тоже)
 Мина⁶⁾
 Минякъ
 Мисюръ⁷⁾
 Мишура
 Молива
 Молчанъ (Фамилія Молчановъ)
 Монастырь
 Мордвинъ (Фамилія Мордвиновъ)
 Москаль (Какъ прозвище существуетъ и
 доселѣ)
 Мосоль (Фамилія Мосоловъ³⁾)
 Мурза (татарское)
 Мясоѣдъ (Фамилія Мясоѣдовъ)
 Мысликъ
 Насонъ (Фамилія Насоновъ)
 Нагай
 Надѣй (Фамилія Надѣины, Надѣинскіе)

¹⁾ Пень вывороченный съ корнями, обл. Кукоръ, какъ прозвище, встрѣчается и нынѣ. Ж. С. 1899. В. III. ²⁾ Не сокращенное ли это православное Анкудимъ—Кудимъ?
³⁾ Глаголь «липать»—пачкать. Тяпъ, ляпъ, да и кляпка. ⁴⁾ «Мекъ»—меко—секретъ (Костр. губ.). ⁵⁾ По слов. Дая: «Мезонька» об. вм. младшее дитя, баловень; ср. мезинецъ на рукѣ.
⁶⁾ Мина—имя православное; память св. Минѣ празднуется 5 Янв., Февр. 17, Апр. 12, Авг. 24.
⁷⁾ «Мишура» уменьш. отъ Михаилъ, Сашура отъ Александръ и т. д.⁸⁾ «Мосоль»—кость.

Найдонъ (Фамилія Найденовы)	Оботуръ ⁵⁾ (Селеніе Оботурово въ Яросл. губ. Угл. у.
Невзоръ (Фамилія Невзоровъ)	Одинецъ ⁶⁾ (Фамилія Одинцовыхъ)
Невѣжа (Фамилія Невѣжинъ)	Опасный
Невѣръ	Ослонъ
Нежданъ ¹⁾ (Фамилія Неждановъ)	Ощера ⁷⁾ (Фамилія Ащериныхъ)
Неговоръ	
Незамай ²⁾	Папа ⁸⁾ (Какъ прозвище, встрѣчается и доселѣ. Ж. Ст. Ш. 399).
Некмодь (Фамилія Некмодовъ)	Паршикъ (отъ слова паршъ, паршивый; селеніе Паршино въ Яр. губ.)
Незнай	Первый (См. Четвертый)
Некоръ (отъ корня корить—укорять)	Перша ⁹⁾ (Селеніе Першино въ Яр. губ.)
Неклась	Первуша (Фамилія Первушинъ);
Нелюба	Пересвѣтъ
Нелюбъ (т. е. не любой. Фамилія Нелюбовъ, Нелюбинъ)	Поводъ
Немятый	Покидка
Несвѣй	Покидыпъ
Неунокъ ³⁾	Полухъ
Несиванъ	Помянь
Несвѣтъ	Послѣло (Фамилія Послѣловъ)
Ненашь	Понады
Неустройко	Посникъ (Фамилія Постниковъ)
Нехорошій	Посолъ
Нечай (Фамилія Нечаевыхъ)	Правой
Низовець	Прокуда ¹⁰⁾
Небогатый	Путило (Фамилія Путялинъ).
Некрасъ (Некрасовы)	Пѣшка (Фамилія Пѣшковыхъ)
Немиръ (Фамилія Немировыхъ)	Пятой } Пятунка }
Неудача	Петеля (Петля?)
Неря	Пинай
Обида (Фамилія Обидинъ)	Полный
Обмѣна ⁴⁾	Пріѣзжія
Образецъ (Фамилія Образцовыхъ; сел. Образцово въ Яросл. губ.)	
Овчина (Фамилія Овчинниковъ).	Радай
Одаръ	Радка
Озимаръ	Рахманъ ¹¹⁾ (Фамилія Рахмановъ, Рахмановъ)
Олтухъ (Фамилія Алтуховыхъ)	Радостный
Осьмой (см. Четвертый)	Разгильдяй ¹²⁾ (Фамилія Разгильдяевъ)
Онцыферъ (Фамилія Онцыфровыхъ; сел. Анцыфрово)	Ратай ¹³⁾ (Фамилія Ратаевъ)
Орѣхъ	Рычко (Фамилія Рычковъ, Рудаковъ)
Оглобля (Селеніе Оглоблина въ Яр. губ. Рыб. у.)	

¹⁾ «Нежданъ»—нежданный ²⁾ «Незамай»—«не тронъ» обл. сл. ³⁾ Неупокойный—неугомонный, неспокойный (о дѣтяхъ). ⁴⁾ «Обмѣнъ»—человѣкъ плутоватый. Какъ прозвище, встрѣчается въ народѣ и до сихъ поръ. ⁵⁾ «Оботуръ»—человѣкъ упрямый. ⁶⁾ Какъ прозвище Одинецъ, встрѣчается и доселѣ среди крестьянъ Волог. губ. (Жив. Стар. 1899 г. в. IV стр. 528). Одинецъ—одинъ сынъ у отца. ⁷⁾ «Ощерить» зубы—оскалить зубы. «Ощера»—несогласный человѣкъ Вол. губ. ⁸⁾ Хотя Папа и причисляется нѣкоторыми изслѣдователями къ числу некалендарныхъ именъ, но въ дѣйствительности это имя календарное. Память этому святому празднуется Марта 16 дня. ⁹⁾ Есть слово «першишь» (въ горлѣ). Перша—уменьшит. отъ Перфилий. ¹⁰⁾ «Прокудить»—чудить. ¹¹⁾ «Рахманный»—ловкій. ¹²⁾ «Разгильдяй»—человѣкъ непрокій. ¹³⁾ «Ритай»—оратай.

Рудакъ (Фамилія Рудакъ; сел. Рудаково въ Яросл. губ.)	Суворъ (Фамилія Суворовы).
Рунецъ	Сумшъ
Русинъ (Фамилія Русиновы)	Сума
Ратманъ (Фамилія Ратмановъ, сел. Ратманово)	Сувгуръ
Родной	Сумбулъ
Рудной ¹⁾ (Ф. Рудневы).	Суря
Ръзакъ	Суслинъ
Рюма ²⁾ (Фамилія Рюминныхъ)	Суханъ (Въ Яр. губ. есть селеніе Суханово)
Салманъ	Сухой
Сушта	Сушъ
Севринъ (Фамилія Севриновъ)	Сыдавной
Сурьянинъ (Фамилія Сурьяниновъ)	Танай
Семейки (Дер. Семейкино въ Яр. губ.)	Тать
Савлукъ (Фамилія Саблукowychъ. Селевіе Саблукново въ Ярославской губ.)	Темиръ
Салемъ	Терай
Салтанъ (Фамилія Салтановъ)	Тинякъ
Самосадъ	Тархъ (Селеніе Тархово въ Яросл. губ.)
Самчукъ	Троянъ (Фамилія Трояновъ)
Саринъ	Тихомиръ (Фамилія Тихомировы)
Сарычъ	Тишина (Тишинины)
Селянинъ ³⁾	Товарищъ
Сатышъ	Томяло (Томилинь)
Своятинъ	Томъ
Севрюнъ	Тонкій
Серко (Върѣбе: Сѣрко. Фамилія Сѣровъ)	Торопъ (Тороповы)
Скорнякъ	Трени
Слядня	Третьякъ (Третьяковы, селеніе Третьяково) (см. Четвертый)
Слѣпецъ (Фамилія Слѣпцовыхъ)	Труха ⁶⁾ (Селеніе въ Яросл. губ. Мыш. у.)
Смирной (Смирновой)	Тугаринъ (Фамилія Тугариновы)
Смага (Смагины)	Турбай
Снитокъ ⁴⁾	Тутай
Соиръ	Тучко (Фамилія Тучковыхъ)
Соловей (Фамилія Соловьевъ)	Тевризь
Сонъ } Какъ прозвище, Соня встрѣчается	Тутышъ
Соня } и понимѣ. (Фамилія Сонинъ)	Угринъ (Угрюмъ?)
Соморокъ (Суморокъ—Сумороковъ ⁵⁾)	Удача
Сотникъ	Уланъ (Фамилія Улановъ)
Стадникъ	Уманко
Сомъ (Фамилія Сомовъ)	Уракъ
Семой (см. Четвертый)	Урусъ (Фамилія Урусовыхъ)
Страхъ (Фамилія Страховъ)	Уринъ
Стривта	Услюнъ
Субота (Суботины; сел. Суботино въ Яр. губ.)	Утѣшъ
	Утучъ

¹⁾ «Руда»—кровь.

²⁾ «Рюмить»—плакать.

³⁾ Какъ прозвища, встрѣчаются въ народѣ и доселѣ. См. Жив. Стар. 1899 г. III—IV. 399.

⁴⁾ Снить, снитокъ—особаго рода трава, растущая по огородамъ.

⁵⁾ Суморокъ—сумракъ. Въ Яросл. губ. Рост. у. селеніе Сумороково.

⁶⁾ Труха сѣнная—сѣно, растертое въ порошокъ.

Ушакъ ¹⁾ (Фамилія Ушаковыхъ; село Ушаково)	Шемьяка (Фамилія Шемьякиныхъ; сел. Шемьякино)
Ушатый	Шестакъ (Фамилія Шестаковыхъ; селеніе Шестаковка)
Фунникъ ²⁾ (Фунить—невѣжничать; обл. сл.) селеніе Фунино въ Яросл. губ. Рѣб. у.	Шатиль (Шатиловы) Шиний Широкій (Фамилія Широковъ) Ширяй (Фамилія Ширяевыхъ) сел. Ширяево въ Яросл. губ. Рѣб. у.
Фурсай	Шолко
Хиньго	Шиншк ³⁾ (Въ Новг. губ.—«чертъ». Фамилія Шиншинъ и Шиншк ³⁾ . Дер. Шиншково въ Яросл. губер.)
Хрѣвъ (Фамилія Хрѣвовъ)	Шкута
Хотѣвъ (Въ Яр. губ. есть дер. Хотѣново)	Шемета (Въ Яросл. губ. село Шеметово)
Худякъ (Въ Яр. губ. есть дер. Худяково Худяковъ)	
Чельдоня	Щетина (Сел. Щетниково въ Яр. губ. Фамилія Щетининъ; Селеніе Щетника)
Черемисинъ (Селеніе Черемисино въ Яр. губ. Черемисиновъ)	
Черемша (Черемша—дерево)	
Черный (Фамилія Черняевъ)	
Четвертакъ (См. Четвертый)	Ъадокъ
Чудой	
Чудинъ (Есть не одна деревня Чудиново въ Яр. губ.)	Юда (Юда? ⁴⁾)
Чуяна	Ярецъ
Чижъ (Фамилія Чижовыхъ)	Яруга
Четвертый ⁵⁾	Ярый
	Ярышь
	Яшево
Шабаръ ⁶⁾	} Всѣ эти имена представляют видоизмѣненіе коренного «ярый». (Отс. Ярило, деревня Ярилово и т. д.). Фамилія Ярцевъ.
Шамаукъ	
Шаратъ («Шаранать»—шарить, искать; Фамилія Шарановыхъ; сел. Шараново)	Въ Ярославской губ. существуютъ селенія: Ярышево, Ярцево.
Шастъ (Шастать—бродить безъ дѣла)	

Обычай давать два имени ребенку въ древней Россіи, на первый взглядъ странный, является легко объяснимымъ, если обратить вниманіе на народы также давно принявшіе христіанство, но у которыхъ обычай давать своимъ дѣтямъ, кромѣ христіанскаго имени при крещеніи, еще и имя, такъ сказать, языческое—сохранился до сихъ поръ.

Такъ у христіанскихъ народностей Закавказья, по семейнымъ спискамъ 1866 г., употребляется, наряду съ христіанскими календарными именами, множество именъ некалендарныхъ. Такія имена попадаютъ у карталинцевъ, имеретинъ, у тушинъ, пшавовъ и невшуровъ, у осетинъ, сванетовъ и, наконецъ, у армяно-григоріанъ⁷⁾.

У вотсковъ Завьяловской волости, по словамъ г. Верещагина, существуетъ обычай

¹⁾ Въ старинныхъ цвѣтникахъ и травникахъ упоминается трава: «ушакъ».

²⁾ Фамилія Фуниковыхъ была въ XVI в.

³⁾ Имена Первый, Второй, Третьякъ, Четвертый, и т. д., по всей вѣроятности, указываютъ на то, которымъ родился въ семьѣ ребенокъ: первымъ, вторымъ и т. д.

⁴⁾ Человѣкъ безпокойный.

⁵⁾ Въ Яр. губ. говорятъ: «гдѣ тебя шиншк то носилъ»? равносильно—«гдѣ тебя лѣшій носилъ?»

⁶⁾ Хотя въ спискахъ некалендарныхъ именъ и встрѣчается Юда, но это имя по всей вѣроятности православное—Юда.

⁷⁾ Подробный перечень некалендарныхъ именъ у кавказскихъ инородцевъ см. ст. А. Хак—ова въ Этногр. Обзор., «Еще вопросу о некалендарныхъ именахъ» Этногр. Обзор. кн. XXI, стр. 168.

давать дѣтямъ языческія имена наряду съ христіанскими. Эти языческія имена даются «бабушками», исполняющими должность повитухъ при родахъ, которымъ обычай велить, до совершенія надъ младенцемъ обряда св. крещенія, давать такъ называемыя банныя имена (мынчо нимъ). Имена младенцамъ родные даютъ по событіямъ, при которыхъ рождаются дѣти, и по временамъ года. Такъ, напримѣръ, если ребенокъ родился весной, во время появленія скворцовъ онъ получаетъ имя Юберъ—скворецъ, если во время сѣнокоса—Кусо—косы. Во время уборки хлѣбовъ съ полей даютъ имена: Кабанъ (скврда), Ючись (коль, на которомъ вѣшаютъ снопы). Но такой обычай нынѣ сталъ предаваться забвенію; чаще даютъ уже христіанскія имена, легкія для произношенія, и такія имена за иными остаются до самой смерти, не смотря на то, что при крещеніи же наречены другими именами. Крупныя событія даютъ также поводъ къ нареченію ребенка тѣмъ или другимъ именемъ. Въ селѣ Завьяловѣ, продолжаетъ г. Верещагинъ, въ день нашествія на это село Пугачевской вольницы, родился у одного вотяка сынъ, и его назвали Пугачемъ; такое прозвище за родомъ этого вотяка сохранилось и до сихъ поръ¹⁾

У Карагасовъ, небольшого племени, живущаго въ лѣсахъ Саднскаго хребта, существуетъ подобный же обычай. Карагасы считаются православными: христіанское имя дается священникомъ при крещеніи, а карагасское имя даетъ отецъ или мать новорожденнаго. Иногда нареченіе языческимъ именемъ происходитъ слѣдующимъ образомъ: на слѣдующій день по рожденіи ребенка устраиваютъ пиръ; при этомъ случается, что именитый гость даетъ новорожденному свое имя²⁾.

Нареченіе ребенка языческимъ именемъ помимо христіанскаго отиѣчено многими писателями у древнихъ лопарей.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Лапландіи нареченіе новымъ именемъ совершалось вслучаѣ болѣзни ребенка и сопровождалось слѣдующими обрядами: въ котелъ клали ольховую кору, варили её и, затѣмъ, обмывали этой жидкостью ребенка, смывали съ него старое имя и нарекали ему новое. Въ Финляндской Лапландіи господствовало мнѣніе, что отъ одного крещенія въ церкви ребенокъ никогда не сдѣлается счастливымъ: считалось даже необходимымъ смыть съ ребенка христіанское имя; поэтому, тотчасъ послѣ крещенія въ церкви, ребенка крестили вновь по языческому обряду, который носилъ названіе Саменабма—лавго (т. е. омовеніе лопарскимъ именемъ; лопари сами себя называютъ Саме). Чтобы узнать, какое имя слѣдуетъ дать ребенку, прибѣгали къ колдовству; при помощи бубна или другими способами отецъ или найдя (шаманъ) или, наконецъ, знакомые узнавали о будущемъ имени ребенка. Но къ этому средству приходилось прибѣгать сравнительно рѣдко; по представленіямъ лопарей, обыкновенно, когда приближалось время родовъ, къ роженицѣ являлся кто нибудь во снѣ изъ умершихъ предковъ и нарекалъ имя будущему младенцу. Именемъ, даннымъ при церковномъ крещеніи, ребенка никогда не называли. Всякій разъ, когда ребенокъ начиналъ хворать, или даже если онъ просто много плакалъ, совершали вновь языческое крещеніе. Языческое крещеніе совершала женщина: однако при первомъ Саме-набма-лавго совершавшая крещеніе женщина не должна быть ни крестной матерью, ни свидѣтельницей при совершеніи церковнаго крещенія надъ крещаемымъ. Часто обрядъ совершался самою матерью крестящагося. Совершавшая языческое крещеніе, женщина дарила своему крестнику перстень, пряжку или что нибудь другое въ знакъ того, что крестникъ освобожденъ отъ прежняго имени. При перемѣнѣ имени ребенка, въ случаѣ болѣзни, обрядъ совершался слѣдующимъ образомъ: подъ присмотромъ женщины, которая совершала обрядъ, нагрѣвали воду и вливали её въ корыто; туда же клали двѣ березовыя вѣтви; одну изъ нихъ свивали кольцомъ. Совершавшая обрядъ, женщина говорила, обращаясь къ ребенку: «будь такъ же плодовитъ, такъ же здоровъ и крѣпокъ, какъ береза, съ которой взяты эти вѣтви». Послѣ этого она бросала въ корыто латунный

¹⁾ Верещагинъ: Вотяки Сарапульскаго у. З. И. Р. Г. О. по отд. этн. т. XIV в. 3 стр. 24—25.

²⁾ Н. О. Катановъ. поѣздки къ карагасамъ З. И. Р. Г. О. по отд. Этн. т. XVII в. 2 стр. 146—147.

перстень или вообще какойнибудь кусок латуни, мѣди или олова и говорила: «затѣмъ я посвящаю тебя; будь также звонокъ и краснѣе, какъ эта латунь (или серебро), дамъ тебѣ новое имя: ты долженъ лучше расти отъ той воды, которую мы тебѣ даемъ, чѣмъ отъ той, въ которой крестилъ тебя священникъ... Съ этими словами она обливала водою изъ корыта голову ребенка до трехъ разъ и опрыскивала этою же водою все его тѣло. Послѣ этого она говорила: «теперь ты сдѣлался участникомъ крещенія Аде-наба и носишь имя NN, посмотришь, какъ ты будешь расти теперь». По совершеніи обряда брошенные въ корыто металлическія вещи привѣшивались ребенку подъ руки (мальчику) или же на грудь (дѣвочкѣ) и въ качествѣ амулетовъ носились до совершеннолѣтія¹⁾.

Но оставляя въ сторонѣ инородцевъ, укажемъ на близкихъ къ нимъ русиновъ: въ ихъ средѣ въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій оказывали вліяніе свсе и шавеславіе, и католичество, и унія, и лютеранство, и огромное количество сектъ: между тѣмъ обычай давать два имени, одно при крещеніи, другое, такъ сказать, изыское, сохранялся до сихъ поръ (напримѣръ, при крещеніи Софія, въ обществѣ Святослава).

Этотъ обычай, существовавшій въ древней Руси сохранился до послѣдняго времени XVII в. и, можетъ быть, и въ настоящее время не исчезъ еще вполне.

Развитіе христіанства, дѣйствительно, привело къ тому, что высшее сословіе откинуло обычай давать два имени своимъ дѣтямъ, но въ средѣ не придворнаго сословія онъ еще долго сохранялся; въ этой области развивающаяся дѣятельность христіанства дѣйствовала медленно, и въ то время, какъ правящій классъ подъ вліяніемъ духовенства, постепенно терялъ свои народные обычаи,—слои общества, ниже стоящіе, сохранили свои обычаи до Петровской реформы, а можетъ быть, и позже.

Обычай давать некалендарныя имена существовать, повидимому, въ XVI—XVII в. среди всѣхъ классовъ народа. «Въ десятияхъ» XVI в. некалендарныя имена носятъ лица, принадлежащія къ потомкамъ прежнихъ дружинниковъ, принадлежащія къ сословію правящему и достаточно приближенному ко двору²⁾.

Въ Синодикѣ Іоанна Грознаго, о которомъ мы уже говорили и выше, мы читаемъ, что Третьякъ—Висковатый былъ изъ дѣтей боярскихъ, приближенныхъ къ царю, Докучай Третьяковъ поддатнемъ, Молива—поваромъ и т. д. Обычай носить некалендарныя имена былъ даже съ средѣ православнаго духовенства.

Въ житіи и страданіи св. преп. Адріана игумена, Пошехонскаго Чудотворца, относящемуся къ второй половинѣ XVI в., мы читаемъ: «Въ та же времена бѣ нѣкій попь, сослужбеникъ церкви Великомученика Георгія Стратотерпца Христова, завоимый Косарь». Причетникъ его называется въ томъ же житіи Вабой. Черноризецъ, чудесно явившійся пр. Адріану, посылъ названіе Везстужа³⁾.

Въ вышеприведенный нами списокъ мы включали только тѣ, которыя имѣютъ объясненіе въ русскоиъ языкѣ или русскій корень; отчества, происходящія изъ инородческихъ языковъ, мы не выписывали въ виду того соображенія, что въ XVI в. въ Московское государство пріѣзжало много лицъ инородческаго происхожденія: дѣти такихъ лицъ, носившія уже русскія имена, сохранили инородческія прозвища или имена своихъ еще некрещенныхъ родителей. Мы дѣлали это изъ опасенія принять лицъ, имѣющихъ инородческое имя или отчество, за русскихъ въ то время, какъ это могли быть сыновья тѣхъ же пріѣзжихъ представителей тюркскаго или иного племени.

По поводу вышеприведенныхъ некалендарныхъ именъ мы позволимъ себѣ высказать слѣдующія соображенія.

Нѣкоторыя имена, какъ напримѣръ Казаринъ, Мордвинъ, Черемисенъ, Чуяпъ и т. п., указываютъ иногда на племенное происхожденіе лица, но тѣ же самыя имена могли даваться затѣмъ и какъ прозвища лицамъ чисто русскаго происхожденія. Прозвища «нѣмецъ», «полякъ» встрѣчаются и въ настоящее время среди нашихъ крестьянъ.

¹⁾ Н. Харузинъ. Русскіе допари стр. 179—180.

²⁾ «Десятии и тысячная книга XVI в.» г. Сторожева «Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи» М. 1891 г. кн. VIII.

³⁾ «Житіе и страданіе св. пр. Адріана, игумена, Пошехонскаго Чудотворца». Ярослав. Епарх. Вѣдом. 1873 г. № 4.

Мы полагаемъ, что значительная часть некалендарныхъ именъ въ XVI в. давались, какъ прозвище ребенку, при самомъ его рожденіи, вслѣдствіе тѣхъ или иныхъ обстоятельствъ, бывшихъ при его рожденіи. Такъ какъ обстоятельства при рожденіи ребенка бываютъ довольно обыкновенны, то и имена этого разряда суть наиболѣе употребительныя имена. Таковы имена: Бажень (желанный), Жданъ (жданный), Нежданъ (нежданный), Нечай (нечаянный), Меньшой, Субота (время рожденія) и т. п. Особенно часто встрѣчаются имена Первый, Второй, Третьякъ, Четвертый, Пятый, Шестой и дал., указывающія, повидимому, на то, которымъ родился ребенокъ въ семьѣ.

Къ слову замѣтимъ, что имена послѣдняго рода можно встрѣтить и въ нашихъ православныхъ святцахъ. Таковы, напримѣръ, имена: Протогенъ (греч. первенецъ, соотвѣтствуетъ некаленд. Первый), Квинтиліанъ (лат. соот. нек. Пятый, Питунки), Савватій (субботній соот. нек. Суббота), Сивстъ (л. соот. нек. Шестакъ, Шестой) и др.

Нѣкоторыя, затѣмъ, имена, прозвища могли даваться ребенку уже послѣ рожденія или даже взрослому человѣку. Прозвища эти встарину, по всей вѣроятности, давались такъ же, какъ даются эти прозвища и нынѣ. Производя по этому поводу наблюденія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Ярославской губерніи, мы пришли къ тому выводу, что прозвища, даваемая простымъ народомъ другъ другу, указываютъ: а) на происхожденіе лица изъ известной мѣстности, какъ напр. Рязанка, Московка и т. п. б) на занятія лицъ—Кузнецъ, Скорнячиха и т. д. в) на наружность, характеръ и другія личныя качества известнаго лица, какъ напр. Бѣлоусъ, Моржуха, Махала, Багоръ и т. п. г) на любимыя разговорныя поговорки: «малина въ ротъ», получаетъ прозвище «малина», другой, имѣвшій обыкновеніе къ дѣлу и не къ дѣлу говорить поговорку: «елка-палка», получаетъ прозвище «елка-палка» и т. д. Иногда прозвище дается вслѣдствіе известныхъ происшествій съ даннымъ лицомъ. Такъ напримѣръ, одинъ крестьянинъ, сдѣлавшій попытку урвать на базарѣ сазана и уличенный на мѣстѣ преступленія въ кражъ, получилъ въ округѣ кличку «Сазана», которая и осталась за нимъ до самой смерти. Другой, известный намъ крестьянинъ, подобнымъ же образомъ получилъ кличку «Клеевка»¹⁾.

Къ слову замѣтимъ, что среди современныхъ народныхъ прозвищъ есть много древнихъ некал.

Всѣ такія прозвища, если только онѣ мѣтки, не только въ жизненномъ обиходѣ удерживаются за человѣкомъ, но даже и совершенно замѣняютъ его христіанское имя. Примѣры такого явленія мы встрѣчаемъ и до сихъ поръ въ нашей жизни. Въ нашихъ деревняхъ и уѣздныхъ городахъ встрѣчаются лица, известные подъ именемъ Мокрицы, Кипариса, Моржухи, Махалы и т. п. Иногда бываетъ, что весь уѣздный городъ знаетъ какого нибудь Махалу, но дѣйствительное его имя иногда знаютъ не больше двухъ-трехъ человѣкъ.

Точно то же самое могло быть, но только въ большемъ, конечно, размѣрѣ, въ XVI вѣкѣ.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что прозвища попадали и въ официальные документы того времени. Формы дѣлопроизводства того времени не соотвѣтствовали нынѣшнимъ по своей строгости и точности: въ старинныхъ писцовыхъ книгахъ можно встрѣтить сполна имя, отчество и прозвище лица, иногда только прозвище, а иногда, наконецъ, только имя лица. Нѣтъ ничего удивительнаго, что въ официальные документы и вносились эти прозвища вмѣсто именъ христіанскихъ, или первая въ жизни употреблялись гораздо чаще послѣднихъ.

Женскихъ некалендарныхъ именъ дошло до насъ ничтожное количество. Въ Синодикѣ, напримѣръ, Иоанна Грознаго изъ женскихъ некалендарныхъ именъ, встрѣчаемъ только имя Жданы—Путятиновой жены. Фактъ весьма замѣчательный, потому

¹⁾ Великорусскія фамиліи и ихъ происхожденіе. Жив. Ст. 1896 г. в. II, а также о народныхъ прозвищахъ Жив. Стар. 1899 г. в. II стр. 231. Наши наблюденія подтверждаются и наблюденіями, произведенными наслѣдователями въ другихъ мѣстностяхъ. См. напр., «Прозвища крестьянъ д. Хмѣлевской, Кадниковскаго у.» Жив. Стар. 1899 г. в. IV стр. 526 и др.

что въ томъ Синодикѣ встрѣчается множество женскихъ христіанскихъ именъ, число которыхъ не многимъ менѣе числа мужскихъ именъ, упоминаемыхъ въ Синодикѣ. Въ числѣ женскихъ именъ встрѣчаются даже имена нѣмокъ и татарокъ.

Ничтожное количество женскихъ некалендарныхъ именъ, дошедшихъ до насъ, объясняется тѣмъ, что женщина вела замкнутую «теремную» жизнь.

Если женщинамъ и давалось прозвище, то оно оставалось въ терему и очень рѣдко могло распространиться и укрѣпиться въ обществѣ настолько, чтобы вытѣснить собою христіанское имя женщины.

Очень можетъ быть, что многія некалендарныя имена могли даваться въ XVI в. вмѣсто христіанскихъ самими священниками, по невѣжеству этихъ самыхъ священниковъ. Припомнимъ, что даже въ первой половинѣ текущаго столѣтія понадобились неоднократные указы Св. Синода о томъ, чтобы приходскіе священники давали имена дѣтямъ только тѣ, какія находятся къ святцахъ. Очевидно, что нареченіе священниками языческихъ именъ вмѣсто христіанскихъ было дѣломъ обычнымъ въ XVI в. . .

Какъ мы говорили уже и выше, въ XVI в. некалендарныя имена были въ повсемѣстномъ всеобщемъ употребленіи. Въ XVII в. некалендарныя имена встрѣчаются уже гораздо рѣже. Въ XVIII в. они встрѣчаются совсѣмъ рѣдко, хотя нельзя отрицать того, что дальнѣйшіе послѣдователи докажутъ, можетъ быть, что некалендарныя имена употребляются въ глухихъ мѣстахъ и до настоящаго времени. Да это есть и на самомъ дѣлѣ. Припомнимъ, напримѣръ, извѣстное имя Любимъ («Любимъ Торповъ»).

Съ конца XVII в. большая часть некалендарныхъ именъ переходитъ уже въ фамиліи.

Первоначально различныя лица различались другъ отъ друга по своимъ именамъ. Но такъ какъ въ обществѣ очень часто встрѣчались лица, имѣвшія одинаковое имя, то для отличія ихъ другъ отъ друга въ житейскихъ и официальныхъ документахъ стало необходимымъ упоминать объ имени ихъ отца или даже дѣда: «Михайло Губа Микулинъ сынъ», «Шарапъ Васильевъ сынъ» и т. д.

Превращеніе имени родоначальника въ фамилію рода можно было наблюдать еще въ недавнее время ¹⁾. Такъ напр. крестьянинъ Василій даетъ начало фамиліи Васильевыхъ и т. д. Подобно этому и въ прежнее время имя родоначальника могло переходить въ прозвища, а затѣмъ въ фамилію. Михайло Микулинъ сынъ могъ называться просто Михайло Микулинъ, и это отчество Микулинъ въ качествѣ прозвища переходило, затѣмъ, на дѣтей этого Михайлы. Такимъ образомъ возникала фамилія Микулины.

Очень многія изъ великорусскихъ фамилій произошли такимъ образомъ отъ языческихъ, «некалендарныхъ» именъ, носимыхъ встарину родоначальниками этихъ фамилій, или же отъ прозвищъ этихъ родоначальниковъ.

Отъ тѣхъ же некалендарныхъ именъ, а затѣмъ уже отъ фамилій, отъ нихъ происшедшихъ, произошли многія названія населенныхъ мѣстъ. Объ этомъ мы уже говорили и выше.

По всей вѣроятности нареченіе ребенка языческимъ именемъ сопровождалось встарину различными обрядами. Но какіе были эти обряды? за неизмѣнѣмъ данныхъ, мы не можемъ сказать по этому поводу ничего положительнаго.

А. Балога.

¹⁾ «Великорусскія фамиліи и ихъ происхожденіе». Жив. Стар. вып. II. 1896 г.

Населеніе Македоніи ¹⁾.

(Отвѣтъ на статью г. Драганова, напечатанную въ «Спб. Вѣдомостяхъ № 200).

На столбцахъ газеты «С.-Петербургскія Вѣдомости» часто появляются статьи по македонскому вопросу. Въ послѣднее время, въ номерѣ отъ 24 іюля сего года, по тому же вопросу напечатана статья Г. П. Драганова, который считается знатокомъ Македоніи. Позволяю себѣ сдѣлать нѣкоторыя замѣтки относительно сужденій г. Драганова, для освѣдомленія русской публики. Болѣе подробныя свѣдѣнія относительно населенія Македоніи изложены мною въ только что вышедшей изъ печати книгѣ по тому же вопросу ²⁾.

Г. Драгановъ увѣряетъ русское общество, что славянское населеніе Македоніи не болгарское и не сербское, а состоитъ изъ особыхъ славянъ, которые сами себя называютъ «славянами». Но что еще важнѣе, по его мнѣнію, это то, что эти «македонскіе славяне» посредствомъ насилія со стороны болгарской Экзархіи и болгарскихъ агитаторовъ обращены въ «Болгарь». Свое мнѣніе г. Драгановъ пропагандируетъ уже давно; но онъ не нашелъ послѣдователей между учеными, занимавшимися изученіемъ Македоніи, такъ какъ сужденія г. Драганова не имѣютъ серьезныхъ основаній.

Прежде всего славянская часть македонскаго населенія по языку не составляетъ особаго «македонскаго славянскаго» племени. Это должно быть г. Драганову, какъ филологу, хорошо извѣстно. Западно-болгарское нарѣчіе изъ центральной Болгаріи переходитъ въ Македонію и обхватываетъ цѣлый сѣверо-восточный и восточный край даже до Штипа, Струмицы, Петрича и Мельника. Восточное же еракійско-болгарское нарѣчіе переходитъ Родопскія горы и достигаетъ до окрестностей Солуни. Отъ этого города на западъ до южнаго берега Преспанскаго озера въ говорѣ населенія сохранились носовые звуки староболгарскаго языка. Только въ сѣверо-западной части Македоніи, между городами Витолемъ, Прильпошъ, Велесомъ, Скопьемъ и Деброй говоръ уже имѣетъ особый «македонскій» отгѣнокъ, о которомъ упоминаетъ г. Драгановъ. Это есть то нарѣчіе, на которомъ одно время пытались писать Шапкаревъ и другіе македонцы. Въ этой части обитаютъ тѣ македонцы, которые въ отличіе отъ другихъ болгаръ въ словахъ имѣютъ удареніе постоянно на третьемъ слогѣ, считая отъ конца слова, и вмѣсто одного употребляютъ три члена при именахъ существительныхъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ болгарскій духъ въ этой части Македоніи самый сильный.

Никакія племенные дѣленія, о которыхъ говоритъ Драгановъ въ Македоніи не сохранились; болѣе обстоятельно объ этомъ я говорю въ своей книгѣ. Сохранились только остатки отъ стараго племеннаго имени «Бърсяцы». Всѣ другія мѣстныя названія населенія разныхъ мѣстностей, какъ напримѣръ: «Мървацы», «Міяцы», «Публиваковцы», «Ести» и пр. не представляютъ наименованій особыхъ племенъ, а явля-

¹⁾ Печатаю эту статью, доставленную Ж. Стар. Д. Ч. Гл. Общ. А. А. Башмаковымъ, редакторъ не можетъ не выразить глубочайшаго сожалѣнія о великой утратѣ, постигшей Болгарію: даровитый, образованный, трудолюбивый молодой Кончевъ (министръ Нар. Пров. въ Болгаріи) погибъ недавно отъ руки полусумасшедшаго негодяя. Славянская наука и Болгарія въ особенности не скоро забудутъ эту утрату. Миръ праху достойнаго дѣятеля! Ред.

²⁾ Македонія.—Этнографія и статистика отъ Василь Кънчовъ, съ 11 карти. Издава Болгарското Книжно Дружество въ Софія, 1900 г. стр. 341, цѣна 4¹/₂ лева.

ются лишь прозвищами жителей отдельных сельских групп, даваемыми соседями или въ виду особаго произношенія, въ данной мѣстности нѣкоторыхъ словъ, или по какимъ либо другимъ причинамъ. Такія прозвища встрѣчаются во всѣхъ славянскихъ странахъ.

Нигдѣ въ Македоніи славянское населеніе не называетъ себя «словянцы», или «славяне», или «словени». Это имя книжное и было извѣстно только болѣе образованнымъ людямъ; поэтому у писателей первой половины XIX столѣтія часто встрѣчается названіе «славяно-болгаре»,—масса же населенія иначе себя не именуешь. какъ «болгари». Напрасно г. Драгановъ по этому вопросу ссылается на свидѣтельство покойнаго Лиссевича, г. Ростковскаго и на турецкія власти. Несмотря на то, что покойный Лиссевичъ былъ пристрастнымъ сторонникомъ сербовъ, намъ неизвѣстно, чтобы онъ гдѣ либо писалъ, что македонское населеніе называетъ себя «славянами». Напротивъ онъ утверждалъ, какъ и покойный Ястребовъ, что населеніе «неправильно» именуешь себя «бугари», несмотря на то, что въ жилахъ его течеть сербская кровь. Называть себя такъ принуждали его многіе обстоятельства, говорили эти авторы. Что же касается г. Ростковскаго, то и онъ нигдѣ не писалъ, что населеніе называетъ себя славянами и ставитъ его въ рубрикѣ славянъ, такъ какъ онъ не филологъ и не имѣеть возможности хорошо опредѣлить—принадлежитъ ли населеніе по языку къ сербамъ или болгарамъ¹⁾. Что касается турецкаго населенія Македоніи, то оно абсолютно не знаетъ имени «славяне». Названіе же «словъ миллетъ» которое иногда власти въ скопскомъ вилаетѣ даютъ отщепенцамъ отъ болгарской экзархіи. совершенно новое и употребляется по внушенію изъ Царьграда, гдѣ желаютъ искусственно дробить христіанъ. По турецкимъ официальнымъ бумагамъ, населеніе государства дѣлится на двѣ части: «муслимъ» (мусульмане) и «гаири муслимъ» (не мусульмане). Въ Македоніи во всѣхъ турецкихъ официальныхъ бумагахъ не мусульманъ дѣлятъ на «урумъ» и «булгоръ». Подъ названіемъ «урумъ» турки означаютъ всѣхъ грековъ и огреченныхъ валаховъ, албанцевъ, болгаръ и др. Подъ именемъ же «булгоръ»--- всѣхъ славянъ отъ Солуни, Сѣра и Неврокопа до Костура, Дебры и Куманова. Такъ раздѣлено населеніе въ турецкихъ нофузныхъ (статистическихъ) книгахъ и въ официальныхъ вилаетскихъ солнаметахъ (ежегодныхъ альманахахъ). Ссылки г. Драганова на Шафарика и Григоровича по вопросу о мѣстномъ названіи славянъ, тоже неосновательны, такъ какъ Шафарикъ въ своей замѣчательной книгѣ «Slovanský Národopis (съ картою) ясно именуешь славянское населеніе Македоніи болгарами и таковымъ представляеть его въ своей этнографической картѣ славянскихъ народовъ²⁾; о мнѣніи Григоровича ниже мы упоминаемъ.

Наибольшую практическую важность въ этомъ спорѣ имѣеть вопросъ: какъ само славянское населеніе именуешь себя въ предѣлахъ Македоніи и къ какой народности оно само себя причисляетъ?—Славянское населеніе Македоніи отъ Шара (цѣпи горъ на сѣверо-западѣ) даже до Эгейскаго моря само считаетъ себя болгарскимъ, чувствуетъ по-болгарски, борется за болгарскую идею и несетъ большія жертвы для этой идеи. Всюду по городамъ и селамъ славянское населеніе само именуется «бугари», свой языкъ называетъ «бугарскимъ. Понятіе «сербинъ» или «слованинъ» сельской массѣ совсѣмъ неизвѣстно; только въ послѣднее время, благодаря сильнымъ агитаціямъ извнѣ, оба эти названія стали извѣстны той части населенія, которая имѣла какое либо участіе въ этихъ агитаціяхъ. Если спросите поселянъ самыхъ глухихъ мѣстностей Македоніи, кто вы? Отвѣтятъ сначала—«каури» (турецкое «гяуръ»—нехристіанъ). Если спросите далѣе—какіе каури? Отвѣтятъ—«бугари». Это удостовѣрилъ въ самое новѣйшее время г. Вашмаковъ, которому удалось пробраться въ одинъ изъ самыхъ заолустныхъ уголковъ Македоніи. Это же удостовѣряютъ и всѣ путешественники по Македоніи, которые имѣли возможность и желаніе ближе ознакомиться съ мѣстнымъ населе-

¹⁾ А. Ростковскій, Распределеніе жителей Битольскаго Вилоета по народностямъ и вѣроисповѣданіямъ, въ 1897 году. Живая Старина, годъ девятый, вып. I, стр. 62.

²⁾ Шафарикъ, Славянское народописаніе, переводъ съ чешскаго И. Боданскаго Москва, 1843 г., стр. 37—38.

нѣмъ. Я укажу русской читающей публикѣ только на нѣкоторые имена извѣстныхъ русскихъ путешественниковъ.

Еще въ XVII в. одинъ русскій плѣнный прошелъ большую часть Турецкой имперіи, побывалъ и въ Македоніи. Въ его дорожныхъ замѣткахъ славянское населеніе называется болгарами. Въ окрестностяхъ Скопій, пишетъ онъ, съ трехъ сторонъ обитаютъ болгары, только съ одной стороны живутъ Арнауты¹⁾. Надѣмся, что г. Драгановъ согласится съ нами, что въ XVII в. въ Македоніи не могли быть болгарскіе агитаторы, которые бы могли совратить русскаго колонника. Въ настоящемъ столѣтіи самый старшій, и при томъ самый важный ученый русскій путешественникъ по Македоніи—извѣстный Викторъ Григоровичъ, котораго и г. Драгановъ считаетъ важнымъ авторитетомъ по славистикѣ. Въ 1844 г. онъ посѣтилъ Солунь, Водену, Витоль, Прѣспу, Охридъ, Прилѣпъ, Велесъ и другія мѣста. Въ своей извѣстной книгѣ объ этомъ путешествіи профессоръ Григоровичъ именуеъ македонское населеніе ясно и положительно болгарами²⁾. Недоумѣваемъ—откуда г. Драгановъ нашелъ въ трудахъ проф. Григоровича сомнѣніе относительно болгарской народности македонскихъ славянъ. Напротивъ этотъ самый Григоровичъ, опровергая мнѣніе Joseph'a Müller'a о существованіи сербовъ въ Македоніи, подлинно говоритъ: «странно, что славянъ, населяющихъ вліяеть Румели, (подразумѣвая Витольскую область) называетъ Мюллеръ вообще сербами. Жители Витоля, Охрида и Дебры всегда себя называютъ болгарами»³⁾. Въ 1857 г. путешествовалъ по Старой Сербіи и сѣверной Македоніи другой извѣстный русскій ученый—историкъ Гильфердингъ, который говоритъ положительно, что на югъ и востокъ отъ цѣпи горъ «Шаръ-планины» славянское населеніе—болгарское⁴⁾. Согласится съ нами почтенный г. Драгановъ, что и въ тѣ времена не могли быть болгарскіе пропагандисты, которые бы могли вліять на русскихъ ученыхъ. Позднѣе (1862 г.) путешествовалъ по Македоніи высокообразованный русскій архимандритъ Антонинъ, настоятель русской посольской церкви въ Константинополѣ. Въ его трудахъ, изданныхъ въ двухъ томахъ (Поѣздка въ Румелию, 1879 г. Изъ Румелии 1886 г.), вездѣ славянское населеніе Македоніи называется болгарами.

Непосредственно послѣ освобожденія Болгаріи путешествовалъ по ея западной области русскій ученый Владиміръ Качановскій; онъ посѣтилъ новоприсоединенныя къ Сербіи области и нѣкоторыя мѣста въ Македоніи. Въ своемъ «сборникѣ западно-болгарскихъ цѣсей съ словаремъ», напечатанномъ въ С.-Петербургѣ въ 1882 г. онъ вводитъ въ предѣлы западно-болгарской области цѣлую Македонію вмѣстѣ съ Вранскимъ, Лѣсковскимъ и Пиротскимъ округами. Мнѣніе новѣйшихъ русскихъ путешественниковъ по Македоніи г.г. Вашмакова и профессора Милюкова, что населеніе Македоніи принадлежитъ болгарской народности—хорошо извѣстно русской читающей публикѣ, и нѣтъ надобности здѣсь его повторять.

Совершенно неосновательнымъ представляется утвержденіе сербовъ, будто македоняне не имѣютъ національнаго самосознанія и лишь благодаря дѣятельности болгарской экзархіи начали называть себя болгарами. Имѣется цѣлый рядъ памятниковъ, ясно свидѣтельствующихъ о національномъ самосознаніи населенія въ Македоніи за много лѣтъ ранѣе появленія болгарской экзархіи. Мы упомянемъ здѣсь только о нѣкоторыхъ изъ нихъ, чтобы читатель не подумалъ, что утверждаемъ это голословно. Еще въ 1704 году дьякъ Валко Поповичъ, отъ котораго сохранились церковныя поученія, пишетъ, что онъ родомъ изъ «Болгарскіе земля отъ место Кратово»⁵⁾. Въ 1816 году инокъ Кириллъ Шейчиновичъ, родомъ изъ Тетовскате округа (Скопской области), напечаталъ въ Буда-Пестѣ книгу «Отдедало» (Зеркало), въ заглавномъ листѣ которой пи-

¹⁾ П. Сырку. Описаніе Турецкой имперіи, составленное русскимъ, бывшимъ въ плѣну у турокъ въ XVII вѣкѣ. С.-Петербургъ, 1890 г., стр. 38—39.

²⁾ Викторъ Григоровичъ. Очеркъ ученаго путешествія по Европ. Турціи. Казань, 1848. Стр. 105, 107, 113—115, 120, 141 и пр.

³⁾ Ibid. стр. 202, второе примѣчаніе.

⁴⁾ А. Гильфердингъ. Собраніе сочиненій, т. III. С.-Петербургъ, 1873, стр. 141—142.

⁵⁾ См. замѣтка профес. Дринова о Яковѣ Трайковѣ изъ Софіи и Кора-Трифонѣ изъ Скопій. Юбилейный сборникъ Славянской Бесѣды въ Софіи, стр. 33—34.

шесть: «Книга сія зовомая Огледало списася ради потреби и ползованія пре простѣишимъ и не книжнимъ языкомъ болгарскимъ долнія Миссіи»... Въ 1840 году напечатана въ Солунской болгарской типографіи другая книга подь названіемъ «Утѣшеніе грѣшникъ», переведенная «на простій языкъ болгарски Долнія Миссіи скопскій и тетовскій»—тѣмъ же янокомъ Кирилломъ Пейчиновичемъ. Въ 1836 году архимандритомъ Теодосіемъ, родомъ изъ Зойрана (Солунской области), основана первая болгарская типографія въ Солуни. «Эта типографія основана природнымъ Болгаринномъ Теодосіемъ, архимандритомъ синайскимъ»,—пишетъ проф. Григоровичъ (очеркъ ученаго путешествія, стр. 104), Въ 1838 г. напечатанъ въ Солунской болгарской типографіи первый болгарскій букварь, написанный македонскимъ болгаринномъ, подь заглавіемъ: «Начальное оученіе съ молитви оутреннія Славяноболгарскій и греческія». Въ 1833 году Солунскіе болгаре іпригласили монаха Исаія, родомъ изъ Россіи, обучать ихъ дѣтей по книга нашинска сиречь славянски или на по просто бугарски». ¹⁾ Въ томъ же 1833 году населеніе Скопін потребовало себѣ отъ Вселенской патріархіи въ Константинополь архіерея болгарска ²⁾. Съ 1842 года въ Скопін существуютъ хорошо организованныя болгарскія училища, и уже ведется упорная борьба съ греками за самостоятельную національную церковь ³⁾. Въ 1835 году открыто болгарское училище и въ городѣ Велесѣ. Около 1850 года существуютъ уже болгарскія училища во всѣхъ болѣе выдающихся городахъ Македоніи, и началась общая борьба за болгарскую независимую церковь. Первый болгарскій учительскій съѣздъ состоялся въ городѣ Прилѣпѣ за долго до образованія Экзархата. Македонскіе болгаре дали цѣлый рядъ замѣчательныхъ борниковъ своего церковнаго устроенія, каковы: братья Миладиновы изъ Струги, Димитрій Робевъ изъ Охрида, поэтъ Парличевъ изъ Охрида, Йорданъ Джино и поэтъ Живзифовъ изъ Велеса, братья Поповичъ и бывшій Охридскій, нынѣ Пловдивскій, митрополитъ Наваинаилъ изъ (конья, митрополитъ Меѳодій Кусевъ изъ Прилѣпа, Гого изъ Водена, Станишевъ изъ Кукуша, Илья Дуковъ изъ Неврокопа и пр. и пр. Иные изъ нихъ умерли въ турецкихъ темницахъ за болгарское дѣло. Все это произошло уже давно, когда не было кому подкупать македонцевъ. Кто знаетъ эту болгарскую борьбу въ Македоніи, тотъ никогда не допуститъ и мысли, чтобы македонскіе славяне изъ за денегъ стали называться болгарами, какъ это утверждаетъ Драгановъ.

Г. Драгановъ пишетъ, что и въ настоящее время населеніе въ Македоніи не чувствуетъ себя болгарами; это черезчуръ смѣло сказано; вотъ уже болѣе пяти лѣтъ какъ волнуется въ Македоніи болгарское населеніе; это движеніе признаютъ даже сербы, въ интересъ которыхъ отрицать его. Цѣлый рядъ кровавыхъ событій въ разныхъ частяхъ Македоніи возникъ именно отъ того, что мѣстное населеніе стоитъ за болгарскую идею, отдавая сотни жертвъ за эту идею. Всей Европѣ извѣстно, что болгарское населеніе Македоніи борется въ послѣднее время противъ нестерпимаго турецкаго управленія. Можетъ ли кто либо утверждать, что смута въ Винницѣ—не была дѣломъ мѣстныхъ болгаръ? А трехдневное волненіе въ Велесѣ, кровавая расправа въ Прилѣпѣ, продолжительная борьба въ Кумановѣ, гдѣ даже въ рядахъ женщинъ были кровавыя жертвы! Можетъ ли эта всенародная борьба явиться искусственно?—Ни одинъ сербъ, или русскій, или турокъ, или нѣмецъ не писалъ, что въ Македоніи бунтуютъ «славяне» или «сербы», а всѣ говорятъ, что бунтуютъ противъ турецкой власти болгаре. Они борются какъ болгаре, умираютъ отъ турецкой пули какъ болгаре, и гибнутъ сотнями въ турецкихъ тюрьмахъ Азіи тоже какъ болгаре. Вѣрно тоже, что въ Кумановѣ, Тетовѣ и Скопѣ есть ничтожныя общины, которыя именуютъ себя «сербами», и которыя турецкія власти называютъ «славъ милеть»; но онѣ столь незначительны, что никто не обращаетъ вниманія на нихъ; остальное христіанское населеніе смотритъ на нихъ, какъ на ренегатовъ. Французскій путешественникъ Бераръ, (относящійся не безъ симпатій къ сербамъ) лучше всего представилъ этихъ славянъ

¹⁾ А Шоповъ. Изъ новата история на българитѣ въ Турция. Пловдивъ 1895, стран. 54.

²⁾ Иречекъ. Исторія Болгоръ, стр. 700.

³⁾ См. мою статью «гродъ Скопие», журналъ Периодическо Списание LV—LVI, стр. 105—148.

въ своемъ трудѣ «La Macédoine». Почтенный Драгановъ ухватился за статью, напечатанную въ газетѣ «Реформи», органѣ болгарскаго революціоннаго Македоно-одринскаго комитета, въ которой говорится, что населеніе Македоніи неоднородно, что въ сѣверной части страны есть небольшая часть сербовъ, а въ южной—грековъ, въ центрѣ же—славяни, которыхъ газета не пожелала квалифицировать по народности, и наконецъ будто авторъ статьи возмущается тѣмъ, что турецкое правительство допустило священниковъ-агитаторовъ экзархіи и патриархіи—смущать населеніе. Г. Драгановъ не читалъ газету «Реформи», а извлекъ свои замѣтки изъ газеты «Христо Боньовъ» Ризова. Если бы онъ слѣдилъ за органомъ революціоннаго комитета,—то онъ не поспѣшилъ бы съ своимъ новымъ открытіемъ. Македонскіе революціонеры стараются вслѣпчески увѣрить Европу, что они не ведутъ борьбы для увеличенія предѣловъ Болгаріи, а желаютъ лишь добиться свободы для мѣстнаго македонскаго населенія безъ различія народностей. Имъ хорошо извѣстно, что присоединеніе Македоніи къ Болгаріи встрѣтитъ неприсоединимыя препятствія, поэтому и въ Румыніи, и въ Сербіи, и въ Греціи, и въ Россіи они заявляли, что они не спеціально болгарскіе революціонеры, а обще-македонскіе.—Однако ихъ доводы мало кого убѣдили. Въ Румыніи, Сербіи и Греціи подняли цѣлый крестовый походъ противъ македонскихъ революціонеровъ, а Румыніи едва не объявила Болгаріи войну за то, что она оказываетъ имъ гостепріимство. А что революціонеры не довольны Экзархійскими священниками, это не должно никого удивлять, такъ какъ Экзархія по существу своему не можетъ поддерживать революцію.

Въ настоящее время въ Македоніи числится 650 болгарскихъ школъ, между которыми двѣ полныя мужскія гимназіи, одна дѣвическая гимназія и два педагогическихъ училища, съ 36.000 учениковъ и ученицъ и съ 700 учителей и учительницъ. И послѣ того находятся люди, которые отрицаютъ существованіе болгарскаго духа въ славянскомъ населеніи страны! Это извѣстно и г. Драганову, но онъ считалъ возможнымъ утверждать, что эти школы—дѣло пропаганды, и что учительскій персоналъ—болгарскіе пропагандисты. Это утвержденіе не соответствуетъ однако дѣйствительному положенію вещей. Въ подробной статистикѣ болгарскихъ училищъ въ Турціи за 1893—94 учебные годы, напечатанной въ Пловдивѣ (Филиппополь) въ 1895 г., подробно указаны мѣсто-рожденіи учителей и учительницъ. На стр. 81 собраны слѣдующія числа: учителей и учительницъ родомъ изъ Витольскаго вилайета 343, изъ Солунскаго 328, Косовскаго (Скопскаго) 154, Адрианопольскаго (Одринскаго) 119, изъ Константинополи 2, изъ княжества болгарскаго (вмѣстѣ съ Восточною Румелиєю) 27, изъ Бессарабіи 2, Австріи 1, Босніи 1, Сербіи 1, неизвѣстныхъ 5. Что же касается до содержанія этихъ школъ съ учительскимъ персоналомъ, то г. Драганову, предполагаемъ, извѣстно, что Прилепская, Велеская, Штинская, Кукушка, Скопская, Охридская, Витольская и многія другія общины сами содержатъ свои училища. Если онъ пожелаетъ, мы можемъ дать ему точный счетъ. Предположимъ однако, что болгарская Экзархія расходуетъ на училища въ Македоніи въ годъ около 500.000 франковъ; болгарскія же мѣстныя общины расходуютъ вдвое болѣе этой суммы, при всемъ, чрезвычайно незavidномъ, экономическомъ положеніи болгарскаго населенія. Кромѣ нѣсколькихъ греческихъ общинъ никакихъ другія христіанскія общины сами не поддерживаютъ своихъ училищъ. Нѣтъ ни одного сербскаго училища въ предѣлахъ Македоніи, на которое бы мѣстное населеніе расходовало даже и 100 франковъ въ годъ! А о какихъ-то особенныхъ славянскихъ училищахъ и рѣчи быть не можетъ.

Въ концѣ-концовъ скажемъ, что мы въ одной точкѣ сходимся съ г. Драгановымъ. Мы, какъ и онъ, желаемъ, чтобы христіанская Европа, во главѣ съ православною Россією, заступилась и настояла на введеніи въ Македоніи реформъ на автономныхъ началахъ, предусмотрѣнныхъ въ Берлинскомъ договорѣ. Этимъ будетъ положенъ конецъ страшной кровавой смутѣ турецкой тирани, и населеніе получитъ возможность жить свободно и проявлять свое религиозное и національное существованіе, какъ ему угодно. Тогда настанетъ конецъ пропагандной борьбѣ разныхъ національностей, борьбѣ, разъединяющей населеніе и дѣлающей его жизнь безнадежно скорбною. Болгарская Экзархія, болгарская печать и болгарское общественное мнѣніе давно уже усвоили себѣ этотъ

взглядъ. Желательно, чтобы и русская пресса, какъ имѣющая внушительное значеніе въ славянскомъ мірѣ, заступилась за человѣческія права одного изъ самыхъ несчастныхъ славянскихъ народовъ—македонцевъ. Когда это будетъ понято, тогда легко разрушится и церковная распри, искусственно раздуваемая турками. Тогда положится — конецъ и австрійскимъ пооползновеніямъ, проникающимъ сюда черезъ Новый-Базаръ, и католическая пропаганда исчезнетъ «яко дымъ». Болгарское же княжество получитъ миръ и спокойствіе, чтобы заняться своими внутренними дѣлами. Настанетъ и конецъ враждебныхъ отношеній между Болгаріей и Сербіей. Однимъ словомъ, съ дарованіемъ автономіи Македоніи, выиграетъ цѣлое славянство, такъ много теряющее въ міровой исторіи, вслѣдствіе взаимныхъ недоразумѣній.

Софія 13 Сентября 1900.

Василь Кънчовъ.

Новогодняя ворожба по деревням Енисейской губернии.

Святочныя увеселенія интеллигентныхъ и мѣщанско-буржуазныхъ слоевъ сибирскаго общества во многихъ чертахъ сходны съ тѣми развлечениями, какииъ предается въ эти праздники родственное ему по общественно-имущественному положенію и своей культурности общество россійскихъ предѣловъ. По ту сторону Урала также устраиваются вечера семейнаго и публичнаго характера, гдѣ собираются для встрѣчи новаго года, который такимъ образомъ нарождается въ странѣ Борся, среди блеска огней и всеобщаго ликования. Необычайное оживленіе и жизнерадостное настроеніе въ это время захватываетъ не одни центры Сибири (Томскъ, Красноярскъ, Иркутскъ и др.), но и ея окранны. Вотъ что говоритъ по этому поводу, напримѣръ, извѣстный бытописатель города Обдорска В. Вартеневъ ¹⁾.

«Этотъ городокъ, повѣствуетъ авторъ, пріютился подь сѣвернымъ полярнымъ кругомъ въ печальной и дикой тундрѣ».

«Во время святокъ Обдорскъ просыпается изъ обычной спячки. Начинается маскарадная потѣха... Волѣе богатые изъ купцовъ устраиваютъ вечера, на которыхъ бываетъ очень весело: танцуютъ, поютъ... Молодежь устраиваетъ разнаго рода игры съ пѣснями и т. п.»

Указанія на новогоднія торжества всегда можно прочесть въ текущей сибирской прессѣ и въ другихъ описательныхъ произведеніяхъ касающихся Сибири.

Праздничному настроенію, весьма понятно, легко поддается и сибирская деревня. Святки—то самое время, когда сибирскій крестьянинъ особенно бываетъ гостеприименъ и таровать на угощеніе. Вино, хмельное пиво домашняго приготовленія оказываютъ свое дѣйствіе: «гуляющими» овладѣваетъ желаніе пѣть, плясать, веселиться и веселиться, чтобы люди видѣли, чтобы это ощущалось всѣмъ существомъ человѣка. Шумное, деревенское веселье продолжается, впрочемъ, первые три-четыре дня святокъ, послѣ чего ослабѣваетъ, вспыхивая довольно ярко въ новый годъ и Крещеніе.

«На новый годъ» ²⁾ праздничное веселье вовсе зампраетъ, уступая мѣсто тишинѣ и покою. Взрослое населеніе сибирскихъ деревень, за немногими исключеніями, предается въ этотъ вечеръ очень рано сну. Одна молодежь оживлена, занята на свободѣ предугадываніемъ судьбы съ помощью хорошо извѣстныхъ ей средствъ ворожбы. На новый годъ не принято посѣщать вечерокъ ³⁾, поэтому ихъ никогда не устраиваютъ. Вмѣсто того дѣвушки собираются у подругъ, которыя обладаютъ просторными избами или семейной обстановкой, способствующей успѣшному выполненію ворожбы. Послѣдняя разнообразна. Нѣкоторые ея виды выполняются одними дѣвушками, когда, напримѣръ, «имаютъ баранъ въ» или «лазять въ овинъ»; «пѣтухъ съ курицей», «ѣзда на кобылѣ» и многое другое въ этотъ родъ служатъ общей забавой: въ ней принимаютъ одинаковое участіе дѣвицы и «робята» (парни); «на—распутье дорогъ» выходятъ въ одиночку и смѣшанными группами. Подробности ниже.

¹⁾ На крайнемъ сѣверо-западѣ Сибири.

²⁾ На новый годъ, на Крещеніе и т. д.—форма выраженій, замѣняющихъ собой слово «наканунѣ»; въ новый годъ, въ Крещеніе—означаетъ, что фактъ, разговоръ происходитъ въ день новаго года и т. д.

³⁾ Вечерка—крестьянскій вечеръ съ пѣніемъ, играми и танцами.

Съ искренниѣ увлеченіемъ, надо замѣтить, ворожать дѣвушки; ими по преимуществу придается положительное значеніе тому или иному видѣнію во время ворожбы, счету, звуку и т. п.; все это приурочивается съ твердой увѣренностью къ тому, что «завѣчено» (задумано) и даетъ поводъ для субъективныхъ заключеній по отношенію къ интересующему ихъ лицу и его намѣреній.

Парни, лишившись вечерки, праздно толкуются въ «откупной избѣ»¹⁾ или шныряютъ по улицамъ, чутко прислушиваясь, не доведется ли откуда сдержанный испотъ дѣвушекъ «крадче» (тайно, скратно), собравшихся воровать дрова, послушать подь окнами или спросить у встрѣчныхъ имя; туда и они гурьбой, шалаять съ ворожеями и растраиваютъ ихъ планы. Въ обществѣ парни въ этотъ вечеръ, какъ говорится, «чудятъ»; будучи допущенными въ общество ворожеекъ, продолжаютъ вести себя развязно, шутками и веселяськими, подчасъ, двусмысленными побасенками, вызывая неудержимый смѣхъ и веселыя восклицанія. Извѣстно «приставленные»²⁾.

Чтобы самостоятельно заняться ворожбой, парнямъ не хватаетъ достаточной выдержки, столь необходимой для приведенія къ концу часто довольно утомительно-скучной процедуры, наприм.: «смотрѣться въ колечко или зеркальце», порой сидя въ черной избѣ или въ подпольѣ.

Ворожба считается дѣйствительной и оказывающей рѣшающее вліяніе на судьбу человека только до «нерваго спѣвня» (первыхъ пѣтуховъ); съ нимъ «пропадаетъ нечиста сила»—этотъ главнѣйшій «показитель» (указатель) судьбы въ новогоднюю ночь. Впрочемъ, говорится, «нечестъ» пляется на землѣ въ продолженіе всѣхъ «страшныхъ вечеровъ», начиная съ новгодней ночи по Крещенію, но съ исключительной цѣлью морочить умы православныхъ и творить имъ всевозможныя каверзы. Это не идетъ въ счетъ.

Прошлѣ пѣтухи. Очарованіе ночи исчезло. Радужная хояйка напоить собравшихся чаемъ (кирпичнымъ, какъ водится). Гости разойдутся. Въ новый годъ молодежь встрѣтится на вечеркѣ или «машкированными»⁴⁾ поидеть по избамъ. И такъ до Крещенія. На новый годъ рѣдко, кто наряжается.

Почтенный и обстоятельный вслѣдователь народной жизни И. Сахаровъ въ свою очередь утверждаетъ, что «Васильевъ день (канунъ новаго года) для русскихъ дѣвицъ былъ весьма важнымъ днемъ, онъ приходился на восьмой день святокъ, когда святочные гаданія были во всемъ разгарѣ. Повѣрье старое, присовокупляетъ уважаемый ученый, съ незапамятныхъ временъ соблюдается на Руси»³⁾.

Оно опозитивировано въ литературныхъ произведеніяхъ Жуковского (Свѣтлана) и Пушкина (Евгеній Онегинъ).

Премственность и распространеніе этого повѣрья въ Сибири получается поразительная.

Р и т у а л ь в о р о ж б ы .

Разсматривая темы ворожбы по даннымъ, взятымъ изъ жизни крестьянъ двухъ весьма пространныхъ уѣздовъ Енисейской губерніи—Ачинскаго и Енисейскаго, можно скомбинировать девять слѣдующихъ положеній, которыя обыкновенно служатъ основаніемъ разнородныхъ вариантовъ.

1) Узнать, женится ли кто или выйдетъ замужъ?

Для этого: а) Считаютъ тынъ или частоколь; в) Они колютъ амбаръ; с) Воруя дрова—четное число даетъ положительный отвѣтъ, нечетное—отрицательный. Далѣе: d) Слушаютъ подь церковною дверью—вѣвчальное пѣніе, будто-бы, слышимое для вѣкоторыхъ—вѣрное доказательство, что гадающій субъектъ вскорѣ поидетъ подь вѣщицы;

¹⁾ Нанятая изба для вечерокъ.

²⁾ Комичный, богатый на выдумки, весельчакъ.

³⁾ И. Сахаровъ. «Сказанія русскаго народа».

о) Олово льютъ — предварительно плавятъ металлъ и сливаютъ въ ковшъ съ водой, ставя на голову гадалщицы: слитокъ долженъ дать похожую на вѣнецъ фигуру; ф) Смотрятся въ яичный бѣлокъ—вылитый въ стаканъ съ водой долженъ изобразить собой подобіе вѣнца; г) Смотрятся въ зеркальце: удивившись въ черную избу или въ подполье, освѣщенное одной—двумя свѣчами, садятся затылкомъ къ зеркальцу, другое держать передъ собою и остаются неподвижны въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, уставившись въ одну точку: если въ зеркальцѣ покажется соответствующій обрядъ, остается только радоваться.

2) Узнать имя суженаго—суженой.

Можно такимъ способомъ: а) Надо сверлить ледъ напарьемъ или мѣшать весломъ снѣгъ въ горшкѣ — въ томъ и въ другомъ случаѣ, будто-бы, выговариваются имена; б) Спрашиваютъ подь окнами избъ или у встрѣчныхъ «кто женихъ»? (для дѣвицы), «кто невѣста» (для парня)—отвѣтныя имена опредѣляютъ, якобы имена будущихъ супруговъ.

3) Узнать вѣншній обликъ суженаго—суженой?

Полагаютъ по такимъ признакамъ: а) Смотрятся въ колечко—«желтое» (золотоо или мѣдное) опускается на дно стакана съ водой, въ его кружокъ пристально всматриваются, занятые одной мыслью увидѣть будущихъ мужа или жену, пока не привидится желательное «обличье» (образъ лица); б) Смотрятся въ зеркальце, какъ показано выше; в) На прурубъ ходятъ бобыли, возвратившись взапátky, ложатся спать: суженый во снѣ надѣнетъ обувь; д) Ленъ сѣютъ: ложась въ «переднемъ углу» (подъ образами), посыпаютъ въ изголовьѣ ленъ, «завѣчая», чтобы суженый пришелъ сѣять его—онъ приснится; е) Гребень кладется въ изголовьѣ на ночь: желанный долженъ расчесать волосы этимъ гребнемъ; ф) Съ сочнемъ бѣгаютъ на зарѣ дня Крещенія: сочень (дешешка) готовится гадальщицей изъ равной пропорціи (по наперстку хотя бы) муки, воды и золы, съ нимъ она идетъ на улицу—первый встрѣчный будетъ прототипомъ суженаго, Последній опытъ, какъ не относящійся прямо къ ворожбѣ «на новый годъ», приведенъ лишь для полноты картины.

4) Не менѣе интересно узнать характеръ и наклонности суженаго—суженой?

Для этого: а) Раскладываются кусками хлѣбъ, соль и уголь, въ блюдо наливается водка, все это покрывается шапками или чѣмъ нибудь другимъ; участвующие въ ворожбѣ поочередно вскрываютъ поставленные предметы, что находятъ, то слушать отвѣтомъ на задуманное или предрѣшаетъ какъ будетъ: уголь означаетъ, что возьмешь замужъ дочь угольщика и т. д.; б) Пѣтуха и курицу выпускаютъ ходить по избѣ: прежде всего на полу насыпать кучку хлѣбныхъ зеренъ и крошекъ, поставятъ блюдо воды и зеркальце, снимутъ съ шестка сонныхъ птицъ и покроютъ ситомъ, недолго повертѣвъ, быстро освобождаютъ изъ подь него; что продѣлывается теперь птицами, относится насчетъ задуманныхъ лицъ; поясню: охорашиваются птицы—признакъ опрятности; пьютъ воду—означаетъ склонность къ пьянству; щиплютъ другъ друга или кто одинъ изъ нихъ—доказываетъ буйный нравъ; въ зеркальце заглянуть—выкажутъ любовь къ щегольству; зеренъ поклюютъ—будутъ домовитые работники, крошекъ—побираться станутъ.

5) Опредѣлить ихъ имущественное положеніе?

Надо: а) Слушать подь дверью амбара—если почудится, будто внутри «ровно-то хлѣбъ пересыпается» —ожидай суженаго изъ состоятельной семьи; б) Имяютъ барановъ—дѣвушки ловятъ ихъ въ стайкѣ: баранъ съ шерстью — означаетъ богатаго жениха, стриженный—бѣднаго ¹⁾; в) Лазять въ овинъ—«овинный» (одинъ изъ нечести) можетъ ворожею погладитъ мохнатой рукой, это сулитъ жизнь въ довольствѣ, голой — въ бѣдности.

Въ последнемъ случаѣ не обходится безъ курьезовъ, сопровождающихся подчасъ весьма печальными послѣдствіями. Случайно подслушавъ «сговоръ» (уговоръ) дѣвушекъ идти ворожить на гумно, какой-нибудь «удалый» молодецъ заберется туда раять ихъ. Одну ворожею онъ погладитъ «мохваткой» ²⁾, когда та покажется въ окнѣ овина,

¹⁾ Бараны, не предназначенные для колотья, не стригутся на зиму.

²⁾ Рукавица изъ собачьей шкурки.

слѣдующей нанесеть ударъ плетью.. Не столько отъ боли, сколько отъ испугу и страшнаго перваго потрясенія несчастная тутъ же падаетъ замертво, а въ благопріятномъ случаѣ отдѣляется тяжелой и продолжительной болѣзнію. Шутника и слѣдъ простылъ... Въ виду такихъ неспрїятностей очень и очень рѣдко дѣвушки рѣшаются идти на гумно «пытать» судьбу.

6) Узнать, въ какую сторону выйдешь замужъ или откуда возьмешь жену?

а) Слушаютъ, гдѣ лаютъ собаки — съ той стороны ожидай сватовъ; в) Обувь бросаютъ черезъ ворота — куда ляжетъ она носкомъ, въ томъ направленіи ищи невѣсту, или оттуда прїѣдетъ жевихъ; г) На кобылѣ ѣздить: смирной лошади, непрѣнно бѣлой масти, повяжетъ трясницей глаза; желающей или желающей узнать свою судьбу усядется на лошадь задомъ на передъ; никакъ неуправляемая она, конечно, шагаетъ наугадъ и также произвольно выбираетъ мѣсто, гдѣ остановится, тѣмъ самымъ указывая стоючу, въ какую ворожен выйти замужъ предстоитъ; а) На растанье выходятъ; усѣвшись на перекресткѣ дорогъ, зачертятъ обожженной лучиной кругъ и зачураютъ мѣсто, повторяя заклинаніе — «чуръ меня!» «чуръ меня!» Обезпечивъ себя этимъ отъ козней нечистой силы, гадающія гадалки превращаются въ слухъ и зрѣніе. Чтобы только не мерещилось, чѣмъ-бы не страшила «нечестъ», не выходи изъ круга и примѣчай, тогда откроется, что ждетъ тебя впереди: если услышишь ухарскій посвѣтъ и веселый звонъ колокольчиковъ — быть свадьбѣ. Возвращаться домой надо съ молитвой и не оглядываясь, хотя бы нечистая сила «изъ кожи лѣзла», что называется, желая страхомъ и угрозами заставить нарушить это важное правило, которое одно только спасетъ отъ ея власти.

7) Узнать количество будущихъ дѣтей?

Возможно по числу кружковъ мѣсяца, который отразится въ наведенномъ на него зеркальцѣ.

8) Узнать, живъ-ли останешься или умрешь въ теченіе новаго года?

Для этого примѣняется ворожба смѣшаннаго вида: а) Подъ церковною дверью слушаютъ — похоронные звуки будутъ отвѣтомъ; б) На растанье дорогъ выходятъ; в) Въ зеркальце смотрятся; г) Олово льютъ — все кажущееся и имѣющее связь съ похоронами скажетъ тебѣ это. По Кежемской волости даже «ѣзда на кобылѣ» можетъ, говорятъ, указать на предстоящую смерть, если лошадь остановится у огорода.

9) На разные завѣты.

Отвѣты получивъ, слушающая подъ окнами, что говорится въ жилыхъ избахъ.

«Ворожба одна пришѣла

Иногда сбываются завѣты».

«Наши бабушки, продолжаетъ И. Сахаровъ въ другомъ мѣстѣ своего обстоятельнаго труда, думали, что святочные гадавія на Васильевъ день всегда сбывались, и въ этотъ вечеръ, что бы по гадавію не вышло, всегда такъ и случится» *).

Преобладающее число земледѣльческаго населенія Енисейской губерніи повторяютъ тѣже «бабушкины сказки» насчетъ ворожбы, и въ этомъ ничего нѣтъ страннаго. Сибирская деревня, въ большей степенѣ, чѣмъ даже русская, продолжаетъ стоять въ всякаго почти систематическаго воздѣйствія культурныхъ центровъ; для нея ровно ничего не сдѣлано въ смыслѣ внесенія въ крестьянскую среду просвѣтительно-образовательныхъ и гуманитарныхъ началъ, если не считать насажденія школъ первоначальной грамоты; однѣ онѣ, вмѣстѣ къ тому же крайне слабое географическое распространеніе, разумѣется не могутъ вывести сибиряковъ на широкій путь цивилизаціи **).

*) Ibid. кн. 7-я.

**) В. Аресѣвъ — «Церковно-приходскія школы въ Сибири». По даннымъ 1896 года во всей Сибири, говоритъ онъ, насчитывалось 2.501 низшее учебное заведеніе съ 80.002 учащимися (въ томъ числѣ 60.468 мальчиковъ и 19.534 дѣвочки) при населеніи въ 6.500.000. По этимъ даннымъ одна низшая школа приходилась на 2.600 жителей и на 4.938 кв. в. Показатель образованія для всей Сибири былъ 1,23, т. е. въ 2½ раза менѣе, чѣмъ для земскихъ губерній Европ. Россіи. Изъ общаго числа школъ Сибири при этомъ на долю церк.-приходскихъ приходилось 1.063». «Русское Богатство» кн. IV. 1900.

Въ томъ собственно, что работа по образованію низшаго класса Сибири кладеть только свои простые камни, заключается коренная причина, что въ сибирскихъ деревняхъ рядомъ съ пѣкоторыми культурными и образовательными приобретениями уживаются мѣдци и взгляды съ сильной старинной закваской, и самый строй жизни земледѣльцевъ и сибиряковъ, ихъ обычаи, нравы, вѣрованія весьма замѣтно отаиваются чѣмъ то архаическимъ, лишеннымъ своего разумнаго оправданія, какъ всякое отраженіе пережитыхъ эпохъ. Миръ сказочныхъ фантазій, вѣра въ сверхъестественное, въ возможность демоническихъ откровеній далеко не вычлени въ деревенской обстановкѣ и не только сохранились въ устныхъ преданіяхъ старины, но продолжаютъ глубоко корениться въ реальной жизни сибиряковъ, какъ нѣчто вполне сложившееся и неизблемое. Весь этотъ архаическій матеріалъ служитъ удобной канвой, на которой вышивають свои цвѣтистые узоры стоустая народная молва при передачѣ разнаго рода сказаній, суевѣрій и т. п., что составляетъ ненужный и лишній поэтому балластъ, мѣшающій только правильному развитію человѣческаго ума.

Къ числу пережитковъ «добраго стараго времени» слѣдуетъ отнести также ворожбу накануне новаго года. Ею усердно занимаются, какъ я успѣлъ показать выше, молодые силы деревни. Чѣмъ малочисленнѣе деревня, чѣмъ глубже она сидитъ въ «печальной и дикой тундрѣ», или въ дремучей тайгѣ, тѣмъ полнѣе и ярче проявляется на дѣлѣ это новогоднее повѣрье. Менѣе доминирующимъ и цѣльнымъ оно сказывается отчасти въ пригородныхъ и притрактовыхъ деревняхъ, гдѣ жители, соприкасаясь въ силу естественныхъ взаимоотношеній съ горожанами и пробѣжками, видятъ поступки и слышатъ мѣннія, часто совершенно отличные отъ общепризнаваемыхъ деревенскимъ міромъ, сознательно и бессознательно воспринимаятъ, что поновѣе, что доступнѣе ихъ собственному пониманію. Вновь воспринятое въ связи съ тѣмъ, что даетъ нынѣшняя школа, благотворнаго вліянія на пробуждающуюся мысль никто не будетъ отрицать, неизбѣжно должно разлагающе дѣйствовать на старое міросозерцаніе, должно непременно способствовать болѣе разумному пониманію вещей и служить основаніемъ для построенія новыхъ точекъ зрѣній. Таковъ законъ дифференціаціи всякой соціальной жизни. Имъ можно объяснить происхожденіе опредѣленія новогодней ворожбы, поставленнаго мною въ видѣ эпиграфа къ этимъ заключительнымъ словамъ. Оно свидѣтельствуєтъ собою, что новогодняя ворожба низводится нѣкоторой частью сибирскихъ крестьянъ на степень обыкновенной забавы, которая бываетъ занятой во время своего воспроизведенія и съ окончаніемъ теряетъ свой интересъ, а ставившіеся при этомъ «завѣты» безслѣдно ступшеваются, уступая мѣсто болѣе насущнымъ думамъ и непосредственнымъ заботамъ.

Это новая точка зрѣнія на освященное вѣками поклоненіе мноу судьбы, развившееся въ составленіи цѣлаго ритуала ворожбы, несмотря на малую распространенность, представляетъ уже шагъ впередъ по пути самостоятельнаго освобожденія мысли сибиряка отъ одуряющаго мусора вѣры въ господство надъ людьми сверхъестественныхъ силъ, фатальнаго рока, многоаго другаго, противнаго здравому смыслу.

Эта трезвенная работа ума сибиряка въ зачаточномъ состояніи. Ея процвѣтаніе все въ будущемъ. Время этого будущаго сильно сократится, если наука поторопится заглянуть во всѣ лачуги и предложить народу весь запасъ знаній, добытыхъ ею въ сторонѣ отъ него.

«Сѣйте разумное, доброе, вѣчное!

«Сѣйте! Спасибо вамъ скажетъ сердечное

«Русскій народъ»:

Пусть это старо, вмѣстѣ съ тѣмъ оно глубоко правдиво, такъ какъ то, на что оно указываетъ, продолжаетъ быть нашимъ общимъ больнымъ мѣстомъ.

Алексій Макаренко.

1900 г. мая 8 дня.

Шишкинская волость, Костромского уезда.

I. Географическое положеніе.

Шишкинская волость лежитъ (приблизительно) между 55°8'—55°15' восточн. долготы и —57°42'—57°53' сѣверной широты, въ 25 верстахъ къ NNE отъ губернскаго города Костромы, на границѣ Костромскаго и Кинешемскаго уѣздовъ, между двумя почтовыми трактами—Галицкимъ и Кинешемскимъ. Кромѣ Костромы, въ 15 верст. къ NE находится безъуздный городъ Судиславль, а къ SE въ 10 в.—торговое село Колшево Кинешемскаго уѣзда.

II. Строеніе поверхности.

Низкіе поемные дуга около г. Костромы, постепенно повышаясь къ E, переходятъ въ холмистую мѣстность, достигаютъ наибольшей высоты въ сосѣдней съ Шишкинской Колшевской волости, гдѣ берутъ свое начало двѣ рѣки, прорѣзывающія Шишкинскую вол., Меза и Покша. Три холмистыхъ гряды, тянущіяся отъ W къ E, служатъ водораздѣломъ трехъ рѣчекъ: Покши, Мезы и Андобы. Покша течетъ въ Волгу, а Меза и Андоба въ р. Кострому.

Почва—суглинокъ; подпочва представляетъ мощные пласты глины, мѣстами прорѣзываемые пластами чистаго кварцеваго песку. Берега овраговъ часто бываютъ различны: одинъ берегъ — красная глина или болотная тина, а другой—чисто-песчаный. Поверхность почвы усѣяна обломками гранита, діорита, разнаго рода песчаниковъ, сланцевъ и известняковъ. Въ кускахъ хлоритоваго сланца иногда встрѣчаются гранаты. По мнѣнію мѣстныхъ жителей, въ почвѣ должны заключаться желѣзныя руды. Подтвержденіе этой мысли видятъ въ томъ, что здѣсь разражаются сильныя грозы, причѣмъ молнія падаетъ прямо въ землю.

III. Орошеніе.

Шишкинская волость прорѣзывается долинами двухъ рѣкъ—Мезы и Покши съ ихъ притоками. Долины рѣкъ не широки, особенно у Покши, гдѣ берегъ во многихъ мѣстахъ возвышается крутымъ обрывомъ, вышиною до 50 футовъ, прямо надъ рѣкою. Долина рѣки Мезы, шириною до 1—1½ верстъ, мѣстами также очень сужена холмами до ширины нѣсколькихъ десятковъ сажень. У притоковъ даже и долины нѣтъ—или, если есть,—шириною 20—40 сажень. Большая часть притоковъ текутъ въ узкихъ, глубокихъ оврагахъ, прорѣзанныхъ быстрымъ теченіемъ въ толщѣ глины.

Въ предѣлахъ Шишкинской волости Меза и Покша текутъ параллельно на NNW, а затѣмъ круто поворачиваютъ Покша на Si и впадаетъ въ Волгу; Меза на N и впадаетъ въ рѣку Кострому.

Течение р. Мезы быстрое и очень извилисто, что обуславливается рельефом местности. Вода в Мезе — «густая и легкая», — насыщена раствором железа, серы, извести и углекислоты. Дно и берега изобилуют ключами, почему вода холодна летом даже в сильные жары, а зимою долго не замерзает; есть поляны над ключами, где вода не мерзнет в продолжение всей зимы. Берега Мезы низкие и болотистые, изобилующие ключами, трясинами («пучина» на местном наречии) и «бездонными окошками» (так называются небольшие пространства воды среди болот, незаросшие водяными растениями, иногда очень глубокими). Почва по берегам речки пропитана известью, водные отложения которой в виде известкового туфа, местными жителями называют «земляным хлебом», вероятно по причине его воздреватости.

Притоки Мезы *) — с правой стороны речки: Борзиковка, Елховка, Семиловский врагъ, Кохтола с Судиславкой, Молоковка; с левой стороны: Максимовка, Живое Урочище, Дунайка. Все речки маловодны, очень нешироки и неглубоки, но никогда не пересыхают, потому что начинаются и питаются ключами; зимой почти все не замерзают. Вода речки Елховки отличается богатым содержанием железа и серы, имеет буроватый цветъ и тухлый запахъ. На Молоковке «кажется».

В речке Покши и ее окрестностях ключей нетъ, поэтому вода в ней теплая. Притоками служат враги, текущие только весной, осенью, да во время дождей; в жаръ пересыхают; названия только у некоторых: Ивановский врагъ, Охлущинский врагъ, Новословка, Шеляковка.

Озеро в пределах Шишкинской волости нетъ, если не считать небольшие озера, оставшиеся в старом русле речки Мезы, так называемые «старки».

Болотъ большихъ тоже нетъ. Обширней другихъ торфяное болото около деревни Жданова, величиной десяти в 50.

IV. Названія земельныхъ участковъ.

Надѣльная земля здѣшнихъ крестьянъ почти вся раздѣлана подъ пашню и отдѣльныхъ названій не имеетъ. Названія имѣютъ только крестьянскія «кушчя» земли и помѣщичьи пустоши. Нижеслѣдующее перечисленіе пустошей ведется съ верховьевъ Мезы и Покши вь пределахъ волости. Пустоши: Борзиково, Петряково, Данильцево, Сороково, Максимово, Лисменка, Карево, Костинкино, Борево, Кролгино, Раменье, Починокъ, Витюгово, Исаево, Жилино, Задницы, Терентьево, Павелки, Кутузиха Окишино, Малый Холмъ, Большой Холмъ, Оедорково, Чубаково, Притыкино, Драчиха, Туррицкино, Нефедеево, Осташино, Якшино, Бороска, Манылово, Большое Орлецово, Малое Орлецово, Косово, Глухово, Добрятино, Оканово, Подберезье, Мизгирево, Микитино, Олешово, Дрожжиха, Икорница, Филимоново, Аржениково, Матюшино, Зобеньки, Васютово, Андарово, Костюха, Луконьково, Гай, Лугъ Горемыка, Красный лугъ, Подберезье, Ивановское, Шеино, Качки, Любаново, Рощенье, Ровки, Михеево, Ладыгино, Елехово, Мальтино, Овечкино, Борьки, Борисово, Мысь. Вь Каревѣ, по рассказамъ мѣстныхъ сторожиловъ, зарытъ кладъ. Нѣсколько человекъ находили этотъ кладъ, но лишь только вернулись съ топорами и лопатами — никакого клада не находили. Все примѣты, по которымъ можно было найти кладъ, уничтожала нечистая сила. Кладъ, по сказаніямъ, хранится подъ большой, тесаной плитой съ желѣзнымъ кольцомъ. Говорить, что часть этого клада была найдена крестьяниномъ сосѣдней деревни, который очень быстро разбогатѣлъ. На Терентьевѣ и Турлицинѣ кажется. Урочищъ вь волости нетъ. Нѣкоторые враги зовутся урочищами, но особенныхъ названій не имѣютъ.

V. Народонаселеніе.

Народъ великороссы, за исключеніемъ деревни Шигарево, где народъ, по преданію, переселенъ бариномъ изъ степной деревни. Шигаревскіе крестьяне черные, узко-

*) Вь пределахъ Шишкинской волости.

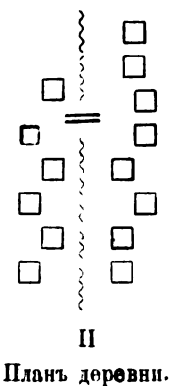
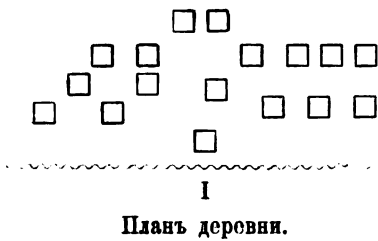
глазые, широкоскулые, съ грубымъ, отрывистымъ говоромъ, неряшливые, нечистоплотные до сихъ поръ выдѣляются изъ всѣхъ мѣстныхъ жителей. Окрестные крестьяне не охотно рождаются съ «Шигарями».

VI. Деревни.

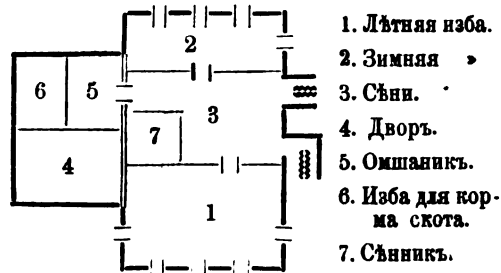
Деревни въ Шишкинской волости расположены почти исключительно по берегамъ рѣкъ или овраговъ въ безпорядкѣ. Иногда деревня тянется параллельно по обѣимъ берегамъ оврага. Названіе деревень:

Максимовское, Савинское, Клементьево, Лихачево, Бурцево, Федорково, Борисовка, Селиваново, Григорьково, Сынцово, † Книжево, Муровкино, Крутисово, Афонасовка, Мартемьяново, Охлучкино, Мячево, Починокъ, Кобяйкино, Вярково, Косково, Долматово, Похотское, Кудрявцево, Юрново, Воробьево, † Спась, Осташево, Онисимово, Починокъ, Ляхово, Жйравлево, Филисово, Трубино, Титовское, Осташково, Ковалево, Буртасово, Евково, † Романово, Дуткина, Онохино, Лазарево, Калитки, Решево, Петряево, Володино, Олексино, Масляница, Лутовино, Ракшино, Панюково, Лубенино, Кондратово, Воробьево, † Шишкино, Левонтьево, Слободка, Бедрино, Дичево, Вахнево, Голичиха, Андарово, Лиханово, Доръ Вольшой и Малый, Калинин, Починокъ Добритинъ, Починокъ Оадѣвъ, Притыкино, † Троица, Семилово, Шигарево, Жданово, Пчелкино, Гора, Левино, Бохино, Магово, Жирославка, Аристово, Малое и Большое Раслово, Ратилово, Горки, Зады, Губино, Велебородово, Велеутово, Жидово, Жары Семенгино, Квасково, Левлево, Осенево. Разрядка обозначаетъ усадьбы вмѣстѣ съ деревнями (отдѣльно отъ деревень усадѣбъ нѣтъ), а крестъ—села.

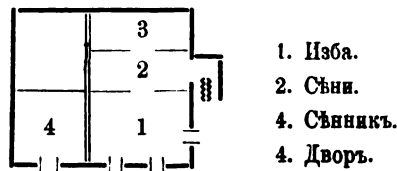
Деревни все небольшія, отъ 2-хъ до 30 дворовъ больше нѣтъ. Стройка плохая, каменныхъ домовъ нѣтъ, крыши тесовыя—очень рѣдки, избы есть курныя.

Планъ избы богача.

Планъ избы бѣдняка.

Избы подъ двумя крышами.

VII. П р о з в и щ а: а) мужскія.

Шахирь, Вухарка, Куделька, Кобыла, Комякъ, Смысуи, Гуныга, Кислый, Демонъ, Крюкъ, Шюкало, Боронка, Ворона, Мона, Клинь, Мышій царь, Голубей, Шмошка, Шимга, Лохматый, Сова, Куколка, Кривошеей, Пялочкинъ, Малоглазка, Ноздрякъ, Терочка, Ситечко, Ковы, Кряжевенькинъ, Фляга, Кромкинъ, Малява, Самодѣлкинъ, Бездѣлица, Долина, Дудка, Копунъ, Сударикъ, Горячій, Мохнатый, Церетащёной, Кашица, Гофоль, Козель, Туды-суды, Ангелюха, Занка, Додонъ, Фуфлыга, Вагоръ, Шишка, Евтя, Грибокъ, Абадай, Полушка, Голова, Тропкинъ, Пыхоня, Бухаренокъ; Кузнецъ, Микера, Хвастушкинъ, Голикъ, Вдьяжника, Модѣвъ, Косуля, Звяга, Храповъ, Колкотъ, Чупай, Пануля, Вобокъ, Роза, Золотой, Скродышъ, Шабуни, Задоски, Медвѣдъ, Слѣпень, Пекаръ, Кочетокъ, Одуи, Урсикъ, Сосокъ, Бахмуръ, Свистунъ, Назимокъ, Циленокъ, Шиловъ, Тюня, Тихманко, Шкилетъ, Кощей, Шорникъ, Водоля, Домовой, Полянка, Вулка, Зобенька, Пальма, Едхъ-Балюхъ, Клеенка, Милитѣй, Корякинъ, Рыжая пакля, Ханъ, Косой заяць, Шмыгалкинъ, Роголевъ, Прать, Гуанушка, Бонба, Громовъ, Картофлевъ, Муравецкій, Садиловъ, Шдрскинъ, Жаравль, Сукъ, Тараканъ.

d) женскія.

Красноглазка, Гусарія, Трещѣтка, Тропкинъ, Сивый ключекъ, Марковна, Елена Прекрасная, Шолудивыя руки, Кривуша, Рачьи глаза, Жукарица, Ватуриха, Гола, Шалыга, Теленга, Головушка, Ваушка Вакса, Дранда, Поляника, Сыровеня, Пальма, Кручина, Молодица, Вадаръ, Почекура, Сизиха, Шкара, Шмонка, Полька, Солдатка, Портявка, Судомойка, Почта, Голая, Жегло, Шалыга, Тараторка, Бабы-Хлопота, Катарушка, Бабушка, Копейка, Похлебка, Шахунъ, Комелекъ.

Происхожденіе прозвищъ различно: 1) Переходныя отъ отца къ сыну, отъ мужа къ женѣ: Вухарка — Вухаренокъ; Пальма, Бобокъ-Бобушка и т. д. 2) Производныя отъ наружныхъ качествъ: Лохматый, Мохнатый; Рачьи глаза, Сивый ключекъ и т. д. 3) Производныя отъ внутреннихъ качествъ: Горячій, Хвастушкинъ, Почта, Трещѣтка и т. д. 4) Происшедшія отъ привычки употреблять въ разговорѣ какое-нибудь слово: Ангелюха, ты мой, Милантѣй, ты мой, Голоушка и т. под. 5) Везсмысленныя, которыя здѣсь особенно любятъ. Вывезеть какой-нибудь мужикъ на сходкѣ словцо, подхватить его, къ кому-нибудь приложить — и пошла потѣха впродъ до новаго: Шахиръ, Звяга, Одуи, Едхъ-Балюхъ; Теленга, Шкара и т. д. 6) и, наконецъ, прозвища данныя вслѣдствіе неудачнаго занятія какинь-либо ремесломъ и потому обидныя: Кузнецъ, Пекаръ, Куделька, Сыровеня, Судомойка.

У мужиковъ больше прозвищъ, чѣмъ у бабъ, потому что, бабы ругаясь, употребляютъ общія ругательныя названія. У мужиковъ прозвища пріобрѣтаются на сходкахъ, въ кабацкѣ, въ артеляхъ, а бабы сидятъ больше дома, поэтому у нихъ прозвища получаютъ только наиболее извѣстныя въ какомъ-нибудь отношеніи. У нѣкоторыхъ мужиковъ и бабъ бываетъ по нѣскольку прозвищъ, характеризующихъ ихъ съ различныхъ сторонъ, напр.: Вухаренокъ (отъ отца), Ситечко (сита дѣлалъ), Прать (вм. братъ въ разговорѣ), Циленокъ (тщедушный человекъ), или — Почта (сплетница), Бабушка Вакса (сводня и сама не отказывается), Шахунъ (шибо ходить).

Николай Виноградовъ.

Судиславль (Костромск. губ. и уѣзд.)
с. Семилово.

Народныя примѣты, касающіяся погоды и сельскаго хозяйства.

Дурная погода предзнаменуется тѣмъ, что свинья носить со двора солому или протяжно хрюкаетъ.

Кошка забирается спать на печку или на горнунку къ холодной погодѣ, а если спитъ на лавкѣ или на полу и съ выставленной наружу мордой, то будетъ теплая погода.

Лошадь всхрапываетъ слегка—это тоже предвѣщаетъ сырую погоду.

Ласточки летаютъ низко надъ землею—нужно ждать дождь.

Столбы на небѣ вокругъ солнца зимою предвѣщаютъ морозъ и ясную погоду, а круги—метель.

Когда поетъ поясина, то будетъ худая погода.

Комары вечеромъ «овесъ толкутъ», т. е. летаютъ кучками на одномъ мѣстѣ, поднимаясь и снова опускаясь—это значить, что завтра будетъ ведро.

Если появляется на небѣ послѣ дождя радуга, то черезъ день или два снова будетъ дождь.

Если въ январѣ бываетъ ясная погода, то сѣножатъ будетъ хорошии и наоборотъ.

Если зима была суровая, то лѣто будетъ дождливое и наоборотъ: если зима была теплая, то лѣто безъ рѣзкихъ перемиѣнъ.

Лѣтомъ собака катается къ дождю, а зимой къ снѣгу.

Если зимой было много снѣга, то лѣтомъ будетъ много травы и хлѣба.

Если ворона каркаетъ на заборѣ, то будетъ дождь.

Если солнце закатывается не въ облако, то слѣдующій день будетъ ясный.

Если въ ночь на Новый годъ на небѣ соберется много звѣздъ, то уродится много ягодъ и грибовъ, а если въ крещенское утро на деревьяхъ есть иней, то будетъ много хлѣба.

Фялинъ кричитъ въ лѣсу къ ненастью.

Дымъ изъ трубъ если стелется по землѣ, то будетъ сырая погода.

Журавли кричатъ долго гдѣ-нибудь на одномъ мѣстѣ, будетъ дождь не одинъ день.

Если поднимется сильная метель, то говорятъ, что гдѣ-нибудь есть убитое тѣло.

Если мыши поѣдаютъ много сѣна, то не будетъ урожая на хлѣбъ и траву.

Если въ праздникъ Георгія Побѣдоносца въ семьѣ объѣдаютъ врознь, то и коровы у нихъ будутъ ходить врознь.

Если гусь стоитъ на одной ногѣ, то будетъ стужа, а если помочется въ водѣ, будетъ тепло.

Въ Крещеніе тепло—будетъ урожай хлѣба.

Если курица щиплетъ у себя подъ крыльемъ, то будетъ дождь.

Когда Рождество случится въ четвергъ, то лѣто будетъ сухое и неплодородное, а если въ пятницу—плодородное.

Если въ великій четвергъ подуетъ вѣтеръ съ которой-нибудь стороны, то семь недѣль не измѣнитъ своего направленія.

Лягушки квакаютъ къ дождю.

Сѣра въ ушахъ кипитъ передъ дурной погодой.

Если мыши ѣдятъ у печенаго хлѣба нижнюю корку, то хлѣбъ будетъ дешевый, а если верхнюю—дорогой.

Если Вербная недѣля бываетъ ненастная, то весна будетъ красная.

Если въ Ильинъ день будетъ дождь, то рожь нужно сѣять рѣдко, и годъ будетъ помокливый.

Рогатый мѣсяць—морозъ.

Если въ лѣсу дорожки покроются плѣсенью, то будетъ много грибовъ.

Если снѣгу осенью нанести раю, то и весна начнется рано.

Если хлѣбъ будешь сѣять въ дождикъ, то много наростетъ сорныхъ травъ.

Если 9 марта утромъ будетъ морозъ, то еще будетъ 40 морозовъ.

Если прилетѣвшія птицы весной сразу начинаютъ вить гнѣзда, то весна будетъ теплая.

Если остріе топора или пояса потемнѣетъ, то будетъ дождливая погода.

Если въ лѣсѣ крикнуть, и эхо раздается далеко, то будетъ ведро.

Если на вербовой недѣлѣ бываетъ холодно, то весна будетъ теплая.

Если зима стоитъ холодная, то лѣто будетъ жаркое

Частыя вьюги и метели зимою предвѣщаютъ дождливое лѣто.

Если ночью на Рождество небо будетъ ясно и усѣяно множествомъ звѣздъ, то годъ будетъ обильный: хлѣбъ родится хорошо, въ огородахъ будутъ овощи, а въ лѣсу народится много грибовъ и ягодъ.

Если падаетъ снѣгъ, когда совершаютъ крещенское водосвятіе, то въ этотъ годъ будетъ обиліе плодовъ земныхъ.

Если въ мартѣ бываютъ метели, то будетъ плохой урожай травъ.

Кошка скребетъ когтями къ дурной погодѣ.

Если зимою на деревьяхъ много инею, то будетъ хорошій урожай плодовъ.

Овесъ нужно сѣять, когда лягушки квакаютъ.

Когда надъ рѣкою есть туманъ, то онъ предвѣщаетъ хорошую погоду, а отсутствіе тумана предвѣщаетъ несчастье.

Яровой хлѣбъ нужно сѣять до тѣхъ поръ, пока листь на березѣ не выростетъ съ копейку.

Вольшой разливъ рѣкъ обѣщаетъ обильный урожай травъ.

Въ день Евдокія (1 марта) катаютъ комокъ снѣгу, величиною съ дѣтскую голову.

Если этотъ комокъ растаетъ за день, то лѣто будетъ теплое.

Косить не нужно начинать въ постный день.

Въ Казанскую не нужно метать сѣна: оно сгоритъ.

Поздній цвѣтъ мяты обѣщаетъ пчеловодамъ хорошій сборъ меда

Если въ который годъ лягушки не квакаютъ, то будетъ голодъ.

Если на сляхъ много шишекъ, то въ этомъ году будетъ много садовыхъ яблокъ.

Когда увидятъ перваго навознаго жука, то глядятъ, подъ которыми ногами у него больше дѣтей: если больше подъ передними ногами, то яровые хлѣба нужно сѣять раньше, а если подъ задними—позже.

Для того, чтобы родился длинный лѣнь, нужно женщинѣ прокатиться въ масле.

Когда зимою бываютъ большіе насты, то въ этомъ году родится много ячменя.

Примѣты, приуроченныя къ недѣльнымъ днямъ въ году. Нѣсколько нитокъ, на-пряденныхъ лѣвою рукою въ великій четвергъ, привязываютъ въ лѣсу къ березѣ такъ, чтобы на каждого члена семьи приходило по наткѣ, а связываютъ ихъ въ Троицынъ день. Если завязанная на кого-нибудь изъ семейныхъ нитка потеряется, то тотъ человекъ въ этомъ году умретъ.

Въ великій четвергъ рано утромъ, еще до свѣта, ходятъ за муравейникомъ, приносятъ его и кладутъ въ хлѣвъ, въ которомъ находятся овцы, чтобы онѣ лучше велись. Въ этотъ же день до восхода солнца купаются въ водѣ, чтобы тѣло было чище.

Въ великій четвергъ встаютъ до восхода солнца, умываются съ серебра, что-бы лицо было чище.

Въ великій же четвергъ до солнца смотрятъ, какъ на дворѣ лежитъ скотина: которая лежитъ головою на западъ, та благополучно прогуляетъ все лѣто, а если въ какую нибудь другую сторону, то что нибудь случится.

Въ этотъ же день считаютъ деньги до восхода солнца, что-бы онѣ не перевелись.

Еще въ этотъ день въ деревняхъ оббѣгаютъ три раза кругомъ дворовъ, чтобы коровы ходили ночевать домой; при этомъ стараются не упасть, въ противномъ же случаѣ коровы будутъ умирать (отъ падежа или отъ звѣря).

Если въ именины заплачешь, или будетъ въ чемъ-нибудь неудача, то весь годъ будетъ неудача.

Новг. г., Череп. уѣзда
с. Улома.

В. А. Антиповъ (учитель).

Примѣты и повѣрья.

Когда умершаго человѣка унесутъ на кладбище, то въ этомъ домѣ, послѣ выноса умершаго, изъ оставшихся, родныхъ, дома умершаго, должно посидѣть одному человѣку, хотя недолго на томъ мѣстѣ, гдѣ умершій болѣе сидѣлъ, и этому человѣку, который сидитъ, не дозволено глядѣть во слѣдъ покойника, доколѣ его не унесутъ изъ глазъ дома, т. е. не видно будетъ изъ окна, гдѣ умеръ покойникъ. Послѣ этого полъ въ домѣ, гдѣ былъ умершій,—моется холодною водою.

Обычай сидѣнія на лавкѣ послѣ умершаго и обливаніе водою пола дома очень древній и имѣетъ слѣдующее, какъ мнѣ пришлось узнать, значеніе. Въ прежнее время, годовъ 75-ть тому назадъ, какъ мнѣ передавали старожилы, дѣлалось такъ: когда вынесутъ изъ дома умершаго, то по полу избѣ выливаютъ воду, вѣря въ то, что душенька умершаго уже въ домъ назадъ черезъ воду не вернется, почему и въ настоящее время и говорятъ, что надо полъ облить, а не вымыть, почему и не моется полъ, какъ обыкновенно его моютъ, а только обольютъ водою холодной да подотрутъ его. Сидѣть на мѣстѣ умершаго должно лицо старшее годами изъ оставшихся лицъ родныхъ умершаго,—это то значеніе имѣетъ, что душенькѣ умершаго и мѣста уже въ домѣ этомъ нѣтъ, и мѣсто уже занято другой личностью. Всѣ эти обычаи очень старинны и строго мною проверены. Еще существуетъ повѣрье, будто-бы умершій, у котораго глаза бывають открыты, выглядываетъ къ себѣ на тотъ свѣтъ кого-либо изъ родныхъ или изъ сосѣдей. Для этого, во умилоствленіе покойника, родные умершаго закрываютъ глаза мѣдными деньгами, кладутъ на каждый глазъ умершаго по монетѣ, и замѣчательно, что у такихъ умершихъ бываетъ наложено денегъ болѣе другихъ¹⁾, какъ будто-бы хотять умилоствивить покойника деньгами. Обычай очень то-же старый—класть покойнику во гробъ деньги.

К у р и ц а.

Если у кого бывасть, что курица и пѣтухъ будутъ ходить къ сосѣду во дворъ, а отъ своего двора отвыкнуть, то, чтобы не ходилъ пѣтухъ или кура на чужой дворъ, для этого дѣлають слѣдующее: возьмутъ поймають пѣтуха или куру и отъ ихъ хвостовъ отстригутъ перьевъ и эти перья сожгутъ въ печи дома хозяина, чьи куры, и затѣмъ, для того, чтобы несли яйца въ своихъ гнѣздахъ, то образовавшійся отъ сжженія перьевъ хвоста пепелокъ кладутъ въ куриныя гнѣзда. Нѣкоторыя куры имѣють обыкновеніе нести яйца въ неизвѣстныхъ для хозяевъ мѣстахъ, то для этого принимаютъ, чисто практическую мѣру, а именно: возьмутъ соли и положатъ въ задній проходъ курицы, которая вскорѣ послѣ этого и покажетъ свое гнѣздо. Эти примѣты практикуются между сельскою интеллигенціей до настоящаго времени.

Хозяинъ—домовой.

Когда идутъ покупать корову или лошадь, то выходятъ во дворъ и, обратясь къ сѣверной сторонѣ двора, произносятъ слѣдующія слова: «Хозяинушка, батюшка, пойдемъ къ намъ корову покупать». Еще существуетъ повѣрье: никогда не должно во дворѣ, гдѣ стоитъ скоть, ставить ясли къ ночной, какъ говорятъ, сторонѣ, а всегда ясли должны быть поставлены къ полуденной сторонѣ, такъ какъ ночная сторона двора нашимъ народомъ признается стороной, гдѣ присутствуетъ домовой, а скоть, когда будетъ поставленъ къ яслямъ, то будетъ беспокоить домового, за что домовой не бу-

¹⁾ У насъ всегда, кто ни придетъ, къ умершему кладутъ во гробъ деньги.

детъ скотину любить и можетъ ей сдѣлать зло, если она будетъ стоять у яслей, которыя находятся во дворѣ и поставлены въ ночную сторону, т. е. къ сѣверу.

Но когда ясли стоятъ у полуденной стороны двора, то, хотя домовый и не любитъ скотъ, по всё - таки онъ не можетъ сдѣлать ничего скоту. Провѣряя это повѣрье, я почти въ каждомъ дворѣ находилъ, что ясли стоятъ къ полуденной сторонѣ, а не къ сѣверной.

1901 г. 13 ноября. С. Корма, Рыб. уѣзд.

П р и р о д а х ъ.

У нашего народа, Николокоршской вол., какъ только замѣтить, что наступаютъ у женщины роды, по обыкновенію посылаютъ за бабкой—повитухой. По прибытіи повитухи въ домъ роженицы начинаются приготовленія къ родамъ: прежде всего повитуха развязываетъ у роженицы всѣ узлы, которые находятся у роженицы въ разныхъ мѣстахъ ея одежды. Первоначально развязывается узелъ по головѣ въ волослетѣхъ, и при этомъ коса у роженицы распускается. Развязываются узлы на юбкахъ, на фартукахъ, хотя они и не надѣты. Все это дѣлается для того, что-бы легче было родить. Если дѣлаются роды трудными, то первоначально осматриваютъ, нѣтъ-ли у роженицы завязаннаго узла на ея одеждѣ.

Попавшаяся мышъ въ колодезь.

Если у кого попадется мышъ въ колодезь, то по принятому обычаю отчерпываютъ 40 ведеръ воды изъ колодезя, и въ мѣстности, гдѣ близко до священника, зовутъ его освятить колодезь; но большею частію обходятся безъ приглашенія священника и дѣлаютъ такъ: вольютъ Богоявленской воды въ колодезь и послѣ этого начинаютъ употреблять для питья воду. Но въ обыденной жизни нашего народа и попавшаяся мышъ въ колодезь имѣетъ свое назначеніе, такъ на примѣръ: говорятъ, что никогда мышъ не должна упасть въ колодезь, если кто не побываетъ у колодца съ кускомъ чего-либо съѣстнаго. Почему весьма многіе хозяева изъ этого случая вывели про себя слѣдующую примѣту: у хозяина, чей колодезь, если попадется мышъ въ него, и онъ имѣетъ работницу,—то это значитъ, его работница воровка, въ утайку воруетъ съѣстное и, идя на колодезь, обриваетъ крохи своей ѣды. Сосѣди-же этого хозяина говорятъ, что худо жить тому человѣку, въ домѣ котораго ходитъ по воду, въ чей колодезь попалась мышъ и т. п.; и надо замѣтить, что повѣрье это весьма распространено въ нашей мѣстности.

Такъ же существуетъ повѣрье, если мыши съѣдятъ что либо дѣльное или прогрызутъ сундукъ,—то это къ худу. Мышь у насъ считается самымъ вѣрнымъ примѣчаніемъ къ чему-либо къ худому для той семьи, гдѣ она появляется въ неуказанномъ ей мѣстѣ, но если появляются въ домѣ черные тараканы, то это признакъ благополучія въ домѣ, и если кто замѣтитъ, что тараканы выбираютъ изъ дома и переползаютъ черезъ дорогу, то это самый вѣрный признакъ пожару. Повѣрье распространенное.

Противъ зубной боли.

У кого болятъ зубы, то этотъ человѣкъ долженъ у кого либо изъ умершихъ дѣтей взять безымянный палецъ правой руки мертвеца и этимъ пальцемъ потереть десны больныхъ зубовъ, и послѣ де этого зубы не будутъ никогда болѣть. Отъ болѣзни зубовъ дѣлаютъ еще слѣдующее. Больной зубами долженъ сходить къ дереву, растущему въ полѣ или въ лѣсу, и дерево это должно быть осина или же рябина. Подойдя къ дереву, больной долженъ зацепить дерево, т. е. посять верхнюю кору и изъ подъ

коры взять отъ дерева щепочку и эту щепочкою расковырять больные зубы, да такъ, чтобы отъковыранны была кровь, и потомъ эту щепочку кладеть больной подъ кору и перевязываетъ дерево мочалкой или бересточкомъ, произнося слова: «тебѣ, дерево, не стоять, а мнѣ зубы не болѣть», и послѣ этого никакъ нельзя ѣсть рябины, — въ противномъ случаѣ зубы будутъ всегда болѣть. Повѣрье распространенное.

Заговоръ противъ укуса змѣй.

Весьма распространены у нашего народа заговоры противъ укуса змѣй; хотя я и описывалъ ранѣе это повѣрье, но что касается полного знакомства съ этимъ заговоромъ, мнѣ только недавно пришлось узнать, какъ это дѣлается заговариваніе. Личность, которая ужалена змѣєю, должна идти, нисколько не теряя времени, къ заговорщику. По приходѣ къ заговорщику, послѣдній ведетъ больного въ отдѣльную избу или горницу, засвѣчаетъ лампадочку у св. иконъ, рѣжетъ отъ цѣльнаго короваго чернаго хлѣба часть—горбушку и эту отрѣзанную горбушку беретъ въ лѣвую руку, а въ правую руку беретъ ножикъ, которымъ рѣжутъ хлѣбъ; затѣмъ тупой стороною ножа по мягкой сторонѣ горбушки, т. е. отрѣзанной, дѣлаетъ крестъ и при этомъ читаетъ молитву «Отче нашъ». Прочтавъ молитву, дѣлаетъ крестъ тупой частью ножа вторично на хлѣбѣ и читаетъ опять молитву «Отче нашъ», и такъ-же и въ третій разъ. Послѣ этого прикладываетъ къ больному мѣсту человѣка, укушеннаго змѣєю, горбушку хлѣба и дѣлаетъ на мѣстѣ укуса хлѣбомъ крестъ, повторяя это до трехъ разъ, и любопытно то, что эту горбушку непремѣнно надо съѣсть. Горбушка употребляется одна и та же, на которой дѣлалъ заговорщикъ ножомъ крестъ, и этою-же горбушкою прикладываетъ къ больному укушенному змѣєю мѣсту, и эту-же горбушку долженъ больной съѣсть. Дѣлается это и заочно и также и для скота дѣлають такой же заговоръ, но только непремѣнно надо, чтобы, во-первыхъ, горбушка была приложена къ мѣсту укуса, и, во-вторыхъ, сдѣланъ былъ-бы заговорщикомъ на ней крестъ, и при этомъ, надо, чтобы укушенный змѣею человѣкъ горбушку съѣлъ. Дѣтямъ посыпають сахарнымъ пескомъ горбушку хлѣба или намазываютъ вареньемъ, медомъ и т. п., только бы ребенокъ съѣлъ этотъ хлѣбъ. Обычай этотъ весьма распространенный въ нашей мѣстности и къ переживанію не клонится.

Ив. Костоловскій.

Молитва отъ лихорадки (кумохи).

На морѣ на дѣнѣ, на горѣ на Сіѣнѣ лежитъ камень арлатскій. На томъ-то на камнѣ сидятъ три святителя: Петръ, Павелъ, Никола Милосливый. Мимо нихъ идутъ двѣ дѣвицы, двѣ на десять, дурныя, нехорошія, косматіи, простоволосіи. Они и спрашиваютъ ихъ: «Что вы за люди?»

— «Мы Ардатовы дочери». «Куда вы идете?»

— «Въ міръ хрещеный, во родѣ кости ломать, мозги выжимать, кристіанскую кровь проливать». И били они ихъ желѣзными прутьями, приговаривая: «Не ходите въ міръ хрещеный, не ломайте во родѣ кости, не выжимайте мозги, не проливайте кровь кристіанскую». Кто будетъ эту молитву по три раза на день читать, къ тому лихорадка на 40 сажень не подойдетъ.

Молитва отъ упорѣза.

Господи, благослови, руду заговори. Ты, воръ, не кражь и ты, руда, не кажь. Трижды читается.

Обѣ молитвы записаны отъ женщины 50 лѣтъ изъ деревни Вязьмино, Александровскаго уѣзда, Владим. губ. Сама она узнала ихъ отъ старухи, умѣющей заговаривать. Мнѣ сообщилъ С. А. Белоцвѣтовъ.
(Отъ Чернышева).

Д о м о в о й.

Домовой бываетъ въ каждомъ домѣ. Проживаетъ онъ по преимуществу на дворѣ и имѣеть отношеніе больше къ скоту, чѣмъ къ хозяину. Наружный видъ домового такой же, какъ и у хозяина дома: если хозяинъ черноватый, то и домовой брѣяетъ. Хозяева стараются приобрѣтать скотъ соответствующей масти, потому что домовой не любитъ животныхъ, окрашенныхъ въ иной цвѣтъ, различный съ его цвѣтомъ. Крестьяне говорятъ, что домовой, не влюбившій корову или лошадь, можетъ замучить ихъ. Поэтому, когда животное начинается, повидимому, безъ причины хирѣть, то говорятъ: «Она не ко двору», т. е. домовой не влюбилъ ее. Но бываетъ и такъ, что лошадь или корова, по мнѣнію хозяина, по цвѣту удовлетворяютъ вкусамъ домового, а между тѣмъ имѣютъ хворый видъ. Тогда хозяинъ говоритъ, что лошадь у него испортилъ лихой человекъ, т. е. колдунъ.

Домовой, не влюбившій животное, начинается его бить чѣмъ ни попало, гонять по двору, плевать на него, чѣмъ имѣеть для животнаго роковое дѣйствіе.

Покровскій у., Владим. губ., подѣ Киржачемъ.

Разсказъ старухи о томъ, какъ она видѣла лѣшаго.

Какъ-то я осенью пошла сушить овинъ. Разложила теплинку, легла да и задремала чуточку. Вдругъ слышу, что-то шумитъ сверху. Гляжу, а въ подлазѣ лѣзетъ лѣшій, весь замерзшій, въ сосулькахъ. Подошелъ ко мнѣ и говоритъ: «Вотъ погрѣюсь да уйду, погрѣюсь да уйду». Я была сама не въ себѣ. А онъ сталъ отогрѣваться, съ него такъ и потекло, всю теплинку у меня и залилъ, потомъ ушелъ. А я безъ памяти прибѣгла домой.

Покровскій у., Влад. г., подѣ Киржачемъ.

Л е т у н ь.

Летунъ—чортъ, являющійся неожиданно вдовамъ въ видѣ человека, совершенно похожаго на ихъ покойнаго мужа. Летунъ для другихъ чортъ, а для вдовъ имѣеть образъ мужа. Онъ летитъ въ видѣ огненной массы и разсыпается надъ тѣмъ домомъ, гдѣ ему нужно быть.

Покровскій у., Владим. губ., подѣ Киржачемъ.

Вѣрованіе въ летуна существуетъ и въ Юрьевскомъ у., Владим. губ.

Сообщилъ Е. Ѡ. Бѣдога.
(Отъ Чернышева).

GNI
Z5
v.11
no. 3-4

DATE DUE			

